PROBLEMS OF GEOGRAPHY

135

GEOGRAPHY OF POPULATION AND SOCIAL GEOGRAPHY

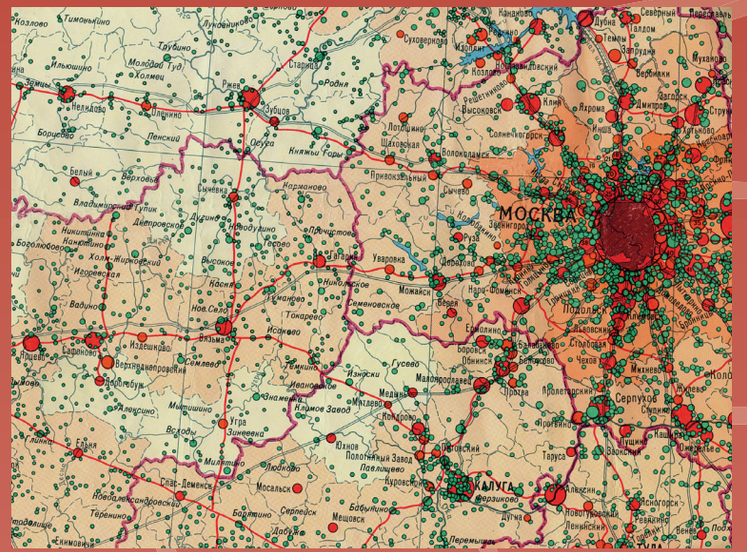
ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ

135

ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ

135

ГЕОГРАФИЯ НАСЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ



Сергей Александрович Ковалев
(1912–1997)

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY

PROBLEMS OF GEOGRAPHY

The collected scientific works were founded in 1946 at the initiative and under the guidance of N.N. Baranskiy at the Moscow branch of Geographical Society of USSR. Publication of the series was resumed in 2009 as the Russian Geographical Society edition

EDITORIAL BOARD:

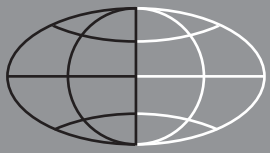
V. Kotlyakov
N. Kasimov
P. Baklanov
V. Rumyantsev
S. Dobrolyubov
K. Dyakonov
A. Chibilyov
A. Shmakin
V. Razumovsky
A. Tishkov
K. Chistyakov
A. Postnikov
L. Ovchinnikova

ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ

Научные сборники, основанные в 1946 г. по инициативе и под руководством Н.Н. Баранского в Московском филиале Географического общества СССР. Серия возобновлена в 2009 г. как издание Русского географического общества

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик *В.М. Котляков* (председатель)
академик *Н.С. Касимов* (заместитель председателя)
академик *П.Я. Бакланов*
академик *В.А. Румянцев*
член-корреспондент РАН *С.А. Добролюбов*
член-корреспондент РАН *К.Н. Дьяконов*
член-корреспондент РАН *А.А. Чибилёв*
член-корреспондент РАН *А.Б. Шмакин*
доктор географических наук *В.М. Разумовский*
доктор географических наук *А.А. Тишков*
доктор географических наук *К.В. Чистяков*
доктор технических наук *А.В. Постников*
Л.Е. Овчинникова



PROBLEMS OF GEOGRAPHY

Volume **135**

To the centenary
of the birth
of Professor S.A. Kovalev

Geography of Population and Social Geography

Editorial board:
A. Alekseev
A. Tkachenko
A. Aguirrechu
O. Glezer
S. Safronov
A. Popov

MOSCOW
«Kodeks» Publishing House
2013

ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ

Сборник **135**

Посвящается столетию
со дня рождения
профессора С.А. Ковалева

География населения и социальная география

Редколлегия:
доктор географических наук А.И. Алексеев (отв. ред.)
доктор географических наук А.А. Ткаченко (отв. ред.)
кандидат географических наук А.А. Агирречу
кандидат географических наук О.Б. Глезер
кандидат географических наук С.Г. Сафронов
А.А. Попов

МОСКВА
Издательский дом «Кодекс»
2013

УДК 910
ББК 26.8
В 74

Рекомендовано Ученым советом Русского географического общества

Рецензенты:
доктор географических наук А.П. Катровский,
доктор географических наук Т.Г. Нефедова

В 74 **Вопросы географии** / Моск. филиал ГО СССР / Русское геогр. об-во. – М., 1946–
Сб. 135: География населения и социальная география / Отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. – М.: Издательский дом «Кодекс», 2013. – 552 с.

Сборник посвящен столетию со дня рождения выдающегося российского (советского) географа Сергея Александровича Ковалева. В течение почти 20 лет он возглавлял редколлегию серии «Вопросы географии». С.А. Ковалев – один из создателей современной отечественной географии населения, один из зачинателей географического изучения сферы обслуживания и комплексных географических исследований сельской местности, основатель научной школы в области изучения сельского расселения и социальной географии.

Сборник содержит статьи по различным вопросам географии населения и социальной географии. В начале сборника помещены воспоминания о С.А. Ковалеве. Публикуются также не издававшиеся ранее его работы.

Problems of Geography / Russian Geographical Society Moscow Center. – Moscow, 1946–
Vol. 135: Geography of Population and Social Geography / Editors-in-Chief A.I. Alekseev, A.A. Tkachenko. – Moscow: «Kodeks» Publishing House, 2013. – 552 p.

The collection is devoted to the centenary of the birth of outstanding Russian (Soviet) geographer Sergey Aleksandrovich Kovalev. For nearly 20 years he headed the Editorial Board of the «Problems of Geography» series. S.A. Kovalev is one of the founders of modern Russian geography of population, a pioneer of the service sector geographical studies and complex geographical research of rural areas, the founder of a scientific school in the field of rural settlement and social geography.

The collection includes articles on various issues of the geography of population and social geography. It begins with the memories about S.A. Kovalev. His unpublished works are also included in the book.

ISBN 978-5-90-428030-7

© Авторы статей, 2013
© Русское географическое общество, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 13

А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. Жизнь в географии
(О Сергее Александровиче Ковалеве) 15

Г.М. Лаппо, Ю.Г. Симонов, Е.Е. Лейзерович, А.И. Корецкая, Д.Н. Лухманов, С.Е. Ханин, Г.С. Гужин, Ф.З. Мичурина, Ю.Д. Дмитревский. Воспоминания о С.А. Ковалеве 37

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕОГРАФИИ НАСЕЛЕНИЯ

О.В. Шульгина. Историко-географические аспекты
в научном творчестве С.А. Ковалева 66

Е.Е. Лейзерович. Опыт количественной оценки
территориальной концентрации населения мира 72

Л.Б. Карачурина, Н.В. Мкртчян. Изменение численности
населения административных районов и городов России
(1989–2010 гг.): центро-периферийные соотношения 82

К.В. Аверкиева. Сельская местность Нечерноземья:
депопуляция и возможные пути адаптации к новым условиям 108

ПРОБЛЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ

С.А. Ковалев. Развитие сельского расселения в Советском Союзе 126

С.А. Ковалев. Заключение по разделу Генеральной схемы
расселения, посвященному сельскому расселению 148

Карты сельского расселения Европейской части СССР
в 1926 г. и Европейской России в 2002 г. 157

Г.М. Лаппо. Монофункциональные города: состояние и проблемы 160

С.Е. Ханин. Потенциал места: поиск ответа на вопрос
о роли ЭГП в развитии населенного пункта 176

Ж.А. Зайончковская, Г.В. Иоффе. Динамика расселения
в Московском регионе как отражение постсоветских трансформаций ... 188

О.Б. Глезер. Система местного самоуправления как составная часть институциональной среды расселения в современной России 224

А.Г. Махрова. Трансформация расселения в Московском регионе в постсоветский период.....245

А.А. Ткаченко, А.А. Фомкина, В.Н. Шаврин. Районные системы расселения Центральной России.....270

С.Н. Кузнецова, С.И. Яковлева. Транспортные условия сельского расселения.....289

А.В. Левченков. Генезис и современное состояние сельского расселения Калининградской области.....302

П.П. Турун. Основные черты трансформации сельского расселения Ставропольского края в 1959–2010 гг. 322

МИГРАЦИИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

В.М. Моисеенко. Из опыта изучения переселения крестьян на свободные казенные земли за Уралом во второй половине XIX – начале XX в. 336

И.А. Алешковский, В.А. Ионцев, Н.А. Слука. Влияние международной миграции на современное демографическое развитие России 356

Т.М. Регент. Становление российской миграционной политики 383

Л.П. Богданова, А.С. Щукина. Из опыта крупномасштабных социально-демографических исследований сельской местности Тверского региона 397

Н.А. Щитова, А.Н. Панин, В.В. Чихичин. Демографические риски южнороссийского села (на примере Ставропольского края).....407

ЭТНИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

М.С. Савоскул. Судьба российских немцев в XX веке: связь истории и географии (этапы миграции по данным переписей населения).....417

Ю.Ф. Флоринская. Трудовые мигранты – выходцы с Памира: работа и жизнь в России (по результатам исследований в Московском регионе) 443

В.С. Белозеров, Л.П. Белозерова. Этнические аспекты урбанизации на Ставрополье 464

ГЕОГРАФИЯ УСЛУГ И ПОТРЕБЛЕНИЯ

С.А. Ковалев, А.И. Алексеев, В.И. Копаев. Районирование сельской местности РСФСР по комплексу условий для территориальной организации сферы обслуживания населения 474

Н.В. Зубаревич. География сектора услуг: новые вызовы 483

С.Ю. Корнекова, Э.Л. Файбусович. Географические подходы к изучению потребления продовольствия 492

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

С.А. Ковалев. Художественные очерки – этюды о небольших городах нашей Родины 507

К.А. Павлов. Хвалынск: опыт культурно-географического изучения в рамках программы «Гений и место» 518

ХРОНИКА

А.А. Агирречу. Пятнадцать лет Ковалевских чтений 537

ПРИЛОЖЕНИЕ

Работы С.А. Ковалева 1928–1929 гг. 544

Сведения об авторах 548

CONTENTS

Introduction 13

A.I. Alekseev, A.A. Tkachenko. Life in geography
(about Sergey Aleksandrovich Kovalev) 15

G.M. Lappo, Yu.G. Simonov, E.E. Lejzerovich, A.I. Koreckaya,
D.N. Luhmanov, S.Ye. Khanin, G.S. Guzhin, F.Z. Michurina,
Yu.D. Dmitrevskii. The memoirs of S.A. Kovalev 37

GENERAL PROBLEMS OF POPULATION GEOGRAPHY

O.V. Shulgina. Historical-geographical aspects in S.A. Kovalev's
scientific works 66

E.E. Lejzerovich. Experience of a quantitative assessment
of the territorial concentration of population. 72

L.B. Karachurina, N.V. Mkrtchan. Change of population numbers in
administrative units and cities of Russia (1989–2010):
centre-periphery relationships 82

K.V. Averkieva. Rural Non-Chernozem: depopulation and possible ways
of adaptation to new conditions 108

PROBLEMS OF SETTLEMENT PATTERN

S.A. Kovalev. Evolution of rural settlement pattern in the Soviet Union 126

S.A. Kovalev. Opinion on the section of the General Scheme
of Settlement Pattern, dealing with rural settlement pattern 148

Maps of rural settlement pattern of the European part of the USSR
in 1926 and European Russia in 2002 157

G.M. Lappo. Monofunctional cities of Russia:
state-of-the-art and problems 160

S. Ye. Khanin. Locality potential: assessing the role of "economic-
geographical position" in settlement development 176

Zh.A. Zajonchkovskaya, G.V. Ioffe. Dynamics of settlement pattern in the Moscow oblast as a reflection of post-Soviet transformations 188

O.B. Glezer. Local self-government system as a component of the institutional background of settlement pattern in modern Russia 224

A.G. Mahrova. Transformation of settlement pattern in the Moscow region during the Post-Soviet period 245

A.A. Tkachenko, A.A. Fomkina, V.N. Shavrin. Settlement systems of municipal districts of Central Russia.....270

S.N. Kuznetsova, S.I. Yakovleva. Transport conditions of rural settlement pattern 289

A.V. Levchenkov. Genesis and the present-day state of rural settlement pattern in Kaliningrad oblast 302

P.P. Turun. Basic lines of transformation of rural settlement pattern in Stavropol krai during 1959–2010 322

MIGRATIONS AND DEMOGRAPHIC SITUATION

V. M. Moiseenko. The experience of studying the resettlement of peasants to free state lands eastward of the Ural Mountains in the second half of the 19 – the beginning of the 20 centuries 336

I.A. Aleshkovsky, V.A. Iontsev, N.A. Sluka. Influence of the international migration on the present-day demographic situation of Russia.....356

T.M. Regent. Formation of the Russian migratory policy 383

L.P. Bogdanova, A.S. Schukina. Large-scale social and demographic researches of rural areas of Tver oblast.....397

N.A. Shchitova, A.N. Panin, V.V. Chichikhin. Demographic risks of a South Russian village (case study of Stavropol krai) 407

ETHNIC GEOGRAPHY

M.S. Savoskul. Russian Germans in the 20 century: links between history and geography (stages of migration according to population censuses).....417

Yu.F. Florinskaya. Labor migrants – natives from Pamir:
their work and life in Russia (the results of studies in the Moscow region)...443

V.S. Belozerov, L.P. Belozerova. Ethnic aspects of urbanization
in Stavropol krai.....464

GEOGRAPHY OF SERVICES AND CONSUMPTION

S.A. Kovalev, A.I. Alekseev, V.I. Kopaev. Regionalization
of the countryside of the RSFSR on a set of conditions
for the territorial organization of service sector 474

N.V. Zubarevich. Geography of service sector: new challenges 483

S.Yu. Kornekova, E.L. Fajbusovich. Geographical approach
to studying of the consumption of foodstuffs 492

GEOGRAPHICAL SKETCHES

S.A. Kovalev. Art sketches – etudes about small cities of our Motherland.....507

K.A. Pavlov. The town of Khvalynsk: an experience
of cultural-geographical study under the «Genius loci» program. 518

CHRONICLE

A.A. Aguirrechu. Fifteen years of Kovalevskie readings.....537

APPENDIX

Works of S.A. Kovalyov, 1928–1929. 544

About the authors.....548

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сто тридцать пятый сборник «Вопросы географии» посвящен столетию со дня рождения выдающегося отечественного географа, профессора Московского университета, доктора географических наук Сергея Александровича Ковалева (1912–1997), который в течение двух десятилетий возглавлял редколлегию сборников «Вопросы географии».

С.А. Ковалев – один из создателей современной отечественной географии населения, один из инициаторов и лидеров процесса социологизации – превращения экономической географии в социально-экономическую. Он принадлежит к числу тех немногих ученых, чьи труды на деле, а не путем призывов и деклараций обеспечили эту трансформацию и на протяжении нескольких десятилетий определяли облик географии населения и всей социальной части географической науки в нашей стране. И сегодня его труды не являются мертвой классикой, составляя надежный базис географических исследований расселения, сельской местности, социальной инфраструктуры, различных аспектов образа жизни населения. В 2003 г. издательством «Ойкумена» (г. Смоленск) были выпущены «Избранные труды» С.А. Ковалева.

Предлагаемый сборник составлен из работ коллег, учеников и последователей Сергея Александровича. Во вводной статье отражены основные моменты его биографии и сделана попытка дать представление о нем как человеке и ученом. Затем следуют воспоминания хорошо знавших Сергея Александровича людей – работавших с ним или учившихся у него.

Основную часть сборника составили статьи, посвященные общим вопросам географии населения, проблемам расселения, миграции и демографического развития, а также вопросам этнической географии, географии обслуживания и потребления. Завершают основную часть сборника географические очерки-тексты, занимающие пограничное положение между научными и художественными произведениями. Среди работ основной части два ранее не публиковавшихся текста С.А. Ковалева, одна, тоже не публиковавшаяся работа, написанная вместе с учениками, и русский текст статьи, опубликованной в 1970 г. в журнале «Geoforum» на английском языке. Представлены карты сельского расселения по данным переписей 1926 и 2002 гг.: первая составлена С.А. Ковалевым, вторая является повторением его работы.

В конце сборника, в разделе «Хроника» приведена информация о ежегодных Ковалевских чтениях, проводимых комиссией социальной географии, географии населения и поселений Московского городского отделения РГО совместно с кафедрой экономической и социальной географии России географического факультета МГУ. Многие из включенных в сборник работ в разные годы докладывались на этих чтениях. В Приложении воспроизведены статьи из газеты «Советский статистик», написанные Сергеем Ковалевым в возрасте 16–17 лет.

Редколлегия сборника выражает признательность коллегам, оказавшим помощь в подготовке и выпуске сборника: к.г.н., ведущему научному сотруднику кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ М.С. Савоскул, выпускнице кафедры Е.С. Гусевой, а также аспирантке кафедры Е.В. Карловой, расшифровавшей рукописи художественных очерков Сергея Александровича.

Редколлегия сборника

А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко

ЖИЗНЬ В ГЕОГРАФИИ (О СЕРГЕЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ КОВАЛЕВЕ)

С.А. Ковалев (1912–1997) родился в г. Тюкалинске (тогда – Тобольской губернии, ныне – Омской области) в семье ссыльных интеллигентов-разночинцев. Мать, Ольга Васильевна Гомболевская (1883–1948), происходила из обрусевшей семьи ссыльных поляков (ее отец был в Самаре земским агрономом) и после окончания гимназии поступила на Высшие (Бестужевские) курсы в Петербурге. Отчисленная оттуда в 1904 г. по политическим мотивам уехала за границу, в Швейцарию, и окончила там Женевский университет. Вернувшись в Россию, преподавала в сельских школах Самарской губернии. Там она и познакомилась со своим будущим мужем, Александром Васильевичем Ковалевым (1877–1955), сыном зажиточного крестьянина Саратовской губернии, который тоже работал сельским учителем. Видимо, его деятельность показалась предосудительной представителям власти, и он был выслан в административном порядке в Сибирь – правда, относительно недалеко, на юг Тобольской губернии. Его невеста поехала за ним в ссылку, там они обвенчались, и в 1912 г. родился их первенец Сергей. В следующем году семье было разрешено переехать в Вятку, где и прошли детские годы С.А., который говорил про себя: *«Я – вятич»*.

Отец работал в различных земских учреждениях, после революции − в статорганах, занимался статистическими обследованиями, выпустил несколько книг по их результатам. Хорошее знание статистики, уважение к цифрам, ответственность за приводимые данные – все эти качества С.А., видимо, берут начало в его детских впечатлениях от работы отца, о котором он всегда вспоминал с огромным уважением и любовью.

В школу С.А. пошел в 1920 г. в Вятке. В 1922 г. семья переезжает в Москву, где С.А. в 1927 г. заканчивает семилетку и поступает на учетно-экономическое отделение промышленно-экономического техникума. Об этом времени он порой вспоминал на своих лекциях по курсу «Основные показатели народного хозяйства»: как во время производственной практики (он работал учетчиком) ему пришлось столкнуться с огромным разнообразием потребностей цеха. В годы учебы в техникуме С.А. начинает заниматься исследовательской ра-

ботой и публикует несколько небольших статей в газете «Советский статистик» (см. Приложение).

С 1931 г., после окончания техникума, С.А. работает в различных проектных организациях: Республиканском объединении общего машиностроения, тресте «Лесобуммашина», с 1935 по 1946 г. – в проектной конторе «Росметаллопроект», где в должности старшего экономиста, а с 1938 г. − начальника технико-экономической группы занимается планированием и проектированием предприятий, во время войны – размещением эвакуированных заводов.

Вместе с «Росметаллопроектом» с октября 1941 по май 1942 г. С.А. находился в эвакуации в Уфе. В армию его не призвали из-за высокой близорукости. В его «Трудовом списке» (это предшественник трудовых книжек) в графе «Призыв в РККА» отмечено, что *«22 декабря 1933 г. он признан негодным со снятием с военного учета»*. В 1941 г. он вступает в Москве в народное ополчение, но вскоре его комиссуют и оттуда.

* * *

По словам С.А., на заочное отделение географического факультета МГПИ им. В.И. Ленина в 1938 г. он поступил (процитируем автобиографию 1959 г.), *«чувствуя глубокий интерес к вопросам экономической географии, с которыми сталкивался, работая по перспективному планированию и выбору площадок для новых предприятий…»*.

Но серьезный интерес к географии был у С.А. и раньше. В его архиве сохранились замечательные карты, выполненные цветными карандашами. Хотя на них нет дат, их можно уверенно отнести к школьным годам. Но это не школьные задания, а собственная инициатива, полет фантазии. Самая интересная – экономическая карта воображаемого островного государства с подробным изображением рельефа, гидрографической сети, городов, транспортных путей, портов, мест добычи полезных ископаемых. Понятно, что это могло выйти из-под руки только очень любившего географию подростка.

Ирина Павловна, жена младшего брата С.А. – Григория Александровича – считала, что именно они с мужем, будучи топографами, заразили С.А. интересом к полевым работам и крупномасштабным картам (сообщено ею в 1986 г.).

Наконец, «старая» статистика, в которой работал отец С.А., была, как известно, очень близка к экономической географии, а С.А. статистикой интересовался и проводил, как уже говорилось, статистиче-

ские исследования еще в годы учебы в техникуме. Так, что приход его в географию имеет скорее всего несколько причин, но проектная деятельность из них, видимо, решающая.

* * *

Из-за войны в учебе С.А. был большой перерыв. Закончив в 1946 г. географический факультет МГПИ, он сразу поступает туда же в аспирантуру к Р.М. Кабо, который именно в это время (вместе с Ю.Г. Саушкиным, Н.И. Ляликовым, В.В. Покшишевским) возрождал географические исследования населения, прекратившиеся в конце 1920-х гг. в связи с ликвидацией антропогеографии как «буржуазной науки». По совету Р.М. Кабо, которого С.А. до конца жизни считал своим учителем, он начинает изучать сельское расселение. Небезынтересно, что МГПИ С.А. окончил не просто с отличием: на «отлично» сданы все экзамены за время обучения в институте. Будучи аспирантом, в течение полутора лет он работал по договору внештатным сотрудником Центрально-Черноземной экспедиции НИИ Географии МГУ.

* * *

После аспирантуры С.А. направляют в Венгрию, в «спецкомандировку» от Минпроса РСФСР, где с декабря 1949 по июль 1952 г. он читал (с переводчиком) лекции по экономической географии СССР – в Будапештском университете, а также в Сегедском и Дебреценском университетах, куда он ездил еженедельно, совершая, как он говорил, *«кольцевые поездки»* из Будапешта. Его долгое время с теплотой вспоминали венгерские географы, избравшие С.А. почетным членом Венгерского географического общества. Работая в Венгрии, он много сделал для того, была чтобы была разрешена работа Географического общества, закрытого сразу после войны – поскольку оно «обслуживало интересы фашистского режима». В Венгрии в 1950 г. С.А. получил свое первое ученое звание – доцента Будапештского университета. Во время отпуска, 26 июня 1950 г., он защищает в МГПИ кандидатскую диссертацию «География сельского расселения в пределах Черноземного центра». Официальными оппонентами были Баранский и Саушкин. По их подбору можно судить, как высоко оценивал диссертацию Р.М. Кабо. Показательно также, что сразу после возвращения из Венгрии (летом 1952 г.), когда С.А. был в отпуске и только собирался начать поиски работы, Ю.Г. Саушкин приглашает его в МГУ.

* * *

С 1952 г. жизнь С.А. связана с кафедрой экономической географии СССР географического факультета Московского университета, где он проработал почти 45 лет. Неоднократно избирался секретарем партбюро факультета, четыре года был заместителем декана по научной работе. В то же время он сам активно занимается наукой и в 1963 г. защищает докторскую диссертацию «Основные вопросы географии сельского расселения».

Результатами этого выдающегося исследования уже на протяжении полувека пользуются практически все, кто изучает (в СССР и в современной России) сельское расселение. Высоко оценивали его и современники. Приведем выдержки из отзывов официальных оппонентов о докторской диссертации С.А. По словам М.Я. Сонина (д.э.н. из Института экономики АН СССР), «С.А. Ковалев показывает пример соблюдения самых лучших традиций русской и советской научной школы, и он сам является создателем определенной ветви этой школы, ветви, которая, несомненно, будет цвести и развиваться все больше и больше». Далее он отмечает «широкий научный кругозор автора и такое знакомство с рядом отраслей науки, смежных с географией населения, которому можно по-хорошему позавидовать». Наконец он утверждает, что одни только методические главы диссертации «без всякого преувеличения дают все необходимые основания для присуждения ученой степени доктора наук». Слова В.В. Покшишевского написаны как будто специально для истории науки: «…С.А. Ковалев по существу обеспечил само становление в СССР всего «сельского» раздела географии населения; трудно назвать сейчас даже единичные работы по географии сельского расселения, которые были бы созданы за последнее десятилетие вне прямого влияния его трудов». Отмечает он и «международное звучание идей», развиваемых С.А. Завершает отзыв следующий абзац: «С.А. Ковалев является признанным главой советской географической школы «сельских расселенцев»; представленную им сейчас диссертацию надо рассматривать как формальный повод для присвоения ему ученой степени доктора географических наук, которая им по существу давно заслужена. Я смело могу рекомендовать Ученому совету выполнить эту «формальность» и присвоить С.А. Ковалеву искомую им степень».

О том, как С.А. работал над своим основным трудом, мы знаем довольно мало. Из-за большой загруженности организационной и общественной работой ему катастрофически не хватало времени. Не удалось полностью использовать шестимесячный творческий от-

пуск, предоставляли его урывками. Часто приходилось замещать декана во время его длительных заграничных командировок. Стремясь завершить докторскую диссертацию, С.А. более двух лет добивался освобождения от обязанностей заместителя декана. И действительно, когда это удалось, через год с небольшим уже защитил диссертацию. Но при всех сложностях требования к качеству своей научной работы оставались у него самые высокие.

Вот две детали, характеризующие стиль его работы. Чтобы познакомиться с трудами классиков французской географии человека, С.А. нанимал переводчицу *(«старорежимную даму»),* которая по воскресеньям переводила ему с листа, а С.А. выборочно конспектировал перевод. Районирование сельского расселения Европейской части СССР проведено С.А. на основе сплошного детального изучения листов 300-тысячной топографической карты. А это не менее 200 листов (позднее при очередном ужесточении режима секретности эти листы пришлось уничтожить). Отличительная черта работ С.А. по сельскому расселению – внимание к каждому населенному пункту. Как вспоминали современники, его работы сразу обратили на себя внимание благодаря подробнейшим картам людности.

* * *

Труды С.А. стали основой нового направления в географии. До этого сельское расселение рассматривалось лишь как одна из составных частей «культурного ландшафта», один из элементов «наполнения территории». Работы С.А. поставили сельское расселение в центр исследования, расселение стало рассматриваться со всех сторон, со всеми взаимосвязями. В монографиях С.А. «Географическое исследование сельского расселения (Задачи, методика, материалы, специальные карты расселения)» (1960) и «Сельское расселение (географическое исследование)» (1963) убедительно показано теоретическое и практическое значение изучения сельского расселения, освещены история и основные направления исследований в России–СССР и в зарубежных странах, разработаны вопросы терминологии, методики исследования, картографирования сельского расселения. Очень обстоятельно рассмотрены вопросы типологии и районирования расселения. Принципиальное значение имеет вывод о невозможности создания универсальной типологии расселения для всех целей и для любых территорий даже в пределах одной страны. Отсюда – очень ценное, но, к сожалению, не получившее широкого распространения,

понятие о синтетических «местных типах расселения», отражающих наблюдающиеся в конкретных местах сочетания «частных» типов: производственных, генетических и по внешним формам расселения.

Некоторые разделы монографий заслуживают самостоятельного издания как пособия для начинающих исследователей сельского расселения. Прежде всего это относится к фундаментальному обзору источников в третьей главе монографии 1960 г. «Историко-географические материалы для изучения сельского расселения России–СССР».

Книги 1960 и 1963 гг. иногда принимают за два издания одной работы. В действительности это далеко не так. Только разделы о методах изучения и картах сельского расселения перешли из первой монографии во вторую, но и они переработаны и расширены. В остальном же две монографии, дополняя одна другую, представляют собой разные части одного обширного исследования. В некоторых случаях можно проследить, как развивались взгляды автора. В монографии 1960 г. сельское расселение СССР характеризуется по трем широтным зонам: «земледельческая полоса», «к северу» и «к югу» от основной земледельческой полосы. В монографии 1963 г. характеристика расселения в пределах Европейской части СССР дана уже по восьми зональным типам сельского расселения. В 1974 г. система зон была распространена на всю территорию СССР. Без этой разработки трудно представить характеристику расселения в нашей стране. Она прочно вошла в золотой фонд отечественной географической науки.

Конечно, зональные типы сельского расселения Ковалева появились не на пустом месте. Им предшествовали работы В.П. Семенова-Тян-Шанского (1910), Ю.Г. Саушкина (1947), Н.И. Ляликова (1948), В.С. Валова (1958). Районирование С.А. представляет собой обобщение и дальнейшее развитие этих разработок. В его основу положено представление о связи расселения с характером освоения территории (очаговое, выборочное, сплошное). В пределах зон выделены районы расселения, различающиеся по размеру и густоте ареалов расселения и преобладающей величине сельских населенных пунктов. В пределах Европейской части СССР было выделено 56 районов расселения. Высокая степень генерализации обусловливает долговечность полученной структуры. Она не устарела за 50 лет и вряд ли устареет в обозримой перспективе.

Стоит отметить, что книги Сергея Александровича 1960 и 1963 гг. – это первые после В.П. Семенова-Тян-Шанского в отечественной географии работы монографического характера по вопро-

сам расселения. Только в 1968 г. вышли «Городские поселения СССР» Б.С. Хорева, а в 1969-м – «География городов с основами градостроительства» Г.М. Лаппо. Более того, эти книги принадлежат к числу первых «систематических» (в противоположность региональным) монографий в области географии человека, или социально-экономической (тогда – экономической) географии. Написанная в соавторстве с учениками из Узбекистана книга о сельском населении и расселении Самаркандской и Бухарской областей была первой в отечественной географии монографической региональной работой по этой теме.

Однако далеко не все интересные и потенциально, несомненно, плодотворные идеи, высказанные в работах С.А., получили должное развитие. Например, не была развита идея о местных типах расселения, не имели продолжения исследования локализации трудозатрат в сельском хозяйстве и изучение формирования населения отдельных городов и регионов. География потребления представлена всего несколькими робкими опытами. Не получила развития и почти забыта в наши дни интересная и исключительно важная идея о типах заселения территории. Впервые она была изложена в 45-м сборнике «Вопросы географии» в 1959 г. В этой работе С.А. писал о необходимости взаимосвязанного рассмотрения городского и сельского расселения и о разработке наряду с типологиями городского и сельского расселения также общей типологии расселения – выявлении различных типов заселения территории. В работе были выделены четыре основных «контрастирующих» типа заселения. Через полвека после выхода этой статьи приходится констатировать, что ситуация в отечественной географии в этом плане не изменялась: работ, посвященных сопряженному изучению городского и сельского расселения (за исключением немногочисленных исследований маятниковой миграции), почти не было.

Исключительный интерес представляет статья 1957 г. «Об экономико-географическом положении сельских поселений и его изучении». В отличие от других работ 1950-х гг. этот материал не вошел в основные монографии и оказался почти забыт. Но, когда в конце 1970-х гг. лаборатория аэрокосмических методов геофака МГУ начала разработку методики дешифрирования сельских поселений по космическим снимкам, оказалось, что самым лучшим руководством является именно эта статья С.А. Кроме детальнейшего анализа разнообразных вариантов ЭГП в ней раскрыты многие структурные и функциональные особенности сельского расселения в различных природных и социально-экономических

условиях. Видимо, впервые затронут вопрос о межселенных связях в сельской местности и о системах сельского расселения.

До наших дней сохраняют свою актуальность статьи «Типы поселений – районных центров СССР» (1962) и «Типология пригородных зон» (1971). Остается только сожалеть, что подавляющее большинство разработчиков схем территориального планирования (районной планировки) не знакомы с этими работами и не используют их в своей практике.

Прямым продолжением исследования географических особенностей сельского расселения стала серия работ С.А. по прогнозированию. Среди них выделяется статья 1974 г. «О системе прогнозных моделей в географии населения», предвосхитившая идеи системного прогнозирования. В связи с этим нельзя не сказать о хорошо выраженной его способности смотреть вперед, работать на опережение. Во многих случаях он как бы видел зарождающиеся потребности. Прогноз населения региона, по С.А. Ковалеву, должен включать прогнозные модели естественного движения, миграции, занятости и расселения. Система этих моделей должна опираться на «базовые модели» социального развития, развития и размещения хозяйства, состояния природной среды. Разумеется, эта система разрабатывалась применительно к плановой экономике, однако и в условиях рынка все взаимосвязи между ее блоками сохраняют свое значение. Модель с успехом может использоваться как методологическая основа для прогнозирования и стратегического социально-экономического планирования регионов и городов.

* * *

Благодаря своим трудам С.А. стал самым крупным в стране специалистом по сельскому расселению. Он имел огромный авторитет не только среди географов, но и среди «смежников» − градостроителей, демографов, социологов, этнографов. Всякий, кто так или иначе занимался проблемами сельского расселения, обязательно сталкивался с его трудами и, как следствие, проникался глубоким уважением к их автору. Показательно, что Т.И. Заславская в книге «Развитие сельских поселений» (1977) называет С.А. «географ и социолог». Его постоянно приглашали участвовать в различных советах и редколлегиях, звали читать лекции, просили оппонировать диссертации по различным наукам, обращались за консультациями, привлекали к экспертизе. Так, он был одним из немногих географов, официально участвовавших в государственной экспертизе Генсхемы расселения на территории СССР.

Обратной стороной известности и авторитета были случаи некорректного заимствования у С.А. мыслей и результатов исследований, о чем он неоднократно говорил − с возмущением, но без злобы, объясняя это главным образом плохой школой (т.е. недостатками научного воспитания) позволявших себе такое специалистов.

* * *

В середине 1960-х гг., не оставляя работы в области сельского расселения, С.А. начинает разработку нового направления – географии сферы обслуживания. В 1966 г. появляется его программная статья «География потребления и география обслуживания населения». В ней впервые в отечественной географии были рассмотрены (как всегда у С.А., понятно и логично) взаимосвязи таких понятий, как условия, уровень и образ жизни населения. И всем, кто в дальнейшем начинал заниматься географическим изучением этих вопросов, обращение к статье С.А. помогало прояснить для себя эти запутанные вопросы. Эту статью можно считать первым опытом системного внедрения в географию понятий современной социологии и первой работой по социальной географии в ее современном понимании. В 1974 г. С.А. организовал и провел первое (и единственное) совещание по географии сферы обслуживания. К нему был подготовлен специальный сборник «Итоги науки», а материалы совещания опубликованы двумя выпусками. Позднее (в конце 1980-х – начале 1990-х гг.) вместе со своими учениками С.А. подготовил два учебных пособия для студентов университетов по спецкурсу «География сферы обслуживания».

Быстрое и успешное развитие географических исследований сельского расселения и сферы обслуживания в значительной степени объясняется тем, что С.А. обладал редкой способностью формировать исследовательские программы новых направлений. Он не был первым, кто взялся за исследования в этих областях, но только после его работ появилась ясность, что и как надо исследовать. До сих пор и сельское расселение, и социальную инфраструктуру у нас изучают в основном «по Ковалеву».

В конце 1970-х гг. С.А. начинает разрабатывать еще одну новую тему − комплексное географическое изучение сельской местности. Его классическая статья в 115-м сборнике «Вопросы географии» (1980) стала основой этого направления.

На протяжении многих лет основным учебным курсом С.А. была география населения. Более точным он считал название «География

населения и населенных пунктов». Вместе с Н.Я. Ковальской, читавшей этот курс на вечернем отделении, по плану, составленному С.А., был написан первый и до сих пор единственный университетский учебник по этой дисциплине. Он увидел свет в 1980 г. До этого (в 1966 и 1971 гг.) было два издания учебно-методического пособия, где авторам удалось всего на 100 страницах изложить основы, по сути дела, двух современных курсов – географии населения и геоурбанистики. Уже четыре десятилетия в университетах страны география населения преподается по программе С.А., правда, официальный авторский коллектив постоянно меняется.

* * *

Огромную роль в развитии географии населения, да и всей социально-экономической географии в СССР – России сыграли первые совещания по географии населения (Москва, 1962, 1967; Пермь, 1973). С.А. вместе с В.В. Покшишевским, В.Г. Давидовичем, О.А. Константиновым, при активной поддержке Ю.Г. Саушкина, был одним из инициаторов и организаторов этих важнейших мероприятий. Когда позднее организация совещаний по географии населения перешла в другие руки, они быстро деградировали и утратили свой высокий престиж.

На проходившем в 1976 г. в Москве XXIII Международном географическом конгрессе С.А. был одним из кураторов секции географии населения и вместе с Б.С. Хоревым редактировал 7-й том материалов конгресса. Комиссия географии населения Международного географического союза неоднократно приглашала его в свой состав, но, не имея возможности участвовать в ее заседаниях (по несколько раз в год, в разных частях света), он вынужден был отказываться от этой чести и оставался ее членом-корреспондентом.

* * *

Труды С.А. по географии населения и географии обслуживания сыграли существенную роль в социологизации экономической географии, т.е. превращении экономической (в основном «хозяйственной») географии в социально-экономическую, или географию общества. Несколько его методологических статей и докладов 1970–1980-х гг. было специально посвящено осмыслению задач и путей этой «перестройки». В статье 1983 г. «География населения и социальная география», написанной совместно с авторами этих строк, предпринята попытка решить вопрос о соотношении географии населения и социаль-

ной географии. Было обращено внимание на искусственность попыток разделения географии населения и социальной географии и показано, что новые направления географических исследований, связанные с изучением образа жизни, поведения и сознания населения, логичнее рассматривать в качестве новых разделов географии населения, а не отдельной географической науки – социальной географии. Была предложена концептуальная модель предметной области географии населения. Согласно ей широко понимаемая география населения изучает свой объект – территориальную общность людей – в пяти взаимосвязанных аспектах (т.е. рассматривает пять «срезов»): состав, деятельность, сознание, размещение, расселение. Только в сочетании с размещением и/или расселением состав, деятельность и сознание населения становятся предметом географического исследования.

* * *

Важное место в научной биографии С.А. занимают экспедиционные работы. Начало им положила экспедиция МГУ 1947–1948 гг. в Черноземный Центр, давшая огромный фактический материал для кандидатской диссертации С.А. Но стоит отметить, что многочисленные командировки во время работы в проектных организациях, в том числе по размещению эвакуируемых заводов в годы войны, были близки по своей сути к экспедициям. По материалам Зеравшанской экспедиции написана упомянутая выше монография С.А. и его учеников «География сельского населения и населенных пунктов Самаркандской и Бухарской областей» (1962). Как опытный «полевик» С.А. всегда *видел* изучаемую местность со всеми взаимосвязями между природой, хозяйством и расселением. Он был настоящим представителем районной школы, хотя изучением экономических районов никогда специально не занимался. Работа в экспедициях под его руководством была прекрасной школой для студентов и аспирантов. А сам С.А. в экспедициях раскрывался как человек – внимательный ко всем, заботящийся не только о работе, но и о нормальной жизни студентов и сотрудников, очень ответственно относящийся к делу, не терпящий небрежности в работе, всегда спокойный, рассудительный и пользующийся огромным, непререкаемым авторитетом.

* * *

На протяжении многих лет С.А. занимался вопросами картографирования населения и сферы обслуживания. В соавторстве с О.А. Ев-

теевым им написано несколько работ о картах населения. Наиболее крупная из них – глава в фундаментальной монографии географического факультета МГУ «Комплексные региональные атласы» (1976).

Много времени и сил было отдано работе над региональными атласами (Целинного края, Северного Казахстана, Алтайского края и др.). Главная картографическая работа С.А., которой он по праву гордился, – «Карта населения СССР» (1977) в масштабе 1:2 500 000 (на 16 листах), выполненная по материалам переписи 1970 г. Он был одним из инициаторов ее создания, редактором и одним из основных авторов. К сожалению, новые поколения географов не знают ее, ведь она имела гриф «Для служебного пользования» и в литературе о ней почти не упоминалось, да и экземпляров карты осталось немного. А ведь это – выдающееся произведение (единственное в своем роде). На нее нанесены все города, поселки городского типа и значительная часть сельских населенных пунктов СССР (лишь в мелкоселенных районах были показаны не все поселения, а только с людностью более 50 или более 100 жителей). Эта карта впервые дала возможность (прямо по Ломоносову) все расселение страны «повергнуть единому взгляду», получить о нем целостное представление. Для многих она была просто «открытием страны»: например, рассказывали, как один из чиновников высокого ранга долго разглядывал карту и все удивлялся тому, «как много, оказывается, населенных пунктов!» – до этого, как и большинство чиновников, он пользовался только упрощенными административными картами.

Карта населения СССР послужила основой для составления многих других карт – например, для районирования сельской местности по условиям территориальной организации сферы обслуживания, для выделения типов заселения территории и т.д. Примеры типов заселения территории, впервые приведенные в учебнике «География населения СССР», взяты именно с этой карты, а теперь ее фрагменты представлены и в школьном учебнике географии России[1].

* * *

В 1982 г. по своей инициативе С.А. переходит на должность профессора-консультанта, но продолжает интенсивно работать: руководит аспирантами и докторантами, участвует в научных темах кафедры, пишет статьи и учебные пособия, выступает на конференциях, остается активным членом диссертационного совета. По-прежнему много сил и времени отдает редактированию научных изданий. В кон-

[1] Небольшой фрагмент этой карты помещен на обложке данной книги.

це 1980-х гг. он принимает деятельное участие в работе только что образованного научно-просветительского общества «Энциклопедия российских деревень», составляет для краеведов методические рекомендации по изучению и описанию сельских поселений.

* * *

На протяжении всех лет работы в МГУ (до перехода на должность профессора-консультанта) С.А. был загружен, точнее – «завален», научно-организационной и общественной работой. Выше уже говорилось о работе секретарем партбюро и заместителем декана по научной работе. Это ключевые должности в структуре факультета того времени. В 1960-х гг. С.А. был заместителем заведующего кафедрой, входил в состав редколлегии «Вестник Московского университета» (серия «География»). Более десяти лет он возглавлял экономико-географический диссертационный («специализированный», как тогда называлось) совет на геофаке. Был сначала членом, а потом и заместителем председателя экспертной комиссии ВАК. Некоторое время был даже председателем экономико-географического отделения (существовало и такое) Ученого совета географического факультета МГУ. Много лет как представитель партбюро курировал работу аспирантуры факультета. В разные годы входил в состав диссертационных советов в Институте этнографии и Институте географии АН СССР, а также в советы других научных и проектных институтов. Был редактором-консультантом (или научным консультантом) издательства «Советская энциклопедия» по вопросам географии населения, участвовал в подготовке Краткой географической энциклопедии (1960–1966), третьего издания Большой Советской энциклопедии (1969–1978), Энциклопедического словаря географических терминов (1968), Географического (1983, 1988, 1989) и Демографического (1985) энциклопедических словарей. Входил в редколлегию серии «Советский Союз: Географическое описание в 22-х томах» (1970–1972), редактировал многие коллективные работы.

Создается впечатление, что после защиты докторской диссертации объем подобной работы увеличивался лавинообразно. В одном из документов 1968 г., кстати, подписанном деканом геофака А.П. Капицей, сказано, что С.А. на тот момент был членом восьми ученых, научно-методических и координационных советов. Но С.А. вовсе не был любителем высоких должностей, сидения в президиумах, близости к власти. В 1981 г. он решительно отказался от предложения занять пост заведующего кафедрой…

Можно не сомневаться, что во всех этих советах, комиссиях, редколлегиях и т.д. С.А. работал с полной отдачей. К любому делу, за которое он брался, часто не по своей воле, он относился исключительно ответственно и обычно творчески. Этим в основном и вызывалась бесконечная череда поручений и просьб, от которых С.А. не считал возможным отказываться.

* * *

Особая сторона деятельности С.А. – работа в Географическом обществе. Он вступил в него осенью 1946 г. – сразу после зачисления в аспирантуру. Рекомендации ему дали Р.М. Кабо и Ю.Г. Саушкин, и, надо сказать, он с лихвой оправдал доверие своих учителей и старших товарищей, до конца жизни оставаясь активным *работником* Общества – именно работником, а не просто «действительным членом». Наверное, главное здесь – руководство «Вопросами географии» (об этом чуть ниже).

Свой первый доклад в Московском филиале ГО «Из итогов работ лета 1948 г. по изучению Центрального Черноземного района» С.А. сделал в соавторстве с Ю.Г. Саушкиным в конце 1948 г. (точная дата, к сожалению, не известна) на заседании комиссии географии населения и городов. Тогда же был и его первый самостоятельный доклад «Некоторые вопросы географического изучения сельского расселения» (дата тоже не известна). По этим материалам написаны две первые статьи С.А. о сельском расселении, опубликованные в 14-м сборнике «Вопросы географии».

Долгое время С.А. был членом Ученого совета МФГО, в 1978–1982 гг. возглавлял одну из ведущих комиссий филиала – комиссию географии населения. Участвовал в организации и проведении совещаний и конференций, проходивших под эгидой Географического общества, выступал с докладами. В 1980 г. на VII съезде был избран почетным членом Географического общества СССР. Выше уже говорилось об избрании почетным членом Венгерского ГО. Добавим, что он был и почетным членом ГО Сербии.

* * *

Почти 20 лет (с 1964 по 1982 г.) С.А. был председателем редколлегии издававшейся Московским филиалом ГО серии научных сборников «Вопросы географии» − одного из самых авторитетных отечественных географических изданий. На этом посту он сменил создате-

ля серии Н.Н. Баранского. За время его председательства вышло около 60 сборников. С.А. прочитывал все статьи каждого сборника.

В состав редколлегии С.А. был введен в 1959 г. Из автобиографии Баранского известно, что именно в этом году он безуспешно просил освободить его по болезни от обязанностей председателя[2]. Войдя в редколлегию, С.А. сразу же активно включился в ее работу, став (по его собственным словам) *«одной из рабочих лошадок»*. Но будучи *«рядовым доцентом»*, ни о какой руководящей роли не помышлял. *«Каково же было мое удивление*, − рассказывал летом 1978 г. С.А., − *когда вскоре после похорон Баранского* (видимо, в декабре 1963 г. − *Авт.) вызывает меня Папанин и говорит, что по желанию Баранского председателем планируется назначить меня. Я, конечно, стал возражать, но Папанин отрезал: «Изволь исполнять волю Баранского и мою!»*

Здесь будет уместно процитировать несколько строк из автобиографии Баранского, написанных им еще в 1959 г. «Уже несколько лет подбирал, кого посадить на свое место, чтобы это место не занял какой-нибудь прохвост, но так и не смог никого подобрать»[3].

Пост председателя С.А. оставил в год своего семидесятилетия. Как и Баранский, он сам выбрал себе преемника и передал руководство серией Г.М. Лаппо. Но в течение еще нескольких лет продолжали выходить сборники, в которых С.А. значился председателем, так как подготовлены они были под его руководством.

* * *

С.А. Ковалев как научный руководитель – особая тема. Студенты завидовали тем, кому посчастливилось писать у него курсовую или дипломную работу, аспиранты – тем, кому удалось поступить к нему в аспирантуру. С.А. славился тем, что внимательно читал и редактировал все написанное, подробно обсуждал все неясные вопросы. Как и все, что делал С.А., его работа с учениками была очень четко организована. Встречи с большинством из них были регулярны, и нужно было отчитаться о работе и получить новое задание, которое тут же записывалось в знаменитую тетрадку – подробнейший план жизни С.А. на ближайшее время. Работая с аспирантами и дипломниками, С.А. нередко засиживался в общежитии до позднего вечера. О том, что на географическом факультете есть такой необычный руководитель, знали не только все аспиранты-географы, но и аспиранты других факультетов МГУ.

[2] *Баранский Н.Н.* Моя жизнь в экономгеографии. – М., 2001. С. 186.

[3] Там же, с. 146.

Особенно тщательно он готовил публикации своих подопечных. На одном из собраний экономико-географических кафедр О.В. Витковский (славящийся своей требовательностью), призывая научных руководителей лучше готовить статьи аспирантов для «Вестника МГУ», отметил, что это не относится к С.А., от аспирантов которого статьи поступают в идеальном состоянии. Понятно, что происходило это не потому, что аспиранты С.А. были умнее других, а потому, что сам он не жалел времени на приведение в порядок их опусов.

Среди отечественных экономико-географов бытует понятие «школа Ковалева». Вопрос о научных школах, как известно, достаточно сложен. Недаром появилось язвительное словечко «школотворчество». Но реальность школы Ковалева не вызывает сомнения, наверное, ни у кого. К ней относят себя не только официальные аспиранты, соискатели, докторанты С.А., но и многие его дипломники, стажеры и просто пользовавшиеся его консультациями специалисты. Наконец, относят себя к «научному потомству» С.А. и некоторые из дипломников и аспирантов его учеников. Под руководством С.А. защищено более 40 кандидатских диссертаций. Многие ученики стали докторами наук.

Притягательность личности С.А. и его научный авторитет столь велики, что причастность к его школе составляет, можно сказать, определенный «личный капитал». Неоднократно приходилось сталкиваться с такими интересными фактами. Когда-то поступавшие, но по каким-то причинам не попавшие к нему в аспирантуру люди, написав и защитив диссертации в других организациях и у других руководителей, все равно причисляют себя к школе Ковалева.

Попробуем хотя бы в первом приближении сформулировать особенности этой школы. Наверное, прежде всего надо отметить ее реализм. Изучение, прежде всего объективной реальности – существующего положения дел, а лишь затем – планов, проектов, прогнозов, красивых картин светлого будущего. Казалось бы, это элементарное требование научного подхода. Но, увы, в работах по расселению многие авторы увлекались именно «нормативным» подходом: изучалось, как должно быть, а не как есть на самом деле. С.А., несмотря ни на какие «модные веяния», твердо стоял на почве реальности. Отсюда и уважение к факту, к карте и цифре, высокие требования к достоверности собранного материала.

Точность формулировок, не допускающий многозначного толкования текст, всегда четко определенные понятия – еще одна из черт

«фирменного стиля» С.А. Его научный руководитель в аспирантуре Р.М. Кабо говорил, что С.А. пишет *«так, чтобы ни одна собака не придралась»*. А сам С.А. неоднократно говорил о необходимости *«не засорять науку»*, писать, избегая многозначных трактовок.

Хотя С.А. и поставил сельское расселение в центр исследования, он никогда не рассматривал его «само по себе», вне связи с природой и населением. Он часто поправлял особо «радикальных» своих учеников, призывавших к «социальной географии» без экономической, напоминая, что все же самое главное – чем живут люди, чем они «промысливают себе пропитание». Наконец, надо сказать об открытости С.А. для всего нового – пусть даже непривычного, неожиданного. Но при этом ему была абсолютно чужда новизна ради новизны; любая научная «мода» им оценивалась критически – и «новые веяния» принимались только в том случае, если они действительно вели к углублению наших знаний.

* * *

Трудно сказать, сознавал это сам Сергей Александрович или нет, но вся его деятельность убеждает в том, что по своему характеру он был *просветителем* или даже *миссионером от географии* и миссию свою видел в том, чтобы всячески способствовать распространению географической культуры, главным образом путем передачи своих знаний всем, кому они могли быть полезны. Он всегда был готов участвовать в работе различных советов и комиссий, если чувствовал, что сможет хоть в малой степени повысить научную грамотность принимаемых решений. Ради той же цели – повышения грамотности – он соглашался выступать перед школьными учителями, беседовать с журналистами, участвовать в неинтересных ему совещаниях и в не особо престижных изданиях. Он постоянно консультировал множество обращавшихся к нему специалистов (многих из них он видел в первый раз) – из всевозможных московских организаций, из различных городов России, из союзных республик, из зарубежных стран. Но ярче всего эта черта проявлялась в работе с аспирантами, особенно из провинциальных вузов. Окружающим было не понятно, почему Сергей Александрович тратит на это столько времени, зачастую в ущерб собственной научной работе. Но, как он сам говорил, цель состояла в том, чтобы повысить уровень научной грамотности учеников и тем способствовать повышению качества преподавания в периферийных университетах и пединститутах.

* * *

Возьмем на себя смелость сказать, что многим своим коллегам – по кафедре, факультету, различным советам, комиссиям и т.д. – С.А. запомнился не только как крупный ученый, но и как исключительно благородный и порядочный человек. Это подтверждается воспоминаниями знавших его людей. К большому сожалению, сам С.А. не оставил никаких воспоминаний. Авторы этих строк неоднократно пытались уговорить его приступить к мемуарам, доказывая, как это важно для истории науки. Но позиция С.А.была твердой. Хорошо запомнилась выданная им однажды формула: *«Правду писать не могу, а полуправду – не хочу»*.

* * *

Если попытаться определить главное качество в отношении С.А. к людям, то это, конечно, доброжелательность. Готовность выслушать любого, дать полезный совет – причем не общий, а вполне конкретный; готовность потратить свое время на решение «чужих» проблем – все это было присуще С.А. Причем к формулировке своих советов он относился очень ответственно – будь это советы житейские или научные. Порой он сетовал, что приходится «думать за других»: если забракуешь принесенный очередным «консультируемым» труд (план диссертации, ее раздел, статью и т.д.), то тут же тебя спрашивают, а как тогда лучше сделать, и надо самому за него это продумывать. И скольким же посетителям советы С.А. помогли в работе! В его архиве сохранилась сделанная на тетрадном листе запись без даты: «Надо консультировать аспирантов, всех подопечных на «режиме стопроцентной отдачи» (своих сил, внимания, знаний)».

Еще одно важное качество С.А. – его «стабилизирующее» воздействие на окружающих. Любимым его выражением было – «все образуется». Он никогда не терял головы, не делал поспешных выводов или поступков. К нему обращались как к третейскому судье, как к человеку, способному беспристрастно разобраться в любых сложных проблемах.

В то же время С.А. был очень живым человеком – сдержанно, но чутко реагирующим на все происходящее вокруг. Он любил шутку, хорошо чувствовал себя в компании, знал толк в хороших винах. Время от времени он приглашал к себе домой своих учеников и коллег; он был душой этих собраний, где велись беседы на самые различные темы – о жизни, о науке, об искусстве.

* * *

После кончины С.А. в его архиве были обнаружены наброски путевых очерков о городах, в которых он бывал во время своих командировок конца 1930-х – начала 1940-х гг.: Муроме, Лысьве, Угличе, Шадринске, Барнауле. Нас поразили эти описания городов. Ведь даже у людей, хорошо знавших С.А., было представление о нем как о человеке прежде всего четком, аккуратном, пунктуальном, стремящемся к максимальной точности во всем и избегавшем «красивостей», казалось бы, далеком от того, чтобы заниматься художественным творчеством. Эти наброски впервые публикуются в настоящей книге, поэтому мы не будем здесь ни цитировать, ни пересказывать их.

Но почему же С.А. в последующие годы не продолжил эти опыты и, видимо, никогда к ним не возвращался? Рискнем высказать предположение: всегда предъявлявший к самому себе очень высокие требования, он, возможно, решил, что этот жанр – «не его», и сосредоточился на «сухих» научных текстах.

* * *

Наиболее заметный и долговечный результат деятельности ученого – его труды. Принято оперировать общим количеством публикаций, хотя очевидно, что значение их далеко не одинаково. Составление полного списка трудов крупного и активно работавшего ученого сопряжено с большими трудностями, и никогда нельзя быть уверенным, что удалось выявить и учесть все работы. В списках публикаций, которые вел сам С.А., максимальное количество работ – 186. В каталоге библиотеки географического факультета МГУ есть описание примерно 220 работ. Сопоставление различных списков, картотеки каталога и других источников позволило довести количество известных работ почти до 290. Этот список помещен в «Избранных трудах» С.А. (2003). К сожалению, в нем учтены не все составленные С.А. карты, так как данные о них крайне фрагментарны.

Значительное количество работ С.А. выходило на иностранных языках. Не считая параллельных изданий к Международным географическим конгрессам, таких публикаций не менее 25. Среди них работы на английском, немецком, французском, итальянском, японском, венгерском, польском, румынском, китайском языках. Большинство из них – переводы статей, изданных на русском, но десять специально написаны для иностранных изданий, например, для журнала «Geoforum»[4]. Восемь

[4] Русский вариант статьи для «Геофорума» впервые публикуется в этой книге.

статей перепечатаны в «Soviet Geography». Были годы, когда этот журнал воспроизводил по две работы С.А.

Интересен вопрос о первых публикациях: с какого времени С.А. начал выступать в печати? Можно было бы подумать, что с 1949 г., когда появляются его статьи в «Ученых записках МГПИ»[5] и в 14-м сборнике «Вопросы географии». Но в архиве С.А. сохранилась справка, свидетельствующая, что в 1928 и 1929 гг. он опубликовал семь статей в газете «Советский статистик». Автору было тогда 16–17 лет. Факт этот настолько необычен и интересен, что есть смысл привести названия всех этих статей: «Химическая промышленность СССР» (24.07.1928), «Наше электростроительство» (28.09.1928), «Нефтяное хозяйство СССР» (16.11.1928), «Спички» (23.11.1928), «Перспективы развития производства поташа» (28.12.1928), «Наши западные соседи и их вооруженные силы» (03.05.1929), «Иностранные концессии в СССР» (28.06.1929). Вряд ли кто-нибудь из статистиков, читавших в те годы свою профессиональную газету, догадывался, что автор этих публикаций – студент 2-го курса техникума. Статьи носят справочно-аналитический характер и говорят о склонности автора к исследовательской работе.

Но, конечно, «настоящий Ковалев» начинается именно в 14-м сборнике «Вопросы географии», где С.А. публикует часть материалов своей кандидатской диссертации. Этими работами он закладывает основы теории и методики географического исследования сельского расселения. И в первых же публикациях проявляется важнейшая черта Ковалева-исследователя – его обстоятельность. Первая статья посвящена вопросам терминологии, вторая – систематизации материалов о сельском расселении Черноземного Центра. Вместе они образуют фундамент, на котором в дальнейшем С.А. строил свое научное направление. Эти статьи были сразу же замечены специалистами, причем не только в нашей стране. Первая работа была переведена на венгерский язык, вторая – на китайский. Примечательно, что последняя прижизненная публикация, увидевшая свет через 47 лет после этих статей, тоже посвящена сельскому расселению Черноземного Центра. Это большая обобщающая статья в сборнике «Вопросы исторической географии России» (Тверь, 1995; время фактического выхода – лето 1996 г.) Таким образом, С.А. в конце жизни вернулся к исследованию региона, где им были сделаны первые шаги в науке.

[5] Первая публикация по географии – статья в «Ученых записках МГПИ» об учебной практике в Звенигородском районе Московской области – написана в соавторстве с Н.А. Гвоздецким.

Распространено мнение, что С.А. писал в основном по проблемам сельского расселения. В действительности дело обстояло не совсем так. Этой теме посвящено примерно 80 работ (в том числе четыре монографии). Столько же (около 80) – остальной географии населения (в том числе три учебных пособия). На третьем месте с большим отставанием идет география сферы обслуживания (15 работ, включая два учебных пособия), и на четвертом – комплексная география сельской местности (десять работ).

Среди работ населенческой тематики (помимо проблем расселения) можно выделить – в порядке убывания их числа – следующие группы:

1. Теория и методология географии населения и социальной географии.
2. Картографирование населения.
3. Анализ сдвигов в размещении населения.
4. Изучение миграции.
5. География трудовых ресурсов.
6. Прогнозирование.

Не подлежит сомнению, что главное в творчестве С.А. – изучение сельского расселения. Вся классика этого направления создана им за очень короткий период. После двух статей 1949 г. был значительный перерыв (работа в Венгрии, защита кандидатской диссертации), но зато в 1953–1963 гг. выходят 10−12 основных работ (включая три монографии), фактически сформировавших целый раздел отечественной географии. Если до начала 1950-х гг. географическое исследование сельского расселения было только новой оригинальной темой, то после 1963 г. его можно рассматривать как сложившуюся отрасль географии населения.

Итак, активно публиковаться С.А. начал с 1953 г. и продолжал до самой своей кончины. Ряд работ, в том числе и достаточно крупных, увидел свет после смерти автора. Периодизации творчество С.А. поддается не очень хорошо. Подчеркнем, что речь здесь идет не о фактических занятиях, а только о публикациях. До 1966 г. они посвящены одному сельскому расселению. С 1966 г. круг интересов расширяется, начинается комплексный период, на протяжении которого прослеживаются различные темы-доминанты. В конце 1960-х – начале 1970-х таких тем три: сельское расселение, сфера обслуживания, карты населения. Во второй половине 1970-х доминирует одна тема – теория и методология географии населения. В течение 1980-х вместе с ней заметное место занимает география сельской местности. В период с 1971 по 1983 г. поч-

ти нет работ по сельскому расселению, но с 1984 г. С.А. возвращается к этой теме, и в 1990-х г. она вновь становится единственной доминантой в его творчестве.

Будучи уже одним из ведущих географов страны, С.А. не избегал «черной» научной работы. На протяжении многих лет писал рецензии, библиографические обзоры. Для РЖ «География» им подготовлено более 600 рефератов. Очень серьезно С.А. работал для энциклопедических изданий. Более 40 его статей размером от нескольких строк до нескольких колонок вошли в Большую Советскую и Краткую географическую энциклопедии, в Географический и Демографический энциклопедические словари, словарь «Народонаселение». Написание энциклопедических статей С.А. считал особым искусством ученого и мастерски им владел.

Книги С.А. Ковалева давно стали библиографической редкостью, статьи разбросаны по множеству журналов и сборников. В 2003 г. издательством «Ойкумена» (Смоленск) были выпущены «Избранные труды», куда вошли основные статьи и наиболее важные фрагменты монографий.

* * *

После обзора публикаций С.А. уместно остановиться на одной довольно необычной черте его биографии. В силу жизненных обстоятельств высшее образование С.А. получил только в 34 года, на десять и более лет отстав от своих сверстников. За 1950–1960-е гг. он догнал Ю.Г. Саушкина, В.В. Покшишевского, В.Г. Давидовича и, несмотря на поздний старт, воспринимался окружающими как полноправный представитель именно этого научного поколения. В заключение приведем слова С.Е. Ханина, учившегося у С.А. и проработавшего рядом с ним почти 30 лет: «Это был блестящий ученый, которому только из-за его исключительной скромности не подходил этот эпитет».

A.I. Alekseev, A.A. Tkachenko

LIFE IN GEOGRAPHY (ABOUT SERGEY ALEKSANDROVICH KOVALEV)

The biography of S.A. Kovalyov is considered. The review of his major works is given and on this background the contribution of the scientist to a geographical science is shown. Scientific and organizational activity is demonstrated, attempt to provide guidance on to scientific school of Kovalev is made.

ВОСПОМИНАНИЯ О С.А. КОВАЛЕВЕ

Г.М. Лаппо

О СЕРГЕЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ КОВАЛЕВЕ

Более сорока лет я по разным причинам и поводам более или менее регулярно встречался с С.А., а в течение пяти с половиной лет (1964–1969), когда был доцентом кафедры экономической географии СССР, эти встречи были особенно частыми. Совместно с С.А. работал также в Географическом обществе, экспертировал Генеральную схему расселения СССР. Как и другие коллеги, относился к С.А. с большим уважением. Видел его плотно включенным в самые разные работы, и служебные, и внеслужебные. Наблюдал, как он работает со студентами – курсовиками и дипломниками, слушал его доклады.

Все, что делал С.А., воспринималось как обычное и естественное дело. И только много лет спустя, уже после ухода С.А. из жизни, до меня дошло, что мы жили и работали бок о бок с феноменальным человеком, педагогом и ученым. Видимо, секрет С.А. заключался в том, что он выполнял свои многочисленные обязанности и в преподавании, и в научных исследованиях, и в научно-организационной и общественной работе просто, строго по-деловому, может быть, даже как-то буднично, без всяких внешних эффектов, не привлекая внимания к собственной персоне.

На кафедру экономической географии СССР С.А. был приглашен Ю.Г. Саушкиным и стал работать доцентом с 1952 г. Поскольку меня зачислили аспирантом кафедры осенью 1953 г., можно сказать, что я наблюдал за деятельностью С.А. в университете с самого ее начала. Поразительно, как быстро С.А. освоился на новом месте (ни студентом, ни аспирантом МГУ он не был). Подавляющему большинству людей первые шаги на новом поприще даются с немалым трудом. Требуется некоторое время на адаптацию. Люди действуют осторожно, даже робко. Ничего подобного у С.А. не было. Без всякой раскачки он стал работать на кафедре уверенно, на высоком уровне и очень интересно.

Это замечательно проявилось в организации оригинальной коллективной курсовой работы студентов II курса (в этой группе я был куратором, не знаю, есть ли сейчас такая должность, отчасти служебная, отчасти общественная). Группа получила общее за-

дание: проанализировать результаты Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Московской области. Эта перепись, как известно, отличалась полнотой, подробностью и достоверностью. Каждый из студентов должен был проанализировать данные по одному из районов области, положить на карту полученные показатели, выявить динамику, сопоставив 1926 г. с годом выполнения курсовой работы.

Был получен и сводный результат – общая картина расселения в столичной области в динамике. По замыслу и организации исследования эта работа была новаторской. С.А. поставил задачу, разработал методику и очень четко организовал работу. Он работал со всеми студентами вместе и с каждым в отдельности. Каждый участник понимал свою ответственность, так как решал и свою персональную, и общую задачу. Поэтому должен был идти в ногу, иначе сводной картины не получилось бы. Результаты работы были доложены в МФГО на Комиссии географии населения, встречены с большим интересом, заслужили весьма положительную оценку В.В. Покшишевского, Ю.Г. Саушкина, В.Г. Давидовича.

В коллективе кафедры С.А. сразу стал одной из ключевых фигур. Во многом он походил на другого замечательного преподавателя кафедры – А.Н. Ракитникова, также имевшего высокий авторитет и также вовсе не стремившегося «блистать». Однако в ряде дел А.Н. Ракитникова предпочитал не участвовать, быть «вне», не помню, были ли у него какие-либо общественные нагрузки. Совсем по-другому складывалась жизнь на факультете у С.А.

На факультете, как и на кафедре, быстро смекнули, что С.А. из тех людей, которые не умеют отказываться, может быть считая отказ делом зазорным. Поэтому со временем груз обязанностей, самых разнообразных, становился все больше. Несколько лет С.А. был заместителем декана по науке. Ему бы отказаться, сославшись на то, что он уже работал над докторской диссертацией. Не отказался.

Очень много сделал С.А., участвуя в создании региональных комплексных атласов Целинного и Алтайского краев, Тюменской области. К этому времени он вместе с В.В. Покшишевским создал новое направление в социально-экономической географии – географию сферы обслуживания. Были разработаны методики полевых исследований и составления карт сферы обслуживания.

Эти новые разработки сразу пошли в дело. В атласах наряду с картами населения и расселения были широко представлены карты обслуживания разных типов.

Преподаванием и наукой дело не ограничивалось. Немало времени требовала общественная работа и на факультете, и вне его. Имея репутацию очень рассудительного человека, не допускающего непродуманных поступков, С.А. очень подходил к роли секретаря партбюро и не раз им избирался. Далеко не чуждый самоиронии, он по этому поводу, усмехаясь, говорил: «Меня выдвигают в секретари партбюро, понимая, что в силу своей осторожности я не буду предпринимать сам и не дам хода действиям, которые могут повредить». Действительно, С.А., подобно врачам, всегда руководствовался правилом «Не навреди!».

Постоянно, без перерыва С.А. активно работал в Географическом обществе, прежде всего в Комиссии географии населения МФГО, создателем которой был Р.М. Кабо, регулярно посещал заседания, выступал с докладами. Пиком этой активности надо считать подготовку и проведение двух первых Междуведомственных совещаний по географии населения – в 1962 и 1967 гг. С.А. Ковалев, В.Г. Давидович и В.В. Покшишевский при содействии О.А. Константинова, представлявшего центральную организацию Географического общества, образовали подлинный мозговой центр. Действовали очень слаженно, сплотили коллектив, занимавшийся организацией совещаний. Совещания прошли с большим успехом. В них участвовали наряду с географами градостроители, районные планировщики, социологи, демографы, экономисты. Были изданы труды, с докладами и тезисами выступлений. Совещания имели большой резонанс и весьма повысили авторитет географической науки, а география населения заняла лидирующие позиции в организации и проведении исследований населения и расселения. С.А. Ковалев, В.В. Покшишевский и В.Г. Давидович – наши руководители и учителя – дали прекрасный пример замечательного содружества и сотворчества.

Нельзя не удивляться, что при столь большой занятости С.А. смог подготовить и защитить в 1963 г. докторскую диссертацию.

С.А. был высококлассным экспертом работ по расселению – научных и проектных. В 1970-х гг., участвуя в государственной экспертизе Генеральной схемы расселения СССР, он представил обстоятельный и конструктивный отзыв. Его выводы позволили авторам Генсхемы существенно улучшить разделы по сельскому расселению. С.А. проявил большой такт в отношении разработчиков: наряду с основными замечаниями, изложенными в официальном заключении эксперта, он передал непосредственно авторам частные замечания, указав на ряд недоделок и ошибок.

Заслуживает самой высокой оценки деятельность С.А. в качестве председателя редколлегии научных сборников МФГО «Вопросы географии». Детище Н.Н. Баранского, эти сборники стали выходить с 1946 г. В них ведущие отечественные географы публиковали труды, многие из которых явились вехами в развитии нашей науки. «Вопросы географии» завоевали высокий авторитет и международное признание. В капитальной библиографической сводке всех издаваемых в мире географических серий, составленной профессором Ч. Гаррисом (4-е издание вышло в 1980 г.), эти сборники отнесены к избранному кругу изданий, наиболее отвечающих требованиям, предъявляемым к географическим публикациям.

С.А. очень много сделал для поддержания высокого уровня сборников, для совершенствования работы редколлегии, для улучшения внешнего вида и полиграфического качества изданий. Сборники приобрели твердые «корочки», расширилось их распространение за рубежом. С.А. благодаря своим человеческим качествам и организационному таланту способствовал слаженности работы редколлегии. Э.М. Мурзаев, долгое время входивший в состав редколлегии, сказал мне в качестве напутствия, когда я стал председателем редколлегии: «Берите пример с С.А. Ковалева, очень правильный мужик». Э.М. Мурзаев, сравнивая Н.Н. Баранского и С.А. Ковалева в роли председателя редколлегии, отдавал предпочтение Сергею Александровичу. Н.Н. Баранскому были свойственны неожиданности, а С.А. был рассудителен, терпелив, умел слушать, всегда добивался согласованных решений убеждением.

Когда в жизни «Вопросов географии» случались трудные моменты, С.А. подключал И.Д. Папанина, возглавлявшего МФГО. Однажды, когда ситуация особенно обострилась, И.Д. Папанин в сопровождении С.А. отправился к начальству в парадной форме контр-адмирала при всех своих внушительных наградах (две золотые звезды Героя Советского Союза, восемь орденов Ленина и др.). Нужное решение было получено.

В годы перестройки, к сожалению, выпуск сборников прекратился. Дирекция издательства обосновала это их нерентабельностью, что, по мнению начальства, было обусловлено малыми тиражами. От имевших место 4–6 тыс. экземпляров требовали перейти к 12–15 тыс. Научная ценность сборников в расчет не принималась. Предлагалось в целях повышения тиража изменять их характер, сделать научно-популярными. Отстоять «Вопросы географии» не удалось, несмотря на то что некоторые сборники вышли весьма значительным тиражом. Например, «Топонимика Москвы» имела тираж 18 500 экз.

В 1988 г. был выпущен последний сборник серии, непрерывно издававшейся в течение более 40 лет. Он получил № 132, назывался «Современное село: пути развития» и был посвящен С.А. Ковалеву, отметившему в 1987 г. свое 75-летие. Тираж составил 4819 экз. Надо сказать, что способ определения тиража на основе заявок местных отделений Книготорга был явно неудовлетворительным. Открывался сборник статьей юбиляра «Географический анализ сельского расселения в СССР: некоторые итоги и перспективы», а в конце была приведена библиография трудов С.А.[1]

Обычно, когда говорят о внедрении географических разработок в практику, упоминают о всякого рода трудностях, препятствовавших внедрению результатов исследований. У С.А. и здесь все было наоборот. Его труды, основанные на анализе разнообразных источников и собственных полевых исследованиях, оснащенные оригинальными картами, были настолько полезны практике, что убеждать в их полезности не было необходимости. Проектировщики и представители смежных наук сами выходили на С.А., приглашали его для консультаций, сотрудничества и в качестве эксперта.

Глубокая конструктивность работ С.А. и его сподвижников объясняется в значительной степени тем, что эти труды содержали фундаментальные положения, относились не к отдельным направлениям, но имели стратегический характер и были важны для выработки основ государственной политики.

Конструктивность деятельности С.А. проявлялась и в подготовке географов, специализирующихся в сфере сельского расселения и в сфере обслуживания, подготовленных к работе и в науке, и в проектировании, и в плановых структурах. А также и в том, что география населения стала активнее выполнять функции науки-организатора в исследованиях проблем населения и расселения.

Иногда говорят, что в отечественной социально-экономической географии существует одна научная школа – школа Н.Н. Баранского, Н.Н. Колосовского, И.А. Витвера. Конечно, основы, разработанные этими замечательными учеными и педагогами, нашими Учителями, являются общим методологическим и методическим фундаментом

[1] Спустя 21 год издание возобновилось. Выпущенный в 2009 г. сборник «Современная топонимика» (тираж 500 экз.), по недосмотру также получил № 132. К сожалению, в предисловии к сборнику, в котором кратко излагалась история «Вопросов географии», имя С.А. Ковалева, столь успешно возглавлявшего редколлегию в течение 20 лет, даже не упомянуто. Его нет и в перечне географов, которым посвящались отдельные сборники (всего таких сборников было 33).

нашей науки. И в то же время несомненно, что исследования по ряду направлений в рамках общей школы привели к формированию отдельных школ, обладающих отчетливо выраженными признаками научной школы – методологией и методикой исследования конкретных объектов, основополагающими, в том числе эталонными, трудами, преемственностью благодаря смене поколений последователей и учеников.

Все эти опорные признаки присущи школе С.А. Ковалева, ориентированной на конструктивное изучение сельской местности, в котором стержнем является изучение сельского расселения. С.А. нет уже с нами более 15 лет. Но здравствуют и работают его ученики, воспитавшие уже немало собственных учеников – «научных внуков» С.А. Показательно, что в трудах учеников С.А. – А.И. Алексеева, А.А. Ткаченко, Ж.А. Зайончковской, Д.Н. Лухманова и других, в стиле их работы хорошо видна школа Ковалева. За них Сергею Александровичу огромное спасибо.

Ежегодные Ковалевские чтения также подтверждают существование школы. Доклады учеников и последователей С.А. свидетельствуют о том, что школа, созданная им, живет и развивается, что сохраняются стиль и дух, заложенные Учителем. Об актуальности проводимых в ее рамках исследований и говорить не приходится. Исследуемые проблемы не просто актуальны, но чрезвычайно остры, животрепещущи, ждут решений, жизненно важных для благополучия России.

С.А. много сделал как педагог, исследователь, организатор науки для того, чтобы место человека, населения было восстановлено в отечественной географии, чтобы география становилась все более антропоцентричной, чтобы не было причин повторить негодующе-укоризненный возглас Н.Н. Баранского: «Человека забыли!!!»

С большой благодарностью вспоминаю о роли, которую С.А. сыграл в моем становлении как экономико- и социогеографа. Он предложил мне написать для «Вопросов географии» статью, подсказал сюжет – географическая литература о городах Промышленного Центра. Так появилась моя первая научная публикация. С.А. пригласил меня участвовать в Первом Межведомственном совещании по географии населения и сделать доклад на руководимой им секции по сельскому расселению. Приняв совет, я выступил с докладом «Географическое изучение населенных пунктов, занимающих промежуточное положение между городскими и сельскими поселениями (на примере Московской области)». Привлек к организации и проведению Второго Междуведомственного совещания, мне довелось быть ответственным секретарем Оргкомитета.

Беседы с С.А. были более или менее регулярными. Он интересовался моими работами как куратор по географии населения и на факультете, и в Географическом обществе, и как секретарь партбюро, и просто как старший товарищ и коллега. Я всегда чувствовал со стороны С.А. внимание и расположение. Благодарен ему и за доверие, которое он оказал, передав мне «Вопросы географии».

Знал я С.А. долгие годы, регулярно с ним встречался по разным делам, а вот, оказывается, далеко не все знал, что мне надо было бы знать о нем и его работах. С удивлением прочитал выдержку из путевых заметок С.А., которую А.И. Алексеев и А.А. Ткаченко привели в статье, открывающей сборник «Избранные труды» 2003 г. В путевых заметках, посвященных городам России, С.А. пишет в необычной для него манере о тихом Угличе, красиво, но как-то праздно возвышающемся над Волгой, о прозаических Кимрах и Калязине, о деловом, грязноватом Рыбинске, о красивом и все еще старинном Муроме, о текстильном и будничном Орехово. И в этой же книге – реферат об экономико-географическом положении Барнаула, представленный при поступлении в аспирантуру, очень обстоятельный, в знакомом нам стиле Ковалева, но необычный для него по теме.

* * *

Мы видели, что С.А. работает очень много, добивается поставленных целей в срок и с очень хорошими результатами. Но почему-то не возникала мысль попросить С.А. раскрыть секреты его удивительной работоспособности, присущего ему стиля работы. Большое упущение! Видно, в натуре С.А. не было ничего такого, что мешало бы ему сосредоточиться на деле, устанавливать контакты с коллегами, организовывать работу руководимого им коллектива.

С.А. повезло с учителями. Главным его учителем, руководителем в аспирантуре был один из основателей отечественной географии населения Рафаил Михайлович Кабо, который отличался чрезвычайной тщательностью, аккуратностью, сосредоточенностью, высокой требовательностью к себе. Все, что он ни делал, было очень основательным. Все эти качества присущи и С.А. – достойному ученику достойного учителя.

Удивительная работоспособность, умение сосредоточиться на главном в данный момент, работать в ускоренном темпе и с очень высокой отдачей отличали С.А. на протяжении всей его жизни. Как-то С.А. поведал мне о своей аспирантской учебе: «Поскольку пришлось

зарабатывать на жизнь, на диссертацию затратил восемь месяцев, но работал при этом до обалдения». С.А. был строг к себе и не допускал отвлечения на что-либо, не имеющее отношения к выполняемому делу. И в его работах было только то, что нужно. Ничего лишнего.

Помогал ему собственный характер – доброжелательность, открытость, искренность, желание и готовность всегда помочь, исключительная деликатность. Не стремился на авансцену, не делал карьеры, был чужд всякой позы. Не уходил от работы, исполнял долг серьезно, добросовестно и талантливо. Говорят, незаменимых нет. Общение с С.А. много дало всем, его знавшим, особенно ученикам. Другого такого, как он, нет. В нем уж очень много было «ковалевского».

Ю.Г. Симонов

В ПАМЯТЬ О СЕРГЕЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ КОВАЛЕВЕ

С.А. Ковалев, столетие которого мы отмечаем, – теперь уже история. История – это то, что было на самом деле, и ее надо знать. Н.М. Карамзин писал: «Каждый гражданин должен читать историю». Он считал, что каждому из нас история помогает смириться с несовершенством порядка вещей сегодняшнего дня. Смириться и надеяться на будущее. О Сергее Александровиче так, пожалуй, сказать нельзя, поскольку жил он по своим правилам – зная историю, он не «смирялся». Он жил в морали культурного, широко образованного ученого советского образца, своего времени. На факультете он работал в команде замечательных коллег, создававших научную школу географов Московского университета. Он жил нашей жизнью, жизнью нашей страны и всего человечества, делал то, что каждый должен делать каждый день, думая не только о дне текущем, но и о завтрашнем.

1952 г. для Сергея Александровича должен был быть памятным не только тем, что он пришел на факультет, жизнь в котором станет его судьбой. Практически тогда же его избирают секретарем партийной организации нашего факультета. Странное было то время – выбрали относительно молодого человека, не имеющего опыта работы ни в жизни, ни в партии, выбрали как бы «на новенького». Выбрали тогда, когда в факультетской организации было много людей, известных коллективу, имеющих опыт работы в партии. Думаю, что для Сергея Александровича это было и неожиданно, и непросто. Ведь факультета нашего он по-настоящему не знал – ни людей, ни дел внутренне факультетских.

Подробной его биографии найти мне не удалось. Но из прочитанного в этом сборнике я понял, что Сергей Александрович родом был «из народа». Вышел он из крестьянской среды, с интересной биографией отца и матери. Как правило, крестьянская среда «лодырей» к жизни не готовила, детей сызмальства воспитывали в труде и уважении к старшим. Оглядываюсь в наше общее прошлое и вижу, что и в науке он был трудоголиком, а по жизни – «законопослушным», бунтарем его не назовешь.

Шел 1952 г. – ему сорок лет. На кафедре он доцент, на факультете – секретарь партийной организации. Судьба же приготовила ему еще одно не менее трудное испытание – переезд Московского университета в новые здания на Ленинских горах. Люди работают в привычной для себя обстановке, и вдруг, в одночасье – ломка всего старого. Был у географического факультета свой университетский Институт географии – и вдруг нет его; не было на факультете аспирантов и научных сотрудников на кафедрах – и вдруг появились. И теперь нужно было свою жизнь и работу строить совсем иначе.

В те годы за каждым изменением открывались удивительные и удивлявшие нас перспективы. У географического факультета раньше не было экспедиций, а теперь стало нужным их организацию «брать» на факультет. И это все внове. Конечно же эти и другие дела делал и создавал не один Сергей Александрович. Многое взяли на себя и декан факультета (в то время К.К. Марков), и заведующие кафедрами, и просто преподаватели, аспиранты, а то и студенты. Во время таких грандиозных и значимых социальных переходов, переездов и перестроек возникает множество неувязок. Неувязки нужно было «развязывать», а по принятым тогда правилам партийная организация брала на себя ответственность за главные дела. Главным в то время был переезд с его организационными сложностями. Именно здесь возникала и возрастала ответственность секретаря партийного бюро факультета. Тут-то и нужна была и смекалка, и опыт, и многое другое, с чем новый секретарь в жизни еще не сталкивался. Так, через дела, требовавшие зрелых решений, Сергей Александрович знакомился с людьми факультета, с особенностями жизни на факультете, с «партийной» его частью и «беспартийной». Сергея Александровича тогда заметили. Он умел настойчиво добиваться поставленных целей. И это было значимо.

Переезд университета готовился заранее, и задолго до его начала было известно многое. Но всего ведь не учтешь, и бывали сбои. Так, например, были известны планы расширения численного состава фа-

культета. Те, кто работали в Институте географии, переходили на факультет и распределялись по кафедрам. И опять проблемы – кто-то был желанным, а кто-то и не очень. Главными оставались заведующие кафедрами и преподаватели, а остальные оказывались «новичками». Появились и другие новички, ранее на факультете не работавшие. Да и сам Сергей Александрович был одним из них. Коллективы у них были маленькими, теперь же их численность увеличивалась часто вдвое, а иногда и больше. А порядки на факультете? Какими они должны быть – новыми или старыми? Работали кадровые комиссии. Факультет переезжал, но в новое здание брали не всех. Кого-то не брали по разным характеристикам биографии, контролировался социальный состав и профессиональный уровень знаний. Партийная организация и лично секретарь отвечали «за расстановку кадров».

Коснулось это и меня лично. Я именно в тот год заканчивал аспирантуру. Еще до поступления в аспирантуру мне и моим однокашникам объявили, что нас будут готовить «для работы в новом здании». Кто-то из-за этого должен был поменять свои планы. Теперь же все менялось иногда с точностью до наоборот. Особые комиссии решали – кому работать дальше, а кому нет. Нас в известность не ставили до самого последнего дня. Например, я тогда пережил не самые лучшие дни в своей жизни. Помню, на специальной отборочной комиссии кроме представителей кафедры сидели члены партийного бюро. Нас вызывали, спрашивали у каждого что-то свое. Затем оставалась комиссия, и за закрытыми дверями что-то решалось. Потом нас снова вызывали. Мне сначала сказали, что меня не оставляют в университете, а направляют в резерв Министерства высшего образования. Я на всю жизнь запомнил имена и фамилии тех членов партийного бюро, которые бились за наше будущее. Бились, как я понимаю, за всех, но кое-кого не отбили. Я благодарю судьбу, что в тот час она была милостива ко мне. И мне было неуютно, что в те же часы у кого-то судьба сломалась. Планы ухода в «большую научную жизнь» нужно было выстраивать заново.

Я остро переживал тогда все это. И только сейчас подумалось, что за всем этим моим счастьем стоял или мог стоять Сергей Александрович – человек, только что пришедший на наш факультет, новый секретарь партийной организации, в общем-то мало кого знавший. За все годы нашего знакомства даже намека с его стороны не было на то, что он участник этих событий. Теперь-то я хорошо знаю, что ему нужно было отстаивать правильность факультетских реше-

ний. И был он моим добрым гением. Тогда же мы были просто счастливы и никому даже не сказали «спасибо».

Вскоре после переезда, завершенного с минимальными потерями, Сергея Александровича назначают заместителем декана по научной работе. Из прошлого опыта своей научной работы, да и из жизни тоже, он вряд ли мог представлять себе полный объем и уровень работ, которые вел тогда факультет. Кое-что он, конечно, знал, раз некоторое время проработал в одной из крупных экспедиций нашего факультета. Но одна экспедиция – это лишь малая толика огромного университетского целого. Новый участок работы на факультете, тоже большой и ответственный, – явное свидетельство тому, что с первыми трудностями, которые выпали на его долю, он справился. Сергей Александрович организовывал незнакомую для себя административную работу, используя приобретенный им опыт руководства партийной организацией факультета. Вместо парторгов теперь он контактировал с теми, кто заведовал кафедрами или их заместителями по научной работе, а также и с руководителями тех научных тем, которые велись тогда в хоздоговорных подразделениях факультета. Для этого после переезда в новое здание в деканате был создан научный отдел. Работы прибавилось, а ведь и на кафедре надо было читать лекции, вести собственную работу. И это уже вторая половина 1950-х гг. Во главе всего этого тот же и, наверное, уже немножко другой Сергей Александрович.

Теперь я скажу, что немногие на факультете прошли подобную школу. Быть специалистом в одной какой-либо области географии, читать свои лекции и вести собственную научную работу – это уже немало. Особенно если ты пришел прямо со студенческой скамьи. Пришел в коллектив учебно-научной работы, похожий на тот, где рядом с тобой работали твои учителя, а затем подрастали и ученики. Сергей Александрович пришел в иной коллектив. Раньше он работал в пединституте, где готовили учителей, будущих преподавателей географии в средней школе. В университете были другие задачи. В 1950-х гг. мы только присматривались к тому, как готовить и преподавателей средней школы, и географов-исследователей. Сергей Александрович не присматривался, он знал, как надо готовить учителей географии для школы. А всему остальному он доучивался, присматриваясь к работе своих коллег теперь уже университетских. Трудности должны были возникать уже потому, что через его руки проходили работы не только экономико-географического содержания, но и работы географов всего факультета. И делалось все это и четко, и ответственно.

Когда в 1959 г. я стал секретарем партийного бюро факультета, на меня свалилось испытание по тяжести такое же, если не большее, чем то, которое испытал Сергей Александрович. Я, как и он, в непривычной для меня ситуации не растерялся. Но легче мне было не только потому, что у меня был опыт, но еще и потому, что в критическую минуту со мною рядом оказался мой старший товарищ Сергей Александрович. И не только оказался рядом, но и подставил свое плечо.

Я не буду здесь вдаваться в подробности этой истории, она описана во втором томе моей монографии «История географии в Московском университете» (т. 2, ч. 1). Здесь же мне следует сказать о том, что в трудные минуты истории факультета Сергей Александрович всегда оказывался рядом с тем, кто в данную минуту больше всего нуждался именно в его помощи. Он был действительно добрым человеком. И еще – он действительно «любил правду, а неправды не любил». Я, наверное, повторюсь, если скажу, что он был настоящим университетским ученым. Был человеком большой внутренней культуры, очень скромным. Он был всегда аккуратен и подтянут, неброско, но хорошо одет. Был честным человеком, вежливым, в делах строгим, аккуратным и принципиальным. Он был надежным товарищем. И это была личность.

Е.Е. Лейзерович

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОВАЛЕВ НА МОЕМ ЖИЗНЕННОМ ПУТИ

В мае 1953 г., незадолго до окончания геофака, вызван я был на заседание факультетского комитета комсомола, в связи с тем, что несколькими днями ранее не подписал, как полагалось в те годы, «распределение», т.е. направление на работу. Посчитал его дискриминационным.

На заседании я сразу оказался под огнем жестокой критики со стороны своих однокурсников – членов комитета комсомола, с которыми был в достаточно хороших отношениях. Павел Каплин – будущий профессор нашего факультета, сын крупного хозяйственного работника, и Татьяна Зубова – будущий доктор географических наук (а наш курс дал только двух женщин докторов географических наук), дочь очень знаменитого ученого – профессора нашего факультета, с юношеским задором и вроде бы вполне искренно «рвали меня на куски» и требовали строго выговора с занесением в личное дело. Ничего удивительного я в этом не увидел.

Но поведение двух присутствовавших на заседании «старших товарищей» показалось необычным. Они молчали. Молчание секретаря комитета комсомола – фронтовички Алиды Видиной я себе както объяснял. А вот молчание человека, с которым я встретился впервые, – нового секретаря парткома геофака Ковалева, было совершенно неожиданным. Будучи достаточно хорошо осведомлен о поведении в аналогичных случаях других секретарей парткомов, я ожидал, что он будет «рубить меня как капусту» и поддержит максимальное наказание. Однако новый парторг не вымолвил ни слова. И я отделался «пустяковым» выговором без занесения в личное дело (последнее было в те годы в моем положении очень важным).

После разборки на заседании комитета комсомола я и дальше продолжал стоять на своем и достоялся. Через четыре месяца, уже в сентябре, меня вызвал председатель комиссии по распределению Почекутов, отдал мне мой диплом и предложил самому искать работу. Меня взяли в Гидроэнергопроект, где я проходил двумя годами раньше практику после 3-го курса.

Теперь я стал иногда встречаться с Сергеем Александровичем: чаще в московском филиале Географического общества, реже – в университете. А потом и познакомился, когда начал печататься – Сергей Александрович был редактором или членом редколлегий почти во всех московских географических изданиях. В последующие годы в основном и общался с Сергеем Александровичем как с редактором. А в зрелые годы иногда обращался к нему, даже в тех случаях, когда он не имел никакого отношения к тому изданию, в котором я хотел опубликоваться. Просил его посмотреть не пишу ли чего-либо чересчур эпатажного. Сергей Александрович никогда не отказывался, никогда не жаловался на большую загруженность. Смотрел, редактировал, высказывал замечания. Бывал я и у него дома в Шмитовском проезде. И все же причислить себя к кругу людей, близко знавших Сергея Александровича, не могу: не слушал его лекций, не работал рядом с ним. Поэтому, хотя и вспоминаю Сергея Александровича с чувством глубокой благодарности, добавить что-либо важное к тому, что о нем пишут люди, близкие к нему, не в состоянии. Прибегну к «плагиату».

Леонид Евгеньевич Иофа, работавший некоторое время рядом с Сергеем Александровичем, человек выделявшийся своим независимым поведением и беспощадными характеристиками даже близких к нему людей, однажды в начале 1970-х, не помню, по какому

поводу, сказал мне (дословно): «Евгений Ефимович, не знаю как теперь (Иофа был уже несколько лет на пенсии), а раньше Ковалев был почти идеальным человеком».

А.И. Корецкая

О СЕРГЕЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ КОВАЛЕВЕ

Я поступила в МГУ на географический факультет в 1951 г. Факультет находился тогда на Моховой. Первую лекцию в Коммунистической аудитории читал Борис Павлович Орлов, старейший профессор факультета. Состав преподавателей на нашем курсе был уникальным: у нас преподавали Николай Николаевич Зубов, Николай Николаевич Баранский, Николай Николаевич Колосовский, Мария Альфредовна Глазовская, Иван Александрович Витвер и другие выдающиеся ученые.

На третьем курсе, в 1953 г., мы начали учиться в новом здании МГУ на Ленинских горах, и в учебном расписании группы эконом-географов появился новый предмет – география населения. Вел его молодой преподаватель, тогда еще кандидат наук Сергей Александрович Ковалев. Говорил он тихим голосом, не отвлекаясь на посторонние темы, но поскольку все в его лекциях было необыкновенно интересно, то и слушали его все с большим вниманием.

Все мы еще на втором курсе писали курсовые работы по отдельным разделам экономической географии у разных преподавателей. Неожиданным, хотя и всех заинтересовавшим, было предложение Сергея Александровича писать всей группе курсовую работу у него по одной теме: «Результаты переписи населения 1926 г.». В группе было 18 человек, каждому достался либо экономический район, либо одна из республик СССР. Сергей Александрович организовал доставку таблиц переписи в университет, мы брали их под расписку и занимались с ними в специально выделенной комнате. С нами учился гражданин КНДР; ему, как иностранцу, таблицы на руки не давали, и Сергей Александрович сам их переписывал и выносил для него.

После защиты курсовых работ на кафедре результаты докладывали в помещении Зоологического музея на Моховой (там располагался в то время Московский филиал Географического общества). На стене висела большая карта СССР, и после вступительного слова Сергея Александровича каждый выходил и делал сообщение по «своему» району. Мы все чувствовали себя настоящими учеными.

Уже в следующем году, когда все писали работы у других преподавателей, Сергей Александрович предложил мне и Э.А. Лямину написать вместе с ним статью в сборник «Вопросы географии» по результатам наших разделов. Эта статья была опубликована в 38-м выпуске сборника в 1956 г. Сергей Александрович вручил нам гонорар, которого хватило, чтобы угостить всю группу мороженым.

Уже много позже, как мне рассказывала наша соученица В.В. Егорова, в Институте комплексных транспортных проблем, где она работала, Сергей Александрович был консультантом по расчетам пассажиропотоков строящихся дорог. Он к тому времени стал профессором, известным ученым, и когда он порой подсаживался к ее столу, ее коллеги по институту удивлялись и слегка ей завидовали.

Не так уж много времени довелось мне общаться с Сергеем Александровичем (дипломную работу я писала не у него, а у Н.Н. Баранского), но уроки его для меня незабываемы. На моей книжной полке стоят его «Избранные труды». Хоть изредка, но я к ним обращаюсь, и всегда с радостью.

Д.Н. Лухманов

О СЕРГЕЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ КОВАЛЕВЕ

С Сергеем Александровичем я познакомился, когда мы делали атлас Северного Казахстана. Он был научным руководителем работ по составлению карт населения, а меня он довольно быстро сделал руководителем группы, занимавшейся сбором и обработкой материалов для этих карт. До этого, учась на вечернем отделении геофака, я на профессорских лекциях не бывал, и фамилия «Ковалев» мне была почти незнакома. Мне довелось с ним вплотную работать, когда мы начали заниматься атласами. Для меня, строившего свою жизнь самостоятельно с 13 лет, Ковалев стал моральной опорой. Так бывает: ты не подражаешь, ты обращаешь внимание на какие-то мелочи, которые вовсе не мелочи, а стержень поведения человека.

В Сергее Александровиче самым главным, наверное, было то, что он необычайно организованный и широкий человек – гораздо шире и интереснее (я потом понял), чем то, что видно сначала. Это, может быть, было самым существенным.

Если говорить о работе, то самое важное, что дало мне общение с Сергеем Александровичем – это, во-первых, привычка писать подробные программы предстоящих исследований (человек он был

невероятно скрупулезный, не позволявший ни себе, ни своим сотрудникам начинать работу без твердо расписанной программы), а во-вторых, интерес к источникам всякой статистики и вообще любых материалов, могущих пойти в дело, – он их прекрасно знал. Он не то чтобы заставлял нас читать, скорее, все время «подсовывал» нам всевозможную литературу по статистике, по источникам, требуя, чтобы мы в ней разбирались.

Мне все это потом очень пригодилось. Перед тем как ехать в командировку, мы всегда писали подробную программу сбора материалов. Сначала – программу карт, которые мы хотим составить, и текста, который мы хотим написать к этим картам, а затем – какие нам для этого нужны материалы и где их взять. И часто оказывалось, что мы, подготовленные Ковалевым, знали, что именно должно лежать в том или ином статуправлении, лучше сотрудников самих статуправлений. Только Сергей Александрович всегда предупреждал: «Не говорите с апломбом! Говорите с ними вежливо, аккуратно. Обидите – ничего от них не получите».

У нас с Сергеем Александровичем оказались общие интересы. Вернее, у меня оказалась тяга к тому, чем он занимается, потому что Сергей Александрович, если можно так сказать, очень хорошо относился к картографии, к тому, что география – это картография. А для меня всегда география – это картография.

Я не был его студентом, я не был его аспирантом. Но он меня очень дожимал с кандидатской. Я тогда не понимал, зачем это нужно… Когда же я написал кандидатскую диссертацию, он сказал, что не может назвать себя моим научным руководителем, так как прямого отношения к моей работе не имеет, что он этим не занимался. Но добавил, что не будет против, если я запишу его научным консультантом. Сколько я ему ни говорил, что всего, что там есть, без него просто не было бы – он отказывался, сказал, что я взрослый человек. А я действительно был взрослым человеком, когда кандидатскую защищал в 1973 г. – в 43 года.

У меня сложилось так, что я написал две неполных и одну полную кандидатскую диссертацию. Я написал вначале одно, отдал Сергею Александровичу почитать – он сказал, что это слабо. Я написал еще что-то, отдал почитать – он сказал: «Это гораздо меньше того, что Вы знаете». А потом, когда я стал думать, что же мне с этим делать, он объяснил: «Ведь есть простой выход. Возьмите свои статьи, сделайте мостики между ними. Напишите введение,

заключение, вставьте туда Ваши карты, которые подходят – вот и все!» Так оно и получилось.

Вышло так, что я никогда в быту, по жизни, близок к Сергею Александровичу не был. Всего-навсего один раз был у него дома. Раза два он приезжал в экспедиции, в которых я возглавлял населенческую группу, и мы с ним два-три дня беседовали, корректировали «по месту» методику сбора материалов. Раза два или три он отправлял ко мне (как он полушутя говорил – «на стажировку») своих знакомых, обычно доцентов провинциальных вузов, преподавателей, чтобы они посмотрели, как мы работаем. Вот, собственно, и все. И в то же время…

Ковалев был для меня примером не столько даже учителя как такового, хотя я называю его своим учителем и пишу это слово всеми большими буквами, потому что он УЧИТЕЛЬ в самом широком смысле – по его роли в моей жизни в те годы. Он был для меня человеком, которому можно доверять абсолютно. Всегда непросто рассказать, в чем проявилось влияние на тебя какого-то человека. Но есть одно фундаментальное свойство: если его нет в человеке, то, собственно говоря, нет и человека. Это – порядочность. Ковалев был образцом порядочности во всем. Начиная с того, что он никогда не забывал, кому и что он когда-нибудь обещал, и кончая всегда очень ровным, выдержанным поведением. Я очень немного знаю людей, подобных Сергею Александровичу по своим человеческим качествам.

Один раз мы с Л.Б. Микалюкиной, с которой работали вместе и занимались картами для какого-то из больших атласов, наверное, Североказахстанского, сидя на 18-м этаже за большим столом, стали спорить с Сергеем Александровичем по поводу того, какие нужны карты и как лучше их сделать. И Сергей Александрович вдруг сказал, чтобы мы его слушали, что он профессор. Мы были совершенно ошарашены: Сергей Александрович назвал себя профессором! Профессором! Такое впервые в жизни мы от него услышали. И потом долго очень переживали – до чего же мы его довели, что ему пришлось такое нам сказать.

Диплом я писал у Ковалева. Курсовые – у NN. Чуть к нему не пошел с дипломом. Слава богу, вовремя не пошел… И конечно, Ковалеву очень благодарен за то, что он и Лидия Николаевна Гусева меня уговорили бросить мою прежнюю работу (я работал геодезистом в Мосгоргеотресте) и перейти в университет. Хотя, сказали сразу, что вместо моих 150 я буду какое-то время получать 105 рублей.

Попытаюсь подытожить. С.А. Ковалев был человеком предельно высокой надежности и, конечно, высокой культуры поведения во всем – в быту, в отношении к тому, как выполняют его сотрудники порученную им работу, в умении видеть за лозунгами истинное положение вещей, их корни, Он умел, не обидев никого, расставить всех и все по своим местам. Для меня С.А. Ковалев – концентрация всего того хорошего, что я могу увидеть, ожидать в человеке.

В книгах Сергея Александровича я все время нахожу что-нибудь такое, что мне оказывается нужным и полезным для работы с аспирантами, для лекций – иногда как прямое указание, иногда как намек. Причем я даже больше люблю самую первую. Совершенно неисчерпаемый источник! И все мы, знавшие его и глубоко его уважавшие, очень жалеем о том, что Сергей Александрович не сделал одной вещи – не составил понятийный словарь по географии населения, «что есть что». Может быть, эта работа казалась ему слишком простой, но вот уже сколько лет нет Сергея Александровича, а никто до сих пор ничего подобного так и не написал.

С.Е. Ханин

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОВАЛЕВ – УЧЕНЫЙ, ОРГАНИЗАТОР, УЧИТЕЛЬ

В наше замечательное, но меркантильное время в России значительная часть населения почему-то считает, что счастье именно в деньгах и в тех многочисленных материальных благах, которые они доставляют. Спорить с этим весьма трудно, если не сказать – невозможно.

Но так говорят, я думаю, те, кто либо лишен, либо удален от целого ряда нематериальных, но тем не менее невероятно важных благ. Среди них на одно из первых мест, по крайней мере по моему мнению, выходит возможность заниматься серьезным исследованием, поиском еще чего-то доселе неведомого, неизвестного и при этом общаться с интересными, глубокими людьми. Тогда возникает ощущение счастья и праздника, осознание того, что тебе повезло, что тебе удалось реализовать себя, что ты общался с весьма неординарными людьми, посвятившими себя научному творчеству.

Так случилось, что я с 1963 г., с начала как студент кафедры экономической географии Советского Союза, затем как аспирант и сотрудник этой кафедры (которая, впрочем, вскоре стала называться ка-

федрой экономической и социальной географии Советского Союза), жил, учился и работал рядом с профессором нашей кафедры Сергеем Александровичем Ковалевым.

Время было трудное, скользкое, наполненное официальной и неофициальной ложью; научные работы, даже удаленные от политической конъюнктуры того времени, отличались как минимум двоемыслием (это когда открытым текстом – обязательное «марксистско-ленинское обоснование», нечто вроде формальной или неформальной молитвы, а между строк – исследование реальных территориальных систем, социально-экономических или природных). И вместе с тем это было необыкновенно счастливое время.

Окружавшие нас преподаватели были заняты не мелкой суетой, а серьезной наукой. Для них главным в жизни было исследование, передача знаний от одного научного поколения к другому. Общение между учеными, стоявшими на разных ступенях научной иерархии, было абсолютно непринужденным, научные дискуссии втягивали в круг широких обсуждений как пожилых, мастистых профессоров, так и молодых студентов и аспирантов. Но для поддержания нужного для этого климата, атмосферы открытых дискуссий нужны были и люди определенного склада. Они должны были обладать энциклопедическими знаниями о реальных социально-экономических территориальных процессах и структурах, причем не только в аспекте общих закономерностей развития – они должны были знать и частные, местные детали жизни населения, природы и хозяйства разных районов страны.

Наши преподаватели были людьми самодостаточными, без какого бы то ни было комплекса неполноценности, и они отличались высоким уровнем интеллигентности, поэтому спокойно допускали конкуренцию между поколениями и были открыты для любой научной дискуссии. Помимо прочего в это страшно идеологизированное время надо было обладать и незаурядным личным мужеством, чтобы открыто говорить и писать об объективных результатах исследований, которые, как правило, не вписывались в официальные теории (такие, как «выравнивание» города и деревни, преобладающее развитие малых и средних городов, опережающее развитие «перспективных» сельских населенных пунктов и т.п.).

Так вот, нашему поколению невероятно повезло. С нами рядом были такие разные и вместе с тем одинаково устремленные к поиску истины ученые, как Ю.Г. Саушкин, И.М. Маергойз, Г.М. Лаппо,

В.П. Коровицын, И.И. Белоусов, Б.Б. Родоман[2] и другие. Это поколение как эстафету передавало нам знания от замечательной когорты дореволюционной школы российских географов, которая и сформировала культуру научного исследования, комплексного территориального анализа, умение видеть пространство от мелких деталей до глобальных закономерностей.

Сергей Александрович Ковалев был одним из них, но на их фоне как бы менее заметный. Я помню его первые лекции по географии населения: поначалу они показались мне малоинтересными и даже скучными. Но затем эта его замечательная вятская речь, эта особая скороговорка, фантастическая эрудиция, прекрасное знание любой местности России и сельской жизни простого человека, этнических особенностей народов СССР – все это буквально захватило меня, так что мне страстно захотелось заниматься именно географией населения. Правда, я к тому времени уже прослушал также курс Георгия Михайловича Лаппо по географии городов, поэтому моей страстью стала урбанистика.

Важную роль в воспитании научной, исследовательской культуры на кафедре сыграли научные семинары, подготовка и защита курсовых и дипломных работ. Сердца трепетали, если ты попадал в комиссию, где присутствовал С.А. Ковалев, особенно если он был оппонентом твоей курсовой или дипломной работы. Он ее не просто просматривал, пробегая глазами благоглупости, которые мы писали, – он буквально прочитывал каждую строчку, отмечая карандашиком грамматические и стилистические ошибки и неровности стиля, статистические погрешности и неряшливость в анализе статистических, картографических, социологических и иных данных. Но главное – с каким глубоким и прекрасным анализом наших примитивных научных работ выступал Сергей Александрович! Он не прощал неточностей, которыми изобилуют студенческие тексты, но зато как интересно и глубоко он анализировал содержание работ, какие чудные давал замечания по исправлению их недостатков, как точно обрисовывал те возможности дальнейшего исследования, которые вытекали из уже полученных результатов! В общем, это была прекрасная школа серьезного рецензирования научной мысли входящего в науку молодого человека.

И несмотря на его подчас резкие, порой неприятные замечания, у молодого человека не опускались руки. Напротив, после такой рецензии появлялся могучий стимул к серьезному научному творчеству.

[2] Б.Б. Родоман примыкал к более позднему поколению, но по своему влиянию на студентов попадал в разряд «зубров» (*Ред.*).

Студент чувствовал, что к нему относятся как к равному, что он в ходе своего исследования действительно получил пусть маленький, но собственный научный результат. И сам профессор С.А. Ковалев подтвердил это! Ну а уж если в работе действительно обнаруживались интересные результаты, то тут Сергей Александрович не удерживался от самых комплиментарных оценок. Словом, это была серьезнейшая школа научной мысли. Мне как-то особенно везло на рецензирование Сергеем Александровичем моих курсовых работ, дипломного проекта и диссертации. Поэтому я знаю, что говорю. Не было более серьезного критика моих работ, но не было и более благожелательного ценителя научных достижений, которые, возможно, присутствовали в некоторых моих исследованиях.

Затем я много лет наблюдал, как Сергей Александрович пестовал своих «воробышков» – студентов, аспирантов и докторантов, писавших под его руководством свои работы. Я часто удивлялся, с каким невообразимым терпением и трудолюбием он вычитывал их работы, корректируя каждую стилистическую погрешность. Его научные рекомендации и пожелания зачастую серьезно меняли основы их исследований. Я даже думаю, что почти под каждой из руководимых им студенческих, аспирантских и докторских работ он спокойно мог бы поставить свою подпись как их соавтор.

Сейчас много говорится о ксенофобии. Нельзя сказать, что в советские времена не было национальной розни или проявлений антисемитизма. Было, все было. Но даже трудно вообразить что-либо подобное у Сергея Александровича, настоящего русского интеллигента. Я думаю, на просторах бывшего Советского Союза[3] почти не найдется такой национальности, представителей которой он бы не обучал, не воспитывал, не готовил к получению кандидатской или докторской степени. Многие из них не вполне правильно говорили и писали по-русски – и с какой же тщательностью правил С.А. их тексты, буквально «вылизывая» их.

С.А. Ковалев не был добреньким. Он очень часто, рецензируя работы или выступая в дискуссиях, мог позволить себе весьма резкие высказывания о недостатках того или иного исследования. Однако он всегда оставался доброжелательным, никогда не унижал автора критикуемой работы и всегда находил что-то позитивное даже в самом посредственном исследовании. При этом ему удавалось как-то выде-

[3] Да и далеко за его пределами: китайские, польские, венгерские, английские, чехословацкие, немецкие, американские студенты, аспиранты и стажеры и множество прочих представителей стран и народов учились у С.А. Ковалева *(Ред.)*.

лить некоторые особо интересные результаты, которые вытекали из работы, но прошли мимо внимания самого исследователя. Поэтому зачастую он выступал не просто как оппонент, а как непризнанный соавтор оппонируемой работы. Можно считать счастливчиками тех людей, которым удалось «заполучить» Сергея Александровича даже не руководителем, а оппонентом их работ.

В 60-х – 70-х годах прошлого столетия наш географический факультет особенно активно занимался составлением региональных атласов: Тюменской области, Целинного и Алтайского края. Мне как руководителю отряда по изучению городов Алтайского края довелось много работать с Сергеем Александровичем, так как он курировал все, что относилось к изучению населения края. И вот представьте себе краевую гостиницу, буфет и скромного человека в бумажном костюме, стоявшего в очереди за чашкой чая. Это Сергей Александрович Ковалев. За чашкой чая, за рюмкой вина вечером на равных со студентами и аспирантами велись нескончаемые разговоры. Круг наших бесед был широк: о текущей политике, о теории Бунге, о теории центральных мест. Говорили о положении в деревне, о ситуации в каком-нибудь Камне-на-Оби, о роли математических методов в географии, о социальной дифференциации в обществе, о причинах инфляции в современной экономике, о полете американцев на Луну, о движении воздушных масс, о методах прогноза погоды – словом, обо всем на свете. Такое не забывается никогда и остается с тобой навечно.

Вот это – настоящая географическая школа Московского университета! Благодаря таким учителям, как С.А. Ковалев, она поколение за поколением воспитывает исследователей, которым все интересно, все хочется понять – как функционируют и взаимодействуют всевозможные территориальные структуры, как надо определять «болевые точки» развития территории.

А как методично, упорно боролся он со своей привычкой курения. Каждый день он, заядлый курильщик, давал себе задания и записывал: сегодня можно выкурить десять сигарет, завтра – уже только девять и т.д. И ведь бросил-таки курить!

Интересно, как в научных трудах проявляется характер человека. За сравнительно сухим письменным текстом С.А. Ковалев слышится его глуховатая скороговорка, великолепная русская речь. Каждое предложение тщательно выверено, каждая цифра десятки раз проверена, текст сопровождается прекрасным картографическим матери-

алом и заканчивается глубоко продуманными выводами. И все же, может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что в устной речи Сергей Александрович был более раскован, чем в письменной, и высказывал, зачастую экспромтом, чрезвычайно интересные идеи. Как жаль, что в те годы не были в ходу диктофоны…

С.А. Ковалев был энциклопедически образованным человеком. При этом он был отнюдь не всезнайка, и если он о чем-нибудь рассуждал, то всегда с глубоким знанием дела. Мало кто из современных географов имеет сегодня понятие о таких областях знания, как демография, социология, экономика трудовых ресурсов, балансовый метод экономического анализа, картография. Сергей Александрович абсолютно профессионально участвовал в развитии этих смежных с географией областей. Он, может, недостаточно знал методы математического моделирования в экономической и социальной географии, но горе тому исследователю, который, жонглируя математическими формулами и значками, пробовал провести С.А. Ковалева. Он лучше любого специалиста в этой области чувствовал фальшь и трюизмы в интерпретации моделей и легко пресекал попытки спекулировать на этом.

Наука не бывает английской, американской, китайской или русской. Наука, даже социальная – интернациональна. С.А. Ковалев с огромным энтузиазмом участвовал в деятельности различных международных географических, социологических и экономических организаций, особенно в работе Комиссии по населению Международного географического союза. Это было трудное время для такого сотрудничества, поскольку международные контакты советских ученых всячески ограничивались. Но даже в это время С.А. Ковалеву удавалось достойно представлять нашу страну на международной арене. Вся его работа при этом проходила в пределах нашей страны, что не мешало его иностранным коллегам с предельным вниманием относиться ко всему, что выходило из-под его пера.

При всей видимой серьезности, в нем была какая-то детскость. Он по-детски быстро «заводился» и ужасно обижался на тех ученых, которые «забывали человека», отрицали важность социального направления в нашей науке. Неслучайно благодаря именно его усилиям появились новые области знания: география обслуживания, география деревни, социологическая география. При нем заново возродилось забытое направление в советской социально-экономической географии – география человека. За социальное направление в географии он готов был драться на самом высоком уровне.

Говорят, незаменимых людей нет, но они все же есть. И слава богу, что были такие люди, как профессор Сергей Александрович Ковалев. Такими людьми, как он, и воспитываются настоящие ученые, создается культура научного поиска, в конце концов – культура народа!

Без таких людей умирают научные школы.

Молодые люди, читайте классику – читайте С.А. Ковалева.

Г.С. Гужин

ПАМЯТЬ ОБ УЧИТЕЛЕ

В моей памяти Сергей Александрович сохранился прежде всего как Учитель, как образец порядочности, высокой внутренней культуры, настоящего профессионализма. Кроме глубоких профессиональных знаний и огромной эрудиции его отличали скромность, отсутствие амбиций, доброжелательность, тактичность.

Сергей Александрович никогда не унижал ученика за наивные представления о сути какого-то процесса, он просто просил уточнить позицию собеседника путем вопросов – как и почему возникло то или иное явление, к каким последствиям оно может привести, как отразится на дальнейшем развитии. Он не экзаменовал – он беседовал, размышляя вместе с собеседником и поддерживая в нем стремление узнать больше, просчитывать варианты будущего, глубже проникать в суть обсуждаемой проблемы.

Поражала его скромность в быту. Квартира профессора ведущего вуза, известного многим зарубежным коллегам, состояла из двух крошечных комнат и кухни. Все было очень скромно: в кабинете шкаф с книгами, рабочий стол и диван – все солидного возраста и упрощенного стиля. За много лет знакомства – ни одной досадной фразы, сожаления, жалобы на неудобства, на жизненные трудности…

Мне приходилось бывать с ним и в поездках, сочетавших отдых с проведением научного поиска. В то время я исследовал проблемы сельского расселения горных районов Средней Азии, и за два коротких сезона (летом 1976 и 1977 гг.) нам удалось совершить два маршрута вокруг озера Иссык-Куль и в Центральный Тянь-Шань. В этих поездках я, как губка, впитывал совершенно неизвестные мне прежде методы получения информации от местных жителей и руководителей, в том числе и на основе косвенных ответов собеседника. Это была наглядная школа искусства беседы, умения вызвать информированного собеседника на откровенный разговор.

Эти годы и месяцы, проведенные вместе с моим наставником, – самое светлое и продуктивное время в моей жизни. Сергей Александрович учил по Декарту: «Ученик – это не сосуд, который надо наполнять, а факел, который надо зажечь».

В трудную минуту я еще и еще раз перечитываю его письма, хранимые вот уже почти полвека…

Ф.З. Мичурина

ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОД: ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

О хорошем учителе и духовно близком человеке память всегда хранит вспоминания. Они живут в душе сами по себе, о их существовании мало кто знает и могут догадываться лишь самые близкие люди – родные, коллеги, ученики и почитатели многогранного таланта педагога, ученого, человека необыкновенный доброты. Однако проходит время, наступает знаменательная юбилейная дата и появляется возможность хотя бы частично воспроизвести хранящиеся в глубине души воспоминания и поделиться ими с теми, кто знал и столь же высоко ценил этого высокоинтеллектуального человека. Он отставил след в науке и образовании, а также в сердцах и мыслях окружающих его при жизни современников как зрелого возраста, так и людей более молодого поколения. Ученые многих регионов России и зарубежья, в том числе Урала и Перми, обязаны Сергею Александровичу Ковалеву своим научным становлением.

С грустью приходится свидетельствовать: для многоаспектного освещения деятельности Сергея Александровича у автора воспоминаний недостаточно точных сведений – сколь продолжителен и результативен его трудовой путь и творческие свершения. Однако на уровне эмоциональной и содержательной оценки известного ученого, педагога, интеллигентного человека мои воспоминания не только искренни, но и вполне объективны, поскольку основаны на общении не столь уж подробном, но в течение значительного периода жизни.

Вклад Сергея Александровича как ученого в исследование сельского расселения большой страны, являющегося материально-вещественным выражением степени освоенности ее территории, бесценен. Фундаментальная монография о состоянии и тенденциях сельского расселения (1963) является очень полезным руководством для всех изучающих сельскую местность в том или ином аспекте, с той или иной методологической позиции. Более поздние разработки и пу-

бликации отражают неугасающий в течение всей его жизни интерес к оценке динамики основного каркаса расселения и структурных изменений в составе сельского населения.

Профессор С.А. Ковалев явился основателем нового направления исследований в экономической географии – географии сферы обслуживания населения. Результатом формирования и становления этого направления явились не только многие научные публикации, но и учебники, написанные в соавторстве как с коллегами зрелого возраста, так и с коллегами молодыми – его учениками. В этом проявилась его роль и большая заслуга не только в научной, но и в педагогической деятельности, которая тоже была весьма успешной. Он подготовил немало ученых высокой квалификации – кандидатов и докторов наук, а также создал хорошее учебное и методическое основание для результативного и успешного обучения студентов.

Как ученый и педагог он обладал интеллектом высокого уровня. Мне посчастливилось пройти аспирантуру под его научным руководством, что явилось весьма продуктивным, но и не самым простым условием, несмотря на очевидность того, что действительно такой опытный и знающий руководитель не только даст разумный совет и настоит на адекватном подходе к изучению, но и проконтролирует процесс и результат научных изысканий. Тем не менее большие различия не столько в масштабе и глубине знаний, сколько в самом уровне, характере и скорости мысли довольно долгое время в определенный мере затрудняло продуктивное восприятие видения процесса исследования на основе использования опыта руководителя – вплоть до того периода, когда уровень собственной мысли «подтянулся» и стал несколько ближе к высокому интеллекту руководителя.

Учителем он был строгим. Будучи пунктуальным, требовал этого и от других. Вспоминаю случай, запомнившийся на всю жизнь. Пришла на встречу с ним на три минуты позже назначенного времени. На кафедре Сергея Александровича уже не оказалось. Спросила о нем у коллег, объясняя свою «тихоходность» периферийной неопытностью пользования лифтами в таком большом здании, как Московский университет, и своей задержкой прибытия именно в этой связи. Мне ответили так: он уже ушел. Вы могли бы опоздать и на одну минуту – эффект был бы тот же. Использован простой, но безотказно действующей фрагмент воспитания пунктуальности.

Интересна и другая сторона использования Сергеем Александровичем такого педагогического приема психологического характера,

как поддержка начинающего исследования доверием со своей стороны. Он мог сказать так: я знаю, Вы не позволите себе расслабиться, мало работать и не успеть к установленному сроку.

Для него было характерно очень внимательное отношение с оценкой разных возможностей – значительных собственных и несколько иных у другого человека. При долгой совместной работе с текстом диссертации он мог спросить: что устала? И послушав ответ: Вы ведь тоже устали, – весело возразить: да я-то закаленный. Живое общение с ним приносило радость и удовлетворение.

От Сергея Александровича можно было получить совет не только научного характера, но и по поводу решения простых, но весьма важных житейских проблем – например, как устроиться в общежитии по приезде в Москву его заочной аспирантки из Пермского университета. Свой совет он подкреплял словами: учитесь ходить по жизненным дорогам. Вспоминаю и его настойчивый совет по поводу срока защиты уже выполненный диссертационной работы: раз уж дело сделано, защиту следует провести после рождения малыша. Надо, чтобы оба остались здоровыми. Причем в это время ожидания события защиты он при всей занятости взял на себя труд писать письма иногородней аспирантке с советами, вопросами о состоянии дел и информацией о складывающейся для защиты ситуации, проявляя при этом удивительную ответственность за судьбу человека, что в обыденной жизни встречается весьма нечасто.

В дальнейшем в течение последующего после защиты диссертации времени он никогда не забывал о своих учениках. Например, всегда ждал сборники научных трудов из далекой Перми и других городов. Стремился подарить и свои опубликованные работы. В частности, храню и использую фундаментальную публикацию с его авторским участием «Демографический энциклопедический словарь» и другие полезные книги, особенно радующие тем, что они подарены научным руководителем.

Привлекательные человеческие качества Сергея Александровича проявлялись в самых различных случаях и ситуациях. Например, зная о моих трудностях с устройством жилья при деловых поездках в Москву уже после аспирантского времени в статусе иногороднего доцента, он стремился помочь и говорил так: беспокоиться об этом не стоит. У нас квартира просторная, диванчик в гостиной всегда Ваш. Он мог дать совет посмотреть хорошие спектакли в театрах столицы или рекомендовать застать, успеть увидеть на сцене больших артистов со-

лидного возраста. С его подачи мне удалось слышать и видеть Игоря Ильинского в одном из последних его спектаклей.

Слова благодарности своему учителю можно выражать за очень многое, что происходило в течение довольно большого отрезка времени, с момента первого разговора о приеме в аспирантуру и до конца его жизни, что составило более 20 лет – почти четверть века.

Общение приносило большую радость: было ли оно очным или в письмах. Если представлялся случай, он мог пригласить на обсуждение видными представителями ученого мира книги по поводу ее повторного издания. В частности, по поводу этнодемографического справочника С.И. Брука «Население мира» (М.: Наука, 1981). Для нестоличного жителя это было особенно интересно. Или мог пригласить на встречу с другими своими учениками, что приносило и пользу, и радость общения с коллегами из других городов.

Несмотря на большую занятость, Сергей Александрович проникался интересом к столичному городу людей, далеко живущих от центра, мог на такси провезти по интересным местам Москвы маленького мальчика, сына ученицы, проездом попавшего в столицу на пути от пребывания у бабушки к основному месту жизни с родителями.

Относясь критически к себе, всегда оценивал других по достоинству, открывая порой самые незамысловатые качества, которые относил к положительным. В своих письмах – ответах на мои, Сергей Александрович благодарил за сообщения не только о научных результатах, но и о семейных делах и делах на работе. В этом случае в очередном письме напомнила, что и от него тоже появляются сведения самого различного содержания, и получила ответ такой: а этому я уже у Вас научился.

Сам же он очень стеснялся помощи со стороны. Если во время командировки в Москву бралась за уборку в его квартире, он активно выражал недовольство: что за дела? Кандидат наук, доцент, приехала в Москву по делу и занимается мытьем пола, но позднее улыбался и образно оценивал помощь: «Вы осветили мне жизнь путем сияния раковины».

При всех больших достижениях в области науки и педагогической практики Сергей Александрович оставался очень простым и, несмотря на внутреннюю собранность и строгость, вполне доступным, хорошим, добрым человеком и большим надежным другом, который не подведет и не оставит в трудное время, способным помочь в оценке окружающей ситуации, взвесить «наработанные» достижения и сказать вначале – рано, а потом – теперь пара выходить на следующий этап.

Мои сожаления и непоправимая уже ситуация состоит в том, что свою вторую диссертацию довела до защиты уже после того, как он ушел из жизни. Не поторопилась, не успела порадовать новым статусом доктора наук своего столь достойного во всех отношениях научного руководителя – разумно заботливого, ответственного, многопланово содержательного и очень талантливого человека. Зато своего сына назвала Сергеем в честь научного руководителя. Дома никто не возражал, а Сергей Александрович всегда ласково называл его тезкой, хотя видел его в шестилетнем возрасте один раз в жизни, но нередко дипломатично интересовался его учебой, здоровьем, развитием. Сергей тоже стал географом и исследователем туристской теории и практики в сельской местности Прикамья.

Сергей Александрович Ковалев – столь значительная личность, что навсегда останется в моей памяти и, несомненно, в памяти всех, кто его знал, работал с ним, изучал его труды, общался на научных форумах и в других менее формальных местах встреч. Труды его – большого знатока села, сохраняют и будут сохранять значение как для дальнейшего развития науки, так и для оценки генезиса знания в области сельского расселения, населения и социальной инфраструктуры сельской местности.

Ю.Д. Дмитревский

…С С.А. Ковалевым мы встречались на разных геофорумах, на советах по защитам диссертаций (в Москве и Питере). Сергей Александрович излучал доброжелательность и благородство. Когда он говорил, к нему прислушивались буквально все, даже такой эмоциональный человек, как Ю.Г. Саушкин. Особенно ярко это проявлялось на заседаниях экспертной комиссии (или совета?) ВАК по географии. Заседания проходили живо. В ходе дискуссии Ю.Г. Саушкин часто обращался к Сергею Александровичу, и слово последнего практически было решающим, хотя он сам никогда его не навязывал.

THE MEMOIRS OF S.A. KOVALEV

Colleagues and pupils tell about their meetings with S.A. Kovalev The first memoirs date back to 1952, when S.A. Kovalev began to work at the MSU Faculty of Geography.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕОГРАФИИ НАСЕЛЕНИЯ

О.В. Шульгина

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ С.А. КОВАЛЕВА

Взаимосвязь географии и истории как важнейший методологический принцип осознавалась и находила отражение в научной деятельности многих выдающихся ученых. Научное географическое исследование, претендующее на глубину и значимость, не может ограничиться лишь пространственным анализом. В поиске ответов на вопросы «Почему так сложилось?», «В результате каких процессов сформировалась данная ситуация?» мы неизбежно вынуждены обращаться к истории. Такое обращение может быть поверхностным и мало критичным, а может быть пристальным, глубоким и осмысленным, что мы встречаем в целом ряде работ С.А. Ковалева.

В научном творчестве Сергея Александровича историко-географическим аспектам отводилось существенное место. Еще в своем реферате по специальности «Об экономико-географическом положении г. Барнаула», написанном при поступлении в аспирантуру МГПИ и ныне изданном в сборнике избранных трудов С.А. Ковалева (2003, с. 256–282), он представил интересный и содержательный историко-географический анализ развития этого города и проследил по выделенным этапам изменение его экономико-географического положения в условиях трансформации социально-экономического развития территории. В этом реферате была убедительно доказана зависимость экономико-географического положения не только от уровня развития производительных сил прилегающих к нему районов, но и от социально-исторических условий, которые в совокупности оказывают влияние (применяя терминологию Н.Н. Баранского) на макро-, мезо- и микроположение. Данный реферат и сегодня может служить хорошим примером для будущих аспирантов в выполнении творческой вступительной экономико-географической работы.

Глубокое и всестороннее осмысление проблем географии населения, свойственное С.А. Ковалеву, ставшему классиком и непревзойденным авторитетом в области географии населения еще при жизни, основывалось в значительной степени на его высокопрофес-

сиональном умении рассматривать предмет исследования в контексте процессов и тенденций социально-экономического, исторического развития. Важнейшими предпосылками этого были и разносторонние знания ученого, высочайшая трудоспособность и организованность, оригинальность мышления.

Эрудиция профессора Ковалева в вопросах истории России позволяла с большим мастерством использовать междисциплинарный подход для аргументированного разъяснения многих территориальных закономерностей динамики населения и формирования системы расселения.

Обращаясь к работам С.А. Ковалева, невольно восхищаешься, сколь глубокими и разносторонними были его исследования. Вспоминается, что даже краткие выступления Сергея Александровича, не говоря уже о научных докладах, поражали тщательной продуманностью и абсолютным погружением в проблему. Статьи и доклады Ковалева, как правило, были насыщены интересными междисциплинарными обобщениями, новыми мыслями и идеями, часто содержали схематические иллюстрации и неизменно воспринимались как научное явление.

Социальная география как область исследований С.А. Ковалева требовала ретроспективного подхода для понимания процессов, закономерностей, для выявления тенденций развития. Поэтому историко-географический подход и историко-географические аспекты присутствовали во многих работах этого ученого и замечательного педагога. Автору данной статьи несказанно повезло учиться у профессора Ковалева – слушать его лекции по географии населения и географии сферы обслуживания, выполнять под его руководством дипломное и диссертационное исследование. Первые историко-географические представления мы, студенты Ковалева, получили уже на втором курсе, когда знакомились с томами первой Всероссийской переписи населения 1897 г. И о чем бы ни рассказывал нам Сергей Александрович, он давал отчетливое представление об исторической обусловленности многих социально-географических явлений современности.

В научном творчестве С.А. Ковалева можно встретить как теоретические идеи, так и примеры блестящего использования историко-географического подхода. Среди теоретических идей, которые являются несомненным вкладом в методологию изучения сельского расселения, можно назвать следующие.

Обоснование важности *историко-генетического направления* изучения поселений и *определение особых задач географии* в таком изучении (наряду с задачами истории, этнографии, градостроительной науки). С.А. Ковалев подчеркивал: «Задача географов в историко-генетическом изучении поселений – правильное и глубокое объяснение существующей картины расселения, происхождения региональных различий в функциях, облике, величине и размещении селений – изучение причин и условий, которые привели к этим различиям. Используя нужные ему материалы и научные выводы истории и этнографии, географ не может удовлетвориться ими, привлекая прошлое лишь для объяснения современного, идя от общего к его местным проявлениям и вариантам и включая в круг рассмотрения некоторые стороны, полностью или в значительной мере ускользающие от внимание других отраслей науки. К таким сторонам относятся, например, влияние природных условий на размещение поселений и роль исторически меняющегося экономико-географического положения селений в развитии их современной сети» (Ковалев, 1957, с. 174).

С.А. Ковалевым впервые была обоснована необходимость *серьезной источниковедческой работы* (по примеру историков) *в области изучения географии населения*, заключающейся не только в выявлении историко-географических материалов, но и в систематизации и оценке современных данных. В монографии «Географическое изучение сельского расселения» (Ковалев, 1960, с. 193–242) Сергей Александрович формулирует принципиальные положения по источниковедению в изучении расселения и дает сводный обзор основных источников, содержащих сведения о расселении. В этой работе С.А. Ковалев подчеркивал, что все используемые при изучении расселения материалы могут и должны быть оценены и систематизированы с разных точек зрения: по периодам, по видам и содержанию, по охвату территории страны, по качеству данных, по условиям их использования и т.д.

Говоря о *периодизации исторического материала*, являющейся важнейшим компонентом историко-географического метода исследования, С.А. Ковалев пишет, что в ее основу следует положить общую историческую периодизацию, поскольку она соответствует основным этапам социально-экономической истории страны, неизбежно отражающимся и на развитии поселений. При этом он обращает внимание на два момента – на то, что переломные моменты в развитии расселения могут быть «внутри» того или иного историче-

ского периода, и на разновременность многих исторических этапов для различных районов нашей страны.

Далее в работе представлена периодизация развития сельского расселения и дан глубокий критический анализ разнообразных источников по географии населения различных периодов: от древних рукописей, монастырских архивов, описаний путешественников, писцовых книг, ревизий и до всероссийских переписей населения, сельскохозяйственных переписей, данных центральных и областных архивов, географических карт различного периода. Таким образом, С.А. Ковалевым дан глубокий источниковедческий анализ, показавший, сколь обширны и разнообразны материалы, которые необходимо привлекать к историко-географическому исследованию населения. Подчеркнуты большие возможности для историко-географического исследования параллельного и одновременного использования статистических данных и крупномасштабных карт.

Сергей Александрович отмечал, что «все эти *историко-географические материалы* еще очень мало использованы как географами, так и историками для изучения сельского расселения. Особенно слабо использованы архивные, фондовые материалы, требующие наиболее кропотливой работы. Почти не подверглись обработке материалы Генерального межевания XVIII в., земские статистические материалы конца XIX – начала XX в., а для советского периода – фондовые материалы переписи 1939 г., в частности – списки поселений… Организация такой работы (лучше всего совместно с историками)… необходима, если мы хотим обеспечить подлинный историзм и научную глубину в географическом изучении современного сельского расселения» (Ковалев, 1960).

Прошло около 50 лет со времени написания этих слов, однако высказанные пожелания в целом так и остались нереализованной программой историко-географических исследований. Если в советский период доступ к достоверным историческим и статистическим источникам был усложнен, то в настоящее время такие исследования могли бы внести серьезный вклад в развитие исторической географии населения страны и ее отдельных регионов. И здесь надо четко представлять, что историческое исследование расселения должно проводиться не из любопытства и желания только воссоздать картину прошлого, а для того, чтобы, как подчеркивал С.А. Ковалев, выяснить историческую обусловленность многих черт современных поселений.

Поставленная еще в советское время С.А. Ковалевым задача разработки *генетической типологии* сельских поселений на основе источников досоветского периода в настоящее время приобретает дополнительный смысл. А именно при создании современной генетической типологии сельских поселений в качестве исторических источников выступают уже и сведения советского времени.

Стимулом для оживления историко-географических исследований системы расселения должны стать: открытость большинства ранее труднодоступных или недоступных источников (документов, статистики, карт), возможности компьютерных технологий в оперативной обработке и картографировании материалов. Необходимость таких исследований и широкой публикации их результатов позволит избежать ранее допущенных просчетов в попытке необдуманно изменить ситуацию в системе сельского расселения и связанной с ней сфере обслуживания на селе. Например, уже снова на наших глазах осуществляется реорганизация сети школьных общеобразовательных учреждений с объединением малокомплектных сельских школ в более крупные и с организацией подвоза к ним детей из малых сел. В каких-то районах, по-видимому, это будет оправданно, а если это станет устойчивой и повсеместной тенденцией? Как это напоминает некогда нами пережитое закрытие социально-культурных объектов в «неперспективных» селах! Последствия для системы сельского расселения тогда оказались невосполнимыми. А что будет происходить сейчас?

На этот и множество других вопросов современности могут ответить пристальные историко-географические исследования, теоретические и методологические основы которых мы находим в трудах Сергея Александровича Ковалева.

Литература

Ковалев С.А. Географическое изучение сельского расселения. – М.: Геогр. ф-т МГУ, 1960.

Ковалев С.А. Избранные труды. – Смоленск: Ойкумена, 2003.

Ковалев С.А. Об экономико-географическом положении сельских поселений и его изучении // Экономическая география / Вопросы географии. Сб. 41. – М.: Географгиз, 1957. С. 134–176.

Ковалев С.А. Сельское расселение (Географическое исследование). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963.

O.V. Shulgina

HISTORICAL-GEOGRAPHICAL ASPECTS IN S.A. KOVALEV'S SCIENTIFIC WORKS

The contribution of S.A. Kovalev to formation of historical-geographical approach of studying rural settlement pattern is discussed. He has proved the importance of historical-genetic line of studying of settlements and identified specific tasks of geography. He has postulated principal approaches to source studies in the sphere of settlement pattern and has made a summary review of the basic sources containing data on settlement pattern. At present the historical-geographical research, which was previously impeded because of inaccessibility of many sources, has wide prospects for development and acquires both fundamental scientific and practical importance since the problem situations in settlement pattern tend to repeat (for example, new reduction of rural school network, etc.).

Е.Е. Лейзерович

ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ МИРА

На современной карте населения Земли в первую очередь обращает на себя внимание его территориальная концентрация, т.е. наличие, с одной стороны, множества густонаселенных районов, а с другой стороны, обширных территорий, почти лишенных постоянного населения.

Территориальная концентрация населения (ТКН) в различной степени наблюдается и почти во всех странах мира. Для конкретной страны, области или местности ее уровень – важнейшая характеристика размещения населения. Он отражает характер освоения территории, степень развития сети урбанизированных поселений, прежде всего крупных городов, многие другие особенности расселения.

ТКН – не только состояние, но и процесс, в который вовлечены миллионные массы людей. Он может идти как в сторону усиления ТКН, так и в сторону ее ослабления. Для этого существует много конкретных причин природного, исторического и экономического характера.

Различия в природных условиях, наблюдаемые практически в любой стране, делают разные районы одной и той же страны как привлекательными, так и недоступными для проживания людей. Иногда эти различия дополняются различиями в возможностях ведения земледелия, которые сильно сказываются на плотности сельского населения, а следовательно, и на его территориальной концентрации.

Исторические условия наложили заметный отпечаток на различия в ТКН стран старого заселения и стран сравнительно недавнего освоения. В странах старого заселения ТКН часто связана с опережающими темпами роста населения их древних столиц и наиболее крупных городов – в прошлом центров феодальных княжеств, влившихся в состав современных государств. В странах сравнительно недавнего освоения население концентрируется прежде всего вдоль «трасс освоения» – морских побережий, рек, а также сухопутных транспортных путей, ведущих в глубь страны.

Экономической причиной ТКН в масштабе страны может быть активизация хозяйственной деятельности в ее определенных частях. На локальном уровне экономическими причинами ТКН могут быть формирование зон хозяйственного тяготения вокруг крупных городов и

прокладка железнодорожных магистралей (правда, влияние последних на ее усиление имеет место далеко не во всех случаях).

Изменяется уровень ТКН обычно достаточно медленно, но иногда этот процесс ускоряется войнами, голодом, этническими чистками, иными стихийными и «запланированными» действиями.

Концентрация – одно из наиболее общих фундаментальных свойств географического пространства. ТКН, как и территориальная концентрация других объектов, изучаемых экономической и социальной географией, – это проявление действия закона (закономерности) пространственной концентрации, одного из пакета «начал» территориальной организации общества, предложенного А.А. Ткаченко. Формулировка этого закона такова: «Отдельные участки земной поверхности, в силу своего положения или каких-либо иных своих свойств, обладают повышенной привлекательностью и поэтому становятся местами концентрации населения и его деятельности» (Ткаченко, 2009, с. 220).

По нашему мнению, научные законы – это выражение процессов, в основе которых лежат функциональные зависимости явлений. Такие зависимости и явления, с ними связанные, не входят в число предметов специального изучения именно экономической и социальной географии. Однако формулировку немалой части явлений, изучаемых экономической и социальной географией, но связанных между собой лишь корреляционными зависимостями, вполне допустимо отнести к законам, или, лучше сказать, к закономерностям или «началам».

Картина ТКН достаточно хорошо просматривается на картах населения. Однако для сравнения уровней концентрации на отдельных территориях необходимо и их количественное выражение. Для этого разработан целый ряд показателей. Наиболее простым и вместе с тем наглядным, на наш взгляд, представляется показатель, предложенный видным российским демографом профессором Б.Ц. Урланисом (1906–1981): доля (в %) территории наиболее плотнонаселенных районов страны, сосредоточивающих 50% всего ее населения, в общей площади страны (Урланис, 1962). Высокие значения этого показателя указывают на малую концентрацию населения, сравнительно равномерное его размещение. И наоборот, чем ниже его значение, тем сильнее концентрация населения, контрастней его размещение.

Для исчисления показателя Урланиса районы (части) страны сначала ранжируются по плотности населения (первый, второй, третий и т.д.) начиная с имеющего самую высокую плотность населения. За-

тем отбираются наиболее плотнозаселенные районы, сосредоточивающие 50% всего населения страны, и подсчитывается их суммарная площадь. У района, последнего в перечне, площадь учитывается не полностью, а пропорционально его участию в наборе необходимых 50%. Вычисленная суммарная площадь соотносится с общей площадью страны или иной исследуемой территории.

То, что предложенный показатель адекватно отражает картину ТКН в том случае, если имеется достаточно дифференцированная в территориальном разрезе статистика населения, было подтверждено расчетом уровней ТКН в республиках СССР. Использовалась сетка, в которой по каждому из 719 экономических микрорайонов, выделенных на территории страны, приведена численность и плотность населения на 1979 г. (Рекомендации по районированию..., 1988). На основании позже опубликованных данных о населении районов и городских поселений союзных республик (Численность населения РСФСР..., 1990; Численность населения союзных..., 1990) по всем экономическим микрорайонам был дополнительно проведен подсчет численности населения на 1990 г. и сделаны расчеты его плотности. После этого стало возможным сравнить уровни ТКН на 1979 и 1990 гг. для всех республик, кроме Туркменистана (табл. 1). По Туркменистану подходящей статистики населения не оказалось. Административные районы республики, по которым такая статистика существует, включали в свои границы, как правило, и населенные земли оазисов, и не имеющие постоянного населения обширные участки пустыни. Подсчет уровня ТКН республики дал неадекватные результаты.

Цифры, приведенные в крайнем правом столбце табл. 1 – это показатели уровней ТКН. Их сравнение для союзных республик хорошо показывает различия в особенностях ТКН.

Самую высокую ТКН среди республик СССР имела Россия, большая часть которой занята слабозаселенными тундровыми и таежными пространствами. Если одна половина ее населения проживает на территории, средняя плотность населения которой около 100 чел./км^2, то другая половина – на территории, средняя плотность населения которой лишь 4,5 чел./км^2. Сильная ТКН и в Узбекистане, где большую часть территории занимают пустыни и горы. Все же она здесь почти в два раза слабее, чем в России.

В границах 12 других республик СССР ТКН была заметно меньше, чем в России и Узбекистане. К числу республик с наибо-

Таблица 1. Территориальная концентрация населения республик СССР в 1979–1990 гг.

Республика	Территория, тыс. км²	Число экономических микрорайонов	В том числе сосредоточивших 50% всего населения*		Их общая площадь, тыс. км²		В % ко всей территории	
			1979 г.	1990 г.	1979 г.	1990 г.	1979 г.	1990 г.
Россия	17 075	423	67	65	735,0	722,0	4,3	4,2
Узбекистан	447	30	6	7	31,3	33,6	7,0	7,5
Казахстан	2717	74	12	12	324,1	315,8	11,9	11,6
Латвия	64	9	3	2	10,1	8,9	15,8	13,9
Таджикистан	143	11	3	3	22,5	22,7	15,7	15,9
Армения	30	7	1	1	6,2	5,5	20,7	18,3
Грузия	70	11	3	3	14,0	13,0	20,0	18,6
Киргизстан	198	11	3	3	35,0	37,0	17,7	18,7
Азербайджан	87	13	4	4	20,5	20,5	23,6	23,6
Украина	604	79	18	17	165,0	157,2	27,3	26,0
Литва	65	10	3	3	19,4	18,7	29,8	28,8
Эстония	45	8	3	2	14,2	13,4	31,6	29,8
Белоруссия	208	21	9	7	67,7	62,1	32,5	29,9
Молдавия	34	5	2	2	12,8	12,1	37,6	35,6

** Включая микрорайоны, площадь которых входит в подсчет не полностью.*

лее концентрированным и, следовательно, относительно неравномерным расселением относились Казахстан, Латвия, Таджикистан, Армения, Грузия, Киргизия. Здесь половина населения была сосредоточена в районах, занимающих лишь от 11 до 19% всей территории республики.

В пустынно-степном Казахстане почти все густонаселенные местности включали в свой состав областные центры. В этих центрах и вокруг них заметно лучше условия водоснабжения, сосредоточена основная часть промышленности республики, развито относительно интенсивное сельское хозяйство.

Горные республики – Таджикистан, Армения, Грузия, Киргизия – оказались, в основном также в силу своих природных условий, в числе стран с сильной ТКН и крайне неравномерным расселени-

ем. В этих республиках имеет место заметное сосредоточение населения в сравнительно небольших по площади межгорных долинах, а обширные высокогорные территории заселены редко или безлюдны.

В числе республик, имевших резко концентрированное население, – и равнинная Латвия, где почти половина всего населения проживала в Риге и ее ближайших окрестностях. Но это уже результат действия причин не природного, а исторического характера. В период нахождения Латвии в составе СССР население ее столицы росло опережающими темпами по сравнению с ростом общей численности населения республики. Это происходило в основном за счет притока в Ригу русских, украинцев и белорусов, составивших здесь в 1989 г. 57% всего населения (Национальный состав..., 1991). Доля Риги в общей численности населения Латвии поднялась с 18% в 1939 г. до 34% в 1990 г.

Шесть республик бывшего СССР – страны с относительно равномерным расселением. В Азербайджане половина населения сосредоточена в местностях, занимающих почти $^1/_4$ его территории, на Украине, в Литве, Эстонии, Белоруссии – в районах, площадь которых составляет 26–30% территории этих республик. Самое равномерное расселение – в Молдавии, где наиболее густонаселенные местности, сосредоточившие половину населения республики, занимали почти 36% всей ее территории. Если эта половина населения Молдавии проживала в районах, средняя плотность населения которых составляла 130 чел./км^2, то другая половина – там, где плотность населения была равна в среднем 100 чел./км^2. Разница менее чем двукратная. А в России она более чем двадцатикратная.

Следующим полигоном для количественной оценки ТКН был выбран весь земной шар, точнее, вся мировая суша. Использовались статистические данные из ежегодника Британской энциклопедии, в котором приводится численность населения как по странам в целом, так и по их административным единицам первого ранга (Encyclopaedia Britannica, 1995). Первоначально были ранжированы по плотности населения все административные единицы первого ранга, у которых эта плотность превышала 150 чел./км^2, а затем отобраны те из них, в которых сосредоточено 50% всего населения Земли. И хотя эти административные единицы в разных странах заметно отличаются и средними размерами территории, и средним количеством проживающего населения, это не помешало достаточно точно, на наш взгляд, определить уровень ТКН земного шара.

Результаты подсчетов показали, что в середине 1993 г., когда общая численность населения мира превысила 5,5 млрд чел., а средняя плотность населения суши (без Антарктиды) составила 40 чел./км^2, половина всего населения земного шара проживала в тех районах, плотность населения которых превышала 193 чел./км^2. В дальнейшем будем называть их наиболее плотнонаселенными районами (или территориями) мира. Административные единицы первого ранга разных государств, относящиеся к таким районам мира, занимают только 7,2 млн км^2, или 5,3% всей мировой суши (без Антарктиды). Средняя плотность населения этой «сверхтесно» населенной части мира, сосредоточивающей в своих границах одну половину человечества, равна примерно 385 чел./км^2. В то же время другая половина человечества «разбросана» по территории, средняя плотность населения которой составляет лишь 21 чел./км^2. Разница восемнадцатикратная.

Районы мира с максимальной плотностью населения – это Юго-Восточная Азия (Китай, Япония, Индокитай, Индонезия), Индия, Западная Европа, северо-восток США. Эти районы заметно делятся на две группы. В первой преобладают районы – части государств, расположенных в зонах тропического или субтропического климата, допускающего 2–3 жатвы в год. Это, как правило, районы древнего заселения и древней земледельческой культуры. В настоящее время большая их часть принадлежит развивающимся странам. Высокая плотность населения здесь связана прежде всего с историческими традициями (в первую очередь религиозными) и хорошей урожайностью риса и других зерновых культур.

Во второй группе районов мира с максимальной плотностью населения преобладают территории нового и новейшего освоения и сгущения населения. Ведь в Европе подъем численности населения начался лишь в XV в., а в США – в XVIII в. Большинство стран, в границах которых расположены районы этой группы, относятся к числу промышленных, ввозящих много сельскохозяйственных продуктов и различного сырья за счет вывоза промышленных изделий и получения прибылей от внешних капиталовложений.

Основная часть наиболее плотнонаселенных территорий мира находится в Азии, где они занимают 6,0 млн км^2, или 13,5% всей площади материка. Почти $^4/_5$ этой площади составляют районы Китая (2,7 млн км^2) и Индии (2,0 млн км^2). В сумме на долю этих двух государств приходится чуть меньше $^2/_3$ всех наиболее плотнонаселенных территорий мира. Значительны площади подобных терри-

торий и в ряде других стран Азии: более 100 тыс. км^2 они занимают в Пакистане, Японии, Бангладеш, Индонезии, на Филиппинах, во Вьетнаме.

Второе место после Азии по площади территорий с плотностью населения свыше 193 чел./км^2 занимает Европа, где на такие территории приходится около 600 тыс. км^2, или 5,8% всей площади материка. Более половины этих территорий составляют районы Германии, Италии и Великобритании.

В Африке административные единицы с плотностью населения свыше 193 чел./км^2 имеются в $^3/_4$ всех стран континента. Однако значительные площади они занимают лишь в Египте, Кении, Нигерии, ЮАР, Руанде. В целом по Африке площадь подобных административных единиц составляет только 227 тыс. км^2, т.е. меньше 1% всей площади материка. Близка к этому картина в Северной и Южной Америке. В первой основная часть территорий с плотностью населения свыше 193 чел./км^2 приходится на долю США, во второй – принадлежит Венесуэле, Бразилии, Чили и Колумбии. Практически отсутствуют районы с плотностью населения свыше 193 чел./км^2 в Австралии и Океании: в сумме они занимают здесь 1,5 тыс. км^2.

В табл. 2 приведены данные о странах, в которых на территориях с плотностью населения свыше 193 чел./км^2 проживают не менее 10 млн чел. В этих странах сосредоточено 92% населения мира, проживающего на всех наиболее плотнонаселенных территориях. В странах, перечисленных в табл. 2, такие территории занимают в сумме 6,65 млн км^2, что составляет 92% от площади всех наиболее плотнонаселенных районов мира.

Представленные в табл. 2 страны очень заметно различаются по количеству жителей на наиболее плотнонаселенных территориях. В первую группу входят Китай и Индия, где от 700 млн до 900 млн чел. проживают на наиболее плотнонаселенных территориях, во вторую – Индонезия, Бангладеш, Япония, где на таких территориях живут от 100 млн до 110 млн чел. Третью группу составляют девять стран, занимающих в табл. 2 места с 6-го по 14-е – в них на наиболее плотнонаселенных территориях проживают от 35 млн до 55 млн чел. В четвертую группу входят все остальные страны, перечисленные в табл. 2. В них на наиболее плотнонаселенных территориях проживают от 10 до 20 млн чел.

В наши задачи не входила оценка уровня ТКН для стран мира. Однако мы подсчитали его для стран, включенных в табл.2, при-

Таблица 2. Страны, в которых более 10 млн чел. проживают на территориях с плотностью населения свыше 193 чел./км² (на середину 1993 г.)

№ п/п	Страны	Территории с плотностью населения свыше 193 чел./км²			Их доля, %	
		население, млн чел.	площадь, тыс. км²	плотность населения, чел./км²	в населении страны	в территории страны
1.	Китай	891,2	2714,0	328	76	28
2.	Индия	716,2	2042,3	351	84	64
3.	Индонезия	110,4	138,8	795	62	7
4.	Бангладеш	109,9	148,4	741	100	100
5.	Япония	106,1	195,5	544	85	52
6.	Германия	53,7	145,0	370	66	41
7.	Египет	52,1	41,7	1249	90	4
8.	Пакистан	50,9	206,2	247	57	26
9.	Вьетнам	48,4	107,6	449	70	33
10.	США	46,3	146,0	317	18	1,5
11.	Филиппины	46,0	131,3	350	66	44
12.	Великобритания	44,1	77,2	571	76	32
13.	Южная Корея	35,6	55,5	641	82	56
14.	Италия	35,6	99,3	358	63	33
15.	Франция	19,9	41,4	481	35	8
16.	Тайвань	19,8	23,9	828	95	66
17.	Россия*	19,6	47,0	417	13	0,3
18.	Мексика	19,2	27,9	688	24	1,4
19.	Бразилия	14,4	49,8	289	10	0,6
20.	Шри-Ланка	14,2	31,7	448	83	48
21.	Нидерланды	14,0	26,5	528	92	64
22.	Кения	12,4	38,5	322	50	7
23.	Польша	10,9	26,3	414	28	8
24.	Нигерия	10,5	22,2	473	12	2
25.	Северная Корея	10,4	35,8	290	54	29
26.	Иран	10,0	28,2	355	18	2

** Для России расчеты проведены не по административным единицам, а по экономическим микрорайонам (Рекомендации по районированию..., 1988).*

чем не всех, а тех из них, в которых более половины населения проживает на территориях с плотностью населения выше 193 чел./км^2. Рассчитанные уровни ТКН (по Урланису, %) приводятся ниже:

Египет	– 1,2	Великобритания	– 11,2	Пакистан	– 22,8
Индонезия	– 5,6	Китай	– 14,3	Германия	– 24,0
Южная Корея	– 6,5	Вьетнам	– 15,3	Филиппины	– 26,8
Кения	– 6,6	Шри-Ланка	– 15,8	Бельгия	– 28,0
Тайвань	– 7,3	Нидерланды	– 20,5	Индия	– 38,6
Япония	– 10,8	Италия	– 22,2		

Они, на наш взгляд, хорошо отражают общую картину территориальной концентрации населения в рассмотренных странах. Не рассматривалось государство Бангладеш из-за отсутствия в нашем распоряжении статистики населения его административно-территориальных единиц первого ранга.

За пределами нашего рассмотрения остались многие страны с достаточно высокой территориальной концентрацией населения, в границах которых совсем нет или почти нет территорий, называемых нами наиболее плотнонаселенными, т.е. с плотностью населения свыше 193 чел./км^2. Это и Австралия, и Канада, и Бразилия, и многие страны Африки и Ближнего Востока. О России было сказано выше.

Литература

Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М.: Госкомстат СССР, 1991.

Рекомендации по районированию территории СССР для целей расселения и районной планировки. – М.: Стройиздат, 1988.

Ткаченко А.А. Некоторые элементы общей теории территориальной организации общества // Социально-экономическая география. Традиции и современность / под ред. А.И. Шкириной и В.Е. Шувалова. – М.–Смоленск: Ойкумена, 2009.

Урланис Б.Ц. Общая теория статистики. – М., 1962.

Численность населения РСФСР по городам, рабочим поселкам и районам на 1 января 1990 года. – М.: Госкомстат РСФСР, 1990.

Численность населения союзных республик (кроме РСФСР) по горо-

дам, поселкам городского типа и районам на 1 января 1990 года. – М.: Госкомстат СССР, 1990.

Encyclopaedia Britannica. Book of Year, 1995. – Chicago, 1995.

E.E. Lejzerovich

EXPERIENCE OF A QUANTITATIVE ASSESSMENT OF THE TERRITORIAL CONCENTRATION OF POPULATION.

Distinctions in concentration of the population within the former USSR and between the world countries are considered. The indicator of concentration suggested by the prominent demographer B.Ts. Urlanis is used.

Л.Б. Карачурина, Н.В. Мкртчян

ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РАЙОНОВ И ГОРОДОВ РОССИИ (1989–2010 гг.): ЦЕНТРО-ПЕРИФЕРИЙНЫЕ СООТНОШЕНИЯ

Немного о постановке вопроса: центро-периферийные градиенты в пространстве

Начиная с работ Й. фон Тюнена (Thünen, 1863) и до нашего времени, центры и окружающая их территория неизменно рассматриваются как взаимодополняющие, но, безусловно, различные категории. Эти различия проявляются буквально во всем: ментальном, экономическом, социальном, инфраструктурном укладе. Повсеместно в мире действует одна и та же схема – кристаллизация массы вокруг ядра приводит к расплыванию границ ядра и усилению его силы (мощности). Классическая теория Дж. Фридмана «Центр – периферия» (Friedmann, 1966) постулировала, что неравномерность экономического роста и процесс пространственной поляризации неизбежно порождают диспропорции между центром и периферией (тоже внутренне неоднородной и делящейся на ближнюю и дальнюю). Центр является «мотором» развития системы (за счет постоянной качественной трансформации вследствие генерирования, внедрения и диффузии нововведений) и одновременно «пылесосом», выкачивающим из периферии все виды ресурсов, включая человеческий потенциал. Концепция, таким образом, является объяснительной теорией межрегионального неравенства (в широком смысле этого слова).

Современные исследования показывают, что региональные процессы действуют менее однозначно, чем это следует из теории Дж. Фридмана. Дифференциальная урбанизация приводит к появлению не однозначно выделяемых «центров» и соответственно «периферий», а многослойности пространства, множественности ядер и периферий поляризации.

В «городском континууме» традиционные центро-периферийные структуры превратились в «пэчворк», в котором периферические места были модернизированы и благодаря реструктуризации промышленности от производства товаров к оказанию услуг (современной терциаризации экономики) даже стали активными экономическими

игроками (Borsdorf, Salet, 2007). Но экономическое процветание и социальное равновесие не всегда однонаправлены. Кроме того, большие по площади территории вообще дают меньше оснований для оптимизма. Исследование пяти канадских периферийных районов, выполненное M. Polese и R. Shearmur, постулирует, что падение численности населения периферийных территорий в конце демографического перехода будет становиться все более обычным явлением (Polese, Shearmur, 2006). И в этой связи периферийные и центральные районы станут существенно различаться структурой населения. Постепенно из периферийных районов все сильнее будет вымываться молодое население. Работы группы исследователей, возглавляемой M. Kupiszewski (Kupiszewski и др., 1997, 2001a, 2001b), показали, что в странах с высокой внутренней миграционной мобильностью молодое население все больше стремится к столицам, центрам регионов и другим крупным городам, в то время как другие группы населения деконцентрируются (Kupiszewski, 2001).

Новая экономическая география (Krugman, 1993) главное внимание сосредоточила на материальных потоках, в то время как другие факторы, способствующие концентрации экономики и населения в одних местах по отношению к другим, остались немного в стороне. По мнению E. Glaeser и J. Kohlhase (2004), это снижает актуальность моделей новой экономической географии для объяснения регионального роста в XXI в., в котором бытовые преимущества места становятся первостепенными.

В любом случае приведенные выше соображения показывают, что поляризационные пространственные процессы в современном развитом обществе не затухают.

При этом нам известно сравнительно мало исследований, связанных с пространственным взаимодействием городских центров и периферий с точки зрения населенческой динамики. В работе M. Partridge, D. Rickman и др. (2006) рассматриваются результаты эмпирического анализа динамики численности населения в контексте центра-периферии через исследование потенциальной связи между низовыми административными единицами США и их близостью к городским районам разного уровня. Отмечаются неодинаковые тренды динамики численности и миграционного взаимодействия с ближайшими городами в зависимости от разных факторов, например, от численности населения ближайшего метрополитенского ареала. Современным пространственным взаимодействиям между центром и перифе-

рией уделяется внимание в работах Eeckhout (2004); Head and Thierry (2003); Hanson, Gordon (2001).

Разная динамика численности населения центральных, полупериферийных и периферийных местностей отмечена в исследованиях по Германии. Помимо текущих трендов анализируются прогнозы, основанные на данных статистики по муниципалитетам. Согласно этим прогнозам, в период с 2005 по 2025 г. население центров и периферии будет иметь разную динамику, убыль населения будет возрастать по мере удаления от центров (Spangenberg, Kawka, 2008). В исследовании Swiaczny F., Graze P., Schlömer C. (2008) в числе последствий этих изменений анализируется ускоренное старение населения сельской периферии.

В СССР концепция «центр-периферия» изначально была воспринята с некоторой настороженностью: незавершенность урбанизационного процесса, огромные перераспределительные потоки, а также планы всемерного рассредоточения деятельности по огромной территории отчасти нивелировали различия по линии «центр – периферия». Тем не менее работа О. Грицай, Г. Иоффе, А. Трейвиша «Центр и периферия в региональном развитии» (1991) отчасти базируется на советском эмпирическом материале. Несмотря на партийные установки на стирание различий между территориями, городом и деревней, реальные контрасты типа «центр – периферия» были велики, учитывая изначально низкую интенсивность и просто плотность деятельности и расселения, а также специфику догоняющей урбанизации.

Эти контрасты усилились под воздействием системного кризиса 1990-х гг., когда «слабые стали еще слабее, а сильные – сильнее». В работах, выполненных в 1990-е гг. А. Трейвишем (2001); Т. Нефедовой (2003); А. Трейвишем, Т. Нефедовой (1994, 2002); Т. Нефедовой, Г. Иоффе (2001); Н. Зубаревич (2000, 2003) и некоторыми другими исследователями, показывается, что «слабость», конечно, результат не только периферийности. На огромном российском пространстве проявляются много дихотомий: север – юг, «русские» края и области – «этнические» регионы, староосвоенный запад – слабоосвоенный пионерный восток. Тем не менее именно внутрирегиональные центро-периферийные градиенты оказываются универсальными, действуя на севере и на юге, в «этнических» и «неэтнических» регионах, притом на разных уровнях – от федеральных округов до муниципалитетов. Однако на этом «этаже», самом нижнем, но самом «реальном», исследований почти не ведется. Исключением –

для общероссийского уровня – является лишь упоминавшаяся выше работа Т. Нефедовой (2003), которая построена на анализе и административных районов европейской части страны. Внимание этой проблеме уделено в монографии А. Трейвиша (2009, с. 274–279), а также в его совместных с Т. Нефедовой работах (Нефедова, Трейвиш, 2010).

Глубинные трансформационные изменения рубежа 1990–2000 гг., совпавшие с серьезнейшими демографическими переменами, ведут к усилению дихотомии между фокусными точками и периферией. То, что ценится жителем столицы региона, не обязательно значимо для проживающего на периферии. Политические свободы, демократию, свободу передвижений, ориентацию на достижение успеха, по данным всероссийских опросов, относит к «ценностям» значительная часть жителей столичных и в меньшей степени крупных городов, тогда как в иерархии ценностей жителей малых городов и особенно сел эти ценности или не значатся вовсе, или находятся на последних позициях (Хамзина, 2004). Центры и периферия по-прежнему, даже в большей степени, чем в советское время, живут в разном «социальном времени». По В.Л. Каганскому (2001, с. 251), в центрах доминирует работа со знаками и символами (политика, массмедиа), на периферии – с вещами (производство, натуральное хозяйство) или, по А. Трейвишу и Т. Нефедовой (2002), «тут жизнь зависит от курса доллара, там – от погоды и урожая картошки».

Все это означает, что в условиях качественной и количественной нехватки разного рода ресурсов центры будут более активно «выкачивать» их из периферии, в том числе человеческие ресурсы, что также будет усиливать и закреплять различия между центрами и периферией, ослабляя последнюю. Отсюда отправная точка нашей гипотезы: в современных условиях усиливается концентрация населения в региональных центрах и ближайших к ним районах, а остальные территории, если только они живут не благодаря ренте местоположения или добычи, будут быстро пустеть. При депопуляции сохранять и тем более увеличивать численность населения способны только динамично развивающиеся территории; основным двигателем перераспределения является дефицитарность локальных рынков труда. Насколько выражена зависимость динамики численности населения от расстояния до регионального центра (в км); от ранга соседства по отношению к региональной столице (нулевой ранг – центр региона и административный район, в которой «впи-

сан» центр; первый – окружение «нулевого» ранга и т.д.); от типа местности (для начала в простейших координатах «город – село»); от численности населения; от административного статуса поселений (влияет ли на тренды динамики статус административного центра) – таков набор проверяемых локальных гипотез.

Много причин делает необходимость подобного анализа насущной исследовательской задачей, главная из которых – почти полное отсутствие комплексных – для всей России, а не ее отдельных частей (Миграционная ситуация..., 2004; Трейвиш и др., 2008) – социально-демографических исследований на микротерриториальном уровне.

Информационная база и комментарии к используемым данным

Информационной базой исследования явились опубликованные результаты переписей населения 1989 и 2002 гг. и первые итоги переписи 2010 г. по городам и административным районам России, т.е. по так называемым малым территориям (small-scale). Всего были проанализированы данные по 2341 низовой административно-территориальной единице (АТЕ) ранга городов и районов. Отдельно изучались: население городов; население административных центров малых территорий (райцентров)[1]; сельское население малых территорий.

При подготовке статистической базы для анализа динамики численности населения между датами переписей пришлось столкнуться с несколькими трудностями.

1. В 1994 г. стали доступны данные по ранее закрытым административно-территориальным образованиям (ЗАТО)[2]. Поэтому их анализ возможен по переписям населения 2002 и 2010 гг. В переписи населения 1989 г. население ЗАТО включалось в население других административно-территориальных образований, причем методика распределения населения по соображениям секретности не раскрывалась. Известно, что иногда население ЗАТО могло приписываться даже другим субъектам Российской Федерации, но в любом случае чаще всего центральным городам областей (краев, республик). Вследствие этих методологических и статистических нестыковок нам не удалось проследить за 1989–2002 гг. динамику численности населения 33 ЗАТО, нахо-

[1] Выделить райцентры можно только для периода 1989–2002 гг., данные по ним за следующий межпереписной период не публиковались.

[2] Распоряжение Правительства РФ от 4 января 1994 г. № 3-р (без названия).

дящихся на территории 18 субъектов Российской Федерации. В следующий межпереписной период эта проблема не была актуальной.

2. В пределах регионов за межпереписной период происходили значимые административно-территориальные преобразования[3], в том числе с изменением границ низовых АТЕ. Если в советский период для маленьких поселков было выгодно и престижно перейти в разряд городских, то в кризисные 1990-е гг. для использования льгот в налогообложении, выгод от приватизации более значительных участков земли и от разницы в стоимости электроэнергии в сельской местности (Бородина, 2005, с. 268) полезным стало прямо противоположное. Многочисленные административные преобразования, безусловно, нарушают сопоставимость данных по отдельным городам и районам, по городскому и сельскому населению. Поэтому в целях корректности сопоставлений нам при анализе приходилось в таких случаях объединять соответствующие АТЕ.

3. За межпереписные периоды не рассматривались данные по четырем субъектам Российской Федерации – по республикам Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Чечня (всего 97 низовых АТЕ). Исследовательские оценки показали, что в этих регионах имели место серьезные искажения численности населения. По результатам переписи населения 2002 г. они достигли суммарно около 1 млн чел. (Мкртчян, 2004; Максудов, 2005; Богоявленский, 2008); похожие проблемы возникли и с данными переписи 2010 г. Это делает бессмысленным сравнение численности населения данных территорий и способно исказить результаты на агрегированном уровне.

4. В работе также не анализируются данные по Москве и Санкт-Петербургу, а также по поселениям, находящимся в их подчинении. Учитывая, что население города Москвы увеличилось за период 1989–2002 гг. на 1252 тыс. чел., или на 14,1%, а за 2003–2010 гг. – еще на 1388 тыс. чел. (на 13,7%), эти данные в агрегированных итогах способны изменить динамику численности населения центров весьма существенным образом. Изучение проблем роста населения российских столиц представляется отдельной исследовательской проблематикой. Московская и Ленинградская области в соответствии с принятым административно-территориальным членением Российской Федерации рассматриваются как ее самостоятельные субъекты.

[3] Всероссийская перепись населения 2002 г. Т.1 Численность и размещение населения. Приложение 1: Изменения в административно-территориальном устройстве субъектов Российской Федерации за 1989–2002 годы.

Методика исследования

При анализе динамики численности населения за межпереписной период 1989–2002 и 2002–2010 гг. низовые АТЕ делились на две группы.

1. Центральные АТЕ, входящие в областной (республиканский, краевой) центр с принадлежащими ему населенными пунктами и в «центральный» район. В случае если территория регионального центра граничит непосредственно не с одним, а с двумя или тремя административными районами, то все они были отнесены к центральным. Целесообразность такого отнесения для районов, соседствующих с центральным городом, объясняется существованием в каждом случае фактически единого локального рынка труда, в пределах которого совершается большой объем маятниковых поездок, формируется агломерационное пространство. Кроме того, за анализируемые межпереписные периоды между региональными центрами и близлежащими районами совершались наиболее значительные административно-территориальные преобразования.

Особого подхода требовали Московская и Ленинградская области, в них к центральным были отнесены все АТЕ, граничащие с территорией Москвы и Санкт-Петербурга (которые в анализ не включались).

2. Периферийные АТЕ, подразделяемые на несколько зон сообразно удаленности АТЕ от центра на периферию 1-го, 2-го… 8-го порядков. Ближайшие к центру региона города и районы, составляющие периферию 1-го порядка, условно можно назвать полупериферией. Средняя удаленность центров административных районов первого порядка от региональных центров составляет 30–50 км, что предполагает наличие неплохой по российским меркам связности с центром и соответственно формирование системы интенсивных маятниковых (трудовых), рекреационных и иных связей. В северных и восточных регионах страны соседи первого порядка, как правило, уже значительно удалены от регионального центра – на 100 и более км, что предопределяет их слабую связь с ним. Чем дальше от центра располагается город или район, тем к более дальней периферии в принятой нами терминологии он принадлежит.

Для характеристики центро-периферийных отношений кроме ранговых порядков по отношению к центру использовался также критерий удаленности (физического расстояния) центров низо-

вых АТЕ от региональной столицы, выраженный в километрах[4]. Такая группировка дополняет вышеописанную, так как данный критерий удаленности не зависит от различий в размере и конфигурации низовых АТЕ в густо- и редконаселенных частях страны и позволяет производить более дробные группировки.

Основные результаты исследования. Центро-периферийный градиент и динамика численности населения

Группировка низовых единиц АТЕ по удаленности от регионального центра в оба рассматриваемых межпереписных периода демонстрирует однозначную зависимость: чем дальше от регионального центра, тем более интенсивно сокращалось население (рис. 1). В 1989–2002 гг. особенно быстро нарастала убыль населения при переходе от центра к АТЕ 1-го и 2-го поясов удаленности, практически нет различий в динамике численности населения по периферийным регионам 2–5-го поясов удаленности от регионального центра. В 2003–2010 гг. убыль продолжала нарастать и при дальнейшем удалении от региональных центров, т.е. сравнительно ближняя и дальняя периферия регионов демонстрировали различную динамику численности населения.

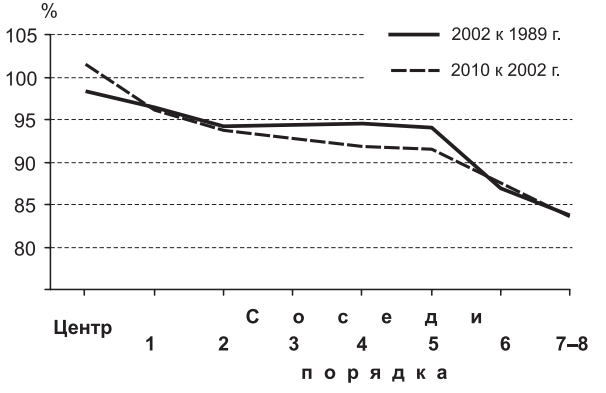


Рис. 1. Изменение численности населения низовых АТЕ в России в зависимости от удаленности от регионального центра в 1989–2010 гг., %
Примечание: не включая АТЕ республик Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Чечня.

[4] РСФСР: административно-территориальное деление на 1 января 1986 г. Статистический справочник. – М.: Президиум ВС РСФСР, 1986. В необходимых случаях использовались данные открытых источников в Интернете.

Выявленная для всей страны зависимость имеет свои особенности для низовых АТЕ отдельных федеральных округов (табл. 1). В 1989–2002 гг. особенно четко она прослеживалась в Центральном, Северо-Западном и Сибирском федеральных округах: здесь чем дальше относительно регионального центра располагалась АТЕ, тем интенсивнее она теряла население. Специфика Приволжского и Уральского округов в 1990-е гг. проявилась в том, что в них центры теряли население интенсивнее, чем их соседи 1-го порядка, причем в Уральском округе ближайшие к центру АТЕ демонстрировали в отличие от центров позитивную динамику населения. В следующем десятилетии подобной ситуации не отмечено, население центральных АТЕ данных округов уже имело более позитивную динамику.

В Южном федеральном округе в 1990-е гг. рост населения отмечен во всех группах АТЕ, кроме соседей 6–7 порядков, к которым относилось всего несколько АТЕ. В 2000-е гг. динамика населения центров субъектов ЮФО уже отличалась от региональной периферии.

Эти тенденции можно видеть и на картосхемах. Например, в Центральном федеральном округе виден рост центров на фоне стремительной депопуляции периферии (рис. 2 и 3). Сравнение рисунков за отдельные межпереписные периоды показывает и определенное усиление притягательности центров в 2000-е гг. по сравнению с 1990-ми гг. Даже слабые центры (Тверь, Иваново, Тамбов) показывают меньшее сокращение численности населения, чем внутрирегиональная периферия.

В 2003–2010 гг. почти повсеместно прослеживается позитивная динамика численности населения центров. В Центральном округе при общей негативной динамике население центров выросло на 4% (напомним, что из анализа исключен город Москва). В отличие от предыдущего периода центры увеличивали население даже в Сибирском и Дальневосточном округах.

Динамика населения низовых АТЕ зависит и от общерегиональных тенденций. Так, в Дальневосточном и Северо-Западном федеральных округах, отличавшихся наиболее интенсивным сокращением населения в течение обоих межпереписных периодов, сильной негативной динамикой характеризовалось прежде всего население региональной периферии. Межокружная дифференциация в динамике численности населения центров была ниже, чем в динамике численности населения периферии.

Таблица 1. Изменение численности населения низовых АТЕ по федеральным округам в зависимости от удаленности от регионального центра, прирост/убыль, %

Ранг соседства	Федеральный округ						
	Центральный	Северо-Западный	Южный*	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
2002 г. к 1989 г., прирост/убыль							
Всего	-4,9	-9,7	6,8	-2,5	-3,8	-6,3	-16,7
Центр	-2,2	-4,0	7,1	-2,8	-2,6	-1,4	-7,7
Соседи 1-го порядка	-3,6	-8,1	6,5	-0,4	2,3	-6,6	-21,6
Соседи 2-го порядка	-6,5	-11,1	8,2	-5,7	-5,5	-9,1	-22,6
Соседи 3-го порядка	-6,3	-15,4	6,0	-3,2	-10,5	-10,4	-22,6
Соседи 4-го порядка	-9,7	-15,2	6,4	0,2	-10,7	-7,3	-24,2
Соседи 5-го порядка	-4,8	-19,3	1,9	-0,7	-6,1	-9,7	-22,6
Соседи 6-го порядка	-12,1	-37,2	-5,3	-0,9	-5,7	-10,9	-28,0
Соседи 7–8-го порядков	-21,2	–	-6,3	–	-11,9	-17,9	-5,7
2010 г. к 2002 г., прирост/убыль							
Всего	-2,8	-6,5	-0,5	-4,3	-2,3	-4,3	-5,8
Центр	4,0	-0,1	2,2	-0,7	2,9	2,8	0,3
Соседи 1-го порядка	-0,9	-6,7	-3,1	-4,6	-2,1	-5,7	-7,9
Соседи 2-го порядка	-6,3	-10,5	-0,9	-7,6	-4,5	-8,1	-10,6
Соседи 3-го порядка	-6,8	-13,1	-0,4	-7,6	-9,8	-10,5	-13,3
Соседи 4-го порядка	-10,6	-12,1	-3,9	-6,2	-11,8	-9,0	-13,5
Соседи 5-го порядка	-9,1	-13,8	-5,8	-8,4	-5,8	-11,5	-9,4
Соседи 6-го порядка	-10,4	-27,2	-7,7	-8,4	-14,3	-11,0	-17,7
Соседи 7–8-го порядков	-21,3	–	-9,9	–	-14,1	-17,5	-8,9

** Не включая АТЕ республик Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Чечня.*

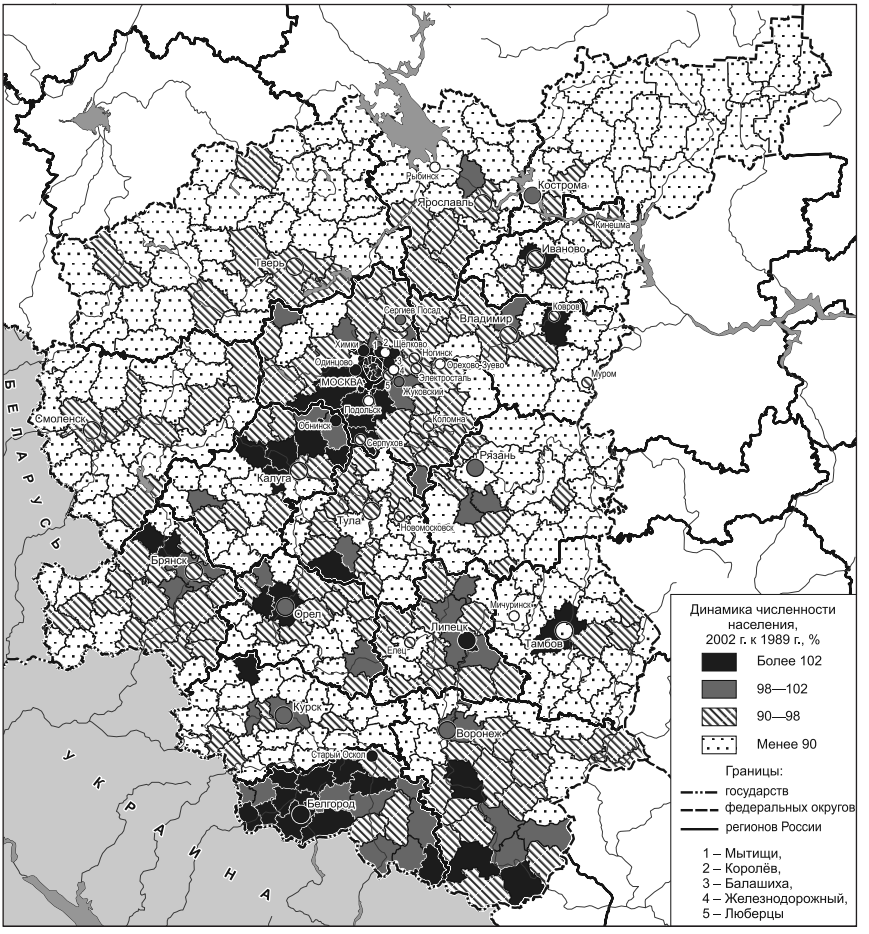


Рис. 2. Изменение численности населения городов и районов в регионах Центрального федерального округа, 2002 г. к 1989 г., %

Хорошие (сравнительно с периферией) показатели динамики населения региональных центров обеспечиваются внутрирегиональной миграцией, во многих регионах она имеет выраженную центростремительную направленность (Мкртчян, Карачурина, 2006; Мкртчян, 2008). Особенно привлекательны региональные центры для молодежи: по оценке, проведенной для 19 регионов страны, в 1990-е гг. миграционный прирост обеспечивал в региональных центрах увеличение численности молодежи в возрастах 15–19 лет и

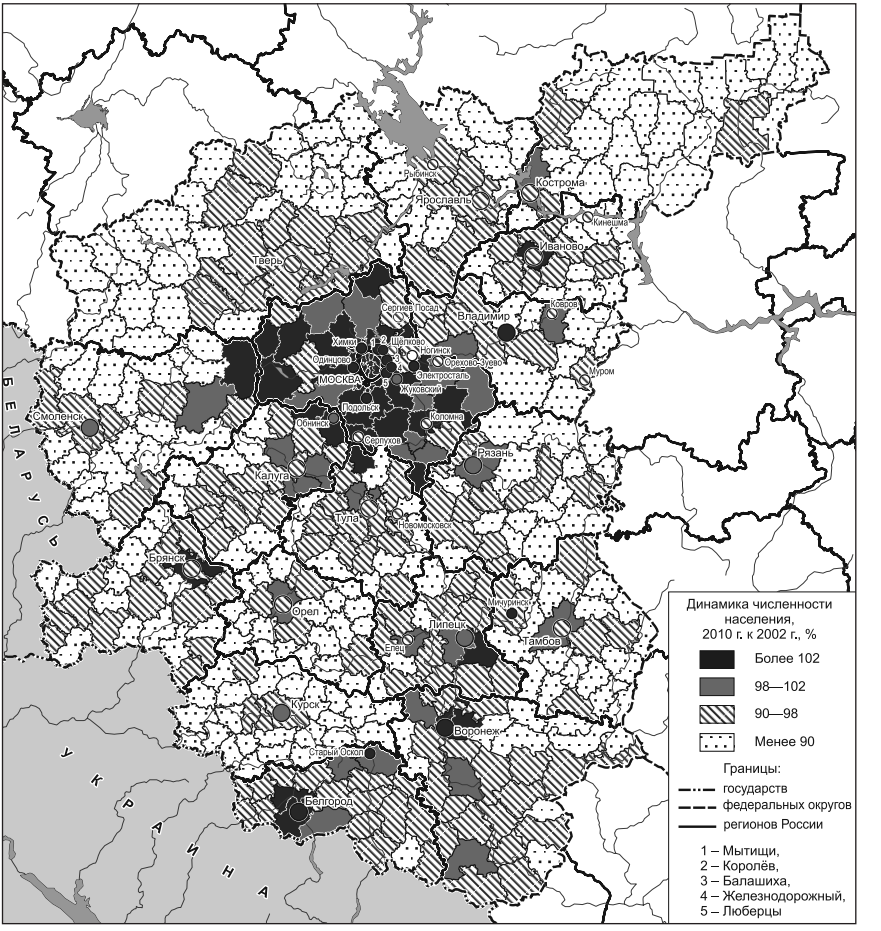


Рис. 3. Изменение численности населения городов и райнов в регионах Центрального федерального округа, 2010 г. к 2002 г., %

20–24 года на 25–30% (Мкртчян, Карачурина, 2012). Столь высокая роль центров достигается благодаря концентрации в них учреждений среднего и высшего профессионального образования.

Группировка низовых АТЕ по расстоянию до региональных столиц (в км) демонстрирует несколько иную картину зависимости динамики численности населения по центро-периферийному градиенту (см. рис. 1 и 4). Наиболее резко нарастают потери населения при переходе от самого ядра центра к группе АТЕ, удаленных

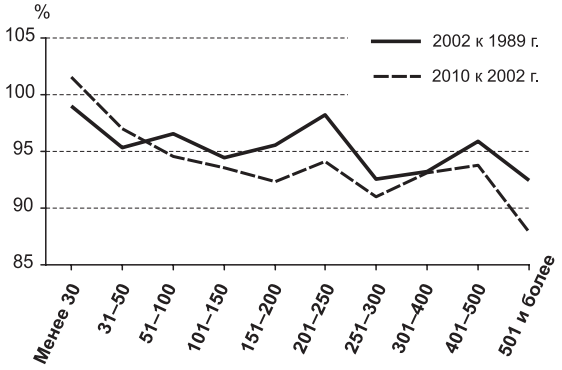


Рис. 4. Изменение численности населения низовых АТЕ России в зависимости от удаленности (км) от регионального центра в 1989–2010 гг., %

на 30–50 км, а также после 250 км и 500 км. При этом с удалением от 150 до 250 км от центров потери населения снижаются, равно как и с удалением на 300–500 км. В 2003–2010 гг. население региональной периферии, удаленной от центров более чем на 50 км (расстояние, на котором в России наиболее распространены ежедневные суточные поездки в центр), сократилось на 5–10%.

Наиболее резкое падение численности населения в самой дальней периферии объясняется в первую очередь тем, что такая отдаленная периферия наличествует только в трех округах: Дальневосточном, Сибирском и Северо-Западном, наиболее интенсивно теряющих население за счет внутренней миграции (в рамках так называемого западного дрейфа) (Мкртчян, 2005) и непривлекательных для международных мигрантов. Эта самая дальняя, наименее населенная (5,7 млн чел. в 1989 г., 4,4 млн в 2002 г. и 3,9 млн в 2010 г.), но самая большая по площади территория потеряла за последние два десятилетия треть своего населения (табл. 2).

Как и при выделении центра и периферии методом порядкового соседства, здесь также заметно наличие зависимости динамики численности населения от удаленности от центра, прежде всего в Центральном, Северо-Западном и Сибирском округах. В Приволжском ФО в 1989–2002 гг. зависимости сокращения численности населения от расстояния от региональных центров не выявлялось, но в 2003–2010 гг. она проявлялась на расстоянии до 200 км от центра. По-прежнему различий в динамике численности населения между дальней и ближней региональной периферией не наблюдалось в Южном и Уральском округах.

Таблица 2. Изменение численности населения низовых АТЕ по федеральным округам в зависимости от удаленности от регионального центра, %

Удаленность от регионального центра, км	Федеральный округ						
	Центральный	Северо-Западный	Южный*	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
2002 г. к 1989 г., прирост/убыль							
Всего	-4,9	-9,7	6,8	-2,5	-3,8	-6,3	-16,6
До 30	-1,5	-3,0	7,7	-2,4	-2,0	-1,1	-6,4
31–50	-4,3	-7,8	3,1	-4,9	-6,1	-3,3	-21,3
51–100	-6,0	-5,3	6,1	-0,8	-6,2	-6,5	-19,8
101–150	-9,0	-6,0	8,3	-5,2	-9,1	-9,3	-10,1
151–200	-9,0	-14,4	7,0	-4,9	-5,4	-5,7	-9,2
201–250	-9,3	-19,4	8,8	0,6	3,4	-8,9	-18,0
251–300	-7,0	-22,1	0,2	-0,4	-15,5	-10,9	-19,2
301–400	-8,0	-14,9	4,9	-2,0	-5,7	-10,8	-15,2
401–500	-19,8	-16,5	6,5	5,0	-2,5	-4,2	-20,1
501 и более	–	-22,7	–	-5,3	-2,0	-16,4	-33,4
2010 г. к 2002 г., прирост/убыль							
Всего	-2,8	-6,5	-0,5	-4,3	-2,3	-4,3	-5,8
До 30	2,3	-0,2	2,4	-0,8	3,8	3,3	1,4
31–50	-2,1	-3,4	-0,4	-4,1	-4,1	-4,7	-5,9
51–100	-5,7	-7,3	-2,9	-5,3	-6,6	-7,8	-3,7
101–150	-6,8	-5,4	-2,7	-6,8	-8,2	-9,4	-6,7
151–200	-8,3	-12,0	-1,2	-8,9	-7,3	-11,2	-10,2
201–250	-9,5	-14,8	-0,1	-5,8	-4,2	-10,1	-10,5
251–300	-10,4	-16,1	-5,6	-6,9	-9,0	-9,8	-12,2
301–400	-9,9	-12,2	-0,8	-7,7	-6,1	-7,8	-10,1
401–500	-22,1	-13,6	-1,4	-8,5	-1,7	-8,9	-11,1
501 и более	–	-16,9	–	-12,3	1,0	-11,9	-12,8

** Не включая АТЕ республик Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Чечня.*

Различия в динамике численности населения по поселениям разного размера и статуса

Чем еще, кроме удаленности от регионального центра, может объясняться неравномерная динамика численности населения низовых АТЕ за межпереписные периоды 1989–2002 и 2003–2010 гг.? В поисках ответа на этот вопрос мы произвели кластеризацию данных. Среди малых территорий были выделены: а) города (кроме Москвы и Санкт-Петербурга); б) сельское население низовых АТЕ (административные районы и пр.); в) административные центры территорий[5]. Административные центры в России бывают представлены не только городами, но и поселками городского типа, а также сельскими населенными пунктами, поэтому АТЕ этого типа нельзя однозначно отнести к городским или сельским.

Отдельно не анализировалась динамика численности населения еще одного вида поселений – поселков городского типа (пгт). Это – самый неустойчивый и неопределенный тип населенных пунктов за межпереписной период. За 1989–2002 гг. число пгт в России сократилось с 2193 до 1842, т.е. на 16%, а численность проживающих в них – с 13 509 до 10 513 тыс. чел. (на 22%) (Население России..., 2006, с. 30). К 2010 г. число пгт уменьшилось до 1295 (на 30% по отношению к 2002 г.), а численность проживающих в них сократилась до 7975 тыс. чел. (на 24%), в основном за счет преобразования пгт в сельские населенные пункты, а также за счет их присоединения к крупным городам.

Все вышеуказанные группы АТЕ были распределены по удаленности от регионального центра (рис. 5).

Оказалось, что гипотеза о влиянии близости/удаленности низовых АТЕ от регионального центра на динамику численности населения плохо работает применительно к городам. При том, что население всех городов (исключая региональные центры) за 1989–2002 гг. сократилось на 3%, при удаленности от центра на 200–250 км население городов увеличивалось. Анализ на уровне федеральных округов показал, что на таком удалении от центра рост населения отмечался в городах Приволжского (на 4,6%), Уральского (на 2,4%) и Центрального (на 0,9%) федеральных округов. В Приволжском ФО при-

[5] В их число не включались поселения, которые одновременно являлись городами республиканского, краевого, областного подчинения – все они формировали группу городов.

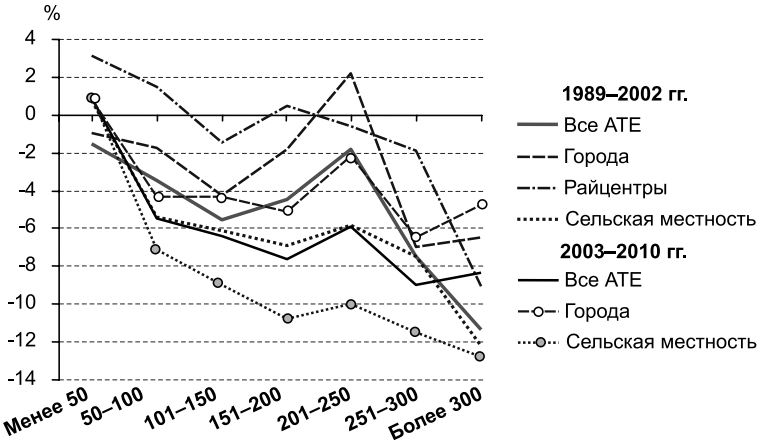


Рис. 5. Изменение численности населения городов, административных центров и сельской местности России в зависимости от удаленности от регионального центра (км) в 1989–2010 гг., %

растало население нескольких средних и крупных городов Татарстана и Башкортостана (Белебей, Салават, Мелеуз, Елабуга, Нефтекамск, Нижнекамск), а также небольших городов Янаула и Нурлата, связанных с нефтепереработкой и химией органического синтеза. В Уральском округе быстро росли нефтяные Пыть-Ях, Нефтеюганск, Лянтор и Сургут. В Центральном округе – приграничный с Украиной и динамично развивающийся как металлургический центр Старый Оскол. В 2003–2010 гг. население этих городов хоть и сокращалось, но медленнее, чем у городов, удаленных от центров на 50–150 км.

Причины более позитивной динамики населения названных городов различны. Уральские города увеличивают свое население за счет нефтяной экономики и притока населения со всей страны, их рост никак не связан с положением относительно центров регионов. Города Татарстана и Башкирии, видимо, яркий пример формирования центров притяжения второго порядка. Преимущества этих городов – в устойчивой экономике, в большом удалении от региональных центров и в формировании благодаря этому собственной периферии со сравнительно более молодым и растущим населением. Играет роль и «наследие прошлого»: во времена поспешной советской индустриализации многие средние и некоторые малые города росли быстро и характеризовались повышенной долей молодого населения. Впоследствии это обеспечило им более позитивную динамику естественного движения населения.

Анализ динамики людности городов с делением их по размеру показывает, что изменения населения небольших городов все же зависят от удаленности от регионального центра (табл. 3). Динамика численности населения крупных городов (свыше 100 тыс. чел.) в оба рассматриваемых периода не зависела от их положения относительно региональных центров. Именно эти города, обладая большой численностью населения, вносят возмущения в центро-периферийный тренд динамики численности населения. Население средних городов (от 50 тыс. до 100 тыс. жителей) в 1990-е гг. тоже не зависело от положения относительно центров АТЕ, но в 2000-е гг. и эти города стали подчиняться тестируемой закономерности касательно связи пространственного положения АТЕ с динамикой численности их населения.

Таблица 3. Доля растущих городов России в зависимости от людности и удаленности от регионального центра в 1989–2010 гг., % от общего числа городов в данной группе

Численность населения города на начало периода, тыс. чел.	Расстояние от центра, км		
	менее 50	50–100	100 и более
1989–2002 гг.			
Менее 50	49,5	36,4	26,7
От 50 до 100	33,3	26,9	37,1
Более 100	52,6	15,8	43,1
2003–2010 гг.			
Менее 50	36,8	23,3	13,2
От 50 до 100	52,9	24,1	21,1
Более 100	47,8	15,8	26,9

Сокращение населения городов удаленной от региональных центров периферии в 2000-е гг. в сравнении с 1990-ми гг. усилилось. За 1989–2002 гг. на большой удаленности от региональных центров положительная динамика численности населения отмечалась у четверти малых городов, у трети средних и у 43% крупных. В 2003–2010 гг. доля городов с положительной динамикой в каждой группе сократилась примерно вдвое. И все же чем крупнее город, тем больше у него возможностей в условиях депопуляции сохранить или увеличить численность населения вне зависимости от положения его в центре или на периферии региона.

Как уже говорилось, в 1989–2002 гг. динамика численности населения административных центров зависела от удаленности от региональных центров. Однако в Приволжском округе в противоположность другим округам (за исключением Южного, где рост населения отмечался по всем видам поселений), росло население именно административных центров вне зависимости от их удаленности от региональных столиц. По-видимому, рост этих центров, как и периферийных городов в Приволжском ФО, был достигнут в результате сохраняющейся относительно неплохой демографической динамики в отдельных ключевых для округа регионах (в Татарстане, Башкортостане, Чувашской Республике)[6] и сохранения сельско-городских миграций, направленных не только в региональные центры, но и в небольшие по размерам города и поселки. Данная тенденция уже отмечалась в одной из работ по отдельным регионам округа (Артоболевский и др., 2004).

Сельское население, за исключением поселений, прилегающих к центру, напротив, сокращалось повсеместно (табл. 4). Чтобы избежать возможных искажений, связанных с сильно различающимися размерами регионов и представленностью особо удаленной периферии (например, в Центральном округе доля сельского населения, проживающего на удалении более 300 км от региональных центров, составляла в 1989 г. менее 3%, а в Сибири – 33%), динамика численности сельского населения проанализирована отдельно в зависимости от удаленности от центров регионов, определяемой по порядку соседства. Полученные результаты не имеют серьезных отличий от расчетов по удаленности, рассчитываемой в км. Повсеместно резкие отличия в динамике численности населения отмечаются уже в районах, непосредственных соседях центра (1-го порядка), растет убыль населения и у соседей 2-го порядка. В более удаленных районах (3-го и более порядков) потери населения практически перестают нарастать. На такой удаленности различия в расстояниях от регионального центра уже не значимы.

При том, что сельское население России[7] сократилось за 1989–2002 гг. на 5,8%, а за 2003–2010 гг. – на 7,6%, ближайшее к региональным центрам село имело прирост населения. Согласно нашим расчетам, в условиях негативной демографической динамики сель-

[6] В этих регионах и сельское хозяйство весьма жизнеспособно. Подробнее см.: Нефедова, 2003.

[7] Без учета Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Чечни.

Таблица 4. Изменение численности (прирост/убыль) сельского населения административных районов в зависимости от удаленности от регионального центра по федеральным округам, %

	Центр	Соседи				
		1-го порядка	2-го порядка	3-го порядка	4-го порядка	5-го и более порядков
2002 г. в % к 1989 г.						
Россия в целом	2,7	-4,9	-7,3	-7,4	-7,2	-7,4
Центральный	-3,7	-7,3	-10,8	-13,1	-13,2	-9,8
Северо-Западный	-2,3	-9,0	-13,1	-14,8	-15,0	-15,4
Южный	14,2	8,2	7,4	10,1	7,3	-1,9
Приволжский	0,4	-3,8	-6,9	-6,0	-5,1	-5,4
Уральский	1,7	-2,0	-8,1	-13,0	-13,6	-6,7
Сибирский	8,5	-6,3	-8,8	-11,6	-10,1	-8,0
Дальневосточный	-2,9	-23,7	-23,7	-25,9	-24,2	-30,1
2010 г. в % к 2002 г.						
	Центр	Соседи				
		1-го порядка	2-го порядка	3-го порядка	4-го порядка	5-го и более порядков
Россия в целом	4,5	-6,4	-9,2	-10,4	-11,1	-12,3
Центральный	0,9	-5,2	-9,0	-12,0	-12,6	-13,1
Северо-Западный	4,4	-11,7	-18,6	-19,3	-20,1	-23,9
Южный	6,4	-2,3	-2,1	-0,4	-4,6	-7,3
Приволжский	5,8	-7,7	-8,9	-11,7	-10,8	-11,7
Уральский	0,7	-6,9	-12,4	-14,4	-17,2	-12,1
Сибирский	13,2	-7,0	-12,1	-14,5	-12,5	-14,5
Дальневосточный	-0,7	-8,1	-13,6	-13,7	-14,4	-13,8

ское население[8] в отдалении от центров менее чем на 50 км увеличилось за 1989–2002 гг. на 0,8%, за 2003–2010 гг. – на 1%, а сельское население районов, непосредственно примыкающих к региональным центрам, выросло на 2,7% и на 4,5% соответственно. В 2010 г. вблизи региональных центров проживали 4,7 млн сельских жителей. Их образ жизни благодаря близкому соседству с крупными городами значительно отличался от образа жизни селян дальней периферии. В ней потери населения сельской местностью в 2000–2010 гг. почти повсеместно превышали 10%.

[8] С учетом административно-территориальных преобразований.

Основные выводы

Внутрирегиональные различия в динамике численности населения (и ее составляющих) по отдельным административно-территориальным единицам не менее сильны, чем межрегиональные. В 1989–2002 гг. между периферийными территориями разных регионов различий было меньше, чем между региональными центрами, и именно эти различия определяли межрегиональную социально-экономическую дифференциацию. В 2003–2010 гг. динамика населения центров сблизилась, и особенно важно, что начало стабилизироваться и даже расти население крупных городов Сибири и Дальнего Востока.

Зависимость динамики численности населения малых территорий от их удаленности от региональных столиц существует, но она не повсеместна. В 1989–2002 гг. сильнее всего центро-периферийные контрасты были выражены в Центральном, Северо-Западном и Сибирском федеральных округах. Здесь внутрирегиональная периферия наиболее сильно подверглась влиянию депопуляции, а значимость международной миграции в 1990-е гг. была не столь велика, как в Южном и Приволжском округах. При этом региональные центры (а также федеральные города Москва и Санкт-Петербург) настолько мощны, что распространяют свое притягивающее воздействие на большое расстояние. Кроме того, в Центральном ФО мало полюсов притяжения второго порядка (городов с населением более 100 тыс. чел.), дублирующие центры притяжения слабы или отсутствуют. В следующий межпереписной период центро-периферийный градиент усилился и распространил свое влияние практически на всю территорию страны, т.е. в 2000-е гг. межрегиональные контрасты стали еще менее выражены, чем внутрирегиональные.

В 1989–2002 гг. в регионах Дальнего Востока, Европейского Севера и в какой-то мере Сибири сильно сказывалось воздействие общестранового миграционного тренда – западного дрейфа; миграционный отток за пределы регионов, внутристрановые миграции, а не естественная убыль населения здесь служили главным компонентом негативной динамики населения для всех типов АТЕ. В следующий межпереписной период миграционный отток из этих регионов сократился, но усилились негативные демографические тенденции.

Периферия оказалась вполне жизнеспособной только на территории Южного и Приволжского федеральных округов. В 1990-е гг. стабилизация и даже небольшой рост населения обеспечивались

лучшей демографической структурой сельского населения и сравнительно хорошими показателями естественного движения населения. Не в меньшей мере в этих округах сказалось влияние миграционного притока из постсоветских стран, который в эти годы был значительным, однако в 2000-е гг. и здесь население периферийных АТЕ стало сокращаться. В остальных регионах население периферийных районов за весь рассматриваемый период сокращается существенно более быстрыми темпами, чем центральных, что ведет к усилению внутрирегиональной населенческой поляризации, к активизации центростремительных тенденций. И все-таки базовая гипотеза о том, что с удалением от региональных центров нарастает обезлюдение, оказалась справедливой частично. Рассмотрим несколько причин, которые могли вызывать «возмущения» в «гладкой» модели относительно равномерного снижения численности населения от центров к периферии.

1. Миграционный прирост населения России в обмене со странами СНГ, особенно в течение межпереписного периода 1989–2002 гг., был, во-первых, весьма весомым, а во-вторых, по-разному распределился по территории страны. В силу экономической специфики кризисного периода, ментальности «советского человека», для которого всегда было чрезвычайно важно иметь собственное жилье (и оно было более важно сравнительно с занятостью), а также вследствие государственной политики поощрения компактного и одиночного расселения в сельской местности. Именно сельская местность приобрела основную часть миграционного прироста, компенсировав в ряде регионов (например, в центральных областях) естественную убыль населения. Как и следовало ожидать, в последний межпереписной период 2002–2010 гг., когда зарегистрированный миграционный прирост стал существенно более низким и «городским», контраст в динамике численности населения между центром и периферией стал выражен больше. Миграционная притягательность региональных центров усиливала сокращение населения региональной периферии.

2. Огромность пространства и разреженный характер расселенческой сети, на которые ссылаются все работы, анализирующие социально-экономическую динамику, не позволяют выстраивать центро-периферийные градиенты от центров к периферии однозначно строго. Горизонтальная связанность территории в России низка, периферия одного региона с периферией другого, хотя бы соседнего, взаимодействуют крайне слабо, и сила такой связанности

не росла в реформенный период. Известный российский путешествующий географ-теоретик Б.Б. Родоман (2002, с. 315–316) отмечает, что «до середины XX в. в Подмосковье из каждой деревни отходили три-четыре грунтовые дороги в соседние селения; к концу XX в. личные связи между жителями близлежащих деревень оборвались, бытовые связи направились по перпендикуляру на ближайшую твердую автодорогу, связывающую село со своим райцентром, а через него с Москвой. Прежние проселочные дороги на полях были распаханы, а в лесах сохранились в виде широких, но почти не проезжих пеших троп». Притягивающая роль вторых-третьих городов в регионах (расположенных в 3–5-м кольцах от центра) для более дальней периферии в условиях фрагментарности расселения зачастую оказывалась тоже малозначимой.

3. Качественные параметры населения, остающегося жить на периферии, таковы, что его устраивает сложившийся образ жизни. Такие измерители жизни, как «урожай картошки» или наличие собственного подворья, могут предопределять низкую миграционную мобильность в условиях средней и большой удаленности от региональных центров. В рассматриваемые годы социально-экономическая ситуация здесь в подавляющем большинстве случаев была плохой (Зубаревич, 2003, с. 152–157), рынок труда узким, эффективность производства низкой (в частности, по расчетам К.Р. Гончар (2010), средняя производительность труда в расчете на одного занятого в России падает с уменьшением размера поселения), но не столь катастрофично плохой, чтобы стимулировать массовую миграцию ментально полуаграрного-полугородского населения. Застойную ситуацию усиливала повсеместно низкая инфраструктурная обеспеченность территории. Миграционно активна молодежь, прежде всего в возрастах 17–25 лет, следующих за окончанием школы или вуза, но ее численность невелика, особенно в наступившем десятилетии. Это ограничивало возможности влияния внутренней миграции на изменение заселенности периферии в регионах.

Динамика численности населения крупных и средних городов, не являющихся центрами регионов, а в отдельных частях страны (Приволжский, Южный округа) – и административных центров, мало зависела от их положения относительно центральных городов регионов. Эти поселения сами являлись локальными центрами притяжения, что давало им возможность получать подпитку за счет миграции. Таким образом, центро-периферийные взаимодействия в реги-

онах усложняются наличием центров второго-третьего порядков, но в целом градиент работает. Четко прослеживается зависимость динамики численности населения от их удаленности от региональных столиц, малых городов и сельских населенных пунктов.

Литература

Артоболевский С.С., Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. Современные миграционные процессы в ПФО // Миграционная ситуация в регионах России. Вып.1: Приволжский федеральный округ / под ред. С. Артоболевского и Ж. Зайончковской. – М., 2004. С. 31–72.

Богоявленский Д. Все ли российские народы верно посчитали // Демоскоп Weekly. 2008. № 319–320, 4–17 февраля. http://demoscope.ru/weekly/2008/0319/tema01.php

Бородина Т.Л. Региональные особенности динамики населения и ее компонент во второй половине XX века // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. – М.: ОГИ, 2005. С. 245–280.

Гончар К. Промышленность на выселках // Опек.ру. Интервью 29 апреля 2010 г. http://opec.ru/1245752.html

Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. – М.: Наука, 1991.

Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М.: УРСС, 2003.

Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Миграционная подвижность молодежи и сдвиги в возрастной структуре населения городов и районов России (1989–2002) // Экономико-географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза / под ред. П.М. Поляна, А.И. Трейвиша. – М.: Новый хронограф, 2012. С. 688–707.

Максудов С. Население Чечни: права ли перепись? // Население и общество. Бюллетень ЦДЭЧ. 2005. № 96, декабрь. http://www.demoscope.ru/acrobat/ps96.pdf

Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 1: Приволжский федеральный округ / под ред. С. Артоболевского и Ж. Зайончковской. – М., 2004.

Мкртчян Н. Перепись населения на юге России: откуда взялся лишний миллион населения? // Демоскоп Weekly. 2004. № 155–156, 19 апреля – 2 мая. http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0155/analit04.php

Мкртчян Н. Миграция в России: западный дрейф // Демоскоп Weekly. 2005. № 185–186, 10–23 января. http://demoscope.ru/weekly/2005/0185/tema01.php

Мкртчян Н.В. Крупный сибирский центр перед лицом депопуляции (на примере Иркутской агломерации) // Региональные исследования. 2008. № 2. С. 21–38.

Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Миграционная ситуация в староосвоенных регионах России // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / гл. ред. А.Г. Коровкин. – М.: МАКС Пресс, 2006. С. 535–559.

Население России 2003–2004. Одиннадцатый-двенадцатый демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневского. – М.: Наука, 2006.

Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. – М.: Новое издательство, 2003.

Нефедова Т.Г., Иоффе Г.В. Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования. 2001. № 6. С. 100–110.

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Между городом и деревней // Мир России. 2002. № 4. С. 61–83.

Регион как субъект политики и общественных отношений / под ред. Н.В. Зубаревич.– М.: МОНФ, 2000.

Родоман Б.Б. Морфология и динамика российского пространства // *Родоман Б.Б.* Поляризованная биосфера: Сборник статей. – Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 313–318.

Трейвиш А.И. Региональное развитие и регионализация России: специфика, дилеммы и циклы // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. – М.: УРСС, 2001. С. 39–66.

Трейвиш А.И., Нефедова Т.Г. Районы России и других европейских стран с переходной экономикой / Серия «Россия 90-х: проблемы регионального развития». Вып. 1. – М.: ИГ РАН; Ваш выбор, 1994.

Трейвиш А.И., Нефедова Т.Г. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков. – Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86.

Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. – М.: Новый хронограф, 2009.

Трейвиш А.И., Нефедова Т.Г., Махрова А.Г. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. – М.: Новый хронограф, 2008.

Хамзина Г.Р. Социальное время перемен: взгляд из региона // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 122–128.

Borsdorf A., Salet W. Spatial reconfiguration and problems of governance in urban regions of Europe: An introduction to the Belgeo issue on advanced service sectors in European urban regions// Belgeo. 2007. № 1. P. 3–14.

Eeckhout, Jan. Gibrat's Law for (All) Cities // American Economic Review. 2004. 94. P. 1429–1451.

Friedmann J. Regional development policy. – Boston: Mass. Intst. Techn, 1966.

Glaeser E., Kohlhase J. Cities, Regions and the Decline of Transport Costs // Papers in Regional Science. 2004. 83 (1). P. 197–228.

Hanson G.H. Scale Economies and Geographic Concentration of Industry // Journal of Economic Geography. 2001. 1. P. 255–276.

Head K., Thierry M. The Empirics of Agglomeration and Trade // Handbook of Regional and Urban Economics. 2003. Vol. 4. (forthcoming), accessed at http://strategy.sauder.ubc.ca/head/Papers/neat.pdf

Krugman P. First Nature, Second Nature, and Metropolitan Location // Journal of Regional Science. 1993. 33. P. 129–144.

Kupiszewski M., Illeris S., Durham H., Res P. Internal migration and regional populations dynamics in Europe: Denmark case study // Working Paper of the University of Leeds, School of Geography. 2001a. Vol. 1. Issue 2. 54 p.

Kupiszewski M., Illeris S., Durham H., Res P. Internal migration and regional populations dynamics in Europe: Sweden case study // Working Paper of the University of Leeds, School of Geography. 2001b. Vol. 1. Issue 1. 69 p.

Kupiszewski M., Illeris S., Durham H., Res P. Internal migration and regional populations dynamics in Europe: Italy case study // Working Paper of the University of Leeds, School of Geography. 1997. Vol. 97. Issue 5. 67 p.

Partridge M., Rickman D., Ali K., Olfert M.R. Does the New Economic Geography Explain U.S. Core-Periphery Population Dynamics? // Paper prepared for the 45th Annual Meetings of the Southern Regional Science Association. 2006. March 30–April 1, St. Augustine, Florida.

Polese M., Shearmur R. Why some regions will decline: A Canadian case study with thoughts on local development strategies // Papers in Regional Science. 2006. Vol. 85. March. № 1. P. 23–46.

Spangenberg M, *Kawka R.* Neue Raumtypisierung – landlich heilit nicht peripher // ASG Landlicher Raum. 2008. 59 (2). S. 27–31.

Swiaczny F., Graze P., Schlömer C. Spatial Impacts of Demographic Change in Germany // *Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft*. 2008. 33. P. 181–206.

Thünen I. Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationaloekonomie, oder Untersuchungen uber den Einfluss, den die Getreidepreise der Reichtum des Bodens und die Abgaben auf den Ackerbau ausüben (3-е изд.) – Berlin, 1875.

L.B. Karachurina, N.V. Mkrtchan

CHANGE OF POPULATION NUMBERS IN ADMINISTRATIVE UNITS AND CITIES OF RUSSIA (1989–2010): CENTRE-PERIPHERY RELATIONSHIPS

The article analyzes population dynamics differences of so-called «small areas» in the context of center-periphery conception in Russia in 1989–2002 and 2002–2010. The population dynamics of cities, district centers and villages according to their distance from regional centers was reviewed. It is shown that depopulation is growing mostly while distancing from regional centers, however, in some cases it is not. The article suggests an explanation of revealed trend's violations.

К.В. Аверкиева

СЕЛЬСКАЯ МЕСТНОСТЬ НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ: ДЕПОПУЛЯЦИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ АДАПТАЦИИ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ[1]

Территория Нечерноземья в прошлом отличалась относительно высокой степенью освоенности и густой сетью поселений. Постепенно многие факторы освоения и заселения этих земель изменили свое значение, и началось долговременное «таяние» экономического и социального наполнения территории. Тем не менее говорить о полной утрате населения и хозяйства преждевременно. В условиях разреженной сети дорог и разреженного расселения требуются новые формы организации хозяйства и новые механизмы социального взаимодействия в рамках сельских сообществ.

Нечерноземье – понятие, скорее, типологическое, образное, поэтому к подбору регионов и районов в составе Нечерноземья можно подходить довольно гибко. В данном случае одновременно применялись ландшафтный и историко-географический подходы. В качестве южной границы Нечерноземья рассматривалась северная граница распространения черноземных почв (что примерно соответствует долине р. Оки), за северную границу принята северная граница выборочного сельского расселения (она примерно соответствует южным границам Республики Карелия, Архангельской области и Республики Коми). В работе не рассматривались Московская и Ленинградская области в силу особенностей сельской местности в составе крупногородских агломераций.

Проблемы сельской местности Нечерноземья связаны не только с низким плодородием почв и деградацией инфраструктурного комплекса, но и со сложной социальной и демографической обстановкой.

Демографическая ситуация на территории регионов российского Нечерноземья на протяжении нескольких десятилетий остается крайне неблагополучной, не случайно за ними закрепилось понятие «черных дыр». Исследователи демографических процессов (Лухманов, 2001) неоднократно отмечали, что форсированные темпы индустриализации и быстрая урбанизация первой половины XX в. черпали ресурсы в первую очередь из сельской местности староосвоенных регионов российского Центра. В послевоенные годы процессы миграционной убыли сельского населения продолжались в рамках общего хода урбанизации. Все более ощутимым становился «отри-

[1] Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ № 10–06–00278а.

цательный естественный отбор» (Нефедова, 2011), начавшийся еще в XIX в., когда сельскую местность покидали наиболее молодые и активные жители, в регионах Нечерноземья раньше других территорий России начался переход к суженному типу воспроизводства населения (Жбанков, 1981; Шингарев, 2010).

Сельское население регионов Нечерноземья с 1959 по 2010 г. сократилось на 6,5 млн чел., современное число сельских жителей составляет немногим более $^1/_3$ от численности сельского населения в 1959 г. Особенно большой спад отмечается в периферийных Псковской и Кировской областях (современное сельское население составляет лишь 28–29% от уровня 1959 г.). Более $^1/_2$ от численности сельского населения 1959 г. остались лишь во Владимирской области, где статус сельских поселений имеют многочисленные несельскохозяйственные населенные пункты, статистически увеличивая количество сельских жителей. Более 40% численности сельского населения

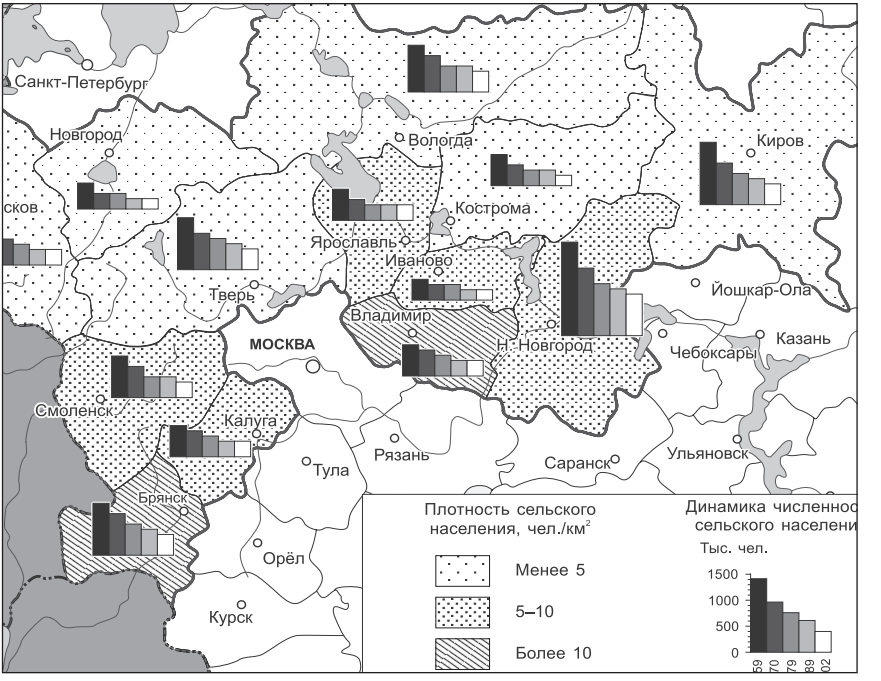


Рис. 1. Динамика численности и современная плотность сельского населения по регионам российского Нечерноземья.
Составлено автором по данным Всесоюзных переписей населения 1959–1989 гг. и Всероссийских переписей населения 2002–2010 гг.

1959 г. сохранили Вологодская область, где сельское население более устойчиво благодаря наличию крупных очагов сельского расселения, и в Ивановской области, где отмечается высокая плотность сельского населения и имеется густая сеть городов.

Деформация половозрастной структуры сельского населения, связанная с продолжительным миграционным оттоком молодого населения, привела к тому, что сейчас количество пожилого населения в 1,5 раза превышает количество жителей младше трудоспособного возраста. При этом пожилое население в большинстве случаев реально проживает в сельской местности, а часть молодежи только числится в качестве сельских жителей, фактически проживая в городах (студенты вузов и средних специальных образовательных учреждений).

Население в трудоспособном возрасте по-прежнему доминирует, но данные о его численности требуют значительных поправок. Материалы полевых исследований отдельных муниципальных районов Нечерноземья показывают, что часть трудоспособного населения работает вахтовым методом в городах и других регионах, фактически не проживая на территории сельских районов. Процент такого населения варьируется в зависимости от особенностей географического положения и социально-экономической ситуации. Наиболее распространенная оценочная величина: от $^1/_3$ до $^1/_2$ трудоспособного населения. Формально они по-прежнему являются сельскими жителями, но учитывать их при оценке трудоресурсного потенциала села практически бесполезно: они не готовы к трудоустройству в сельском или лесном хозяйстве, как правило, постоянно проживать в сельской местности они планируют только на пенсии. Хотя на возвращение современных «отходников» возлагаются большие надежды, чем на привлечение трудовых мигрантов или возвратные миграции из городов (Нефедова, 2011).

Наличное сельское население в трудоспособном возрасте также не тождественно кадровому потенциалу села: в связи с застойной безработицей увеличивается процент жителей, утративших мотивацию к труду. Один из наиболее ярких примеров – случай в Вохомском районе Костромской области. В населенном пункте (д. Осипино) с численностью жителей 153 чел. существовал СПК «Новая Русь», в котором содержались около 70 голов КРС. Хозяйство молочной специализации, дойное стадо обслуживала одна доярка. После ее гибели в населенном пункте с наличным населением более 100 чел. не смогли найти ни одного работника, способного ее заменить. В итоге предпри-

ятие было ликвидировано. При статистическом избытке трудоспособного населения в сельской местности работодатели нередко сталкиваются не только с проблемой отсутствия квалифицированных работников, но и с проблемой отсутствия работников как таковых.

Уже существует практика найма трудовых мигрантов для работы в сельском и лесном хозяйстве, также рассматриваются варианты трудоустройства жителей городов – районных центров в аграрной сфере районов с ежедневными трудовыми поездками из городов в сельскую местность. Руководители сельскохозяйственных предприятий нередко проживают в районных центрах, бывает, что наиболее успешные руководители управляют сразу несколькими предприятиями в районе, т.к. ощущается острый дефицит грамотных организаторов.

Сокращение сельского населения происходит неравномерно по всей территории Нечерноземья. Сельское население вблизи основных «центров притяжения» сельского населения увеличивалось или сохранялось на прежнем уровне за счет компенсации естественных потерь миграционным притоком. Соответственно пригородные районы вокруг региональных центров и крупных городов отличались минимальными темпами сокращения сельского населения. По мере удаления от крупных городов падает плотность сельского населения, отмечаются ускоренные процессы естественной и механической убыли населения.

Вслед за общими негативными процессами трансформируются локальные системы расселения. Нечерноземье исторически характеризовалось мелкоселенной структурой сельского расселения. Мелкоселенность сохраняется, так как происходит сокращение людности сельских населенных пунктов (СНП): если в середине XX в. этот показатель по регионам Нечерноземья был равен 60–70, то в 2010 г. средняя людность сократилась до 40–50 чел. Наименьшая людность СНП характерна для исторически мелкоселенных Псковской, Тверской, Ярославской областей (25–35 чел.), а наиболее крупные СНП в более южной Брянской области (около 150 чел.) и в Нижегородской и Владимирской, где много несельскохозяйственных населенных пунктов. Отмечается почти двукратное (на 42%) сокращение общего числа населенных пунктов, особенно заметное в Кировской (на 74% – с 16,3 до 4,3 тыс. СНП), Костромской (на 58%), Смоленской (на 47%) Ивановской (на 45%) областях.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. свыше $^1/_3$ от общего числа сельских населенных пунктов насчитывают менее 10 жителей. Еще $^1/_4$ СНП насчитывает не более 100 жителей, они довольно уязвимы, так как такой размер, как правило, не позволяет иметь необхо-

димый набор объектов социальной инфраструктуры. Населенные пункты с людностью до 100 чел., где реально проживают 30–60 чел., преимущественно пожилого возраста, чаще всего не имеют собственной производственной базы (вероятно, только небольшие деревообрабатывающие мощности) и могут существовать либо при тесном взаимодействии с более крупными СНП, либо в «автономном» режиме с натуральным или полунатуральным хозяйством. Основное количество сельского населения сосредоточено в крупных населенных пунктах с людностью свыше 100 чел., их доля составляет 10–12% от общего количества.

За сравнительно небольшой временной отрезок между переписями 2002 и 2010 гг. общее количество СНП осталось практически неизменным (с карт исчезли всего 628 СНП, половина из них приходится на Костромскую и Кировскую области, на староосвоенные ареалы сплошного освоения), но заметно увеличилось количество деревень без постоянного населения. Если в 2002 г. к этой группе относились около 9000 СНП

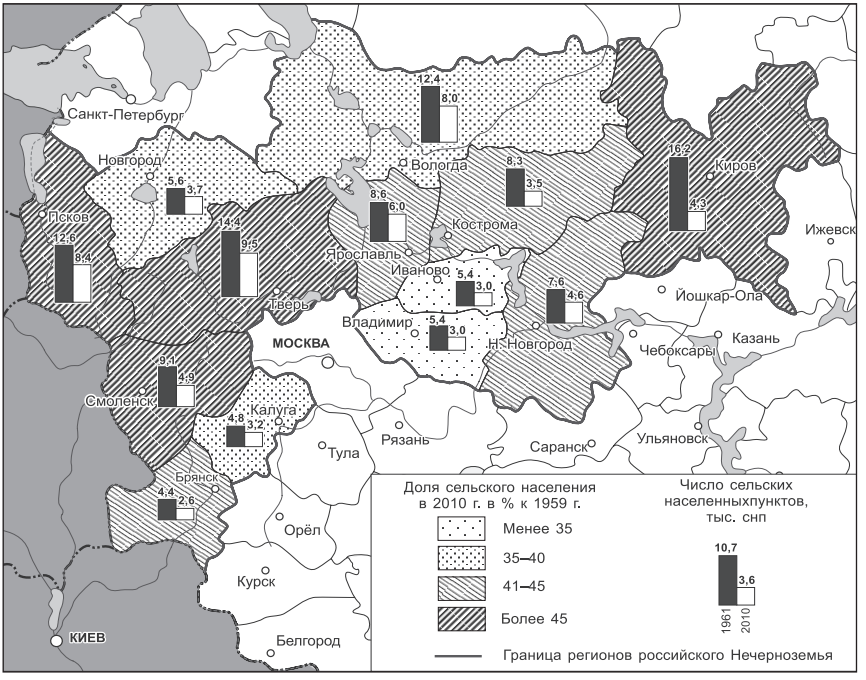


Рис. 2. Динамика численности сельского населения и количества населенных пунктов, 1959–2010 гг.

Составлено автором по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., Всероссийской переписи населения 2010 г. и картам С.А. Ковалева в кн. «Сельское расселение» (М., 1963)

(13% от общего количества), то в 2010-м их насчитывалось 14 тыс., что составляет более $^1/_5$ от суммарного количества СНП. В Костромской области необитаемые СНП составляют $^1/_3$ от общего количества, в Тверской, Ярославской, Псковской, Кировской областях – около $^1/_4$.

Долговременная убыль сельского населения, включающая в себя также и отток наиболее молодых, квалифицированных и активных жителей, не могла не отразиться на положении хозяйственного комплекса. До распада СССР в рамках плановой экономики («планово-убыточной» системы) на поддержку и развитие сельскохозяйственного производства и инфраструктуры Нечерноземья выделялись крупные средства. Это позволяло сохранять поголовье и большие объемы производства молока и мяса в условиях нерентабельного производства и дефицита квалифицированных кадров. После прекращения государственной поддержки начался спад сельскохозяйственного производства. За 20 лет площади обрабатываемых земель сократились, по различным оценкам, в 2,5–3,5 раза, произошло заметное упрощение системы растениеводства. Поголовье скота уменьшилось в 5 раз, а производство молока вдвое, так как происходил постепенный рост продуктивности. Сейчас отмечается сокращение темпов спада производства. Сохранившиеся хозяйства или существуют «инерционно», воспроизводя сложившуюся систему трудоизбыточного малоэффективного хозяйства, или адаптируются к новым условиям дефицита квалифицированных кадров.

Учитывая стабильно негативные долгосрочные тенденции социального и экономического развития сельской местности Нечерноземья, ожидать появления инновационных форм хозяйствования и социальной организации сельских сообществ было бы странным. Тем не менее социальные и аграрные инновации проникают не только в наиболее развитые пригороды, но и на территорию периферийных сельских районов. Во многом именно негативные процессы ускоряют появление инноваций на территории, так как новые формы ведения аграрного производства и социальной организации села появляются в ответ на трансформацию сельской местности.

В современной науке складываются два подхода к пониманию инноваций и инновационного развития. Первый подход базируется на теоретических работах Й. Шумпетера и его последователей (Б. Твисс, Б. Санто, Ф. Никсон и др.). Ключевой аспект трактовки термина «инновация» здесь – это принципиальная новизна изделий и технологий, их улучшенные свойства, которыми аналогичные технологии и изделия ранее не обладали. В обобщенном виде, инновационная деятель-

ность сводится к «процессу, в котором изобретение или идея приобретает экономическое содержание» (Твисс, 1989).

Другой подход более широкий, его, в частности, придерживался основной теоретик процесса диффузии инноваций Э. Роджерс (Rogers, 1983). В рамках данного подхода под инновацией понимается практика или объект, который воспринят как новый человеком или другой единицей восприятия. Таким образом, ключевым понятием становится новизна, не обязательно предполагающая появление улучшенных свойств и не напрямую зависящая от достижений научной деятельности. Этого же подхода придерживается ряд отечественных ученых.

Социальные инновации рассматривались в рамках теоретических подходов, предложенных финскими географами и социологами (Никула и др., 2011). Их разработки опираются на идеи М. Мамфорда, которые трактуют социальные инновации как «воплощение новых идей о том, как люди должны организовывать межличностные отношения» (Mumford, 2002). Социальные инновации, по мнению зарубежных географов, базируются на трех базовых составляющих:

1) удовлетворении человеческих потребностей (тех, которые не могут быть удовлетворены государством или с помощью рыночных механизмов;
2) изменении общественных отношений (в первую очередь за счет вовлечения возможно большего числа социальных групп);
3) роста социально-политических возможностей (во многом за счет упрощения доступа к различным ресурсам).

В отличие от аграрных инноваций, которые, как правило, являются трансляцией опыта других экономических акторов или результатом внедрения отдельных научно-технических разработок «сверху», социальные инновации в большей степени опираются на развитие местных инициатив, формируются «снизу». В обобщенном виде социальные инновации в сельской местности можно охарактеризовать как механизмы неэндогенного развития, способного мобилизовать внутренние ресурсы сельских сообществ.

Аграрные инновации. Зарубежный опыт инновационного развития сельской местности показывает, что аграрные инновации в целом реализуются в рамках общей модернизации аграрного производства. Основная задача – повышение эффективности труда за счет технического оснащения производства (девиз фирм, производящих робототехнику для животноводческих комплексов: «1 работник – 2 млн литров молока в день») и снижение энергопотребления. Второе направле-

ние – это технологии экологичного («органического») сельского хозяйства, позволяющие увеличивать продуктивность без генных модификаций и дополнительной химизации производства. Аграрные инновации в российском Нечерноземье также во многом связаны с повышением эффективности производства за счет снижения трудозатрат. Задача снижения негативного воздействия аграрного производства на окружающую среду пока практически не стоит, так как сельскохозяйственные предприятия уже около 20 лет не имеют средств на покупку химикатов или генетически модифицированных сортов растений и пород скота. Скорее, требуется общее повышение культуры аграрного производства, не связанное с инновационным развитием.

Обобщая опыт наиболее заметных инновационных проектов, реализованных в последние годы на территории Нечерноземья, можно разделить существующие нововведения на две группы: интенсивные и экстенсивные. Инновации интенсивного типа, направлены на замыкание производственных процессов на наиболее компактных территориях, желательно в пределах одной производственной площадки. Примерами таких инноваций могут служить новые типы ферм с круглогодичным стойловым беспривязным содержанием скота и типовые «мегафермы» (комплексы, рассчитанные на 1100 голов коров с компьютеризированным доильным залом, обслуживаемые 12 работниками в смену). Технологии беспривязного содержания скота активно используются в хозяйствах Вологодской области (в том числе благодаря региональным программам развития молочного комплекса), так как там сохраняется довольно высокий трудоресурсный потенциал сельской местности, по этому же пути идут пригородные хозяйства и отдельные предприятия, построенные в дальнем поясе влияния столичной агломерации (например, хозяйства Медынского района Калужской области и др.). Мегафермы, требующие небольшого количества работников, строятся на территории различных районов: и на периферии, и в пригородах. Ключевым фактором остается транспортная доступность, так как они ориентируются на сбыт продукции крупным переработчикам, как правило, располагающимся в региональных центрах, реже – в других относительно крупных городах. В настоящее время в каждом из регионов Нечерноземья уже существуют несколько мегаферм, в дальнейшем планируется увеличение их количества.

Экстенсивные инновации ориентированы на эксплуатацию обширных земельных угодий. К ним относятся различные формы пастбищного животноводства, ранее не столь широко представленного на терри-

тории Нечерноземья, например мясное скотоводство круглогодичного пастбищного содержания, продуктивное коневодство, а также товарное производство зеленых кормов, которое выходит за рамки вспомогательной отрасли животноводства и становится одной из отраслей специализации нечерноземных регионов в системе межрегионального разделения труда. Развитие пастбищного мясного животноводства происходит и в зарубежной Европе, и в странах СНГ, и в ряде регионов России, не относящихся к Нечерноземной зоне. Эти отрасли получили широкое распространение вследствие развития селекционной работы и стремления к снижению издержек производства мяса в условиях увеличения цен на энергоносители и зерно (так как скоту по новой технологии не требуется капитальных сооружений, а большой привес достигается при меньших затратах концентрированных кормов). Учитывая особенности социально-экономического развития Нечерноземья в последние 20 лет, экстенсивные формы наиболее адекватны сложившейся ситуации: они требуют сравнительно небольшого числа работников и опираются на использование обширных земельных угодий. Лимитирующим фактором становятся земельные отношения. Второй лимитирующий фактор – транспортная доступность рынков, так как основные виды продукции, производимой в хозяйствах экстенсивного типа («мраморное» и охлажденное мясо улучшенного качества, кумыс, баранина и др.), ориентированы на сбыт в крупных городах, где более высокий платежеспособный спрос. Поэтому инновационные хозяйства такого типа чаще возникают в полупериферийных районах, где есть обширные земельные угодья и сохраняется транспортная связь с региональными центрами, и в «притрассовых» районах вне зависимости от их местоположения в системе центрально-периферийных отношений.

Одним из отличий отечественного опыта инновационного развития аграрного сектора является стремление не только к сокращению трудозатрат, но и к уменьшению участия человека в производстве, что продиктовано не только острым дефицитом квалифицированных кадров, но и общей сложившейся ситуацией в аграрном производстве. Наиболее яркий пример – это отказ от пастбищного сезона для молочного стада, так как по вине пастухов нередко возникают различные ситуации, в итоге приводящие к заболеваниям коров и снижению продуктивности. Показательна и практика внедрения «электропастухов» в пастбищное животноводство (огораживание полей металлической проволокой под небольшим напряжением) в сельских районах, где по-прежнему сохраняется высокая безработица.

Аграрные инновации, как правило, инициированы сторонними инвесторами, инновационное развитие «снизу» возникает лишь в редких случаях, когда в сельских районах сохраняется высокий кадровый потенциал и существуют благоприятные институциональные условия. Факторы появления инновационных форм аграрного производства на территории сельских районов различны: в одних случаях они возникают как элементы вертикально интегрированных агропромышленных холдингов (хозяйства Почепского и Суражского районов Брянской области в составе холдинга «Мираторг», хозяйства Калужской области, ориентированные на снабжение пищевых производств г. Москвы, и др.), в других – являются непрофильными активами крупных бизнес-структур (в частности, хозяйственный комплекс «Румелко-АГРО» в Кашинском районе Тверской области, неофициально относящийся к группе компаний Новолипецкого металлургического комбината и др.). Известны случаи организации инновационных производств предпринимателями, не относящимися к крупным корпорациям. Аналогичные механизмы действуют и на территории других регионов России, вне Нечерноземной зоны. Специфика Нечерноземья состоит в существовании отдельной формы «агро-рекреационных» факторов развития инновационного сельского хозяйства.

Нередко новые формы организации и специализации сельского хозяйства возникали лишь вслед за образованием крупных охотничьих хозяйств, организованных представителями бизнеса из крупных городов. Механизм появления и развития сельского хозяйства такого типа состоит в следующем: изначально организуются разовые поездки на охоту в районы, обладающие привлекательными для охотников рекреационными ресурсами (к таковым относятся леса, долины крупных рек, озера и др.). В дальнейшем заинтересованные в сохранении обширных охотничьих угодий «охотники» выкупают большое количество земель (как правило, продаются лишь земли сельскохозяйственного назначения), организуются охотничьи базы. Владелец сельскохозяйственных угодий обязан обеспечивать сельскохозяйственную нагрузку, за соблюдением чего, как правило, следят районные администрации. В отдельных случаях землевладельцы ограничиваются выплатой относительно невысоких штрафов за неиспользование земель, в других случаях они организовывают собственное производство (чаще этому способствуют благоприятные институциональные условия и/или личные контакты предпринимателей с представителями районной власти). В таких случаях наиболее часто возникают различные «экстенсивные» инновации, в частности

мясное скотоводство (его развитию способствовало и действие федеральной целевой программы по развитию мясного направления животноводства, что предполагало большие дотации и набор субсидий производителям). Кроме того, крупный бизнес имеет возможность инвестировать в новые отрасли, не рассчитывая на скорую окупаемость (наподобие венчурного капитала). Таким образом, к факторам развития инновационного аграрного производства можно условно отнести и наличие рекреационных ресурсов и аттрактивных ландшафтов.

Социальные инновации. Необходимость формирования инновационных механизмов социальной организации сельских сообществ связана с долговременными изменениями социального взаимодействия в сельской местности. Отдельные исследователи говорят о почти 100-летнем «раскрестьянивании» (Староверов, 2004), другие – о глобальном процессе социальной модернизации (А. Гидденс, А. Вишневский). В целом речь идет о росте индивидуальных ценностей и уходе от «общинности». Текущие изменения происходят в русле индивидуализации и технологизации жизни. Для городов подобные процессы не противоречат городскому укладу и образу жизни. В сельской местности подобные социальные трансформации могут пройти безболезненно лишь в условиях насыщения инфраструктурой, коммуникациями.

Для сельской местности Нечерноземья характерны обратные процессы: разрушение инфраструктурных сетей и снижение информационной проницаемости пространства. Ситуация обостряется уменьшающимся спросом на рабочую силу и увеличением числа пенсионеров, что ведет к снижению налоговых поступлений и к росту проблем в социальной сфере. В итоге результатами происходящих изменений в сельской местности становятся:

а) индивидуализация стратегий выживания при общем давлении природной среды;

б) изоляционизм и разрушение сельских сообществ.

В этом случае увеличивается потребность в новых механизмах социального взаимодействия, способных объединить интересы сельских жителей, основанные на поддержке местных инициатив. В условиях поляризации освоенного пространства Нечерноземья происходит постоянное нарастание диспропорций между «ядрами» и периферийной зоной, вследствие чего происходит переход от централизованных механизмов социальной политики к менее контролируемым механизмам местного саморазвития (Никула и др., 2011). В зарубежной науке

основные надежды на самоорганизацию сельских сообществ возлагаются на механизмы социального партнерства (European Communities.., 2008). Подразумевается не только более тесное взаимодействие внутри сельских сообществ, но и развитие партнерских отношений между сельскими жителями и представителями власти, бизнеса.

В российской науке исследования процессов и механизмов сельской самоорганизации ведутся сравнительно недавно. Работы опираются на изучение «взаимовыручки» в рамках традиционных отношений среди сельских жителей (Виноградский, 1999), либо проводятся в рамках социологического анализа последствий Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». Основной акцент смещен к анализу взаимоотношений между главами сельских поселений, руководителями сельскохозяйственных (реже – лесохозяйственных) предприятий и сельскими жителями. Детально исследуются полномочия и возможности представителей различных уровней власти, система бюджетных отношений. Работ, посвященных непосредственно социальным инновациям, базирующимся на развитии местных инициатив, очень мало.

Наиболее известный опыт стимулирования местных ресурсов саморазвития относится к работе Института общественных и гуманитарных инициатив (ИОГИ), созданного Г.В. Тюриным – общественным деятелем, организатором различных проектов возрождения периферийных территорий, ныне занимающегося разработкой теории «инновационного саморазвития». В конце 1990-х гг. деятельность активистов ИОГИ была связана с адресной работой с поселковыми ТОСами (органами территориального общественного самоуправления) Архангельской области (Тюрин, 2007). Специалисты предлагали сельским сообществам сформировать набор экономических и социальных инициатив, способных объединить сельских жителей для решения общих проблем, а также сформировать новую экономическую базу и платформу для социального взаимодействия. Результативность подобных работ довольно сомнительна, так как от проектов начала 2000-х гг. остались лишь редкие сельские музеи. Активная общественная работа прекратилась после завершения волонтерских поездок специалистов ИОГИ в «подшефные» села. Как только проекты местного саморазвития перестают интересовать сторонних лиц (представителей различных фондов, особенно зарубежных, общественных деятелей, просто жителей городов, подключившихся к работе), социальное взаимодействие внутри сельских сообществ сходит на нет.

На взгляд автора, более жизнеспособными оказываются механизмы, которые:

1) имеют материальную основу;
2) не требуют регулярной коллективной работы (на совместную работу опирались многие проекты развития сельских сообществ), но имеют широкое распространение;
3) затрагивают насущные интересы сельских жителей.

В рамках предложенного подхода к трактовке социальных инноваций как внутренних социальных механизмов, повышающих устойчивость сельских сообществ, можно выделить отдельные инновационные пути развития современных сельских сообществ. Большинство из них возникает в ответ на определенные угрозы существования и развития сельских сообществ.

Наиболее «деятельный» вариант в рамках новых механизмов развития сельской местности – товарное личное подсобное хозяйство, оформленное как индивидуальное предпринимательство. По сути, это фермерство в меньших масштабах и с меньшим количеством документации. Активизация оформления ИП в рамках сельскохозяйственного производства началась одновременно под действием нескольких факторов: «вынуждающего» и стимулирующего. В качестве «вынуждающего» можно рассматривать кризис коллективного сектора аграрного производства и утрату сельскохозяйственными предприятиями системообразующих функций. В качестве стимулирующих – федеральную и региональные программы развития индивидуального предпринимательства, предполагающие упрощенную схему регистрации ИП и выделение подъемного капитала. Товарные ЛПХ в сельской местности формируют внутрисельскую систему разделения труда (каждый ИП имеет свою специализацию, производя определенный вид аграрной продукции для реализации в пределах своего населенного пункта или сельского поселения). Во многом такая практика соотносится с процессами «автономизации» сельских сообществ в рамках СНП, оставшихся без крупных работодателей. Ключевой особенностью, не позволяющей ожидать масштабного социального и экономического эффекта, является отсутствие у предпринимателей желания развивать и расширять производство. Они готовы функционировать лишь для удовлетворения локальных рынков и практически не рассматривают возможностей выхода за пределы небольшой рыночной ниши. Аналогичная ситуация характерна для лесного промысла: сельские жители готовы собирать грибы и ягоды на продажу, сдавать дикоросы перекупщикам, но не рассма-

тривают возможностей организации централизованных центров сбора и переработки даров леса, подчеркивая нетоварное в целом отношение к природопользованию (Аверкиева, 2011; Нефедова, 2006, 2007).

Другой вариант социальных инноваций, получивший довольно широкое распространение в сельской местности, – практика опеки над детьми из детских домов. В целом подобный механизм (не усыновление, а опека над детьми из детдомов до 18 лет, подразумевающая получение семьями материального пособия, размер которого определяется региональными органами опеки и зависит от состояния здоровья ребенка) не является уникальным и присущим исключительно сельской местности Нечерноземья. Практика опеки распространена и в городах, и в сельской местности регионов центра и юга. Но в Нечерноземье такой механизм становится особенно заметным на фоне общего сокращения количества детей и депопуляции села. В отдельных районах (самый яркий пример – Солигаличский район Костромской области) в сельских школах свыше половины учеников могут составлять приемные дети. Работники районной администрации не скрывают, что во многом опека над детьми сейчас является одним из базовых источников доходов сельских жителей.

Инициаторами выступали сельские учителя, которые стремились обеспечить наполняемость школ, тем самым сохраняя рабочие места и школы как таковые. В дальнейшем детей под опеку стали брать и другие сельские жители. Трудно назвать подобную практику инновационной – «питомнический» промысел в сельской местности наблюдался еще в XIX в. (Шингарев, 2010), тем не менее в настоящее время она выполняет функции поддержания сельских сообществ. Сельские жители имеют материальную поддержку (пособие на одного ребенка составляло в 2010 г. около 8–10 тыс. руб., что в 1,5–2 раза выше заработной платы в социальной сфере и сельском хозяйстве), увеличивается наполняемость школ, меняется возрастная структура сельских населенных пунктов. Перспективы тем не менее неясны, так как после 18 лет трудоустройством детей, бывших под опекой, будет заниматься государство. Будут ли они оставаться в семьях и в сельской местности – неизвестно. Также неисследованным остается вопрос о влиянии приемных детей на социальное развитие сел: в отдельных случаях отмечается развитие социальных пороков и обострение социальных конфликтов.

Менее спорная практика инновационного развития характерна для сельских учреждений здравоохранения – это создание коек сестринского ухода на базе сельских амбулаторий и ФАП. В целом подобная мера

не является присущей исключительно сельской местности, так как является одной из форм реализации Приказа Министерства Здравоохранения РСФСР от 01.02.1991 № 19 «Об организации домов сестринского ухода, хосписов и отделений сестринского ухода многопрофильных и специализированных больниц». Тем не менее для низовых ячеек сетей инфраструктуры здравоохранения подобная система является новой. В сельской местности койки сестринского ухода становятся аналогами домов престарелых или хосписов, так как в основном в стационары попадают пожилые сельские жители, нуждающиеся в постоянном стационарном обслуживании (не всегда речь идет о медицинском вмешательстве – нередко требуется простой уход за пожилыми людьми). В таком случае $^{2}/_{3}$ пенсии пациентов поступают в бюджет учреждения здравоохранения, а $^{1}/_{3}$ – остается на руках. Обеспечивается стабильная работа сельских учреждений здравоохранения, стационарное лечение способствует созданию новых рабочих мест (сиделки могут не иметь специального образования), организация системы питания позволяет организовывать закупки продуктов в ЛПХ. Для сельской местности Нечерноземья в условиях слабой связности пространства подобная система особенно важна как для пациентов, не всегда имеющих возможность своевременно получить медицинскую помощь, проживая в отдаленных населенных пунктах, так и для медицинских учреждений, получающих возможность оказывать дополнительный набор услуг.

В рамках зарубежных исследований инновационных механизмов развития сельских сообществ выделяются также различные формы социальных приютов и реабилитационных центров, создающихся в сельской местности. Механизм создания сельского приюта для детей подробно разбирается авторами (Никула и др., 2011) на примере Семеновского района Нижегородской области. Важно, что инициатива создания приюта исходила от местного населения (в частности, как ответ на нарастающую проблему сиротства и временного лишения родительских прав), но в реализации проекта совместно участвовали власти на уровне сельского поселения, муниципального района и региона (создание приюта курировал областной Департамент занятости и социальной защиты населения), а к созданию «школы юного фермера» при приюте подключились всероссийские и международные фонды. Только при сочетании усилий и различных источников средств стало возможно внедрение инновационного механизма, направленного не только на поддержание сельских сообществ в существующем состоянии, но и преследующее образовательные цели, ориентированное на повышение че-

Таблица. Структура инноваций в сельской местности российского Нечерноземья

Аграрно-технологические		**Социальные**	
интенсивные	**экстенсивные**	**«адаптивные»**	**«управленческие»**
Замыкание производственных процессов в пределах компактных площадок, повышение продуктивности	Вовлечение в оборот больших площадей сельскохозяйственных угодий, снижение трудозатрат и капитальных расходов	Самоорганизация сельского населения в условиях кризиса коллективного сельского хозяйства и сокращения сети учреждений социальной инфраструктуры	Поддержка местных инициатив российскими и зарубежными фондами
Примеры			
«Мегафермы». Круглогодичное стойловое беспривязное содержание скота	Круглогодичное пастбищное скотоводство мясной специализации продуктивное. Коневодство. Овцеводство	Товарное ЛПХ в форме ИП. Практика опеки над детьми из детских домов. Койки сестринского ухода	Сельские консультационные центры. Сельские гостевые дома. Сельский детский приют и школа юного фермера

Составлено по материалам литературных источников и полевых исследований.

ловеческого капитала. Насколько жизнеспособным окажется подобный проект, можно будет судить лишь по прошествии определенного срока.

Отдельного внимания заслуживает изучение влияния сезонного населения на развитие сельской местности. Для отдельных районов Нечерноземья дачная рекреация стала одной из составляющих социального и хозяйственного уклада жизни, а сезонное население может превышать постоянное в 2–4 раза. Тем не менее, в настоящее время только начинается процесс экономико-географического и социального изучения взаимодействия постоянного и сезонного населения.

Первые выводы исследователей (Нефедова, 2011) сводятся к тому, что дачники способствуют поддержанию элементов благоустройства СНП и способствуют сезонной дополнительной занятости для постоянного населения: местные жители выполняют строительные работы, продают дачникам продукцию ЛПХ и дикоросы. Однако они не в состоянии поддерживать использование обширных сельскохозяйственных земель, сохранять систему лесопользования. Деятельное участие сезонного населения в социальной организации и экономике сельских поселений не всегда находит понимание у местных и районных властей и местных предпринимателей. Попытки постоянного проживания горожан сопря-

жены с трудностями социализации в сельском сообществе. Тем не менее развитие рекреационной функции сельской местности требует научных исследований и внимательного отношения к сезонному, дачному населению как новому элементу социального и экономического уклада.

Подводя итоги, можно сказать, что аграрные инновации в большинстве случаев направлены на снижение участия человека в производстве и сокращение занятости. Их влияние на социально-экономическое развитие села сравнительно невелико, так как все меньшая доля сельского населения связана с сельским хозяйством в рамках коллективных предприятий. Более заметную роль в жизни села будут играть социальные инновации. В настоящее время они направлены на поддержку локальных сельских сообществ, не ставя перед собой цели развития села. Тем не менее, в условиях поляризации и «сжатия» освоенного пространства социальная самоорганизация сельских жителей сможет стать основой существования его узловых точек.

Литература

Аверкиева К. В. Староосвоенная периферия: доживает или живет? Вохомский район Костромской области // География. Метод. журнал для учителей географии, экологии и природоведения. 2011. № 17 (936).

Виноградский В. Г. «Орудия слабых»: неформальная экономика крестьянских домохозяйств // Социологический журнал. 1999. № 3/4.

Жбанков Д. Н. Бабья сторона. Статистико-этнографический очерк. – Кострома, 1981.

Лухманов Д. Н. Эволюция сельского расселения в 1959–1989 годах // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. – М.: ОГИ, 2001.

Нефедова Т. Г. Село Медведево в интерьере своего района, области, России // Российский северный вектор. Сб. статей под ред. Н.Е. Покровского / Сообщество профессиональных социологов. – М., 2006.

Нефедова Т. Г. Современное сельское Нечерноземье: территориальные контрасты и перспективы развития // Экологическое планирование и управление. 2011. № 2(13).

Нефедова Т. Г. Угорское поселение – растяжение и сжатие освоенного пространства // Перспективы Российского Севера. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2007.

Никула Й., Копотева И., Ниска М. Социальные инновации и социальное партнерство как механизмы местного развития // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ученые записки. Вып. 6 / под ред. Т. Шанина, А.М. Никулина, И.В. Троцук; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. – М.: Дело, 2011.

Староверов В. И. Результаты либеральной модернизации российской деревни // Социологические исследования. 2004. № 12.

Твисс Б. Управление научно-техническими нововведениями. Пер. с англ. – М.: Экономика, 1989.

Тюрин Г. В. Опыт возрождения русских деревень – М.: Поколение, 2007.

Фадеева О. П. Ресурсы и практики самоорганизации в российской деревне // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ученые записки. Вып. 6 / под ред. Т. Шанина, А.М. Никулина, И.В. Троцук; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. – М.: Дело, 2011.

Шингарев А. И. Вымирающая деревня: опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. Статистико-социологические исследования в дореволюционной России. – М.: УРСС, 2010.

European Communities. The EU Rural Development Policy: Facing the Challenges. 2008 – http://ec.europa.agriculture/eents/cyprus2008/brochure_en.pdf

Mumford M. D. Social Innovation: Ten cases from Benjamin Franklin // Creativity Research Journal. 2002. № 14 (2).

Rogers E. M. Diffusion of innovations. – NY: Free Press, 1983.

K.V. Averkieva

RURAL NON-CHERNOZEM: DEPOPULATION AND POSSIBLE WAYS OF ADAPTATION TO NEW CONDITIONS

The article considers different models of agricultural and social adaptation that have emerged in the rural areas of the Non-Chernozem (Non-Black Soil) zone due to its continuous depopulation and polarization of its developed space. Social innovations are directed towards sustaining the local communities and activization of social self-organization processes. Agricultural innovations are directed in most cases towards lessening human role in production and staff reduce, what matters within the context of labour and infrastructural decline.

ПРОБЛЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ

С.А. Ковалев

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Экономическое и культурное развитие СССР закономерно сопровождалось быстрым ростом урбанизированности страны, причем численность горожан за советский период возросла (на сравнимой территории) почти в пять раз, а доля городского населения увеличилась с 18% до 56%.

Однако и в настоящее время в размещении населения Советского Союза, страны с развитым разнообразным сельским и лесным хозяйством, большую роль играет сельское расселение – обширная сеть очень различных по своим размерам, расположению и облику сельских населенных пунктов, или сельских «населенных мест»[1]. В них в 1970 г. проживало 44% населения страны (105,7 млн чел.), и хотя доля сельского населения в общем числе жителей страны довольно быстро сокращалась (в 1926 г. – 82%, в 1940 г. – 67%, в 1950 г. – 61%, в 1959 г. – 52%, в 1970 г. – 44%), численность сельского населения снижается медленно, при всем значении миграций «село–город». Сельское население составляло: в 1950 г. – 109,1 млн чел., в 1959 г. – 108,8 млн, в 1970 г. – 105,7 млн. Сравнительно более быстро понижается доля сельских жителей, занятых в сельском хозяйстве, и растет доля занятых в других видах деятельности[2].

В течение более чем полувекового советского периода сельское расселение прошло большой путь развития, получив глубокую внутреннюю перестройку в процессе социалистической перестройки деревни и превращения страны из аграрной в индустриальную. Оно изменило и свой внешний облик, причем последние годы характеризуются возрас-

[1] В русском языке термины «поселение», «населенный пункт», «населенное место» являются синонимами. Русский термин «расселение» довольно точно переводится французским l'habitat, но не имеет точных синонимов в английском и немецком языках; более близки к русскому «расселению» англ. Settlement и нем. Netz. Термин «расселение» может означать и действие (процесс занятия территории, распространения населения по территории), и результат этого действия – сеть поселений на определенной территории.

[2] Демографические и экономические показатели здесь и далее приводятся главным образом по статистическому ежегоднику «Народное хозяйство СССР в 1969 г.» (М., 1970).

тающими масштабами работ по благоустройству сельских поселений, их рациональной перепланировке и организации нового строительства в сельской местности на современной индустриальной основе.

Сельские поселения дореволюционной России

Советское государство получило в наследство от старой России обширную сеть деревень, сел, слобод, станиц, починков, выселков, хуторов, аулов, кишлаков и других сельских поселений, чрезвычайно различных по их происхождению, величине и облику. В России в 1913 г. – в границах, примерно совпадающих с современными границами СССР – проживали более 130 млн сельских жителей.

Основную часть этой сети составляли селения, возникшие в феодально-крепостническую эпоху (в том числе и очень старинные «ровесники» древнейших русских и украинских городов X–XII вв. и еще более древних городов Средней Азии и Закавказья). Это были села и деревни бывших крепостных крестьян, принадлежавших до середины XIX в. помещикам или царской семье; мелкие деревеньки, починки, погосты, заимки государственных крестьян в северных лесных районах; крупные казачьи поселения – станицы, строившиеся в свое время по плану на тогдашних границах государства и получившие ряд привилегий. Особые, сохранившиеся от крепостного времени типы поселений представляли тысячи помещичьих усадеб, поселки монастырей, постоялые дворы и почтовые станции на дорогах и т.д. В окраинных районах России сельское расселение имело много специфических черт, связанных с историческими особенностями различных народов Сибири, Средней Азии, Кавказа, причем в некоторых отдаленных местах сохранялись элементы родового строя и феодализма, накладывавшие заметный отпечаток на расселение. Немалая часть местного населения на Севере, в пустынных и горных районах Казахстана и Средней Азии жила еще в условиях кочевого быта.

Но сеть сельских населенных мест, унаследованная Советским государством, включала и более поздние элементы, рожденные в конце XIX – начале XX в. развитием капитализма в России. Наиболее характерны из них «поселки-экономии» (крупных хозяйств капиталистического типа, в которые превратилась часть помещичьих имений) и хутора-однодворки, массами возникавшие в 1907–1914 гг., главным образом в западных губерниях России, в результате правительственной политики, поощрявшей такую (фермерскую) форму расселения мелких

земельных собственников. В капиталистический период быстро росли возникшие еще ранее «торговые» и «торгово-промысловые» села и слободы, «фабричные села»; в западных губерниях – «местечки». Эти местные рыночные центры и очаги несельскохозяйственной деятельности в крестьянской стране активно дополняли собой в экономическом отношении слабо развитую сеть городов, и на их важную роль указывал В.И. Ленин, исследуя развитие капитализма в России.

Сельские поселения дореволюционной России, нередко живописные и красиво расположенные, в подавляющей части были неблагоустроенными, отличались нехваткой самого элементарного врачебного и другого обслуживания населения и низким жизненным уровнем основной массы крестьянства. Если это было типичным для большинства русских и украинских деревень и сел, то в еще большей степени относилось к населенным местам различных народов, населявших окраины страны на ее востоке и юго-востоке. Как известно, смертность населения России в 1913 г. составляла 29 чел. на 1000, причем из 1000 родившихся 269 умирали, не дожив до года; в деревне эти средние показатели были еще несколько выше. Выразительную картину тяжелых условий жизни сельского населения, состояния сельских жилищ и поселений рисуют обследования земских врачей и статистиков, материалы которых иногда публиковались в конце XIX и в начале XX в.

Изменения в сельском расселении в первые годы после Октябрьской революции

Советская власть одним из первых своих постановлений отменила частную собственность на землю и сделала землю всенародным достоянием. Помещичьи и другие частные земли перешли, со всеми постройками на них, в распоряжение государства. Большая часть их безвозмездно передавалась для использования трудовому крестьянству, на других участках создавались первые государственные хозяйства (совхозы), а также загородные больницы, дома отдыха и т.п. Таким образом исчезли на территории страны такие типы поселений, как помещичьи усадьбы и капиталистические экономии. В этот первый период, особенно после окончания Гражданской войны, в 1923– 1927 гг., в процессе освоения крестьянством бывших помещичьих, «царских» и монастырских земель появилась масса новых небольших крестьянских поселений – «выселков» из старых сел и деревень (чаще всего в пределах «своей» волости или «своего» уезда). Хуторское расселение кое-

где сохранилось и даже расширялось (но без частной собственности на используемую землю), а в других местах уже происходила ликвидация хуторов (особенно кулацких, эксплуатировавших наемную рабочую силу), и на их базе образовывались новые крестьянские поселки.

Крупные села росли за счет естественного прироста, отлив населения в города был еще очень незначительным, но в целом для этого периода развития сельского расселения в СССР более характерны процессы раздробления и «отпочкования» населенных пунктов, чем роста их размеров.

При всех экономических трудностях, которые испытывало молодое советское государство после войны и разрухи, уже в этот период отмечается большое строительство жилых домов и общественных зданий в сельских поселениях (в первую очередь – школ и больниц, изб-читален и первых клубов, библиотек). Только самим сельским населением за 1918–1928 гг. было построено более 150 млн м^2 полезной площади жилья, т.е. 4–5 млн односемейных домов крестьянского типа на 20–25 млн человек. Смертность в СССР к 1926 г. упала до 20 чел. на 1000 жителей (уже только 174 ребенка на 1000 родившихся не доживали до года).

В эти же годы началось планомерное создание поселков – культурных и экономических центров в районах с полукочевым и кочевым населением (на севере страны, на юге – в зонах пустынь и полупустынь и в некоторых горных районах). Рядом с такими пунктами начиналось оседание, приобщение к оседлой жизни местного населения.

Перепись населения, проведенная в СССР в 1926 г., показала, что на территории страны (меньшей по сравнению с современной территорией) имелось 120,7 млн сельских жителей (составлявших,

Таблица 1. Соотношение различных по величине (людности) групп сельских поселений в СССР в 1926 г.

Поселения	Число поселений, тыс.	То же, %	Численность сельского населения, млн чел.	То же, %
Малые (до 100 жит.)	379,2	61,2	12,9	10,7
Средние (101–1000 жит.)	206,8	35,0	59,4	49,3
Крупные (св. 1000 жит.)	22,9	3,8	48,1	40,0
Всего	608,9	100,0	120,4*	100,0

** Еще 0,3 млн чел. не было распределено при переписи по населенным пунктам.*

Источник: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. 3. Население СССР. – М.: Изд. ЦСУ СССР, 1927.

как и до революции, около 82% всего населения страны), размещенных в 609 тыс. поселений; 432 тыс. из них находились в Европейской части (без Кавказа), 17 тыс. – на Кавказе, 99 тыс. – на территории современных республик Средней Азии и Казахстана, 61 тыс. – в Сибири и на Дальнем Востоке (к числу поселений этой переписью были отнесены и временные стойбища у народов с кочевым бытом).

Среди крупных выделялись 1074 сельских населенных пункта, имевшие более 5 тыс. жителей (при этом надо учесть, что 200 крупных сел и слобод, включая многие «фабричные села», к тому времени уже были преобразованы в городские поселения – как промышленные и транспортные пункты или важные местные центры).

Сельское расселение в период социалистической перестройки сельского хозяйства

Переход советской деревни к общественному хозяйству (к колхозам) и дальнейшее распространение совхозов как крупных государственных земельных хозяйств означали коренное изменение социально-экономического типа сельских поселений. До этого, хотя частная собственность на землю была уничтожена сразу после Октябрьской социалистической революции, другие средства производства (рабочий скот, инвентарь) находились в частной собственности крестьян, и среди них еще существовало социальное неравенство (бедняки и середняки – как трудовое крестьянство, кулачество – как остатки эксплуататорских классов). Сельские поселения имели население, занятое в индивидуальных крестьянских хозяйствах, очень разных в социально-экономическом отношении.

Превращаясь в колхозные, такие селения становились социально однородными и в большинстве случаев оказывались хозяйственными центрами колхоза или его территориальных подразделений. С начала 30-х гг. все более характерными новыми чертами колхозных сел и деревень становятся возникающие около них группы крупных хозяйственных построек колхоза (скотные дворы – животноводческие фермы, гаражи, мастерские, склады и т.д.) и новые здания общественного назначения. К середине 1929 г. в колхозы входило всего 4% крестьянских дворов, в 1931 г. – около 53%, в 1940 г. – 97%.

Каждый колхоз организовывался на базе одного или нескольких крестьянских поселений, и в первый период колхозы были сравнительно невелики по размерам. Даже в 1940 г. в среднем на один колхоз, при

общем их числе около 240 тыс., приходились только 81 крестьянский двор и 0,5 тыс. га посевов[3]. В этих условиях к 1939–1940 гг. преобладали «односеленные» колхозы; нередко в одном крупном селе, станице, или слободе существовали несколько колхозов, со своими отдельными производственными постройками, хозяйственными центрами.

Уже в этот период тенденция к концентрации населения в более или менее крупных населенных пунктах, с ликвидацией бывших хуторов, очень мелких выселков, становится преобладающей. Так, всего за два года, в 1939–1940 гг., в ряде центральных и западных областей СССР более 800 тыс. одиночных усадеб колхозников были либо перенесены к основным поселкам колхозов, либо объединены в новые поселки (которых было образовано таким путем более 2 тыс.); преобладавшие в этих областях деревянные жилые дома довольно легко могли быть разобраны, перевезены и вновь поставлены на новом месте, с выполнением всех работ силами колхоза.

Много новых поселков строилось по специально разрабатываемым проектам для новых совхозов (число которых за 1927–1940 гг. увеличилось с 1,4 тыс. до 4,2 тыс.). На степном юге, в Заволжье и Зауралье, на Дальнем Востоке, на орошаемых землях Средней Азии и Закавказья эти новые совхозные поселения, значительно отличавшиеся по планировке и облику от крестьянских деревень и сел, образуют все более заметный элемент сельского расселения. На востоке и юго-востоке страны в эти годы возникают сотни новых колхозных поселков, как в результате сельскохозяйственной миграции, так и, особенно в Казахстане, в процессе оседания бывших кочевых хозяйств.

Многообразное воздействие на сельское расселение оказывала широко развернувшаяся индустриализация страны. Растущие города и новые промышленные поселки требовали все больше кадров, высвобождающихся из сельского хозяйства в результате механизации земледельческих работ и повышения эффективности крупных хозяйств. До революции 75% населения России было занято в сельском и лесном хозяйстве; в 1940 г. – уже только 54%, при возросшем объеме сельскохозяйственной продукции. Численность сельского населения, несмотря на его естественный прирост, с 1926 г. к 1939 г. уменьшилась (на сравнимой территории) на 5,1%. Целый ряд сельских поселений был поглощен растущими городами или преобразованы в городские поселения с развитием в них промышленности: только в резуль-

[3] Страна Советов за 50 лет. Сб. статистических материалов. – М.: Статистика, 1967. С. 116–117.

тате этого за 1926–1939 гг. примерно 5,8 млн сельских жителей превратились в горожан. Но индустриализация создавала и новые – сельские, но несельскохозяйственные – поселения, в связи с распространением добывающей промышленности, транспорта и т.д. Так появилась еще одна характерная, действующая и сейчас тенденция в развитии сельского расселения в СССР.

В 1939 г. в Советском Союзе насчитывалось 573 тыс. сельских поселений (на территории, сравнимой с 1926 г.). Данные переписи населения 1939 г. о распределении сельских поселений по величине и типам не были детально обработаны и опубликованы, поэтому отметим лишь, что за 1926–1939 гг. увеличилась доля поселений величиной от 50 до 200 жителей, с уменьшением числа как наиболее мелких, так и крупных населенных мест[4]. Первое – следствие ликвидации многих самых мелких поселков и однодворок, второе – следствие оттока части сельского населения в города и преобразования ряда крупных сел в городские поселения.

Тяжелые потери понесли как городские, так и сельские поселения ряда республик и областей на северо-западе, западе и юге СССР в годы навязанной Советскому государству войны 1941–1945 гг. На временно оккупированных территориях были разрушены более 1700 городов и 70 тыс. сел и деревень, причем большая часть сельских поселений, с деревянными по преимуществу постройками, была уничтожена огнем дотла. Потребовался гигантский труд в первые послевоенные годы, чтобы восстановить все это, создать кров над головами возвращавшихся жителей. Как правило, населенные пункты восстанавливались на прежних местах, т.е. восстанавливалась прежняя картина расселения. Но невосполнимы были тяжелые потери населения этих районов.

Послевоенное развитие

За 25 лет послевоенного развития Советского Союза ежегодный объем валового общественного продукта увеличился настолько, что в 1969 г. он превосходил уровень 1940 г. в семь с половиной раз. Годовой национальный доход за это же время возрос в восемь раз, объем продукции сельского хозяйства – в два раза. Численность же населения увеличилась на 24,6% (в 1940 г. насчитывалось примерно 194 млн чел., в начале 1970 г., по переписи, – 241,7 млн чел.). При этом доля

[4] *Подъячих П.Г.* Население СССР. – М.: Политиздат, 1961. С. 74–75.

сельского населения сократилась в ходе индустриализации и урбанизации страны с 67% до 44%, а численность его, сильно уменьшившись между 1940 и 1950 гг. (со 131 млн до 109 млн чел.), снижалась и в дальнейшем, но более медленно (в 1970 г. – 105,7 млн чел.).

Городское население возрастало ежегодно на 3–4 млн человек. Только за 11 лет между переписями 1959 и 1970 гг. оно увеличилось на 36 млн чел., из которых 14,6 млн дал естественный прирост в городах, 5 млн прибавилось за счет преобразования сельских населенных пунктов в городские, и более 16 млн составил миграционный переход сельских жителей в города. Естественный прирост населения в сельских местностях за это время составил более 18 млн чел., но в число горожан перешли 5 + 16 = 21 млн сельских жителей, общая численность которых сократилась таким образом за 11 лет на 3 млн чел., или на 2,8%.

В этих условиях, при постепенно сокращавшейся численности сельского населения, для большинства районов страны было характерно не расширение сети сельских населенных мест, а процессы внутренней перестройки этой сети. Новые сельские поселения возникали главным образом в местах массовой распашки целинных и залежных земель при создании новых совхозов (юг Зауралья и Западной Сибири, север Казахстана и др.), а также в районах крупного ирригационного строительства в республиках Средней Азии, на юге Казахстана, в Закавказье. Увеличивалось и число несельскохозяйственных сельских поселений, связанных с промышленностью, транспортом, обслуживанием туризма и курортного хозяйства.

Менее заметны, но существенны процессы внутренней перестройки основной сети сельскохозяйственных поселений. В послевоенный период происходит значительное укрупнение колхозов и совхозов, при одновременном росте их технической вооруженности и организационного уровня. С ростом числа совхозов и большим государственным капитальным строительством в совхозах повышается доля совхозных поселков среди сельских поселений,

В результате укрупнения колхозов число их уменьшилось с 240 тыс. в 1940 г. до 34,7 тыс. в 1969 г., а число совхозов за эти годы возросло с 4,4 тыс. до 14,3 тыс. В 1969 г. на один колхоз в среднем приходилось 427 колхозных дворов, 2,9 тыс. га посевов. Соответственно во много раз сократилось число центральных поселков колхозов: эти функции остались, как правило, у наиболее крупных, выгодно расположенных, обладающих большими основными фондами поселений. «Многоколхозность» селений совсем исчезла: наличие

нескольких «хозяев» – нескольких колхозов в одном, даже крупном селе или станице – стало редким явлением. Преобладающей формой стали «многоселенные» колхозы, образующие свои первичные территориальные системы сельских населенных мест. Соответственно появилось понятие «внутрихозяйственное расселение»[5], и во весь рост встала проблема его оптимизации в различных природных и хозяйственных условиях.

В 1966 г. только 15% колхозов в СССР имели по одному населенному пункту (главным образом на юге, в районах садоводства и виноградарства), 50% включали по 2–5 селений, еще 30% – от 6 до 20 селений, остальные 5% колхозов образовали сложные внутрихозяйственные системы из 20–50, а иногда и более населенных мест.

Большинство совхозов также имеют несколько населенных пунктов (помимо «центральной усадьбы» – поселки отделений, прифермские поселки). Совхозы используют в настоящее время половину всех пахотных земель в Советском Союзе и две трети всех естественных пастбищ, на этих землях преобладающий тип поселений составляют совхозные поселки, хотя общее число их значительно меньше, чем колхозных населенных мест (см. далее).

Характерными чертами развития сельского расселения в послевоенный период были: возрастание доли несельскохозяйственных и «смешанных» (аграрно-промышленных, аграрно-транспортных и т.п.) поселений; постепенное планомерное развитие в сельских местностях сферы обслуживания с соответствующими учреждениями (торговля, общественное питание, бытовые услуги; школьная сеть, клубы, библиотеки; больницы, врачебные пункты, поликлиники; отделения связи, сберегательные кассы и т.д.); наконец – заметное обновление и пополнение основных фондов поселений (жилых домов, производственных построек, зданий общественного назначения).

Перепись населения 1959 г. показала, что примерно 70% работающего сельского населения было занято в сельском и лесном хозяйстве, 15% – в промышленности и на транспорте (в смешанных поселениях и в порядке «маятниковых» трудовых поездок в соседние города), около 15% – в сфере обслуживания и других непроизводственных учреждениях в самой сельской местности[6]. Соответствующие данные по переписи 1970 г. еще не опубликованы; однако мож-

[5] Автор имел случай подробно обосновать это явление в своей книге: Сельское расселение (Географическое исследование). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963.

[6] Итоги Всесоюзной переписи 1959 года. – М., 1962.

но судить о дальнейшем понижении доли занятых непосредственно в сельском хозяйстве жителей сельских местностей из такого сопоставления: за 1959–1970 гг. удельный вес сельского населения в стране снизился с 52% до 44%, а доля занятых в сельском и лесном хозяйстве среди всех работающих в СССР сократилась более заметно: за 1960–1968 гг. с 39% до 29%.

Послевоенный период характеризуется постоянным возрастанием объемов капитальных вложений, направляемых (государством и колхозами) в сельское хозяйство и непроизводственное строительство в сельских поселениях. Так, за пятилетие 1946–1950 гг. эти капитальные вложения составили 5,4 млрд руб., за 1951–1955 гг. – 13,3 млрд, за 1956–1960 гг. – 25,9 млрд, за 1961–1965 гг. – 40,9 млрд и за последующие четыре года (1966–1969 гг.) еще 52,4 млрд руб. (все данные приведены в сопоставимых ценах).

О размерах замены и пополнения жилого фонда в новых и существующих поселках дают представление следующие цифры: за последние десять лет, в 1960–1969 гг., в сельских поселениях было построено около 400 млн м^2 жилой площади, в том числе половина – за счет государства и колхозов, другая половина – самим сельским населением. По переписи 1959 г. в сельской местности жили 26 млн семей (в настоящее время, очевидно, несколько меньше); при преобладании односемейных домов это дает некоторое представление и о количестве жилых построек в сельских поселениях СССР. Исходя из средних размеров сельского дома или квартиры, можно считать, что только за последние десять лет жилой фонд в сельских местностях обновился примерно на 35–40%, т.е. 35–40% семей получили новое жилье.

Отчасти это жилые дома, построенные в традиционном стиле, исторически сложившемся у того или иного народа Советского Союза (но обычно и в этом случае – с поправкой на современные санитарные и бытовые требования). Отчасти это постройки, выполненные уже по современным типовым проектам, предложенным для разных климатических зон; среди них наряду с односемейными одноэтажными домами начинают распространяться (кроме аридных районов) двухэтажные – также на одну семью или («блокированные») на несколько семей. В некоторых поселениях, преимущественно совхозных, особенно пригородных, появляются и многоквартирные дома городского типа в 4–5 этажей. Но их распространение в сельской местности будет, видимо, ограниченным. Более удобными типами сель-

ского жилища считаются[7] двухэтажные здания на одну или несколько семей, с современным благоустройством и небольшими участками для сада, огорода, хозяйственных построек[8].

В послевоенные годы идет дальнейшее развитие системы местных центров в сельских районах. Такие центры образуют определенную иерархию, являясь частью более сложной общей системы региональных экономических и культурных центров страны, ее «нижними этажами»[9]. В сельских административных районах (число которых в Советском Союзе в 1970 г. было равно 3400) основными «низовыми» местными центрами являются центральные поселки хозяйств (колхозов и совхозов), в которых обычно размещаются низовые (первичные) органы Советской власти – сельские советы (объединяя в административном отношении все населенные пункты 1–3 соседних колхозов или совхозов). Следующее звено – местные центры «межхозяйственного» значения, преимущественно транспортные и торгово-складские, расположенные на главных транспортных путях и перекрестках; часто это – аграрно-индустриальные поселения с пищевой и легкой промышленностью, работающей на местном сельскохозяйственном сырье.

И наконец, высшее в районе звено – сельский районный центр с наиболее полным комплексом административных, организационных и обслуживающих функций в отношении всей территории района, всех его поселений. В среднем на один сельский район в 1970 г. приходилось более 30 тыс. сельских жителей и до 140 населенных пунктов, но, разумеется, эти величины очень различны для разных частей Советского Союза, в зависимости от степени заселенности территории, специализации хозяйства районов и т.п. В более чем 2,5 тыс. сельских районов функции их центров выполняют города или поселки городского типа (последние в своем большинстве

[7] Личное подсобное хозяйство в установленных пределах (по числу голов скота и используемой земельной площади) может иметь каждая семья колхозников, рабочих и служащих в сельских поселениях. Такие «приусадебные земли» составляли в 1969 г. около 1% всех пахотных земель в СССР.

[8] *Гладкая Б.В.* Распространенные типы жилищ для строительства в сельской местности // Переустройство сельских населенных мест в свете решений XXIII съезда КПСС. Материалы совещания-семинара. – М., 1969.

[9] *Ковалев С.А.* Сельское расселение (Географическое исследование). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963, гл. II; *Покшишевский В.В.* Населенные пункты – местные центры и проблемы их соподчинения // География населения СССР / Вопросы географии. Сб. 56. – М.: Географгиз, 1962.

выросли из сельских поселений за послевоенный период) и лишь в 838 районах – сельские поселения, как правило, крупные (их средняя людность, т.е. число жителей, в 1970 г. составила 5 тыс. чел.).

Современный состав сельских поселений СССР

Опубликованные до августа 1971 г. первые материалы Всесоюзной переписи населения 1970 г.[10] дают ценную количественную характеристику современной сети сельских населенных мест для всей страны; рассмотрим прежде всего их распределение по величине, как это мы сделали для 1926 г.

Таблица 2. Соотношение различных по величине (людности) групп сельских поселений в СССР в 1970 г.

Поселения	Число поселений, тыс.	То же, %	Численность сельского населения, млн чел.	То же, %
Малые (до 100 жит.)	292,6	62,3	7,5	7,1
Средние (101–1000 жит.)	253,2	32,7	51,9	49,1
Крупные (св. 1000 жит.)	23,5	5,0	46,3	43,8
Всего	469,3	100,0	105,7	100,0

Таблица 3. Распределение сельскохозяйственных поселений по функциям в 1970 г.

Сельскохозяйственные поселения		Число поселений, тыс.	Численность населения, млн чел.	Средняя людность поселений, чел.
Совхозы	Центральные поселки	13,2	13,0	985
	Поселки отделений, бригад и ферм совхозов	70,0	13,8	198
Колхозы	Центральные поселки	32,5	30,8	950
	Поселки бригад, производственных участков и ферм колхозов	89,5	20,7	232
Поселения – центры сельских советов		10,5	8,4	795
Прочие поселения		211,4	7,8	37
Поселения при опытных станциях, питомниках и т.п.		3,4	0,9	253

[10] В частности, данные приводятся в № 5 «Вестник статистики» за 1971 г.

Кроме того, для 267 совхозов и 303 колхозов центральными поселками служат соседние с ними сельские районные центры, а в некоторых пригородных хозяйствах их работники живут в городе, уже не являясь «сельскими жителями».

Среди несельскохозяйственных сельских поселений преобладают небольшие (особенно связанные с лесным хозяйством разъезды на железных дорогах и т.п.), но имеется и 1019 пунктов с числом жителей более 1 тыс. (в том числе 9 – св. 5 тыс. чел.). Многие из них – явные «кандидаты» для превращения в ближайшие годы в городские поселения.

Новейшие тенденции и перспективы развития сельского расселения

Сопоставление данных переписей 1959 г. и 1970 г. о числе и размерах сельских поселений позволяет видеть некоторые новейшие тенденции в развитии сельского расселения СССР. Сильно сократилось (особенно за последние годы, 1965–1969 гг.) количество наиболее мелких и средних по размерам населенных мест, выросло число поселений крупных и особенно возросла их доля в размещении населения.

Таблица 4. Состав сельских поселений в 1959 г. и в 1970 г.

Сельские поселения	Абсолютные величины		То же, % к итогу	
	1959	1970	1959	1970
Число поселений, тыс.				
Малые (до 100 жит.)	501,7	292,6	71,1	62,3
Средние (101–1000 жит.)	182,9	153,2	26,0	32,7
Крупные (св. 1000 жит.)	20,2	23,5	2,9	5,0
Всего	704,8	469,3	100,0	100,0
Численность населения, млн чел.				
Малые поселения	10,8	7,5	10,1	7,1
Средние поселения	56,8	51,9	53,9	49,1
Крупные поселения	39,4	46,3	36,9	43,8
Всего	107,0*	105,7	105,7	100,0

** Итог сельского населения здесь меньше, чем было в сводных данных переписи 1959 г. (108,8 млн чел.), так как ЦСУ СССР, обрабатывая данные 1959 г. о поселениях, скорректировало их число на январь 1961 г. (оно к этому времени сократилось) – см. «Вестник статистики» (1962, № 7).*

Сопоставляя эти данные, следует, конечно, учитывать, что понимание «отдельного населенного пункта» при составлении их списков для переписи не могло быть вполне идентичным в 1959 г. и в 1970 г., тем более по всем республикам и областям. Поэтому сравнение носит обобщенный характер. Но основные тенденции – постепенное, но уже заметное стягивание населения в более крупные поселения (главным образом в центральные поселки хозяйств) и ликвидация, полная или пока частичная, многих мельчайших и мелких поселков – видны из этих статистических наблюдений достаточно наглядно. Происходит – более быстро, чем это было раньше – «укрупнение» сельских населенных мест, преимущественный рост более крупных поселков и ускоренное «размывание» многих мелких, как наглядно показывает график (см. рис. 1).

Это, несомненно, прогрессивная тенденция. В более крупных населенных пунктах можно обеспечить более высокий уровень общественного обслуживания населения (крупные средние школы с большим штатом преподавателей, кинотеатры и торговые центры современного типа, поликлиники со специализированными отделениями и т.д.) – при большей приближенности учреждений обслуживания к месту жительства. Существенно, что удельная стоимость

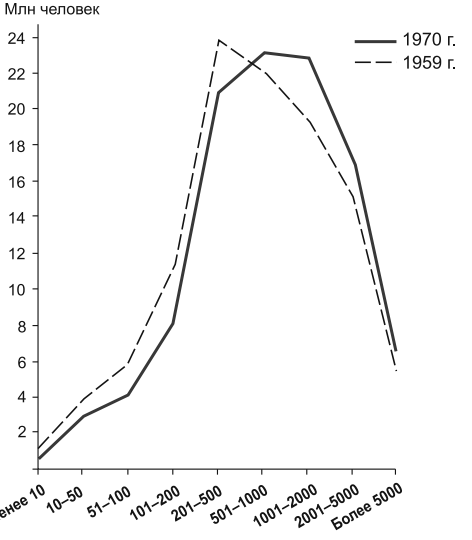


Рис. 1. Современные тенденции укрупнения сельских поселений в СССР. Распределение сельского населения страны в 1959 г. и 1970 г. по группам сельских поселений различных размеров.

Источник: Вестник статистики. 1962. № 7; 1971. № 5.

всей инфраструктуры на одного жителя, несмотря на более высокий уровень ее развития, в крупных сельских поселениях оказывается меньшей.

С производственной точки зрения в крупных поселениях имеются более благоприятные возможности для равномерного использования рабочей силы разных профессий и уровней квалификации, для использования мужского и женского труда. Крупные хозяйственные объекты в современных колхозах и совхозах (животноводческие фермы, мастерские, подсобные предприятия по переработке продукции и т.д.) требуют сосредоточения довольно значительных кадров.

Наконец, в социальном аспекте сравнительно более крупные сельские населенные места предпочитаются большинством населения, особенно молодежью – как представляющие лучшие возможности для общения, для различных форм общественной жизни, для более разнообразной организации досуга и т.д.

Как известно, в программе Коммунистической партии Советского Союза, принятой XXII съездом КПСС в 1961 г., в качестве одной из важнейших перспективных задач советского общества поставлена ликвидация социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней. Эта задача, которая постепенно и неуклонно выполняется на практике, предусматривает преобразование колхозных деревень и сел в укрупненные населенные пункты с высоким уровнем благоустройства и обслуживания.

Общее число сельских поселений в результате этого сократится. Часть существующих будут расти и обновляться, другие со временем исчезнут; появится и некоторое количество новых поселков, главным образом в тех местах, где сейчас еще преобладает густое дисперсное расселение (например, в Эстонской, Латвийской ССР), а также там, где намечается расширение освоения земельных ресурсов.

По имеющимся предварительным прогнозам численность сельского населения в СССР к 1980 г. составит примерно 96 млн чел., к 2000 г. – 89 млн (соответственно 35% и 27% всей численности населения страны)[11]. При этом сильно понизится доля занятых сельским хозяйством в составе этого населения – в соответствии со значительным намечаемым ростом производительности труда.

Предполагается, что подавляющее большинство сельских поселений, имеющих сейчас более 1000 жителей, сохранится, как и

[11] *Фомин Г.Н.* Основные направления перспективного развития сельских населенных мест // Планировка и застройка сельских населенных мест. – Киев, 1968.

значительная часть населенных пунктов в 500–1000 жителей[12]. Они образуют сеть так называемых перспективных поселков, в которые постепенно смогут переселяться жители соседних мелких поселений (что стимулируется лучшими условиями жизни). Естественно, что степень укрупнения сельских поселений имеет свои пределы, так как укрупнение не должно создавать серьезных неудобств и экономических потерь в результате чрезмерного удаления мест жительства от мест труда (в полях, на фермах и т.д.). Поэтому оптимальные размеры селений связаны и со специализацией колхозов и совхозов, с размером их земельной площади.

В перспективных поселках должно по возможности концентрироваться все новое сельское строительство. Для этого в настоящее время заканчивается составление так называемых схем сельской районной планировки для каждого из сельских административных районов СССР. В таких схемах комплексно намечаются перспективы хозяйственного, демографического и архитектурно-строительного развития районов, как конкретизация более общих, генеральных перспективных планов и прогнозов для всей страны.

Основные зональные и региональные различия в сельском расселении СССР

Значительное разнообразие природных условий, специализации хозяйства и истории заселения различных частей обширной территории Советского Союза создают большое разнообразие в формах сельского расселения. Это разнообразие выражается в преобладании малых или крупных селений, в густой или очень разреженной их сети, равномерном или неравномерном (образующего отдельные скопления) размещении по территории, в том или ином типе внутрихозяйственного расселения (см. выше), наконец, в самом облике селений, в характере их планировки и застройки.

К числу наиболее существенных региональных особенностей относятся различия в преобладающих размерах сельских поселений, оказывающие большое влияние на бытовые и социальные условия жизни в сельской местности.

Рис. 2 и 3, показывающие, по данным 1970 г., районы наибольшего и наименьшего распространения малых и крупных сельских поселе-

[12] *Ковалев С.А., Рязанцев В.С.* Пути развития сельских поселений // Научные проблемы географии населения. – М., 1967.

ний в СССР, в совокупности дают представление о степени имеющихся различий в расселении. В определенной степени эти различия имеют зональный характер, будучи связаны с типами сельскохозяйственного использования земель и специализацией хозяйства в различных природных зонах. Наибольшей «крупноселенностью» выделяются некоторые южные лесостепные и степные районы, а также орошаемые предгорья и оазисы в полупустынной и пустынной зонах, с наиболее интенсивным и трудоемким сельским хозяйством. Необходимость больших затрат труда на единицу площади допускает и стимулирует концентрацию населения в немногих очень крупных поселениях. География крупнейших селений СССР показана на отдельной картосхеме (рис. 4).

Сравнительно крупные (главным образом в 1–2 тыс. жит.) населенные пункты широко распространены и характерны для всей лесостепной и степной полосы Советского Союза, в Европейской части и на юге Сибири и Дальнего Востока (рис. 2). Как правило, это центральные поселки колхозов и совхозов, в которых живет 30–50% (а иногда и больше) сельского населения данной полосы. Они дополняются меньшими по величине поселками отделений и бригад в крупных хозяйствах, необходимыми при больших обрабатываемых площадях. Пашня образует в этой черноземной полосе обычно обширные сплошные массивы.

В противоположность этому сельское расселение в южной полосе лесной зоны Европейской части СССР – от республик Прибалтики до Среднего Урала – выделяется значительным распространением (местами – преобладанием) мелких населенных пунктов и очень малой ролью крупных сел и поселков в размещении населения (рис. 2 и 3).

Такой характер расселения в этих районах исторически сложился с древнейших времен в ходе выборочной расчистки и распашки земель. Пахотные земли здесь и в настоящее время сильно раздроблены и разбросаны, перемежаются остатками леса, луговыми низинами, болотами и т.д., что в определенной мере ограничивает возможности концентрации сельскохозяйственного населения в крупных населенных пунктах. Процесс укрупнения поселков и ликвидации наиболее мелких из них, неудобных для жизни, происходит и здесь. Но это процесс более длительный и требующий больших затрат, чем в других зонах СССР. В данную «мелкоселенную» полосу входят Эстонская, Латвийская и Литовская ССР, Витебская область БССР, Псковская, Новгородская, Калининская, Смоленская, Ярославская, Ивановская, Вологодская, Костромская, Кировская области с общей численностью сель-

ского населения в 1970 г. более 8,4 млн чел. Очевидно, и в перспективе сеть поселений в данном большом ареале будет иной, чем в лесостепной и степной полосе, и населенные места в 500–1000 жителей для данных условий могут считаться сравнительно крупными.

Своеобразными чертами выделяется северное «редкоочаговое» расселение в тундре и на севере лесной зоны, связанное с рыболовством, охотой, пушным звероводством и оленеводством; переходный тип лесного очагового расселения с сочетанием сельскохозяйственных, промысловых и лесопромышленных занятий сельских жителей.

К югу от основной земледельческой, черноземной полосы с ее крупными поселениями можно видеть (в полосе сухих степей и полупустынь) особые формы расселения, связанные с отгонно-пастбищным животноводством. Здесь некогда господствовал кочевой быт, оседлое расселение сложилось уже в советский период. Сейчас для районов отгонного животноводства (с круглогодичным содержанием скота на пастбищах, вдали от селений) характерны очень разреженная сеть крупных базовых поселков, более многочисленные малые поселки при отделениях (фермах) хозяйств, удаленные друг от друга, и, наконец – сеть сезоннообитаемых «зимников» и «летников» для временного пребывания там пастухов. Сходные формы образовались и в горно-животноводческих районах Средней Азии, Кавказа, Карпат.

Порайонная география сельского расселения СССР требует специального рассмотрения: это слишком большая дополнительная задача для данного общего обзора развития расселения за ряд лет. Но для того чтобы создать несколько более конкретное представление хотя бы о тех различиях форм расселения по зонам, о которых говорилось выше, мы предлагаем читателю рис. 5, на котором в едином масштабе показаны некоторые примеры типичных форм сельского расселения в разных зонах и районах СССР.

S.A. Kovalev

EVOLUTION OF RURAL SETTLEMENT PATTERN IN THE SOVIET UNION

Stages of formation of a network of rural settlements during various historical periods in the Russian Empire and in the USSR are discussed. Functional types of settlements and their arrangement by population numbers are identified. Regional distinctions in rural settlement patterns are considered. The article written in 1971 for the «Geoforum» magazine is published in Russian for the first time.

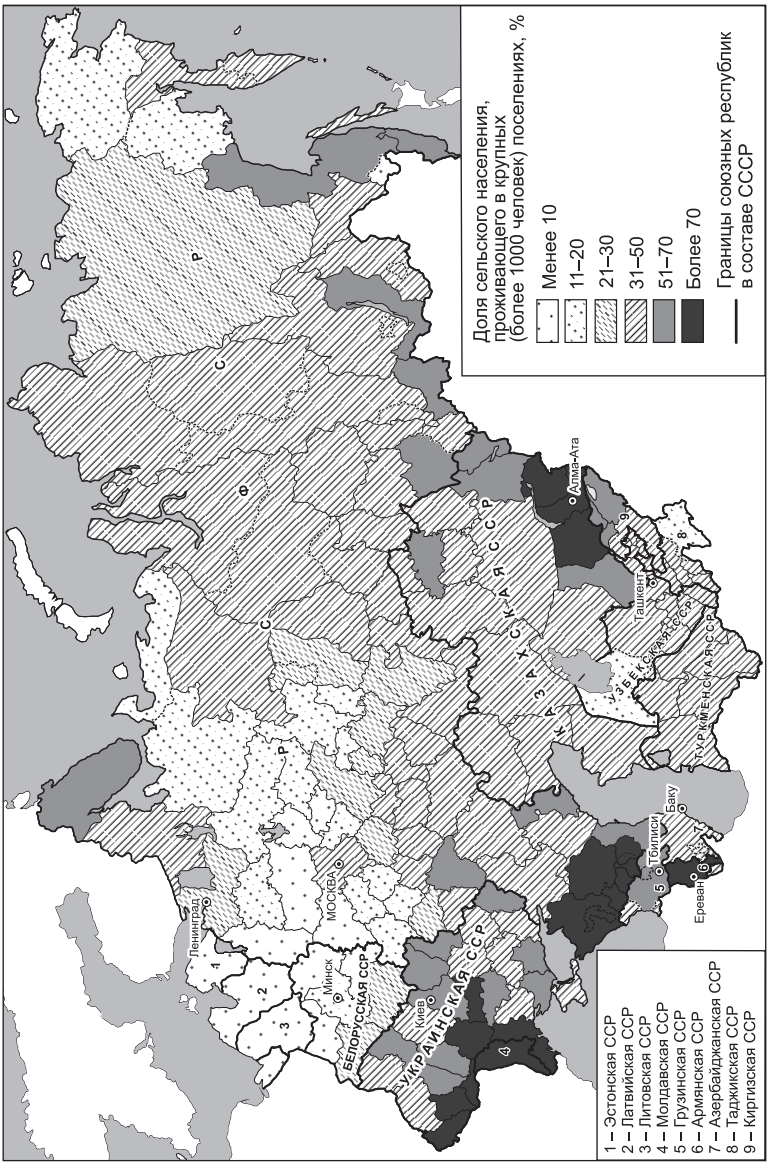


Рис. 2. Доля сельского населения, жившего в 1970 г. в крупных (свыше 1000 жителей) населенных пунктах (по республикам и областям СССР), %

Источник: Вестник статистики. 1971. № 5.

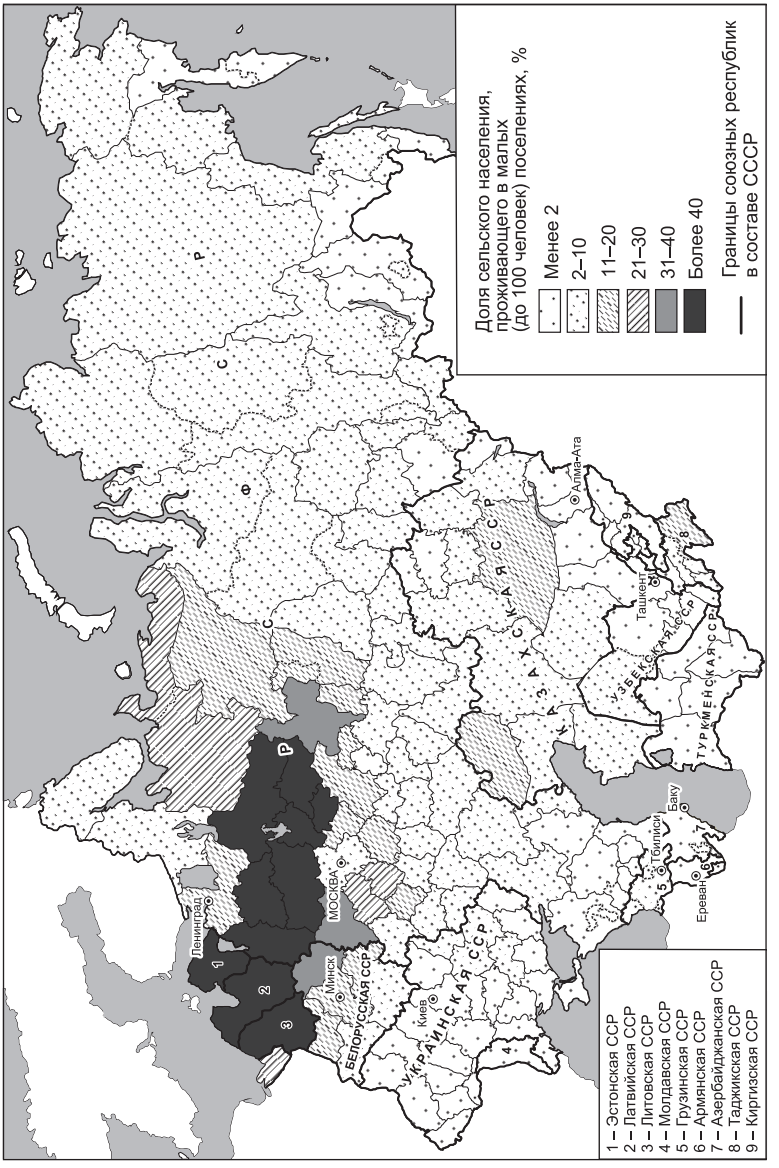


Рис. 3. Доля сельского населения, жившего в 1970 г. в мелких (до 100 жителей) населенных пунктах (по республикам и областям СССР), %

Источник: Вестник статистики. 1971. № 5.

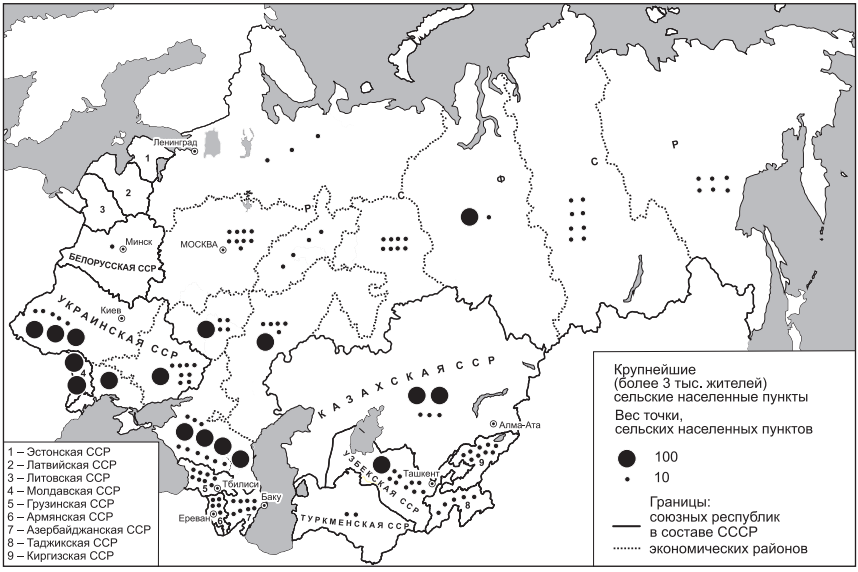


Рис. 4. Распределение в 1970 г. крупнейших (свыше 3000 жит.) сельских поселений по союзным республикам и крупным экономическим районам.
В 1970 г. сельских населенных мест такой величины в СССР было 2913.
Источник: Вестник статистики. 1971. № 5.

---

1 – Очаговое промыслово-сельскохозяйственное расселение на севере лесной зоны: селения размещаются в долинах рек или по транзитным дорогам;
2–3 – расселение в южных частях лесной территории при выборочном земледельческом освоении: характерны небольшие населенные пункты, образующие многочисленные местные сгущения;
4–5 – расселение в плотнозаселенной лесостепной зоне: преобладают крупные населенные пункты, которые обычно располагаются на террасах в долинах рек, занимают балки и другие местные понижения рельефа;
6–7 – степное расселение на обширных, почти сплошь распаханных пространствах черноземной полосы СССР: старинные поселения, выросшие до крупных размеров, и более позднее планомерное размещение поселков по территории хозяйств;
8 – расселение на южных границах неполивного земледелия, в сухой степи: сочетание земледельческих и животноводческих пунктов;
9 – типичное расселение в полупустынных районах отгонно-пастбищного животноводства;
10–11 – густое и крупноселенное расселение в оазисах при поливном земледелии: старинные оазисы (10) и районы новых ирригационных работ (11);
12 – одна из форм горного расселения: цепочки малых поселков в узких долинах как база для животноводческого использования обширных горных склонов.
Все схемы выполнены в одном масштабе. Штриховкой на них показан лес. Обозначения: «свх» – отделение совхоза; «мфт», «отф» – поселки при молочно-товарных и овце-товарных фермах; различные типы сезонно-обитаемых населенных мест: «пол. ст.» или «п. ст.» – полевые станы для занятых в земледелии; «зим.», «лет.» – строения в местах зимнего или летнего пребывания пастухов при пастбищном содержании скота; «избы» – места пребывания промысловых охотников в лесах; «к» – колодцы (в полупустынной и пустынной зонах).

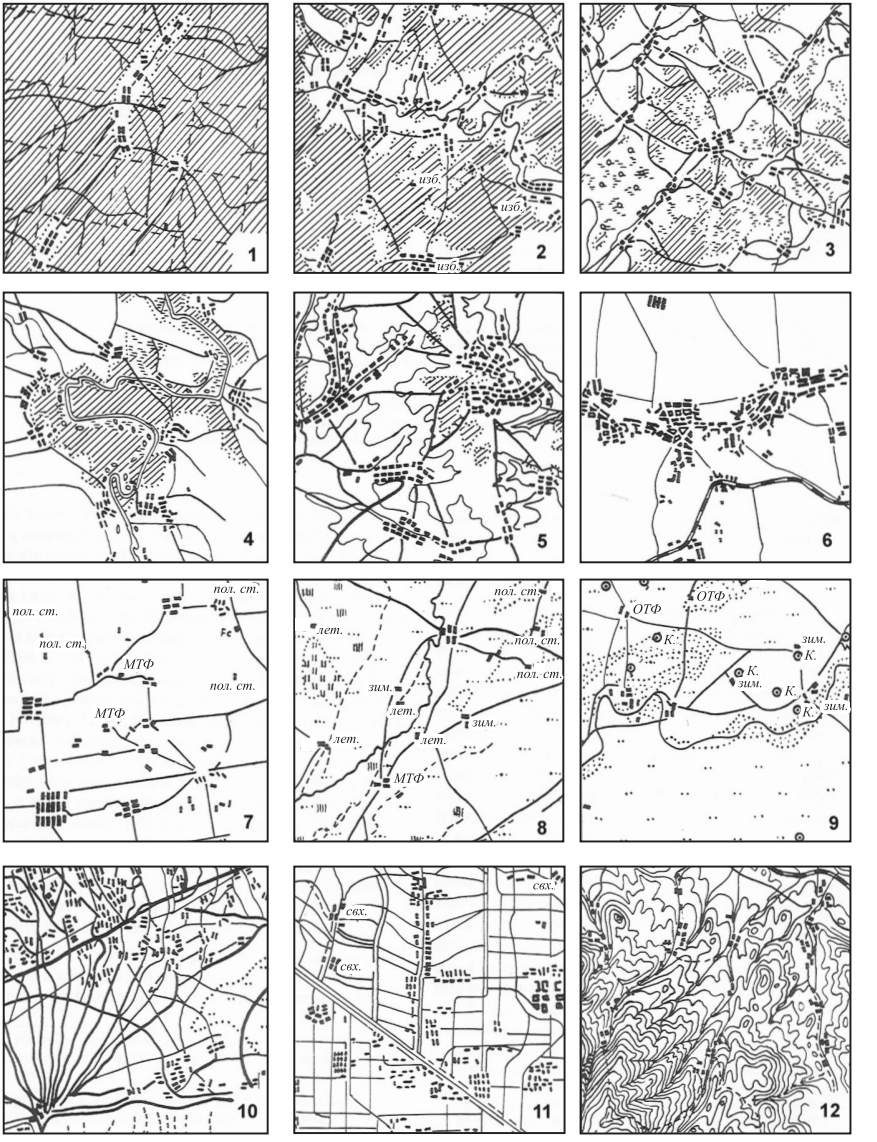


Рис. 5. Некоторые формы сельского расселения в различных зонах и районах СССР (из кн.: *Ковалев С.А.* Сельское расселение. – М., 1963).

Пояснения см. на с. 146.

С.А. Ковалев

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО РАЗДЕЛУ ГЕНЕРАЛЬНОЙ СХЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННОМУ СЕЛЬСКОМУ РАССЕЛЕНИЮ

В Генсхеме расселения впервые сделана попытка конкретно наметить на перспективу формы территориальной организации и городского и сельского расселения в виде единой системы населенных мест в масштабе всей нашей страны.

В какой степени эта попытка оказалась удачной в отношении сельского расселения, мы рассмотрим далее. Но нужно подчеркнуть здесь, что подход к расселению как единому целому, включающему в разных соотношениях и формах городские и сельские компоненты, является для прогнозирования и перспективного планирования развития сети населенных мест страны единственно правильным и прогрессивным. От общих разговоров о «единой системе расселения» давно уже следует переходить к конкретному конструированию реальных моделей такой системы для условий различных зон и районов Советского Союза.

Но такая работа будет продуктивной, и ее результаты могут быть эффективно использованы на практике – в территориальном планировании и районной планировке – при двух обязательных условиях:

а) должном учете неизбежной (и сегодня, и – при всех трансформациях основных отраслей производства – в перспективе) специфики расселения, связанного с такими различными отраслями, как промышленность, НИОКР, транспорт, сельское и лесное хозяйство и обслуживание, рекреация;

б) должном учете ведущего значения размещения общественного производства для расселения (при всей важности «обратного воздействия» расселения на производство).

«Сельский раздел» Генсхемы расселения пока что не вполне отвечает этим условиям, но, прежде чем показать это более подробно, нужно отметить то новое и несомненно ценное, что данный раздел содержит.

Новизна в постановке и решении проблем сельского расселения СССР в Генсхеме расселения

До сих пор в большинстве перспективных предложений и разработок главная роль в деле повышения уровня обслуживания сельского населения (для сближения условий и уровня жизни в городе и селе) отводилась

укрупнению сельских поселений, при котором в них возможно создание сравнительно развитого комплекса учреждений и предприятий сферы обслуживания. Но так как такой комплекс реально осуществим только при числе жителей от 2 тыс. и более, от первых, довольно наивных и далеких от реальности предложений повсеместно укрупнять сельские поселения до подобных размеров проектировщики пришли к концепции создания опорной сети поселений примерно такой величины, каждое из которых должно обслуживать, в порядке межселенных связей, несколько меньших по размерам поселков (коль скоро необходимость их сохранения вызывается требованиями организации сельскохозяйственных предприятий и эффективного использования всех земельных угодий).

Для получения услуг наиболее высокого уровня и требующихся лишь эпизодически жители всех сохраняемых сельских поселений, как крупных, так и более мелких, должны обращаться в ближайшие города, но большая часть потребностей (все повседневные и часть периодических) должна удовлетворяться в низовых сельских территориальных системах – в пределах своего колхоза или совхоза (внутрихозяйственные системы расселения) или группы хозяйств (межхозяйственные системы), в крайнем случае (периодические и некоторые эпизодические потребности) – в пределах сельского района, т.е. в райцентре (большей частью поселке городского типа или малом городе).

Авторы Генсхемы расселения, не отрицая необходимости возможного укрупнения сельских поселений и создания в них минимально необходимых учреждений, обеспечивающих повседневные нужды жителей и благоустройство жилья, считают – для более или менее густо заселенных районов страны – все же более важным и эффективным другой путь сближения условий города и села: «Концентрация сельского расселения и преобразование сельских поселений в городские представляет один из путей выравнивания социально-экономических различий между городом и деревней. Однако при самом максимальном укрупнении и благоустройстве сельские поселения будут ограничены в отношении предоставления населению услуг в сфере культуры и образования, а также в отношении выбора мест приложения труда. Это предопределяет необходимость активного включения сельских поселений в групповые системы населенных мест» (т. 1, с. 121; здесь и далее даны ссылки на материалы Генсхемы. – *Ред*.). «В своей массе сельские населенные места предпочтительного развития должны быть включены в групповые “системы”» (там же) – т.е. входить в зону не более чем 2-часовой доступности крупных, средних или, в крайнем случае, малых городов, где и получать боль-

шую часть услуг, осуществлять многообразные контакты (естественно, что для этого необходимо соответствующее развитие дорожной сети и современных видов транспорта для прямых связей большинства сохраняемых сельских поселений с ближайшими городами).

Определенные положительные стороны данной концепции развития сельского расселения несомненны. И то, что в Генсхеме расселения в связи с этой концепцией выполнено большое число расчетов удаленности сельских поселений от крупных, средних и малых городов (а отчасти и от местных центров обслуживания в сельских районах) для территории всего СССР, представляет важный конкретный вклад, совершенно необходимый для реального моделирования сельского расселения СССР на перспективу (см. т. IV, табл. 7, 8, 12, 13). Эта большая трудоемкая работа выполнена с использованием таких детальных исходных материалов, как топографические карты масштаба 1:500 000 и Карта населения СССР в масштабе 1:2 500 000, издания ГУГК в 1977 г., на которой показано местоположение всех городских и абсолютного большинства сельских поселений Советского Союза на 1970 г.

Итак, акцент в перспективных расчетах сельского расселения в рамках Генсхемы сделан на определении того, какое число сельских поселений по союзным республикам и экономическим районам (и соответственно – какая численность сельского населения) будет к 1990 г. входить в различные групповые системы расселения: а) создаваемые вокруг крупных городов; б) на базе средних городов; в) на базе малых городов (функции которых в значительной мере и определяются обслуживанием тяготеющей к ним сельской местности) – и какая часть поселений и населения останется, вследствие удаленности, и к 1990 г. вне каких-либо групповых систем, возглавляемых городами (т. IV, табл. 19 и соотв. текст). Критерием для вхождения в системы везде принимается 1–2-часовая изохрона транспортной доступности того или иного города как центра системы.

Этому предшествовало определение числа сельских поселений всех основных типов на 1991 г. (т. IV, с. 42 и 43): межхозяйственные и аграрно-промышленные центры – 4,5 тыс., центральные поселки сельскохозяйственных предприятий – 46 тыс., центры производственных подразделений – 22 тыс., несельскохоз. поселения в сельской местности – 46 тыс. Всего, таким образом, – 119 тыс.

Предполагается также (табл. 17 на с. 43), что еще примерно 130 тыс. поселений – из существовавших в 1970 г. 469 тыс. – временно будут существовать до 1991 г. (ныне это поселки отделений и просто «жилые» сельские поселки в ряде колхозов или совхозов), а 220 тыс.

Получены следующие показатели для 1991 г. по СССР в целом (т. IV, с. 47):

Тип групповых систем	Число групповых систем	Число сельских поселений в них входящих, тыс.	Численность сельского населения, млн чел.	То же, % к итогу
Крупные	62	22	30,8	35,0
Средние	169	34	28,0	32,0
Малые	323	32	20,0	22,8
Всего в системах	554	88	78,8	89,8
Сельские поселения, развиваемые вне групповых систем	–	31	9,0	10,2
Всего по СССР	–	119	87,8	100,0

мелких исчезнут как наиболее неперспективные до 1991 г. (в среднем по 11 тыс. поселений в год за 1970–1990 гг.).

Прогнозируемое число поселений по типам и их включение в групповые системы трех видов распределено затем по союзным республикам и экономическим районам (т. IV, табл. 17 и 19). На карте (карта-схема, рис. 3) показаны территории, на которых предполагается включение всех сельских поселений в крупные, средние или малые групповые системы, территории, на которых условий для создания таких систем к 1990 г. не будет, и незаселенные территории (к 1990 г.). Карта представляет собой наиболее содержательный, географически детализованный документ в «сельской части» Генсхемы.

Эта карта и приведенные выше основные параметры числа поселений и их распределения по групповым системам и составляют конкретный результат выполненной работы по включению сельского расселения в перспективе в единую Генсхему расселения.

Таким образом, предложен определенный вариант параметров сельского расселения на 1991 г., исходящий из концепции решающего значения формирования групповых систем и включения в них сельских поселений. Такого рода разработка представляет интерес, она полезна и даже необходима, поскольку данный аспект исследования и прогнозирования сельского расселения, как выше уже отмечено, применен впервые. Он дает новое и более конкретное представление о возможностях непосредственной «опоры» на города в удовлетворении некоторых культурно-бытовых нужд сельского населения (тех потребностей, для которых 2-часовая доступность города с его учреждениями и всей городской средой приемлема).

Но данная разработка, как и концепция, положенная в ее основу, страдают известной односторонностью и вызывают ряд замечаний, вследствие чего выполненные материалы не могут еще, по нашему

мнению, рассматриваться как законченная часть Генсхемы расселения. Перейдем к этим замечаниям.

Замечания по основным положениям «сельского» раздела Генсхемы расселения

Предварительно уточним, по каким исходным данным определялись основные параметры перспективной картины сельского расселения:

а) численность сельского населения по СССР, союзным республикам и экономическим районам на 1990 г. принята по демографическому прогнозу ЦСУ СССР, согласованному, как сообщается, с СОПС Госплана СССР (т. IV, с. 34 и 35). Другого исходного материала пока нет, и здесь претензий к авторам Генсхемы не может быть (хотя, по нашему мнению, этот демографический прогноз пока плохо увязан с перспективными расчетами развития и специализации производства по сельскохозяйственным зонам СССР);

б) число хозяйств (колхозов и совхозов) условно принимается для 1990 г., по рекомендации ВАСХНИЛ и МСХ СССР, приблизительно равным современному. Это также приходится принять в Генсхеме;

в) масштабы преобразования сети сельских поселений, с выделением опорных, временно сохраняемых и ликвидируемых, приняты, в основном, по расчетам СОПС, хотя об этом в тексте Генсхемы расселения говорится довольно неопределенно. Хуже другое: авторы Генсхемы вносят некоторые коррективы или детализацию в прогнозные предположения СОПС, но иногда не указывают, что сделано СОПС, а что добавлено или изменено ими и по каким соображениям. Таким образом, авторы, собственно, берут на себя всю ответственность за принятые основные прогнозные величины сети поселений.

Сельскохозяйственное производство, поселкообразующая основа большинства сельских поселений сейчас и в перспективе, осталось, по существу, вне поля зрения авторов Генсхемы, и кроме небольшого числа общих замечаний в тексте относительно путей развития АПК, об этой поселкообразующей базе и ее географии ничего не говорится. Можно только предполагать, что тут авторы полностью опираются на разработки СОПС (неизвестно, насколько детальные, современные и апробированные – об этом ничего не говорится).

Таким образом, задачи Генсхемы расселения сужены до определения того, сколько сельских поселений войдет в те или иные групповые системы, возглавляемые городами, и сколько останется вне таких систем.

Но ведь это только одна, хотя и важная, сторона в прогнозе сельского расселения. Другие же две стороны остались в Генсхеме неразработанными, хотя они имеют к Генсхеме столь же прямое отношение: а) дальнейшее развитие «низовых» территориальных систем сельских поселений – внутрихозяйственных и межхозяйственных, а также районных – в различных природно-экономических условиях, под влиянием требований общественного производства в этих условиях; б) разделение функций удовлетворения всех (повседневных, периодических и эпизодических) культурно-бытовых нужд сельского населения между членами таких низовых систем (услуги на месте или в соседних сельских поселениях – местных центрах) и городами-центрами групповых систем.

По пункту «а» добавим следующее. В Генсхеме без достаточных оснований предполагается для большинства совхозов и колхозов ликвидация поселков производственных отделений, бригадных или прифермских: на 46 тыс. центральных поселков предлагается сохранить только 22 тыс. поселков отделений. Вопрос о производственной необходимости поселков отделений – сложный, и он давно уже обсуждается специалистами, причем высказывались противоположные мнения. Сейчас уже достаточно ясно, что ответ не может быть однозначным при разных размерах хозяйств и их специализации, однако такие поселки нужны и в будущем (как правило – по 2–3 поселка-отделения на одно хозяйство) для значительной части хозяйств, причем в таких разных районах, как Нечерноземная зона с ее разбросанностью земельных угодий, еще более – Заволжье, Сибирь, Дальний Восток и Северный Казахстан с обширными размерами хозяйств, районы отгонно-пастбищного животноводства, большинство горных районов и т.д. (соответствующие расчеты и обоснования можно видеть в работах таких экономистов-землеустроителей, как Г.А. Кузнецов, М.Д. Спектор и др.). Цифру 22 тыс. сохраняемых отделений, очевидно, необходимо по крайней мере удвоить.

Но далее Генсхема исходит из того, что должны быть ликвидированы (и, как видно, независимо от их величины и состояния жилого фонда) все сельские поселения, «потерявшие производственные функции». А это значит – ликвидация до 1991 г. (см. с. 43–44) кроме 100 тыс. хуторов-однодворок в Латвии и Литве еще 120 тыс. малых деревень и поселков по всему Союзу (в среднем по 6 тыс. в год за 1970–1990 гг.) и еще 130 тыс. после 1990 г., среди которых уже не столько мелкие, сколько средние по размерам поселения. Очевидно, что некоторую часть обреченных СОПСом и Генсхемой на ликвидацию до 1991 г. 120 тыс. поселений и значительно большую часть последующих 130 тыс. целесообраз-

но – в случаях их удобного местоположения, близости к хорошим дорогам, центральным поселкам – сохранить в качестве дополнительных жилых поселков в тех же хозяйствах (что на практике и происходит, экономя капиталовложения на сселение и сохраняя кадры).

Но учитывая все это, типичными для большинства сельских районов будут не односеленные колхозы и совхозы, как принято в Генсхеме, а хозяйства, включающие несколько населенных пунктов (хотя и меньше, чем сейчас, конечно). Значит, внутрихозяйственные системы сельского расселения, с определенным разделением функций между селениями в них, сохранят свое значение в большом числе хозяйств. В Генсхеме же они, в общем, игнорируются как исчезающее явление, с чем согласиться нельзя.

Соответственно недооцениваются в Генсхеме и межхозяйственные системы – хотя как раз развитие межхозяйственной кооперации и разного рода межхозяйственных объединений признано одним из ведущих направлений развития советского села, в перспективе имеющим крупное экономическое и социальное значение.

В Генсхеме рассматриваются, собственно, только условия связей город–село, связи же между сельскими поселениями – как производственные, так и по обслуживанию – не проработаны, остаются в тени и явно недооценивается их значение для сельского расселения в перспективе.

Наиболее ярко это выступает в том, что нет ни пояснений, ни расчетов относительно того, какие именно услуги сельским жителям – даже живущим в пределах 2-часовой изохроны от города – необходимо будет (или более удобно) получать все же не в городе, а на месте или в ближайшем сельском поселении. А набор таких услуг велик, и без таких расчетов возможная роль городов в обслуживании нужд сельских жителей остается неясна, не измерена. Увлекшись критикой действительных недостатков «ступенчатой» иерархии обслуживания и слабости сельских местных центров, авторы Генсхемы впадают в другую крайность, акцентируя внимание только на городе и не показав структуры местных сельских сетей обслуживания (школы, магазины повседневного спроса, клубы и т.д.) и типов низовых местных центров, которые останутся необходимыми. Кстати, было бы важным для реального представления о возможностях городов в обслуживании потребностей села не ограничиваться подсчетами для зоны 2-часовой доступности, т.е. крайней границей, а подсчитать и число сельских жителей в зоне одночасовой доступности.

Наконец, об учете зональных различий. Хорошо известно, что условия для развития сельского хозяйства и связанного с ним расселения резко различаются по природным или природно-хозяйственным зонам. Меж-

ду тем в Генсхеме выделены зоны по характеру воспроизводства населения (рис. 5 и с. 7), т.е. по демографическим показателям, что имеет весьма второстепенное значение для Генсхемы, раз уж приняты «готовые» прогнозные цифры населения, полученные в ЦСУ. Подлинного же зонального подхода к проблемам расселения нет. А некоторые экономические районы (Северо-Западный, Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Дальневосточный, отчасти Поволжский, Северо-Кавказский) и республики (особенно Казахстан) включают резко различные сельскохозяйственные зоны, и приводимые средние по таким районам и республикам показатели расселения мало убедительны.

Ярким примером глубокого, реалистического подхода к учету зональных различий является выделение в известном Постановлении ЦК КПСС и СМ СССР Нечерноземной зоны РСФСР, но и этот пример, видимо, не побудил проектирующие организации к большему вниманию относительно зональных особенностей сельского хозяйства и расселения, и далее выделения Нечерноземной зоны РСФСР они пока не идут. Это отчетливо снижает научную обоснованность и реальность многих прогнозных и плановых расчетов, в том числе и в Генсхеме расселения в отношении ее «сельской» части.

Общая оценка и дальнейшие задачи работы (в части расчетов сельского расселения в Генсхеме)

1. Выполненное впервые исследование перспектив включения сельских поселений в системы группового расселения, в зоны активного влияния городов, имеет научное и практическое значение, и его результаты должны быть в должной мере учтены во всех прогнозных и предплановых расчетах перспективного расселения в СССР. Это новый и необходимый подход к анализу и прогнозу сельского расселения, хотя и не исчерпывающий задач анализа и прогноза последнего.

Также необходимы и имеют большую ценность для практических нужд сделанные в Генсхеме подсчеты современной удаленности сельских поселений в СССР от городов и местных центров обслуживания, вхождения сельских поселений в существующие агломерации и некоторые другие.

2. Вместе с тем в Генсхеме недостаточное внимание уделено анализу изменений в производственной основе сельского расселения – перспективному размещению и специализации сельского хозяйства по зонам страны – и вероятному воздействию этих изменений на сельское расселение,

как и вообще – зональным различиям в сельском расселении и его перестройке. Не разработан также принципиально важный вопрос о будущем разделении функций обслуживания сельского населения между местными учреждениями в селах и городах как центрах систем. С этим связана несомненная недооценка значения в перспективе развития низовых (внутрихозяйственных, межхозяйственных, районных) систем расселения.

3. Весьма спорны заложенные в Генсхему предположения о сохранении при 46 тыс. хозяйств всего 22 тыс. поселков – центрах отделений и при фермах, и о том, что все поселки, «потерявшие производственные функции», независимо от их расположения и размеров, должны быть ликвидированы. Часть из них явно целесообразно сохранить, как дополнительные жилые поселки в тех же хозяйствах при их удобном расположении и наличии значительного жилого фонда.

4. Бесспорная важность разработки в СССР единой схемы перспективного расселения, городского и сельского, с учетом их связей, определяет необходимость дальнейшего продолжения работы над Генсхемой в качестве второго этапа – ее усовершенствования.

При этом в ее «сельской» части следует учесть сделанные замечания. Соответственно потребуют пересмотра подсчеты затрат и экономической эффективности предлагаемой перестройки сельского расселения. Поскольку многие вопросы технологии, организации и размещения сельскохозяйственного производства и организации сферы услуг на селе, существенные для установления перспектив сельского расселения (особенно с учетом зональных различий), не входят в компетенцию ЦНИИПГрадостроительства, на следующем этапе целесообразно привлечь к участию в работе такие специализированные организации, как ЦНИИЭПГраждансельстрой, с одной стороны, и институты системы ВАСХНИЛ (возможно и ГИЗР) – с другой.

S.A. Kovalev

OPINION ON THE SECTION OF THE GENERAL SCHEME OF SETTLEMENT PATTERN, DEALING WITH RURAL SETTLEMENT PATTERN

The previously unpublished text was written in 1978 when S.A.Kovalev was a member of a commission of experts of the State Planning Committee of the USSR, reviewing a draft of the «General Scheme of Settlement Pattern in the USSR until 1990». Principal provisions of the scheme are partially accepted and partially exposed to the rigid criticism – for example, suggested sharp reduction of the number of rural settlements.

КАРТЫ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В 1926 Г. И ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В 2002 Г.

Карта сельского расселения Европейской части СССР, составленная С.А. Ковалевым при участии Н.А. Гербановской и В.С. Валова по материалам переписи 1926 г., недостаточно известна даже профессионалам – экономико-географам (рис. 1). На нее нанесены 2% населенных пунктов каждой группы людности (кроме мельчайших – менее 10 жителей), т.е. каждый 50-й населенный пункт. Всего на карту нанесено 7877 знаков, что соответствует 394 тыс. поселений.

Эта уникальная карта позволяет увидеть многие закономерности размещения сельских поселений: общее повышение средней людности селений с северо-запада на юго-восток (отмеченное еще А.И. Воейковым в конце XIX в.); максимальную густоту поселений на юге лесной зоны; полосу крупных населенных пунктов в лесостепной и степной зонах, протянувшуюся через Украину до Чувашии и Татарии; резкое падение густоты поселений к востоку от Волги; специфический рисунок расселения на Северном Кавказе и т.д.

К сожалению, подобная работа не была повторена в советский период. Но гораздо позже, уже в 2006 г., в курсовой работе студентки 3-го курса Е.А. Чернышевой (ныне – Краснослободцева) были по инициативе доцента географического факультета МГУ М.А. Казьмина проведены расчеты, позволившие составить аналогичную карту для Европейской территории России для 2002 г. (рис. 2).

На карту Е.А. Чернышевой нанесен каждый 20-й населенный пункт соответствующей людности, а на карту С.А. Ковалева – каждый 50-й, так что исходя из этого можно было бы ожидать, что густота точек на второй карте будет большей. Однако все вышло наоборот: густота 2% поселений в 1926 г. оказалась выше густоты 5% поселений в 2002 г. И это понятно: в 1926 г. карта отражала размещение 394 тыс. поселений, а в 2002 г. – всего лишь около 100 тыс.

Сравнение этих двух карт помогает сделать некоторые выводы об изменении сельского расселения за 76 лет – от «предколхозного» состояния до «постсоветского». Во-первых, бросается в глаза появление сгущений поселений вокруг крупнейших городов (Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода). Во-вторых, налицо общее снижение людности поселений в полосе лесостепей и степей. В то же время просматривается сохранение или даже увеличение густоты поселений в горах и на равнинах Северного Кавказа.

Карта сельского расселения Европейской части СССР в 1926 г.

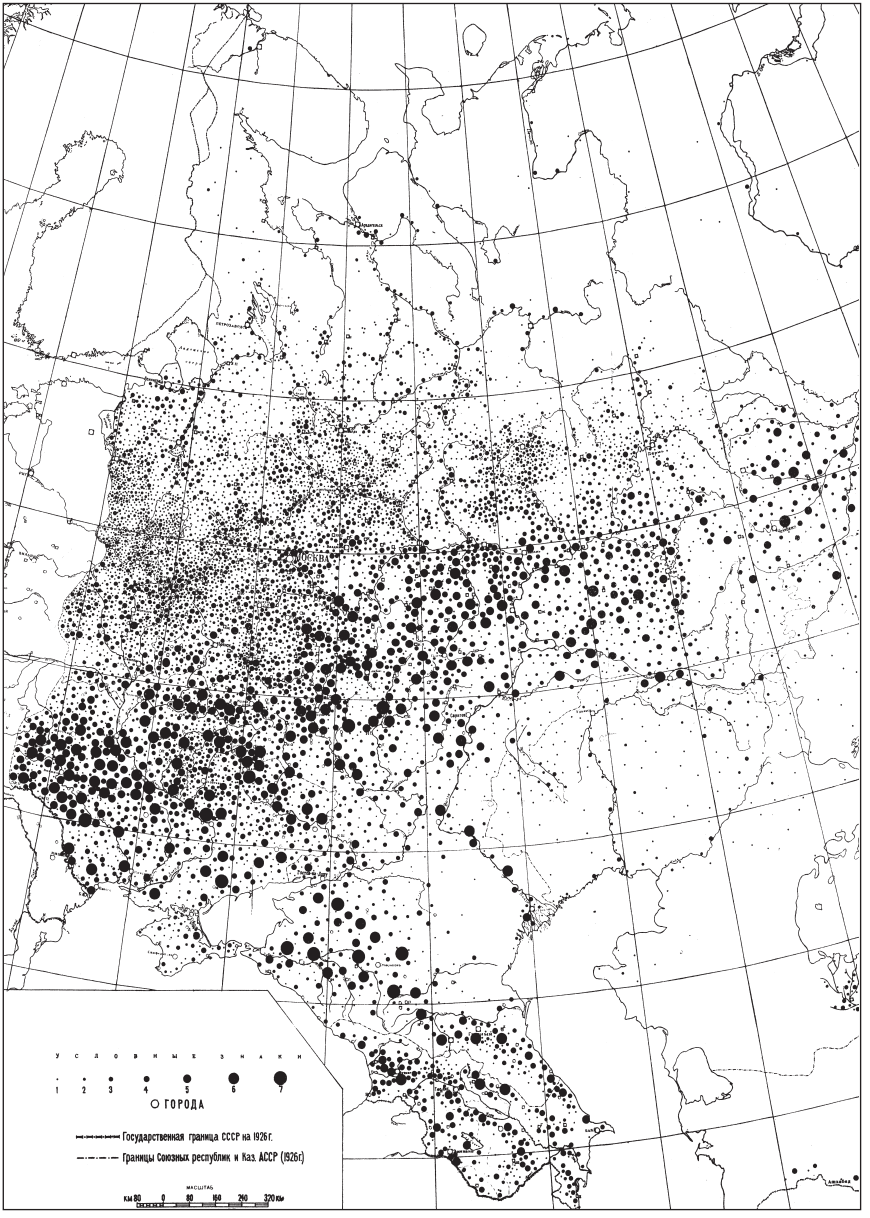


Рис. 1. Сельское расселение Европейской части СССР
(по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г.)

Карта сельского расселения Европейской России в 2002 г.

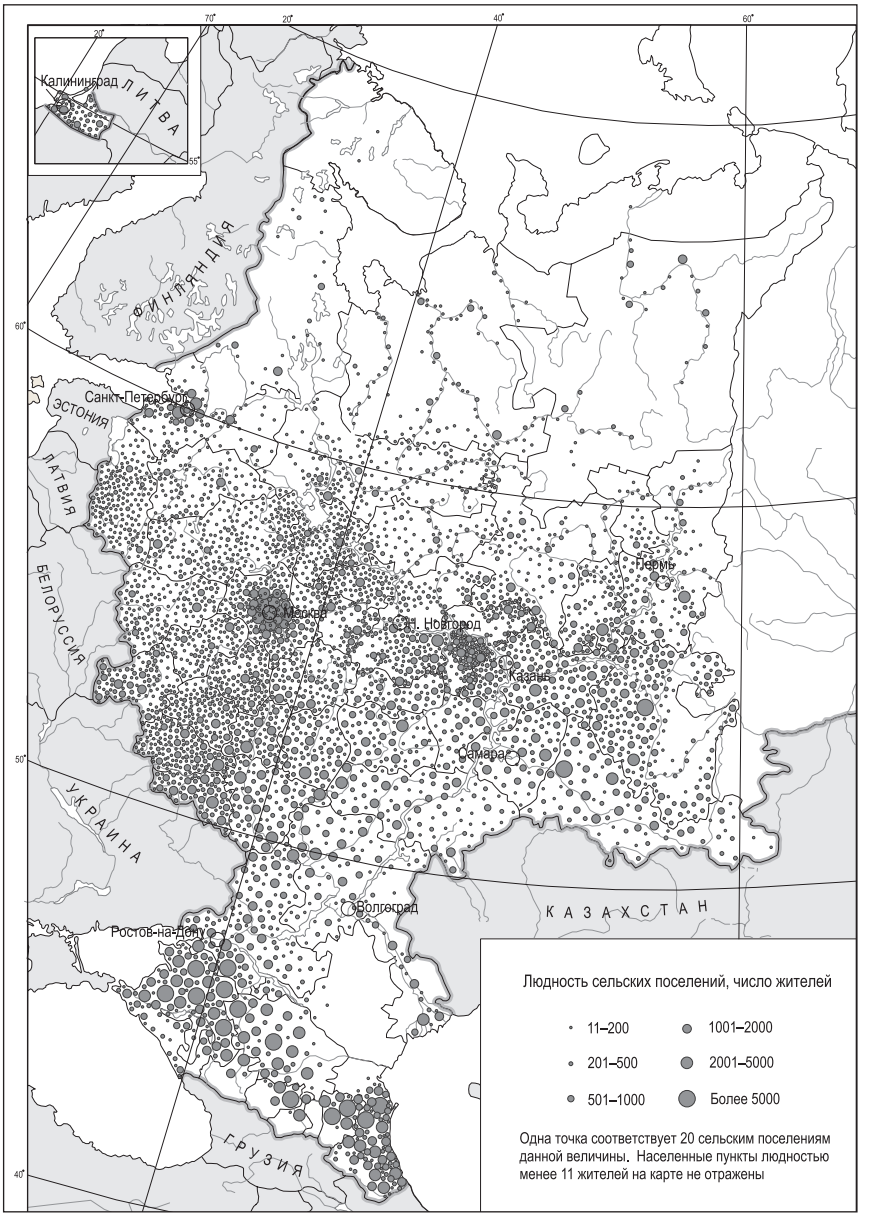


Рис. 2. Сельское расселение Европейской России
(по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.)

Г.М. Лаппо

МОНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ГОРОДА: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Проблемы монофункциональных городов (МФГ) в последнее время все более усложняются и затуманиваются. К такому выводу подталкивают высказывания высокопоставленных чиновников и экспертов, репортажи из МФГ, информация о действиях властей, пытающихся найти выход из кризиса, в котором пребывает большая часть МФГ и который грозит перейти в хронический.

В основе всего этого лежит недостаточное понимание сути монофункциональности как явления и МФГ как специфической категории городов. Создается впечатление, что решение проблем МФГ заходит в тупик и достигнуто вряд ли будет.

И ладно, если бы с этой проблемой столкнулись только вчера и предстояло бы ее исследовать начиная с нуля. Совсем не так. Уже много лет МФГ и их проблемы изучаются в Научно-методическом центре «Города России» в Институте макроэкономических исследований. Систематически публикуются результаты. Назовем недавно вышедшую монографию В.Я. Любовного[1]. Она содержит много полезного для разработки основ государственной политики в отношении МФГ[2]. Однако научные исследования не востребованы структурами, от которых зависит принятие решений.

В то же время предпринимаемые и особенно предлагаемые этими структурами действия не только не решают проблем МФГ, но могут породить новые экономические и социальные проблемы, еще более многочисленные и сложные.

С самого начала изложим тезисы, выражающие авторскую позицию.

1. Автор не разделяет распространенного, особенно в среде чиновников, мнения о том, что МФГ – негативное явление, от которого надо как можно скорее избавиться, что МФГ – пройденный

[1] *Любовный В.Я.* Монопрофильные города в условиях кризиса: состояние, проблемы, возможности реабилитации. – М., 2009. С. 73–74.

[2] В большинстве публикаций употребляется термин «монопрофильные города». Термин «монофункциональный город» – его синоним, но в отличие от него исходит из разнообразия функций, выполняемых этой категорией городов, в то время как термин «монопрофильный город» достаточно жестко связан с промышленной функцией, т.е. с одной из функций. При этом фактически имеется в виду профиль ведущего градообразующего предприятия. Вошел в оборот термин «моногород». Достоинство его – краткость, но это уже жаргон.

этап развития урбанизации. МФГ – закономерный результат естественного развития. У них глубокие корни[3], но есть и перспективы существования и возникновения в дальнейшем. Даже в постсоветское время, которому свойственно затухание урбанизации, они продолжают возникать. Причины, вызывающие появление новых МФГ, продолжают действовать.

2. МФГ отнюдь не лишний элемент в системах расселения и в территориальной организации хозяйства, но элемент полезный и в подавляющем большинстве случаев необходимый. От МФГ следует не избавляться, а использовать в качестве точек роста, обладающих разносторонним потенциалом.

3. Упрек в отсталости, технической и технологической, в выпуске неконкурентоспособной продукции можно отнести лишь к части МФГ. Определенные типы МФГ занимают место в авангарде прогресса, обеспечивают прорыв на новые более высокие уровни развития. В значительной мере благодаря их усилиям и достижениям наша страна стала в XX в. великой державой, занимавшей передовые позиции в ряде отраслей промышленности и науки.

4. То, что многие МФГ не вписывались в изменившиеся условия, как правило, не их вина. Может быть, следует не держать курс на ликвидацию МФГ, а изменить условия, в которых МФГ находятся?

5. Считая МФГ наследием советского прошлого (повторим, что у очень многих МФГ гораздо более глубокие корни), приходят к выводу, что уже поэтому они не заслуживают сохранения. Однако в советское время МФГ жили более или менее благополучно, а некоторые их категории находились в привилегированном положении и процветали. Обострение же проблем МФГ произошло в постсоветское время, и причины его, как и растянувшийся на два десятилетия кризис, заключены в действительности нынешней России.

МФГ широко распространены в мире. Это явление глобальное, повсеместное, но никак не только российское. В подтверждение приведем функциональную классификацию городов США, предложенную профессором Чонси Гаррисом в 1943 г.[4] Практически

[3] МФГ можно считать города-солеварни Средневековой Руси – Сольвычегодск, Соликамск, Усолье, Солигалич и др., города-заводы Урала, Центральной России, Алтая, Забайкалья, города, развившиеся из фабричных сел Старопромышленного Центра.

[4] *Harris C.D.* A Functional Classification of Cities in the United States // Geographical Review. Vol. 33. 1943. № 1 (January). P. 86–99.

вся совокупность городов разбита на категории по сути дела монофункциональных центров, и только один тип – «города смешанного типа» – может считаться полифункциональным[5].

В России совокупность исторических и географических условий в большей степени, чем в других развитых странах, благоприятствовала гораздо большей распространенности и многочисленности МФГ. МФГ преобладали среди ресурсных городов – сырьевых центров. Их возникновение в большом числе было связано с тем, что Советский Союз вынужден был развиваться, опираясь на собственные ресурсы. По приблизительным подсчетам, число центров (в ранге городов) добычи топлива, руд, нерудных ископаемых составляло примерно 200, а вместе с центрами гидроэнергетики и деревообрабатывающей промышленности число ресурсных городов достигает 300. Причем значительная часть их расположена в северных районах, где монофункциональность предопределена суровостью природных условий. Заметим, что при обилии сырьевых центров экономика не была сырьевой.

Характеристика информационной базы исследования МФГ

МФГ – это города с отчетливо выраженной доминантной функцией при слабом развитии других функций или их отсутствии. Стержень в функциональной структуре настолько преобладает, что его можно считать находящимся в гордом одиночестве. Городам свойственно разнообразие (в том числе функциональное) и стремление к постоянному его наращиванию, движение к полифункциональности. Поэтому МФГ, строго говоря, не истинный город. Французские географы Жаклин Боже-Гарнье и Жорж Шабо на этот счет выразились бескомпромиссно: «Не может считаться городом поселение, в котором все занимаются одним и тем же делом».

Выделение монофункциональных городов – непростая задача. Надежная исходная информация о монофункциональных городах, их дифференциации, по-моему, до сих пор отсутствует. И ее создание на основе продуманных критериев – одна из задач науки.

Эксперты, выступающие в печати по проблемам МФГ, чаще всего основываются на данных, представленных в Обзорном докладе

[5] Вот как выглядит классификация Гарриса: 1. Центры горнодобывающей промышленности. 2. Транспортные центры. 3. Промышленные города (центры обрабатывающей промышленности). 4. Торговые центры. 5. Университетские города. 6. Административные центры. 7. Города отдыха. 8. Города смешанного типа.

Экспертного института[6]. В перечне 486 монопрофильных городов, что составляет 44,5% общего числа городов Российской Федерации в 2000 г. Список, имеющийся в Обзорном докладе Экспертного института, нельзя рассматривать как достаточно обоснованный. Причем речь идет не об отдельных явных ошибках (они тоже есть, например, город Минеральные Воды обозначен как курорт, в то время как он является прежде всего транспортным узлом, подключающим страну к курортам КМВ, базой стройиндустрии, своего рода «хозяйственным двориком» прославленного курортного района с одним из крупнейших в России аэропортов). В Обзорном докладе проявились недостатки принципиального характера.

В него неправомерно включено 42 больших (свыше 100 тыс. жит.) города, т.е. четверть всех больших городов России. Большой город качественно выделяется среди городов повышенным уровнем разнообразия. Он потому и большой, что разнообразен прежде всего в функциональном отношении[7]. Тольятти, даже если из него изъять ВАЗ, все равно останется большим многофункциональным центром с многоотраслевой промышленностью. В городе присутствуют предприятия химической индустрии и промышленности строительных материалов, крупный порт, университет, военные институты, Академия финансов и бизнеса, Институт экологии Волжского бассейна, спортивные базы всероссийского значения. Тольятти имеет прекрасные возможности наращивания своей многофункциональности, например, в сфере туризма и спорта.

В докладе немало *городов-райцентров*, выполняющих функции *центральных мест*. Их основная обязанность – обслуживание окружающего района, его населения и хозяйства, что представляет их полифункциональность[8]. Верх нелепости – включение в число МФГ Липецка. Областной центр с присущим этой категории городов широким веером выполняемых функций в управлении, образовании, культуре, известный курорт, многоотраслевой промышленный центр – полифункционален, несмотря на высокую долю черной металлургии в объеме выпускаемой продукции и численности занятых.

---

[6] Монопрофильные города и градообразующие предприятия: обзорный доклад / под ред. И.В. Липсица. – М.: Издательский дом «Хроникер», 2000.

[7] За исключением центров добывающей промышленности, например шахтерских городов, чаще всего представляющих конгломерат поселков.

[8] Правда, существует категория райцентров, которые выполняют функции центрального места «по совместительству», будучи изначально отраслевыми.

Также сомнительно включение в список монофункциональных городов *исторических городов*, среди которых МФГ не часты. Например, Переславль-Залесский – исторический город с богатым историко-культурным наследием, значительный центр туризма, наукоград, районный (бывший уездный) центр. А в Обзорном докладе он проходит как промышленный центр.

Поскольку у органов управления есть поползновения избавиться от МФГ, то нетрудно увидеть вопиющее противоречие между задачами сбережения исторических городов как хранителей историко-культурного наследия и намерением избавиться от части их из-за якобы присущей им монофункциональности. Но главный изъян подхода, примененного составителями доклада, заключается в том, что на МФГ смотрели, его оценивали и, следовательно, определяли его будущее, основываясь на промышленной (а не функциональной!) доминанте. Иногда промышленное предприятие представляло город как промышленный центр, хотя основной его функцией была не промышленность. Певек – в первую очередь порт, причем главный в восточном секторе Российской Арктики. Но благодаря расположенной в нем Чаунской ТЭЦ он предстает в Обзорном докладе как центр электроэнергетики. В Димитровграде, известном наукограде с Институтом атомных реакторов, ведущее предприятие, если верить авторам Доклада – авторемонтный завод. А Мичуринск – исторический город, крупный железнодорожный узел, наукоград – представлен как промышленный центр, в котором главным градообразующим предприятием является завод поршневых колец.

Подход к выявлению и характеристике МФГ через промышленность приводит к методологически неверному выстраиванию концептуальной цепочки: выявление и определение типа – формулировка (уяснение сути) проблемы – предложения о дальнейшей судьбе города.

С подходом «через промышленность» связан еще один крупный недостаток – узость типологического спектра городов из-за того, что ряд функций неправомерно подменялся промышленной функцией. А ряд ведущих функций-доминант, определяющих достаточно массовые категории МФГ, вообще выпал из рассмотрения: наука, транспорт (морской и железнодорожный), национальная безопасность, НИОКР. В перечне МФГ, составленном авторами Обзорного доклада, отсутствуют многие наукограды, военные и военно-морские базы, железнодорожные узлы, порты. Завуалирован сырьевой профиль: центры добычи руд черных и цветных металлов проходят как центры

черной и цветной металлургии. Разнообразие МФГ, их дифференциация по важным признакам получились стертыми и нераскрытыми.

Таким образом, необходимы существенные коррективы.

По характеру и жесткости монофункциональности целесообразно выделить две группы МФГ:

1. МФГ с устойчивой монофункциональностью, обусловленной суровыми природными условиями (сырьевые центры на Крайнем Севере), особым режимом и секретностью (военные и военно-морские базы, центры НИОКР); здесь с монофункциональностью приходится мириться.

2. Временно монофункциональные МФГ, способные к трансформации: монофункциональность здесь лишь этап, стадия развития города, которую желательно и возможно, с помощью целенаправленных действий, сменить на полифункциональность.

Естественное и закономерное возникновение многочисленных в нашей стране МФГ сочеталось с также естественным процессом движения первоначально монофункциональных городов в направлении полифункциональности. Монофункциональность – признак молодости города, полифункциональность – свидетельство его зрелости. В Советском Союзе подобное движение имело массовый характер и привело к коренной трансформации функциональной структуры, во многих случая даже к смене типа города. Примерами служат столицы национальных республик, развившиеся в большие полифункциональные города из скромных малых городков, или формирование наукоградов из фабричных сел (Реутов, Красноармейск Московской области) и торгово-промышленных слобод (Димитровград).

Распределение МФГ по отраслям промышленности в зависимости от профиля градообразующего предприятия следует дополнить распределением всей совокупности МФГ по функциональным типам. В первом приближении выделяются следующие типы:

- наукограды;
- центры НИОКР;
- военные и военно-морские базы;
- железнодорожные узлы;
- порты;
- центры энергетики (при тепловых и атомных АЭС);
- центры добычи топлива и сырья;
- центры лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности;

- текстильные центры;
- курорты;
- туристические центры;
- центры паломничества.

Также большое значение имеет рассмотрение МФГ в отношении выраженности в них монофункциональности, выделяя следующие категории МФГ:

1. Малый город, возникший и существующий на базе одного предприятия (наиболее часто – текстильная фабрика, машиностроительный завод, рудник или разрез, шахта), узкоспециализированный центр.

2. Малый или средний город, сложившийся на базе двух-трех предприятий одной отрасли, более или менее однопрофильных, например шахт, разрезов.

3. Промышленный центр, малый или средний город, на базе двух и более разных отраслей, нередко технологически связанных (например, угледобыча, тепловая энергетика, углехимия, промышленность строительных материалов), на сочетании предприятий тяжелой и легкой промышленности, что обеспечивает более полное использование трудовых ресурсов, как мужских, так и женских.

4. Чаще всего средний город, сочетающий разные виды деятельности, взаимосвязанные и формирующиеся вокруг доминантной функции, «специализированный комплекс» (выражение Юлиана Глебовича Саушкина). Пример – наукограды, в которых сочетаются наука, проектно-конструкторская деятельность, опытное производство, подготовка кадров, иногда дополняемые испытанием техники и серийным производством, научным приборостроением. При достаточно развитом сочетании превращается в полифункциональный.

МФГ первого типа можно назвать классическими монофункциональными городами, монофункциональность в них – в предельном выражении; самая высокая степень зависимости от доминанты. По существу – поселок; заложник отрасли, предприятия; жилищно-коммунальный придаток при фабрике, заводе, комбинате.

На другом полюсе – полифункциональный город с высокой долей занятых в какой-то отрасли производства.

И еще один вывод относительно составленного под эгидой Экспертного института Перечня МФГ. Наряду с отсутствием ряда функциональных типов МФГ неправомерно расширен их список за счет включения в него ряда городов и даже их категорий, по существу

МФГ не являющихся. Видимо, это сделано не случайно, но с определенным умыслом, так как дает возможность прикрыть монофункциональностью кризис городов, вызванный совсем другими причинами.

Монофункциональность нельзя представлять и оценивать однобоко, видеть в ней или только плохое, или только хорошее. При обсуждении проблем МФГ чаще преобладают негативные оценки. Но всегда ли городу плохо быть монофункциональным? Очевидно, что у монофункциональности имеются и свет, и тени, положительные качества соединяются с отрицательными. Узкая специализация означает максимальную сосредоточенность на определенном деле. В результате достигается высокое качество выпускаемого продукта, высокое мастерство. Складываются рабочие династии, накапливается опыт, укрепляются традиции. Выпускаемая продукция становится брендом, приносящим городу широкую известность. Таковы каслинское литье, вазы Гусь-Хрустального, павловские платки, посуда и статуэтки Вербилок и так далее, вплоть до атомных подводных крейсеров Северодвинска или экранопланов Каспийска, титановых сплавов Нижней Сальды. У МФГ есть основания быть живучими.

Причины обострения проблем МФГ

Экономические и социальные изъяны МФГ известны давно. Неполнота использования ресурсов (экономико-географического положения, трудовых, земельных), более высокая нагрузка на одного работающего, снижение дохода семьи, ограниченность в выборе профессии, места работы и учебы, проведения досуга – все это в СССР было. Однако обострения проблем, которое продемонстрировали Пикалево, Байкальск, Краснотурьинск, не было. МФГ жили более или менее благополучно. В кризисную ситуацию российские МФГ попали уже в постсоветское время – почти все полностью, сразу и надолго.

Не сами МФГ явились источником бед, на них обрушившихся. Они – арена наиболее острого проявления кризиса. МФГ реагируют на кризисы быстрее всех и сильнее всех. В этом их особенность.

Причины чрезвычайного обострения проблем коренятся в ситуации нынешней России, в современных социально-экономических процессах. Именно они явились причиной обвала, поразившего почти все без исключения МФГ, и причиной того, что выйти из кризиса им не удается, и он грозит стать хроническим.

Решающую негативную роль сыграл лишенный всякой эластичности и постепенности переход к рынку. Реформаторы настолько уверовали во всемогущество рынка, что провели шоковую терапию, совершенно не задумываясь о социальных последствиях своих реформ, оказавшихся поистине губительными. Они пренебрегли и мировым опытом, и мнением более опытных коллег, их обоснованными предостережениями.

Нельзя было государству уходить из экономики, проводить бандитскую приватизацию, бросать города, предприятия и людей в пучину рыночной стихии. Зарубежный опыт развитых стран, например США, показывает, что в кризисные годы (в США во время Великой депрессии) государству полезно и необходимо иметь определенные позиции в экономике. Это дает ему возможность решать обострившиеся социальные проблемы. На бизнес в этом случае рассчитывать нельзя: у капитала иные цели, отнюдь не благотворительные. Основным игроком в такой ситуации должно выступать государство.

Еще в 1989 г. выдающийся экономист академик Станислав Шаталин предостерегал от слепого следования мифам, среди которых он видел и возведение рынка в абсолютную панацею от всех бед, и полный уход государства из экономики. По этому поводу С. Шаталин сказал: «Рынок – не базар. Япония, к опыту которой так внимательны, не отдала свое хозяйство рыночной стихии. Государство играет в японской экономике большую роль… Даже в США при Рейгане и Буше, которых считают сверхлибералами в экономике, вмешиваются в хозяйственные дела, но с умом, не считая каждый винтик и шпунтик»[9].

Другой известный экономист академик Леонид Абалкин в проекте реформ, представленном в 1990 г., предлагал мягкий их вариант, с сохранением госзаказа и постепенным отказом от регулирования. Директор Института экономики РАН Руслан Гринберг совсем недавно назвал эту программу «рынком без фанатизма». Тогдашним политикам эта программа с ее постепенностью не понравилась. Они ждали быстрейшего результата. В итоге получился развал экономики с кучей проблем, в том числе и проблем монопрофильных городов[10].

Объяснение причин кризиса, поразившего МФГ, неконкурентоспособностью их продукции в условиях перехода к рынку нельзя относить ко всем этим городам. Часть их имела в качестве экономической базы как раз высокотехнологичные производства, успешную

[9] Вечерняя Москва. 1989. 19 ноября.

[10] *Реут А.* Гибель экономики // Известия. 2011. 4 мая.

фундаментальную и прикладную науку, проектно-конструкторскую деятельность высокого класса. Они проявили себя лидерами научно-технического прогресса, и эту способность пока еще сохраняют. Однако они не только не получают поддержку, но обречены на борьбу за выживание, теряют ценные кадры, особенно талантливую перспективную молодежь, уходящую за рубеж. Они искусственно посажены на мель, лишены государственного заказа или получают его в сильно урезанном виде, оставлены без средств, необходимых для развития.

Но и в отношении тех МФГ, которые действительно выпускали неконкурентную продукцию, нельзя было поступать так, как это сделали реформаторы, проявившие социальную глухоту и слепоту. Кризис МФГ – результат неуклюжих реформ, шоковой терапии, отсутствия эластичного перехода к рыночным отношениям. Реформаторы показали, что рыночная экономика безжалостна и при отсутствии регулирующей роли государства приносит немалый вред. Значительная часть населения оказалась не защищенной от потрясений, внезапного паралича градообразующих предприятий, бывших во многих МФГ единственными кормильцами населения.

Руководствуясь тезисом «государство – плохой хозяин», власти осуществили по сути грабительскую приватизацию. Но разве в ее результате владельцами предприятий стали настоящие хозяева? Многочисленные факты свидетельствуют об обратном. Причиной краха многих ранее благополучных фабрик и заводов стала алчность их новых владельцев, равнодушных к нуждам населения. В репортажах из Пикалево в качестве причины остановки градообразующих предприятий назывался эгоизм их владельцев.

То обстоятельство, что преобладающая часть МФГ продолжает пребывать в кризисе, которому не видно конца, тесно связано с недостатками управления, отсутствием продуманной городской политики, основанной на интересах страны и ее населения. Такая политика заменяется творчеством управленцев, которые, видимо, руководствуются так называемым здравым смыслом, не будучи знакомы с выводом-предостережением Дж. Форрестера: «Город контринтуитивен, им нельзя управлять на основе здравого смысла». Недостаток профессионализма чувствуется в высказывании крупного чиновника, заявившего, что к 2015 г. в России не должно быть ни одного моногорода[11].

[11] Имеется в виду выступление замминистра регионального развития С. Наумова, о котором сообщает в упомянутой нами книге В.Я. Любовного (с. 50).

Уход государства из экономики лишает его рычагов управления, которые можно было бы использовать для вывода МФГ из кризиса. Личное участие премьер-министра в решении конкретных вопросов работы предприятий в Пикалево, Байкальске, Краснотурьинске, т.е. в решении задач управления на локальном уровне, никак не может заменить системных мер, которые эффективно действовали бы на всей территорий России.

В минус руководству надо поставить и удручающее положение, в котором оказалось градостроительство – и научная, и проектная его ветви. Градостроительные наука и практика осуществляли мониторинг состояния и развития городов, разрабатывали генеральные планы и схемы районной планировки, для чего выявляли и оценивали потенциал развития городов и возможные сценарии его использования (т.е. делали очень нужную работу, которая в нормальной ситуации в стране должна быть постоянно востребована). Государственные органы власти, особенно в 1990-е гг., допустили развал практически всех отраслей промышленности (кроме сырьевых), в том числе производств ВПК, что губительно сказалось на экономической базе МФГ.

Была проявлена недальновидность в вопросах национальной безопасности, что приводило к ликвидации или упадку военных и военно-морских баз.

Нельзя без глубокой горечи читать статью научного обозревателя «Известий» Сергея Лескова о гибели некогда первоклассной базы атомных подводных лодок в городе Островном, называвшемся по-разному в разные времена – Иоканьга, Гремиха, Мурманск-140. Автор пишет: «...всего 20 лет назад при одном упоминании о Гремихе у Пентагона тряслись поджилки». Базировавшиеся здесь подводные лодки (по натовской классификации – «Альфа») обладали фантастической маневренностью, уходили от торпед со скоростью 43 узла и за 45 секунд разворачивались на 180 градусов. «Альфа» была внесена в книгу рекордов Гиннесса. «...20 лет назад в Гремихе было 40 атомных подлодок и 30 тысяч населения. Сейчас – 1300 человек и ни одной лодки. Целые кварталы стоят пустыми, окна многоэтажных домов зияют пустыми глазницами, как после нейтронной бомбы»[12].

Как уже было сказано, большинство МФГ можно считать находящимися на начальной стадии развития, затем накапливающими предпосылки для превращения в полифункциональные. Этот естествен-

[12] *Лесков С.* Реквием по подводному флоту // Известия. 2011. 10 июля.

ный процесс преодоления монофункциональности успешно совершили на протяжении XX в. десятки, если не сотни городов. Во всяком случае трансформация такого рода носила массовый характер. Действиями властей в одних случаях и их бездействием в других этот процесс преодоления монофункциональности был прерван.

Когда МФГ испытали удар в результате кризиса, «подушка безопасности» в виде имевшихся в распоряжении государства фондов не была использована для поддержки пораженных кризисом предприятий. В тяжелом, безвыходном положении оказались миллионы людей. А вот банки такую помощь, причем очень щедрую, получили.

О предложениях переселения жителей из «неперспективных» городов

Для характеристики уровня понимания проблем МФГ и уровня профессионализма организаций и лиц, принимающих решения, показательно предложение о переселении людей из монофункциональных городов, не имеющих, по мнению чиновников, перспектив существования.

Переселение жителей из МФГ, градообразующие предприятия которых не имеют шансов выйти из депрессии, может осуществляться лишь в исключительных случаях. Например, когда речь идет о сырьевых городах, расположенных в районах с экстремальными природными условиями, после выработки месторождений. В подавляющем же большинстве случаев эта мера нежелательна. Переселением не столько решаются проблемы, сколько создается много новых.

Кроме того, решать судьбу города на основе того, есть ли у его градообразующего предприятия шанс выжить или нет, вообще принципиально неправильно. Город вечен, а его градообразующая база – переменчива и преходяща. За свою долгую жизнь город не только меняет (и не раз) специализацию своих предприятий, свой производственный профиль, но и вообще профессию: город-ярмарка становится промышленным центром, торгово-промышленная слобода – наукоградом, захудалый крохотный уездный центр – столицей национальной республики. Крах предприятия, служившего основой существования города, вовсе не означает, что нужно отказывать городу в праве на существование, ставить на нем крест.

Прежде чем выдвигать предложение о переселении жителей из конкретного города, необходимо во многом разобраться. Во-первых,

куда переселять, во-вторых, чем занять переселенцев на новом месте. В-третьих, что делать с городом, когда его покинет население.

А еще следует тщательно продумать, как город – с его налаженной инфраструктурой, жилищным фондом, общественными зданиями и сооружениями, обладающий ресурсами географического положения, земельными и водными, подключенный к региональным системам транспорта, электроэнергетики, освоившей свою пригородную зону, – как его использовать, найдя ему новое занятие. Даже без расчетов ясно, что такой вариант намного менее затратен, нежели переселение.

Показательно, что авторы предложений о переселении, во-первых, высказывают их в общем виде, не называя конкретного города. А во-вторых, даже не пытаются привести какие-либо расчеты, чтобы можно было представить объем и статьи затрат. Расчет сделал и приводит его в своей книге В.Я. Любовный, который не разделяет точку зрения авторов, ратующих за переселение. Если взять 20 городов по 20 тыс. жителей каждый, принять стоимость квадратного метра жилплощади в размере 30 тыс. руб. и получение каждым жителем 18 м^2 жилья, то оказывается, что на переселение жителей этих 20 городов необходимо затратить 216 млрд руб. А если еще учесть затраты на создание необходимой инфраструктуры, то надо добавить еще 300–400 млрд. Таким образом, общие затраты составят 500–600 млрд руб. Уместно указать, что на 2010 г. в бюджете страны на решение проблем модернизации МФГ было предусмотрено выделение всего 10 млрд руб.[13]

Можно предположить, что авторы предложений о переселении считают неперспективными намного большее число городов, чем 20.

Поскольку переселение жителей обрекает город на уничтожение, получается, что городу оказывается не помощь, а вручается смертный приговор. Таким образом предлагают избавиться от части городов. И это в стране, где всегда ощущался их дефицит, который постоянно преодолевался массовым их основанием, учреждением, преобразованием из сел. Последовательное наращивание числа городов, сгущение их сети, охват ими новых, включаемых в освоение территорий теперь намереваются заменить противоположными процессами и действиями. Вслед за свертыванием сети сельских населенных пунктов – приступить к свертыванию сети городов. Странная позиция!

В России лишь в очень немногих субъектах Федерации густота сети городов может считаться достаточной. В большинстве же регионов даже Европейской части страны она не обеспечивает долж-

[13] *Любовный В.Я.* Указ. соч. С. 73–74.

ного контроля территории. Об этом можно судить по масштабам и частоте лесных пожаров, ежегодно создающих чрезвычайную ситуацию. Решая проблемы городов, предлагая разные сценарии их развития, необходимо идти не только «от отрасли», но и «от территории». Нужно оценить потребность территории в центрах обслуживания. Города в виде иерархически построенной системы образуют каркас территории, его урбанистическую составляющую. И эту важную роль необходимо постоянно укреплять.

Выводы

Некоторые выводы уже сделаны при освещении разных сторон многогранной темы МФГ. Часть из них, наиболее важные, здесь повторим.

Один из них касается самой исходной позиции: подходить к МФГ, как и к городу вообще, необходимо как к точке роста, обладающей разнообразным потенциалом. Его надо выявлять (не упуская из виду, что этот потенциал – величина изменяющаяся) и использовать его на благо жителей, страны и самого города.

МФГ были издавна, они есть и будут. Они не лишены недостатков (именно вследствие своей монофункциональности), но в целом монофункциональность нельзя считать неудовлетворительным состоянием города. Монофункциональные города – очень разные, вызывают их к жизни разные причины, и существуют они в разных условиях.

Возникновение МФГ естественно и закономерно. Так же естественно движение большинства из них в сторону полифункциональности. Этому надо содействовать.

МФГ возникают в ответ на определенные потребности развития страны, их назначение – выполнять нужные для нее обязанности. Они необходимы для решения задач, стоящих сегодня перед Россией в области:

- модернизации как условия и средства прогресса общества, страны, ее отраслей и регионов;
- развития инфраструктурных систем;
- освоения новых районов в роли не только добытчиков сырья, но и плацдармов освоения, узлов коммуникаций, центров культуры коренных народов;
- укрепления обороноспособности и поддержания ее на должном уровне;

- сбережения культурно-исторического наследия;
- развития здравоохранения (центры отдыха и лечения) и образования;

Для обеспечения развития МФГ и успешного их включения в жизнь страны, в региональные системы расселения нужна продуманная городская политика. В ней необходим типологический подход, соответствующий функциональному разнообразию МФГ. Столь же важен подход «от территории», учитывающий место и роль МФГ в территориальном устройстве страны и ее регионов.

Обязательно возрождение и подъем на более высокий уровень градостроительства как области науки и практики, обеспечивающей мониторинг состояния и развития городов, выявление их потенциала и обоснование путей его эффективного использования, согласованное развитие городов на разных территориальных уровнях, особенно в районах высокой концентрации населения и разнообразной деятельности. МФГ должны рассматриваться как существенный элемент территориальных систем.

Крайне важно поддерживать местную инициативу, отчетливо проявляющуюся, например, в наукоградах, содействовать распространению успешного опыта в решении проблем, связанных с поиском путей перехода к полифункциональности.

Необходимо обеспечить развитие и углубление научных исследований проблем МФГ, начиная с определения, состава и дифференциации МФГ, возможностей и условий их развития.

Государство обязано сохранить участие в экономике там, где рассчитывать на заинтересованность бизнеса не приходится. Оно должно в случае трудностей с привлечением инвесторов само выступать инвестором. Осуществление социально ориентированной экономической политики может обеспечить только государство. Это его забота и обязанность.

Деньги, зарабатываемые в России, должны работать на благо России и в самой России. Государственные фонды должны не наполнять кубышки, а вкладываться в программы, в том числе в программу модернизации МФГ, которая пока заметных успехов не принесла. Тогда может быть осуществлена и перепрофилизация градообразующих предприятий, в реалистичности которой сейчас экспертное сообщество сильно и вполне обоснованно сомневается.

Стало общим местом упоминание о страшном зле, которое представляет коррупция, но без этого не обойтись. Больными и

страждущими МФГ, как и многие российские города других типов и категорий, являются потому, что больна и неблагополучна страна. Социологи давно уже пришли к непреложному выводу о том, что города отражают и выражают суть общества, их породившего. Если не добиться оздоровления России, очищения ее от всякой скверны, от коррупции, от несправедливости, которая привела к чудовищному разрыву между богатыми и бедными, к опасному расслоению населения, от других бед, терзающих страну и народ, то и всякого рода полезные рекомендации, даже облаченные в форму умных законов, никакого действия не окажут.

Необходимо осознавать, что депрессия, в которой оказались почти полностью российские МФГ, – это в действительности не их беда, а тревожный звонок для всей России.

G.M. Lappo

MONOFUNCTIONAL CITIES OF RUSSIA: STATE-OF-THE-ART AND PROBLEMS

Problems of monofunctional cities (MFC), which are numerous and deeply routing in Russia, have sharply aggravated during Post-Soviet time. Among the reasons there are economic reforms without any account of social consequences caused by them, privatization which often didn't provide for transition of the backbone enterprises into the hands of real owners, sudden retreat of the state from the economy. MFC are in long depression and the solution of the problem has not been found yet. Suggested resettlement of the population from "unpromising" cities is inadmissible (except for the cities of the Far North) because the enormous expenses and deficiency of cities in Russia are not taken into consideration. The effective urban policy considering the typological features of MFC and their place in settlement systems is required. MFC could become the points of growth possessing a considerable potential for development.

С.Е. Ханин

ПОТЕНЦИАЛ МЕСТА: ПОИСК ОТВЕТА НА ВОПРОС О РОЛИ ЭГП В РАЗВИТИИ НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА

Работы С.А. Ковалева по вопросам сельского расселения замечательным образом предвосхитили теорию самоорганизации и саморазвития социально-экономических территориальных процессов. Важной частью данной теории является вопрос: почему одни места остаются небольшими, а другие динамично развиваются? Почему одни поселения начинают деградировать, а другие стремительно растут?

Естественно, что ответ на эти вопросы следует искать в оценке потенциала развития данного места. В этой статье делается еще одна попытка найти способ для решения этой задачи.

Согласно одному из центральных географических воззрений, каждое географическое место обладает особой индивидуальностью, совокупность черт которого в какой-то степени определяет характер и направленность развития данного места. Воздействие индивидуальных свойств данного места обладает не жестко детерминированным характером (если то, то будет непременно это), а вероятностной тенденцией (если то, то в определенной мере может быть то и то, а может и не быть). Кроме собственных индивидуальных свойств данного места на его развитие все возрастающее влияние оказывают его отношения (связи) с другими местностями, удаленными от него на меньшее или большее расстояние. Таким образом, мы подходим к понятию потенциальности экономико-географического положения данного места. Однако в силу некоторой автономности развития экономико-географической мысли от собственно экономической теории долгое время макро- и микроэкономический характер деятельности хозяйственных субъектов был вне поля зрения географов.

Первыми, кому удалось соединить эти две области знания, были Вальтер Кристаллер и Август Лёш. В истории географической мысли трудно найти столь же сильное воздействие на теорию и практику географических исследований, какое оказала теория экономических ландшафтов А. Лёша. Хотя сам он, в отличие от географа В. Кристаллера, считал себя экономистом, его вклад в теорию экономико-географического пространства, пожалуй, до сих пор остается не до конца оцененным.

Его исследования в области формирования и развития рыночных зон являются своеобразным эталоном моделирования в теории экономической и социальной географии. Более того, они удовлетворя-

ют критерию правильности теории, предложенному Альбертом Эйнштейном: теория должна быть красива, должна удовлетворять эстетическим требованиям. Модель Кристаллера – Лёша этому критерию вполне соответствует и остается, пожалуй, наиболее «красивой» в социально-экономической географии.

Исследования А. Лёша, конечно, возникли не на пустом месте – они были подготовлены всей логикой развития теоретической мысли в экономике и экономической и социальной географии, логикой изучения условий формирования территориальной ренты в работах И. Тюнена, Т. Паландера, А. Маршалла, австрийской школы предельной полезности и др. Поскольку роль модели Лёша до сих пор остается чрезвычайно важной в различных областях географии, рассмотрим его модель более подробно.

Приведем здесь в сжатом виде основные положения этой модели. Рассмотрим ландшафт экономического освоения территории со следующими свойствами[1]. Существует однородное рыночное социально-экономическое пространство. Под однородностью понимается: а) примерно одинаковая плотность освоения территории; б) равная эластичность спроса на определенные виды товаров и услуг, что означает, что структура населения представлена повсеместно индивидуумами и их семьями с одинаковым распределением доходов и одинаковыми предпочтениями товаров и услуг, иначе говоря, кривые полезности для разных участков территории имеют одинаковый характер.

Предположим, что функция спроса на товары и услуги зависит от цены, как показано на рис. 1, где m_a – количество товара, производимого и одновременно потребляемого в пункте «*a*» по цене товаропроизводителя P_a. В пункте «*b*», удаленном на определенном расстоянии от пункта *«a»*, цена данного товара уже выше по сравнению с пунктом *«a»* на величину: $P = P_b - P_a$. Наконец, в пункте *«c»* цена товара с учетом транспортных издержек на доставку товара из пункта *«a»* в пункт *«c»* достигает своих предельных значений, при которых товар не находит сбыта и $m_c = 0$.

Для большего упрощения примем, что транспортный тариф не изменяется с удалением от пункта производства товара. Следовательно, функция роста транспортных расходов на доставку *i*-го товара или услуги к потребителю приобретает линейную форму:

$$P_i = P_{min} + K \times R_i \qquad (1),$$

[1] Естественно, что в модельной ситуации свойства экономического ландшафта существенно упрощаются по сравнению с реальной ситуацией.

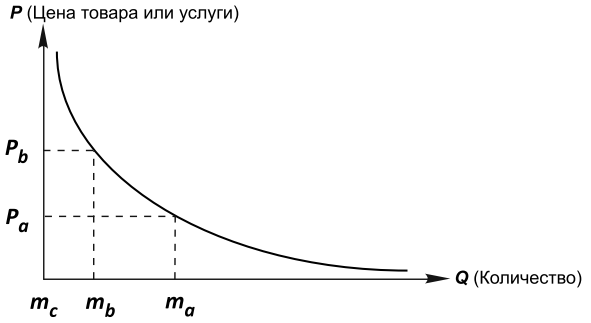


Рис. 1. Функция спроса на товары и услуги в зависимости от цены

где P_i – стоимость товара или услуг с учетом транспортных издержек, i – индекс пункта: *«a», «b», «c»*; P_{min} – стоимость товара или услуг в центре их производства, K – транспортный тариф, R_i – расстояние от места производства до i-го места потребления. При этом транспортные затраты составят:

$$T_i = K \times R_i \quad (2),$$

где i – индекс места.

В точке *«c»*, где издержки, связанные с покупкой товара и услуг с учетом транспортных затрат, настолько велики, что потенциальный покупатель вынужден от них отказаться.

На графике транспортных расходов, зная P_{min}, P_c и T_i (транспортные расходы), определим границы и величину области, в пределах которой население пользуется услугами или товарами данной функции.

Пусть величина спроса в пункте локализации функции составляет $Q = F(P_{min})$. Радиус зоны влияния данной функции (рис. 1 и 2) составит с учетом транспортных расходов и масштаба спроса на товар в зависимости от цены P_i величину R_c. Откуда максимально возможный радиос области влияния данной функции, при котором еще возможна ориентация на покупку услуг или товаров, составит:

$$R_{max} = (P_c - P_{min}) / K.$$

Интегральный спрос на предлагаемые товары и услуги найдем с учетом численности населения и соответствующего отрезка кривой спроса из графика на рис. 3.

Вспомним формулу, характеризующую объем тела вращения, образованного вращением кривой $F(P_{min} + K \times R_i) = F(P_i)$,[2] где P_{min} – цена

[2] F – оператор функции спроса на определенные товар или услугу в зависимости от их цен.

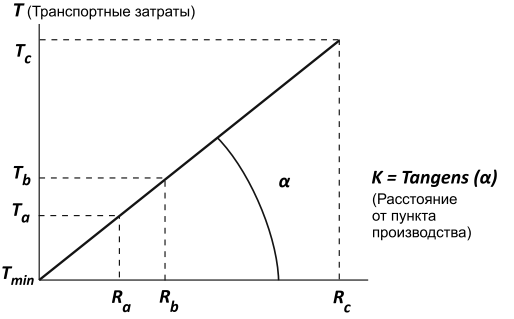


Рис. 2. Зависимость транспортных расходов от расстояния до пункта производства

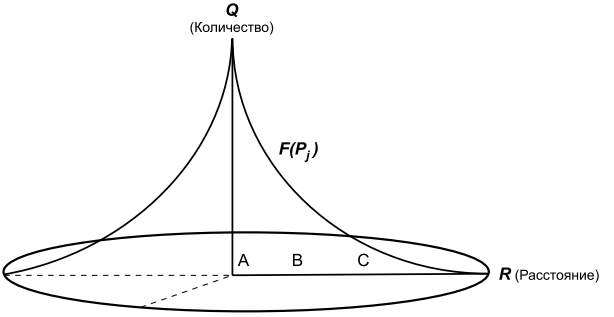


Рис. 3. Интегральный спрос на товары и услуги

продукта в месте его производства, а $K \times R_i$ – транспортные затраты. Она, как известно, равна площади поверхности фигуры, образованной вращением криволинейного треугольника $Q_c F(P_i) R_c$ вокруг оси AQ, умноженной на траекторию его центра тяжести.

$$S = 2\pi \int_0^R P_i \cdot (f(P_{\min} + K \cdot R_i))dR,$$

где P_{min} – стоимость товара или услуги в пункте его (ее) производства, $K \times R_i$ – удорожание товара с учетом его транспортировки к потребителю (или транспортные затраты самого потребителя) товара или услуги.

Данный объем спроса характеризует уровень потребления продукции в пределах зоны влияния функции радиусом R_i на одного жителя. Поэтому окончательно масштаб спроса определится путем умножения S на плотность населения, выраженную следующим образом: удвоенное население квадрата, в котором перевозка одной единицы продукции вдоль одной стороны составит одну единицу стоимости.

Как показано у А. Лёша, совмещение этих критериев приводит к сложной организации территории. Можно учесть также то обстоятельство, что пространство анизотропно (неоднородно) – по характеру плотности населения, дифференциации типов потребления товаров и услуг, неодинаковой продуктивности труда и т.п. Все эти факторы как бы искривляют пространство, модифицируют характер этих правильных шестиугольников, которые в реальных условиях образуют множество ареалов самых разных форм.

Существуют специальные картографические проекции, которые позволяют учесть не только кривизну поверхности земли, но и «кривизну» особого социально-экономического пространства. Предполагается, что на этих специальных картах области влияния центров приобретают форму шестиугольников (или по крайней мере тяготеют к ней)[3].

Как и любая теоретическая конструкция, модель Кристаллера – Лёша, естественно, не всегда соответствует реальным процессам в различных странах и районах, однако она существенно продвинула понимание географией закономерностей районообразования и формирования систем расселения. Некоторые дополнительные свойства этой модели, или, как ее еще называют, модели центральных мест, связаны с так называемым вращением системы расселения вокруг того или иного выбранного центра территории. Эта процедура, предложенная А. Лёшем, в определенной степени не только устанавливает иерархию систем расселения, но и как бы характеризует потенциал развития данного места. С помощью мысленного либо картографического вращения рыночных зон с самыми различными областями их влияния выбирается наиболее предпочтительный в данной системе населенных мест вариант развития всех существующих функций территории.

Функционально разнородные рыночные зоны, с присущими только им радиусами зон влияния, формируют благодаря их наложению наиболее выгодный и, следовательно, равновесный вариант развития всей территории. При этом достигается равновесие между ориентацией предпринимателя на наиболее высокий уровень дохода, удовлетворенностью в спросе на товары и услуги населения и, неявно, как следует из внешних условий его модели, оптимальной с точки зрения условий спроса и предложения оплаты труда. Стремление к достижению данного состояния формирует в конечном счете оптимальное положение и устойчивое положение рыноч-

[3] Например, см. работы С.М. Гусейн-Заде и В.С. Тикунова, в которых разработаны теория и алгоритм создания карт подобного типа.

ной сети, образующие таким образом непрерывную, а не дискретную, как у Кристаллера, систему иерархии центральных мест.

В точке, которая обладает преимуществом по условиям положения, стремятся разместиться самые разные функции, ориентированные на различные по величине рыночное зоны. В силу ограниченности в данной точке ресурсов (земли, труда, капитала), а также вследствие удорожания деятельности из-за чрезмерной концентрации функций в данном месте возникает эффект давления, смещающий часть центральных функций в другие, менее удачно расположенные центры. Вращая по определенному алгоритму систему рыночных зон, А. Лёш добивается такого состояния, когда, условно говоря, все агенты, взаимодействующие в пространстве, оказываются в состоянии «паретовской» оптимизации (Loesch, 1944, с. 3)[4]. В результате данной процедуры вдоль определенных азимутов направления от главного центра развития территории формируются оси преимущественного развития и соответственно полосы более низкой освоенности территории.

Каждому из полученных центров развития по модели А. Лёша можно, в свою очередь, сопоставить определенную оценку их положения. Каким образом?

Подсчитаем суммарные затраты на передвижение товаров и услуг для системы населенных мест при различных вариантах выбора центров вращения системы поселений. Вероятно, при прочих равных условиях тот центр вращения, который обеспечивает минимальную суммарную величину на передвижение товаров и услуг, является центром с более выгодным положением. Таким образом, для разных вариантов центра вращения по А. Лёшу образуются различные системы расселения с различными рыночными зонами и, что очень важно, с неодинаковой системой затрат на передвижения между поселениями.

Рассчитаем суммарный вариант затрат на передвижение между различными центрами вращения. Центр вращения с минимальными затратами будем считать наиболее удачно расположенным, другие соответственно – менее удачно. Дифференциация в затратах на транспортировку товаров и услуг для систем расселения, образованных различными центрами вращения (по Лёшу), формирует ренту положения. Она в свою очередь позволяет интегрально учитывать

[4] То есть в таком состоянии, когда попытка улучшить свое положение приводит к ухудшению положения вашего контрагента. В результате определенных соглашений достигается необходимый компромисс, который, как правило, не является оптимальным для каждого из участников процесса, но является точкой равновесия.

всю систему территориальных транспортных выгод или, напротив, дополнительных затрат при неудачном выборе центра вращения. Важно заметить, что на самом деле мы не конструируем реальность, а только оцениваем те или иные возможные варианты саморазвития (освоения) территории.

Пусть в полученной устойчивой статической системе по самым разным причинам возникают волны возмущения, которые реализуются в определенной системе смещения в иерархии сети населенных пунктов. Наиболее типичным фактором, вызывающим некоторое возмущение в системе расселения, для постиндустриальных стран являются инновации. Но необязательно. Эти возмущения могут быть вызваны также региональной политикой государства при изменении системы преференций, налогов, тарифов; деятельностью профсоюзов, ведущей к росту стоимости рабочей силы; конкуренцией на глобальном рынке; просто случайными флуктуациями. Можно, конечно, попытаться организовать новое вращение рыночной сети по Лёшу. Но с учетом множества «дыр» в данной теории, а главное, возросшего значения инновационных функций последнее может оказаться не совсем конструктивным.

Попытаемся в весьма схематичном виде операционально выстроить систему поиска нового равновесия в иерархии центров расселения и оценить потенциальность положения того или иного центра системы расселения или отдельного пункта.

Воспользуемся следующим подходом. Пусть в условиях некоторого статического равновесия характерные связи между основными группами функций по генеральным группам продуктов и услуг описываются моделью «Input – Output». В качестве интенсивности связи между функциями возьмем коэффициенты полных затрат матрицы межотраслевого районного баланса или баланса всей страны.

Для динамического варианта развития инноваций в системе расселения задачу придется усложнить. В этом случае комплекс функциональных взаимодействий в регионе опишем с помощью системы линейных дифференциальных уравнений, характеризующих мультипликатор влияния потока инвестиций на масштабы личного спроса и объемов производства.

Затем вычислим сумму прямых и обратных потоков между функциями по коэффициентам матрицы полных затрат. Назовем полученный коэффициент силой взаимного притяжения функций. Одни потоки при этом могут оказаться менее рациональными, чем другие.

Следующий этап состоит в том, чтобы с помощью транспортной задачи получить рентные характеристики данной совокупности населенных мест.

Пусть потоки между населенными пунктами m и k описываются в зависимости от количества и характера функций i и j для единицы продукции коэффициентами b_{ij}^{km}, а обратные потоки b_{ji}^{mk}.

Организуем полученную информацию о потенциальных потоках между центрами в распределительной матрице, строки которой указывают производителей единичной продукции, столбцы – ее получателей.

После нахождения оптимального варианта распределения единичной продукции с учетом транспортных и информационных затрат на доставку единичной продукции от ее производителя к получателю, найдем так называемые потенциалы положения данного места *«k»* – V_{kij}, где *i, j* – индексы функций. Эти потенциалы V_{kij} по смыслу транспортной задачи характеризуют не что иное, как дифференциацию в затратах на поставку и получение продукции. Поскольку перевозки осуществляют передачу от места к месту единичного, не зависящего от мощности производства продукта, то мы можем рассматривать данный потенциал положения как величину потенциального выигрыша или проигрыша данного места при размещении в нем конкретной функции. Потенциал положения V_{kij} следует для каждого конкретного пункта взвесить по роли данной функции в предполагаемых потоках между поселениями. Умножим матрицу потенциала положения V_{kij} на коэффициент силы притяжения функций – s_{ij}. Мы тем самым получим взвешенную по функциям ренту положения, а полный показатель ренты R_i положения *k*-го пункта соответствует следующей формуле:

$$R_k = \sum_{i=1}^{m} \sum_{j=1}^{n} s_j \cdot V_{kij}.$$

Способ определения рентных оценок положения может быть и иным. В наиболее простом варианте это может быть один из видов демографического потенциала места. Можно отметить и новые методы оценки потенциала положения, предложенные в работах П. Кругмана, М. Фужита, Я.-Ф. Тиссе. Они, в частности, предлагают учитывать соотношение покупательной способности населения различных центров.

Инновационные процессы и импульсы, которые распространяются от центров инновации, учтем следующим способом. Во-первых, те функции, которые наиболее быстро изменяются, характеризуются и

более заметным сдвигом в коэффициентах полных затрат в матрице *B*. Напомним, что именно по ним исследуется рента положения. Значит, изменения данных показателей заметно изменят и рентные характеристики самого положения того или иного пункта.

Во-вторых, по данным матрицы полных затрат с помощью специальной процедуры ее триангуляции можно установить место той или иной функции по степени ее ориентации на конечную стадию производства. Имеется в виду, что отрасли конечного производства оказывают более существенное влияние на инновационные процессы, чем функции сырьевой ориентации. Следовательно, те пункты, которые более ориентированы на конечные стадии воспроизводства, обладают при прочих равных условиях более предпочтительным местоположением для инновационных технологий. Из сказанного выше следует, что при оценке местоположения учитываются не только и не столько транспортно-географические факторы, сколько степень саморазвития данного пункта в системе интегральных его отношений с местностями разного иерархического порядка.

Пусть рентные оценки места, которые характеризуют дополнительные возможности развития функции в данном месте, описываются вектором *T*. Их задача состоит в описании функции привлекательности или отталкивания данного места для определенных видов деятельности.

Проверим влияние этого показателя с помощью экспертизы на развитие или стагнацию данного места. Предположим, что на основе полученных данных построена функция распределения вероятности развития населенных мест. Пусть для примера оценивается вероятность развития центров с коэффициентом потенциала положения *(PP)* больше, чем 50. Предположим, что статистическая или экспертная оценка позволяет утверждать, что вероятность *P(H)* при $PP > 50$ оценивается в:

$$P(H) = 0,3,$$

где *H* – это определенная гипотеза. В данном случае она утверждает, что город с потенциалом в 50 и больше условных единиц будет развиваться с вероятностью 0,3

При определенных сценариях развития, например при размещении в этом центре инновационной функции, оценка вероятности развития может измениться. Оценку этого события определим с помощью условной вероятности $P(H / E)$, где *E* – событие, которое состоит в развитии в данном месте новых функций.

Пусть у нас есть статистические или экспертные оценки того, что, если значение *PP*, предположим, больше 50, то новые функции размещаются в таких пунктах с вероятностью *P(E/H)*, равной 0,5. Тогда новую оценку для *P(H)=P(H/E)* можно получить по формуле:

$$P(H / E) = P(E / H) \times P(H) / (P(E / H) \times P(H) + P(E / \hat{H})\, P(\hat{H}\,)),$$

где $\hat{H}$ – событие, состоящее в том, что оценка потенциала положения меньше чем 50 условных единиц. Соответственно $P(E / \hat{H})$ означает вероятность развития новых технологий при оценке потенциала места в менее чем 50 единиц, допустим, равная 0,15. Для верификации данной модели вполне достаточно воспользоваться коэффициентом правдоподобия *LS*.

$$LS = P(E / H) / P(\, E / \hat{H})$$

В случае $LS > 1$ в данном примере это означает, что инновационные технологии в два раза чаще развиваются в пунктах с оценкой $ППП > 50$, чем в центрах с его более низким уровнем.

Важно, что оценка *P(H)* может регулярно оцениваться на основе самообучающейся системы:

$$P(H) = P(H / E).$$

В условиях известной капиталоемкости и инерционности инновационных процессов, а также известной их мультипликативности принятие решения на основе вероятностного представления о роли положения сопряжено с немалым риском. Выбрать наиболее прагматичную стратегию и снизить риск неправильного представления о возможном развитии инновационных функций позволяет процедура Бернулли.

Построим на основе данных расчета $P(H / E) = P(H)$ функцию распределения, которая показывает, с какой частотой развиваются инновационные технологии в том или ином пункте, если значение его потенциала положения лежит в определенном интервале значений. Например, $P(30 < PP < 50) = P(H) = 0{,}2$. Такая запись означает, что лишь в 20% случаев в пунктах с оценкой потенциала положения в интервале от 20 до 50 возможно развитие инновационных функций.

Каждой инновационной функции в свою очередь можно сопоставить свою вероятностную функцию риска $P(R / E)$. Оценка риска характеризует вероятность неудачного развития определенной инновационной функции. Например, предположим, что для рискованных инвестиций вероятность того, что данные вложения окупятся в течение пяти лет, составляет 0,1. Это означает, что из десяти проектов вложения в данную функцию лишь один окажется удачным в среднесрочной

перспективе, а остальные не окупят вложенные средства или окажутся заметно менее рентабельными, чем вложения в другие функции.

Оценим взвешенную сумму произведения:

$$R_{risk} = \sum P(H/E) \cdot P(R/E) \to \min.$$

Естественное условие развития функции в данном месте состоит в том, что среди множества самых разных вариантов пространственного развития инновационных процессов следует выбрать тот, который минимизирует различные риски и одновременно максимизирует функцию правдоподобия развития этих функций в зависимости от качества положения центра.

Круг замкнулся – будем считать, что на новом витке развития мы проделали процедуру вращения по А. Лёшу.

На самом деле, как это обычно бывает с теоретическими моделями, все очень непросто, прежде всего трудно оценить динамику развития коэффициентов полных затрат, которая как бы вбирает в себя инновационные тенденции. Главное же отличие предлагаемого варианта развития инновационных процессов в территориальном разрезе заключается в том, что в отличие от различных субъективных методов оценки так называемой инновационной привлекательности места, которые широко используются в самых разных программах территориального развития, в данном подходе предлагается идти от условий саморазвития региона. В этом плане идея работы идет вслед за А. Лёшем. Сначала, как полагал С.А. Ковалев, следует вскрыть глубинные процессы развития территории, а затем на их основе искать наиболее приемлемые варианты ее развития.

Литература

Гусейн-Заде С.М., Тикунов В.С. Анаморфозы: Что это такое? Опыт создания и использования анаморфоз в географических и экономических исследованиях. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Интрилигатор М. Математические методы оптимизации и экономическая теория. – М.: Айрис Пресс, 2002.

Ковалев С.А. Сельское расселение (Географическое исследование). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963.

Christaller W. Die zentralen Orte in Sueddeutschland. Eine oekonomisch-geographische Untersuchung ueber die Gesetzmaessigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit staedtischen Funktionen. – Jena, 1933.

Fujata M., Thisse Ja.-Fr. Economics of Agglomeration (cities, industrial location, and regional growth). – Cambridge University Press, 2002.

Krugman P. Geography and trade. – Leuven, Cambridge, MA, 1991.

Loesch A. Die raeumliche Ordnung der Wirtschaft. – Jena, 1944.

Maier G. Toedling F. Regional- und Stadtoekonomik. Standortheorie und Raumstruktur. – Wien, New York, 1995.

Palander T. Beitraege zur Standorttheorie. – Uppsala: Almgvist & Wiksells, Boktryckeri, 1935.

Thuenen J. H. von Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationaloekonomie. – Berlin, 1875.

S.Ye. Khanin

LOCALITY POTENTIAL: ASSESSING THE ROLE OF "ECONOMIC-GEOGRAPHICAL POSITION" IN SETTLEMENT DEVELOPMENT

The article deals with the classic problems of socio-economic geography, to which one S.A. Kovalev devoted much attention. Among these problems, special attention is paid to the market theory of central places of A. Loesch and its use to assess the development potential of residential areas. It was developing The theory of assessment of economic-geographical location of settlements at the base of an original mathematical model for determining the potential of their development is worked out. On the certain level of an assessment of the benefits of city's location was estimated the risks of investing in its development are estimated. This one is based on a probabilistic model.

Ж.А. Зайончковская, Г.В. Иоффе

ДИНАМИКА РАССЕЛЕНИЯ В МОСКОВСКОМ РЕГИОНЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОСТСОВЕТСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Введение

В данной статье авторы задались целью проследить, как отразились на эволюции расселения постсоветские трансформации, связанные с распадом Советского Союза, реформированием экономической системы на рыночной основе, возникновением рынка жилья и земли, бóльшей свободой передвижения населения.

Чтобы выполнить поставленную задачу, мы сравниваем изменения, происшедшие в расселении за три периода: дореформенный (1980-е гг.), период стремительных преобразований, сопряженный с глубоким экономическим кризисом и падением уровня жизни (1990-е гг.), и период 2000-х гг. – постепенного выхода из кризиса. Эти периоды с некоторой долей условности хорошо очерчиваются переписями населения 1979, 1989 и 2002 гг., которые вместе со статистикой 2000-х гг. представляют информационную базу, позволяющую достичь поставленной цели.

Особенности эволюции расселения, в том числе в 1980-е гг., были довольно глубоко исследованы в СССР (Эволюция расселения в СССР, 1989; Иоффе, 1990; Зайончковская, 1991; Фукс, 2003 и др.). В 1990-е исследования в данной области, как и во многих других областях, были прерваны. В немногочисленных работах, касающихся данного периода, как правило, рассматриваются только самые общие тенденции изменений поселенческой сети (Город и деревня..., 2001; Нефедова 2003; Алексеев, Зубаревич, 1999). Редкое исключение представляет работа Д. Лухманова (2004) по Оренбургской области, выполненная в классическом стиле, где сельское расселение анализируется во взаимоувязке с территорией, местоположением поселений, их функциями и другими факторами. Новейшие работы по расселению редко выходят за пределы переписи 2002 г., так что период 2000-х гг. в этом отношении остается практически неизученным. И уж совсем нет исследований, где бы первое постсоветское десятилетие сравнивалось с предшествующим и последующим периодом в расселенческом аспекте в целях более точной характеристики реакции расселения на резкие перемены, через которые прошло российское общество.

Расселение можно рассматривать как пространственную проекцию жизнедеятельности общества на изменяющиеся условия жизни, понимаемые в широком контексте. Поэтому естественно предположить, что система расселения непременно должна была отреагировать на переворот в социально-экономическом развитии соответствующим образом, а именно сломом устоявшихся тенденций и определенным обновлением. Верно ли это предположение и что именно изменилось, мы и пытаемся выяснить здесь.

Кроме того, большой интерес представляют ответы на вопрос, трансформировались ли, и если да, то как, главные устоявшиеся тренды дореформенной эволюции расселения, выявленные в предшествующих работах, такие, как процесс территориальной концентрации населения и деятельности вокруг центра системы, быстрое измельчание сельской поселенческой сети, стягивание ее к центру, большая амплитуда градиента динамики населения в рамках поселенческой системы и ее зависимость от расстояния к центру.

Почему мы выбрали Московский регион?

Выбор Московского региона, объединяющего Москву и Московскую область, в качестве объекта нашего исследования мотивировался несколькими соображениями.

Во-первых, Московский регион занимает в России не просто главенствующее, но исключительное место. В 2010 г. регион сосредоточивал 17,3 млн чел., или 12,3% населения страны, опережая в этом отношении в 2,8 раза второй по значимости Санкт-Петербургский столичный регион и оставляя далеко позади другие крупнейшие регионы России. Изучение интересующей нас проблемы на примере лидирующего региона страны само по себе представляет несомненный интерес.

Кроме лидерства Московский регион продолжает демонстрировать рост населения, оставаясь единственным высокодинамичным регионом на фоне депопулирующей России, что возможно только за счет миграционного допинга. Продолжающийся рост населения в Московском регионе в условиях его сокращения на подавляющей части территории страны обусловил центростремительный характер внутренних миграций. Это хорошо видно на следующем примере. В 2009 г. только 16 из 80 регионов Российской Федерации увеличили свое население за счет внутренней миграции, остальные 64 региона его потеряли. Более половины (57%) потерь приняли Москва и Московская область, 19% –

Санкт-Петербург и Ленинградская область и лишь 24% пришлись на другие 12 регионов, взятых вместе. Глобальный экономический кризис, разразившийся в 2009 г., только усилил притягательность Московского региона во внутренней миграции[1]. Помимо этого, Московский регион является самым мощным в России регионом привлечения иностранной рабочей силы на временной основе: в 2008 г. Москва и Московская область приняли 35,2% из 2 425 921 трудящегося мигранта, официально привлеченного страной.

Анализ изменений в расселении в условиях сильного миграционного притяжения, не только с лихвой возмещающего естественную убыль населения, но и обеспечивающего его рост, – второе соображение, объясняющее наш выбор.

И еще одно. Москва вместе с Московской областью по сути представляет собой Московскую агломерацию. К настоящему времени агломерация, очерченная изохроной двухчасовой транспортной доступности центра, охватывает почти всю Московскую область, оставляя вне своих пределов лишь западные и восточные ее окраины (Махрова, 2008, с. 63). За пределами агломерации остается только около 5% населения области, или 2% всего населения Московского региона. При таком подходе население агломерации определяется примерно в 17 млн чел.[2]

Возможность проследить пространственную дифференциацию динамики расселения в агломерационной системе и примыкающих к ней окраинах по вектору центр–периферия в период слома прежней социально-экономической системы и становления новой – третий довод в пользу сделанного выбора.

Московский регион всегда привлекал пристальное внимание географов. Так, один из авторов исследовал изменение пространственной структуры и землепользования в 1980-х гг. (Иоффе, Нефедова, 1998), а также проявление черт тюненовского экономического ландшафта в сельском хозяйстве Московской области (Иоффе, Нефедова, 2001). В ракурсе рассматриваемой темы особенно интересны две публикации: «Московский столичный регион» (1988) и книга А. Махровой, Т. Нефедовой и А. Трейвиша (2008), специально посвященная Московской области. Последняя из этих работ содержит раздел,

[1] Для сравнения: в 2008 г. Москва и Московская область приняли 37,4% чистых потерь из регионов России, имевших миграционный отток, в 2007 – 36,1, в 2006 – 46,5% (Ioffe, Zayonchkovskaya, p. 114).

[2] Есть и другие, более скромные, оценки численности населения Московской агломерации. По определению П.М. Поляна это «более 15 млн чел.» (Полян, Селиванова, с. 290).

посвященный населению и поселенческим структурам. Основной ракурс рассмотрения в книге – характеристика пространственных особенностей населения и экономики области и их зависимость от удаленности по отношению к Москве. Трансформация расселения и поселенческих структур в динамике в книге не рассматривается. Однако она содержит богатый и весьма ценный для интерпретации результатов нашего анализа материал о тех переменах, которые привнесло в жизнь области и в ее взаимодействие с Москвой новое время.

Рост численности населения

Население Московского региона быстро и довольно равномерно росло в течение всего XX столетия (рис. 1). За 100 с небольшим лет (1897–2002 гг.) оно увеличилось в 7 раз. При этом население Москвы умножилось в 10 раз, а Московской области в 4,7 раза. За то же время население России успело только немногим более чем удвоиться.

В течение послевоенного времени население Москвы в среднем прирастало на 100 тыс. чел. в год. Так было и в 1960-е гг., когда столица имела довольно высокий естественный прирост населения (6,9 чел. на 1000), и в 1980-е гг., когда естественный прирост

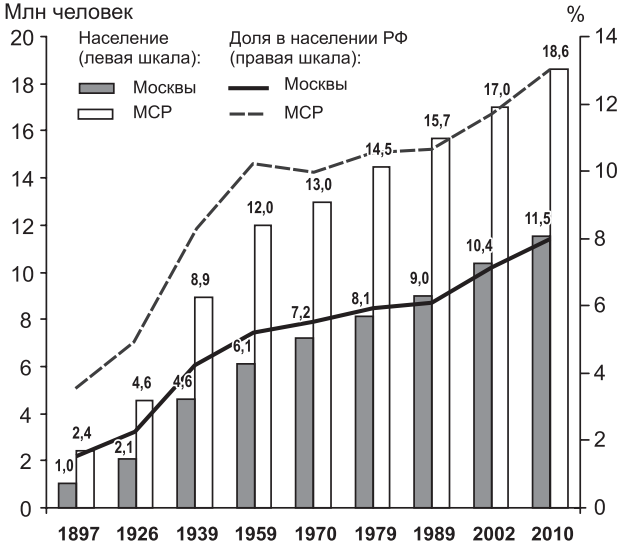


Рис. 1. Население Москвы и Московского столичного региона на фоне России (по данным переписей населения)

упал до 1,9 промилле, так было и в постреформенное время, когда за 14 лет, прошедших между переписями 1989 и 2002 гг.[3], Москва прибавила 1,4 млн чел., несмотря на естественную убыль, которая нарастала от -2,3/1000 в 1990 г. до -5,3/1000 в 2002 г.

Устойчивость роста, демонстрирующая свою независимость от глубочайшего социально-экономического кризиса, сопровождавшего распад СССР, и от людских ресурсов окружающего пространства, к этому времени почти исчерпанных, наконец, от демографического кризиса, в который надолго вошла Россия, подтверждает исключительную роль Москвы в развитии страны, которую она выполняет даже вопреки социальным катаклизмам. Москва и в кризисные 1990-е сохранила свою роль локомотива России, обнаружив тем самым, что ее потенциал далеко не исчерпан. Мобилизация тех ресурсов, которых раньше не было, – частной собственности, открытости миру, рыночных отношений – дала городу второе дыхание.

Согласно статистике численность населения Москвы к 2010 г. стабилизировалась на отметке 10,5 млн чел. Эта оценка с самого начала вызывала сомнение. Основания для скепсиса давал опыт пе-реписи 2002 г. Статистическая оценка населения Москвы на начало 2002 г. составляла 8,5 млн чел. (The Demographic yearbook…, 2002, p. 22), что было на 0,5 млн меньше относительно 1989 г. Нисходящий тренд, если бы он подтвердился, можно было бы принять за принципиальный поворотный момент в развитии столицы либо за пагубное воздействие всеобъемлющего кризиса, сопровождавшего распад СССР. Однако перепись 2002 г. обнаружила огромный недоучет мигрантов в Москве и добавила к населению города 1,8 млн чел., определив численность его населения в 10,4 млн. Естественно, это опровергло пессимистические гипотезы. Перепись 2010 г., как и в прошлый раз, подняла планку населения Москвы на 1 млн, до 11,5 млн чел.

Переписные поправки, со своей стороны, у многих вызывают сомнение, тем более что организация двух последних переписей оставляла желать лучшего. Тем не менее исследовательские данные, фиксирующие массовый недоучет мигрантов, свидетельствуют в защиту проведенных корректировок.

В 1990-е гг., когда въезд в Россию был практически свободен, Москва была наводнена рабочими мигрантами и репатриантами из бывших союзных республик, китайцами, вьетнамцами, афганца-

[3] Перепись населения 2002 г. в отличие от советских переписей, проводилась не в начале года (январе), а в его конце (октябре).

ми, беженцами из Африки, которые в большинстве случаев не имели возможности оформить свой статус пребывания в столице из-за жестких требований к регистрации[4].

Опрос украинских работающих мигрантов, проведенный нами в 2002 г. в Москве, показал, что половина из них проживали в столице в течение более трех лет, многие с семьями, при этом не будучи зарегистрированными и не имея никакого официального статуса, определяющего право на жительство в городе. Как следствие, они оставались невидимыми для статистики. А ведь численность украинских мигрантов в столице оценивалась в сотнях тысяч. Примерно в 180 тыс. чел. в 1994 г. определялась в Москве численность афганцев, беженцев из Африки и Ближнего Востока, китайцев, вьетнамцев, не имеющих правового статуса (Transit Migration..., p. 11).

Согласно последним исследованиям, каждый третий рабочий мигрант из СНГ находится в России более года, каждый четвер-

[4] Регистрация («прописка») мигрантов до 2007 г. разрешалась только по месту жительства. Большинство приезжих своего места жительства не имели. Лишь немногие москвичи соглашались зарегистрировать родственников в своем жилом помещении. Зарегистрироваться в арендованном жилье тоже было почти невозможно, поскольку хозяева жилья, памятуя советские законы, когда каждый прописанный в жилом помещении мог претендовать на свою долю его площади, не соглашались прописывать мигрантов даже временно. Эти правила оборачивались массовой нелегальной миграцией и коррупцией на почве прописки. Согласно исследовательским оценкам, не имели регистрации около половины мигрантов (Зайончковская, Мкртчян, 2008, с. 236). В 2002 г. Законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» были введены новые правила, регулирующие въезд, пребывание и трудоустройство мигрантов в России. Была введена, в том числе для безвизовых мигрантов, миграционная карта, фиксирующая въезд и выезд. Нахождение в России было дифференцировано по трем категориям: временное пребывание (на срок до 90 дней с правом продления до одного года), временное проживание (вид на жительство) и постоянное проживание. Однако получение любого статуса требовало разрешения милиции, оно возможно было только по определенному месту жительства и оговаривалось рядом ограничений. С 15 января 2007 г. правила регистрации, получения временного вида на жительство и трудоустройства для мигрантов из безвизовых стран СНГ были сильно упрощены (Ioffe, Zayonchkovskaya, 2010, p. 120–121). В результате процент зарегистрированных мигрантов, по последним оценкам, поднялся до 88 (Миграция и демографический..., 2000, с. 29), а законно трудоустроенных – не меньше чем до половины против 15–25% (там же, с. 92). К сожалению, под давлением экономического кризиса 2009 г. в отношении правил трудоустройства мигрантов Россия пошла на попятную, мотивируя это необходимостью защиты внутреннего рынка труда. Новые правила трудоустройства даже более жестки, чем это было до 2007 г. Как следствие, вновь стала расти теневая занятость.

тый практически постоянно живет в России[5] (Миграция и демографический..., 2000, с. 37–38), но большинство из них вынуждены проживать по краткосрочной регистрации, постоянно возобновляя ее, или же совсем обходиться без регистрации, так как получить вид на жительство в России по-прежнему трудно. Следовательно, эти мигранты не попадают в статистический учет, который охватывает только тех, кто проживает на новом месте один год и более. Еще в большей мере, чем для иностранных граждан, проживание в крупных городах, и прежде всего в Москве, де-факто, не регистрируясь, характерно для мигрантов, прибывших из российских регионов[6].

Посмотрим на *Московскую область*. По переписи 2010 г. население Московской области составляло 7092,9 тыс. чел. По численности населения Московская область уступает только Москве, почти в полтора раза опережает Санкт-Петербург и в 1,36 раза следующий за ней по населенности Краснодарский край.

Динамика ее населения контрастирует с Москвой. Если население Москвы за 1979–2010 гг. увеличилось на 42,5% (3,4 млн чел.), то население области возросло всего на 12% или на 758,8 тыс. чел. При этом в противоположность Москве отчетливо заметен не только провал в темпах роста, но и инверсия трендов динамики городского и сельского населения области в 1990-е годы, т.е. *слом прежних тенденций* (табл. 1). И хотя и абсолютные и относительные величины чистых потерь городов (-0,9%) и приобретений села (1,4%) в этот период были незначительны, тем не менее это знаковые отметины пережитого кризиса. Контраст с предыдущим периодом разителен, он, безусловно, не может быть списан только на неточность учета. Перепись 2002 г., хотя она внесла плюсовую поправку наряду с Москвой и в численность населения области, равную 227 тыс. чел., или 3,5% населения (О предварительных итогах..., 2003), тем не менее подтвердила приостановку роста населения области в целом и инверсию в тенденциях роста городской и сельской

[5] Данные получены на основе опроса 1575 мигрантов в шести регионах России, в том числе Москве и Московской области, доля которых в опросе составила 29% (450 респондентов). Опрос проведен Центром миграционных исследований в 2008–2009 гг. (Миграция и демографический..., 2000, с. 14–16).

[6] В соответствии с законом о свободе передвижения по территории страны российский гражданин не обязан регистрироваться при переезде в другое место, за исключением регистрации (прописки) по постоянному месту жительства.

Таблица 1. Численность и рост населения Московской области* в 1979–2009 гг.

Годы	Всего	Городское	Сельское
Численность населения, тыс. чел.			
1979	6334,1	4744,6	1589,5
1989	6646,4	5294,8	1351,6
2002	6618,5	5248,5	1370,0
2010	7092,9	5680,9	1412,0
Прирост за период, тыс. чел.			
1979–1988	312,3	550,2	-237,9
1989–2002	-27,9	-46,3	+18,4
2003–2010	474,4	432,4	42,0
Прирост, %			
1989 к 1979	4,9	11,6	-15,0
2002 к 1989	-0,4	-0,9	1,4
2010 к 2002	7,2	8,2	3,1

** Данные приведены в сопоставимых границах.*
Источники: данные переписей населения.

составляющих в 1990-е гг.[7] Соответственно наблюдался некоторый регресс в процессе урбанизации – процент городского населения упал до 79,3% в 2002 г. против 79,7% в 1989 г.

Дореформенные тенденции в динамике населения, как и реакция на распад СССР, в Московской области в целом соответствовали общероссийским, но в последующем тренды стали расходиться. В 2003–2010 гг. ситуация в Московской области на фоне страны выглядит гораздо более благоприятной. Здесь не только восстановилась, но и ускорилась тенденция роста населения, но в отличие от прежних времен теперь пополняется как городское, так и сельское население. Доля городского населения поднялась до 79,3%, в то время как по стране в целом и общая численность населения, и его городская часть продолжали снижаться (на 1,6% и 1,0% соответственно за 2002–2010 гг.). Что касается сельского населения – если

[7] Инверсия сельско-городского тренда была характерна и для России в целом. Наибольшая убыль городского населения пришлась на 1992 г., когда оно сократилось на 0,7%. В 1990 г. убыль горожан была зафиксирована в 11 регионах России, в 1991 г. – 47, в 1994 г. – в 64 (Население России..., 1999, с. 19). Сельское население увеличивалось в течение четырех лет, 1991–1994 гг., когда оно прибавило 3,3%. Затем оно вновь стало сокращаться.

по стране оно сократилось на 3,1%, то в Московской области оно ровно на столько же прибавилось.

Важный вывод в аспекте нашей темы, который следует из проведенного сравнения, состоит в том, что *на фоне депопуляции, установившейся в стране, преимущества Московского региона стали проявляться гораздо резче, чем раньше, т.е. дистанция между столичным регионом и страной в целом увеличивается.*

Поселенческая структура и ее реклассификация

Преимущества Московской области на фоне страны были бы еще более выразительными, если бы не разная интенсивность и разная направленность переклассификации поселений, их перевода из одной категории в другую в сравнении с Россией в целом. В стране этот процесс происходил в пользу села почти непрерывно с 1990 г., вследствие чего сельское население России получило 1012 тыс. (2,6%) в 1990–2002 гг. и 1122 тыс. (2,9%) в 2003–2009 гг. дополнительных жителей. В Московской же области размах административных преобразований в 1989–2002 гг. был весьма умеренным – 9,6 тыс. чел., тоже в пользу села, население которого за счет этого прибавилось на 0,7%. В 2003–2009 гг., напротив, смена категории поселений в Московской области активно практиковалась, но в отличие от страны осуществлялась в пользу городов. Преобразования коснулись 125,4 тыс. чел. В результате города прибавили 2,4%, а село потеряло 9,1% населения.

Иными словами, процесс урбанизации в целом по стране и в Московской области идет в противоположных направлениях. В стране уже в течение 20 лет происходит стагнация урбанизации. Как заметил Г.М. Лаппо, незавершенная урбанизация затормозилась (Лаппо, с. 150–153). Процесс явно затянулся, города оживают медленно и выборочно. Процент городского населения в России остается на том же уровне, что и в момент краха СССР (73%). В Московской области в 1990-е тоже почти все города находились в депрессии, но уже к 2000 г. их положение выправилось, а во многих случаях улучшилось по сравнению с 1991 г. (Трейвиш, 2009, с. 341).

В постсоветский период перевод городских поселений в разряд сельских стимулировался вспыхнувшими надеждами на куплю-продажу земли и погоней за удобно расположенными участками. Имели значение также определенные социальные преференции, которые

были предоставлены сельскому населению (льготы по коммунальным платежам, более высокие социальные пособия и некоторые другие). Несмотря на это, в Московской области бóльшую распространенность получил другой процесс – поглощение окрестных сел расползающимися городами и присвоение выросшим селам городского статуса. Обратный процесс – перевод городских поселков в села тоже был довольно широко распространен, но баланс преобразований сложился с большим перевесом в пользу городов, что лишний раз подчеркивает уникальность Московской области на фоне страны.

Урбанистическая структура Московской области весьма насыщенная и разветвленная. Она включает 77 городов и 75 городских поселков[8]. Ее основу составляют 17 крупных городов с населением более 100 тыс. жителей, в которых сосредоточено 43,7% городского населения области (на 1 января 2010 г.). Средняя людность города в этой группе 143 тыс. чел., самый крупный из них насчитывает 198 тыс. жителей (Балашиха). Более четверти населения (27,1%) сосредоточено в городах, имеющих 50–100 тыс. жителей.

Селитебная структура области была весьма устойчивой в течение всего периода 1979–2002 гг., но в последующем произошла ее существенная реорганизация. Больше всего она затронула городские поселки, насчитывающие менее 10 тыс. чел., население которых стало меньше на 26,4%. Больше всего как переклассификации, так и слиянию с более крупными поселениями подверглись самые мелкие поселки с населением менее 5 тыс. чел. Их количество сократилось вдвое (с 51 в 2002 г. до 25 в 2010 г.), а численность населения в них уменьшилась более чем на 40%. Потеряли и в количестве, и в населении, но в меньшей степени, также поселения, насчитывающие менее 20 тыс. жителей. В 2010 г. по сравнению с 2002 г. они недосчитались 14,2% населения. Города в более крупных по людности группах выросли, 100-тысячники – на 10,2%, в основном за счет пополнения подросшими городами из предыдущей группы. Особенно сильно, в основном за счет передвижки и присоединения мелких поселков, выросли города с населением от 20 тыс. до 50 тыс. чел. (табл. 2).

[8] Четких критериев по людности для классификации городских поселений в России нет. Большую роль играют исторический аспект и функции. Обычно поселки меньше городов, но нередки и перекрытия. В Московской области среди поселений, насчитывающих менее 10 тыс. жителей, поселений в статусе города нет. В группе с населением 10–20 тыс. встречаются и города, и городские поселки, но последние чаще. Самый крупный городской поселок (Нахабино) имеет 34,7 тыс. жителей, а самый маленький город (Ожерелье) – 10,6 тыс. (2010).

Таблица 2. Распределение и рост населения по городским поселениям разной людности в Московской области, 1979–2010 гг.

Людность города, тыс. чел.	Распределение населения, %				Рост, %		
	1979	1989	2002	2010	1989/1979	2002/1989	2010/2002
Менее 10	8,0	7,5	7,0	4,9	5,8	-8,2	-26,4
11–20	10,0	9,4	10,2	8,4	5,0	8,2	-14,2
21–50	17,1	13,1	14,0	15,9	-14,4	5,5	18,4
51–100	25,6	29,7	27,6	27,1	29,5	-7,7	1,9
Более 100	39,3	40,3	41,2	43,7	14,2	1,8	10,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	11,6	-0,9	4,0

Источник: составлено по данным переписей населения и данных Облстата Московской области за 2010 г.

Чтобы проследить в чистом виде, как отразились трансформации 1990-х на росте городов разного ранга, мы исключили передвижки городов из группы в группу и проследили движение от года к году постоянных по составу групп городов, выделенных по 1979 г. Получилась следующая картина.

В 1979–1989 гг. города всех ранговых групп с населением более 20 тыс. продолжали его наращивать, причем довольно быстро и довольно равномерно, прибавив за 10-летие от 9 до 13%. Кризис 1990-х гг. поставил города в разные условия, резко дифференцировав их по темпам роста и обнажив тем самым зависимость запаса прочности от величины города. Сильнее всего «просели» города с населением 20–30 тыс. чел. За 1989–2002 гг. они потеряли 9% жителей. Ощутимые потери отмечены и в группе самых крупных городов (3,3%), тогда как города с населением 30–50 и 50–100 тыс. чел. выстояли, смогли удержать свое население, хотя и ничего не прибавили. Эти же две группы городов быстрее всего восстановились, продемонстрировав в 2003–2010 гг. почти докризисные темпы роста, тогда как города более низкого ранга (20–30 тыс.) так и остались там, куда опустились в 1990-е гг., а 100-тысячники выросли на 4%, что в 2 раза ниже как их докризисных темпов, так и относительно городов с 30–50 и 50–100 тыс. жителей.

Тем не менее за счет передвижки поселений вверх по ранговой лестнице и утечки населения из малых городов и поселков в пользу больших процесс концентрации населения в крупных городах, прерванный распадом СССР, вновь стал заметен. Укрупнение городской сети за счет сокращения разными способами числа мелких поселений искусственно ускорило этот процесс. С другой стороны, необходимость реорганизации

была в значительной мере вызвана стремлением властей отдать деградирующие мелкие поселения, большинство из которых теряло население непрерывно с 1979 г., под зонтик более крупных и успешных.

В то же время можно сделать вывод о *замедлении урбанистической концентрации*. Уже сильно сказывается демографический кризис даже на столичной агломерации. Не хватает населения для поддержки всей городской сети. Рост малых поселений, даже если он имеет место, в большинстве случаев недостаточен, чтобы обеспечить их переход в более высокую ранговую группу, что укрепляло бы ее и обеспечивало воспроизводство городской системы в целом. Если в 1979–1989 гг. это касалось поселений, имеющих менее 10 тыс. жителей, то теперь граница деградации отодвинулась до 20 и уже подбирается к 30-тысячникам.

Сельская поселенческая сеть сокращалась. В 1979 г. в Московской области было 6480 сельских поселений, в 1989-м их стало 6010 (на 5,8% меньше), а в 2002 г. – 5875 (меньше на 3,7% по сравнению с 1989-м и на 9,3% по сравнению с 1979 г.)[9].

В 1980-е гг. сельская сеть по России в целом сжималась гораздо быстрее – она стала меньше на 13,6%, а в 1990-е гг., наоборот, количество деревень и сел в стране даже увеличилось (на 1,5%), в основном благодаря переклассификации. Однако несмотря на административную поддержку поселенческой сети, сельское население России в 1989–2002 гг. сократилось (на 0,8%), а Московской области выросло, вопреки переводу значительной части населения в городской статус.

Для сельской местности Московской области, как и для России вообще (Лухманов, 2001), характерно преобладание мелких (200 и менее жителей) и мельчайших (10 и менее чел.) населенных пунктов. Причем количество последних быстро увеличивается (рис. 2а). Это свидетельствует о том, что перестройка сельской сети вслед за сокращением сельского населения и стягиванием его в зоны городов (Зайончковская, 1991, с. 110–121) еще не завершена даже в столичной области.

Трансформация сети происходит за счет таяния среднего звена, которое, истощаясь, с одной стороны, пополняет количество мелких пунктов, а с другой – подпитывает крупные села, усиливая таким образом поляризацию расселения. Процесс трансформации сель-

[9] К сожалению, нет возможности проследить, как происходил процесс дальше, до 2010 г. Информацию о количестве сельских поселений и их распределении по людности, а также о том, сколько населения проживает в селах разной величины, можно почерпнуть только из переписей населения. Полную публикацию данных переписей в России обычно приходится ждать около двух лет. Так, перепись 2002 г. была опубликована в 2004 г.

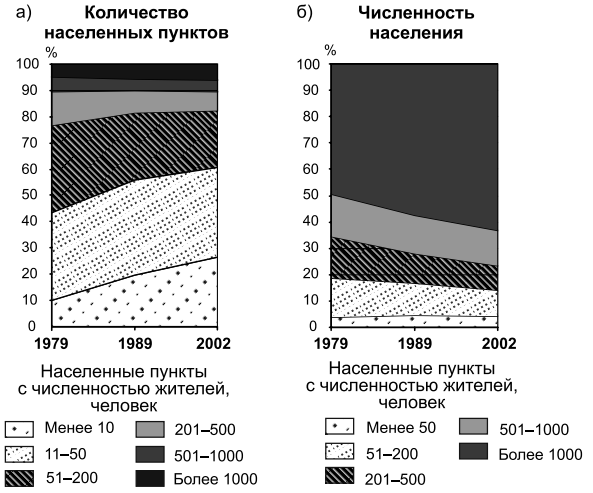


Рис. 2. Распределение сельских населенных пунктов и населения по поселениям разной величины в Московской области, 1979–2002 гг.

ского расселения под воздействием урбанизации в Московской области протекает быстрее по сравнению со страной, но медленнее, чем в большинстве областей Центральной и Северо-Западной России.

В 2002 г. 82,3% сел и деревень Московской области (против 74,6% в России и 84,1% в Центральном федеральном округе) имели не более 200 жителей, но в них было сосредоточено всего 13,7% ее сельского населения (против 11,6% в России и 20,7% в Центре). Крупные села (людностью более 1000 чел.) в Московской области почти так же редки, как и в стране (их 6,2% и 5,2% соответственно), вследствие того, что они часто переходят в города. Зато поселений средней величины, насчитывающих 201–1000 жителей, в Московской области едва ли не в 2 раза меньше по сравнению со средним уровнем страны (11,5% и 20,2%). Это тоже хороший индикатор скорости переструктуризации сети, как и процент мельчайших поселений и скорость увеличения их числа. Уровень концентрации сельского населения в Московской области гораздо выше по сравнению со страной и Центральной Россией. Преобладающая часть населения Московской области (63,4% против 51,7% в России и 38,5% в Центральном федеральном округе) сосредоточена в крупных селах, из которых каждое третье село имеет более 3 тыс. жителей, 22,9% населения приходилось на средние села (рис. 2б).

В 1990-е гг. по сравнению с 1980-ми гг. перестройка сельской сети замедлилась. Снизились темпы размывания поселений в диапа-

зоне 51–1000 жителей, и, как следствие, упала скорость и измельчания и укрупнения поселений. Если за 10-летие (1979–1989 гг.) число поселений, насчитывающих 10 и менее жителей, увеличилось на 88,3%, то за 14 лет – с 1989 по 2002 гг. – на 28,4% (табл. 3). На другом полюсе ранговой шкалы, в группе поселений, насчитывающих более 1000 чел., пополнение новыми поселениями тоже приостановилось. Следовательно, *воздействие кризиса 1990-х проявилось в затормаживании процессов поляризации и концентрации сельского расселения, т.е. в замедлении, но не в сломе долговременной его эволюции.* Это было адекватным откликом на стагнирование городов[10]. В то же время население в крупных селах существенно выросло (на 12%).

Таблица 3. Динамика количества и численности населения сельских поселений разного размера в Московской области в 1979–1989 гг. и 1989–2002 гг., %

Размер сельских поселений, чел.	Количество поселений		Численность населения	
	1989/1979	2002/1989	1989/1979	2002/1989
10 и менее	188,3	128,4	182,2	124,5
11–50	101,7	91,1	92,3	88,2
51–200	70,0	81,3	71,8	81,9
201–500	61,7	85,0	60,8	85,8
501–1000	74,8	90,3	78,1	91,0
Более 1000	110,9	102,8	98,5	112,0
Всего	94,2	96,3	85,0	101,4

Источник: рассчитано по данным переписей населения.

Увеличение населения в крупных селах в 1990-е гг. происходило и в целом по стране (на 7,5% при сокращении количества этих сел на 3,6%). По всей вероятности, эта тенденция может быть объяснена тем, что мигранты, прибывающие в сельскую местность (а в этот период это были в основном вынужденные мигранты-репатрианты из бывших республик СССР) (Зайончковская, Мкртчян, 2004, с. 163), предпочитали селиться именно в крупных селах, тем самым способствуя их росту. Сказались, очевидно, и манипуляции с переквалификацией поселений.

[10] Заметим, что не везде в России изменения в сельской сети зеркально отражали динамику городов. Бывали и исключения. В качестве примера можно привести Оренбургскую область, где на фоне стагнирующих городов процесс поляризации сельского населения ускорился. Правда, там вмешался этнический фактор (Лухманов, 2004).

Заминка в переструктуризации сельской сети в 1990-е гг. в Московской области была более выражена по сравнению со страной. Не последнюю роль в этом сыграла укоренившая привычка жителей крупных городов России иметь второе жилье. Раньше это было преимущественно летнее жилье – дачи и садово-огородные участки с небольшими сезонными домиками. Многие села Подмосковья по сути являются дачными поселками. Кроме того, под дачи москвичи часто приобретают освобождающиеся сельские дома[11]. Все это способствует сохранению поселенческой сети, даже и тех деревень, в которых не осталось постоянного населения. Перепись 2002 г. обнаружила в области 353 таких деревни, что составляет 6% по отношению к количеству обитаемых поселений[12]. Имеет значение и экономическая поддержка селян дачниками, многие из которых арендуют дома под дачи и покупают продукцию подсобных хозяйств.

С середины 1990-х развитие рыночных отношений вызвало активизацию дачного строительства в Подмосковье, широкое распространение получило коттеджное строительство (Нефедова, 2003, с. 29–33). Быстро строятся коттеджные поселки: в 2001 г. их было около 30, в 2004-м – более 300, в 2007-м – более 600 (Махрова, 2008, с. 83). Хотя дачи и коттеджи строятся не только в селах, но и в городах, ясно, что для сельской поселенческой сети это очень серьезный стабилизирующий фактор.

Миграционные тренды

По меньшей мере с 1960-х гг. миграция была главным фактором роста населения те только Москвы, но и Московской области. Ее роль менялась в зависимости от уровня естественного прироста. В 1960-е гг. миграционный прирост превосходил естественный в 1,2 раза, в 1970-е и 1980-е гг. – в 3 раза, а с 1989 г., когда в Москве и Московской области началась и прочно установилась естественная убыль населения, миграция стала единственным источником его роста.

[11] Этот процесс начался еще в 1970-е гг. (Иоффе, Фингеров, 1987), хотя в советский период сельские дома, приобретаемые горожанами, официально регистрировались на подставное лицо из числа сельских жителей. В рыночных условиях такие транзакции были легализованы, сельские дома при покупке стали регистрироваться на реального владельца и их продажа участилась.

[12] Вот как примерно выглядит жизнь опустевших или тлеющих деревень в Московской области: «Плотно заселенные летом, зимой эти сельские населенные пункты замирают, имея два-три десятка пустых домов и 5–6 обитателей…» (Федулов, 1990, с. 102).

В 1979–1988 гг. миграционный прирост в Московском регионе составил около 1 млн чел., что примерно соответствовало масштабам предшествующих десятилетий (рис. 3). Показатели 1989–2002 гг. сильно выбиваются из общего ряда. Столь резкое отличие не может быть объяснено только демографическим переходом к естественной убыли населения. Перепись 2002 г., безусловно, уловила хаотичный поток мигрантов в период 1990-х гг. и их стремление в столицу как наиболее надежный регион, быстрее других мобилизовавший выгоды рыночной экономики и поэтому быстрее воспрянувший после кризиса. И если уж подвергать сомнению обоснованность миграционной добавки для Москвы переписями 2002 и 2010 гг., то не столько ее величину, а скорее пропорцию ее распределения между Москвой и Московской областью. По сравнению с предыдущими 10-летиями эта пропорция выглядит сильно нарушенной. Едва ли в действительности так и было.

Погодовые миграционные тренды столичного региона, как и России в целом, наглядно отразили шок, который вызвал у населения развал бывшей страны. При этом население предчувствовало надвигающиеся опасные события гораздо раньше, чем они действительно случились (Зайончковская, 1995). Свою лепту в изменение миграционного поведения в преддверии и в первые годы после распада СССР внесло стремительное падение уровня жизни – тотальный дефицит продовольствия и товаров первой необходимости, галлопирующая инфляция, обесценивание заработной платы.

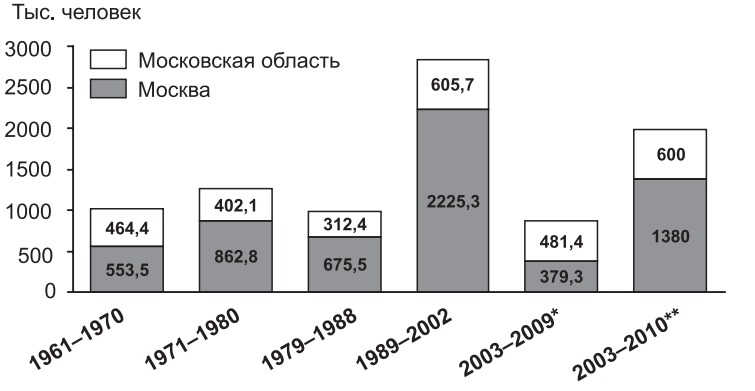


Рис. 3. Миграционный прирост населения Москвы и Московской области в 1979–2010 гг., тыс. чел.

* По данным статистического учета.

** Наша оценка на основе данных переписи 2010 г.

Население потянулось ближе к дому и к земле как источнику продовольствия. С одной стороны, молодежь стала уезжать из села реже, чем раньше из-за подскочившей дороговизны и полуголодной жизни в городах, с другой стороны, в сельскую местность выехала часть горожан в поиске надежного источника питания. В результате города стали терять население в обмене с селом. Кризис городов продолжался в течение трех лет – 1991–1993 гг. В 1993 г. в города направилось только 39% прибывших в Россию мигрантов, а 61% – в сельскую местность (Зайончковская, 1999, с. 123–124). В 2009 г. соотношение было обратным.

Повторила общероссийский тренд и Москва (рис. 4), потеряв в 1991–1993 гг. за счет миграции 42 тыс. чел. Можно сомневаться в точности статистики, но деформация возрастного профиля нетто-миграции показывает, что движение из Москвы все-таки имело место. Так, наибольшие потери пришлись на детей до 14 лет, которых, вероятно, родители старались увезти туда, где посытнее, и на студентов, окончивших вузы, которые чаще стали возвращаться домой – в сельскую местность, в то время как молодежь 15–20 лет по традиции продолжала активно приезжать на профессиональную учебу в город. В 1993 г. Москва также теряла мужчин в возрасте 30–60 лет, особенно от 30 до 45 лет (Моисеенко, 1999, с. 13–14). Возможно, эти потери отчасти были обусловлены выездом кадровых военнослужащих и их семей в страны их нового гражданства после «развода» бывшей советской армии по этим стра-

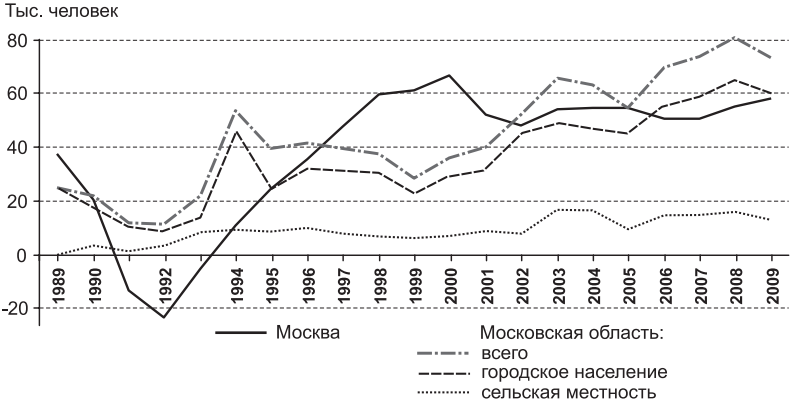


Рис. 4. Миграционный прирост Москвы и Московской области в 1989–2009 гг., тыс. чел.
Источник: Статистический учет, данные Росстата.

нам. Население выезжало из Москвы преимущественно в Московскую область и прилегающие к ней области Центрального региона, откуда больше всего его и приезжало в Москву раньше, что лишний раз подчеркивает возвратный характер миграций в этот период.

Бегству части населения на жительство в деревню противостоял приток репатриантов и беженцев из постсоветских стран, особенно из Закавказья, где уже полыхали этнические конфликты, а также с севера и востока России, испытавших экономический коллапс. Эти потоки полностью компенсировали потери городов Московской области в обмене с селом, а также значительную часть потерь Москвы. Скорее всего до потерь дело вообще не дошло, так как многие вынужденные мигранты из бывших республик СССР имели на руках только советский паспорт, утративший силу, и поэтому не могли даже зарегистрироваться ни в Москве, ни в Московской области, хотя в области это сделать было легче[13].

В то же время присутствие значительного количества неучтенных мигрантов – перманентная особенность постсоветского периода, так что она в большей мере определяет размеры миграции, чем ее траекторию. С 1994 г. чистый приток населения в Москву возобновился и удерживается примерно на одном уровне. Согласно учету миграционный прирост населения Москвы за 1989–2002 гг. составил 422 тыс. чел., а с учетом переписной добавки – 2,2 млн чел., что в 2,8 раза перекрыло естественные потери. В 2003–2009 гг. учтенный миграционный прирост составил 378 тыс. чел., почти в 2 раза больше естественного прироста, а с учетом переписной прибавки – 1,4 млн чел.

Тренд Московской области, как видно на рис. 4, тоже демонстрирует провал в начале 1990-х гг., но менее глубокий по сравнению с Москвой. При этом не только село, но и город получал миграционный прирост, который обнаруживает тенденцию к росту. При ана-

[13] Межправительственное соглашение стран СНГ, утверждавшее преемственность прав бывших советских граждан при переезде из одного государства СНГ в другое, было подписано только в 1994 г. Соглашение носило слишком общий, декларативный характер. К нему не были разработаны правоприменительные документы и инструкции. Поэтому оно не стало гарантией защиты прав мигрантов (имеется в виду Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов в странах СНГ; подписано всеми странами СНГ 15 апреля 1994 г.).

Следует иметь в виду, что тренды, изображенные на базе статистического учета, отражают динамические тенденции, но не размеры миграционного прироста, которые сильно занижены из-за неполноты учета.

лизе тренда не следует упускать из виду поправку переписи 2002 г., которая добавила около 30% к миграционному приросту городского населения области и в 2 раза увеличила миграционный прирост сельского, что по сути выравнивает тренд в рамках рассматриваемого периода. Перепись, таким образом, подтвердила высокую притягательность Московской области. Ее городское население получило за 1989–2002 гг. 490 тыс. чистой миграции, лишь на 40 тыс. меньше естественной убыли. На селе же миграционный прирост, составивший около 200 тыс. чел, в два с лишним раза превзошел естественные потери. Города Московской области прочно удерживают первую позицию в стране по уровню миграционной привлекательности. Их коэффициенты миграционного прироста в 2007–2009 гг. в 4,5 раза превосходили средний уровень для городского населения страны и почти в 2 раза уровень Ленинградской области и Санкт-Петербурга.

Притяжение большой Москвы, как и Московской области, распространяется на весь регион СНГ, но, несмотря на это, их миграционный прирост на три четверти представлен прибывшими из российских регионов, вплоть до Дальнего Востока (Зайончковская, Мкртчян, 2009).

Регистрируемая миграция не дает адекватного представления о миграционных потоках в Московский регион. Поток временных трудовых мигрантов многократно превышает стационарную нетто-миграцию. Так, в 2008 г. Москва получила миграционный прирост на постоянное жительство в размере 55,1 тыс. чел., а трудовых мигрантов в городе официально было нанято в том же году 623,2 тыс. чел., показатели по Московской области равнялись 80,7 и 230,2 тыс. чел., соответственно. И это, по оценкам, как было сказано выше, не более $^1/_3$ трудового потока[14]. Кроме того, надо учесть, что значительная часть временных трудовых мигрантов, нанятых Москвой, проживает на территории области, так как там дешевле аренда жилья. Таким образом, трудовые мигранты добавляют области солидное количество дополнительного населения – оценочно (с учетом незаконной миграции) около 1 млн чел., и хотя состав трудовых мигрантов быстро меняется, их единовременное присутствие количественно остается почти постоянным.

Официально нанятые трудовые мигранты уже составляют более 10% численности занятых в Москве и 6,3% – в Московской обла-

[14] Количество трудовых мигрантов в Москве в 2008 г. в 3 раза превзошло показатели предыдущего 2007 г., по Московской области рост был в 1,5 раза. Данные по трудовой миграции за 2009 г. в разрезе субъектов Российской Федерации еще не опубликованы.

сти, причем их процент быстро увеличивается: в Московской области за четыре года (2005–2008 гг.) он возрос в 4 раза, а в Москве – в 2,5 раза. С учетом незаконной составляющей процент трудовых мигрантов среди занятых необходимо по крайней мере удвоить.

Подавляющая часть трудовых мигрантов, нанятых в Московской области, прибыла из стран СНГ (90%). В столице преобладание СНГ выражено гораздо умереннее (60%). Структура потока из СНГ по странам исхода в Москве и Московской области заметно различается. Среди приехавших на постоянное жительство Москва чаще «отбирает» украинцев и мигрантов из закавказских стран, тогда как приехавшие из стран Средней Азии как менее конкурентоспособные чаще вытесняются в область (табл. 4).

Таблица 4. Нетто-миграция в Москву и Московскую область из СНГ по странам исхода в 2008 и 2009 гг., %

Страны	Нетто-миграция на постоянное место жительства, 2009 г.		Временная трудовая миграция*, 2008 г.	
	Москва	Московская область	Москва	Московская область
Белоруссия	4,3	3,2	–	–
Молдавия	12,3	14,4	13,0	14,8
Украина	36,1	28,2	17,7	20,7
Страны Закавказья	26,4	17,8	6,4	7,3
Страны Средней Азии	16,3	24,1	62,6	57,0
Казахстан	4,6	12,3	0,3	0,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

** Жители Белоруссии по договору между странами в отношении трудоустройства на территории России обладают правами, аналогичными с российскими гражданами. Поэтому среди временных трудовых мигрантов их нет.*

Состав трудовых мигрантов по странам происхождения резко отличается от потока на постоянное жительство. В нем решительно преобладают страны Средней Азии (почти две третьих потока в Москве и значительно больше половины в области), тогда как в стационарной миграции первое место устойчиво принадлежит Украине.

Для трудовых мигрантов из других стран, кроме СНГ, Московская область пока что не слишком привлекательна. В 2008 г. их было здесь всего 22,7 тыс. чел., из них едва ли не половина из Турции (10,7 тыс. чел.), 3,9 тыс. из Вьетнама и 3,3 тыс. из бывшей Югославии. В Москве трудовых мигрантов не из СНГ на порядок больше

(245,7 тыс. чел.), а их состав по странам весьма пестрый. Несмотря на это, резко преобладают три страны – Китай (80,9 тыс. чел.), Вьетнам (71,7 тыс.)[15] и Турция (40 тыс.). На них приходится 78% трудовых мигрантов Москвы, приехавших из «дальних» стран. В то же время уже довольно масштабно обозначен трудовой поток из западного мира, откуда приехало 15,6 тыс. чел. (включая США и Японию). И пусть это всего лишь 6,3% общего трудового потока, тем не менее, это уже качественно иная ситуация, нежели в 1990-е.

Легко заметить, что миграционная компонента роста населения в Московском регионе в этнокультурном отношении контрастирует с местным населением, что создает почву для социальной напряженности и чревато этническими конфликтами. По данным репрезентативных опросов каждый четвертый житель Москвы и каждый третий Московской области относятся к мигрантам плохо или даже очень плохо (Тюрюканова, с. 170).

Пространственная дифференциация динамики населения

Произошедшие изменения в географии населения Московской области мы характеризуем тремя картограммами, построенными по административным районам области и экс-территориальным городам[16]. Картограммы соответствуют межпереписным периодам.

Вокруг Москвы давно сформировалась кольцевая структура расселения, уплотняющаяся по мере приближения к столице. Градиент плотности населения достигает почти десятикратного размаха – от 664 чел./км^2 в зоне, примыкающей к Москве, до 74 в отдаленных районах области (Махрова, с. 54). Аналогичная, ориентированная на центр системы и четко выраженная кольцевая структура, заставляющая вспомнить кольца Тюнена, свойственна и уровню эффективности сельскохозяйственного производства (Ioffe, Nefedova, 2001).

[15] Помимо официально нанятых, в Москве много «незаконных китайцев» и вьетнамцев. Недавно в Восточном округе Москвы было выявлено 12 подпольных пошивочных цехов, где они работали (Ваше право..., 2010).

[16] Выделены города, которые находятся на стыке административных районов, из-за чего их нельзя идентифицировать с территорией какого-либо района. Все они являются городскими округами – муниципальными образованиями, включающими кроме центрального города несколько мелких населенных пунктов, расположенных рядом. В Московской области 36 городских округов. Население округов, служащих центрами административных районов и расположенных на их территории (например, Серпухов, Коломна), включено в население соответствующих районов.

Аналогичную пространственную структуру, за некоторыми исключениями, легко обнаружить в динамике населения за 1979–1989 гг. (рис. 5). С этой закономерностью как будто диссонирует зона отрицательного роста, окаймляющая Москву с юга и востока. Это объясняется тем, что население выделенных отдельно городов, расположенных рядом с Москвой, не разнесено на всю окружающую их территорию,

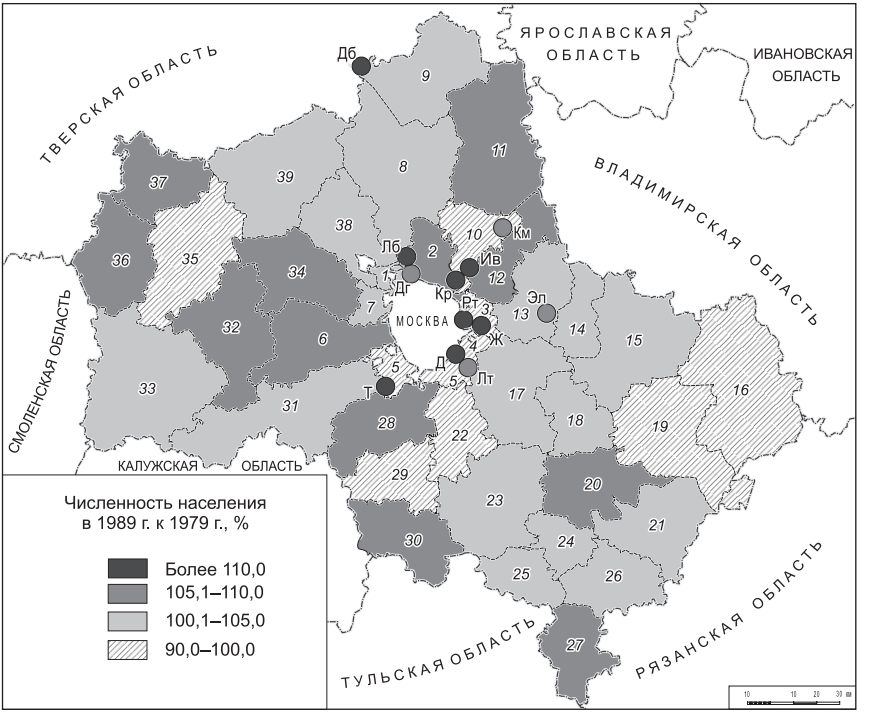


Рис. 5. Изменение численности населения Московской области в 1979–1989 гг.

Номерами на рис. 5–8 обозначены административные районы: 1 – Химкинский, 2 – Мытищинский, 3 – Балашихинский, 4 – Люберецкий, 5 – Ленинский, 6 – Одинцовский, 7 – Красногорский, 8 – Дмитровский, 9 – Талдомский, 10 – Пушкинский, 11 – Сергиево-Посадский, 12 – Щелковский, 13 – Ногинский, 14 – Павлово-Посадский, 15 – Орехово-Зуевский, 16 – Шатурский, 17 – Раменский, 18 – Воскресенский, 19 – Егорьевский, 20 – Коломенский, 21 – Луховицкий, 22 – Домодедовский, 23 – Ступинский, 24 – Озерский, 25 – Каширский, 26 – Зарайский, 27 – Серебряно-Прудский, 28 – Подольский, 29 – Чеховский, 30 – Серпуховский, 31 – Наро-Фоминский, 32 – Рузский, 33 – Можайский, 34 – Истринский, 35 – Волоколамский, 36 – Шаховской, 37 – Лотошинский, 38 – Солнечногорский, 39 – Клинский;

экстерриториальные города: Ив – Ивантеевка, Км – Красноармейск, Кр – Королев, Ю – Юбилейный, Рт – Реутов, Ж – Железнодорожный, Д – Дзержинск, Лт – Лыткарино, Эл – Электросталь, Лб – Лобня, Дб – Дубна, Т – Троицк, Дг – Долгопрудный.

а именно эти города как раз и сосредоточивали главную часть населения и быстрее всего росли – на 15–20% за период, а иногда и больше, как, например, Троицк, прибавивший 31,7%. Быстро растущие города, можно сказать, облепили Москву, де-факто они ею и являются.

В рассматриваемый период, как можно видеть на рис. 5, на большей части территории области население увеличивалось, а в тех немногих районах, где оно стало меньше, сокращение было совсем незначительным, в пределах 1–3%.

И рассматриваемая и другие карты отражают преимущественно рост городского населения как доминантной компоненты. Сельское же население повсеместно, кроме крайнего юго-востока, уменьшилось. Более всего (больше чем на 20%) как раз в непосредственной близости от Москвы, там, где росли показанные на карте города. Чем дальше от Москвы, тем меньшей была убыль сельского населения. Москву окружало обширное кольцо районов, потерявших от 10% до 20% населения, в то время как в западной и восточной частях области убыль не превышала 10%. Это можно объяснить тем, что в пригородах Москвы городов больше и они росли быстрее, вбирая окрестное сельское население. Кроме того, ближе к Москве было больше крупных сельских поселений, которые постепенно приобретали статус города.

Таким образом, относительно периода 1979–1989 гг., предшествовавшего распаду СССР и экономическим реформам, можно заключить, что тогда в Московской области *почти повсеместный рост городского населения сочетался почти с повсеместной же убылью сельского*. При этом концентрическая структура динамики у сельского населения была выражена более отчетливо, а градиент был направлен от Москвы к окраинам.

Население Московской области задолго до времени нашего отсчета было в значительной мере вымыто городами, прежде всего Москвой, вокруг которой оно и сосредоточено. Плотность сельского населения в районах, примыкающих к столице с юга и запада, превышает 60 чел./км^2, с севера чуть меньше, а на западных и восточных окраинах она не превышает 20 чел. Так что к 1980-м гг. процесс стягивания сельского населения к центру системы был в основном завершен. Кроме того, на протяжении всей советской истории правительство предпринимало попытки воспрепятствовать росту Москвы, считая его чрезмерным. Основным методом был запрет нового промышленного строительства в Москве, введенный в 1970-е гг., что оживило развитие городов в ближнем Подмосковье. У сельского населения, та-

ким образом, появилось больше шансов устроиться на работу в ближних городах. Карта 1979–1989 гг. и инверсия в направлении движения сельского населения носят отпечаток этих регулирующих усилий.

Совершенно другую, почти противоположную картину мы видим в 1989–2002 гг. (рис. 6).

Едва ли не вся область в этот период продемонстрировала отрицательную динамику населения. Можно ли это оценить иначе чем яркое проявление пережитого населением шока? Сократилось даже население наукоградов, ранее быстро растущих (Королев, Долгопрудный, Дубна). Вероятно, картина была бы еще более удручающей для первой половины 1990-х гг.

Кризис 1990-х гг. проявился в Московской области значительно сильнее, чем в Москве. Промышленное производство в 1998 г. против 1989 г. в Московской области упало до 31%, в Москве до 38%. Средние доходы населения в области, ранее отставшие от Мо-

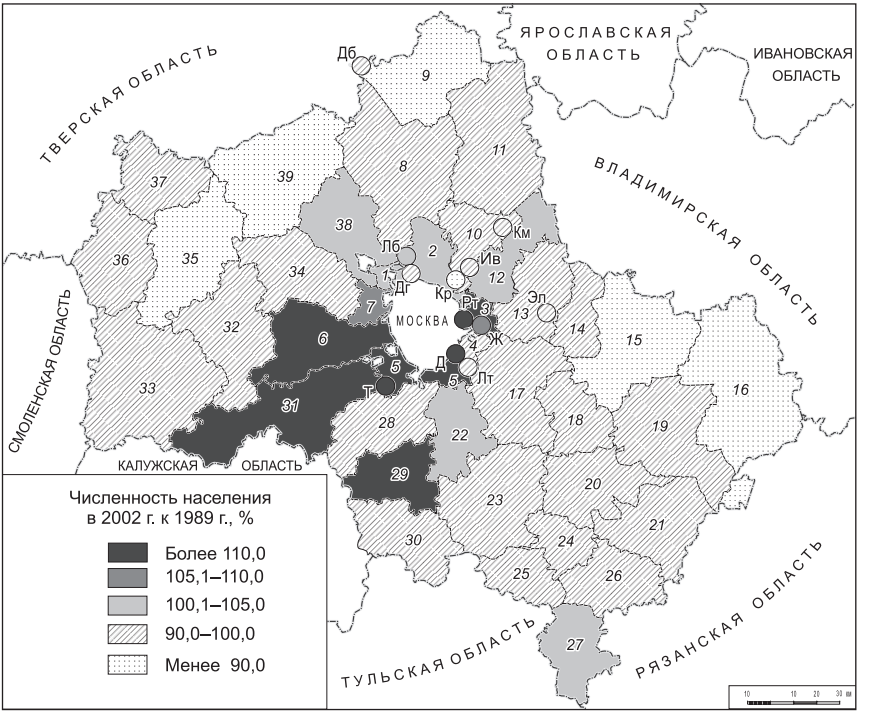


Рис. 6. Изменение численности населения Московской области в 1989–2002 гг.

сквы на 22%, упали к середине 1990-х гг. до 57% московских (Махрова и др., 2008, с. 18, 110).

Районы, отмеченные значительным ростом населения (более 10%), на карте выглядят белыми воронами, а то, что это совсем не те районы, что раньше, усугубляет это впечатление. Из прежних в их состав попал только Одинцовский район. Резко подняли свой рейтинг примыкающие к нему Наро-Фоминский и Ленинский районы.

Любопытно, что территории, примыкающие к Москве с юго-запада, тоже быстро нарастили население, несмотря на то, что города Троицк и Дзержинск продолжали впитывать население. Это можно интерпретировать как прямой признак усилившейся миграции в зону, расположенную непосредственно «за забором» Москвы. Сразу же, как заработали рыночные отношения, за Московской кольцевой автодорогой, ограничивающей Москву, стали возникать крупные торговые центры, склады, авторемонтные и другие предприятия. Москва вытесняла их туда, где дешевле аренда земли.

В целом же концентрация населения вокруг Москвы усилилась лишь в узком секторе юго-западного направления, в то время как во всех других направлениях она резко замедлилась.

С середины 1990-х гг. стали быстро развиваться рынок земли и рынок жилья. Московская область получила новые стимулы для развития. Рисунок 6 отразил начальный этап погони москвичей за наиболее привлекательной землей. Эту новую тенденцию еще нагляднее подтверждает динамика сельского населения, которая по сравнению с периодом 1980-х гг. изменилась решительным образом. Кольцевая структура сохранилась, но ее вектор снова принял центростремительное направление. Если в предшествующий период сельское население *убывало* тем быстрее, чем ближе к Москве, то в 1989–2002 гг. оно *росло* тем быстрее, чем ближе к Москве. Южный и особенно юго-западный сектора – зона сплошного роста (более 10%). На остальной территории сельское население сократилось, но темпы убыли упали. По мере приближения к окраинам убыль увеличивалась.

Подытоживая сдвиги, которые произошли в кризисный период 1989–2002 гг., можно констатировать, что *эволюционные процессы в развитии расселения в этот период были заморожены*. Вместе с тем в силу продолжительности периода, чрезмерного для времени стремительных преобразований, он «захватил» и первые проявления новых рыночных импульсов, как раз и обусловивших протуберанцы быстрого роста.

На следующем этапе развития – 2002–2010 гг. – можно видеть восстановившееся сплошное кольцо роста населения вокруг Москвы, особенно плотное в юго-западном и северном направлениях, охватывающее в отличие от 1980-х и сельское население пригородных районов (рис. 7). Ожили и снова стали наращивать население и наукограды, но медленнее, чем до кризиса.

По сравнению с 1980-ми гг. усилилась дифференциация территории по темпам роста населения. В половине районов области население сократилось. Обширная зона депопуляции сформировалась на востоке и северо-востоке, а также на границе с Тверской областью. Перепись 2010 г. свидетельствует о том, что контрастность стала еще сильнее, чем это выявляет статистика.

Миграционный приток, который получили все районы области, кроме трех (рис. 8), не может остановить этот процесс. География миграций в общем почти совпадает с картиной изменений в населе-

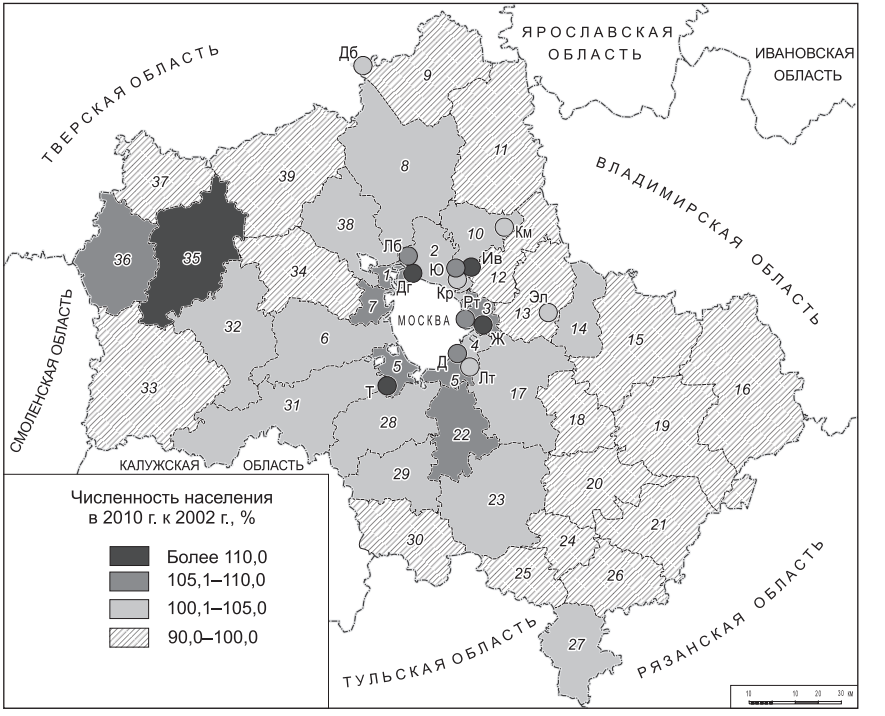


Рис. 7. Изменение численности населения Московской области в 2002–2010 гг.

нии последнего периода, хотя соответствующие карты и не совсем сопоставимы из-за разных временных периодов.

Сильнее всего мигрантов привлекали южные районы и многие города вокруг Москвы (больше чем 15‰). Районы и города, вошедшие в эту градацию, приняли почти половину миграционного прироста (49%). На административные единицы, принявшие 10–15‰, пришлось 30% прироста, на попавших в следующую градацию – 19%. На долю тех, кто принял 5‰ и менее, досталось только 2% миграционного прироста; 1% потеряли аутсайдеры. Миграционный прирост в 2008 г., за который построена карта, был весьма значительным – 75,3 тыс. чел., в отдельные годы он перекрывает естественные потери. Но, по всей вероятности, в перспективе население области будет продолжать сжиматься.

Вернемся к рис. 7. Зона тяготения к Москве вновь раздвинулась, но стимулы были уже чисто рыночные. «Работали» разницы в ценах на жилье и на землю. В среднем цены на жилье (за 1 м^2) в городах Московской

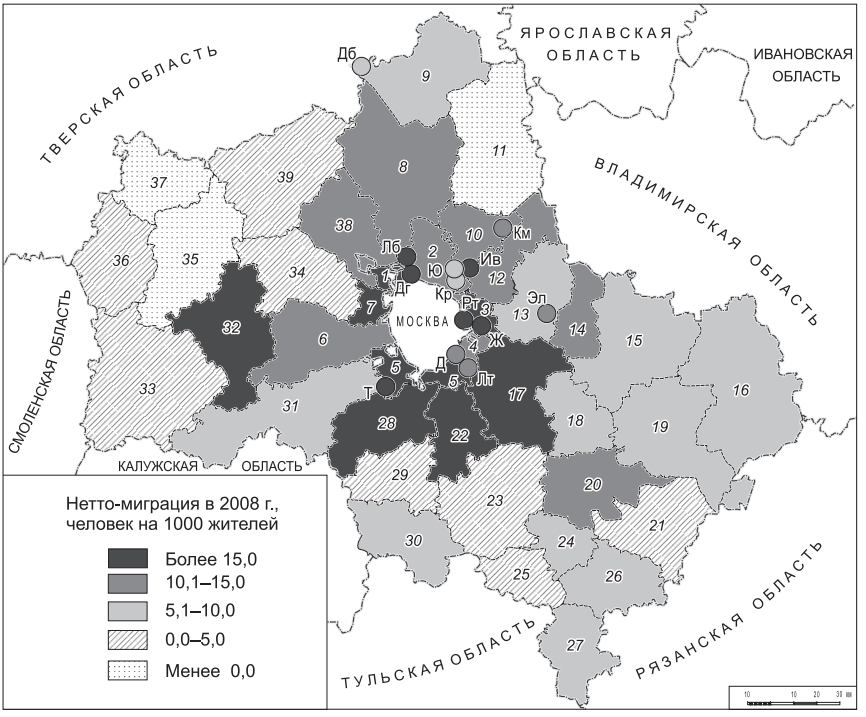


Рис. 8. Нетто-миграция по муниципальным образованиям Московской области в 2008 г.

области в 2000 г. были в 2,2 раза, в 2007-м – в 2,4 раза ниже московских. Почти такой же перепад в ценах характерен и для области в зависимости от расстояния к Москве (Махрова, 2008, с. 70). Как следствие, область по объему строительства жилья обогнала Москву и вышла на первое место в стране. Если в России ввод жилья в 2007 г. еще не достиг уровня 1990 г., то в Московской области к этому времени он уже превысил докризисные показатели в 3 раза. Новые дома строятся не только в городах, но и в сельской местности; 85% нового жилья было введено в ближних к Москве зонах (Нефедова, Трейвиш, 2008, с. 151). Еще больше различаются цены на землю под жилищное строительство.

Строительство жилья в Московской области в значительной мере ориентировано на внешний спрос. Например, в 2005 г. жители Московской области приобрели 58% квартир, москвичи – 15%. Четверть квартир купили мигранты, прибывшие из других регионов России и небольшую часть – мигранты из СНГ. Москвичи стремятся приобрести жилье поближе к Москве, а мигранты часто покупают его в отдаленных районах, где подешевле (Махрова, 2008, с. 98–99). Это выравнивает спрос по территории области и способствует росту населения в ближнем и среднем Подмосковье, в том числе стабилизирует сельское население в этих зонах. Более того, значительный рост населения, который вдруг показали два периферийных района – Волоколамский и Шаховской – скорее всего результат покупок подмосковного жилья жителями соседних областей.

В том же направлении, что и цены на жилье и строительство другого назначения, работают цены на землю, которые выталкивают из Москвы промышленность (особенно мясомолочную, кондитерскую), объекты, требующие крупного строительства, офисные центры и др.

Следовательно, *сдвиги населения после 2002 г. прошли под знаком оздоровляющего воздействия рыночных отношений, которые внесли свежую струю в экономическую жизнь области, дали ей новые многообещающие импульсы.* В конечном итоге это должно способствовать выравниванию экономического потенциала и социальной среды на всем пространстве Московской агломерации.

Перемены на низовом уровне

Чтобы понять процесс трансформации расселения под влиянием кризиса 1990-х гг. глубже, посмотрим на него в более крупном масштабе – на уровне административных районов и сельских поселений.

Для этого мы выбрали три района области, расположенные по одной оси в западном направлении: Одинцовский, Рузский и Можайский. Они простираются на все зоны удаленности от Москвы, позволяя проследить, как меняется в зависимости от этого сила влияния столицы.

Соответствующие карты (рис. 9 и 10) составлялись в несколько этапов. В качестве основы использовалась топографическая карта масштаба 1:100 000. Она разбивалась на квадраты площадью 1 км^2. Затем численность населения сельских поселений, попавших в квадрат, суммировалась. Таким образом получалась карта заселенности, агрегированная по квадратам. Такие карты были составлены на три даты – 1979, 1989, 2002 гг. На следующем этапе поквадратно определялась динамика роста населения за два периода – 1979–1989 гг. и 1989–2002 гг. Наконец, квадраты, попавшие в определенный диапазон шкалы роста, оконтуривались изолиниями, проведенными через их центр. Результат этой кропотливой работы представлен на рис. 9 и 10. Такой метод использовался Институтом географии Академии наук СССР при изучении эволюции расселения в 1959–1989 гг.[17] (Эволюция расселения в СССР, 1989).

Западное направление – это наименее урбанизированное, наиболее популярное и престижное рекреационное направление. Через все три района протекает река Москва. Наиболее близкий к Москве – Одинцовский район – насыщен базами отдыха (в том числе элитными), спортивно-оздоровительными, медицинскими и офисными центрами. Район лидирует в Московской области по вводу жилья. Здесь расположен военный городок Кубинка, одноименный аэродром. Рузский и Можайский районы – одни из самых экологически чистых и живописных районов Подмосковья, располагающие густой речной сетью и несколькими водохранилищами. Рузский район входит в десятку лидеров по числу частных владений москвичей (Махрова и др., 2008 с. 243), здесь располагаются базы отдыха писателей, композиторов.

Одинцовский район по численности населения во много раз превосходит два других (269,1 тыс. чел. против 66,1 в Рузском и 69,4 в Можайском районах). Темпы роста населения ключевых районов менялись в соответствии с классической схемой – убывали с удалением от Москвы. В Одинцовском районе население за 1979–2010 гг. увеличилось на 15,6%, в Рузском чуть меньше – на 14,1%, а в Можайском стало меньше на 4,8%[18].

[17] Карты построены С. Сафроновым.

[18] 2010 г. – по данным статистического учета.

Уровень урбанизированности во всех трех регионах против среднего показателя по области сильно понижен. В Рузском и Можайском районах в начале 2010 г. городского населения было меньше половины (48%), в Одинцовском гораздо больше (68%), но тоже значительно ниже, чем по области. Все районы испытали фокусы переклассификации, особенно коснувшиеся Рузского района, где часть горожан после 2002 г. была отнесена к сельскому населению, из-за чего процент городского населения упал с 59 до 48%.

Кризис 1990-х более глубоко отразился в Рузском районе, сказалась промежуточность его положения. В период 1979–1989 гг. он был более похож на Одинцовский район, а в 1989–2002 гг. – на Можайский. В 1980-е происходил рост городского населения во всех районах, но в Одинцовском и Рузском он достигал 29–27%, а в Можайском – 11%. В кризисные 1990-е только Одинцовский район сумел удержать рост горожан, пусть и меньший, чем раньше (12%), а в двух других районах наблюдалась стагнация их численности. Сельское население, если изъять переклассификацию, в общем везде сокращалось, но административные преобразования сообщали волнообразность его динамике, как это было в Рузском районе в 2002–2010 гг., когда сельское население вдруг увеличилось на 22%, и в Одинцовском в 1989–2002 гг., когда население сместилось в пользу сельского. Такая подвижность поселенческой сети сильно осложняет ее анализ, в то же время она отражает непосредственную заинтересованность муниципальных администраций в земельных тяжбах, косвенно обнаруживая высокую ценность земли в Одинцовском и Рузском районах, в то время как Можайского района подобные игры почти не коснулись.

С первого взгляда на карты, построенные по ключевому направлению (рис. 9 и 10), бросается в глаза повсеместное оживление и интенсификация жизни в 1989–2002 гг. вопреки кризису.

Интенсивное вымывание сельского населения, свойственное периоду 1979–1989 гг. (о чем говорят значительные площади, занятые нижней ступенью шкалы, обозначающей более чем половинное сокращение населения за период), затормозилось. Соответствующие площади резко уменьшились, их место заняла вторая (сокращение на 50%), а часто и третья (рост на 50%) ступени, очень заметно увеличилось количество очагов роста, и зоны этих очагов раздвинулись. Особенно заметны перемены в Рузском районе, где возникли новые обширные очаги роста, появившиеся и там, где раньше население быстро убывало (например, на юге района). В то же время по-

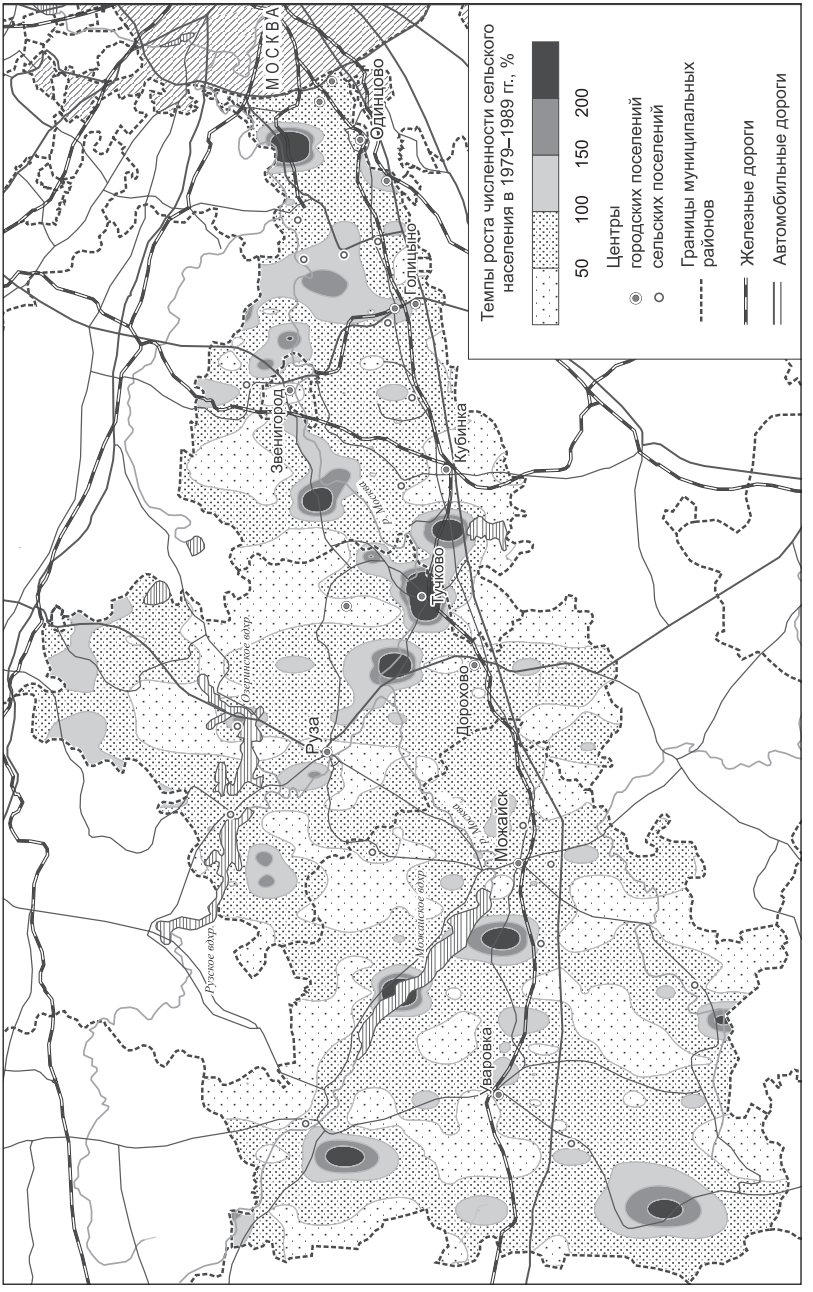


Рис. 9. Изменение численности населения Можайского, Одинцовского и Рузского районов в 1979–1989 гг.

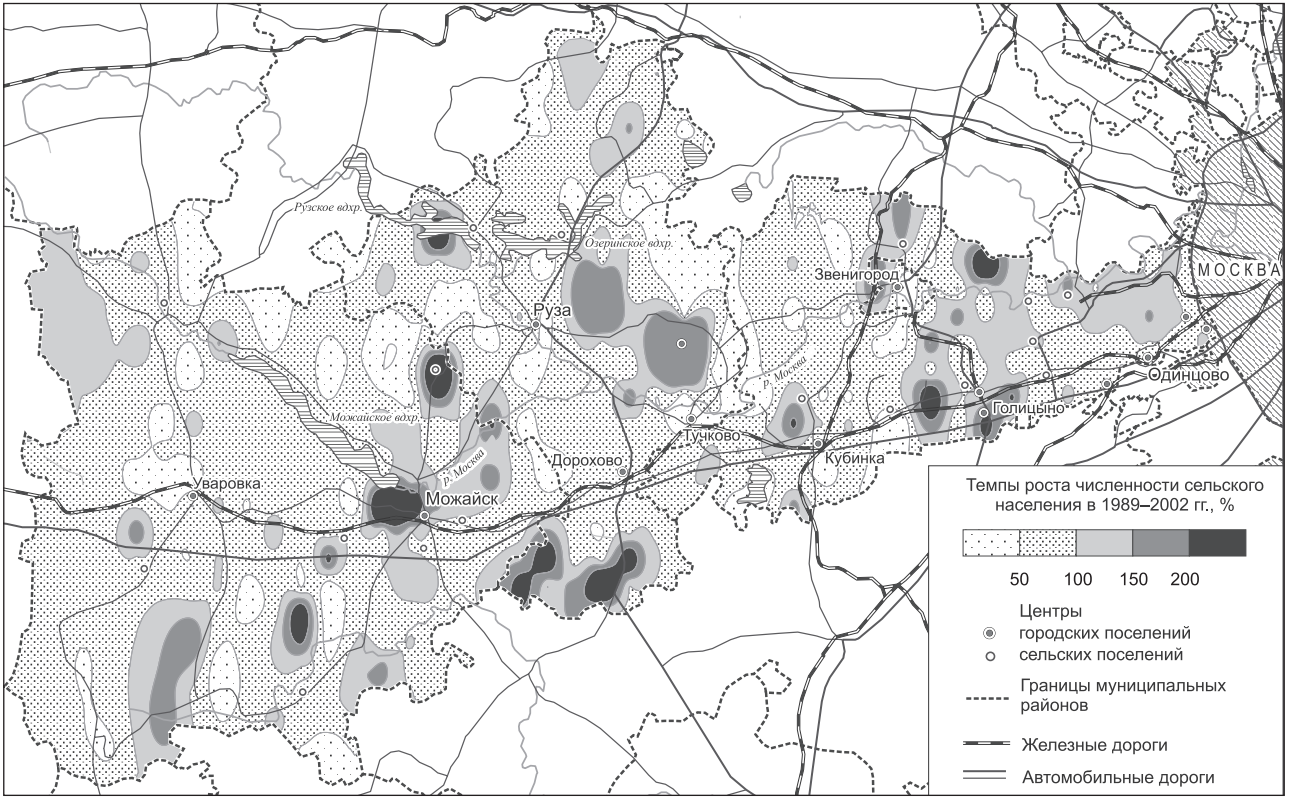


Рис. 10. Изменение численности населения Можайского, Одинцовского и Рузского районов в 1989–2002 гг.

терял притягательность поселок Тучково, где, очевидно, перестали работать предприятия. Даже в окраинном Можайском районе, который относился к аутсайдерам на областных картах динамики населения и в 1989–2002 гг. и в 2002–2010 гг. (рис. 6 и 7), произошли перемены, хотя и не столь заметные. Усилилось притяжение к Можайску. В его пригородах по трем направлениям население выросло. Небольшой очаг роста на северо-западе преобразовался в обширный пограничный ареал. И в этом районе вспыхнувший спрос на землю и дешевое жилье дали импульс развитию.

Несомненно, подоплека происшедших перемен – стремление москвичей, жителей городов Московской области и приезжих обосноваться в наиболее комфортных районах области – купить там землю, квартиры, построить собственные дома. Выходит, дачники первыми воспользовались преимуществами рыночных отношений и стали их проводниками. Напомним, что карты отражают изменения в постоянном населении и здесь учтены только те дачные и коттеджные поселки, которые получили статус населенного пункта. Таких меньшая часть среди поселений подобного типа.

На рис. 7 видно, что Московская агломерация как бы сжалась, а окраины расширились. Но при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что влияние агломерации достигало и их. Появление через какое-то время данных новой переписи населения позволит проследить, как процесс развивался дальше. Пока же можно лишь удивляться скорости перемен, будто люди только и ждали сигнала.

Выводы

Как мы и предполагали, система расселения не осталась безучастной к переменам, связанным с постсоветскими трансформациями. На крах прежней социальной системы, сопровождавшийся глубоким экономическим спадом, система расселения тоже отозвалась кризисными изменениями, главные из которых на территории Московского региона следующие:

– слом прежних динамических тенденций: снижение роста населения; стагнация урбанизации; поворот сельско-городских миграций в пользу села;
– торможение долговременного, еще не завершенного в России, эволюционного процесса поляризации сельского населения по

темпам роста в зависимости от расстояния от центра поселенческой системы и его концентрации вокруг этого центра.

Кризисным проявлениям противостояли развивающиеся рыночные отношения, оздоровляющее влияние которых в Московском регионе проявилось очень быстро. Прежде всего это связано с развитием жилищного и земельного рынков, которые способствовали более яркому проявлению дифференциации территории в отношении преимуществ местоположения, тем самым способствуя более интенсивному развитию наиболее привлекательных ее частей. В Московской области это привело к *сжатию агломерации (сокращению ее радиуса) при одновременном возрастании насыщенности ее территорий деятельностью* и соответственно к расширению периферийных зон, где тоже явственно обнаруживается оздоровляющее влияние рынка.

В заключение выражаем сердечную благодарность Никите Мкртчяну и Сергею Сафронову за помощь в сборе и систематизации статистической информации и построении карт.

Литература

Алексеев А., Зубаревич Н. Кризис урбанизации и сельская местность России // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы / под ред. Ж.А. Зайончковской. – М.: Центр изучения вынужденной миграции в СНГ; Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии, 1999. С. 83–94.

Ваше право: Миграция. Приложение к газете «Ваше право. Юридическая газета». 2010. № 20, октябрь.

Город и деревня Европейской России: сто лет перемен / под ред. П.М. Поляна, Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша. – М.: ОГИ, 2001.

Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. – М.: Наука, 1991.

Зайончковская Ж.А. Миграции населения России как зеркало социально-экономических перемен // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. II. Интерцентр. Московская школа социальных и экономических наук. – М., 1995. С. 41–53.

Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. Миграция // Население России 2002. Десятый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневского. – М.: Кн. дом «Университет», 2004. С. 132–172.

Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. Миграция // Население России 2006. Четырнадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневского. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 230–264.

Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. Роль миграции в динамике численности и состава населения Москвы // Иммигранты в Москве / под ред. Ж.А. Зайончковской. – М.: Три квадрата, 2009. С. 18–44.

Иоффе Г., *Фингеров Г.* Сельское хозяйство и рекреация: вопросы взаимоотношений // Территориальная организация производства как фактор экономического роста. – М.: Ин-т географии АН СССР, 1987. С. 103–121.

Иоффе Г.В. Сельское хозяйство Нечерноземья. – М.: Наука, 1990.

Лаппо Г.М. Урбанизация в Европейской России: процессы и результаты // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. – М.: ОГИ, 2001. С. 124–154.

Лухманов Д.Н. Миграционная ситуация в сельской местности (на примере Оренбургской области) // Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 1. Приволжский федеральный округ / под ред. С. Артоболевского, Ж. Зайончковской. – М., 2004. С. 73–108.

Лухманов Д.Н. Эволюция сильского расселения в 1959–1989 годах // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. – М.: ОГИ, 2001. С. 240–271.

Махрова А.Г. Ч. 2. Население и расселение // *Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы хозяйственного развития. – М.: Новый хронограф, 2008. С. 33–101.

Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы хозяйственного развития. – М.: Новый хронограф, 2008.

Миграция и демографический кризис в России / под ред. *Ж.А. Зайончковской, Е.В. Тюрюканова* / Фонд «Новая Евразия». Серия: Миграционный барометр в Российской Федерации. – М.: МАКС Пресс, 2010.

Моисеенко В.М. Миграционные процессы в Москве: тенденции 90-х годов // *Моисеенко В.М., Переведенцев В.И., Воронина Н.А.* Московский регион: миграция и миграционная политика / Московский центр Карнеги. Рабочие материалы. 1999. № 3. С. 5–25.

Московский столичный регион: территориальная структура и природная среда. – М.: Ин-т географии АН СССР, 1988.

Население России. 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад. Под ред. А.Г. Вишневского. – М.: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2000.

Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. – М.: Новое издательство, 2003.

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Ч. 3. Социально-экономическое развитие и его пространственная структура // *Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы хозяйственного развития. – М.: Новый хронограф, 2008. С. 102–182.

О предварительных итогах Всероссийской переписи населения 2002 г. Апрель 2003 / Госкомстат России. Доклад для правительства РФ. Прил. 6.

Полян П.М., Селиванова Т.И. Городские агломерации России и новые тенденции эволюции их сети (1989–2002 гг.) // Горные страны: расселение, этно-демографические и геополитические процессы, геоинформационный мониторинг. Мат-лы междунар. конф. – М.–Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2005. С. 287–296.

Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. – М.: Новый хронограф, 2009.

Тюрюканова Е.В. Трудовые мигранты в Москве: «второе общество» // Иммигранты в Москве / под ред. Ж.А. Зайончковской. – М.: Три квадрата, 2009. С. 148–175.

Федулов С.В. Коренное население и мигранты в однонациональной локальной общности (по материалам обследования селений Подмосковья) // Этносоциальные проблемы сельских миграций. – М.: Ин-т энтографии АН СССР, 1990. С. 96–111.

Фукс Л.П. Расселение в Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во ПРО, 2003.

Эволюция расселения в СССР / отв. ред. Г.М. Лаппо, Ж.А. Зайончковская, П.М. Полян. – М.: Ин-т географии АН СССР, 1989.

Ioffe G., Nefedova T. Land Use Changes in the Environs of Moscow // Area. 2001. 33, 3. P. 273–286.

Ioffe G., Nefedova T. Environs of Russian Cities: The Case Study of Moscow // Europe-Asia Studies. 1998. 50, 8. P. 1325–1356.

Ioffe G., Zayonchkovskay Zh. Immigration to Russia: Inevitability and Prospective Inflows // Eurasian Geography and Economics. 2010. Vol. 51. № 1. P. 104–125.

The Demographic Yearbook of Russia. 2002. Goskomstat of Russia. – Moscow, 2002.

Transit Migration in the Russian Federation / International Organization for Migration. Migration Information Programme. – Budapest, 1994. July.

Zayonchkovskaya Zh. Recent Migration Trends in Russia // Population under Duress. The Geodemography of Post-Soviet Russia. Edited by G.J. Demko, G. Ioffe, Zh. Zayonchkovskaya. – Westview Press, 1999. P. 107–136.

Zh.A. Zajonchkovskaya, G.V. Ioffe

DYNAMICS OF SETTLEMENT PATTERN IN THE MOSCOW OBLAST AS A REFLECTION OF POST-SOVIET TRANSFORMATIONS

The article is analyzing the reaction of settlement system of capital region to post-Soviet transformations. Urban and rural settlement pattern, migrations are considered. Changes occurred at local level are investigated using the cases of three administrative districts of Moscow oblast located to the west from Moscow.

О.Б. Глезер

СИСТЕМА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ РАССЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ[1]

В последние два десятилетия одна из самых инерционных структур общественного пространства России – расселение переживает серьезные трансформации. Нельзя сказать, что они полноценно изучены, однако опубликовано немало работ, в которых анализируются изменения, происходящие в отдельных регионах и отдельных подсистемах – городском и сельском расселении, моногородах, городских агломерациях, поселках городского типа и т.п. Промежуточные итоги трансформации и ее роль в обеспечении социальной и политической стабильности страны весьма всесторонне описаны в статье В.Н. Лексина (2011), в которой также названы многие авторы, рассматривающие эти проблемы, что избавляет меня от необходимости специально приводить здесь обширный список работ по данной тематике.

Следует отметить, однако, что разные исследователи приходят к неоднозначным, а порой и противоположным выводам о сути изменений: какие из них следует считать эволюционными, а какие – нет, какие из них обратимы, а какие – необратимы, что будет происходить с расселением в ближайшем будущем и насколько значимым фактором развития регионов оно выступает. Отчасти все это можно объяснить тем, что пока крайне немногочисленны публикации, посвященные современным механизмам трансформации расселения, факторам и институтам влияния; последние вообще только начинают изучаться географами (Куркиева, 2012), причем анализируются преимущественно экономические институты и почти не затрагиваются политические и общественные отношения, нормы, правила и ограничения, воздействующие на расселение.

В течение многих десятилетий XX в. расселение в России следовало за производством. Унаследованные структуры в настоящее время трансформируются под влиянием иных факторов. На каждом масштабном уровне (страна, субъекты Федерации – регионы, районы внутри них) расселение оказывается в особой институциональной среде. Один из новых институтов, складывающийся внутри ре-

[1] Исследование проведено в рамках Программы фундаментальных исследований № 31 Президиума РАН «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал».

гионов, – местное самоуправление. Пока что оно само и даже его территориальные основы мало изучаются с географических позиций, в аспекте особенностей той или иной территории, а его взаимосвязи с расселением практически вообще не рассматриваются.

Многочисленные юридические, социологические и экономические исследования результатов формирования местного самоуправления и его эффективности содержат выводы о том, что оно в России практически не работает. Вследствие этого большинство исследователей недооценивают влияние местного самоуправления на социальные процессы. Однако независимо от неуспешности нового института в целом, а также большинства муниципалитетов они самим фактом своего существования задают на местности «правила игры». Возникнув на всей территории страны в том же пространстве, где укоренены другие территориальные структуры населения, муниципальная структура с ними взаимодействует.

Территориальные структуры населения

Интегральную территориальную структуру населения можно представить состоящей из нескольких частных структур. До 1991 г., когда в России был принят первый закон о местном самоуправлении, таких структур было три: 1) расселение, т.е. то, что чаще всего и понимается под территориальной структурой населения (Маергойз, 1986, с. 31); 2) административно-территориальное деление (устройство); 3) совокупность местных (локальных) сообществ. Выделение нескольких территориальных структур населения по своему подходу близко к представлению территориальной структуры хозяйства как триединой (там же, с. 36), хотя численное совпадение здесь случайно и временно (см. ниже). Может быть, эти три структуры, имеющие как сходные черты, так и принципиальные особенности, в совокупности стоит рассматривать как территориальную структуру общества (или ее часть), а не только населения (Смирнягин, 2004; Лексин, 2010).

Названные территориальные структуры (у третьей – ее отдельные составляющие) подробно осмысленны как понятия, исследованы в разных географических масштабах и не требуют представления. Поэтому остановимся специально именно на тех параметрах каждой структуры, которые наиболее актуальны в контексте взаимодействия с муниципальной структурой, а также на связях между различными структурами населения (рис. 1).

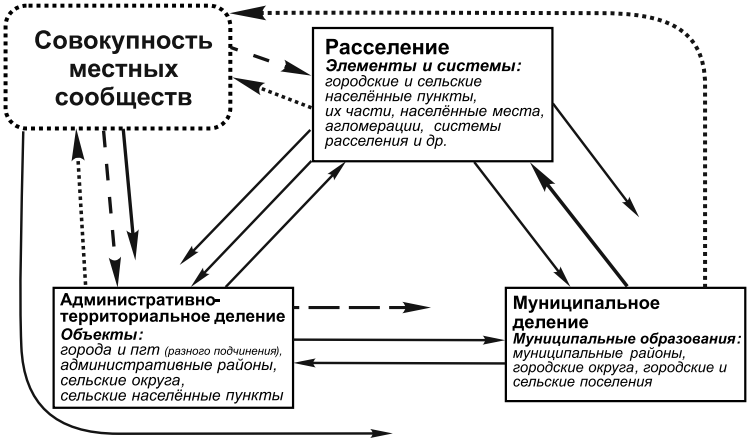


Рис. 1. Территориальные структуры населения и взаимосвязи между ними.

Элементами (или компонентами, учитывая разноуровневость) **расселения** внутри регионов выступают: населенные пункты; их части (например, районы в городе, особенно удаленные, или хутора при сельских населенных пунктах); населенные места, не имеющие статуса населенных пунктов (например, прикутанные поселки на землях отгонного животноводства в Дагестане, вахтовые поселки на Крайнем Севере или дачные поселки); городские агломерации, другие совокупности территориально сближенных населенных пунктов; системы расселения районного и внутрирайонного уровней и др.

Внутри расселения существуют разнообразные пространственные социальные связи (маятниковые миграции жителей на работу и учебу, поездки в учреждения здравоохранения, торговли, услуг, культуры и др.) и отношения – центро-периферийные, соседства, удаленности (как геометрической, так и с учетом инфраструктуры). Расселение может быть устроено иерархически, когда ряд населенных пунктов выполняет центральные функции по отношению к окружающей территории путем концентрации административных учреждений и организаций социально-культурной сферы и сектора услуг, и/или сетевым образом, когда подобные функции рассредоточены, распределены между населенными пунктами.

Из всех элементов (компонентов) расселения только населенные пункты и внутригородские районы охвачены нормативно-

правовым регулированием: их виды прописаны в региональных законах об административно-территориальном делении, причем критерии выделения пунктов того или иного типа ныне, в отличие от советского времени, значительно дифференцированы по субъектам Федерации (различия в большой степени обусловлены географическими особенностями регионов). Например, в Республике Карелия городом может стать населенный пункт людностью не менее 10 тыс. чел., во Владимирской области – не менее 12 тыс., в Краснодарском крае – не менее 15 тыс., в Ставропольском – не менее 20 тыс., в Республике Дагестан – свыше 50 тыс. чел.[2]

Административно-территориальное деление субъектов Федерации строится в определенной степени на тех же или близких по территориальным рамкам элементах, что и расселение. Однако, несмотря на формальную близость, эти структуры различаются по существу. Во-первых, в каждом субъекте РФ административно-территориальное деление и его единицы полностью регулируются региональным законом и регистрируются на федеральном уровне в Общероссийском классификаторе объектов административно-территориального деления (ОКАТО). Он построен иерархически. Ко второму уровню (первый включает субъекты РФ) относятся, в частности, административные районы; города и поселки городского типа (пгт) республиканского, краевого, областного подчинения (далее – областного подчинения). К третьему уровню относятся внутригородские районы городов областного подчинения; города и пгт районного подчинения; сельсоветы (и в ОКАТО, и в данной статье под ними понимаются также сельские округа, волости, сельские администрации и т.п.); сельские населенные пункты.

Во-вторых, в отличие от расселения, которое скрепляется как вертикальными, так и горизонтальными, равнозначными, различающимися лишь интенсивностью и периодичностью, связями, административно-территориальное устройство пронизывают исключительно отношения подчинения, а главная его роль в России – территориальная организация государственной власти.

В-третьих, населенные пункты как элементы расселения характеризуются иначе, чем они же в качестве административно-территориальных единиц (кстати, во многих субъектах РФ к таковым относятся не все

[2] В статье использованы тексты законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ, размещенные в правовой информационной системе КонсультантПлюс (Российское законодательство, Сводное региональное законодательство), по состоянию на 01.06.2012.

виды населенных пунктов, однако они всегда регулируются законами об административно-территориальном устройстве). В первом случае они делятся на две категории – городские и сельские и различаются по размеру (численности населения), хозяйственной специализации (поли- и монофункциональные, промышленные, сельскохозяйственные, транспортные, рекреационные и т.п.), месту в системе расселения – выполняющие центральные функции или нет. Во втором случае единственной характеристикой населенного пункта служит административный статус: городской (города и поселки городского типа) или сельский, а для городов и поселков – областного или районного значения (подчинения).

Совокупность местных сообществ – самая своеобразная из трех структур. Местные сообщества – это сложившиеся (или формирующиеся) большие и малые группы людей, соединенных культурными отношениями, связанными с понятием «малая родина», т.е. обладающие региональной идентичностью (Крылов, 2010); поскольку мы говорим о внутрирегиональной территориальной структуре населения, то определяющим является локальный уровень региональной идентичности. Территория, которая служит одним из объединяющих факторов местного сообщества, далеко не всегда совпадает с населенным пунктом или другой административной единицей: это может быть часть города (например, поселки-кварталы при шахтах, заводах и т.п. в индустриальных городах); город вместе с пригородом или отдельный пригород (рабочий, коттеджный, сельский и др.); дачный поселок; село вместе с хуторами или, наоборот, отдельный хутор, не имеющий статуса населенного пункта. Местным сообществам соответствуют, скорее, вернакулярные районы, сформировавшиеся, например, внутри городов или на территории нескольких административных районов (Павлюк, 2006 и др.).

Связи между местными сообществами носят преимущественно социокультурный характер и зачастую экстерриториальны; близко расположенные сообщества могут взаимодействовать и по хозяйственным вопросам (например, совместное благоустройство территории); за исключением криминальных случаев взаимодействие сообществ – горизонтальное, равноправное. Если в пределах субъекта Федерации сформировались общности на разных территориальных уровнях, то их идентичности вкладываются друг в друга, как матрешка, и не возникает отношений подчинения. Местные сообщества как территориальные образования нигде не зарегистрированы, их совокупность – структура пространственно фрагментарная, аморфная. Ее наиболее четкие, обособленные элементы чаще всего обусловлены этническим фактором.

Описанные выше территориальные структуры взаимосвязаны (рис. 1). Влияние местных сообществ на современное расселение в России невелико, а на административно-территориальное деление – еще меньше, к тому же эфемерно. Обратное воздействие сильнее, его главный двигатель – пространственная мобильность населения во всех ее формах. В советское время многие локальные сообщества были разрушены вследствие депортаций и других видов принудительных миграций. Размещение в тех же населенных пунктах других жителей (насильно переселенных представителей других народов или оставшихся в деревнях беднейших крестьян, например), если и сохраняло саму сеть пунктов (правда, не полностью), то придавало совершенно иные черты как им самим, так и их взаимоотношениям с окружающей территорией. Сельские сообщества «таяли» также в результате переезда жителей в административные центры и города под натиском урбанизации, в ходе кампании по ликвидации неперспективных деревень, вследствие укрупнения сельсоветов, причем на новом месте пришлое население растворялось в коренном, попутно меняя городское сообщество. Целенаправленное формирование городов и поселков или расширение существующих за счет организованных государством ближних и дальних миграций для освоения территорий сопровождалось формированием новых локальных сообществ (что наблюдается, например, в нефтяных районах Западной Сибири или в зоне БАМа), правда иногда с размытой или смешанной идентичностью.

В последние два десятилетия уже стихийные добровольные (но также и вынужденные) массовые переселения в России – в пределах регионов, между ними, а также из других стран приводят к возникновению новых населенных мест и формированию новых людских сообществ в составе существующих населенных пунктов, меняя их размер, а порой и хозяйственный профиль. Другой процесс связан с тем, что по мере формирования гражданского общества и возрождения региональной идентичности укрепляются сложившиеся ранее территориальные коллективы; по мнению некоторых ученых, усиливаются связи центров с окружающей местностью (Смирнягин, 2007).

Таким образом, локальная идентичность вновь, после десятилетий угнетения, начинает играть роль неформального института расселения в регионах. Процессы, вызываемые ее возрождением и признанием в качестве фактора развития территории, приводят к изменениям в сетях и системах населенных мест и даже порой сопровождаются в последнее десятилетие административно-территориальными

(теперь и муниципальными) преобразованиями. Большинство их обусловлено этническими причинами (так были образованы несколько новых районов и населенных пунктов в Дагестане); есть случаи повышения статуса городов с районного на областной; а также выделения сельских населенных пунктов из состава городов и пгт. Однако более распространены противоположные процессы, когда локальная идентичность игнорируется административно-территориальным устройством. Необходимы специальные исследования того, что происходит с «поглощаемым» сообществом и системой расселения в случае, например, включения поселков и сел в города, однако очевидно, что они видоизменяются, скорее всего, размываются или деградируют.

Взаимовлияние двух других территориальных структур населения сильнее. Расселение служит основой административно-территориального деления, частично фиксируется в нем. В то же время далеко не все сигналы от расселения доходят до административно-территориального устройства: в его сферу не включаются городские агломерации (в редчайших случаях, вроде Кавказских Минеральных Вод, территория агломерации управляется единой администрацией); исторически сложившиеся поселки внутри городов не регистрируются в качестве административно-территориальных единиц; сельские населенные пункты, полностью потерявшие население, в течение многих лет не вычеркиваются из официальных списков; системы расселения районного и локального уровней зачастую не вписываются в границы административных районов и сельсоветов и т.д. и т.п. Напротив, любое изменение административного статуса городов и сел, создание новой или исчезновение существовавшей административно-территориальной единицы, как показывает опыт, влияет на динамику людности населенных пунктов, связи между ними и роль в системе расселения. Административно-территориальное деление таким образом – не только одна из территориальных структур населения, но одновременно – самый устойчивый компонент институциональной среды расселения.

Другие институты пока оказываются слабее. Так, наиболее перспективные для расселения – территориальное планирование и близкие к нему иные виды градостроительной деятельности в их новом виде охватывают пока далеко не все районы и города, не говоря уже о сельских поселениях. Правда, схемы территориального планирования в определенной мере регулируют развитие даже тех объектов, которых «не видит» административно-территориальное деление (например, городских агломераций, дачных поселков), но сами схемы, как и

генеральные планы, всегда выполняются в административных границах. Кроме того, концепция Градостроительного кодекса РФ вообще не соотносится с понятием «расселение», и дело не только в том, что это слово в Кодексе отсутствует. Еще три института – статистический, налоговый и кадастровый учет населения и недвижимости – также действуют в административных границах и тоже плохо отлажены.

Важнейший регулятор расселения в недавнем прошлом – территориальная организация производства – меняется сам и уменьшает свое влияние. Территориальная организация сельского хозяйства в колхозах и совхозах определяла внутрихозяйственную дифференциацию размера и роли сельских населенных пунктов и низовые системы расселения (Ковалев, 1963). Крупные промышленные предприятия формировали собственные жилые кварталы и ведомственную социальную инфраструктуру внутри них; так возникло множество городов-конгломератов и моногородов. В последние два десятилетия новые формы собственности и организации предприятий во всех отраслях экономики, технологические инновации и снижение трудоемкости производства, автомобилизация и диверсификация видов занятости ослабили и сделали менее однозначными связи между расселением и производством.

Новые по отношению к социалистическому периоду институты расселения (частная собственность на землю, самозанятость, связанная в том числе с отсутствием института обязательного труда) обусловливают, среди прочего, возможность проживать вне населенных пунктов и могут порождать дисперсность расселения. Однако влияние этих институтов далеко не повсеместно и локально. Вместе с тем расселение во всей его полноте попадает под косвенное воздействие многочисленных институтов (от демографической и миграционной политики до стратегического планирования и отраслевого программирования), непосредственно регулирующих иные сферы.

Муниципальная территориальная структура и ее динамика

В начале 1990-х гг., с появлением в современной России местного самоуправления, в составе существовавшей десятилетиями интегральной территориальной структуры населения на внутрирегиональном уровне начала формироваться новая частная структура – муниципальная (рис. 1), наиболее жесткую форму к середине первого десятилетия XXI в. Согласно первому (1991 г.) и второму (1995 г.) законам о местном самоуправлении его территориальная структура, устанав-

ливаемая «с учетом исторических и иных местных традиций», формировалась в каждом субъекте РФ достаточно произвольно (в результате сложилось несколько моделей), встраивалась в существующее административно-территориальное деление и была таким образом относительно близка к расселению. Ситуация начала в корне меняться с принятием третьего закона о местном самоуправлении – 131-ФЗ (далее 131-ФЗ) (Об общих…, 2003).

Этим законом введена единая система территориального устройства местного самоуправления на всей территории страны. Во всех субъектах РФ должны быть сформированы муниципальные образования двух типов/уровней: к первому относятся городские и сельские поселения, ко второму – муниципальные районы и городские округа[3]. Территория субъекта РФ разграничивается между поселениями (в них могут не включаться только территории с низкой – более чем в три раза ниже средней в РФ – плотностью сельского населения, называемые межселенными). В состав городского поселения входит один город или один поселок городского типа, кроме того, могут входить близко расположенные сельские населенные пункты. Сельское поселение – один или несколько сельских населенных пунктов. Муниципальный район состоит из нескольких поселений (городских и сельских) или поселений и межселенных территорий. Городской округ – городское поселение, наделенное статусом округа, он не входит в состав муниципального района.

Муниципальная структура (состав и границы территорий муниципальных образований, их статус) в каждом субъекте РФ была установлена к 2006 г. специальным региональным законом[4]. При этом муниципальные образования регистрируются на федеральном уровне, как и административно-территориальные единицы, в соответствующем Общероссийском классификаторе (ОКМО). Несмотря на унифицированность требований 131-ФЗ, субъекты РФ поразному подошли к формированию набора муниципалитетов. Этому способствовали несовершенство положений 131-ФЗ о территориальных основах местного самоуправления, нечеткость и недостаточность критериев отнесения населенных пунктов и пространственных ареалов к тем или иным типам муниципальных образова-

[3] Существует еще один тип – внутригородская территория города федерального значения – Москвы и Санкт-Петербурга, в пределах которых сформировано соответственно 125 и 111 муниципальных образований.

[4] В Республике Ингушетия и Чеченской Республике муниципальные образования были созданы к 2010 г.

ний (подробнее см.: Глезер и др., 2008, 2011). В результате сложились разные региональные соотношения муниципальной и других территориальных структур населения.

Местное самоуправление – универсальный общероссийский локальный институт, поэтому его влияние на расселение и местные сообщества должно быть исследовано, с одной стороны, внутри каждого субъекта РФ (региона), а с другой – по всей стране. Для внутрирегионального крупномасштабного анализа необходимы картографические материалы, нормативно-правовые документы, полевые наблюдения, экспертные интервью представителей местной и региональной власти, градостроительная документация, данные социально-экономической статистики и другая информация, рассматриваемые к тому же в динамике, поскольку сеть муниципалитетов не остается неизменной (см. ниже). Опыт изучения территориальной структуры местного самоуправления в ряде регионов показывает, что проанализировать столь детально все субъекты РФ – очень непростая задача.

В первом приближении представить ситуацию во всей стране можно путем статистического сопоставления двух территориальных структур: муниципальной и административной (внутрирегиональной), поскольку единицы второй, как было показано выше, хотя бы частично отражают расселение. Подробное сопоставление числа однопорядковых, т.е. соответствующих по территориальному уровню или статусу, административно-территориальных единиц, с одной стороны, и муниципальных образований – с другой, проведено в разрезе субъектов РФ в (Глезер и др., 2008, 2011).

Муниципальных районов (1800) было сформировано лишь на 49 единиц меньше числа административных районов (см. таблицу), причем разницу почти полностью обеспечили три региона – Калининградская, Свердловская и Сахалинская области, в которых в границах 50 административных районов вместо муниципальных районов созданы городские округа, что противоречит норме 131-ФЗ о двух уровнях муниципальных образований[5].

Число сформированных *городских округов* (522) было меньше числа городских населенных пунктов областного подчинения на 105 единиц (17%). Если не считать округа, созданные на основе административных районов, разница оказывается еще больше. Таким образом, не менее чем у четверти городов статус понизился. Согласно

[5] В Калининградской области в 2007 г. девять городских округов, созданных в границах административных районов, преобразованы в муниципальные районы.

Таблица. Динамика административно-территориальных и муниципальных образований в России

Вид единиц / образований	2002 г.* (перепись)	2006 г.*	2010 г.	2012 г.
Административные районы	1847	1849	1849*/1868	Н.д.
Муниципальные районы	–	1800	1808*/1829	1802*/1821
Городские населенные пункты – всего	2929	2440	2380*/2392	2350*/2359
В т.ч. города**	1089	1084	1088*/1097	1089*/1098
пгт	1839	1356	1292*/1295	1261*/1261
Городские муниципальные образования – всего	–	2267	2244*/2251	2217*/2226
В т.ч. городские округа	–	522	507*/512	511*/517
городские поселения	–	1745	1737*/1739	1706*/1709
Сельсоветы	24 221	23 070	Н.д.	Н.д.
Сельские поселения	–	19 902	19 350*/19 591	18 577*/18 831

**Без Республики Ингушетия и Чеченской Республики.*

*** Без Москвы и Санкт-Петербурга.*

Источник: административно-территориальные единицы: 2002 г. – (Численность и размещение…, 2004); 2006, 2010 и 2012 гг. – (Численность населения…, 2006, 2010; Численность населения…, 2012); муниципальные образования – (Регионы…, 2007, данные откорректированы автором, 2010; Численность населения…, 2012).

закону городскими округами стали все ЗАТО и наукограды. *Городских поселений* было сформировано не намного меньше, чем существует городов и пгт, имеющих районное подчинение (1745 против 1815). Однако с учетом того факта, что городские поселения были созданы также в нескольких десятках городов областного подчинения, выходит, что около 10% городских населенных пунктов районного подчинения (из которых большинство пгт) не стали муниципальными образованиями. Суммарно же более чем в 180 городских населенных пунктах из всех 2440, насчитывавшихся в стране в 2006 г., не были созданы городские муниципалитеты. Часть городов и пгт вошла в состав городских округов в качестве вторых и последующих городских населенных пунктов, часть получила муниципальный статус сельских поселений, оставаясь городами и пгт, что не только не адекватно сложившемуся расселению, но и противоречит 131-ФЗ.

С учетом того, что *сельские поселения* (19 902) были сформированы не только на территориях 23 070 сельсоветов, но на основе более

100 пгт, истинно сельских поселений примерно на 3300 единиц меньше числа соответствующих административно-территориальных единиц.

Однако, по существу, реальные масштабы несоответствия административно-территориальному делению сформированной к 2006 г. муниципальной структуры – еще больше: если сравнивать с 2002 г. (до начала реформы), то городских муниципалитетов оказывается примерно на 700 меньше, чем было городов и поселков; сельских – более чем на 4450 (почти $^1/_5$ от их общего числа) меньше, чем было сельсоветов. Дело в том, что в процессе формирования муниципальных образований по 131-ФЗ в 2003–2005 гг. местные и региональные власти активно изменяли и административно-территориальную структуру, «подгоняя» ее под принятую территориальную модель местного самоуправления. В результате, во-первых, более чем на $^1/_4$ (483 единицы) сократилось число пгт: подавляющее большинство было преобразовано в сельские населенные пункты, часть вошла в состав городов; во-вторых, за счет объединения почти в половине регионов некоторых или многих сельсоветов их стало меньше на 1151 единицу. В структурном отношении расхождения оказались еще значительнее, поскольку зачастую муниципалитеты определенного вида были созданы в тех административных единицах, в которых по 131-ФЗ их быть не должно, но одновременно не были созданы там, где им надлежит быть.

Территориальные преобразования в субъектах Федерации продолжились и после того, как муниципальные образования были сформированы, причем изменяются и старая – административная, и новая – муниципальная структуры. После некоторого затишья в 2006–2007 гг. в последнее время ежегодно переводится в сельский статус, присоединяется к городам или закрывается 10–30 пгт. В итоге за 2003–2011 гг. в России исчезло почти 578 пгт (только семь переведены в разряд городов), вследствие этого административные потери городского населения превысили 1,3 млн чел. Таким образом, реализация модели местного самоуправления по 131-ФЗ породила еще более масштабные трансформации в сети пгт, чем в 1990-х гг., когда шла, по выражению А.И. Алексеева и Н.В. Зубаревич, «административная рурализация» (1999) и число пгт сократилось на 350 (1989–2002 гг.), а городское население за счет административных преобразований уменьшилось примерно на 1 млн человек.

Продолжаются также преобразования статуса городов (одновременно административного и муниципального), но оценить этот процесс количественно становится все труднее в силу изменений в территориальном устройстве органов власти и в статистическом учете

(единственным источником соответствующей информации теперь служат региональные законы об административно-территориальном делении). Чаще статус понижается (около 35 городов стали районного подчинения), при этом городское поселение входит в состав района. Если же статус повышается, то созданный городской округ иногда поглощает район вместе со всеми поселками и сельскими населенными пунктами, лишающимися права на местное самоуправление.

В сельской местности динамика значительно сложнее. С 2006 г. как на районном, так и на локальном уровне сосуществовали две территориальные структуры – административная и муниципальная (Глезер и др., 2008). Сначала для приближения административного устройства к муниципальному продолжали укрупнять сельсоветы, однако они присутствовали только в региональных законах и ОКАТО, за ними еще сохранялась роль учетных единиц, но их уже не было на местности: они лишились органов власти, функции которых (как и в районах) отошли к муниципалитетам. С 2009 г. ситуация частично прояснилась: в федеральной статистике больше нет категории низовых сельских административно-территориальных единиц (хотя в ОКАТО и в региональных законах они остаются), есть лишь сельские поселения, т.е. единицы муниципального деления. В последние годы стали активно укрупняться путем объединения и они: в результате за 2006–2011 гг. число низовых сельских территориальных единиц сократилось на 1325, а всего за 2003–2011 гг. – почти на 5650 (см. таблицу).

Административно-территориальное и муниципальное деление не совпадают практически во всех субъектах РФ, но различия, как количественные, так и качественные, регионально специфичны. Выявление пространственных особенностей, включая факторы дифференциации, еще ждет крупномасштабного анализа, а пока обратим внимание на две пары однопорядковых единиц, характеризующихся самыми значительными расхождениями.

Городские муниципальные образования лишь в 14 субъектах РФ были сформированы к 2006 г. во всех городах и поселках городского типа из тех, что существовали в 2002 г. В $^1/_3$ регионов прежних городов и поселков было намного больше (иногда даже более чем в 2 раза), чем новых муниципалитетов, однако за счет сокращения числа поселков в 2003–2005 гг. к 2006 г. уже в половине регионов осталось ровно столько городских населенных пунктов, сколько было создано городских поселений и округов, а еще более чем в $^1/_3$ регионов муниципалитетов было лишь на 1–2 меньше. На рис. 2 показаны региональные особенности

сокращения числа поселков в 2003–2009 гг., видно, что картина плохо поддается географической интерпретации. В 2010–2012 гг. этот процесс продолжался почти в $^1/_3$ субъектов РФ, теперь осталось чуть более десяти регионов, в которых сохранилась вся сеть поселков городского типа. В отличие от территорий, где населенные пункты, связанные с добычей рудных полезных ископаемых, полностью закрываются (хотя в некоторых из них жители остаются) – например, Чукотка, Якутия, Бурятия, в большинстве субъектов перемена городского статуса поселков на сельский или их включение в состав городов понадобились для удобства формирования муниципальных образований[6].

Сельские поселения лишь в восьми субъектах РФ были первоначально (к 2006 г.) созданы в каждом сельсовете из тех, что существовали в 2002 г. (еще в 15–19 регионах – почти в каждом). В 2003–2005 гг. в 35 субъектах число сельсоветов сократили (в то же время в нескольких субъектах – увеличили), в результате к 2006 г. в 33 регионах сельсоветов осталось ровно столько, сколько было сформировано сельских муниципалитетов. Вместе с тем в $^1/_3$ субъектов в состав многих поселений вошло по несколько сельсоветов, при этом кое-где (например, в Республике Карелия) их не объединили, а перенарезали. О масштабах укрупнения свидетельствуют следующие данные: число муниципалитетов меньше числа сельсоветов в 1,5–2 раза – в девяти субъектах РФ, в 2–3 раза – в пяти, более чем в 3 раза – в трех[7], не считая Свердловской и Сахалинской областей, где число сельских поселений мизерно, поскольку в границах административных районов почти сплошь сформированы городские округа.

В тех регионах, где сразу не пошли на создание объединенных, более населенных, муниципалитетов, они реформируются спустя всего несколько лет, когда стала видна недееспособность существующих (Костромская, Вологодская, Новгородская, Псковская, Калужская и другие области). На рис. 3 показаны региональные особенности соотношения числа сельсоветов (2002 г.) и сельских поселений (2010 г.); в отличие от рис. 2 эта картина с географической точ-

[6] Об этом свидетельствует, в частности, размах данного процесса в наиболее урбанизированных регионах и в зонах агломераций (Лаппо и др., 2011).

[7] Внутри районов встречается и более значительное укрупнение: так, в Муромском районе Владимирской области 16 сельских округов объединены в два сельских поселения, а в Костромской области в 2009 г., уже в ходе дальнейшего преобразования сформированных муниципалитетов, объединены в одно целое все 18 сельских поселений Буйского района, кроме одного.

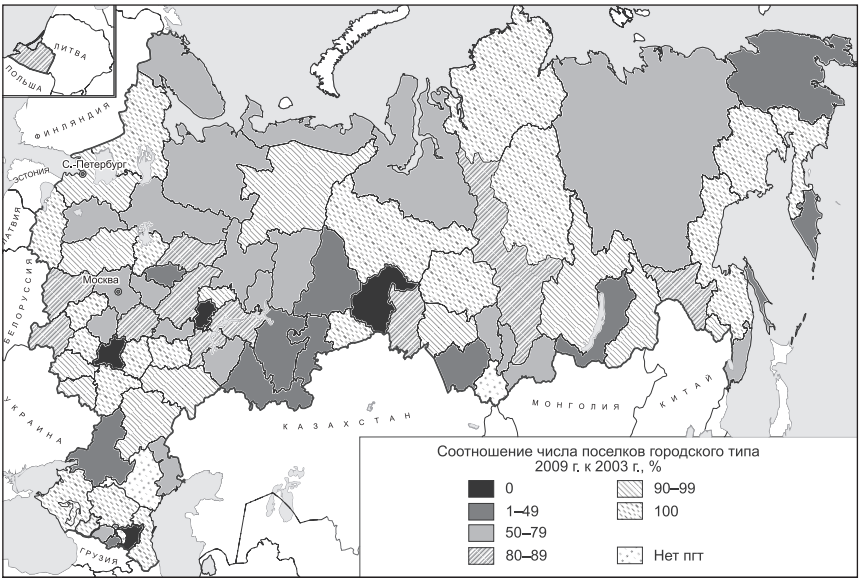


Рис. 2. Динамика числа поселков городского типа в субъектах РФ в 2003–2009 гг.
Источник: Численность и размещение…, 2004;
Численность населения…, 2010.

ки зрения весьма выразительна. Процесс укрупнения низовых сельских единиц сильнее в тех регионах, где велика депопуляция сельского населения и к тому же расселение является мелкоселенным, но с «поправкой» на заселенность (Нечерноземная зона Европейской России). В большинстве регионов за Уралом невозможно обойтись малым числом сельских муниципалитетов из-за рассредоточенности населенных пунктов по огромной территории. Однако укрупнение продолжается, в последние три года – в $^{1}/_{3}$ регионов, наиболее интенсивно – в Тамбовской, Кировской областях, Алтайском крае.

Влияние муниципального деления на другие территориальные структуры населения

Описанные процессы ясно показывают, что формирование муниципальной структуры порождает в других территориальных структурах населения существенные изменения. Остановимся лишь на самых важных.

Административно-территориальное деление субъектов РФ в течение последних десяти лет переформатировалось в соответствии

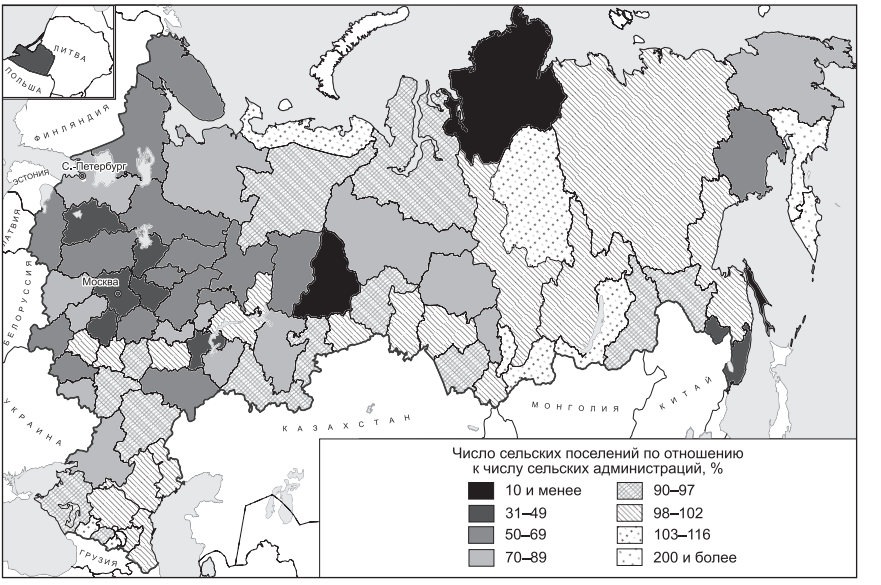


Рис. 3. Соотношение числа сельсоветов (2002 г.) и сельских поселений (2010 г.) в субъектах РФ.
Источник: Численность и размещение…, 2004; Регионы…, 2010.

с муниципальным устройством в сторону укрупнения ячеек и централизации. Однако, вероятно, эта структура «доживает последние дни», теряя свою роль: на внутрирегиональном (районном и внутрирайонном) уровне власть передана, включая больший или меньший набор государственных функций, органам местного самоуправления.

У административно-территориального деления могла бы сохраниться функция обеспечения исторической преемственности, однако его единицы перестают быть единицами учета. Если в федеральной статистической отчетности вплоть до 2008 г. в разрезе субъектов РФ указывалось количество сельских администраций (сельсоветов), то с 2009 г. приводятся данные уже о сельских поселениях, т.е. муниципальных образованиях. В материалах Всероссийской переписи 2010 г. (Итоги…, электронный ресурс) население впервые сгруппировано двумя способами: 1) по административно-территориальным образованиям и 2) по всем видам муниципальных образований, но при этом первым способом – в последний раз. С 2012 г. численность населения представляется Федеральной службой статистики и ее территориальными органами только по муниципальным образованиям. Показатели же социально-

экономической статистики субъекты РФ уже с 2008 г. представляют по муниципальным районам и городским округам, а не по административным районам и некоторым городам, как прежде. В качестве плюса – бóльшая чем раньше дробность и доступность данных низового уровня; в качестве минуса – нарушение динамических рядов, поскольку городские и сельские муниципалитеты, как показано выше, не тождественны соответственно городским населенным пунктам и сельсоветам.

Случаи укрупнения административных районов пока единичны (из последних – в Пензенской области и Чукотском АО), но показательны: во-первых, они были объединены вслед за муниципальными; во вторых, потеряна возможность ретроспективных сопоставлений на районном уровне. Если процесс укрупнения районов наберет силу (а это реально, поскольку мотивация относительно депрессивных депопулирующих районов та же, что и на внутрирайонном уровне), это будет иметь более существенные отрицательные последствия, чем объединение сельских поселений: связи в районных системах расселения разнообразнее, чем в локальных, и их разрушение или переориентация сильнее деформируют функции центров и условия существования всех населенных пунктов.

Фактически муниципальная структура уже вытеснила административно-территориальную. Об этом свидетельствует исчезновение из статистической отчетности не только сельсоветов, но и административных районов (хотя, как и первые, они продолжают существовать в ОКАТО и в региональных законах): с 2011 г. не приводятся даже сведения об их количестве по субъектам Федерации. Таким образом, проблема неурегулированности в 131-ФЗ вопроса о соотношении административно-территориального и муниципального устройства уже не требует решения: нет объекта – нет проблемы. Сохраняются лишь «точечные» административно-территориальные единицы – населенные пункты, но и они испытывают трансформации.

Людность многих региональных центров, а также городов – городских округов искусственно увеличивается за счет включения в них расположенных поблизости поселков и деревень. Сеть населенных пунктов сжимается и за пределами пригородов, расширяется периферия низовых систем расселения. Меняя городской статус на сельский, поселки чаще всего не образуют самостоятельные муниципалитеты, как и в случае вхождения в состав городов, и поэтому, по новым правилам учета, не фиксируются в статистике. Складывается парадоксальная ситуация, когда населенный пункт (территориальное образование,

имеющее сосредоточенную жилую застройку, используемую для проживания людей, как определено в большинстве региональных законов!) на местности продолжает существовать и нарисован в градостроительных документах, а из статистики и из нормативных актов исчезает. Таким образом, муниципальное устройство не только не стало более адекватным сложившемуся расселению и местным сообществам, чем административно-территориальное, но и, наоборот, принесло разрушения. Не исключено, что вскоре внутри субъектов РФ останутся только муниципалитеты в новых границах, а административно-территориальные единицы полностью уйдут в прошлое, а вместе с ними – и преемственность развития населенных пунктов и локальных систем расселения, а также возможность ретроспективного пространственно-временного анализа социально-экономической ситуации.

Понижение статуса населенных пунктов практически неизбежно приводит к их деградации, поскольку уменьшается доля налогов, поступающих в местный бюджет. Кроме того, изменения статуса порождают миграции, которые, как и названные выше процессы, ведут к поляризации территории (Мкртчян, 2012). Местное самоуправление на деле оказалось продолжением государственной власти на локальном уровне, со свойственной ей централизацией. В результате за муниципалитетами «не видно» (и для статистики, и в проблемном поле) населенных пунктов, не являющихся центрами. Многие элементы расселения (городские агломерации, внутригородские районы, дачные поселки в пригородах, вахтовые поселки на Севере и др.) вообще не вписываются в муниципальную структуру. Однако, поскольку теперь именно она управляет социальным развитием территории, у невписавшихся элементов ограничены возможности развития на основе собственных ресурсов и в соответствии с собственными потребностями.

В мировой практике местного самоуправления ключевую роль играет «сообщество» (community), а в 131-ФЗ это понятие отсутствует и речь идет лишь о местном населении. Множество примеров свидетельствуют в пользу того, что крупные внутригородские районы (не только в Москве и Санкт-Петербурге как в субъектах Федерации) должны обладать правом на самоуправление. Очевидно, например, что жители Академгородка, составляющие не более половины населения Советского района Новосибирска, образуют отличное от остальной части района сообщество, но даже сам район, отстоящий от центра города на 20 км, также не является субъектом самоуправления. Решение проблемы может состоять в развитии тер-

риториального общественного самоуправления (ТОС), но только реального, обладающего необходимыми полномочиями.

Распространена точка зрения, что укрупнение муниципальных образований за счет объединения населенных пунктов и сельских территорий неизбежно, поскольку обусловлено малой численностью населения и экономической несостоятельностью многих из них. При этом фактору экономического и демографического потенциала отдается приоритет перед социальными задачами. Вместе с тем очевидно, что присоединенные населенные пункты теряют свою индивидуальность, а местное сообщество размывается и утрачивает идентичность и силу. Альтернативный путь состоит в создании правовых условий для развития прямого межмуниципального экономического взаимодействия и сотрудничества, которые сейчас практически невозможны.

Выводы

Местное самоуправление, создаваемое в России по 131-ФЗ, по-новому структурирует социальное пространство. В отличие от расселения, которое формируется в ходе длительной эволюции сети населенных пунктов, их функций и связей между ними, во многом на основе самоорганизации, муниципальная структура создана сверху в течение всего нескольких лет в большой степени независимо от расселения и других территориальных структур населения, без учета их региональных особенностей. Влияние реформы местного самоуправления не было просчитано до ее начала, промежуточные результаты не порождают законодательную корректировку территориальных основ местного самоуправления.

В процессе формирования муниципальных образований административно-территориальные единицы подвергаются существенным изменениям, а постепенно административно-территориальное устройство вообще замещается муниципальным. Последнее и становится важнейшим регулятором расселения. В результате на смену сильному, сложившемуся институту приходит неукоренившийся и неотлаженный. Новая муниципальная структура влияет на расселение и непосредственно, изменяя и деформируя саму сеть населенных пунктов, их людность, функции, связи, разрушая сложившиеся системы расселения. Главные трансформационные тренды – укрупнение, централизация и поляризация.

Местное самоуправление, слабо реализуя имманентные функции, проявляет себя весьма агрессивно во взаимодействии с други-

ми территориальными структурами населения. Сложившиеся тренды противоречат как современным задачам обеспечения нормальных условий для проживания и жизнедеятельности населения, так и принципам местного самоуправления, одним из важнейших среди которых является максимальное приближение власти к населению.

Литература

Алексеев А.И., Зубаревич Н.В. Кризис урбанизации и сельская местность России // Миграции и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. – М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 1999. С. 83–94.

Глезер О.Б., Бородина Т.Л., Артоболевский С.С. Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство субъектов РФ // Известия РАН. Сер. географ. 2008. № 5. С. 51–64.

Глезер О.Б., Бородина Т.Л., Артоболевский С.С. Муниципальное и административно-территориальное устройство субъектов Российской Федерации // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / под общ. ред. С.С. Артоболевского, О.Б. Глезер. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2011. С. 241–264.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 1. Численность и размещение населения – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Ковалев С.А. Сельское расселение (Географическое исследование) / под ред. Ю.Г. Саушкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963.

Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. – М.: Новый хронограф, 2010.

Куркиева Х.М. Институциональные факторы территориальной дифференциации социально-экономических характеристик поселений (на примере Ингушетии) // Региональные исследования. 2012. № 1 (35). С. 94–101.

Лаппо Г.М., Полян П.М., Вавилова Т.И. Городские агломерации в России // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / под общ. ред. С.С. Артоболевского, О.Б. Глезер. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2011. С. 264–280.

Лексин В.Н. Территориальная организация общества и территориальное устройство государства // Регион: экономика и социология, 2010. № 1. С. 5–21.

Лексин В. Настоящее и будущее системы расселения – главная проблема России // Федерализм. 2011. № 1 (61). С. 57–74.

Маергойз И.М. Территориальная структура хозяйства. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1986.

Мкртчян Н.В. Центро-периферийные миграционные взаимодействия в Центральной России / Научные труды: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН / гл. ред. А.Г. Коровкин. – М.: МАКС Пресс, 2012. С. 483–498.

Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (редакция по состоянию на 25.12.2012)

Павлюк С.Г. Вернакулярные районы в постиндустриальную эпоху // Постиндустриальная трансформация социального пространства России. Сб. докл. Шестых Сократических чтений. – М.: Эслан, 2006. С. 94–115.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006 (2010): Стат. сборник. – М.: Росстат, 2007, 2010.

Смирнягин Л.В. Трансформация общественного пространства России // Полит.ру, 8 января 2007 – http://www.polit.ru/article/2007/01/08/smirnyagin/

Смирнягин Л.В. Районирование в общественной географии и самоидентификация в социальном пространстве // Пятые Сократические чтения. Рефлексивность социальность процессов и адекватность научных методов. – М.: РУДН, 2004. С. 112–126.

Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. В 14 тт. Т. 1. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004.

Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2006 (2010) года. – М.: Росстат, 2006, 2010.

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2012 года. – М.: Росстат, 2012. http://gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticJournals/bf57f1004c3624cc8eddbff2b3b811ca

O.B. Glezer

LOCAL SELF-GOVERNMENT SYSTEM AS A COMPONENT OF THE INSTITUTIONAL BACKGROUND OF SETTLEMENT PATTERN IN MODERN RUSSIA

The municipal structure which is now under formation in Russia is considered in the article as one of territorial structures of the population. Its interrelations with other structures, such as settlement pattern, administrative-territorial division and local communities, are analyzed. It is shown that municipal units are often out of keeping with geographical (regional and local) factors; several examples of discrepancies of municipal structure and settlement pattern components in various subjects of the Russian Federation are discussed. The conclusion is drawn that the local self-government became one of the institutes, which profoundly impact the territorial structure of society at the local level. The municipal structure tends to centralization and transforms (deforms) other structures.

А.Г. Махрова

ТРАНСФОРМАЦИЯ РАССЕЛЕНИЯ В МОСКОВСКОМ РЕГИОНЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Московский столичный регион, состоящий из Москвы и Московской области, – крупнейшее и наиболее развитое урбанистическое образование страны, которое концентрирует значительную часть ее социально-экономического потенциала. Это 13% всего населения, почти четверть розничного товарооборота, около трети ВРП и всех налоговых сборов. Столица и столичная область, формально являясь двумя самостоятельными субъектами РФ, функционируют как единое социально-экономическое образование, дополняя друг друга во многих отношениях. Место лидера в этом тандеме принадлежит Москве, которая оказывает сильное влияние на свою пригородную зону, однако развитие столицы, в свою очередь, стимулируется ее мощным окружением.

Актуальность изучения сдвигов в расселении населения Московского региона связана не только с его потенциалом, но и с его функцией одного из главных центров инноваций в стране. Москва лидирует в России по скорости протекания трансформационных процессов в экономике и социальной сфере. Процесс диффузии инноваций, генерируемый и транслируемый столицей, включая модернизацию образа жизни населения, жилищных стандартов и территориальных предпочтений в расселении, быстрее всего распространяется на ее ближнюю периферию – в Московскую область, а в дальнейшем – в другие города и регионы страны.

Москва в мире

Современная Москва – один из крупнейших и наиболее плотно населенных городов мира (11,6 млн чел. и 10,6 тыс. чел./км^2). Хотя демографически (по режиму воспроизводства) российская столица ближе к европейским метрополиям, по параметрам численности и плотности населения она тяготеет к перенаселенным столичным центрам развивающихся стран с характерными для них проблемами качества городской среды.

Переход к более корректному сравнению с городами и их столичными регионами, близкими по площади, показывает, что плотность

населения в Москве и Нью-Йорке почти одинакова, но почти на четверть выше, чем в Большом Париже (Париж и Малая корона муниципалитетов), и в 2,7 раза выше, чем в Берлине. В то же время центр Нью-Йорка (Манхэттен) заселен в 2,5 раза плотнее, чем примерно равная ему по площади территория Центрального административного округа Москвы. В целом метрополии разных стран и их регионы значительно различаются по площади территории, численности и плотности населения, и параметры Москвы не являются особенными, хотя высокую плотность населения традиционно отождествляют с перенаселенностью и связанными с ней проблемами (Джекобс, 2011).

Социально-экономический потенциал, который Москва сконцентрировала за годы рыночных реформ, позволил ей не только восстановить свою роль наиболее мощного центра на постсоветском пространстве, но и увеличить свою значимость в глобальном мире. Воспользовавшись преимуществами столичного статуса, Москва сумела установить контроль над основными финансовыми и товарными потоками в стране, модернизировать свою экономику и начать развиваться как формирующийся мировой город. Это отражает и ее динамика в рейтинге, составляемом бюро GaWC («Глобализация и мировые города») во главе с Питером Тейлором[1]. Если в первой половине 2000-х гг. столица входила в категорию бета-городов (34-е и 37-е места в 2000 и 2004 гг.), то к концу десятилетия она переместилась в категорию альфа-городов, занимая 12-ю строку в 2008 г. и 17-ю в 2010 г. Второй российский город, который учитывается в рейтинге, – Санкт-Петербург – находится на гораздо более скромных позициях, в целом отражая разрыв в значимости этих двух крупнейших российских метрополий в глобальном мире. Тем не менее и он благодаря усилиям федеральных и городских властей на протяжении 2000-х гг. значительно улучшил свое положение, перейдя из категории «кандидатов» («sufficiency») в категорию гамма-городов.

Москва в России

Значительный отрыв Москвы от остальных российских городов привел к резкому усилению ее привлекательности и быстрому росту численности населения, хотя опережающий рост людности города был генеральной тенденцией всего прошедшего столетия, несмо-

[1] Учитываются четыре индикатора, характеризующие основные услуги, предоставляемые городом в глобальном контексте: бухгалтерские, рекламные, банковские и финансовые, юридические (The World According to GaWC).

тря на предпринимавшиеся попытки по его сдерживанию. С конца XIX в. население столицы увеличилось в 11 раз, при этом население России успело вырасти всего лишь немногим более чем вдвое. В последние два десятилетия население страны стало сокращаться, тогда как Москва продолжает расти прежними темпами, что привело к еще большему увеличению ее доли в населении страны (до 8,6%, а вместе с Московской областью – до 13%). Для России в целом и ее регионов, большая часть которых испытывают растущую депопуляцию, это означает еще большую скорость обезлюдения многих территорий, особенно северных, усиливающую превращение пространства страны в своеобразную «урбанистическую пустыню» с редкими «оазисами» вокруг крупнейших городов.

Российская столица всегда была городом с высокой плотностью населения, хотя ее пиковые значения в 1897, 1939 и 1959 гг. намного превышают современный уровень. При этом разуплотнение каждый раз достигалось за счет расширения границ города, а не в результате процессов субурбанизации, как это происходило в центрах агломераций экономически развитых стран. После достижения своего исторического пика в 1959 г. (17,2 тыс. чел./км^2) и последовавшего за этим увеличения площади территории города в 2,5 раза плотность населения в Москве, несмотря на продолжавшийся рост населения, колебалась от 8,0 до 10,6 тыс. чел./км^2 при значительных вариациях по отдельным районам города. До принятого в 2010 г. решения об очередном расширении Москвы за пределами МКАД было расположено около 19% территории, где проживало чуть более 10% населения города. При условии реализации вышеназванного решения площадь города опять, как и в 1960 г., возрастет в 2,5 раза, а плотностные характеристики населения станут одними из самых низких. Однако само по себе это «традиционное» для Москвы увеличение территории вряд ли позволит решить наиболее острые проблемы развития города и его пригородов, прежде всего транспортный коллапс на дорогах в пиковые часы нагрузок.

Сдвиги в расселении населения в Москве: внутригородская динамика

За период с 1992 по 2011 г. все административные округа города выросли в численности населения, однако динамика этого роста была неравномерной (табл.1). В составе тройки округов-лидеров по числу жителей Южный и Восточный округа сохранили свои позиции,

а Юго-Западный округ оттеснил Северо-Восточный на четвертую позицию. Небольшой по территории и численности населения Зеленоград остался на последней, десятой позиции, а Северо-Западный округ отодвинул с восьмого на девятое место Центральный округ. Центр, который рос медленнее других, хотя и сократил свою долю в численности населения Москвы, по показателю плотности населения, напротив, переместился с последнего места в середину. Юго-Восточный округ, показавший максимальные темпы роста населения, значительно увеличил плотность и долю в общей численности населения (на 1,8%). Северо-Восточный округ по-прежнему остается наиболее плотно заселенной территорией города.

Таблица 1. Основные характеристики расселения населения по административным округам Москвы

Административный округ	Численность населения, тыс. чел.		Доля в численности населения, %		Плотность населения, чел./км²		Изменение численности населения за 1992–2011 гг., %
	1992 г.	2011 г.	1992 г.	2011 г.	1992 г.	2011 г.	
Центральный	685,0 (8)*	745,1 (9)	7,6	6,4	10355 (10)	11242 (5)	108,8 (10)
Северный	994,0 (4)	1118,3 (7)	11,0	9,7	8783 (5)	9879 (7)	112,5 (9)
Северо-Восточный	1134,7 (3)	1370,7 (4)	12,5	11,9	11131 (1)	13415 (1)	120,8 (7)
Восточный	1236,6 (2)	1463,8 (2)	13,6	12,7	7967 (6)	9428 (8)	118,4 (8)
Юго-Восточный	867,1 (8)	1318,1 (5)	9,6	11,4	7375 (9)	11259 (4)	152,0 (1)
Юго-Западный	980,3 (9)	1370,8 (3)	10,8	11,9	8573 (4)	12289 (3)	139,8 (3)
Южный	1385,7 (1)	1709,5 (1)	15,3	14,8	10779 (2)	13001 (2)	123,4 (6)
Западный	990,0 (5)	1303,6 (6)	10,9	11,3	7273 (8)	8491 (9)	131,7 (4)
Северо-Западный	622,7 (6)	927,4 (8)	6,9	8,0	6699 (3)	9988 (6)	148,9 (2)
Зеленоградский	171,7 (10)	224,6 (10)	1,9	1,9	4615 (7)	6037 (10)	130,8 (5)
Москва	9067,8	11551,9	100,0	100,0	8518	10588	127,4

** В скобках указано место, занимаемое округом на соответствующую дату.*

Составлено по официальным данным Мосгорстата по численности населения округов и районов города Москвы, пересчитанным по итогам переписи населения 2010 г.

При отсутствии кардинальных подвижек в распределении населения по поясам районов[2] разными темпами сокращается доля центральных и срединных районов и растет доля периферии, расположенной с внутренней и внешней стороны МКАД. «Новая периферия» (районы, расположенные за МКАД) отличается наиболее высокими темпами роста населения (136,2%), однако его плотность здесь остается самой низкой в городе, и именно эти районы наиболее перспективны для новой будущей жилой застройки. При столь значительном росте населения доля внешнего пояса в численности населения Москвы выросла за 20 лет всего на 4,8%. Вместе с очень незначительным изменением долей населения остальных поясов (от 0,4 до 2,8%) это свидетельствует об устойчивости основных пропорций в расселении населения на территории Москвы (табл. 2.).

Таблица 2. Динамика численности, удельного веса и плотности населения по поясам районов Москвы

Пояс районов	Численность населения, тыс. чел.		Доля в общей численности, %		Плотность населения, чел. / км^2		Изменение численности населения за 1992–2011 гг., %
	1992 г.	2011 г.	1992 г.	2011 г.	1992 г.	2011 г.	
Центральный	685 (4)	745,1 (5)	7,6 (4)	6,4 (5)	10355 (1)	11242 (2)	108,8 (5)
Субцентральный	804,1 (3)	880,8 (4)	8,9 (3)	7,6 (4)	9888 (2)	10099 (4)	109,5 (3)
Срединный	2499,1 (2)	2861,8 (2)	27,6 (2)	24,8 (2)	9456 (4)	10723 (3)	114,5 (3)
Периферийный	4577,9 (1)	5879,4 (1)	50,5 (1)	50,9 (1)	9804 (3)	12648 (1)	128,4 (2)
Внешний	501,7 (5)	1184,8 (3)	5,5 (5)	10,3 (3)	2484 (5)	6064 (5)	236,2 (1)
Москва в целом	9067,8	11551,9	100,0	100,0	8518	10588	127,4

Составлено по официальным данным Мосгорстата по численности населения округов и районов города Москвы, пересчитанным по итогам переписи населения 2010 г.

[2] Для более детального анализа изменений в пропорциях расселения населения в разрезе административных районов города выделено пять поясов (зон) районов: центральный (все районы ЦАО); субцентральный (12 районов – соседей первого порядка районов ЦАО, имеющих с ними непосредственные границы); срединный (соседи третьего-четвертого порядка районов центра); периферийный (в зависимости от размеров территории районов и их конфигурации – это один–три «слоя» районов, расположенных с внутренней стороны МКАД); внешний пояс (районы за границами МКАД).

Сдвиги в расселении могут быть оценены и через показатель плотности населения, динамика которого также демонстрирует, что рост людности Москвы происходит при его одновременном сдвиге к периферии города. Во внешнем поясе районов за МКАД плотность населения увеличилась более чем на 40%, а в периферийном поясе районов она стала максимальной среди выделенных зон. Тем не менее в центральных районах города селитебная функция по-прежнему сохраняется в значительных объемах. Плотность населения в центре, несмотря на концентрацию нежилых функций и преобладание среднеэтажной жилой застройки, выше аналогичного показателя в субцентральном и срединном поясах, а также по Москве в целом, что является следствием идущих здесь процессов джентрификации и реновации городской среды.

В целом распределение плотности населения укладывается в общую тенденцию к ее снижению от центра к периферии, сопровождаемую проявлением волнового эффекта в виде небольшого понижения в субцентральном поясе и более значительного повышения в зоне внутренней периферии. Во внешнем поясе плотность населения все еще гораздо ниже, чем во внутренних районах столицы, хотя очевидно, что достижение ими общегородского уровня является лишь вопросом времени.

Анализ территориальных пропорций расселения показывает, что мода размещения населения при отсутствии значительных подвижек в его распределении смещается в сторону внешнего пояса районов, которые растут максимальными, но постепенно замедляющимися темпами. Таким образом, *в Москве рост численности населения происходит при децентрализации его внутреннего распределения.*

Качественные изменения в расселении москвичей связаны с ростом социальных контрастов: с формированием новой элиты и среднего класса развиваются представления о престижности проживания в отдельных районах и растет контрастность между ними, что отражает динамика цен на жилье. Наиболее престижное и дорогое жилье сосредоточено в центре и в западных частях Москвы, а наиболее дешевое – на периферийных окраинах, особенно на юго-востоке, востоке и юге города.

Отрыв районов Центрального округа, цена жилья в которых почти на 50% (47,5% в июне 2011 г.) выше среднегородского уровня, связан, как уже говорилось, с процессами джентрификации, с реконструкцией и облагораживанием городской среды. Из-за дефицита земли в центре новая недвижимость элитного уровня появляется и в других рай-

онах, особенно в субцентральных, что приводит к расширению ментальных границ «престижного центра» (Makhrova, 2007). Формирование новых элитных районов наблюдается и в более удаленных от центра частях столицы, прежде всего на западе и в меньшей степени на севере, которые становятся районами проживания среднего класса.

Восточные и южные округа столицы в последнее время все более четко позиционируются как непрестижные окраины с маргинальным населением, причем их привлекательность сильно снижается еще и тем, что они становятся местом концентрации мигрантов, в том числе этнических, прежде всего из бывших республик Средней Азии и Закавказья. Мониторинг общественного мнения показывает, что наплыв мигрантов, особенно кавказцев и выходцев из южных регионов, занимает третье место в рейтинге основных проблем, беспокоящих москвичей (Пресс-выпуски…, 2008–2010). Однако в настоящее время в столице пока не образовались этнически гомогенные крупные кварталы. Согласно исследованиям О. Вендиной, ни один из них не достиг «точки кипения», когда становится практически неизбежной пространственная поляризация этнических групп (Вендина, 2009).

Рост социальной стратификации можно оценить и через дифференциацию районов Москвы по ценам на жилье: в течение 2000-х гг. разница в стоимости жилья между самым дорогим районом (Арбат) и самым дешевым (Молжаниновский) увеличилась вдвое, достигнув 4 раз. Существование заметных социальных контрастов в расселении отмечают и москвичи. Как показал социологический опрос, проведенный в конце 2009 – начале 2010 гг., три четверти из них (77%) считают, что контрасты есть, причем $^{2}/_{5}$ (42%) уверены, что они очень заметны. Тем не менее растущее социальное расслоение как один из недостатков своего района назвали лишь около 14% опрошенных, т.е. эта проблема пока не является осознанной. Это подтверждают и социологические опросы, проведенные Левада-Центром, согласно которым резкое расслоение на богатых и бедных попадает только во вторую десятку проблем, более всего волнующих москвичей (Пресс-выпуски…, 2008–2010).

В целом произошедшие изменения свидетельствуют о постепенном переходе от модели равномерного расселения населения, типичной для социалистического города, к социальной пространственной стратификации. Однако, несмотря на активную динамику в этом направлении, анклавы социальной сегрегации носят пока точечный характер (особенно в отношении сегрегации бедного населения). Для Москвы все еще характерна сильная дисперсия социальных слоев и расплывчатые соци-

альные границы внутри городского пространства (Махрова, Ноздрина, 2002). Этому способствует и традиция проживания большинства населения страны в многоквартирных домах, которые пока более устойчивы к поляризации, чем в некоторых западных странах. Вместе с тем слабость институтов управления многоквартирным жильем и разрушение отлаженной советской системы ЖКХ и централизованного управления подобным жилым фондом ведут к нарастанию аварийности его состояния и в отдельных случаях к «трущобизации». В общем виде этому имеются явные аналогии с тем, что происходит, например, во Франции, Великобритании и некоторых других странах в результате приватизации многоквартирного социального жилья и сокращения бюджетных расходов в жилищном секторе с 1970-х гг.

Особенности расселения в Московской области

Специфика пространственной дифференциации расселения в пределах Московской области, как и в других пригородных зонах агломераций, хорошо описывается в рамках модели «центр–периферия»: с удалением от границ МКАД снижаются плотность населения, размер и густота населенных пунктов. Вместе с тем важное влияние на характеристики расселения оказывает секторное положение, прежде всего по линии запад–восток, которое отражает природную и историко-географическую неоднородность условий расселения. Традиционно для анализа структуры расселения в Московской области выделяются три пояса и четыре сектора районов (муниципальных образований).

Практически все население Подмосковья с разной степенью интенсивности вовлечено во внутриагломерационные связи, а пропорции размещения по поясам иллюстрируют лишь его распределение по зонам агломерации. Тем не менее за прошедшие 20 лет в результате опережающего развития муниципалитетов ближнего и среднего Подмосковья произошло относительное выравнивание пропорций всех трех поясов районов по доле проживающего в них населения (табл. 3). При этом большую часть населения стал концентрировать не третий, а второй пояс, причем зона дальних пригородов опустилась с первой на третью позицию. В целом для плотности населения характерна монотонная убыль от первого пояса к третьему, где она снижается на порядок, и эта тенденция стала даже более выраженной за счет снижения численности населения в муниципалитетах дальних пригородов.

Таблица 3. Динамика распределения населения по поясам и секторам Московской области

Пояс и сектор	Численность населения, тыс. чел.		Удельный вес, %		Изменение численности населения за 1991–2011* гг., %	Плотность населения в 2011 г., чел./км^2
	1991 г.	2011 г.	1991 г.	2011 г.		
Московская область	6720,2	7104,0	100,0	100,0	104,6	155,1
В том числе						
Первый пояс	1941,8	2296,8	28,9	32,3	118,3	757,4
Второй пояс	2374,7	2530,2	35,3	35,6	106,5	201,3
Третий пояс	2403,7	2277,0	35,8	32,1	94,7	74,9
Северный сектор	1728,0	1752,2	25,7	24,7	101,4	170.9
Восточный сектор	2452,7	2645,0	36,5	37,2	107,8	234,6
Южный сектор	1563,6	1584,8	23,3	22,3	101,4	136,3
Западный сектор	975,9	1122,0	14,5	15,8	115,0	87,3

Составлено по данным Мособлкомстата.

Первый пояс, наименьший по размерам, фактически входит в ядро Московской городской агломерации; многие населенные пункты непосредственно примыкают к границам Москвы, а часть из них располагается даже ближе к центру, чем некоторые периферийные районы самой столицы. Здесь сосредоточены более трети всех городских поселений и почти половина (8 из 17) городов-«стотысячников» области. Концентрация населенных пунктов в пределах пояса приводит к тому, что средняя плотность населения здесь превышает областной уровень почти в 5 раз.

Во втором поясе проживает немногим более трети всего населения. По сравнению с первым здесь уже прослеживается влияние относительной удаленности от столицы: сеть населенных пунктов значительно более разрежена, крупные центры представлены только в восточной и частично южной части, а плотность населения только в 1,3 раза превышает среднеобластной показатель и близка к медианному значению для Подмосковья в целом.

Третий пояс по численности населения стал близок к первому, однако удельные характеристики населения в нем заметно меньше, а численность его населения за прошедшие 20 лет сократилась. Средняя плотность населения ниже среднеобластного уровня поч-

ти в 2 раза, сеть населенных пунктов становится еще более разреженной, а умеренно развитая сеть городских поселений с преобладанием малых и средних городов (даже при четырех городах с населением более 100 тыс. жит.) приближается по своим параметрам к системам расселения соседних областей.

В секторном разрезе большая часть населения проживает на востоке, где находится почти треть всех городских поселений области и плотнее сеть сельских населенных пунктов (за исключением периферийных частей). Причем позиции востока в этом плане за прошедшие 20 лет даже упрочились. Западный сектор, напротив, характеризуется наименьшей численностью населения при плотности почти в 2 раза ниже средней по области. Относительно репрезентативно для области в целом северное направление, где проживает около четверти всего населения Подмосковья.

Система расселения Московской области достаточно устойчива, хотя пропорции в размещении населения по поясам и секторам региона постоянно претерпевают небольшие изменения, связанные с разной динамикой развития отдельных элементов. В структуре поясов продолжилась наметившаяся еще в советский период тенденция «стягивания» населения в прилегающие к Москве муниципалитеты (Заец и др., 1990). Основным фактором таких динамических процессов является привлекательность московского рынка труда и близость к концентрации «столичных благ». Почти четырехпроцентный прирост численности населения первого пояса в течение 1991–2011 гг. обеспечивался в основном за счет внешнего (третьего) пояса расселения. Межсекторные тенденции перераспределения населения выражены гораздо слабее. Тем не менее динамический ряд иллюстрирует постепенное возрастание удельного веса западного, наиболее престижного и экологически благополучного и одновременно наименее «насыщенного» расселенческими функциями сектора. Так как западный сектор выполняет важные природоохранные и рекреационные функции в пространственной структуре региона, эти сдвиги нельзя отнести к положительным.

В целом наиболее значительные структурные изменения в размещении населения проявляются именно в центро-периферийном срезе. Факторы межсекторной социально-экологической дифференциации (по линии запад–восток) по-прежнему недостаточно заметны в системе массовых расселенческих предпочтений: с одной стороны, они нивелируются унаследованными пропорциями размещения сети поселений в Подмосковье, с другой – выбор места жительства с учетом тер-

риториальных предпочтений доступен лишь для незначительной части населения, поэтому их проявления пока выражены слабо. Таким образом, в постсоветский период в условиях резкой смены парадигмы пространственного развития и диктата рынка шел процесс заполнения ткани каркаса расселения, что выражалось в активном освоении незастроенных территорий ближнего Подмосковья, которых больше всего было на западе области. Фактически реализуется наиболее неблагоприятный вариант развития, когда столица, формально оставаясь в неизменных границах, как масляное пятно растекается на зону своих ближайших пригородов, особенно на наименее застроенный запад.

Городское расселение Подмосковья

В целом в течение постсоветского периода многие из тенденций, наметившиеся в конце советского времени, сохранились. Так, все более замедляющимися темпами продолжила расти численность городского населения (на 9%) и его доля (на 1,2%) (табл. 4). К относительно новым тенденциям можно отнести довольно резкое сокращение числа (на 38 поселений) и средней людности поселков городского типа в результате административно-территориальных преобразований. В начале постсоветского периода это было связано с преимуществами статуса сельского поселения, в 2000-е гг. – с введением Федерального закона №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»[3]. Тем не менее, несмотря на разницу в статусе, между селами и городскими поселениями, особенно в ближнем и среднем Подмосковье, практически нет различий в образе жизни населения.

Хотя в динамике наблюдается значительное увеличение среднего размера городского поселения (с 29,3 тыс. чел. в 1989 г. до 37,4 тыс. в 2011-м), главным образом за счет ликвидации небольших пгт, большинство городов Подмосковья по-прежнему представлены малыми городами людностью менее 50 тыс. чел., но при этом половина населения проживает в больших городах людностью свыше 100 тыс. чел. (табл. 5). Среди пгт наиболее распространенной является группа с численностью населения от 5 тыс. до 10 тыс. чел., а основная часть

[3] Власти административных районов Московской области не были заинтересованы в передаче части своих полномочий на уровень сельских и городских поселений и стремились получить статус городского округа, а не муниципального района, для чего им нужно было иметь на своей территории только один городской населенный пункт. Именно с этим была связана серия преобразований, прошедших в Химкинском, Балашихинском и Домодедовском районах.

Таблица 4. Динамика основных показателей городского расселения Московской области

Показатель	1970	1979	1989	2002	2011
Доля городского населения, %	69	75	79,3	79,2	80,1
Численность городского населения, тыс. чел.	3958	4747	5310,7	5251,0	5690,4
Численность населения городов, тыс. чел.	3311	4100	4477,1	4477,2	5023,2
Численность населения поселков городского типа, тыс. чел.	661	647	833,6	773,8	667,2
Число городских поселений	142	145	181	185	149
Средний размер городского поселения, тыс. чел.	27,9	32,7	29,3	28,3	37,4
Число городов	68	71	71	76	80
Число поселков городского типа	74	74	110	109	72

Составлено по данным Мособлкомстата.

Таблица 5. Структура городских поселений Московской области по количеству и численности проживающего в них населения, 2011 г.

Города	Всего	В том числе с числом жителей, тыс. чел.				
		менее 10	от 10 до 20	от 20 до 50	от 50 до 100	свыше 100
Число городов, ед.	80	1	12	29	21	17
Число городов, %	100,0	1,2	15,0	36,2	26,3	21,3
Численность населения, тыс. чел.	5023,2	5,4	171,1	828,3	1512,7	2505,7
Численность населения, %	100,0	0,1	3,4	16,5	30,1	49,9
Поселки городского типа	**Всего**	**в том числе с числом жителей, тыс. чел.**				
		до 3	от 3 до 5	от 5 до 10	от 10 до 20	свыше 20
Число пгт, ед.	72	6	16	25	18	7
Число пгт, %	100,0	8,4	22,2	34,7	25,0	9,7
Численность населения, тыс. чел.	667,2	14,9	61,8	182,1	224,4	184,0
Численность населения, %	100,0	2,2	9,3	27,3	33,6	27,6

Составлено по данным Мособлкомстата.

жителей (61,2%), как и в городах, сосредоточена в более крупных поселках людностью свыше 10 тыс. чел., которые представляют собой фактически малые города.

На протяжении длительного периода крупнейшим городом Подмосковья был Подольск, но в 2000-е гг. за счет притока населения и расширения границ его обогнали Балашиха и Химки (соответственно 216,5 и 208,6 тыс. жителей на начало 2011 г.). В эти же годы в число «стотысячников» вошли города Жуковский, Красногорск и Пушкино; близко подошли к этому рубежу Раменское и Домодедово. Но несмотря на то что Московская область является одним из самых миграционно притягательных регионов страны, ряд городов, в том числе «стотысячников», теряет население. Прежде всего это относится к бывшим текстильным центрам (Ногинск в результате депопуляции даже перешел в группу средних городов). Самым маленьким городом Подмосковья по-прежнему является Верея – единственный город в регионе с населением менее 10 тыс. жителей.

Ряд поселков городского типа (первые 15 с населением свыше 12 тыс. чел.) к настоящему времени имеют все формальные основания для получения статуса города, при этом в двух из них (Нахабино и Томилино) проживают более 30 тыс. чел., а еще в пяти (Власиха, Малаховка, Монино, Красково, Калининец) – более 20 тыс. Эти поселки и наиболее крупные села – резерв для пополнения числа городских поселений региона.

Среди других регионов России Московская область выделяется не только количеством городских поселений, но и их функциональным разнообразием. В области представлены почти все возможные функциональные типы и их сочетания: центры промышленности, науки, транспорта, рекреации и др. В постсоветский период в условиях перехода к постиндустриальной стадии развития функциональная структура городов активно перестраивается в результате двух одновременно идущих процессов: тертеаризации экономики и ее реиндустриализации. Во всех городских центрах активно развиваются торговля и другие отрасли сферы услуг, что ведет к возрастанию их роли в системе выполняемых городами функций. Это уже отчетливо проявляется в ряде городов ближнего Подмосковья, например в Химках, Красногорске, Мытищах, Котельниках, где построены торгово-развлекательные мегацентры, рассчитанные в первую очередь на москвичей. Новые отрасли промышленной специализации ориентированы на региональный рынок сбыта (пищевая, мебельная промыш-

ленность, промышленность стройматериалов, черная и цветная металлургия, химия). Причем возникающие предприятия в отличие от гигантов советского времени представляют собой образцы современных постиндустриальных центров (неземлеемкие и нетрудоемкие предприятия с высоким уровнем автоматизации и гибким ассортиментом выпускаемой продукции).

Изменения качественного характера в виде роста социальных контрастов в расселении населения в городах Московской области, подавляющая часть жилищного фонда которых по-прежнему представлена типовыми панельными домами, происходят медленнее, чем в Москве. Однако в среднем и ближнем Подмосковье, как и в столице, более дорогие монолитно-кирпичные новостройки постепенно вытесняют типовые панельные дома. Одновременно в результате комплексной застройки новых жилых микрорайонов и реконструкции уже существующих кварталов в подмосковных городах создаются новые микрорайоны, отличающиеся более однородным социальным составом населения, часть из которых застроена малоэтажным жильем, таунхаусами и коттеджами. Постепенно улучшается имидж застроенных частными домами городских районов, где старое жилье заменяется современными коттеджами. Такая же санация идет в садово-дачных товариществах, которые имеются в составе большинства подмосковных городов. С распространением популярности проживания в собственном доме именно эти кварталы и районы становятся самыми престижными. Появление новых и реконструкция существующих районов, застроенных более качественным жильем, приводят к тому, что в городах Подмосковья, как и в Москве, меняется иерархия ценовых районов и география престижности отдельных жилых кварталов.

Менее привлекательные жилые районы городов Подмосковья испытывают две усиливающие друг друга тенденции – отток среднего класса и приток трудовых мигрантов. Однако, несмотря на всю мигрантофобию в российском обществе и опасения насчет появления у нас этнических гетто, сколько-нибудь выраженные этнически однородные кварталы в подмосковных городах, как и в Москве, пока не сформировались.

Таким образом, сравнение уровней социально-пространственной поляризации в расселении населения в Москве и в городах Московской области, даже наиболее близких к столице по динамике развития, показывает, что в них эти процессы выражены в меньшей

степени. А в том, что касается этнической сегрегации, складывающаяся ситуация примерно одинакова для Москвы и городов Подмосковья. В целом же изменение форм расселения и признаки нарастания социальных контрастов во всех городах Московского региона проявляются на фоне сохранения специфических свойств типичной для постсоциалистического города (и все еще стойкой, хотя и постепенно отступающей) модели социально однородного, смешанного расселения.

Сельское расселение Подмосковья

Сельское расселение региона представлено сетью из более чем 6,1 тыс. населенных пунктов (6124 – по данным переписи 2010 г.), в которых проживает в общей сложности свыше 1,4 млн чел. За последний межпереписной период численность сельского населения увеличилась на 3% при незначительном уменьшении ее доли в общей численности населения области (на 0,8%) и общего числа сельских населенных пунктов. В Московской области этот процесс происходил за счет сокращения числа поселений без жителей и самых мелких сел людностью до 10 чел. при одновременном увеличении количества более крупных сел, что привело к еще большему усилению крупноселенного характера сельского расселения, который является одной из отличительных черт Подмосковья.

Особенностью сельской местности Московской области, как и других территорий пригородного типа, является снижение значения сельскохозяйственных функций, вплоть до их утраты в ближайшем окружении столицы, рост селитебных и рекреационных функций и распространение преимущественно городского образа жизни. Косвенным отражением этого процесса служит так называемый показатель «бытовой урбанизации», измеряемый через обеспеченность сельского жилого фонда канализацией. В селах Подмосковья этот показатель составляет 71% против 31% по РФ в целом. В большинстве подмосковных сел население по характеру занятий уже не является сельским, особенно в поселениях первого пояса и в ареалах концентрации коттеджной застройки. Кроме того, в подмосковных деревнях и селах высока доля временно проживающего населения. В летний сезон число жителей сел и деревень Московской области заметно увеличивается, в силу чего реальная картина расселения существенно отличается от той, что фиксируется официальной статистикой.

Московская агломерация

В развитии Московской агломерации наблюдается сохранение тенденций, заложенных еще в конце советского периода: уплотнение ядра, усложнение структуры и расширение границ (Бабурин и др., 2004). В последние годы ближний пояс подмосковных районов окончательно интегрировался с ядром агломерации, а ряд городов в связи с пространственным развитием столицы оказался более интегрированным в ее структуру, чем отдельные районы самой Москвы.

Параллельно с этим происходит территориальный рост агломерации: сейчас уже практически все Подмосковье можно считать ее пригородной зоной. Существенно лучшая динамика социально-экономического развития Москвы привела к тому, что столица за 1990-е гг. значительно расширила свою зону трудового тяготения. По разным данным поток трудовых мигрантов в Москву достигает ныне от 1 до 1,3 млн чел. (к концу 1980-х гг. он оценивался примерно в 750 тыс. чел.). Увеличение числа мест приложения труда в период экономического роста не только в ближнем и среднем, но и в дальнем Подмосковье еще больше усилило агломерационный эффект. Вырос поток трудовых маятниковых мигрантов из Москвы в Московскую область, прежде всего вблизи границ с Москвой – из-за субурбанизации офисно-деловых и торгово-развлекательных функций[4].

Города, являющиеся ближними спутниками столицы (Химки, Красногорск, Одинцово и др.), так называемые «окраинные», или «концевые», города (edge cites), которые расположены на границе с городом-ядром, активно наращивают новые отрасли специализации, что увеличивает полицентричность системы расселения области. Причем увеличиваются не только центробежные потоки, но и потоки между подмосковными поселениями, что приводит к постепенной трансформации Московской агломерации в город-регион. Данный этап развития пригородов, когда они становятся субцентрами приложения труда в непрерывной городской ткани Большой Москвы, характерно роднит его с процессами развития многофункциональной постиндустриальной «постсубурбии» и свидетельствует о появлении принципиально новых тенденций в динамике процессов урбанизации в Московской агломерации (Голубчиков и др., 2010).

[4] По данным статистики Пенсионного фонда РФ, в середине 2000-х гг. из Москвы в Московскую область выезжало с трудовыми целями около 200–300 тыс. чел.

На рубеже веков в составе Московской агломерации еще более выраженными стали агломерации второго порядка. Особенно это касается периферийных локальных агломераций, расположенных как на территории Московской, так и соседних с ней областей. Многие из ядер этих агломераций (Дубна, Ступино, Обнинск и др.) также развились в самодостаточные центры приложения труда, потребления и досуга – «окраинные города», расположенные уже на внешней границе, или крае, агломерации по типу североамериканской постсубурбии (International Perspectives..., 2011). Хотя агломерационные свойства этих групповых форм расселения стали более явными, нарастающее воздействие Москвы значительно размывает их границы, интегрируя их в структуру единой Московской агломерации. Причем это касается не только ситуации на рынке труда, но и ориентации новых отраслей экономики (возникших в отличие от ближних пригородов, прежде всего в результате процессов реиндустриализации) на рынок сбыта столицы (предприятия пищевой и мебельной промышленности, промышленности строительных материалов и других отраслей).

Усложнение внутренней структуры агломерации связано не только с появлением «окраинных городов» в зоне ближних и дальних пригородов и с частичной переориентацией потоков трудовых маятниковых мигрантов, но и с формированием феномена замещающей занятости. Это проявляется в том, что жители Московской области работают в Москве, а вакантные рабочие места занимают маятниковые мигранты из соседних областей (по оценкам, около 200–300 тыс. чел.). Одновременно часть жителей соседних областей стала совершать поездки на работу в Москву и в Московскую область в режиме суточных или недельных рабочих циклов (аналогов вахтового метода). Это своеобразное «отходничество» конца XX – начала XXI в. стало одним из элементов, усиливших интеграционные связи Москвы и Московской области с соседними областями уже не только в границах столичной агломерации, но и в рамках Центральной зоны надагломерационного уровня.

Хотя вопрос о границах и составе ядра и пригородной зоны Московской агломерации остается открытым и разными авторами трактуется по-разному (Лаппо, 1987, 1997; Лола, 2005; Браде и др., 2003; Махрова, Перцик, 1988; Махрова, Трифонов, 1990; Пчелинцев, 2004; Симагин, 1997 и др.). Можно говорить о том, что в постсоветский период за счет более быстрого роста населения Москвы пропорции между ядром и пригородной зоной изменились в пользу ядра (на 5%). Та-

кая динамика соответствует крупногородской стадии развития, когда ядро системы концентрирует не только основной демографический, но и социально-экономический потенциал, что обусловливает доминирование центростремительных связей, прежде всего трудовых маятниковых миграций, над центробежными. Этот опережающий рост населения столицы во многом обеспечивался застройкой периферийных районов столицы, особенно расположенных за границей МКАД, т.е. территорий, которые ранее входили в состав Московской области и были пригородной зоной.

Важной особенностью развития Московской агломерации, как и других агломераций России, является *сезонная субурбанизация*, связанная с проживанием москвичей летом и в выходные дни во втором постоянном или временном жилье, в так называемых дачах – домах в многочисленных дачных, садовых и огородных товариществах, расположенных в сельской местности, а также в современных коттеджных поселках.

Садово-дачные объединения граждан, как и коттеджные поселки, не имеют статуса поселений, но образуют на территории области фактически еще одну альтернативную сеть расселения для сезонного проживания. Так, если число сельских поселений в Подмосковье составляет 6,1 тыс. единиц, то общее число только садово-огородных поселков превышает их почти в 2 раза (11,7 тыс. ед.). Эти бесстатусные поселения образуют на территории области целые сезонные псевдогородки, коренным образом трансформируя «официальную» сеть расселения области. Пик их создания пришелся на 1980-е гг. и первую половину 1990-х гг. (соответственно 28 и 51%). В настоящее время новые садово-дачные объединения практически не появляются, им на смену пришли организованные коттеджные поселки (Кириллов, Махрова, 2009).

Наиболее зримым признаком перемен, происходящих в сети сезонного расселения, можно считать появление организованных коттеджных поселков. Подмосковье является безусловным лидером в РФ по их развитости, и хотя пока число коттеджных поселков невелико, оно быстро увеличивается. Первые коттеджи «новых русских» появились в начале 1990-х гг., когда огромные замки и дворцы нередко располагались на шестисоточных участках с огородами. Более активно коттеджное строительство стало развиваться с середины 1990-х гг., а появление организованных поселков относится к началу 2000-х гг. В 2001 г. в области было всего около 30 коттеджных поселков, в 2004 г. – более 300, в 2008 г. их число превысило 700 (Махрова, 2008). Рост числа кот-

теджных поселков происходит при сохранении территориальной избирательности в их размещении: свыше 70% всех подобных образований находится на западе области, при этом более $^{4}/_{5}$ всех поселков (77%) расположено в зоне ближних и средних пригородов столицы.

Большинство современных поселков – это небольшие по размерам поселения со средней площадью 20 га и средним количеством домов около 70, которые используются как второе постоянное или сезонное жилье наиболее состоятельными слоями общества (элитой и верхними слоями среднего класса). Основная часть существующих коттеджных поселков – это закрытые поселения («gated communities», которые в российской практике часто называются «золотые гетто» или «резервации для богатых»). Их главный недостаток – изолированность от окружающего мира и отсутствие условий для социализации и общения молодежи. Жизнь «на два дома» недоступна широким слоям населения и сдерживает развитие субурбанизации (Махрова и др., 2008). На Западе проблемам преодоления социальной пространственной сегрегации населения придается большое значение, в России эта проблема еще не осознана, а наиболее состоятельное население для обеспечения своей безопасности и статусного соседства считает такие замкнутые поселки единственно возможным вариантом проживания за городом.

Еще один новый тип загородного жилья – загородные усадьбы или резиденции. Площадь участка под такие усадьбы – от 1 га и более; помимо самого дома на участке размещаются дома для гостей, обслуживающего персонала и охраны, крытый бассейн, хозяйственные помещения и многое другое. Фактически это третий тип жилья, мода на который распространяется среди наиболее состоятельных слоев населения: квартира в центре Москвы для постоянного проживания, коттедж в ближнем Подмосковье для временного проживания или как второе постоянное жилье, а также резиденция в дальних пригородах для временного проживания. Пока еще количество таких «дворянских усадеб» невелико, но в системе расселения появился новый тип поселения. Наиболее перспективными для этих целей являются территории дальнего Подмосковья и соседних областей, где хорошие условия для рекреации сочетаются с наличием территориальных ресурсов, например, в районах Рузского, Можайского, Иваньковского водохранилищ, на берегах Оки и других рек.

Близки к усадьбам по своему формату и географии размещения дальние дачи. Первые поселки этого типа были представлены довольно демократичными деревянными домами. Их удачный опыт пока-

зал наличие спроса: иметь дачу в дальнем Подмосковье на расстоянии 80–100 км от МКАД стало модным, в том числе среди состоятельных покупателей. Однако еще до того, как дальние дачи стали элементом загородного рынка, феномен дальней дачи в тихом безлюдном месте как дополнение или противовес ближней даче проявился с середины 1970-х гг., постепенно набирая силу. Так, исследования, проведенные Т.Г. Нефедовой, показали, что дачные зоны населения Москвы и Санкт-Петербурга сомкнулись на юге Псковской и Новгородской областей, и даже в Костромской области на удалении 600 км от Москвы доля московских дачников весьма велика, достигая 30% в относительно крупных деревнях и 70–90% в малых (Нефедова, 2006; 2008).

Тем не менее в Подмосковье, несмотря на появление и активное развитие организованных коттеджных поселков, по-прежнему наиболее распространенным элементом в системе сезонного расселения остаются традиционные дачные и садово-огородные поселки. К 2006 г. на территории Московской области было свыше 1,3 млн участков в садовых, огородных и дачных товариществах (с учетом индивидуальных садов и огородов граждан эта цифра достигает 2,1 млн хозяйств). Для разных типов этих поселков характерны свои особенности в размещении. Дачи в большей степени тяготеют к зоне ближних и средних пригородов (85% всех дач), их больше всего на западе (почти 40% площади всех дачных участков) и меньше всего на востоке. Садово-огородные поселки с более дешевым жильем сосредоточены в среднем и дальнем Подмосковье.

За счет размещения коттеджных и дачных поселков в ближнем Подмосковье и в западных направлениях и сдвига садово-огородного сегмента в более удаленные районы востока, севера и юга области происходит территориальная стратификация загородного жилья – и по качеству, и по социальному составу проживающих, и по целевому использованию (для сезонного и временного проживания).

Одновременно в дачных и садово-огородных поселках происходят важные трансформации. Старый жилой фонд в ряде удачно расположенных дачных и садово-огородных товариществ, особенно в стародачных местах (как и в отдельных деревнях), заменяется коттеджами разного уровня, а сами товарищества постепенно превращаются в загородные коттеджные поселки для постоянного проживания. Худшие по условиям садово-огородные поселки пока сохраняют статус сезонного жилья для менее обеспеченных слоев населения.

С учетом всего вышесказанного численность временного населения Московской области можно оценить примерно в 4 млн чел.; это означа-

ет, что в летний сезон фактическое население Подмосковья возрастает на 60%. Еще более впечатляет численность временного населения в муниципалитетах-лидерах. Число сезонных жителей в них составляет от 150 тыс. до почти 350 тыс. чел., и оно как минимум сопоставимо с постоянным населением, а местами почти в 4 раза превышает его. Еще более значителен перевес сезонного населения над сельским – от 2,5 раза в Раменском до более чем в 17 (!) раз в Талдомском районе.

Среди факторов, способствующих сохранению сезонной субурбанизации, Т.Г. Нефедова и А.И. Трейвиш выделили как минимум пять: 1) бедность населения и местных администраций, мешающая улучшению пригородной инфраструктуры; 2) суровый климат, удорожающий жилье для постоянного проживания; 3) сохранение института регистрации, удерживающее от легального выезда из городов; 4) привычка властей думать о производстве, хотя «на дачах» в принципе мог бы держаться местный бюджет; 5) теневой и полутеневой характер рынка жилья и земли (Нефедова, Трейвиш, 2002, с. 77). К этому можно добавить и высокую стоимость загородных домов (некоторые аналитики определяют верхнюю границу коттеджей экономкласса ценой в 500 (!) тыс. долл.), что также является важным фактором, сдерживающим субурбанизацию и массовое развитие загородного жилья.

Вместе с тем начинает развиваться стандартная субурбанизация, когда все более значительная часть домов в коттеджных, а также в удачно расположенных дачных поселках начинает использоваться для постоянного проживания. В зависимости от жизненного цикла семьи оно является вторым или единственным постоянным жильем. Следствием этих процессов стало появление загородных школ с более высокими стандартами обучения, наращивание элементов социальной инфраструктуры в коттеджных поселках (магазины, кафе, начальные школы и детские сады, службы быта, спортивно-оздоровительные комплексы, аптечные пункты и др.), часто используемых совместно несколькими рядом расположенными поселками.

Таким образом, можно констатировать, что в системе расселения Московской области активно происходят изменения, связанные с распространением моды на «свой дом с лужайкой» и с развитием загородного коттеджного строительства, включая быстрое появление загородных коттеджных поселков, застраиваемых жильем разного формата (коттеджи, таунхаусы, мало- и среднеэтажные многоквартирные дома). Хотя в настоящее время они ориентированы на наиболее состоятельное население, в результате переселения москвичей на постоян-

ное место жительства в города и коттеджные и дачные поселки Подмосковья сезонная субурбанизация начинает постепенно заменяться субурбанизацией западного типа. Однако сезонный характер проживания за городом для большинства москвичей сохранится еще в течение длительного времени.

Заключение

Из-за высокой инерционности систем расселения в 1990–2000-е гг. основные пропорции в расселении населения Московского столичного региона изменились незначительно. Главные новации связаны с двумя одновременно идущими процессами – джентрификацией и субурбанизацией, что проявилось прежде всего в социальной пространственной стратификации населения.

В рамках этой инерционности наблюдались те же тенденции, что существовали в позднесоветский период: продолжался процесс концентрации населения в Москве и в ближнем поясе муниципалитетов Московской области, при стабильной доле субпериферии и снижении доли периферии. Одновременно происходило уплотнение сети расселения за счет усиления фактора близости столицы в системе массовых расселенческих предпочтений населения. При этом следует учитывать, что реально потенциал Москвы еще более высок за счет скрытой, не учитываемой статистикой миграции, ориентированной на столичный рынок труда. В секторной структуре происходит дальнейшее уплотнение сети расселения на западе Подмосковья, что в значительной степени связано с относительно низким уровнем его застроенности. Факторы расселения, связанные с социально-экологической дифференциацией по линии запад–восток, по-прежнему недостаточно заметны: с одной стороны, они нивелируются унаследованными пропорциями размещения сети поселений в Подмосковье, с другой – выбор места жительства с учетом территориальных предпочтений доступен лишь незначительной части населения, поэтому их проявления пока выражены слабо.

В Москве и городах Московской области идет процесс социальной стратификации населения, при этом столица является несомненным лидером по темпам, глубине и результатам трансформационных процессов этого типа. Однако данные тенденции проявляются на фоне сохранения специфических свойств отступающей, но еще стойкой модели социально однородного, смешанного расселения.

Развитие процессов размежевания населения по социальному статусу в городах дополняется размежеванием населения разного социаль-

ного состава и жилья разного качества и в сегменте загородного жилья. Состоятельное население и наиболее качественное жилье сосредоточиваются в организованных коттеджных и дачных поселках в ближнем Подмосковье и в западных направлениях, а наименее состоятельное население и наиболее дешевое жилье – в садово-огородных объединениях советского типа на периферии и на востоке области.

Сельское расселение сильно трансформируется новым коттеджным строительством, при этом сезонное проживание за городом продолжает определять лицо российской субурбанизации, а тенденция переселения москвичей на постоянное место жительства в коттеджные и дачные поселки Подмосковья только начинает проявляться.

Расширение границ Московской агломерации сопровождается усложнением ее структуры и функциональных связей, и одновременно с врастанием Москвы в ближнее Подмосковье происходит врастание Московской области в приграничные районы соседних областей. Новой тенденцией стало появление «окраинных городов» в зоне ближних и дальних пригородов как проявление процессов многофункциональной постсубурбии, что приводит к постепенной трансформации Московской агломерации в город-регион.

Принятое решение об очередном расширении территории Москвы на 160 тыс. га, в результате которого столица будет непосредственно граничить с Калужской областью, оставляет открытым вопрос о том, как это отразится на развитии всей агломерации. С большой степенью вероятности можно говорить о том, что основной вектор развития получит юго-западный сектор, планировочная структура из радиально-кольцевой превратится в секторную, появится малоэтажная субурбия западного типа, а также многое другое. Как показывает предшествующий опыт развития столицы, этот процесс трансформации занимает не менее 20–25 лет, в течение которых могут быть приняты и реализованы градостроительные решения о развитии новых территорий столицы, что трансформирует реальные границы и всю систему функционирования столичной агломерации.

Литература

Бабурин В.Л. и др. Московский столичный регион на рубеже веков: новейшая история и пути развития. – Смоленск: Ойкумена, 2003.

Бабурин В.Л., Кириллов П.Л., Махрова А.Г. Система расселения Московского столичного региона на рубеже веков: преемственность и новации // Изв. РГО. 2004. Т. 136. Вып. 6. С. 60–68.

Браде И., Бурдак И., Рудольф Р. Тенденции развития периферийных зон крупнейших городов Европы // Крупные города и вызовы глобализации. – Смоленск: Ойкумена, 2003. С. 128–138.

Вендина О.И. Частное и общественное в городском пространстве: от теории к московским реалиям // Изв. РАН. Сер. геогр. 2009. № 2. С. 28–38.

Голубчиков О.Ю., Махрова А.Г., Фелпс Н.А. Современные процессы урбанизации в Подмосковье: феномен «окраинного города» // Academia. Архитектура и строительство. 2010. № 3. С. 63–68.

Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. – М.: Новое издательство, 2011.

Заец Е.С., Махрова А.Г., Перцик Е.Н. Новейшие тенденции расселения в Московском столичном регионе // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1990. № 6. С. 24–31.

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Сводный том. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2004.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. http://www.perepis-2010.ru

Кириллов П.Л., Махрова А.Г. Субурбанизация в Московском столичном регионе: современное и перспективное состояние // Региональные исследования. 2009. № 4–5 (25). С. 42–54.

Лаппо Г.М. География городов. – М.: Владос, 1997.

Лаппо Г.М. Города на пути в будущее. – М.: Мысль, 1987.

Лола А.М. Основы градоведения и теории города (в российской интерпретации). – М.: Комкнига, 2005.

Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития – М.: Новый хронограф, 2008.

Махрова А.Г., Ноздрина Н.Н. Дифференциация на рынке жилья в Москве как проявление социального расслоения населения // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2002. № 3. С. 44–50.

Махрова А.Г. Организованные коттеджные поселки: новый тип поселений (на примере Московской области) // Региональные исследования. 2008. № 2 (17). С. 13–20.

Махрова А.Г., Перцик Е.Н. Агломерации второго порядка в Московском столичном регионе: развитие, границы, взаимосвязи // Московский столичный регион / Вопросы географии. Сб. 131. – М.: Мысль, 1988. С. 56–63.

Махрова А.Г., Трифонов А.А. Некоторые черты развития урбанизационных процессов в Московском регионе // Русский город (исследования и материалы). Вып. 9. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 40–74.

Москва в цифрах. Статистический сборник. 1985. Стат. ежегодник / Стат. упр. г. Москвы – М.: Финансы и статистика, 1985.

Народное хозяйство Московской области (1971–1975 гг.). Стат. сборник /

Статистическое управление Московской области – М.: Статистика, 1976.

Народное хозяйство Московской области (1976–1980 гг.). Стат. сборник / Статистическое управление Московской области – М.: Статистика, 1981.

Нефедова Т.Г. Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. 2008. № 5. С. 14–30.

Нефедова Т.Г. Увидеть Россию // Отечественные записки. Т. 32. Анатомия провинции. 2006. № 5. С. 41–60.

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Между городом и деревней. Российская деревня сегодня // Мир России. 2002. № 4. С. 61–82.

Паспорт социально-экономического положения городов и районов Московской области. – М.: Госкомстат России; Московский областной комитет государственной статистики, 1995.

Пресс-выпуски мониторинга общественного мнения Левада-Центра. 2008–2010. http://www.levada.ru/press/2010021703.html

Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. – М.: Наука, 2004.

Симагин Ю.А. Современный этап субурбанизации в Московском регионе. – М.: НИЦ «Геовектор», 1997.

International Perspectives on Suburbanization: A Post-Suburban World? Phelps, N. and Wu, F. (eds), 2011, Palgrave-MacMillan.

Makhrova A. Changing Housing Markets in Russian Cities: case study of Moscow, St. Petersburg and Kazan // Geographische Rundschau. International Edition Vol. 3, № 1/2007. P. 28–35.

The World According to GaWC. http://www.lboro.ac.uk/gawc/gawcworlds.html

A.G. Mahrova

TRANSFORMATION OF SETTLEMENT PATTERN IN THE MOSCOW REGION DURING THE POST-SOVIET PERIOD

The Moscow region was taken as a model territory to analyze the development of settlement system during the Post-Soviet transition period through a prism of continuity and innovations. Both quantitative and qualitative changes in the settlement pattern within the core area, i.e. the city of Moscow, residential suburbs within the Moscow Region, and also the Moscow agglomeration are evaluated. Dynamics of population number and density of the belt-sectoral structure of capital and the capital region was studied by municipal units, as well as changes of the network of urban and rural settlements of the Moscow area. Changes in settlement patterns resulting from the growing social contrasts and leading to formation of prestigious and non-prestigious urban areas and organized cottage settlements are revealed.

А.А. Ткаченко, А.А. Фомкина, В.Н. Шаврин

РАЙОННЫЕ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

Введение. Понятие о районных системах расселения

В работе предпринята попытка сплошного географо-статистического анализа районных систем расселения (далее – РСР) в границах Центрального (ЦЭР) и Центрально-Черноземного (ЦЧР) экономических районов. Работа в основном носит инвентаризационный характер: авторы стремились выяснить, что представляют собой системы расселения данного иерархического уровня и какие их виды встречаются в Центральной России. Обращение к этому вопросу вызвано следующими обстоятельствами.

1. В связи с проводимыми во всех субъектах Федерации работами по территориальному планированию муниципальных районов выявилась потребность в систематизации представлений об организации территории объектов планирования и создании на основе этих представлений некоторого набора моделей пространственного развития муниципальных районов. Основным инвариантом организации любой территории, как известно, является расселение.

2. Районные системы расселения изучены в отечественной научной литературе очень слабо. Большинство имеющихся работ относятся к 1970–1990 гг. Чаще всего в них рассматриваются РСР отдельной области или республики (Мытку, Матей, 1987; Крупко, 1995; Мичурина, 1998; Шаврин, 2010), иногда даже части области (Албитова, 1976), очень редко – целого экономического района (Сараев, 1987). Зачастую изучение РСР ограничивается рассмотрением либо райцентров, либо сельского расселения в районе. Примеры совместного анализа центров районов и остальных населенных пунктов крайне редки (Молодикова, 1987[1]). Во многих работах рассмотрение РСР подменяется анализом экономической и/или демографической ситуации в районах.

Как нам представляется, в современной России РСР стали основным классом имеющих повсеместное распространение систем расселения. Развал колхозов и совхозов и перекройка низового звена административно-территориального устройства разрушили многие прежние

[1] В работе И.Н. Молодиковой рассматривалось взаимосвязанное развитие городского и сельского расселения в административных районах ЦЭР, но вопрос о районных системах расселения не поднимался.

низовые (чаще всего – внутрихозяйственные) системы. Кустовые и межрайонные системы, как и городские агломерации, повсеместного распространения не имеют. Областные системы расселения в силу больших размеров во многом носят формальный характер. В противоположность им размеры большинства РСР Центральной России позволяют почти всем дееспособным жителям района в течение одного дня совершать поездки в райцентр и обратно. Районный уровень – первый, на котором может быть получено большинство стандартных услуг. Жизнедеятельность значительной части населения, особенно сельского, в основном замыкается в пределах своего района (Ткаченко, 1993).

Под районной системой расселения в данной работе понимается совокупность всех населенных пунктов, расположенных в пределах конкретного муниципального (административного) района. В состав РСР включаются и населенные пункты, юридически в район не входящие, но попадающие в контур его границ – так называемые городские округа, напрямую входящие в состав субъектов Федерации. Район, таким образом, рассматривается как единое территориальное (географическое) образование, независимо от административной принадлежности городов и поселков городского типа. РСР выделяются «нормативным» путем – в заданных границах, поэтому нет необходимости доказывать их «системность».

Следует подчеркнуть, что РСР – это системы прежде всего *сельские,* образуемые связями сельских жителей со своим райцентром. Жители райцентра ориентированы в своих пространственных связях на более крупные города – центры регионов, межрайонные центры. Города и пгт без районных функций, для жителей которых вхождение в РСР имеет немалое значение, присутствуют менее чем в четвертой части всех муниципальных районов ЦФО (без учета Московской области), а в Черноземном Центре – лишь в каждом шестом районе.

Прежде чем перейти к рассмотрению РСР Центральной России, остановимся на нескольких принципиальных вопросах теоретического характера. Как и любая другая система расселения, РСР представляет собой территориально целостную совокупность населенных пунктов, скрепленную устойчивыми связями по населению. Понятие о системах расселения должно быть освобождено от некоторых искусственно приписываемых ему свойств. Прежде всего речь идет о включении производственных связей в число системообразующих связей систем расселения. Производственные связи действуют в иных (производственно-территориальных) образованиях, системы расселения образуются лишь

связями «по населению». Об этом было убедительно сказано еще в 1979 г. (Кибальчич и др., 1979, с. 17). Хозяйственная специализация центров не является характеристикой систем расселения.

Структура любой системы расселения может быть представлена как единство двух составляющих: центра системы и внутрисистемного пространства. Последнее включает в себя все остальные населенные пункты данной системы и транспортные пути, связывающие эти пункты с центром и между собой. Характеристика системы расселения должна отражать основные черты как центра, так и внутрисистемного пространства. Среди входящих в систему населенных пунктов обычно есть и другие центры, каждый из них может рассматриваться как центр своей системы (подсистемы), но по отношению к центру всей рассматриваемой системы расселения он является элементом внутрисистемного пространства. Наиболее значимые из этих центров – субцентры, способные частично брать на себя функции общего центра. Субцентры и основные транспортные пути определяют пространственную структуру системы расселения, иначе говоря, структурируют ее внутрисистемное пространство. Для полноценного описания внутрисистемного пространства необходимо детальное исследование сетей транспорта и населенных пунктов. В РСР в качестве субцентров «в первом приближении» могут рассматриваться городские поселения[2], входящие в состав района.

Для обобщенной характеристики внутрисистемного пространства логично обратиться к почти забытому понятию «заселенность территории». Как это ни странно, городское и сельское расселение изучаются почти всегда порознь, хотя в действительности они никогда не существуют изолированно, и только совместное их рассмотрение может дать адекватное представление о «наполнении» территории жителями. На это еще в 1959 г. обратил внимание С.А. Ковалев. В статье «Некоторые принципиальные вопросы типологии расселения» (Ковалев, 1959, с. 9–15) он писал о «типах заселения»[3] как об определенных сочетаниях городского и сельского расселения. В учебно-методическом пособии С.А. Ковалева и Н.Я. Ковальской «География населения» (1971), этот термин трансформирован в «тип заселенности» (Ковалев, Ковальская, 1971, с.123).

[2] Мы употребляем термин «городские поселения» в традиционном смысле, как собирательное обозначение городов и поселков городского типа.

[3] В.П. Семенов-Тян-Шанский использовал этот термин в другом смысле, но со временем предпочел ему «тип расселения» (Семенов-Тян-Шанский, 1928, с. 164).

В настоящей работе, по состоянию на начало 2010 г., анализируется массив из 384 территориальных единиц Центрального (без Московской области) и Центрально-Черноземного районов. Наряду с 383 муниципальными районами рассматривается Борисоглебский городской округ Воронежской области – бывший одноименный район, имеющий достаточно большую площадь и более 11 тыс. сельских жителей. Остальные городские округа, как сказано выше, рассматриваются вместе со своими пригородными районами. Но Воронежский и Калужский городские округа, несмотря на наличие достаточно многочисленного сельского населения, не попали в число рассматриваемых территориальных единиц из-за слишком малой собственной площади и невозможности связать их с каким-либо одним районом.

Центры районных систем расселения

Ключевое звено районной системы расселениям – ее центр. Он определяет лицо системы, по его названию обозначают и всю систему. Роль райцентра в жизни населения района хорошо известна. Он является местом расположения всех органов власти, основных учреждений социальной инфраструктуры, чаще всего – и наиболее крупных мест приложения труда. Кроме того, райцентр, как правило, является основным узлом транспортных путей в районе. Зачастую именно через райцентр осуществляются связи большинства жителей района с внешним миром.

Обобщенно функции райцентра в отношении района могут быть определены как «контроль территории». В известной книге Ж. Боже-Гарнье и Ж. Шабо «Очерки по географии городов» употреблен очень емкий термин «городская опека». Авторы рассматривают демографическую (точнее – трудовую), административную, политическую, торговую, финансовую, производственную (сельскохозяйственную и промышленную), медицинскую, культурную, религиозную, рекреационную опеку. Чем крупнее центр, тем сильнее, интенсивнее и протяженнее все его связи с окружающей территорией, тем полнее осуществляет он «контроль территории» своего района. В качестве центра, осуществляющего контроль над территорией муниципального района, не обязательно должен рассматриваться только его официальный центр. Следует учитывать возможное влияние наиболее крупного центра в пределах каждого района, включая города и пгт, административно в районы не входящие.

Чтобы отразить различия в возможном влиянии центров на территорию возглавляемых ими районов, мы использовали специально разработанную классификацию центров. Она отличается от обычных группировок, во-первых, нетрадиционной разбивкой по людности, во-вторых, тем, что включает в себя как городские, так и сельские населенные пункты.

1-й класс – крупные города с людностью более 100 тыс. чел.

2-й класс – средние города – от 50 до 100 тыс. чел.

3-й класс – субсредние города – от 20 до 50 тыс. чел.

4-й класс – малые города и пгт с людностью до 20 тыс. чел.

5-й класс – райцентры – сельские населенные пункты.

Понятно, что максимальную опеку территории осуществляют центры 1-го класса, а минимальную – центры 5-го класса. В табл. 1 приведена группировка районов по классам контролирующих их территорию центров.

При отнесении городов к тому или иному классу использовался предложенный нами принцип «максимальной достигнутой людности». Согласно ему следует принимать в расчет не «сиюминутную» людность (по последней переписи или текущей оценке), а максимальную людность, которую имел данный город за какой-нибудь весьма продолжительный срок. Мы рассматривали период от переписи 1959 г. до переписи 2010 г. Логика этого принципа заключается в том, что, достигнув определенной величины, город обретает, конечно, в течение некоторого времени соответствующий этой величине социально-экономический потенциал. В случае уменьшения людности, что характерно в последние десятилетия для большинства городов России, особенно малых и средних, социально-культурный потенциал, определяемый наличием разнообразных учреждений, обслуживающих население, как правило, сохраняется в течение очень длительного времени. Поэтому притягательность центра для населения окружающей территории не сни-

Таблица 1. Распределение муниципальных районов Центральной России по классам центров, число районов

Экономический район	Классы центров районов					Всего
	1	2	3	4	5	
ЦЭР (без Московской области)	16	18	45	149	34	262
ЦЧР	7	5	24	58	28	122
Всего	23	23	69	207	62	384

жается. Например, переход многих городов из официальной категории «средних» (50–100 тыс. чел.) в категорию «малых» (до 50 тыс. чел.) обычно не влечет за собой закрытия техникумов и училищ, больниц, театров, музеев и т.д., равно как и универмагов, специализированных магазинов и других объектов социальной инфраструктуры.

Более половины всех районов имеют своим центром населенный пункт 4-го класса – малый город или пгт людностью до 20 тыс. чел. В Центрально-Черноземном районе их доля несколько меньше – 48 %, в Центральном – 57%. Зато доля районов, возглавляемых сельскими населенными пунктами, в Черноземье почти вдвое выше, чем в Центральном районе – 23 и 13% соответственно. В целом следует отметить сильно выраженный сдвиг массива районов в нижние (4-й и 5-й) классы по величине центра (примерно по 70% в ЦФО, ЦЭР, ЦЧР). Единственная из рассматриваемых областей, где районы с центрами 1–3-го класса составляют более половины общего числа районов – Владимирская. Только половина областей имеет более одного центра 1-го класса.

Густота городской сети

В рассматриваемых областях, по нашим подсчетам, в 2010 г. располагалось 229 городов и 249 пгт, более 70% тех и других – в областях ЦЭР. Максимальное количество городских поселений имеет Тверская область, где насчитывается 23 города и 28 пгт. В ЦЧР больше всего городов и пгт в Воронежской области (15 и 21). Наименее развитую городскую сеть имеет Липецкая область – восемь городов и ни одного пгт. Из областей ЦЭР – Орловская (7 городов и 13 пгт).

По показателю густоты городской сети на первом месте среди нестоличных областей находится Тульская область (17,1 горпоселений на 10 тыс. км^2), отрыв ее от других областей весьма значителен: в занимающей второе место Ивановской области густота составляет 12,6 горпоселений на 10 тыс. км^2. В Черноземье наиболее густые сети имеют Белгородская и Курская области (по 10,7). Самые редкие сети – в Костромской (3,2) и Липецкой (3,3) областях. В табл. 2 приведена группировка муниципальных районов по классам густоты городской сети.

Следует отметить, что применительно к муниципальным районам густота сети в расчете на 10 тыс. км^2 – величина достаточно условная. Во всем ЦФО нет ни одного района с площадью, приближающейся к 10 тыс. км^2. Многие районы имеют площадь менее 1 тыс. км^2. Всего в пяти районах площадь превышает 4 тыс. км^2. Расчет на 10 тыс.

Таблица 2. Распределение муниципальных районов по классам густоты городской сети, число районов

Экономический район	Классы густоты					Всего районов	Средняя густота, чел./км^2
	1. Высокая, >20	2. Выше средней, 12–20	3. Средняя, 8–11	4. Низкая, 1–7	5. Без городов и пгт, 0		
ЦЭР (без Московской области)	20	43	83	85	31	262	8,1
ЦЧР	7	16	31	40	28	122	7,5
Всего	27	59	114	125	59	384	7,9

традиционно проводится с целью получить более или менее осязаемые цифры. При этом не редки случаи, когда районы с единственным городом или пгт имеют сравнительно высокие значения густоты, так как площадь этих районов невелика. В 59 районах ЦФО вообще нет ни одного города или пгт, густота сети в них равна 0. По областям максимальные значения в районах достигают 39, 40, 43, 54.

Районы без городов и пгт в ЦЭР составляют около 12%, а в ЦЧР – почти 23%. Максимальное число таких районов – 10 – в Липецкой области, где они составляют более половины общего числа районов. Наибольшее число (и долю) районов без городской сети в ЦЭР имеет Костромская область – 8 ($^1/_3$). Владимирская и Ивановская области вообще не имеют таких районов. Но в целом ряде областей как ЦЭР, так и ЦЧР нет районов с высокой густотой, а в Смоленской и Липецкой – даже с густотой «выше средней».

Районы с низкой густотой городской сети и районы, где эта сеть отсутствует, образуют два основных массива: первый – к западу и северу от Москвы, второй – к югу и юго-востоку. Районы же со средними и высокими значениями располагаются широкой полосой, протянувшейся с юго-запада на северо-восток территории ЦФО (от Брянской и Курской до Владимирской и Ивановской областей).

Плотность сельского населения

Среднее значение плотности сельского населения в Центральной России (без учета Московской области) составляет 10,4 чел./км^2. В ЦЭР средняя плотность равна 7,8 чел./км^2, в Черноземье –

17,0. В рассматриваемых областях она меняется от 3,6 в Костромской до 18,9 в Белгородской области. В ЦЭР наибольшие, почти одинаковые, значения плотности имеют Брянская, Орловская и Тульская области (11–12 чел./км^2). Из черноземных областей наиболее плотно заселена сельская местность Белгородской (см. выше), наименее – Тамбовской области (13,3), но и в ней средний показатель выше, чем в любой из нестоличных областей ЦЭР.

В разрезе муниципальных районов плотность сельского населения меняется от 1 до 53 чел./км^2. Всего в семи районах значение плотности превышает 30 чел./км^2. Группировка районов по значению плотности приведена в табл. 3.

Таблица 3. Распределение муниципальных районов по классам плотности сельского населения, число районов

Экономический район	Классы плотности					Всего районов	Средняя плотность, чел./км^2
	1. Высокая, > 20	2. Выше средней, 13–20	3. Средняя, 9–12	4. Низкая, 6–8	5. Очень низкая, 1–5		
ЦЭР (без Московской области)	12	21	53	69	107	262	7,8
ЦЧР	15	61	33	13	–	122	17,0
Всего	27	82	86	82	107	384	10,4

В областях ЦЭР, за исключением Московской, очень мало районов с высокой плотностью сельского населения – всего 12. В Смоленской и Тверской областях их вообще нет. В шести областях высокую плотность имеет лишь один район – пригородный при областном центре. В Костромской, Тверской и Ярославской нет районов со значением плотности «выше средней». В большинстве областей ЦЭР более половины районов имеют низкую и очень низкую плотность, а в трех областях районы с очень низкой плотностью составляют абсолютное большинство: в Костромской 21 из 24, в Смоленской 17 из 25, в Тверской 33 из 36.

В ЦЧР, наоборот, преобладают районы со сравнительно высокими показателями плотности сельского населения, ровно половина районов имеет значения «выше среднего». Районов с очень низкой плотностью здесь вообще нет. В Белгородской области нет и районов с низкой плотностью, в Липецкой – только один такой район.

Географическая картина пространственных различий в плотности сельского населения (рис. 1) достаточно проста и логична. Северная лесная часть ЦЭР – большая часть Смоленской, Тверская, Ярославская и Костромская области – имеют в основном очень низкую плотность. В Черноземном Центре преобладают значения «выше средней» и высокие, при существенной доле средних. Между двумя этими «полярными» группами расположена группа областей, где чередуются низкие, средние и высокие значения. Однако правильное зональное увеличение плотности с севера на юг резко нарушается мощным сгустком сельского населения Московской области.

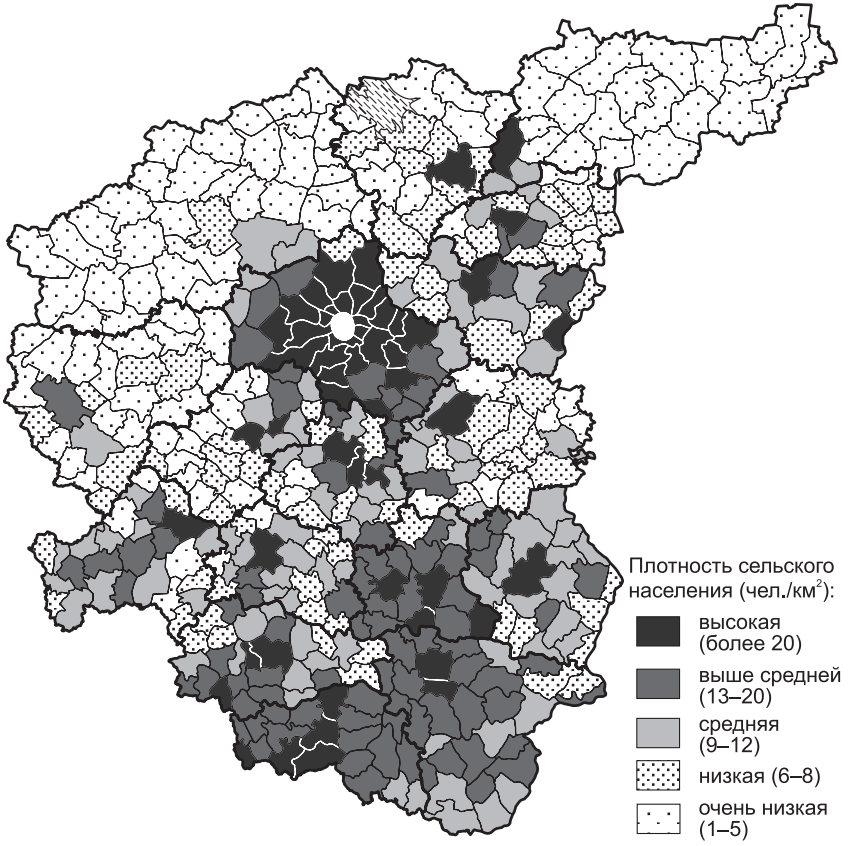


Рис. 1. Плотность сельского населения в муниципальных районах Центрального и Центрально-Черноземного экономических районов в 2010 г.

Заселенность территории

Заселенность территории отражает характер заполнения внутрисистемного пространства системы расселения городскими центрами и сельским населением. Следует иметь в виду, что плотность населения отражает не только насыщенность территории жителями, но косвенно характеризует и интенсивность их хозяйственной деятельности. Аналогично густота городской сети «схватывает» размещение всевозможных производственных и социальных объектов, а также дает представление о средней удаленности территории от расположенных в ее пределах городах и пгт. Следовательно, густота является показателем пространственной доступности городских поселений.

Определенное сочетание значений густоты городской сети и плотности сельского населения мы рассматриваем как тип заселенности территории. Для выделения типов используются введенные ранее классы значений этих показателей (табл. 4).

Таблица 4. Типология заселенности муниципальных районов Центральной России (распределение районов по классам плотности сельского населения и густоты городской сети)

Классы плотности сельского населения	Классы густоты городской сети					Всего районов
	1	2	3	4	5	
1	4 (I)	7	7 (IV)	6	3 (VI)	27
2	6	13	21	21	21	82
3	8 (II)	14	32 (III)	29	11 (VII)	86
4	9	19	26	20 (V)	8	82
5	–	6	28	57	16	107
Всего районов	27	59	114	125	59	384

Ⓘ – Ⓥⅱ – номера типов заселенности.

Совместное рассмотрение распределения районов по классам значений плотности сельского населения и густоты городской сети позволило выделить семь типов заселенности. Ниже дана обобщенная характеристика этих типов.

Тип I – наиболее заселенные территории с высокими значениями густоты городской сети и плотности сельского населения.

Тип II – среднезаселенные территории с высокими значениями густоты городской сети и средними или низкими значениями плотности сельского населения.

Тип III – среднезаселенные территории со средними значениями густоты городской сети и плотности сельского населения.

Тип IV – среднезаселенные территории со средними или низкими значениями густоты городской сети и высокими значениями плотности сельского населения.

Тип V – слабозаселенные территории с низкими или средними значениями густоты городской сети и низкими значениями плотности сельского населения.

Тип VI – среднезаселенные территории при отсутствии городских поселений и высокой плотности сельского населения.

Тип VII – слабозаселенные территории при отсутствии городских поселений и средней или низкой плотности сельского населения.

Группировка районов областей Центральной России по типам заселенности приведена в табл. 5 и показана на рис. 2. Наиболее запол-

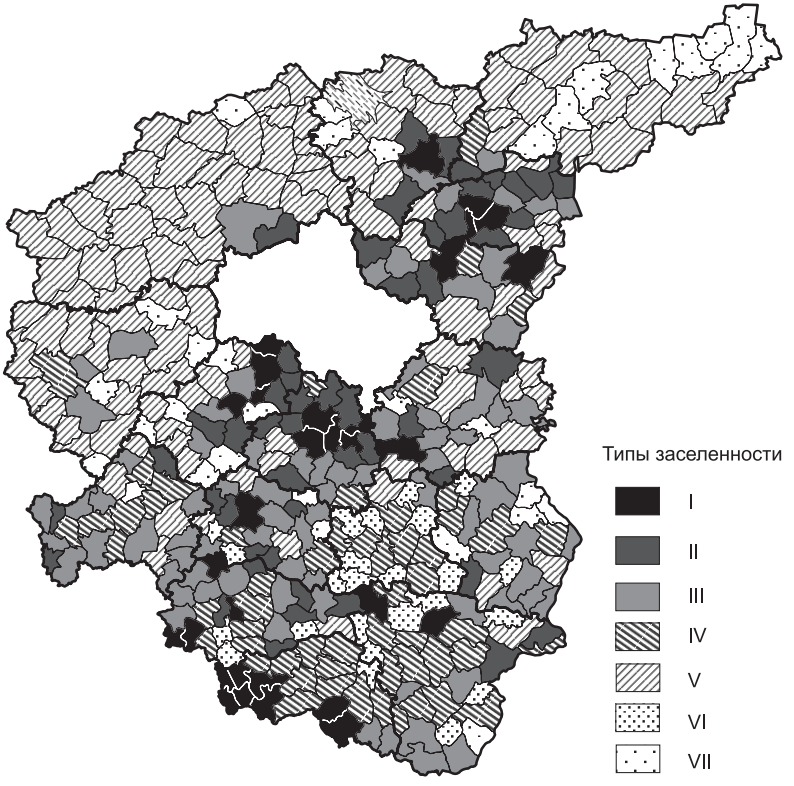


Рис. 2. Заселенность территории

Таблица 5. Распределение муниципальных районов по типам заселенности территории, число районов

Область	Типы заселенности							Всего
	I	II	III	IV	V	VI	VII	
1. Брянская	–	3	12	7	4	–	1	27
2. Владимирская	2	3	5	2	4	–	–	16
3. Ивановская	3	9	4	–	5	–	–	21
4. Калужская	3	5	3	–	7	–	6	24
5. Костромская	–	1	1	1	13	–	8	24
6. Орловская	1	5	8	2	3	1	4	24
7. Рязанская	1	3	9	1	9	–	2	25
8. Смоленская	–	–	3	1	17	–	4	25
9. Тверская	–	1	1	–	33	–	1	36
10. Тульская	5	8	5	2	2	–	1	23
11. Ярославская	1	3	1	–	9	–	3	17
ЦЭР (без Московской обл.)	16	41	52	16	106	1	30	262
12. Белгородская	8	–	2	10	–	1	–	21
13. Воронежская	2	2	6	13	1	7	1	32
14. Курская	4	6	8	6	1	3	–	28
15. Липецкая	–	–	1	6	1	10	–	18
16. Тамбовская	–	1	10	4	2	2	4	23
ЦЧР	14	9	27	39	5	23	5	122
Всего	30	50	79	55	111	24	35	384

ненным является V тип – слабозаселенные районы с низкими значениями плотности населения и густоты городской сети. На него приходится почти 30% рассматриваемых районов и более 40% районов ЦЭР. В ЦЧР районов этого типа мало, поскольку для Черноземья районы с низкой плотностью сельского населения не характерны. Здесь самый представительный тип – IV, преимущественно сельского заселения, на который приходится почти третья часть всех районов ЦЧР. Области заметно различаются по структуре множества районов. Тульская и особенно Белгородская области выделяются сравнительно большим числом районов I типа (с наибольшей заселенностью), Ивановская – районов II типа (преимущественно городского заселения), Рязанская, Брянская и Тамбовская – районов III типа со сбалансированным заселением. В некоторых областях на один тип приходится более половины всех районов, а в Тверской области почти все районы принадлежат к одному V типу.

Выделенные семь типов можно свести в три группы по уровню заселенности: наиболее заселенные (тип I), среднезаселенные (типы II, III, IV, VI), слабозаселенные (типы V и VII). Распределение районов по этим группам дает обобщенное представление о различиях в заселенности территории (табл. 6).

Доля сильнозаселенных районов невелика в обеих крупных частях Центральной России, доли же среднезаселенных и слабозаселенных районов различаются весьма заметно. В ЦЭР более половины всех территорий относятся к слабозаселенным и 42% – к среднезаселенным. В ЦЧР слабозаселенных районов всего 8%, а 80% имеют среднюю заселенность.

Таблица 6. Доля муниципальных районов с разным уровнем заселенности, %

Район	Наиболее заселенные	Среднезаселенные	Слабозаселенные	Всего
ЦЭР	6,1	42,0	51,9	100,0
ЦЧР	11,5	80,3	8,2	100,0
Всего	7,8	54,2	38,0	100,0

Варианты районных систем расселения

Класс центра, отражающий его величину, и тип заселенности, характеризующий внутрисистемное пространство РСР, в совокупности могут дать весьма полное представление об этих системах. На завершающей стадии исследования были совмещены группировки районов Центральной России по этим признакам. Всего получено 11 вариантов РСР (табл. 7).

Ниже дается характеристика полученных вариантов. Десять из них могут считаться основными и один, несформированный, включающий всего 3 РСР, дополнительным. Варианты объединены в три группы в соответствии с типом центра РСР. Первую группу составляют 46 РСР, возглавляемых центрами 1-го и 2-го классов, т.е. городами людностью от 50 тыс. чел. Согласно наиболее распространенной классификации, это средние, большие и крупные города. РСР этой группы принадлежат к трем (1–3) вариантам. Вторую группу образуют РСР, возглавляемые городами до 50 тыс. чел. и пгт. У нас это центры 3-го и 4-го классов. К этой группе относится подавляющее большинство всех РСР Центральной России – 276, они составили пять вариантов (4–8 варианты). Третью группу составляют РСР, возглавляемые сельскими населенными пунктами. Сюда относятся 62 районные системы, принадлежащие

Таблица 7. Варианты районных систем расселения

Тип заселенности	Классы центров районных систем расселения					Всего районов
	1	2	3	4	5	
I	8 ①	4	7 ④	10	1 ⑪	30
II	1	4	17	26	2	50
III	2 ②	2	13 ⑤	62 ⑦		79
IV	11	5	15	24		55
V	1 ③	8	17 ⑥	85 ⑧		111
VI					24 ⑨	24
VII					35 ⑩	35
Всего районов	23	23	69	207	62	384

①–⑪ – номера вариантов районных систем расселения.

к двум основным и одному дополнительному варианту РСР (9–11 варианты). В рамках нашего исследования РСР первой группы могут рассматриваться как «крупногородские», РСР второй группы как «среднецентровые» и РСР третьей группы как «руральные».

Первая группа – крупногородские РСР

1. Наиболее сформированные РСР, в которых развитый центр сочетается с высокой заселенностью территории. Это означает, что в пределах РСР этого варианта наблюдается высокая плотность сельского населения и хорошая доступность городских поселений. К этому варианту отнесено всего 12 РСР, из них 8 возглавляются городами 1-го класса и 4 городами 2-го класса. Это наиболее урбанизированные и освоенные из рассматриваемых нами территорий. Сюда отнесены: Белгородская, Владимирская (в пределах Суздальского района), Ивановская, Орловская, Тульская (в пределах Ленинского района), Ярославская, Боровская (вместе с Обнинском, в Калужской области), Новомосковская, Узловская, Щекинская (Тульской области), Железногорская (Курской области), Шуйская (Владимирской области) РСР. К ЦЧР относятся всего две районные системы этого варианта.

2. Менее сформированные, чем в предыдущем варианте, РСР. Крупные центры возглавляют среднезаселенные территории. Из 25 РСР этого варианта 8 возглавляются областными центрами: Брянском, Костромой, Курском, Липецком, Рязанью, Смоленском, Тамбовом и Тверью. Еще 6 – другими городами 1-го класса: Ельцом, Кинешмой, Ковровом, Мичуринском, Муромом и Старым Осколом. Остальные 11 РСР, отнесенные ко второму варианту, имеют своим центром города 2-го клас-

са: Александров (Владимирской области), Алексин и Ефремов (Тульской), Борисоглебск, Лиски и Россошь (Воронежской), Вичуга (Ивановской), Губкин (Белгородской), Клинцы (Брянской), Ливны (Орловской), Сафоново (Смоленской области). Вариант распадается на три подварианта в связи с особенностями заселения. Ядро варианта образуют 16 районных систем с высокой плотностью сельского населения. Из 25 РСР этого варианта 10 относятся к ЦЧР.

3. Наименее сформированные из крупногородских систем – слабозаселенные территории, возглавляемые городами 1-го и 2-го классов. Их всего 9. Центрами этих РСР являются один представитель 1-го класса – Рыбинск и города 2-го класса: Вышний Волочек, Кимры, Торжок, Ржев (Тверской области), Гусь-Хрустальный (Владимирской), Вязьма, Рославль и Ярцево (Смоленской области). Вариант представлен только в ЦЭР.

Вторая группа – среднецентровые РСР

4. Наиболее сформированные в данной группе РСР, которые состоят из небольших центров (3-го и 4-го классов) и сильно заселенных территорий. Таких РСР всего 17, из них 7 возглавляются центрами 3-го класса, остальные – центрами 4-го класса. В основном (12 из 17) это территории Черноземного Центра.

5. Центры 3-го класса (субсредние города) и среднезаселенные территории. К этому варианту относятся 45 РСР, они почти поровну распределяются по трем типам заселенности, а также между Центральным и Центрально-Черноземным районами. Поскольку Черноземье по числу РСР существенно меньше, чем ЦЭР, можно считать, что этот вариант относительно более характерен для ЦЧР.

6. Центры 3-го класса и слабозаселенные территории. Вариант почти полностью (16 из 17) представлен РСР Центрального района.

7. Центры 4-го класса (малые города и пгт) и среднезаселенные территории. Самый многочисленный из выделенных нами вариантов (112 РСР). Из трех подвариантов, различающихся характером заселения, доминирует второй со средними значениями как густоты городской сети, так и плотности сельского населения. К Центрально-Черноземному району относятся 45 РСР этого варианта, что составляет более $^1/_3$ всех его РСР.

8. Центры 4-го класса и слабозаселенные территории. Второй по численности вариант при абсолютном доминировании РСР Центрального района. К Черноземью принадлежат всего 4 из 85 РСР этого варианта.

Третья группа – руральные РСР

9. Полностью сельские системы в условиях среднезаселенной территории. Сельские центры во главе районов с высокой плотностью сельского населения. Таких РСР всего 23, из них 22 – в Черноземье. Единственная территория этого варианта в ЦЭР, Троснянский район Орловской области, находится на границе с Курской областью.

10. Полностью сельские системы в условиях слабозаселенной территории. Сельские центры возглавляют районы со средней и низкой плотностью сельского населения. Почти все (30 из 35) из отнесенных к этому варианту РСР находятся в Центральном районе.

11. Дополнительный, несформированный вариант характеризуется тем, что в состав РСР, возглавляемых сельскими населенными пунктами, входят небольшие поселки городского типа, неспособные взять на себя лидерство в системе. Таких территорий выявлено всего три, все они принадлежат Центральному району.

Таблица 8 показывает принадлежность РСР к трем группам вариантов. Хорошо видно, что для ЦЭР характерна повышенная доля крупногородских и среднецентровых РСР и пониженная доля руральных, в ЦЧР – обратная картина. В табл. 9 и на рис. 3 представлено распределение РСР областей Центральной России по выделенным вариантам.

Самыми многочисленными, как уже отмечалось, являются 7-й и 8-й варианты, вместе они составляют более половины (29 и 22% соответственно) всех рассматриваемых РСР. Это системы, в которых малые (в том числе субсредние) города и пгт возглавляют среднезаселенные (7-й тип) и слабозаселенные (8-й тип) территории. Именно такие РСР наиболее характерны для Центральной России. В большинстве областей Центрального района более половины всех РСР принадлежит к двум этим вариантам. Однако в черноземных областях они составляют большинство только в Курской области, в Там-

Таблица 8. Распределение районных систем расселения по укрупненным группам, число / %

Район	Группы районных систем расселения			Всего
	1. Крупногородские	2. Среднецентровые	3. Руральные	
ЦЭР	34 / 13,0	194 / 74,0	34 / 13,0	262 / 100,0
ЦЧР	12 / 9,8	82 / 67,2	28 / 23,0	122 / 100,0
Всего	46 / 12,0	276 / 71,9	62 / 16,1	384 / 100,0

Таблица 9. Варианты районных систем расселения в областях Центральной России, число районов

Область	Варианты районных систем расселения											Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
1. Брянская		2			4		15	4		1	1	27
2. Владимирская	1	3	1	1	3	1	4	2				16
3. Ивановская	2	2		1	5		6	5				21
4. Калужская	1			1		2	7	5		6	2	24
5. Костромская		1			1	4	1	9		8		24
6. Орловская	1	1			1		13	3	1	4		24
7. Рязанская		1		1	3		9	9		2		25
8. Смоленская		2	3			1	2	13		4		25
9. Тверская		1	4		1	6		23		1		36
10. Тульская	4	2		1	4		9	2		1		23
11. Ярославская	1		1		3	2	1	6		3		17
ЦЭР (без Московской обл.)	10	15	9	5	25	16	67	81	1	30	3	262
12. Белгородская	1	2		7	3		7		1			21
13. Воронежская		3		2	7		11	1	7	1		32
14. Курская	1	1		3	3		16	1	3			28
15. Липецкая		2			3	1	2		10			18
16. Тамбовская		2			4		9	2	2	4		23
ЦЧР	2	10		12	20	1	45	4	23	5		122
Всего	12	25	9	17	45	17	112	85	24	35	3	384

бовской – около половины. В большинстве черноземных областей заметное место занимают чисто сельские, или руральные, системы расселения, хотя преобладают они только в Липецкой области.

Литература

Албитова Н.В. Степени зрелости районных систем расселения // Известия ВГО. 1976. № 5.

Боже-Гарнье Ж., Шабо Ж. Очерки по географии городов / пер. с фр. – М., 1967.

Кибальчич О.А., Лаппо Г.М., Степанов М.Н., Трейвиш А.И. Узловые вопросы изучения территориальной структуры производства и расселения населения в СССР // Территориальная организация народного хозяйства Советского Союза. – М., 1979.

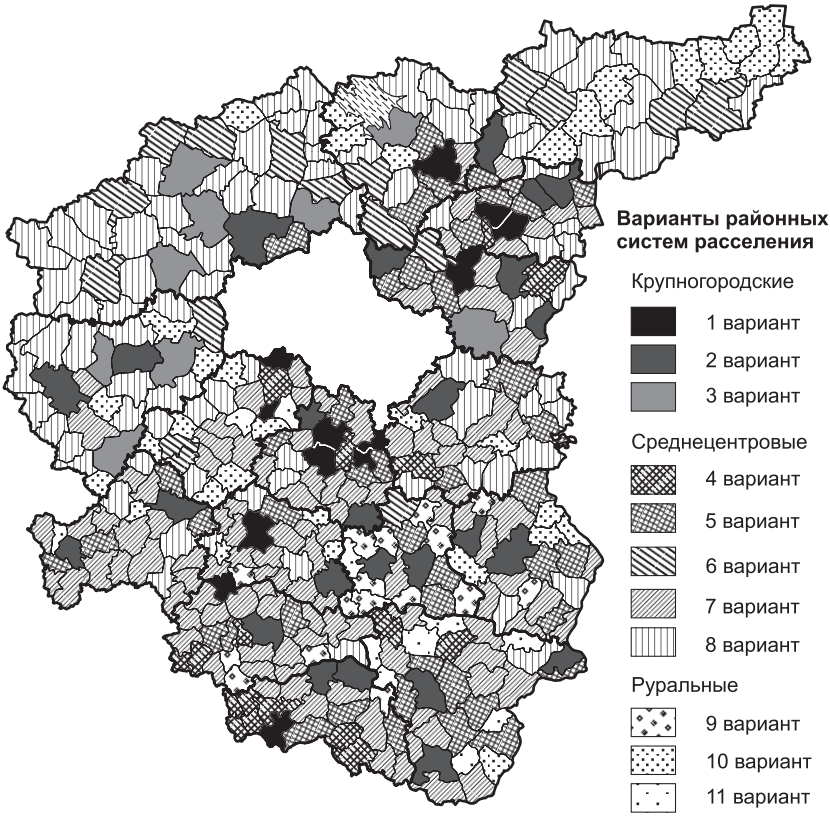


Рис. 3. Районные системы расселения

Ковалев С.А. Некоторые принципиальные вопросы типологии расселения // География городских и сельских поселений / Вопросы географии. Сб. 45. – М.: Географгиз, 1959.

Ковалев С.А., Ковальская Н.Я. География населения. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.

Крупко А.Э. Динамика территориальной структуры сельского расселения Воронежской области // Материалы для изучения сельских поселений России. Ч. II. История. География. Экономика. Экология. – М., 1995.

Мичурина Ф.З. Сельское расселение. Ч. II. Региональный анализ развития и политика регулирования. – Пермь, 1998.

Молодикова И.Н. Экономико-географические особенности взаимосвязанного развития городского и сельского расселения ЦЭР / автореф. дис. … канд. геогр. наук. – М., 1987.

Мытку М.А., Матей Г.К. Развитие низовых систем расселения в Молдавской ССР // Системы расселения в различных регионах СССР. – Горький, 1987.

Сараев Д.С. Уровень развития территориальных систем расселения // Системы расселения в различных регионах СССР. – Горький, 1987.

Семенов-Тян-Шанский В.П. Район и страна. – М.–Л., 1928.

Ткаченко А.А. Районные системы обслуживания Тверской области // Территориальная организация сельской местности Нечерноземья. – Тверь,1993.

Шаврин В.Н. Опыт изучения районных систем расселения Тверской области // Пространственная организация, функционирование, динамика и эволюция природных, природно-антропогенных и общественных географических систем: Мат-лы Всеросс. научной конференции. – Киров, 2010.

A.A. Tkachenko, A.A. Fomkina, V.N. Shavrin

SETTLEMENT SYSTEMS OF MUNICIPAL DISTRICTS OF CENTRAL RUSSIA

The comprehensive geographic-statistical research of the settlement systems of municipal districts of the Central and the Central Chernozem economic regions has been carried out. A Settlement system is regarded as unity of its center and the hinterland – intrasystem space. The types of settlement are determined and the variants of the settlement systems of municipal districts are revealed. Spatial distribution of the settlement systems of different kinds is also shown.

С.Н. Кузнецова, С.И. Яковлева

ТРАНСПОРТНЫЕ УСЛОВИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

Расселение играет ведущую роль в процессах развития сельской местности. Важнейшим фактором его сохранения и развития в настоящее время является транспорт. Транспортные сети обеспечивают связность населенных пунктов, перемещение и мобильность населения, доступность центров обслуживания и мест работы. Нерешенные проблемы обеспечения населения постоянной транспортной связью ведут к уменьшению количества сельских населенных пунктов, потере обрабатываемых земель и к «сжатию» освоенной территории. Говоря о значении транспорта для сельского расселения, Г.А. Гольц отмечает, что «в сельской местности транспортная обеспеченность определяет пространственную дифференциацию сельского населения, что отражается в характере его социальной и демографической структуры, оказывает существенное влияние на развитие различных сторон сельской жизни, в частности, здравоохранение и образование» (Гольц, 1981, с. 29). Однако и в обществе в целом, и в системе региональной и муниципальной власти, как правило, отсутствует понимание неразрывной связи проблем расселения и транспорта. Управление этими сферами зачастую рассматривается без достаточной взаимной увязки.

В качестве базового понятия при анализе сельского расселения региона в его связях с транспортом предлагается использовать понятие – транспортные условия сельского расселения. Транспортные условия рассматривать как совокупность свойств и параметров транспортных сетей и работы транспорта, способных влиять на структуру, функционирование и развитие расселения (отдельных населенных пунктов, их сетей и систем). Должен рассматриваться транспорт всех видов и форм собственности. Базовое понятие можно структурировать на три основных элемента: транспортная освоенность региона, транспортно-географическое положение сельских населенных пунктов и транспортное обслуживание населения. В регионах Центральной России основную роль играют автомобильный (общественный и личный) и железнодорожный транспорт.

Использование понятия «транспортные условия сельского расселения», а не более привычного «транспортный фактор» подчеркивает, что совокупность определенных свойств и параметров транспортных сетей и работы транспорта скорее является неким внешним

условием (внешней средой) развития и функционирования сельского расселения, а не выступает в качестве причины данного процесса.

Возможности развития современного сельского расселения в значительной степени определяются транспортно-географическим положением сельских населенных пунктов – близостью к дорогам с твердым покрытием и остановкам железнодорожного транспорта. По словам Е.Е. Лейзеровича, «для жителей… сельских поселений большей части России расстояние до ближайшей железнодорожной станции все еще остается важнейшим критерием благополучия их существования» (Лейзерович, 2006, с. 13). Таким же критерием для периферийных населенных пунктов является близость к дорогам с твердым покрытием.

Фактор транспортно-географического положения, по мнению Е.Е. Лейзеровича, пространственно дифференцирует Россию «в социально-экономическом отношении по зонам транспортной доступности не меньше, чем по природным зонам, политико-административным регионам или этническим ареалам» (Лейзерович, 2006, с. 13).

Транспортно-географическое положение – одна из важных составляющих экономико-географического положения сельских населенных пунктов. Впервые вопрос о географическом положении сельских населенных пунктов поставил С.А. Ковалев. В работе «Об экономико-географическом положении сельских поселений и его изучении», опубликованной в 1957 г., он дает характеристику особенностей экономико-географического положения сельских населенных пунктов различных функциональных типов, рассматривая среди прочих факторов и положение относительно «…внешней дорожной сети, связывающей его [селение] с другими пунктами и всей страной» (Ковалев, 1957, с. 146).

Полигон нашего исследования – *Тверская область* – крупный староосвоенный межстоличный регион с очень низкой плотностью сельского населения (4,2 чел./км^2) и средней для Центральной России густотой сети сельских населенных пунктов (11,3 сельского пункта на 100 км^2). В сельской поселенческой сети 9,5 тыс. пунктов, в том числе около 70% – мельчайшие и мелкие (до 50 чел.), а 18% – без постоянных жителей. В сельской местности живет около 26% населения области (340 тыс. чел.). При относительно высокой плотности автодорог с твердым покрытием (186 км/1000 км^2, 2009 г.) четверть сельского населения (по нашим оценкам) не имеет постоянной транспортной связи (сезонное бездорожье), еще около 4% – живет в условиях постоянного бездорожья (населенные пункты связаны с внешним миром

только проселочными дорогами). Отсутствие постоянной транспортной связи – одна из главных проблем сельского расселения региона.

Железнодорожные и автомобильные магистрали московской и петербургской (ленинградской) транспортных систем образуют обращенные навстречу друг другу радиально-кольцевые структуры. Внутреннее срединное расположение в этой схеме Тверского региона создает диагональные, секущие территорию линии коммуникаций и *транспортные коридоры* (Москва – Санкт-Петербург и Москва – Рига). По отношению к транспортным коридорам отдельные части региона имеют примагистральное или периферийное положение.

Основой *транспортного каркаса сельского расселения* Тверского региона являются автомобильные дороги с твердым покрытием и железные дороги. Сеть автомобильных дорог в области представлена асфальтобетонными (общая протяженность – 6881 км), песчано-гравийными (7457 км) и грунтовыми (930 км) дорогами. Относительно высокой плотностью асфальтобетонных дорог отличаются центральные и восточные районы области (рис. 1). Минимальная плотность асфальтобетонных дорог – в западных и северных периферийных районах области. Значительны различия между районами по плотности грунтовых дорог. Наиболее густые сети

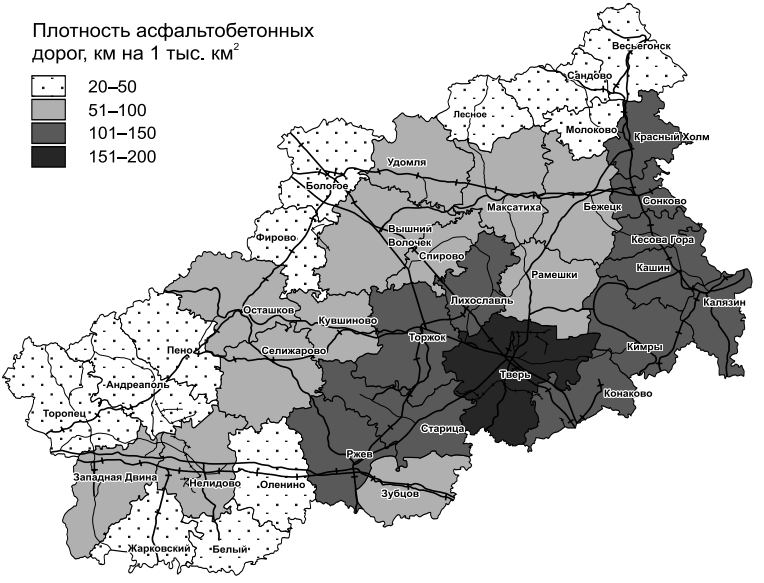


Рис. 1. Плотность асфальтобетонных дорог в Тверской области в 2010 г.

песчано-гравийных дорог сосредоточены в периферийных районах области (рис. 2). Их доля в районных сетях – от 1 до 20–30%.

В работе рассматривается период 1959–2009 гг., в течение которого произошло значительное увеличение протяженности дорог с твердым покрытием (асфальтобетонным). Это кардинально изменило транспортно-географическое положение сельских населенных пунктов, транспортный фактор стал определяющим в развитии сельского расселения.

По особенностям расположения относительно автомобильных и железных дорог можно выделять следующие типы транспортно-географического положения (ТГП) сельских населенных пунктов: *примагистральный, периферийный, глубоко периферийный и пристанционный.* Данная типология (табл. 1), включающая 7 вариантов положения (4 типа с подтипами), использована для оценки структуры сельского расселения по особенностям ТГП населенных пунктов (Кузнецова, 2012). «Привязывая» каждый анализируемый населенный пункт к ближайшей дороге или железнодорожной станции, можно выявить *зоны влияния* конкретных автомобильных дорог и станций.

Пункты с разным типом транспортно-географического положения различаются по динамике общей численности и доли населения.

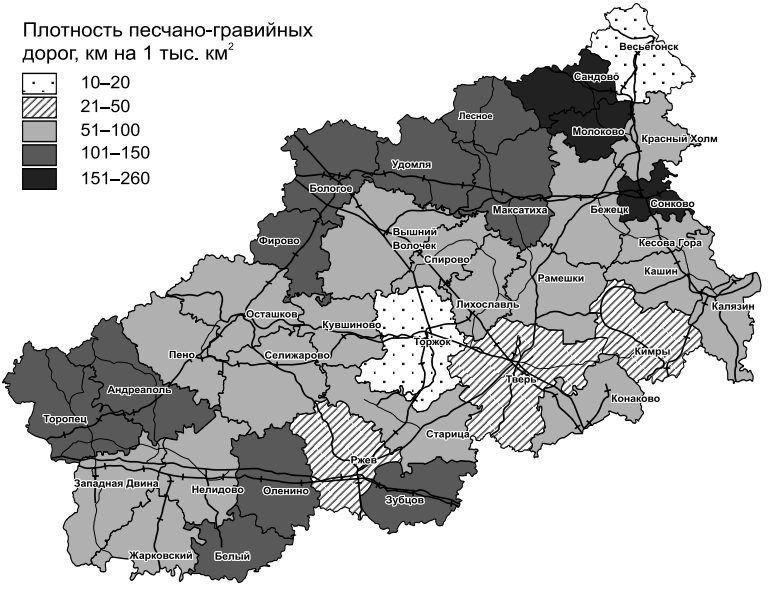


Рис. 2. Плотность песчано-гравийных дорог в Тверской области в 2010 г.

В населенных пунктах, расположенных на автомагистралях Москва – Санкт-Петербург и Москва – Рига, проживает более 20 тыс. чел., или 5,5% сельского населения области. Численность и доля населения в магистральных пунктах ($М_1$) постепенно увеличиваются. Это единственный из представленных в табл. 1 типов ТГП сельских населенных пунктов, в котором наблюдается рост людности. В районах транспортного коридора Москва – Санкт-Петербург самую большую численность и долю населения, проживающего в пунктах на автомагистрали, имеют примосковские районы – Конаковский и Калининский. Для сельских пунктов на автостраде Москва – Санкт-Петербург характерна активная трансформация функционального типа – они стремительно превращаются в пункты технического обслуживания с большим набором предприятий и услуг дорожного сервиса (АЗС, кафе, гостиницы, магазины, ремонтные службы, автостоянки и прочие предприятия и службы дорожно-транспортных комплексов).

Таблица 1. Типы транспортно-географического положения сельских населенных пунктов

<table>
<tr><th rowspan="3">Категория дорог</th><th colspan="3">Положение сельских населенных пунктов</th></tr>
<tr><th rowspan="2">на трассе</th><th colspan="2">на расстоянии от дорог:</th></tr>
<tr><th>до 2,5 км</th><th>до 5 км</th></tr>
<tr><td rowspan="2">1. Автомагистрали (автострады), автомобильные дороги с усовершенствованным покрытием (усовершенствованные шоссе)</td><td colspan="3">Примагистральные пункты</td></tr>
<tr><td>$М_1$</td><td colspan="2">$М_2$</td></tr>
<tr><td rowspan="2">2. Автомобильные дороги с покрытием (шоссе)</td><td colspan="3">Периферийные пункты</td></tr>
<tr><td>$П_3$</td><td>$П_4$</td><td rowspan="2"></td></tr>
<tr><td>3. Автомобильные дороги без покрытия (улучшенные грунтовые дороги)</td><td colspan="2">$П_5$</td></tr>
<tr><td rowspan="2">4. Грунтовые проселочные дороги</td><td colspan="3">Глубоко периферийные пункты</td></tr>
<tr><td>$ГП_6$</td><td colspan="2"></td></tr>
<tr><td rowspan="2">5. Железные дороги</td><td colspan="3">Пристанционные</td></tr>
<tr><td>$ПС_7$</td><td colspan="2"></td></tr>
</table>

В сельских населенных пунктах, расположенных *в придорожных полосах до 5 км от автомагистралей* ($М_2$), проживают более 35 тыс. чел. (более 9% сельского населения области). Доля населения в примагистральных пунктах выросла к 2009 г. в 2 раза по сравнению с 1959 г., но численность населения в них уменьшается с 1990-х гг.

Примерно половина сельского населения области – 200 тыс. чел. живет в населенных пунктах *на шоссейных автодорогах* ($П_3$). Числен-

ность населения в них постоянно уменьшается, а доля – растет. Этот тип преобладает в примосковских и внутренних староосвоенных районах области, через которые проходили старые гужевые тракты, а сейчас – шоссейные дороги (от Твери на Бежецк, Старицу, Осташков).

В пунктах, расположенных *в полосах 2,5 км* ($П_4$) от автомобильных дорог с твердым покрытием (шоссе), живут в настоящее время более 30 тыс. чел. (8% сельского населения области). Численность и доля сельских жителей в этих пунктах постоянно уменьшаются.

В пунктах, которые расположены *не далее 2,5 км от автодорог без покрытия* ($П_5$), сосредоточена почти четверть сельского населения области – около 70 тыс. чел. Численность и доля проживающего в них населения постоянно уменьшаются. При этом в наиболее удаленных от Твери районах (Жарковском, Бельском, Андреапольском, Весьегонском и Молоковском) эти пункты составляют основной тип ТГП, в них сосредоточено до половины всего сельского населения этих районов.

Глубоко-периферийные ($ГП_6$) – сельские пункты вне зоны пешеходной доступности автомагистралей (дальше 5 км) и автодорог (дальше 2,5 км), расположенные на грунтовых проселочных дорогах. Это населенные пункты – без постоянной транспортной связи, в них живет около 4% сельского населения области (почти 15 тыс. чел.), а в ряде периферийных районов области – до 10–15%. Численность постоянного населения в глубоко-периферийных пунктах сократилась с 1959 г. почти в 15 раз и продолжает уменьшаться.

Пристанционные – прижелезнодорожные ($ПС_7$) – пункты при станциях, платформах, разъездах. В таких пунктах сосредоточено 4% сельского населения области (более 15 тыс. чел.), а в радиусе 3–5 км – в пристанционных ареалах – более 25%. Пристанционные пункты и ареалы расселения наиболее характерны для Бологовского и Пеновского районов, значительная доля населения проживает в пристанционных пунктах в Лихославльском, Удомельском и Нелидовском районах. Общая численность и доля сельского населения, проживающего в пунктах с этим типом ТГП, относительно устойчивы.

Транспортные условия сельского расселения определяются составом и развитостью транспортного каркаса. Графоаналитический анализ показал, что в зоне доступности до 5 км находится половина территории области и около 60% сельских населенных пунктов. Сельскую местность в зоне удаленности более 5 км от дорог можно признать проблемной с точки зрения транспортной доступности (рис. 3).

Рис. 3. Транспортная доступность сельской местности в Тверской области

При комплексной оценке транспортных условий сельского расселения муниципальных районов Тверской области (рис. 4) учитывалось распределение сельских населенных пунктов по типам ТГП, плотность асфальтобетонных дорог и наличие на территории районов остановочных пунктов железных дорог. Транспортные условия сельского расселения очень контрастны – от относительно благоприятных, которые обеспечивают постоянную транспортную связь, до глубокой транспортной периферии с бездорожьем. Лучшие условия – в районах транспортного коридора Москва – Санкт-Петербург, примосковских и восточных районах области. Неблагоприятными условиями выделяются районы северной, северо-западной и западной периферии области. Очевидно, что для усиления транспортного каркаса сельского расселения Тверского региона необходимо строительство новых дорог и модернизация сложившейся сети дорог с твердым покрытием.

С определенной долей условности можно выделить следующие пять типов транспортных условий сельского расселения (от лучших условий к худшим).

1-й тип: транспортный каркас включает густую сеть региональных асфальтобетонных дорог, участки федеральных автомагистралей и железных дорог. Основной тип ТГП сельских населенных пунктов – на

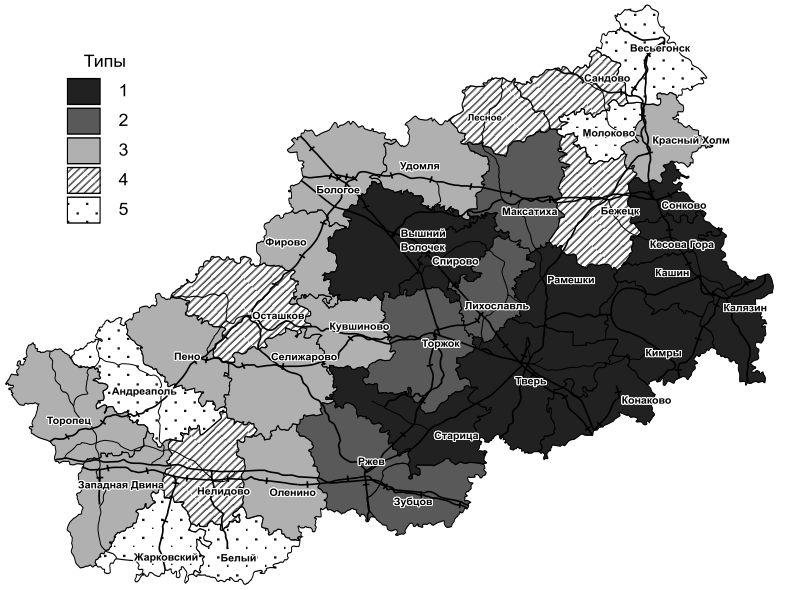


Рис. 4. Комплексная типология транспортных условий сельского расселения муниципальных районов Тверской области
(описание типов дано в тексте)

шоссе. *Исключение* – Рамешковский район: нет железных дорог и автомагистралей, высокая концентрация населения вдоль шоссе на Бежецк.

2-й тип: транспортный каркас включает сеть региональных асфальтобетонных дорог средней и высокой плотности, участки федеральных автомагистралей и железных дорог. Нет преобладающего типа ТГП сельских населенных пунктов. В пунктах на шоссе проживает до 45% населения.

3-й тип: транспортный каркас включает редкую сеть региональных асфальтобетонных дорог, в некоторых районах участки федеральных автомагистралей и железных дорог. Нет преобладающего типа ТГП сельских населенных пунктов, в пунктах на шоссе проживает до 45% населения. В некоторых районах в пристанционных пунктах проживает более 20% сельского населения (Бологовский район – 32%, Пеновский район – 24%).

4-й тип: транспортный каркас включает редкую сеть региональных асфальтобетонных дорог и участки железных дорог. Основной тип ТГП сельских населенных пунктов – *на шоссе*. Растет концентрация населения вдоль одного-двух шоссе, пересекающих территорию

районов, усиливается «сжатие» заселенного пространства (сельской местности). *Исключение* – Лесной район: нет железных дорог.

5-й тип: транспортный каркас включает очень редкую сеть региональных асфальтобетонных дорог и участки железных дорог. Основной тип ТГП сельских населенных пунктов – глубоко периферийные (на грунтовых проселочных дорогах) с сезонным бездорожьем. *Исключение:* Бельский и Молоковский районы – нет железных дорог.

Численность сельского населения сокращается в районах всех транспортных типов расселения, но самые большие потери (Кузнецова, Яковлева, 2010) несут районы с худшими транспортными условиями расселения (рис. 5). При этом растет концентрация населения только на автострадах и в притрассовых полосах до 5 км (примагистральный тип транспортно-географического положения). Поэтому здесь сохраняется и самая высокая плотность сельского населения (рис. 6).

Остальные типы, где транспортный каркас представлен редкой или очень редкой сетью асфальтобетонных дорог, стремительно снижают свою долю в населении (табл. 2). В таких районах транзитные участки автомагистралей и железных дорог не определяют особенности расселения, а главными осями расселения являются региональные шоссейные дороги.

Таблица 2. Доля сельского населения Тверской (Калининской) области, проживающего в различных транспортных условиях в 1959, 1989 и 2009 гг.

Тип транспортных условий сельского расселения	Удельный вес сельского населения, %		
	1959 г.	1989 г.	2009 г.
1-й тип	36,0	38,0	45,0
2-й тип	17,1	17,7	18,8
3-й тип	25,0	23,3	20,5
4-й тип	12,5	11,8	10,1
5-й тип	9,4	9,2	5,6
Всего	100	100	100

Улучшение транспортно-географических условий заметно влияет на демографическое развитие и структуру сельского расселения. В Тверской области структура сельского расселения за последние 50 лет кардинально изменилась под влиянием транспортного фактора (табл. 3): от высокой доли населенных пунктов вдали от дорог с твердым покрытием к их концентрации на трассах шоссейных дорог и рядом с ними.

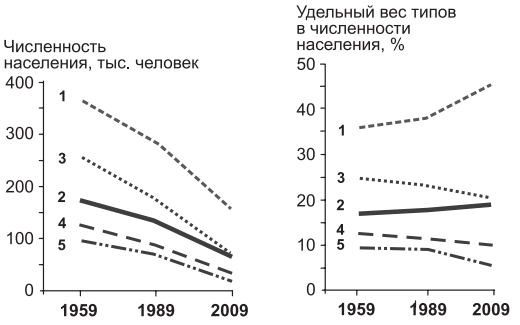


Рис. 5. Динамика сельского населения Тверской области
в разных транспортных условиях расселения:
численность и удельный вес сельского населения в 1959, 1989 и 2009 гг.
1–5 – типы транспортных условий (типы представлены на рис. 4 и описаны в тексте)

Рис. 6. Плотность сельского населения в разных типах транспортных условий расселения в Тверской области, 2009 г., чел./км²

Распределение населения изменилось еще значительнее: от равномерного распределения населения в пунктах на шоссейных дорогах и вдали от них к концентрированному расселению в пунктах на шоссейных дорогах. Относительно стабильными по доле сельских населенных пунктов и доле проживающего в них населения оказались пункты с пристанционным ТГП, а растущими по обоим показателям – примагистральные пункты.

Общественный транспорт «покидает» сельскую местность. Свертывание сети местных маршрутов общественного транспорта, сокращение числа и продолжительности рейсов – практически повсеместное явление в районах области. Эта тенденция характерна для многих стран и регионов. В Тверской области уход общественного транспорта в первую очередь коснулся периферийных районов с минимальной численно-

Таблица 3. Распределение сельских населенных пунктов и сельского населения Тверской (Калининской) области по типам и подтипам транспортно-географического положения в 1959, 1989 и 2009 гг., %

№	Типы и подтипы ТГП	Сельские населенные пункты			Население		
		1959 г.	1989 г.	2009 г.	1959 г.	1989 г.	2009 г.
1	Примагистральный: М1 – на автострадах	0,4	0,6	0,7	0,9	3,8	5,5
2	М2 – до 5 км от автострады	2,4	3,4	3,5	4,9	7,9	9,4
3	Периферийный: П3 – на шоссе	16,8	23,5	24,2	26,8	47,1	51,4
4	П4 – до 2,5 км от шоссе	12,7	17,4	17,8	13,0	10,2	8,3
5	П5 – далее 2,5 км от шоссе (на улучшенных грунтовых дорогах)	23,3	31,1	31,4	27,0	21,9	17,2
6	Глубоко периферийный: ГП6 – далее 2,5 км от шоссе (на грунтовых проселочных дорогах)	39,3	23,0	21,5	25,0	5,7	3,8
7	ПС7 – пристанционный	5,0	0,9	0,9	2,4	3,4	4,4
Всего		100	100	100	100	100	100

стью сельского населения, крайне редким расселением и самыми плохими дорогами. Отсутствие хороших дорог лишает такие территории возможности развития общественного транспорта. Изменился в сторону упрощения рисунок (топология) районной сети автобусных маршрутов общего пользования: в 9-ти районах области *сети-деревья* превратились в простые линии, но в других 9-ти районах сформировались более сложные циклические сети (моно- и полициклические). При низком качестве автодорог и бедности населения автомобилизация пока – слабая альтернатива общественному транспорту, она не решает проблемы транспортной мобильности сельского населения периферийных районов.

Выявление и анализ транспортных проблем сельского расселения – обязательный элемент диагностики социальной ситуации в регионе. Диагностика транспортных условий сельского расселения региона заключается в определении состояния, особенностей, проблем и возможных направлений их улучшения. Ее предметом являются структурные характеристики расселения и транспорта в сельской местности и взаимосвязи между ними. К важнейшим взаимодополняющим задачам диагностики относятся: определение «болевых точек» и проблем транспортного обеспечения сельского населения, характерных для региона и его муниципальных образований. Для характери-

стики транспортных условий и выявления проблемных транспортных ситуаций предлагается использовать следующие показатели: доля населения в условиях бездорожья, доля населения, проживающего непосредственно на трассах автомагистралей, количество (разнообразие) магистральных коммуникаций (газо- и нефтепроводов, линий высоковольтных передач), пересекающих территорию муниципальных районов, доля населения в зонах их возможного воздействия, доля населения в зонах химического и физического загрязнения и др.

Транспортные проблемы сельского расселения можно объединить в следующие группы: 1) *техногенные риски расселения* в непосредственной близости от подземных магистральных трубопроводов и ЛЭП, железнодорожных магистралей; 2) *социальные проблемы* расселения в условиях бездорожья и 3) *комплексные проблемы* притрассового расселения (рис. 7).

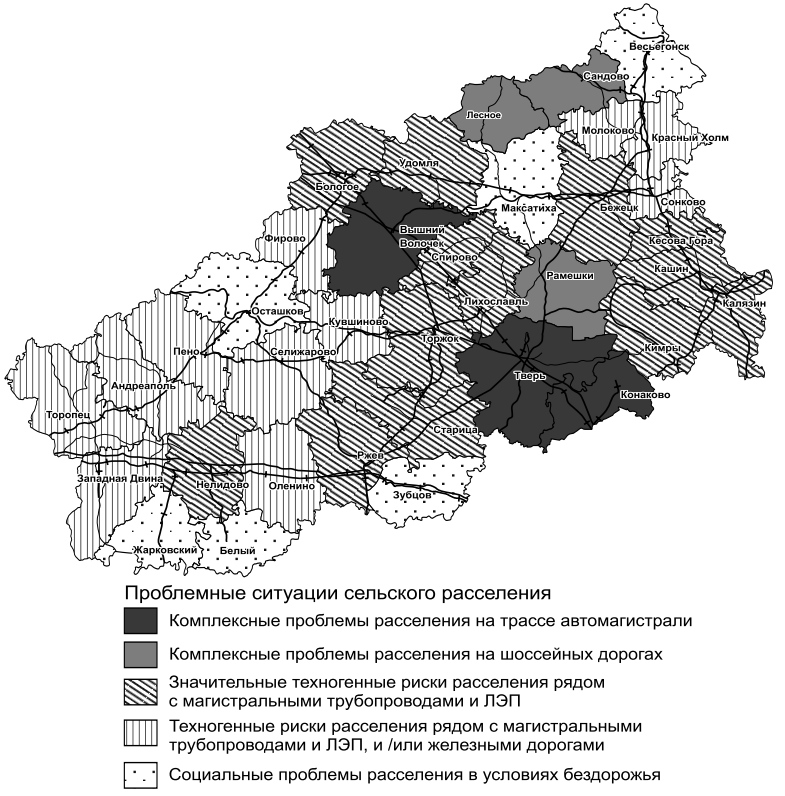


Рис. 7. Проблемные транспортные ситуации сельского расселения в муниципальных районах Тверской области

В транзитных регионах транспортные проблемы постоянно усложняются, а риски расселения возрастают и требуют особого внимания. Проведение системной диагностики транспортных условий сельского расселения могло бы создать информационную базу для последующего принятия управленческих решений от разработки стратегий и программ развития до реализации конкретных проектов.

Сельская местность нуждается в активной градостроительной политике. В местах прохождения транзитных магистралей необходимо сосредоточить внимание на обеспечении безопасности и удобства проживания местного населения (отселение жителей от магистралей, сооружение переходов, строительство объездных дорог). Однако главными элементами транспортного каркаса сельского расселения области являются региональные шоссейные дороги и железные дороги с остановочными пунктами. В связи с этим реконструкцию шоссейных дорог, строительство новых дорог с твердым покрытием, а также сохранение железнодорожных станций и платформ – следует рассматривать как основные способы поддержки сельского расселения региона.

Литература

Гольц Г.А. Транспорт и расселение. – М.: Наука, 1981.

Ковалев С.А. Об экономико-географическом положении сельских поселений и его изучении // Экономическая география / Вопросы географии. Сб. 41. – М.: Географгиз, 1957. С. 134–176.

Кузнецова С.Н., Яковлева С.И. Соотношение структуры и транспортно-географических условий сельского расселения Тверской области // Региональные исследования. 2010. № 1 (27). С. 55–64.

Кузнецова С.Н. Транспортно-географическое положение сельских населенных пунктов Тверской области // Региональные исследования. 2012. № 1 (35). С. 84–93.

Лейзерович Е.Е. Базовые составляющие экономико-географического положения стран и районов // Изв. РАН. Сер. геогр. 2006. № 1. С. 9–14.

S.N. Kuznetsova, S.I. Yakovleva

TRANSPORT CONDITIONS OF RURAL SETTLEMENT PATTERN

It is shown how the analysis of rural settlement pattern in the region in its relations with the road network and the evaluation of transport-geographical conditions of Tver oblast.

А.В. Левченков

ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Система сельского расселения на территории Калининградской области имеет характерную историю, тесно связанную с немецкой колонизацией этой территории и с последующим развитием в ее границах складывавшихся и сменявших друг друга государственных образований. Для лучшего уяснения специфических черт указанной системы рассмотрим кратко основные исторические этапы ее формирования: «ранне-прусский» этап (VI–XII вв.), тевтонский этап – начало немецкой колонизации (XIII–XVI вв.), прусский этап – развитие и окончательное формирование системы расселения (XVI–XX вв.) и, наконец, «советский» этап (1945–1991 гг.).

На «*ранне-прусском*» этапе первоначальное освоение земель зависело от качества природной среды и способа ведения хозяйства. Высокий процент лесистости территории в сочетании с заболоченными пространствами, преобладание моренного ландшафта, развитая речная сеть обусловили концентрацию расселения на отдельных, наиболее подходящих для этого участках. Общины пруссов были вынуждены приспосабливаться к ландшафту, их хозяйственная деятельность включала в себя охоту, рыболовство, пастбищное животноводство и в ограниченной степени земледелие – там, где позволяли условия. Внешними границами заселенной территории выступали естественные преграды (Mortensen, 1937/38). Обжитые участки территории еще не образовывали единого пространства, а представляли собой небольшие островки посреди лесной чащи. Поселения располагались на берегах рек, в широких долинах, концентрируясь на делювии и основных моренах, избегая конечно-моренного ландшафта. Из планировочных форм прусских поселений середины XIII в. преобладали отдельно стоящие хутора и небольшие по размерам крестьянские деревни, в которых земля принадлежала всем членам общины.

В ходе «*тевтонского*» этапа немецкая колонизация прусских земель осуществлялась усилиями Тевтонского ордена (со второй четверти XIII в.) в виде последовательного и равномерного продвижения с запада на восток, с использованием наиболее приемлемых ландшафтных условий и обустройством поселенцев в наиболее благоприятных для жизни местах (рис.1).

Такими местами очень часто оказывались уже имевшиеся прусские поселения или укрепленные городища. Большинство этих поселений были интегрированы в новую систему расселения, к ним добавились дворянские усадьбы с фольварками и крупные крестьянские деревни. Размеры крупных поместий достигали 165–660 га. Общая величина земельных угодий, выделяемых крестьянской деревне, равнялась 500–1000 га. При среднем количестве колонистов в 20 дворов каждый двор получал в пользование от 30 до 65 га. Это позволяло членам немецкой общины иметь больше экономической свободы, чем в более мелких прусских деревнях, где крестьянин имел в своем пользовании лишь 10–20 га (Historisch-geographischer..., 1982). Существующие

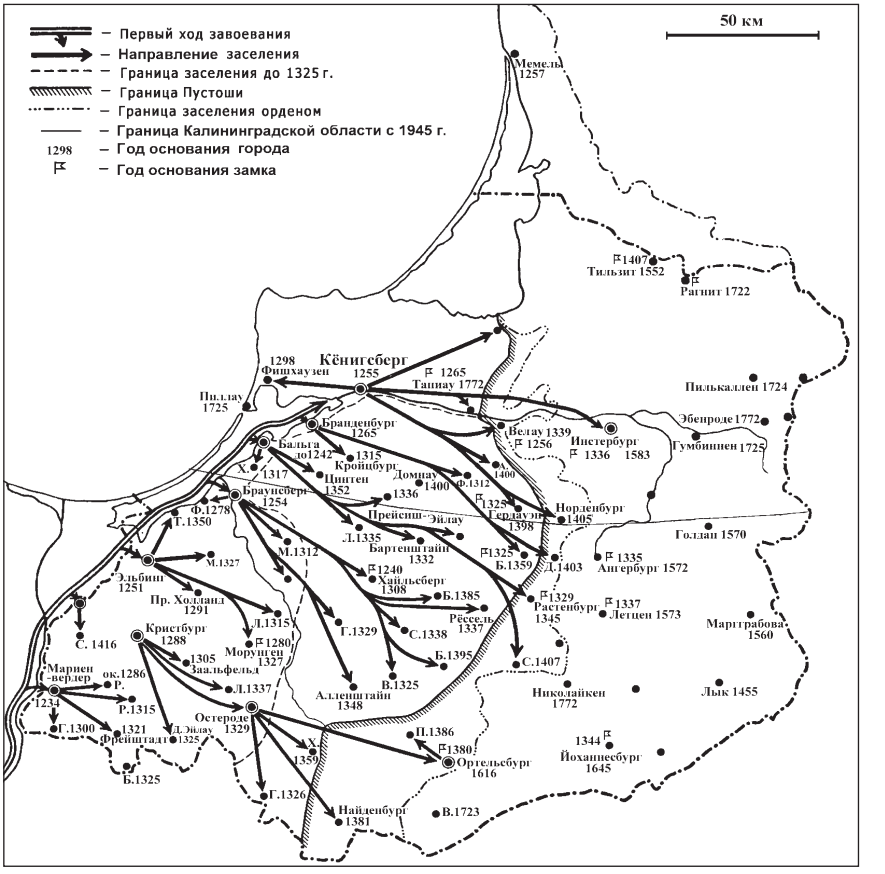


Рис. 1. Ход заселения.
Источник: Scheu, 1936.

ландшафты обусловили формирование на территории Пруссии определенного типа немецких деревень с относительно компактным расположением усадеб (дворов) с полевыми участками, за которыми располагались общинные земли совместного пользования (леса, пастбища). Формой использования земельных угодий было трехполье: озимые, яровые и пар, ежегодно сменявшие друг друга (Mortensen, 1923).

С середины XVI в., со сменой политической и социальной обстановки (секуляризация Тевтонского ордена и образование Прусского герцогства, позже ставшего провинцией Восточная Пруссия в составе более обширного Прусского королевства, а затем Германской империи), начинается новый – «*прусский*» – этап, в ходе которого осуществляется колонизация восточных районов нынешней Калининградской области, бывших до того практически не заселенными. Происходит значительное увеличение доли крупного землевладения. Прусские и немецкие деревни перестают отличаться друг от друга, попав под дворянскую или государственную власть. Именно с этого этапа воздействие человека на окружающую среду в процессе расселения значительно усиливается, растет количество населенных пунктов и их жителей, территориально расселение занимает все большие площади нетронутого природного ландшафта. Сельское хозяйство развивается по экстенсивному пути, быстро вырубается лес, регулируется естественный водоток, строятся искусственные водные пути (каналы), осуществляются первые мелиоративные мероприятия. Сельское расселение формируется как взаимосвязанная система. Степень лесистости к 1800 г. уменьшается до 33% (Historisch-geographischer..., 1982).

С начала XIX в. происходит качественный скачок в развитии сельских поселений, связанный с проводившейся на протяжении первой половины XIX в. аграрной реформой. Трансформация социально-экономических условий повлекла за собой изменения в системе расселения, в типах и формах поселений. Взамен деревень, имевших различный социальный статус, увеличивается число разновидностей отдельных форм поселений – хуторов, отрубов, фольварков, а также поместий. Этот процесс, однако, имел региональные различия: не во всех районах провинции процесс выделения крестьянских хозяйств из общины и образования отдельных хуторов происходил одинаково. Так, на Земландском полуострове хуторов или отрубов образовалось очень мало. Немецкий историк Ганс Мортензен считает, что тут дело в культуре немецких крестьян (Mortensen, 1923). В восточных районах области, где был велик процент негерманского населения, крестьяне ли-

товского происхождения довольно легко разбирали свой простой бревенчатый сруб и переносили его на новое место. В западных районах немецкие крестьяне имели каменные дома, и поэтому они, несмотря на возможности сепарации, продолжали жить, как правило, в деревне.

К середине XX в. большая часть территории Восточной Пруссии превратилась в культурный ландшафт. Площадь земель, занятых под сельскохозяйственное использование за счет сведения лесов, мелиорации и осушения болот, в 1938 г. выросла до 68,2% (более 2,5 млн га) (Bloech, 1980). Начиная с середины XIX в. оформилась развитая транспортная инфраструктура, включавшая в себя железные и шоссейные дороги и оказавшая значительное влияние на развитие системы расселения. Для защиты польдерных земель возводились многочисленные защитные дамбы и водоотводные каналы. Другими качественными признаками нового времени были мелиорация, применение химических удобрений, скачкообразный рост сельского населения. Начальные школы (1–3 классы), называемые тогда народными, действовали в каждом поселке с населением свыше 100 жителей (в 1939 г. насчитывалось 1364 народные школы) (Левченков, 2004).

По состоянию на 1939 г. общее количество сельских населенных пунктов составило 10,6 тыс. Административно все поселения были объединены в общины; одна община, как правило, включала в себя от одного до четырех населенных пунктов, и таких общин насчитывалось 4,6 тыс. Средняя людность населенных пунктов была различна по районам и составляла на востоке провинции 150–195 чел., что было очень мало по сравнению с селами западных районов (например, в районе Замланд – более 400 чел. на один населенный пункт). Плотность населения в провинции равнялась 67,3 чел./км^2, но была различной по районам и колебалась от 37,2 (сельский район Инстербург) до 75,7 чел./км^2 (район Гумбиннен) (Scheu, 1936). По функциональному типу среди сельских населенных пунктов преобладали сельскохозяйственные поселения, но были и курорты (вдоль прибрежной зоны Балтийского моря), лесничества (особенно на северо-востоке области), а также рыбацкие деревни (в основном на берегу Куршского залива) с характерным планировочным рисунком.

В распределении сельского населения Восточной Пруссии имелись и свои региональные различия. Например, для сельских поселений вокруг Кенигсберга были характерны кольцевая и звездообразная формы, простирающиеся до морского побережья. В остальных районах представлены в основном кучевые и линейные формы

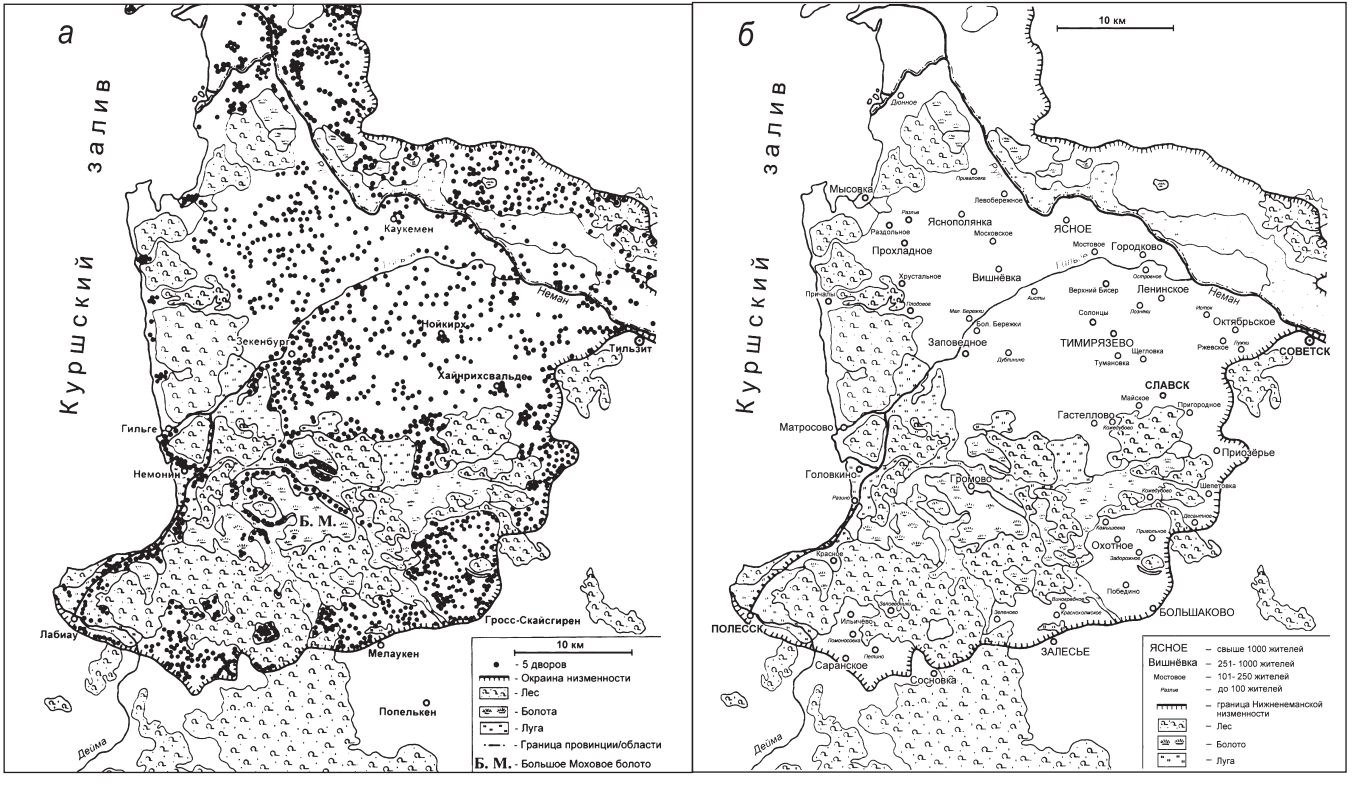


Рис. 2. Поселения Неманской низменности в 1939 (а) и 2010 (б) гг.
Источники: Левченков, 2004; Scheu, 1936.

(Левченков, 2004). В Неманской низменности (в современных Славском и Полесском районах), в долинах рек Прегель, Дейма, Писса мы видим в первую очередь линейные сгущения вдоль берегов залива и рек. Причина ясна – историческое развитие вдоль удобных транспортных путей по рекам. Население концентрируется также вдоль многочисленных каналов и канализированных рек (Гильге, Тавелле, каналы Кляйн- и Гросс-Фридрисхграбен, Зекенбургский) и вдоль лесных опушек. Внутрь заболоченной Неманской низменности и в центры лесных массивов и верховых болот расселение продвинулось незначительно. Наибольшая плотность наблюдается по краям областей со сложными для расселения природными условиями. Поэтому характерными формами сельских населенных пунктов являются малолюдные формы – хутора и отдельно стоящие дворы.

Одной из главных проблем в сельской местности оставалось преобладание крупного землевладения, в первую очередь дворянского (дворяне составляли 24% от числа всех владельцев поместий), над земледелием крестьянским. Из 136,1 тыс. существовавших в 1933 г. хозяйств 4,1 тыс. (3%) имели наделы размером более 100 га (рис. 3).

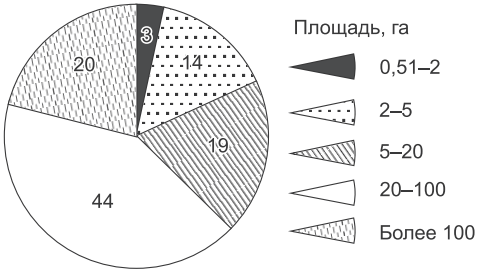


Рис. 3. Структура землевладений Восточной Пруссии
по площади сельскохозяйственных угодий, в % от общего числа землевладений
Источник: Statistisches Jahrbuch für das Deutschen Reich. – Berlin, 1936. S. 74.

Концентрация крупноземельного землевладения достигала значительных величин: 3% всех хозяйств провинции занимали 46,9% земель. Однако распределение по провинции крупных хозяйств (имевших наделы свыше 100 га) было неравномерным. Крупные землевладельцы доминировали на западе области (Земландский полуостров, районы Фридланд, Прейсиш-Эйлау). Здесь доля владений свыше 200 га доходила до 45–55%. Некоторые исследователи считали, что возможной причиной распространения той или иной структуры землевладения яв-

ляются тип и вид почвы, т.е. природные факторы. Тяжелые глинистые почвы, равнинный рельеф около водоемов и слабовыраженные ландшафты основной морены сдерживали развитие хозяйственной деятельности (Knappe, 1993). Мелко- и среднеземельные хозяйства располагались, как правило, на возвышенностях и водоразделах. Преобладание мелких хозяйств с наделами до 20 га – характерная черта восточных районов провинции. В районе Эльхнидерунг, например, 43% всех хозяйств имели земельные наделы менее 20 га и только 10,5% хозяйств имели более 100 га. Средние по размерам хозяйства (от 20 до 100 га) были представлены повсеместно, но особенно сильно на востоке.

Сельское хозяйство Восточной Пруссии специализировалось на молочно-мясном животноводстве с развитым товарным зерновым растениеводством. По состоянию на 1938 г. в землепользовании преобладала пашня (69,1%), пастбища занимали 17,6%, луга – 11,8%, и 1,5% приходилось на сады и огороды (Scheu, 1936). К началу Второй мировой войны количественный рост сельскохозяйственных земель был по области завершен, т.е. в сельскохозяйственный оборот были вовлечены почти все пригодные для этой цели земли. Дальнейший рост сельскохозяйственного производства должен был идти только за счет его интенсификации. Исключение составляла лишь прибрежная зона (нынешние Славский, Большаковский и Полесский районы), где имелись еще неосвоенные болота.

После войны начался «*советский*» этап. По решению Потсдамской конференции к СССР отошла северо-восточная часть Восточной Пруссии площадью 15,1 тыс. км^2. Сельскохозяйственные угодья в ее границах составили 1161,5 тыс. га, из них на пашню приходилось 580 тыс. га, 170,3 тыс. га – на сенокос, 52,5 тыс. га – на усадебные земли, 238 тыс. га – на леса и кустарники, 120,2 тыс. га – на прочие земли. Советская статистика подсчитала, что по состоянию на 17.05.1939 на этой территории Восточной Пруссии проживали 1 165 837 чел., из которых в сельской местности – 512 тыс. чел. (ГАКО. Ф. 183). Так как вследствие военных действий численность населения резко сократилась, то первоначально заселено было очень незначительное число населенных пунктов[1]. Осенью 1946 г. в Гусевском районе, например, было заселено только 18 поселений из 262 довоенных. К числу первых мероприятий

[1] По состоянию на 01.09.1945 общее количество немецких граждан на территории Особого военного округа составило всего лишь 139 614 чел. К 01.06.1946 немецкое население Кенигсбергской области возросло до 170 тыс. чел., из которых в сельской местности были зарегистрированы 61 122 чел. (ГАКО. Ф. 298).

советской военной администрации относилось создание уже весной 1945 г. подсобных военных хозяйств[2]. К весне 1946 г. в ведении воинских частей и военных совхозов уже находилось около 30% сельскохозяйственных угодий бывшей Восточной Пруссии.

Внеплановые мероприятия по восстановлению мелиоративной системы, которая в результате боевых действий была сильно разрушена и вышла из строя, начались практически сразу. В первую очередь это касалось защитных дамб, из всех объектов мелиорации наиболее пострадавших от военных действий[3]. Защищенные ими сельскохозяйственные угодья лишь наполовину были пригодны для использования, остальные же были затоплены. Планомерное развитие существующей сети и прокладка новой стали проводиться с конца 1950-х гг. Несмотря на то что сельскохозяйственные угодья были в значительной степени мелиорированы еще в довоенное время, потребовались значительные капиталовложения. Старая дренажная система просто не могла быть восстановлена в прежнем состоянии. Другая культура хозяйствования и образ жизни приводили к значительным недоразумениям при восстановлении старых мелиоративных систем. Практически вся система закрытого дренажа с отводными каналами была, вольно или невольно, разрушена и/или заменена на новый дренаж. Причин тут несколько[4]. Во-первых, изменился характер землепользования: вместо раздробленного частного землевладения образовались крупные коллективные собственники, и мелиоративная система, таким образом, не отвечала потребностям крупного коллективного хозяйства. Большое количество мелких тальвеговых и соединительных каналов и канав разрезало земельные угодья на участки площадью 0,5 га. На отдельных участках польдеров водоподъем осуществлялся рядом мелких насосных станций, а не одной крупной. Во-вторых, система была сильно повреждена во время войны, а планов и схем не сохранилось. И в начале XXI в., несмотря на

[2] К лету 1945 г. организовали первые пять хозяйств, по 5 тыс. га каждое (ГАКО. Ф. 332).

[3] Например, в Большаковском районе у колхоза им. Мичурина (32 хозяйства) из выделенных 500 га в 1949 г. обрабатывалось только 68, остальные площади были затоплены. В Славском районе колхоз им. Калинина был образован в 1948 г. из 41 хозяйства и 934 га земли, из которых обрабатывалось на тот момент только 193 га (пашни – 150 га, сенокоса – 10, выгона – 3 га), а 739 га оставались залитыми водой (ГАКО. Ф. 183).

[4] «...Существующие осушительные системы обладают рядом серьезных отрицательных сторон, являющихся следствием старых социально-экономических условий сельского хозяйства» (Панов, 1948).

значительные инвестиции, часть территории продолжает оставаться подтопленной, особенно в лесных массивах.

При формировании системы сельского расселения природные факторы практически не учитывались. Из факторов восстановления и развития населенных пунктов выделялось лишь выгодное транспортное положение. Дорожная сеть сохранилась в размерах, которые отвечали хозяйственным нуждам коллективных хозяйств, что привело к сильному сокращению плотности сети. Многочисленные дороги между отдельными поселениями, выполнявшими только селительные функции, были заброшены как не предназначенные для хозяйственных нужд больших по размерам хозяйств. Учитывались степень сохранности жилых и хозяйственных построек, возможность создания на их базе машинно-тракторных станций, молочно-товарных ферм, а также качество земель. В иных случаях, находясь вдали от основных транспортных путей, хорошо развитые и даже сохранившиеся после войны усадебные комплексы и целые деревни прекратили существование. Значительная часть прежних деревень, хуторов оставалась незаселенной, так как число переселенцев оказалось вдвое меньше прежнего немецкого населения.

Как отмечено в советских документах той поры, «...хозяйственного и культурно-бытового строительства в колхозах в период кампании заселения не проводилось. Колхозные центры размещены в населенных пунктах и хуторах, которые в полной мере не отвечают требованиям современных колхозных центров и должны быть в ближайшее время подвергнуты перепланировке» (ГАКО. Ф. 297). Новая власть сознательно не допускала расселения прибывших переселенцев на хуторах, даже если они и хорошо сохранились: «...для переселенцев 1949 г. отремонтировано 5069 домов-квартир при плане 5000. Таким образом, все прибывшие в 1949 г. семьи переселенцев были вселены в отремонтированные дома-квартиры, находящиеся в населенных пунктах, не допуская расселения их на хуторах» (ГАКО. Ф. 183).

Однако встречная инициатива исходила и снизу, от председателей колхозов. Вот что писал в своем заявлении от 3 марта 1947 г. председатель колхоза им. Молотова, обосновывая просьбу о разделении колхоза (орфография сохранена): «Система расположения домов хуторная, что является затруднением следить за каждым членом колхоза… есть хищения колхозного имущества… а в будущем будет трудно усмотреть и за хищением урожая… легче будет руководить и наладить дисциплину в колхозе и изучить каждого человека… чтобы собрать общее

собрание у нас в колхозе и люди явились бы на собрание нужно затратить времени на збор людей не менее 8 часов и никого на все сто процентов ни зберешь, притчина дальнее расстояние, а потому люди плохо выходят на работу, и безо время выйдут и уйдут с работы и углядеть и своевременно устранить не порядок нет возможности… пока в колхозе не прошло землеустройство полей, а только есть указание границ то общее собрание все как один просит разъединить нас два равные колхоза, тогда все будут старатца лучше, и руководство над ними будет лекче наладить…» (ГАКО. Ф. 325).

К сожалению, нельзя абсолютно точно сказать, сколько прибыло советских переселенцев в сельскую местность новообразованной Калининградской области. Данные главного организатора – Областного переселенческого отдела – часто противоречат данным Областного статуправления (табл. 1).

Что касается мест выхода переселенцев, то преобладали переселенцы из российских областей – 70% (табл. 2).

В новых политических и социально-экономических условиях коллективного хозяйствования системе расселения не требовалось такое, как раньше, количество поселений, большую часть которых составляли мелкие и разрозненные пункты. Изменилась и структура землеполь-

Таблица 1. Численность переселенцев в сельскую местность в 1947–1955 гг. по разным источникам, тыс. чел.

Источник	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955
Областной переселенческий отдел	38,4	44,1	21,4	20,4	5,8	6,7	4,5	4,6	3,5
Областное статуправление	54,4	54,5	37,9	33,8	21,3	20,9	25,5	25,5	20,7

Источник: Костяшов, 2009.

Таблица 2. Места выхода переселенцев 1947–1950 гг., тыс. чел.

Республика	Прибыло	Выбыло	Прирост	Удельный вес в приросте,%
РСФСР	253,3	79,2	174,1	70,0
Белоруссия	35,2	7,6	27,6	11,1
Украина	29,2	11,7	17,5	7,0
Республики Прибалтики	24,1	116	12,5	5,0
Остальные республики СССР	50,0	32,9	17,1	6,9
Всего	391,8	143,0	248,8	100

Источник: Костяшов, 2009.

зования. Мелкие участки, с площадью от 5 до 20 га, не удовлетворяли критериям планового социалистического хозяйствования. Распределение дорожной сети и мест переездов также не увязывалось с организацией крупных механизированных хозяйств. Огромные по сравнению с довоенными размеры хозяйств (свыше 1000 га) и уменьшение их абсолютного числа увеличили масштабы и концентрацию нагрузки на природную среду (в 1946 г. – 240 колхозов и совхозов; в 1947 г. – 362; в 1950 г. – 217; в 1965 г. – 170) (Гальцова, 1986).

Наиболее значительные изменения произошли со структурными особенностями системы расселения. Социалистическая форма собственности обусловливает развитие крупных хозяйств – колхозов и совхозов, которым должны соответствовать крупные поселки. На ликвидацию сложившейся в условиях частной собственности на землю мелкоселенности и были направлены мероприятия государства по реконструкции сельского расселения после 1945 г. Площадь вовлеченных в оборот земель так и не смогла достичь довоенных размеров. Прирост сельскохозяйственных площадей происходил довольно медленно. К 1967 г. размеры земель, вовлеченных в сельскохозяйственный оборот, составили только 63,7% от довоенного, или 739,6 тыс. га против 1161,5 тыс. га (Гальцова, 1986). К 1980 г. они достигли своего максимума в 805 тыс. га, а в 2005 г. снизились до 723,4 тыс. га.

Ликвидировались «неперспективные» населенные пункты; жилищное, культурно-бытовое и производственное строительство концентрировалось в «перспективных» поселениях, доля которых возрастала. Дело доходило до крайностей, когда, например, в 1963 г. Озерское производственное колхозно-совхозное управление предлагало в перспективе ликвидировать или снести 156 сельских населенных пунктов района, оставив лишь 27 в качестве центральных усадеб и поселков отделений/бригад. Озерский райисполком, однако, не утвердил этот перечень, ограничившись утверждением перечня перспективных населенных пунктов, в которых было целесообразно вести новое жилищное строительство[5]. Удобства новых домов в выбранных перспективных населенных пунктах должны были соответствовать городским, что, однако, не учитывало условий жизни на селе. Городского вида двухэтажные блочные дома не имели хозяйственных построек во дворе, а размеры приусадебных участков были минимальны (Левченков, 2005).

[5] Например, в совхозе «Лужки» планировалось довести количество жителей центральной усадьбы с 38 человек до 1500 за счет сноса и ликвидации 21 поселения (ГАКО. Ф. 325).

В целом за советское время система расселения в области сильно изменилась, в первую очередь по такому основному показателю, как количество населенных пунктов, число которых уменьшилось в 5,5 раза (рис. 4).

Как видно, наиболее существенно сократилась система расселения там, где происходили активные военные действия – это восток области (Краснознаменский, Нестеровский, Неманский районы), или там, где свою роль сыграли природные факторы (Славский район)[6]. Разрушения были настолько большими, а переименования в первые послевоенные годы настолько бессистемными, что немецким историкам, например, окончательно не удалось идентифицировать все поселения 1650 общин на территории Калининградской области довоенного времени. Особенному сокращению подверглась система расселения на польдерных землях Славского и Полесского районов. Здесь в первые послевоенные годы заселялись прежде всего возвышенные участки, восстанавливались крупные поселения, в то же время ряд хуторов (особенно в наиболее низменных районах) был заброшен. Таким образом, крупноселенность в Славском районе усилилась (Волынская, Федоров, 1977). Наибольший процент сельских поселений сохранился в пригородной зоне областного центра (Зеленоградский, Гурьевский районы).

Достигнув к 1960 г. максимальной численности в 219 тыс. чел., сельское население Калининградской области в дальнейшем стало сокращаться: в 1970 г. – 195,5 тыс. чел., 1989 г. – 182,3 тыс. чел. С начала 1990-х гг. область (и особенно сельская местность) стала центром миграции (рис. 5).

За 20 лет новых экономических условий сельское население области за счет внешней миграции увеличилось более чем на 20%.

Наиболее привлекательными для переселенцев муниципальными образованиями на протяжении последних 20 лет оставались Гурьевский и Багратионовский районы. Как правило, и остальные муниципальные образования области увеличивают численность населения благодаря превышению миграционного притока над естественной убылью. И только в четырех периферийных районах – Неманском, Славском, Черняховском и Озерском наряду с естественной убылью наблюдается и миграционный отток населения (Численность и миграция…, 2010).

После 1990 г. на пространственную дифференциацию села основное влияние оказывают экономические различия, которые связаны в

[6] Система расселения Багратионовского района пострадала во многом из-за действий воинских частей и своего приграничного положения.

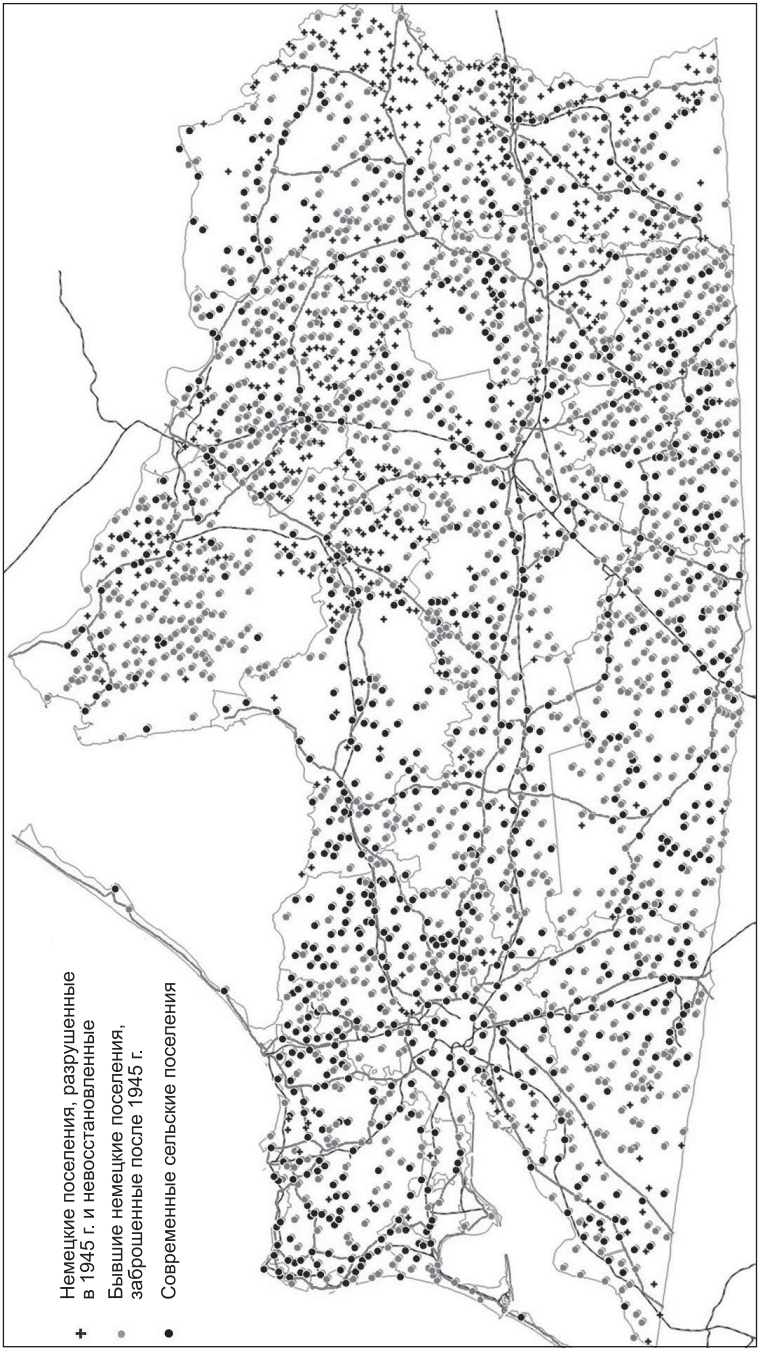


Рис. 4. Система сельского расселения Калининградской области после 1945 г.

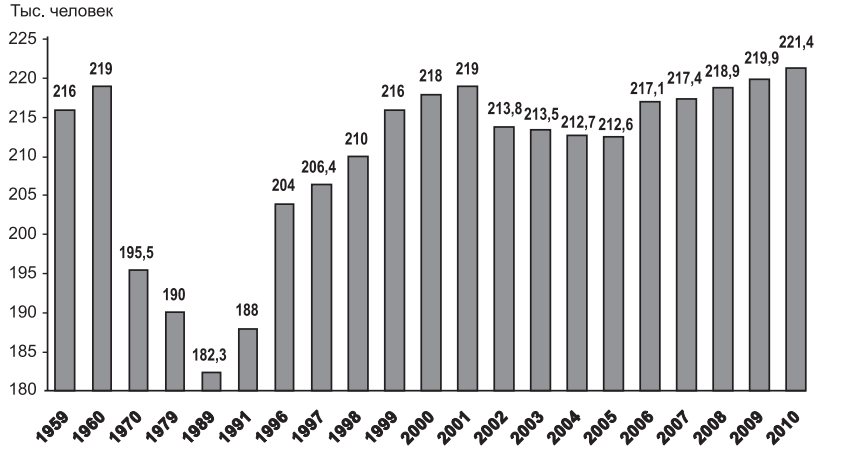


Рис. 5. Динамика численности населения Калининградской области

первую очередь с географическим положением районов, близостью к областному центру. Природные предпосылки (особенности рельефа и почв) уже не играют значительной роли. Можно предположить, что значительная часть пространственных различий объясняется степенью эффективности управления на районном уровне и на уровне хозяйствующих субъектов. Вся сельская местность, несмотря на положительные примеры эффективного хозяйствования на уровне отдельных предприятий и фермерских хозяйств, затронута в большей или меньшей степени негативными социально-экономическими процессами, которые характерны для аграрного сектора области 1990-х гг. (рис. 6).

В целом Калининградская область имеет устойчивую структуру сельского населения, особенно по сравнению с другими регионами Северо-Запада. Оно концентрируется вокруг областного центра (во многом в связи с возможностями занятости на предприятиях Калининграда) и в меньшей мере вокруг других городов Калининградской агломерации. Кроме того, здесь положительно сказывается и близость рынка сбыта аграрной продукции. То есть динамика экономического развития предопределяет дальнейшую концентрацию населения на западе области, особенно в пределах Калининградской агломерации.

По плотности сельского населения и сельскохозяйственной освоенности территории выделяются следующие группы районов (табл. 3).

Два пригородных района – Гурьевский и Багратионовский – имеют наиболее высокие показатели как плотности сельского населения, так и сельскохозяйственной освоенности территории. Еще один рай-

Таблица 3. Группировка муниципальных районов по плотности сельского населения и сельскохозяйственной освоенности

Муниципальный район	Доля в общей площади территории района, %		Плотность сельского населения, чел./км^2
	Посевные площади	Сельхоз-угодья	
Багратионовский, Гурьевский	21	60–67	24–41
Гвардейский, Зеленоградский, Полесский	13–19	44–59	15–18
Гусевский, Неманский, Нестеровский, Озерский	26–30	55–77	12–14
Краснознаменский, Правдинский, Славский, Черняховский	13–20	39–58	8–14

Источник: Пустовгаров и др., 2000.

он, относящийся к ближней пригородной зоне Калининграда, – Зеленоградский, а также два района дальней пригородной зоны – Полесский и Гвардейский – при средней плотности населения имеют сравнительно низкую сельскохозяйственную освоенность.

В 1990-е гг. стала измененяться и функциональная роль многих сельских населенных пунктов области. Считается, что эти измене-

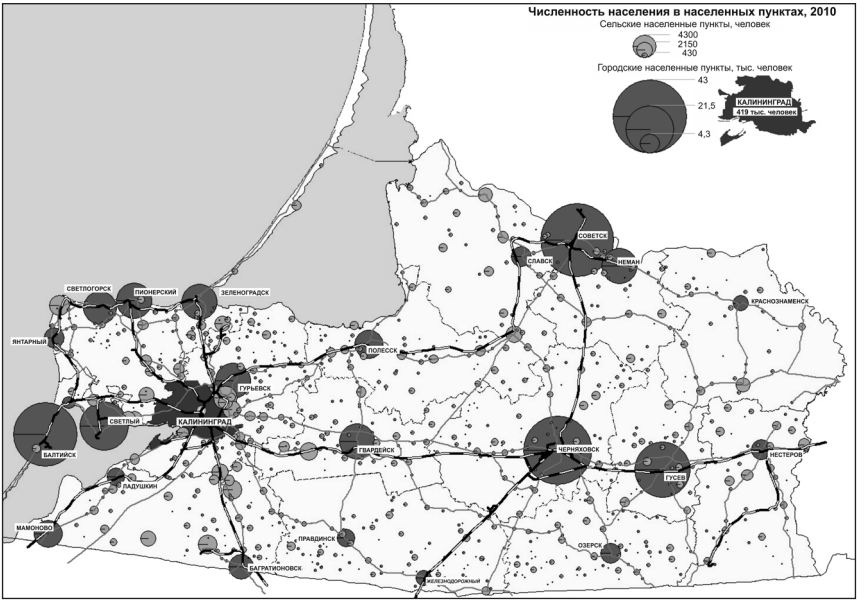


Рис. 6. Современная система расселения Калининградской области

ния, как и изменения людности поселений, будут продолжаться, и очень важно их предугадать и способствовать формированию наиболее перспективных функций каждого населенного пункта. Современная функциональная типология сельских поселений представлена в табл. 4. Однако для определения перспективных функциональных типов поселений требуется специальное исследование.

Таблица 4. Функциональные типы сельских населенных пунктов Калининградской области

Функциональный тип	Количество населенных пунктов
Сельские центры с сельскохозяйственными, несельскохозяйственными, организационно-хозяйственными и культурно-бытовыми функциями	18
Сельские центры с сельскохозяйственными, организационно-хозяйственными и культурно-бытовыми функциями	68
Сельские центры с сельскохозяйственными и культурно-бытовыми функциями	5
Сельские центры с несельскохозяйственными и культурно-бытовыми функциями	4
Поселения с несельскохозяйственными и культурно-бытовыми функциями	31
Поселения с несельскохозяйственными функциями	24
Поселения с организационно-хозяйственными, сельскохозяйственными, несельскохозяйственными и культурно-бытовыми функциями	105
Поселения с сельскохозяйственными и культурно-бытовыми функциями	169
Поселения с сельскохозяйственными функциями	152
Поселения-спальни без хозяйственных объектов и объектов социальной инфраструктуры	503

Источник: Жданов и др., 2002.

Главными центрами системы выступают центры сельских поселений, которых в области по результатам последней муниципальной реформы насчитывается 47. В целом имеется практически полное соответствие функциональных типов и размеров поселений. Наименьшие размеры имеют поселения-спальни без производственных объектов и объектов социальной сферы, выполняющих культурно-бытовые функции. Наиболее крупными являются многофункциональные поселения, прежде всего центры сельских поселений, во-первых, с несельскохо-

зяйственными и культурно-бытовыми функциями, а во-вторых, с сельскохозяйственными, организационно-хозяйственными (центры коллективных хозяйств, бывших колхозов и совхозов, ставших акционерными обществами) и культурно-бытовыми функциями.

Кроме экономических факторов на состояние системы расселения на современном этапе сильное влияние оказывает состояние социальной инфраструктуры. Сейчас в организации системы обслуживания села решающее значение приобретает наличие или отсутствие в населенных пунктах элементов благоустройства и учреждений социальной сферы (рис. 7).

Однако происходящие в настоящее время преобразования в социальной сфере, процессы перехода на подушевое финансирование в сфере образования и здравоохранения ставят устойчивое развитие системы сельского расселения под угрозу.

В этом контексте интересно сравнить проблемы и тенденции сельской местности Калининградской области и севера Германии – как территорий с похожим генезисов систем сельского расселения как в довоенный, так и в социалистический период (сходные исторические, культурные, социально-экономические условия формирования системы сельского расселения до 1945 г., применение в ГДР советского опыта при планировании и застройке сельских поселений, мероприятия по

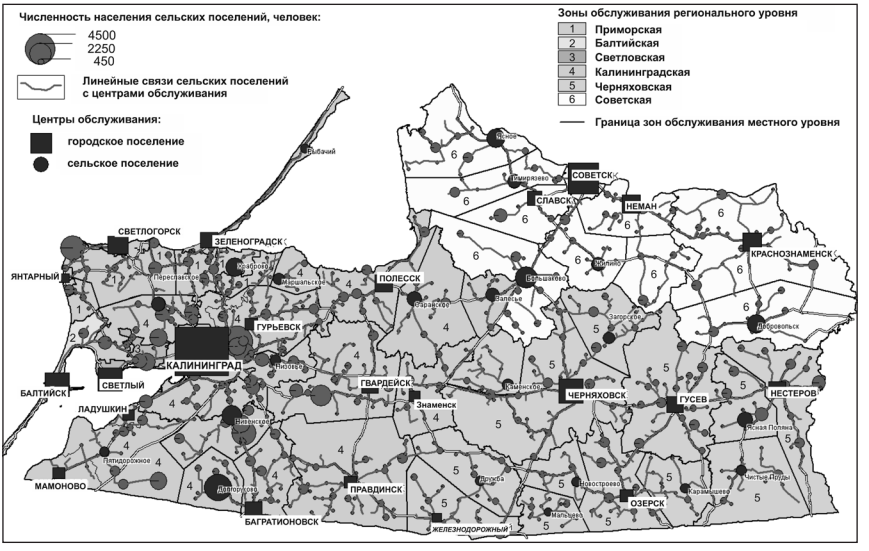


Рис. 7. Центры обслуживания сельских населенных пунктов
Источник: Жданов и др., 2002.

оптимизации и концентрации системы сельского расселения). Анализируя трансформационные процессы, происходящие в системе сельского расселения «новых земель» Германии, можно сделать вывод, что это практически те же российские процессы (только с временным сдвигом и не с такими кризисными явлениями, как в России): депопуляция населения, снижение числа рабочих мест, утрата элементов прежней социальной инфраструктуры, преобладание крупных сельскохозяйственных предприятий. Прежние принципы, основанные на связи расселения с характером землепользования, в настоящее время в полной мере не работают. Землепользование как таковое при современных условиях довольно независимо от имеющейся структуры сельского расселения: можно жить в любом месте и управлять землепользованием на расстоянии. Особенно это касается крупных сельскохозяйственных предприятий и крупных частных инвесторов, которые управляют своей землей через наемный персонал. Пришедшие на смену бывшим государственным предприятиям ГДР крупные инвесторы не нуждаются больше в том количестве рабочей силы, которое было ранее. В восточной Германии, например, на предприятиях с величиной сельскохозяйственных площадей 15–20 тыс. га на 1000 га требуется от 7 до 15 единиц рабочей силы (редко 20–30, на западе – 80–90 работников), т.е. общая численность работающих на предприятии составляет всего 150–200 чел.[7] (Klüter, 2011). Для территориального планирования сельской местности в Германии на протяжении последних 30–40 лет использовались механизмы, основывавшиеся на теории «центральных мест», аналогичные тем, которые применяются в настоящее время в России. Однако этот подход больше не работает и поэтому требуется разработка новой парадигмы и инструментария (Левченков, 2009).

Таким образом, актуальные тенденции и прогнозы развития системы сельского расселения Калининградской области выглядят следующим образом:

– область имеет довольно устойчивую структуру сельского населения, особенно по сравнению с другими регионами Северо-Запада;
– наблюдается увеличение численности сельского населения за счет миграционного притока, правда, уже не в таких объемах, как в 1990–2000 гг.;

[7] Похожая картина наблюдается и в Калининградской области: в ООО «Новое поле» (Правдинский район, п. Липняки) работают около 60 чел., общая площадь сельхозугодий составляет 10 тыс. га, из которых в настоящее время обрабатывается только половина.

– процесс концентрации сельского населения в пригородных урбанизированных районах будет продолжаться; возможно и закрепление населения в периферийных районах, если удастся решить экономические проблемы села (особенно развития фермерского хозяйства) и обеспечить активное формирование социальной инфраструктуры на селе и расширение связей в периферийных системах «город – село»;
– продолжится процесс изменения характера землепользования, структуры сельскохозяйственных предприятий за счет увеличения доли крупных сельхозпроизводителей;
– будет происходить изменение функционального характера сельских поселений; крупные поселения при этом должны усилить функции местных социально-культурных и районообразующих центров – центров первичных социально-экономических районов;
– произойдет некоторая стабилизация количества населенных пунктов; крупные и часть средних выгодно расположенных поселков будут и в дальнейшем расти, а малые и средние отдаленные пункты – постепенно уменьшаться.

Литература

Волынская Г.Я., Федоров Г.М. Система расселения в польдерных районах Калининградской области // Народное хозяйство Калининградской области – проблемы и пути развития. – Калининград, 1977. С. 86–93.

Гальцова С.П. Основные этапы развития сельского хозяйства Калининградской области. – Калининград, 1986.

Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. 183. Оп. 5. Д. 133. Л. 11, 13; Д. 134. Л. 57.

ГАКО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

ГАКО. Ф. 298. Оп. 4. Д. 2. Л. 9.

ГАКО. Ф. 297. Оп. 8. Д. 723. Л. 104–111

ГАКО. Ф. 325. Оп. 1. Д. 3. Л. 169

Жданов В.П., Пустовгаров В.И., Федоров Г.М. Пространственное развитие экономики и расселения региона (на примере Калининградской области) / под. ред. Г.М. Федорова. – Калининград: БИЭФ; Изд-во КГУ, 2002.

Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. – Калининград: Терра Балтика, 2009.

Левченков А.В. Взаимосвязи системы сельского расселения и ландшафтных факторов Калининградской области // Вестник КГУ. Серия: Экология региона Балтийского моря. 2004. Вып. 5. С. 33–39.

Левченков А.В. Заселение Восточной Пруссии // Региональная геогра-

фия России. Калининградская область: учебное пособие для студентов. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 13–31.

Левченков А.В. Проблемы сельской местности // Исследования Балтийского региона. Вестник Института Балтийского региона РГУ им. И. Канта. 2009. № 1. С.84–94.

Панов В.К. К вопросу о специализации сельского хозяйства Калининградской области. – Пос. Тимирязево: СНИИГМ, 1948.

Пустовгаров В.И., Жданов В.П., Федоров Г.М. Экономика и расселение Калининградской области: Экономические предпосылки обоснования Территориальной комплексной схемы градостроительного планирования развития территории Калининградской области и ее частей: Монография. – Калининград: Изд-во КГУ, 2000.

Численность и миграция населения Калининградской области в 2009 г. / Росстат. – Калининград, 2010.

Bloech H. Ostpreußens Landschaft. – Leer, 1980.

Historisch-geographischer Atlas des Preußenlandes. – Wiesbaden, 1982.

Klüter H. Zur Entwicklung der Landwirtschaft in Brandenburg // In: Umbrüche auf märkischem Sand. Brandenburgs Landwirtschaft im Wandel der Zeit – Entwicklungen, Risiken, Perspektiven. Oekonom, München, 2011. S. 55–64.

Knappe E. Der Wandel der Landnutzung in der Region Kaliningrad // Europa Regional. 1993. 2. S. 22–30.

Mortensen H. und G. Die Besiedlung des nordöstlichen Ostpreußens bis zum Beginn des 17. Jahrhunderts. Teil I. In: Deutschland und der Osten. Bd. 7. – Leipzig, 1937/38.

Mortensen H. Siedlungsgeographie des Samlandes. – Stuttgart, 1923.

Scheu E. Ostpreußen, Eine wirtschaftsgeographische Landeskunde. – Königsberg, 1936.

A.V. Levchenkov

GENESIS AND THE PRESENT-DAY STATE OF RURAL SETTLEMENT PATTERN IN KALININGRAD OBLAST

Genesis, evolution and the present-day state of rural settlement pattern are of particular importance for working out recommendations for the improvement of this system. The history of Kaliningrad region has resulted in a very specific set of historical-geographical, geoecological, social and economic, as well as political factors. Identification, evaluation and analysis of the factors governing the formation of rural settlements at different historical stages made it possible to distinguish four stages of rural settlement pattern development within the territory of Kaliningrad oblast. Spatial and temporal characteristics of territory settling are discussed.

П.П. Турун

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ В 1959–2010 гг.

Формирование системы расселения – сложный и многоаспектный процесс. Неравномерный рост населения, неравномерное его размещение по территории страны объясняются различными причинами: социально-экономическими, демографическими, географическими, урбанизационными, экологическими и др. Влияние этих причин многофакторно и приводит как к позитивным, так и к негативным результатам.

При относительной устойчивости сложившихся форм расселения, инерционности их развития вся сеть населенных мест тем не менее находится в постоянном развитии, имеющем свои особенности и специфические проблемы в различных регионах страны.

В настоящее время Ставропольский край, один из типичных регионов равнинного Юга России, специфичен своим аграрно-индустриальным характером, слабой урбанизированностью, разнообразием природно-географических и иных условий. Характерной чертой его расселения является сохранение высокой доли сельского населения. Вместе с тем усиление процессов урбанизации привело к существенной трансформации сельской поселенческой сети.

Эволюция системы расселения края происходила в условиях, для большинства регионов России нетипичных. Во-первых, при слабом увеличении численности сельского населения и при сохранении его большой доли – на уровне 42,8% в 2010 г. Во-вторых, в условиях, благоприятных в демографическом отношении на протяжении длительного времени. При постоянном росте численности населения в крае темпы этого процесса в различные межпереписные периоды были неодинаковы.

Территориальные различия заселенности характеризуются рядом показателей: плотностью населения, соотношением числа городских и сельских поселений, структурой поселений, густотой, особенностями положения и т.д. На фоне сокращения численности, доли и плотности сельского населения в большинстве регионов России, эти показатели в пределах Ставропольского края постоянно возрастают.

Зона высокой плотности сельского населения сложилась в западной и южной частях края. На востоке, в засушливых районах степей и полупустынь, плотность постепенно снижается до минимальных показателей. Изменение плотности сельского населения влияет

на изменение структуры расселения – крупноселенное с густой сетью в районах интенсивного сельского хозяйства в западных районах Ставрополья заменяется среднеселенным на востоке. В районах высокой плотности сельского населения концентрируется большая часть городов региона, в том числе краевой центр.

Сеть поселений в крае сократилась в 1959–2010 гг. более чем в три раза. В результате густота сельского расселения в течение рассматриваемого периода снизилась в 3,2 раза. Это привело к тому, что обширный единый ареал начал распадаться на отдельные очаги (рис. 1).

На Ставрополье с его высоким уровнем освоенности территории густота поселений и доступность центров для сельского населения – одни из самых низких в стране. Кроме того, высокая концентрация городов и сельских поселений вдоль важнейших транспортных магистралей общероссийского и регионального уровня предопределила формирование сельских «глубинок» (центр и восток края), которые являются зонами интенсивного оттока сельского населения, что отрицательно влияет на развитие аграрного сектора экономики.

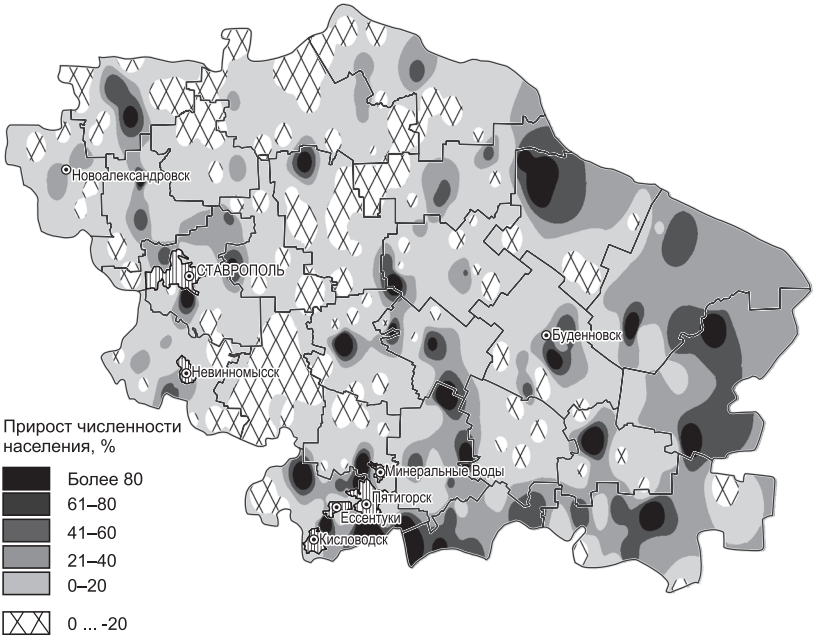


Рис.1. Динамика численности сельского населения Ставропольского края в 1959–2010 гг., %

Показатель средней людности поселений может служить интегральным показателем населенности, заселенности и, при оценке возможностей социального обслуживания населения, одним из критериев условий размещения и функционирования систем учреждений обслуживания (Город и деревня..., 2001, с. 252).

Средняя людность сельских поселений в крае является одной из самых высоких в стране. В 1959 г. этот показатель составлял 472 чел., к 2010 г. он вырос до 1624 чел. (с переходом к новой системе учета без

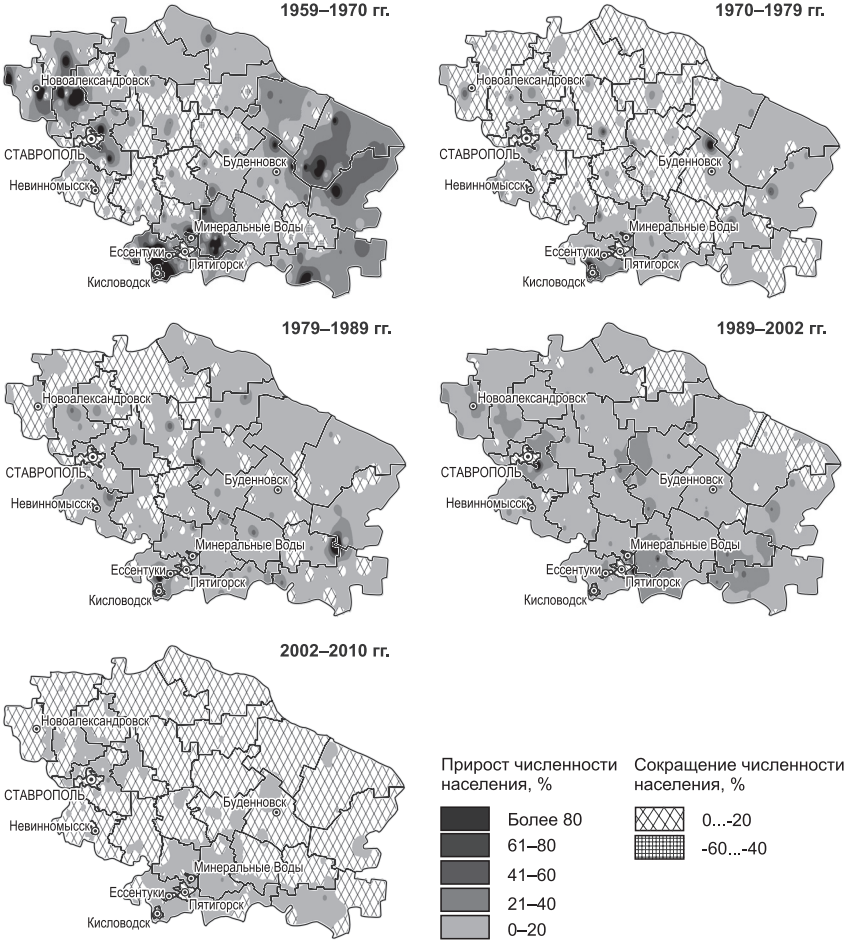


Рис. 2. Динамика численности сельского населения Ставропольского края по межпереписным периодам, %

«однодворок» в 1970–2010 гг. увеличение составило 71,7%). Низкая людность сельских поселений влияет на состояние сферы обслуживания населения. Малые населенные пункты, не имея объектов социального назначения или «теряя» их, утрачивают жизнеспособность, вплоть до полного исчезновения. Вместе с тем в последнее десятилетие средняя людность незначительно снизилась при стабилизации сети населенных пунктов.

Для Ставрополья характерно распространение крупнейших сельских поселений, в том числе людностью более 5 тыс. чел., значение которых со временем возрастает. Это связано не только с природными условиями в равнинной части (в первую очередь с наличием крупных массивов плодородных земель), но и с особенностями военно-казачьей колонизации края, при которой величина поселений зависела от военной и экономической политики государства и сложившегося характера землепользования. В дополнение к крупным поселениям-станицам развивалась система временных поселений и хуторов людностью до 100 жителей.

Основные структурные сдвиги в сельском расселении связаны с концентрацией населения в крупных по численности сельских населенных пунктах, выполняющих в первую очередь административные функции. При этом некоторые из них перешли в категорию городских поселений. Наименее устойчивы средние поселения, в то время как доля мелких и крупных растет за счет перехода в эти категории именно средних населенных пунктов.

Заметное сокращение доли малых поселений за 1959–1970 гг. в основном произошло в связи с изменением подхода к определению самого понятия «населенный пункт». После 1939 г. определение этого понятия было заимствовано из переписей 1926 г. и 1939 г. При проведении переписи учитывалось население не только постоянно обитаемых поселений, но и временных, сезоннообитаемых (полевые станы, животноводческие фермы, отдельно стоящие здания пионерских лагерей, железнодорожных переездов и т.п.). При проведении последующих переписей населения жители таких обитаемых мест приписывались к соседним более крупным поселениям, в результате большинство «малодворок» формально прекратили свое существование.

В связи с подготовкой переписи 1970 г. прошла ревизия сельских поселений, проведенная на местах, «по факту». Принятие новой методики учета поселений осложнило проведение сравнительного анализа результатов 1959 г. и последующих переписей населения. Сле-

дует отметить, что реальная картина сельского расселения до сих пор искажена: в статистических материалах нет многих существующих малых сельских населенных пунктов, выполняющих определенные хозяйственные функции.

В послевоенное время сеть сельских поселений края состояла из крупных поселений, дополненная сетью усадеб, поселков отделений и бригад, прифермских поселений, овцеводческих кошар, поселений на транспорте. Малые поселения были как постоянными, так и временнообитаемыми. Со временем некоторые из этих населенных пунктов утратили свои производственные функции – в результате концентрации производства и совершенствования организационно-хозяйственной структуры предприятий, в первую очередь сельскохозяйственных. Кроме того, проводилась политика деления сельских поселений на перспективные и неперспективные.

Для практической реализации этой задачи были разработаны новые принципы развития сельской местности. Основные изменения предусматривали сселение жителей малых поселений в более крупные населенные пункты. Были составлены типовые схемы районной планировки сельских районов, предусматривавшие создание населенных пунктов нового типа с высоким уровнем благоустройства. В результате было положено начало новому подходу к решению проблем трансформации сельского расселения.

Госгражданстрой СССР (позже переименованный в Госкомитет архитектуры СССР) упорно проводил линию на внедрение в жизнь политики сселения, разрабатывал всевозможные инструкции и проекты. При этом мелкие деревни и села, обреченные на снос, лишались всякой жизненной перспективы. Этому ведомству удалось добиться прекращения финансирования не только нового строительства, но и даже ремонта существовавших в неперспективных селах зданий и сооружений. Там закрывались школы, магазины, отключалась электроэнергия, перепахивались дороги (Беленький, 1991).

В связи с созданием и укрупнением колхозов и совхозов мелкие хутора, не выдерживая конкуренции с крупными поселениями, самоликвидировались. Главная причина неперспективности была связана со слабой развитостью социальной сферы.

В крупных хуторах длительное время функционировал хозяйственный коллектив, способствовавший сохранению и стабилизации хутора как важной производственной и социальной ячейки. Затем, после укрупнения хозяйств в 1950–1965 гг., эти хутора дифференцирова-

лись на центральные и вспомогательные поселения (центры бригад, отделений и рядовые). В результате этой дифференциации многие поселения утратили всякие производственные функции.

В послевоенное время в сельском расселении происходит не только снижение уровня заселенности территории, но и значительно трансформируется его структура. В результате в сельской местности усиливаются процессы концентрации и поляризации.

Концентрация проявляется в увеличении численности населения, проживающего в наиболее крупных и жизнеспособных населенных пунктах, часто выполняющих административные функции. В результате очаговость сельского расселения усиливается. Разнонаправленность тенденций трансформации расселения приводит к увеличению доли малых и крупных населенных пунктов, при этом удельный вес средних значительно сокращается – расселение поляризуется.

Перераспределение населения в пользу наиболее крупных поселений (особенно районных центров) является универсальной тенденцией, характерной для регионов, резко контрастных по самым разным условиям – природным, социально-экономическим, демографическим и др. Однако темпы и характер рассматриваемых процессов при этом существенно различаются.

Существенное влияние на цикличность территориальных сдвигов в расселении оказывают особенности хозяйственного использования. Как отмечает Д.Н. Лухманов, образуются, с одной стороны, хорошо выраженные локальные очаги антропогенного воздействия, а с другой – куда менее интенсивно используемые межцентровые пространства. В них происходит в лучшем случае смена типа землепользования, в худшем – нерегулируемая и в нынешних условиях практически неизбежная хозяйственная деградация.

Первый вариант изменений характерен для сельских районов, тяготеющих к крупным городам. Здесь уже давно одной из типичных форм расселения стало расселение рекреационное, или дачное. Возник совершенно новый тип сельского расселения с резко различной сезонной плотностью населения (максимальной летом и минимальной зимой).

Во многих районах, тяготеющих к большим городам, лишь наиболее крупные сельские поселения сохранили свою прежнюю сельскохозяйственную функцию. «Неперспективные» деревни, напротив, стали по преимуществу местами отдыха горожан, порой даже полностью перешли в их владение. А некоторые растущие сельские поселения становятся, по существу, поселками-спальнями для людей, ра-

ботающих в близлежащих городах и крупных сельских центрах. Притянув сначала значительную часть сельского населения и послужив таким образом одной из главных причин запустения деревни, крупные города со временем сделались источником *репопуляции* сельской местности, правда, с совершенно иным качественным содержанием.

Второй вариант изменений характерен для куда большего числа сельских районов, а свое наиболее яркое выражение он получает в *депопуляции.* Депопуляция деформировала типичные формы и структуры расселения: интенсивный миграционный отток сопровождался почти повсеместным изменением сети сельских поселений и исчезновением значительной их части. Депопуляция затронула (правда, в разной степени) и малые, и средние, и крупные сельские поселения (Город и деревня..., 2001, с. 246).

По-прежнему ставка делается только на значимые в функциональном отношении районные и внутрихозяйственные центры, о чем говорят более высокие темпы роста численности их жителей. Происходящее является следствием преимущественного «права сильного» в конкурентной борьбе за распределение вечно дефицитных материальных и инвестиционных ресурсов: вначале насыщаются потребности центральных поселений, а уже потом всех остальных. Превалирующее число поселений, таким образом, постоянно недополучает необходимый для развития и нормального существования потенциал, из-за чего увеличивается отставание этих сел от центров. В этом видится одна из основных причин свертывания сети населенных пунктов, сужения зон деятельности в сельской местности (Владимиров, Наймарк, 2002).

Перспективность и неперспективность сельских поселений (терминология 1960-х гг.) зависела и зависит не от проводимой периодически «поселенческой политики» (в настоящее время это оптимизация сети социальной инфраструктуры), а от организационно-хозяйственной структуры сельскохозяйственных предприятий, от изменения характера землепользования, появления новых форм хозяйствования на селе и др. Стабильности сельского расселения может способствовать развитие рекреационных функций сельской местности, в том числе на основе охраны и туристического использования памятников истории и культуры.

Сдерживающим фактором является неразвитость транспортной инфраструктуры (в постсоветский период отчетливо проявилась тенденция уменьшения числа рейсов и маршрутов), особенно в сельской глубинке. Немаловажную роль играют психологические факторы,

связанные с многолетней бытовой неустроенностью большей части сельских жителей, оторванностью их от крупных центров, с бездорожьем, безработицей, отсутствием перспектив на будущее. Особенно это относится к молодежи. В результате формируется мощный миграционный поток в направлении города.

Использование материалов Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг., Всероссийских переписей населения 2002, 2010 гг. позволяет выявить особенности структуры сельского расселения края в каждый из межпереписных периодов.

1959–1970 гг. В этот период трансформация расселения характеризуется значительным сокращением сети сельских поселений, существенным изменением структуры сельского расселения, что объясняется изменением учета сельских поселений, в частности «однодворок», и проводившейся политикой сселения неперспективных населенных пунктов. Этот процесс проходил в условиях слабого прироста численности сельского населения на Ставрополье (0,5% за весь период) и сочетался с заметным увеличением абсолютных и относительных показателей городского населения. С 1959 по 1970 г. его численность увеличилась на Ставрополье в 1,7 раза. Это обеспечивалось за счет роста численности населения существовавших городских поселений, а также активного формирования новых в результате преобразования сельских поселений.

В 1959 г. Ставрополье отличалось слабо развитой сетью городских поселений, представленной преимущественно малыми и средними городами и одним большим городом.

Край и республика заметно отличались по структуре сети сельских поселений. Нами сельские населенные пункты разделены на три группы: малые (до 100 чел.), средние (100–1000 чел.) и крупные (более 1000 чел.). В отдельных случаях анализ проводится по более дробным категориям поселений. На Ставрополье, при высокой густоте сельских поселений (35 на 1 тыс. км^2), доминирующими в 1959 г. были поселения с числом жителей менее 100 чел., их доля составляла 58,7% (см. таблицу). Многочисленная сеть этих сельских поселений концентрировала всего 2,5% сельского населения края. Несмотря на отмеченный выше характер сельского расселения, средний размер населенного пункта в крае достигал 465 чел. Доля сельских поселений людностью более 1000 чел. составляла 8,1%, но в них проживало 73% сельского населения. Каждый третий сельский житель края проживал в крупнейших сельских поселениях людностью более 5 тыс. чел. (31,5%).

Таблица. Динамика сети сельских поселений Ставрополья в 1959–2002 гг., %

Категория поселений	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Малые (до 100 чел.)	58,7	24,1	11,9	9,7	8,4	10,9
Средние (100–1000 чел.)	33,2	55,7	57,3	52,3	50,3	47,3
Крупные (более 1000 чел.)	8,1	20,2	30,8	38,0	41,3	41,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Согласно данным Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг., в 1960-е гг. – период наиболее активной трансформации сельского расселения на Ставрополье – сеть сельских поселений сократилась в крае более чем вдвое. Столь существенное сокращение числа сельских поселений происходило в первую очередь за счет ликвидации малых поселений, особенно численностью до 100 чел.; на Ставрополье сохранился лишь каждый пятый такой населенный пункт. По мере увеличения численности сельских поселений показатели сокращения их числа снижаются.

Удельный вес поселений с числом жителей до 100 чел. в крае снизился с 58,7% в 1959 г. до 24,1% в 1970 г. Одновременно увеличился удельный вес поселений всех остальных категорий (см таблицу). Отчетливо проявляется поляризация в развитии сельского расселения. Увеличение средней людности сельского поселения проходит на фоне увеличения численности населения малых и средних населенных пунктов на Ставрополье.

Значительное сокращение людности малых поселений привело к их массовой ликвидации или к присоединению к более крупным, поэтому средняя людность поселений выросла в крае в 2 раза. Число крупных поселений на Ставрополье в 1960-е гг. росло быстрее, чем численность населения в них, поэтому средняя людность крупных поселений снизилась на 14,4% и составила 3550 чел. Наиболее высокая концентрация сельского населения отмечалась в селах-райцентрах. Численность жителей в них превышала размер среднего населенного пункта на Ставрополье в 20 раз и составляла 9,3 тыс. чел.

В это десятилетие идет активное формирование городской системы расселения. Ряд крупных сел-райцентров становятся городами – Светлоград, Изобильный, Зеленокумск. Длительный процесс «вызревания» их в города на старой генетической основе ускорился в результате активизации индустриального развития, выразившегося в создании предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, а так-

же некоторых трудоемких отраслей промышленности, ориентированных на использование имевшихся резервов трудовых ресурсов. Возникали и промышленные центры – горнодобывающий (Лермонтов), нефтедобывающий (Нефтекумск). Как поселки-спальни курортных городов Кавминвод формируются городские поселки Иноземцево, Горячеводск и Свободы.

1970–1979 гг. В 1970-е гг. развитие системы расселения происходит в условиях продолжающегося снижения естественного прироста и меняющегося характера миграционных процессов. В этот период численность сельского населения края уменьшилась на 2,3%. Однако анализ изменения числа жителей села в сопоставимых величинах, т.е. «очищенных» от учета населения населенных пунктов, ставших городскими поселениями, дает несколько иные результаты. При таком подходе обнаруживается прирост сельского населения Ставропольского края.

Трансформация системы расселения в это время выражается в дальнейшем сокращении сельской поселенческой сети, наращивании системы городских поселений за счет формирования аграрно-индустриальных центров – Благодарного, Новоалександровска, поселка городского типа Солнечнодольска.

К 1979 г. в сельской поселенческой сети произошло дальнейшее сокращение числа малых поселений, в целом они составляли на Ставрополье 11,9% (в 1970 г. – 24,1%). Самыми многочисленными остались средние сельские поселения людностью 101–1000 чел., на Ставрополье их удельный вес по сравнению с 1970 г. увеличился с 55,7% до 57,3%. Происходит увеличение абсолютных и относительных показателей крупных сельских поселений. Удельный вес их в сельской поселенческой сети увеличился в 1970–1979 гг. с 20,2% до 30,8%. В крупных селах края было сконцентрировано 78% сельского населения.

На Ставрополье, по данным переписи населения 1979 г., сеть сельских поселений насчитывала 832 населенных пункта и по сравнению с 1970 г. сократилась на 27,6%. Ежегодно исчезали, объединялись с другими поселениями 2,8% сельских поселений. В последующие годы тенденция сокращения числа сельских поселений сохранилась, но темпы значительно снизились. Ежегодные темпы сокращения численности сельского населения в 1970-е гг. были намного ниже, чем темпы сокращения числа сельских поселений. Это обусловило дальнейшую концентрацию населения и увеличение средней людности сельских поселений до 1290 чел.

1979–1989 гг. В этот межпереписной период численность всего населения края вновь возросла (на 13,2%), что почти в полтора раза превысило темпы роста предыдущего периода. Вновь наблюдается прирост населения в сельской местности, что свидетельствует о благоприятной обстановке на селе по сравнению с другими регионами страны. Усиливающиеся процессы урбанизации привели к преобладанию городского населения, доля которого в общей численности населения края достигла 53,9%.

Сокращение численности сельского населения, имевшее место в начале 1980-х гг., сменяется в последующие годы приростом, который в целом за межпереписной период составил 4,7%. В 1980-е гг. более четко обозначилось сокращение доли средних поселений на Ставрополье (на 5%). В общем числе сельских поселений на их долю приходилось в 1989 г. 52,3%. Продолжал расти удельный вес крупных сельских поселений. Они составляли 38% от общего числа поселений. Таким образом, от десятилетия к десятилетию, начиная с 1960-х гг., в сельской поселенческой сети уменьшается удельный вес малых поселений и увеличивается доля крупных при колебании доли средних. Центр тяжести в структуре сельской поселенческой сети по ступенькам перемещается к самым крупным поселениям.

В целом за 30-летний период (1959–1989 гг.) население края выросло в 1,5 раза (на 51,6%). Среднегодовые темпы прироста сельского населения составили при этом всего 0,6%.

1989–2002 гг. В постсоветский период изменение демографической ситуации повлияло на характер расселения. Ставрополье оказалось в центре миграционных потоков, в которых значительную долю составили беженцы и вынужденные переселенцы из Закавказья и Северного Кавказа. На фоне естественной убыли прирост численности сельского населения края составил 11,2%. В 1989–2002 гг. лишь в одном административном районе (Арзгирском), расположенном в глубинной части Ставрополья, наблюдалась абсолютная убыль населения.

Характерной чертой населения Ставропольского края в этот период явилось сохранение высокой доли сельского населения, которая была одной из самых высоких среди регионов страны – 44%. На фоне естественной убыли прирост численности сельского населения края составил 13,9%. При этом среднегодовые темпы роста числа сельских жителей оказались в полтора раза выше аналогичных показателей 1959–1989 гг.

В течение рассматриваемого периода в крае наряду с незначительным сокращением числа населенных пунктов наблюдается новое для него явление – образование новых сельских поселений в зоне влияния большого города – Невинномысска. Жителями этих поселений в большинстве стали вынужденные переселенцы с территории Чеченской Республики.

К концу межпереписного периода доля малых сельских населенных пунктов достигла минимального уровня за весь период наблюдений (8,4%), а доля крупных – максимального уровня (41,3%). На этом фоне продолжалось (с 1979 г.) сокращение доли средних поселений. Сокращение числа поселений затронуло категории малых и средних населенных пунктов, при этом темпы значительно сократились. Такие изменения привели к росту средней людности до максимального уровня – 1632 чел.

2002–2010 гг. В течение последнего межпереписного периода численность сельского населения края уменьшилась на 0,9%. Это второй, после 1970–1979 гг., период сокращения числа сельских жителей. Однако если в первом случае отрицательная динамика была связана с переходом ряда крупных сельских населенных пунктов в категорию городских поселений, то во втором случае – с изменением характера демографических процессов.

По сравнению с 2002 г. численность населения выросла на территории девяти районов края. Наибольший рост наблюдался в пригородном Шпаковском районе, на территории которого находится краевой центр г. Ставрополь (13,2%). В пределах $^2/_3$ районов произошло снижение численности населения, наибольшее в северо-восточных частях края.

Продолжался процесс сокращения сети средних поселений до 47,3%. На этом фоне увеличился удельный вес крупных и малых, последних – наиболее интенсивно (на 2,5%).

Важным элементом сельского расселения являются административные районные центры, которые выполняют основные функции межселенного обслуживания. На территории Ставрополья функции таких центров в 2010 г. выполняли 14 сельских поселений (54% от общего числа райцентров).

Результатом развития районных систем расселения в сельской местности является формирование города как организационно-хозяйственного центра. С 1959 г. 9 сельских поселений-райцентров перешли в категорию малых городов, значительно сократив численность сельского населения Ставрополья. В равнинной части края

некоторые села в настоящее время превосходят по числу жителей малые города (Александровское – 27,5 тыс. чел., Кочубеевское – 26,8 тыс. чел., станица Ессентукская – 20,2 тыс. чел.). Все административные центры края увеличивали численность населения до последнего межпереписного периода. Однако в 2002–2010 гг. начала проявляться и противоположная тенденция.

В целом с 1959 г. при общем уменьшении числа сельских поселений происходит концентрация населения в райцентрах. Надо отметить, что поселения этого типа недостаточно развиты экономически и не располагают крупными предприятиями. Тем не менее райцентры выполняют роль организующих центров окружающей сельской местности и являются факторами стабилизации сельского населения на этих территориях.

Выводы

1. Трансформация сельского расселения определяется многими факторами, действующими разнонаправленно.

2. Сельское расселение региона является устойчивой и в значительной мере инерционной системой, поэтому изменение характеризующих ее основных показателей происходит достаточно медленными темпами.

3. Трансформация расселения приводит к его повсеместной концентрации и поляризации.

4. Изменения в структуре сельского расселения зависят от неустойчивости поселений средней людности.

5. Продолжается территориальное перераспределение сельского населения в пользу пригородных районов, особенно возле больших городов.

Литература

Беленький В.Р. Российская деревня: Из прошлого в будущее. – М.: О-во «Знание» РСФСР, 1991.

Белозеров В., Турун П. Миграционные процессы на Ставрополье // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / под ред. О. Глезер и П. Поляна. – М.: ОГИ, 2005. С. 464–478.

Владимиров В.В., Наймарк Н.И. Проблемы развития теории расселения в России. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.

Город и деревня Европейской России: Сто лет перемен / под ред. П.М. Поляна, Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша. – М.: ОГИ, 2001.

Дмитриев А.В., Лола А.М., Межевич М.Н. Где живет советский человек: Социальные проблемы управления расселением. – М.: Мысль, 1988.

Турун П.П. Основные черты трансформации сельского расселения Ставрополья в 1959–2002 гг. // Горные страны: Расселение, этнодемографические и геополитические процессы, геоинформационный мониторинг. Мат-лы междунар. конф. – М.–Ставрополь, 2005. С. 302–308.

Турун П.П. Динамика структуры сельского расселения на Ставрополье и в Карачаево-Черкесии // Население Юга России: трансформация воспроизводства, расселения и образа жизни в новых геополитических условиях. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. С. 94–101.

Турун П.П. Региональные особенности сельского расселения Юга России // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2010. № 69 (4). С. 170–176.

Турун П.П. Основные черты трансформации сельского расселения Ставропольского края в постсоветский период // Миграция и пространственная мобильность в сельско-городском континууме России в XX веке: управляемость, адаптивность и стратегии преодоления. – Ставрополь–Фрайбург: Изд-во СГУ, 2011. С. 270–274.

P.P. Turun

BASIC LINES OF TRANSFORMATION OF RURAL SETTLEMENT PATTERN IN STAVROPOL KRAI DURING 1959–2010

Dynamics of rural settlement pattern of Stavropol krai is considered within 1959–2010 and by the separate periods between censuses. The basic tendencies and a current state of a network of rural settlements are shown. Distinctions in dynamics of rural settlements of various categories are analyzed. The reasons of transformation of system of rural settlement of Stavropol krai are considered.

МИГРАЦИИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

В.М. Моисеенко

ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН НА СВОБОДНЫЕ КАЗЕННЫЕ ЗЕМЛИ ЗА УРАЛОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В течение многих лет вопрос «о переселении» был у нас вопросом спорным. Дело шло не о том, следует или не следует поощрять переселение сельского населения? – вопрос становился гораздо категоричнее, именно: следует ли вообще допускать переселение? Но пока и в общественном мнении, и в официальных сферах этот важнейший вопрос обсуждался с самых противоположных сторон и не находил разрешения, жизнь и сила вещей брали свое; избытки нашего сельского населения из густо населенных губерний приливали из году в год в наши восточные губернии, в Сибирь, на Алтай и даже Приамурский край.

Только в самое последнее время, с открытием постройки Сибирской железной дороги, этот вопрос первостепенной важности был выведен из своего неопределенного положения и поставлен на твердую, рациональную почву.

Тернер, 1897, с. 75.

Переселения крестьян – центральная проблема в миграционной тематике

Социально-экономические и политические преобразования в России, начиная с реформы 1861 г., способствовали повышению территориальной мобильности населения – росту неземледельческого и земледельческого отхода крестьян, притоку мигрантов в города, эмиграции из России, постепенному «размыванию» «черты оседлости».

Не ослабевавшее внимание к переселениям крестьян как центральной проблеме на протяжении второй половины XIX – начала XX в. объясняется рядом причин. Главной из них стали нараставшие масштабы стихийного движения крестьян на свободные земли за Уралом под влиянием ухудшавшегося социально-экономического положения крестьянства, быстрого роста численности сельского населения, низкого уровня индустриального развития страны и т.д. В отличие от неземледельческого отхода, механизм которого в основных чертах сложился до реформы 1861 г., и, следовательно, в ряде неземледельческих губерний (в Ярославской, Костромской, Тверской, Московской и др.) был накоплен многолетний опыт участия

крестьян в отходничестве, массовое переселение крестьян за Урал было сравнительно новым явлением.

Устойчивое внимание к переселению крестьян объясняется концепциями, придававшими большую роль этому движению в развитии России. По мнению большинства ученых, переселение крестьян как никакой другой вид миграции нуждалось в активной переселенческой политике государства.

Внимание к переселению косвенно было связано с отсутствием регулярных национальных переписей населения в России, что ограничивало изучение миграции населения как сложного явления. В то же время учет переселения крестьян за Урал оказался единственным видом государственной статистики миграции. Наконец, переселение крестьян совпало по времени с заселением западных штатов США, Канады, Австралии, с проведением колонизационной политики европейскими странами, что давало возможность использовать опыт этих стран.

Характерно, что именно узкое значение термина «переселение», означавшее «передвижения земледельческого населения внутри границ государства с целью поселения в новых, необитаемых или малообитаемых странах», закрепилось в литературе второй половины XIX – начала XX в. (Кауфман, 1898б, с. 265).

Уже в первых исследованиях (В.И. Чаславский и др.) было выдвинуто положение об особом месте переселения крестьян в социально-экономическом развитии России. По мнению многих исследователей, именно переселения внутри России отличали ее от стран Западной Европы, где колонизация означала эмиграцию. Для переселения в России существовали исключительно благоприятные условия в виде свободных земель, «на которые могут изливаться избытки сельского населения, не только не разрывая связи со своим отечеством, но служа, напротив того, к большому сплочению этих стран с Россиею» (Тернер, 1896, с. 90). В то же время переселенческая политика внутри государства оценивалась как более сложная задача правительства, поскольку шла речь о согласовании интересов различных районов. Это положение подтвердили последствия переселения на рубеже 1910-х гг., когда стремительно выросли масштабы этого процесса (см. таблицу).

Признание особой роли переселения в развитии России имело существенные последствия. Одним из них стала абсолютизация переселения в решении социально-экономических проблем, прежде всего малоземелья крестьян. В то же время такой подход, неизбежный на

Таблица. Динамика переселений в России за 1885–1913 гг.
(По данным регистрации, без учета переселенцев, следующих без переселенческих документов)

Годы	Семейные переселенцы, тыс. чел.	Ходоки, тыс. чел.	Всего за Урал, тыс. чел.	Обратные (семейные), тыс. чел.*	% обратных к семейным переселенцам
1885	9	3	12		
1886	11	4	15		
1887	12	6	18		
1888	25	6	31		
1889	27	11	38		
1890	32	15	47		
1891	65	17	82		
1892	77	7	84		
1893	53	8	61		
1894	56	1	57		
Итого 1885–1894	*367*	*84*	*445*		
1895	102	5	107	7	7
1896	177	12	189	23	13
1897	68	18	86	20	29
1898	146	54	200	16	11
1899	166	53	219	17	10
1900	161	53	214	37	25
1901	83	31	114	27	32
1902	77	29	106	20	26
1903	88	31	119	14	16
1904	37	7	44	6	18
1905	37	5	42	5	15
Итого 1895–1905	*1142*	*298*	*1440*	*193*	*17*
1906	135	78	213	9	7
1907	421	150	571	20	5
1908	650	94	744	30	6
1909	594	88	682	57	10
1910	286	37	323	76	27
1911	162	36	198	75	46
1912	177	58	235	34	19
1913	215	93	308	23	11
Итого 1906–1913	*2640*	*634*	*3274*	*324*	*12*
Всего 1885–1913	***4149***	***1016***	***5159***	***517***	***14***

**Учет обратных переселенцев был организован с 1895 г.*

Источник: Кауфман, б.г.а. С. 2–3.

определенном этапе, способствовал концентрации усилий на одном из важнейших направлений изучения миграции.

Начало исследований переселения крестьян относятся к 1860–1870-м гг. Большое число публикаций по этой проблеме приходится на время индустриального подъема в России и проведения аграрной реформы П.А. Столыпина вплоть до начала Первой мировой войны. Дореволюционный опыт организации переселения продолжал обобщаться в 1920-е гг. Поэтому литература, посвященная переселениям крестьян, относится к числу труднообозримых. Наряду с многочисленными статьями и монографиями следует отметить вклад отечественной журналистики в разработку переселенческой тематики, прежде всего ведущих общественно-политических журналов – «Вестник Европы», «Русское богатство», «Русская мысль», «Северный вестник» и др. Среди многих публикаций Переселенческого управления назовем периодический сборник «Вопросы колонизации», фактически первый специализированный «миграционный» журнал в России: за 1906–1915 гг. вышло 20 периодических сборников.

Периодизация изучения переселения

В изучении переселения крестьян после 1861 г. выделяются два этапа. Первый охватывает период с начала 1860-х до середины 1890-х гг., второй – с середины 1890-х до середины 1910-х гг. Оба этапа объединяет отношение к переселению как к крупной народнохозяйственной и общественной проблеме, преемственность в исследовании ключевых вопросов – функций переселения, его причин и последствий, обоснование необходимости проведения государством переселенческой политики. Различия между первым и вторым этапом обусловлены глубиной разработки различных аспектов переселения (прежде всего динамики его масштабов, характеристик переселенцев, обстановки в местах выхода и вселения), а также разными источниками информации.

Большинство работ первого этапа прямо или косвенно критиковало политику ограничения и запрещения переселения крестьян (В.И. Чаславский, А.Н. Васильчиков, Ю.Э. Янсон и др.). В конце 1890-х гг. эту особенность первого этапа отметил А.А. Кауфман.

«Отношение литературы по вопросу о переселениях в значительной мере определялось отношением к нему правительства. При всех колебаниях последнее (т.е. правительство. – *В.М.*) в общем смотрело на переселения до самого последнего времени с опасением и

недоброжелательством. Задачею литературы являлось поэтому доказать неосновательность такого отношения и выяснить важное положительное значение переселений в общей системе аграрной политики» (Кауфман, 1898б, с. 279).

В изучении переселения на первом этапе особенно заметно влияние концепции отечественных историков (В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова), придававших большую роль переселениям и колонизации в истории России. Переселения после 1861 г. рассматривались как продолжение многовекового движения населения на окраины огромной империи, как важнейший вопрос «в общей системе хозяйственного устроения страны» (Васильчиков, 1881б, с. 126).

В центре внимания были переселения на Северный Кавказ, в Оренбургскую и Уфимскую губернии. Масштабы стихийного движения в Сибирь, начавшегося заметно увеличиваться в 1880-е гг., усложнили переселение из-за возросшей дальности и стоимости, трудностей преодоления значительного расстояния, существенно возросших рисков и т.д. Отсутствие учета переселения на первом этапе повышало роль личных наблюдений, небольших по объему опросов и бесед с переселенцами в Сибирь. Поэтому неслучаен интерес современников к первым монографиям, посвященным переселению крестьян, Н.Н. Романова «Переселения крестьян Вятской губернии» (Вятка, 1880) и В.Н. Григорьева «Переселения крестьян Рязанской губернии» (М., 1885). Монографии были написаны на материалах «местных» обследований и были поддержаны губернскими земствами.

Особое внимание привлекла работа В.Н. Григорьева, основу которой составила подворная перепись крестьянских домохозяйств в южных уездах Рязанской губернии (Раненбургском, Данковском и Скопинском) в 1881–1882 гг. Информация о переселенцах была получена от односельчан, купивших у переселенцев землю или имущество. Впервые в отечественной литературе были проанализированы письма переселенцев в качестве источника сведений о Сибири. Современники отметили не только актуальность темы, но и профессионализм Григорьева в сборе и обработке обширного материала, отсутствие тенденциозности, «поспешных выводов». Достоинством книги А.И. Чупров назвал использование массового статистического материала, что отличало книгу Григорьева от других работ, построенных «на каких-либо единичных сведениях и наблюдениях, всегда допускающих широкий простор для односторонних выводов» (Григорьев, 1885, с. III).

В начале 1880-х гг. Н.М. Ядринцев привлек внимание к самовольным (по другой терминологии – свободным, вольно-народным, нелегальным и т.п.) переселениям крестьян в Сибирь. «Пренебрежением к вопросу о переселениях… не уничтожается, а увеличивается его значение, так как жизнь продолжает делать свое дело» (Ядринцев, 1880, с. 456).

В середине 1880-х гг. центром переселения крестьян становится Алтайский горный округ, куда переселялись жители 33 губерний Европейской России и всех губерний Сибири (Чудновский, 1889, с. 10).

Если задача первого этапа состояла в разработке исходных понятий, в обосновании народнохозяйственной значимости переселения крестьян и необходимости проведения государственной переселенческой политики, то разностороннее исследование переселения приходится на второй этап, начавшийся во второй половине 1890-х гг. На этом этапе задачи изучения переселения существенно усложнились в силу масштабности и динамичности этого процесса, возросшей роли переселенческого законодательства, менявшихся социально-экономических и политических условий в стране, необходимости учета нараставшего аграрного кризиса.

Начало второго этапа характеризуется ростом масштабов переселения (см. таблицу), активизацией переселенческой политики, улучшением условий передвижения переселенцев после завершения строительства западной части Сибирской магистрали. Несмотря на значительные колебания, общая тенденция переселения состояла в увеличении масштабов переселения крестьян.

На втором этапе произошло правовое и организационное закрепление общественных отношений, связанных с переселением, на базе функционирования законодательной и исполнительной власти, т.е. в институционализации переселения крестьян. Начиная с закона о переселении 1889 г., а затем законов 1904 г. и особенно 1906 г., проводится политика стимулирования переселения крестьян. Одновременно были приняты законодательные решения, относящиеся к деятельности учреждений, в ведении которых было землеустройство и переселение крестьян на казенные земли. Переселенческим и поземельно-устроительным делом в Азиатской России занималось Переселенческое управление, созданное в 1896 г. в составе Министерства внутренних дел, а в 1905 г. переданное в Главное управление землеустройства и земледелия. С этого времени в одном ведомстве были соединены два важных этапа – заготовка земельных участков и их заселение. Одновременно создавалась система местных переселенческих органи-

заций, на которую были возложены вопросы, связанные с проведением подготовительных работ, водворением и попечением переселенцев.

Одним из ярких свидетельств новой переселенческой политики в начале XX в. стал бюджет Переселенческого управления. Его смета, ежегодно составлявшая 3–4 млн руб. в период деятельности Сибирского комитета, выросла с 5,6 млн руб. в 1906 г. до 30 млн руб. в 1914 г. (Кауфман, б.г.а, с. 538). А.А. Кауфман отмечал постепенное превращение Переселенческого управления в типичное «министерство колоний».

Деятельность Переселенческого управления можно охарактеризовать как активную и открытую. «Список изданий Переселенческого управления с рисунками, составленный на 1 мая 1914 года» (СПб., 1914) содержит XX разделов и включает 488 наименований. В составе «Списка» отметим раздел XIV «Движение переселенцев за Урал и обратно в Европейскую Россию», раздел XV «Переселенческое хозяйство» и раздел XX «Смета доходов и расходов». Это издание включает также перечень обследований переселенцев, проведенных Переселенческим управлением.

Как предвидели многие исследователи, переселение крестьян повысило роль земства. Законодательно была закреплена деятельность Земской переселенческой организации в лице Бюро (Управления) Южно-Русской областной переселенческой организации. В состав Бюро вошли Волынская, Воронежская, Киевская, Полтавская, Харьковская, Саратовская и Черниговская губернии. Эти губернии выделяли агентов, следовавших вместе с переселенцами в пути и помогавших переселенцам во время их водворения в местах вселения (Переселение и землеустройство..., 1915, с. 1, 2, 34).

В рамках Государственной думы третьего созыва в ноябре 1907 г. была создана особая Комиссия по переселенческому делу в составе 66 депутатов. Предложение о создании такой комиссии поддержали представители многих фракций, в том числе депутаты «главных колонизуемых районов». Комиссия по переселенческому делу оказалась самой многочисленной в Думе. Одна из ее задач состояла в обсуждении проекта сметы расходов (росписи) Переселенческого управления (Вощинин, 1912, с. 18–19).

Начало второго этапа в исследовании переселения совпало с публикацией материалов переселенческой статистики и первыми масштабными обследованиями положения переселенцев в местах вселения в начале 1890-х гг. – в Тобольской (А.А. Станкевич) и Томской губерниях (А.А. Кауфман). Проведение первых обследований было

профинансировано Комитетом Сибирской железной дороги, последующих – Переселенческим управлением.

Статистико-социологические обследования переселенцев в конце XIX – начале XX в. были проведены также земскими статистиками в Черниговской, Полтавской и других губерниях. Фундаментальное обследование в Харьковской губернии охватило различные группы переселенцев – потенциальных и реальных, подавших прошение о переселении и получивших (или не получивших) такое разрешение. Обследование включило также стадии переселения (Переселение крестьян..., 1908–1910).

Переселениям крестьян на втором этапе посвящены работы А.М. Беркенгейма, И. Введенского, В.П. Вощинина, Н.А. Карышева, А.А. Кауфмана, А.А. Мануилова, Н.П. Огановского, Н. Новомбергского, В. Розенберга, Ф.Г. Тернера, И.Л. Ямзина и др. Одновременно переселения стали частью работ, посвященных аграрному кризису в России.

Накопление сведений – материалов переселенческой статистики и обследований, полученных земством в местах выхода и переселенческими организациями в местах вселения, – создало предпосылки для анализа широкого круга вопросов. Прежде всего динамики прямого и обратного движения, его различных стадий, причин переселения. Особое внимание уделялось характеристикам переселенцев, отличавшим их от сельского населения в местах выхода и вселения. С этой целью изучались социально-экономические показатели переселенческой семьи, ее демографический состав и т.д.

Тесная связь исследований переселения с реализацией переселенческой политики увеличила значение анализа тенденций и перспектив переселения, его последствий. Обострившуюся дискуссию по этим вопросам отмечают авторы многих публикаций. Поэтому трудно согласиться с мнением П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина: в работах ученых они не нашли «положительных указаний на то, как же следует наладить переселение» (Записка Председателя..., 1910, с. 4).

В целом исследование переселения крестьян во второй половине XIX – начале XIX в. сформировалось как самостоятельное научное направление, развивавшееся в рамках статистики, экономики, географии, права. Тем самым реализовывались «классические» задачи изучения миграции, сформулированные в отечественной литературе в 1870-е гг. Ю.Э. Янсоном и принятые в основных чертах и в настоящее время. К этому следует добавить большое значение анализа региональных особенностей переселения, т.е. основных мест выхода и заселения.

Эволюция взглядов на роль переселения крестьян

Из широкого круга вопросов, связанных с изучением переселения, одним из главных был вопрос о роли (функциях) переселения.

На рубеже XX в. масштабы переселения, рассматривавшиеся в качестве главной характеристики этого процесса, объяснялись влиянием динамики социально-экономического положения крестьян в местах выхода (преимущественно в Центрально-Черноземных губерниях) и мерами, с помощью которых правительство стремилось контролировать переселенческое дело, придать этому движению, «по возможности, сознательный характер» (Кирьяков, 1902, с. 142).

По данным Челябинской регистрации переселенцев, начавшей с 1895 г. учет обратного движения, общие размеры движения семейных переселенцев в Сибирь за 1885–1913 гг. составили 5129 тыс. чел., в том числе 517 тыс. чел. обратных переселенцев (14%) (см. таблицу). Как свидетельство успеха заселения Сибири П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин оценили следующие данные: за 1895–1910 гг. в Сибирь прибыло около 3 млн чел., из них 1,5 млн чел. в 1907–1909 гг. (Записка Председателя..., 1910, с. 3, 4).

За исключением подъема движения в 1891–1892 гг., обусловленного неурожаем, «все остальные резкие изменения в ходе переселения оказываются приуроченными к тем или другим проявлениям правительственного воздействия на переселенческое движение» (Кауфман, б.г.б, с. 1, 2).

Если иметь в виду активную переселенческую политику правительства, началом которой считается закон 1889 г., исключив период Русско-японской войны (1904–1905 гг.), речь идет о двадцатипятилетнем периоде – непродолжительном по историческим меркам времени, в течение которого вслед за социально-экономическими и политическими условиями изменялись цели и инструменты политики. Законы, разрешавшие переселения, заменялись правилами и циркулярами, ограничивавшими и запрещавшими переселения. За исключением отдельных лет, хроническим было несоответствие между потребностью крестьян в переселении и земельными участками, подготовленными для заселения. Острыми оставались вопросы «самовольного» переселения, организации передвижения, оказания медицинской помощи в дороге, агрономической помощи, строительства дорог, школ, больниц, церквей в местах вселения и т.д. «Зигзаги переселенческой политики» А.А. Кауфман объясняет противоречивым от-

ношением к ней высшей бюрократии России. В то же время нельзя не согласиться с А.А. Белевским, который обращал внимание на трудности разработки и реализации переселенческой политики: «Громадному значению переселенческого дела вполне соответствует и громадная трудность его организации» (Белевский, 1904, с. 1).

Разработка и реализация переселенческой политики осложнялась невозможностью более или менее точно предсказать последствия принимаемых законов, недостаточной изученностью районов заселения, необходимостью возраставших средств для проведения политики, сложностью организации сезонного передвижения огромных масс на большие расстояния, неграмотностью основной части переселенцев, отсутствием подготовленных работников для организации переселения и т.д.

Дискуссия о целях переселенческой политики сопутствовала всем этапам ее проведения. Значение переселения для государства В.И. Чаславский видел в «правильном распределении населения»: «Только с окончанием колонизации всей страны, с распределением народных сил сообразно естественным богатствам разных ее частей возможен правильный прогресс в развитии народных сил и богатства» (Чаславский, 1875, с. 210).

Судя по многочисленным ссылкам на статью Чаславского, необходимость увеличения переселения крестьян на свободные казенные земли с помощью государства и колонизация окраин нашли поддержку в последующие десятилетия, когда переселение крестьян переместилось из Северного Кавказа в Сибирь.

В рамках концепции общей системы колонизации России, постепенного уравнения земельных наделов и правильного размещения населения А.И. Васильчиков считал необходимым учитывать исторический опыт России. «Полицейские запрещения и помещичьи расправы имели только то действие, что часть переселенцев гибла от преследований и казней за бродяжничество, а другая, притом большая часть, поселялась без ведома правительства, долго укрывалась от всяких повинностей и распоряжений». По мнению А.И. Васильчикова, «тяга русских поселян с запада на восточные окраины тем более замечательна, что она искони резко противоречила направлению (т.е. политике. – *В.М.*) всех правителей и государей, которые, напротив, все тянули на запад, тягались с Литвою, Польшей, Швецией, прорубали окна в Европу, между тем как их верноподданные, без их спроса и ведома и главным образом без их помощи, а иногда и под страхом казни за самовольные захваты, завоевывали им одно царство за другим,

расширяя пределы русских земель до Ледовитого моря и Восточного океана» (Васильчиков, 1881а, с. 320, 322).

В последующие десятилетия функции переселения были тесно связаны с оценкой положения крестьянского хозяйства. В начале 1880-х гг., исходя из неблагоприятного экономического положения значительного числа бывших помещичьих крестьян в Европейской России, Ю.Э. Янсон наряду с другими мерами (пересмотром выкупных платежей, предоставлением крестьянам дешевых кредитов и т.д.) предложил решить вопрос о переселениях крестьян «сообразно с потребностями народа и выгодами государства». Предложение Янсона стало отправной точкой дискуссии по проблеме соотношения интенсификации и переселения как способов повышения эффективности крестьянского хозяйства (Янсон, 1881, с. 165).

Общей чертой состояния крестьянских хозяйств в различных зонах Европейской России И.А. Гурвич назвал кризис экстенсивной системы земледелия. В качестве универсальной закономерности развития крестьянского хозяйства Гурвич формулирует необходимость перехода к более сложным и менее выгодным способам хозяйства под влиянием роста численности населения. «В подобных обстоятельствах переселения составляют вполне разумное проявление народного культурного консерватизма, побуждающего крестьянина, покуда есть возможность, крепко держаться привычных способов ведения хозяйства. Невозможность удерживать их долее на старом месте заставляет крестьянина подаваться далее, вширь, на свободные территории, еще не знающие земледельческой культуры» (Гурвич, 1888, с. 59).

Как видим, функции переселения обосновываются необходимостью (при наличии свободной земли) использования экстенсивных методов развития крестьянского хозяйства. Такой подход, как и введенный Гурвичем термин «культурный консерватизм», был востребован современниками. При этом ограниченные размеры переселения крестьян оценивались как паллиатив. Для улучшения положения крестьян, по мнению Гурвича, необходимо было бы выселить около половины наличных жителей черноземной полосы. Но решение такой задачи признавалось нереальным. Социально-политический прогноз Гурвича прозорлив и пессимистичен: переселение в Сибирь нескольких сотен тысяч крестьян среднего достатка не улучшит положения бедных крестьян. «Какой выход для своего положения придумает беднейшая часть земледельческого населения, когда она проникнется сознанием, что законы существуют для охранения не только крестьян-

ской, но и всякой вообще собственности, и когда переселения… потеряют свое обаяние? Вот вопрос, который загадкой сфинкса стоит перед нашим поколением» (Гурвич, 1888, с. 103, 104).

Как видим, И.А. Гурвич одним из первых в отечественной литературе обосновал необходимость переселения законами экстенсивного развития крестьянского хозяйства, поставил вопрос о возможных масштабах переселения как цели политики, предвидя ограничения в ее проведении, и предсказал политические последствия растущего малоземелья крестьян.

Западноевропейский опыт колонизационной политики, сопровождавшийся обострением отношений метрополии и колоний, большое значение имел для учета интересов Сибири как потенциального района заселения. Н.М. Ядринцев рассматривал колонизацию и переселение крестьян в Сибирь как «крупное и грандиозное явление русской жизни». Его позиция основывалась на признании естественных законов переселения, универсальности законов расселения. Во взглядах противников переселения в Сибирь Ядринцев видел проявление интересов собственников земли, терявших дешевую рабочую силу. По его мнению, колонизация не может быть подчинена частным интересам отдельных губерний.

Критикуя взгляды экономистов, считавших, что расширение колонизации сдерживает переход к интенсивным формам ведения крестьянского хозяйства, Ядринцев отмечал отсутствие для такого перехода необходимых условий – капитала и знаний. «Человек нужды и голода не изобретет машины Уайта, Аркрайта, парового плуга и т.д.… Обрекать же население на голод и разорение в ожидании, когда оно накопит эти средства, слишком дорогая цена приобретаемого прогресса» (Ядринцев, 1892, с. 212). Одним их первых Ядринцев обратил внимание на внешнеполитическое значение заселения и освоения Сибири. «Перевес русского населения на востоке окажет также значительное влияние и на наше политическое положение в Азии… Только гражданственность укрепит наши владения и обеспечит их цветущую будущность. Приступить к этому нам становится тем необходимее, что азиатские государства, как Япония и даже Китай, начинают выходить из положения застоя и при помощи европейского влияния могут явиться серьезной силою» (Ядринцев, 1892, с. 225).

Критикуя взгляды экономистов, считавших переселение следствием небрежности русского крестьянина, его косности, нежелания «усвоить более совершенные приемы» земледелия, А.А. Исаев также отме-

чает отсутствие объективных возможностей для интенсификации большинства крестьянских хозяйств. Он формулирует закономерность, общую «для среднего хозяина» и для страны в целом: при прочих равных условиях средний хозяин обрабатывает в первую очередь более плодородные участки земли, позволяющие извлекать «доход с помощью старинных приемов, всем известных и не требующих затрат». Только затем он переходит к более сложным и дорогим нововведениям. В условиях многоземелья в России эта закономерность проявляется как «ближайшая и простейшая задача планомерного размещения населения по всей территории и освоения тех земель, которые «обещают обильно вознаграждать труд поселенцев» (Исаев, 1891, с. 131, 135).

В конце XIX – начале XX в. бедственное положение крестьян («процесс разрушения крестьянского хозяйства»), особенно в центральных губерниях, стал очевидным правительству и обществу. Малоземелье единодушно признавалось главной причиной упадка крестьянского хозяйства. Несмотря на условность этого понятия, признанную современниками, концепция малоземелья крестьян оказала решающее влияние на оценку роли переселения. В этих условиях дискуссия о роли переселения приобрела новые черты.

Часть ученых по-прежнему рассматривала переселение главным способом решения аграрной проблемы. По мнению К.Р. Кочуровского, при данных общественно-политических условиях «увеличение крестьянского землевладения может осуществляться, главным образом, в форме переселения… *переселение есть необходимое условие для восстановления разрушающегося крестьянского хозяйства*» (курсив Кочуровского. – *В.М.*) (Кочуровский, 1894, с. 24).

Идея расширения землепользования крестьян с помощью переселения на окраины была поддержана большинством сельскохозяйственных губернских комитетов, материалы которых обобщил А. Пешехонов. По мнению Пешехонова, «жизнь с достаточной определенностью наметила ту форму, в которой шире и лучше могут быть использованы государственные земли, расположенные главным образом на окраинах. Такою формой издавна является и надолго еще, вероятно, останется переселение». В то же время Пешехонов был сторонником «рациональных масштабов переселения». Иначе пришлось бы «произвести полную пертурбацию в размещении населения. Это было бы равносильно новому переселению народов… Осуществить его – это значило бы отказаться от большей части того, что нажито тысячелетней культурой» (Пешехонов, 1904, с. 71, 88–89).

В условиях господства «оптимистического взгляда» на роль переселения противником переселения на рубеже XX в. выступил А.А. Кауфман. По утверждению Кауфмана, переселение крестьян «бессильно стать *фактором* развития русского народного хозяйства». Оно оставалось «лишь *симптомом* (курсив Кауфмана. – *В.М.*) его ненормального положения, наружным страданием, происходящим от глубоких внутренних причин» (Кауфман, 1898а, с. 49). Пока сохранится какая-либо возможность использовать экстенсивные методы ведения хозяйства, в том числе и с помощью переселения, крестьянин продолжит вести хозяйство «издавна принятыми первобытными или вообще экстенсивными путями». В то же время Кауфман признал необходимым считаться с переселением «как фактом реальной жизни». Исходя из этого задачи переселенческой политики состояли в том, чтобы облегчить переселение тем, кто считает это необходимым, а с другой стороны, по возможности уменьшить число желающих переселиться. Для этого кроме запрещений и принуждений предлагалось использовать ходачество, распространение правильных сведений об условиях в местах вселения. Главным должно быть улучшение условий крестьянского землепользования и хозяйства в местах выхода, среди которых основными должны быть повышение благосостояния и культуры крестьян.

Отстаивая необходимость интенсификации в качестве стратегической задачи развития крестьянского хозяйства, Кауфман в начале XX в. учитывал невозможность устранить причины его кризиса с помощью переселения из районов относительного малоземелья. Здесь в лучшем случае переселение «может на короткое время *задержать дальнейший упадок* (курсив Кауфмана. – *В.М.*) крестьянского благосостояния и поддержать последнее на некотором стационарном уровне» (Кауфман, 1905, с. 201, 349, 200). Кауфман также считал, что переселение из районов с относительным малоземельем нерационально, поскольку оно связано с разорением хозяйства, само переселение ставит крестьянина «лицом к лицу с неизбежным риском и случайностью». В числе источников средств, необходимых для интенсификации крестьянского хозяйства, Кауфман называет возраставшие затраты государства на переселение (Кауфман, 1905, с. 202, 348–349).

В конце жизни А.А. Кауфман (он ушел из жизни в 1919 г.) определил вопрос о значении переселения задачей с многими неизвестными и даже «почти без точно известных величин». «С таким положением вещей приходится считаться всегда. *Все предвидения, касающиеся коло-*

низационных и переселенческих возможностей, всегда всех обманывали, в том числе и меня (выделено мною. – *В.М.*)» (Кауфман, 1918, с. 26).

«Пессимистический» взгляд на роль переселения в начале XX столетия постепенно находил все большее число сторонников. В качестве аргумента последние приводили данные о соотношении естественного прироста сельского населения и масштабов его переселения: за 1885–1901 гг. из 50 губерний Европейской России выселилось около 1,2 млн чел., в то время как естественный прирост сельского населения составил почти 20 млн чел. (Мануилов, 1905, с. 65).

Вопрос о роли переселения приобрел особую остроту после 1906 г., когда под влиянием революционных событий 1904–1905 гг. и поражения России в Русско-японской войне содержание переселенческой политики в рамках аграрной реформы П.А. Столыпина претерпело существенные изменения. Результатом закона 1906 г. и деятельности Переселенческого управления стали беспрецедентные масштабы переселения крестьян за Урал (см. таблицу). Одновременно ухудшился социально-экономический состав переселенцев, обострились отношения в местах заселения – в Томской губернии, в Степных областях, в Туркестане. В итоге в 1910 г. была высказана точка зрения правительства на невозможность с помощью переселения решить аграрный вопрос в Европейской России.

«Как ни заманчиво воспользоваться переселением для разрешения земельных вопросов в Европейской России, но от этой мечты необходимо отказаться – переселение получило бы крупное влияние на экономическую жизнь Европейской России только при доведении его размеров до нескольких миллионов людей в год, на чем иногда настаивают. Но такое чрезмерное ослабление плотности русского населения в западной полосе Европейской России, откуда идет главное выселение, едва ли желательно и экономически, и политически» (Записка Председателя..., 1910, с. 83).

Подводя итоги многолетнему переселенческому движению, И.Л. Ямзин в 1912 г. пишет о том, что представление о переселении как способе решения аграрного вопроса следует считать изжитым. В то же время Ямзин считал колонизацию и переселения закономерными процессами и ставил задачу «самодовлеющего изучения отдельных вопросов колонизации и переселения» (Ямзин, 1912, с. 169). Признавая объективный характер переселения, его тесную связь с экстенсивным развитием крестьянского хозяйства, Ямзин намечает схему перехода экстенсивного крестьянского хозяйства в интенсивное.

В основе такого перехода – неизбежность индустриализации страны и перераспределения сельского населения в города.

Необходимость разработки новых подходов к определению роли переселения в условиях промышленного подъема в России в начале XX в. была обоснована в работах Н.П. Огановского, учитывавшего сходный в общих чертах характер экономического развития России с западноевропейским. В рамках концепции рациональной аграрной политики предусматривалось перераспределение сельского населения. Из опыта стран Западной Европы в начале XX в. было видно, что миграция сельских жителей в города и эмиграция поглотили здесь всю величину естественного прироста сельского населения, численность которого стабилизировалась в результате перехода к интенсивным методам ведения сельского хозяйства. Но в отличие от стран Западной Европы города Европейской России в течение 1858–1897 гг. поглотили только 9% прироста сельского населения (Огановский, 1914, с. 31).

Хотя в конце XIX – начале XX в. увеличился приток сельского населения в города и выросла внеземледельческая занятость сельского населения, малоземелье и трудоизбыточность сельского хозяйства сохранились. В России ежегодно необходимо было трудоустроить вне крестьянских наделов около 2 млн чел. малоземельных крестьян, «наименее приспособленных к интенсификации производства и развитию производительных сил» (Огановский, 1914, с. 28). Поэтому даже существенно возросшие масштабы переселения за Урал после 1906 г. оценивались как «слабый паллиатив», как «гомеопатическое лекарство больному, требующему радикальных «лошадиных» доз… О том, что переселение, само по себе, не может решить аграрного вопроса – теперь не спорит никто – даже само правительство вполне согласно с этим» (Огановский, 1914, с. 63).

Важным моментом концепции Н.П. Огановского стало определение переселения как стихийного, сильно колеблющегося движения в пространстве и времени. Волнообразный характер динамики масштабов переселения он объясняет влиянием неурожаев, движением «самовольцев» вследствие резких колебаний урожаев в районах выхода. В итоге Огановский выделял факторы, стимулирующие переселение из Европейской России, и условия в Азиатской России, задерживавшие такое движение. В числе первых – хронические неурожаи, сокращение удобных земель, переход от раздачи земли к ее продаже, насаждение крупного хозяйства и хуторизация Сибири и др. Среди причин, сдерживавших переселение из Европейской России, Оганов-

ский называет улучшение землеустройства крестьян благодаря продаже частных земель с помощью Крестьянского банка и раздачу земель казенного фонда в аренду (Огановский, 1914, с. 85).

Как видим, Н.П. Огановским сделан существенный шаг в разработке новой концепции переселения в 1910-е гг. применительно к новым условиям аграрной политики. В связи с обсуждением перспектив достижения устойчивого экономического положения переселенческого хозяйства Огановский стремится по-новому рассмотреть соотношение легальных и «самовольных» потоков. Он объясняет динамику численности «самовольных» переселенцев не организационными, а социально-экономическими причинами – колебаниями урожаев в районах экстенсивного земледелия, «шатаниями» переселенческой политики, низким материальным статусом «самовольцев», не имеющих средств послать ходоков, их плохой осведомленностью. По его данным, в 1896–1911 гг. движение «самовольцев» в Азиатскую Россию составило $^{2}/_{3}$ легального переселения (соответственно 1367,8 тыс. и 2064,5 тыс. чел.). Особенно значительным был приток «самовольцев» в Томскую губернию и Акмолинскую область: малоземельные переселенцы направлялись в близлежащие заселяемые губернии из-за недостатка средств. Проведенные в 1899–1911 гг. три переписи «непричисленных самовольцев» в Томской губернии показали не только значительные масштабы этого явления (в 1909 г. – 80 746 тыс. семей, всего 454 144 чел.), но и тяжелое положение этой группы переселенцев. Хозяйство легального переселенца достигало «пределов сытости» после 5–7 лет после вселения. В то же время 40% семей «неприписанных» не имели необходимого хозяйства – жилища, пашни, скота (Огановский, 1914, с. 127–128). Перспективы положения этой группы оценивались как неблагоприятные.

Большое значение в разработке роли переселения в начале XX в. придается углубленному анализу переселенческой статистики, в частности географии переселенческих потоков. В качестве важнейшей задачи ставится не увеличение переселенческих потоков, а достижение прочности экономического положения переселенцами на основе дифференциации переселенческой политики, учитывающей степень освоенности заселяемой территории. Очевидно, что накануне Первой мировой войны в области изучения переселения крестьян был достигнут новый рубеж, требовавший переосмысления и существенного изменения подходов в разработке переселенческой политики. Известно, что в 1920-е гг. была предпринята попытка реанимировать переселенческое движение крестьян. Од-

нако такое движение было приостановлено в конце 1920-х гг. Таким образом завершилось свободное переселение крестьян за Урал.

Как видим, на протяжении второй половины XIX – начала XX в. вопрос о переселении крестьян за Урал стал важнейшей народнохозяйственной и исследовательской задачей. Эволюция разработки такой задачи состояла в постепенном переходе от общей постановки к решению конкретных проблем. Необходимым условием конкретизации функций переселения стал учет тенденций социально-экономического положении крестьян и социально-экономического развития России, прежде всего обострившегося аграрного кризиса, а также индустриализации страны. Большое значение имел также характер динамики сельского населения в странах Западной Европы. В настоящее время, когда не прекращаются поиски эффективной миграционной политики в России (внутренней и внешней), опыт проведения переселенческой политики интересен с различных позиций – в тесной связи с ключевыми социально-экономическими проблемами общества на различных этапах его развития. Не менее важен другой аспект – проблема согласования различных интересов, в том числе в районах выхода и вселения. Вопреки распространенному мнению, многочисленные обязательства современной России не упрощают, а усложняют задачу разработки эффективной политики в этой области.

Литература

Белевский А.А. К переселенческому вопросу // Русское богатство. 1904. № 1.

Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. II. Изд. 2-е. – СПб., 1881а.

Васильчиков А.И. Сельский быт и сельское хозяйство в России. – СПб., 1881б.

Вощинин П. Переселенческий вопрос в Государственной Думе III созыва. Итоги и перспективы. – СПб., 1912.

Григорьев В.Н. Переселения крестьян Рязанской губернии. – М., 1885.

Гурвич И.А. Переселения крестьян в Сибирь. – М., 1888.

Записка Председателя Совета Министров и Главноуправляющего Землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. – СПб., 1910.

Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. – СПб., 1891.

Кауфман А.А. Переселения и переселенческий вопрос в России // Энциклопедический словарь Русского Библиографического института Гранат. 7-е изд. Т. 31. – М., б.г.а. К. 506–547.

Кауфман А.А. Переселенческая статистика // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7-е изд. Т. 31. – М., б.г.б. К. 1–8.

Кауфман А.А. К вопросу о причинах и вероятной будущности русских переселений. Отдельный оттиск из «Сборника правоведения». – М., 1898а.

Кауфман А.А. Переселения крестьян в России // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз; И.А. Эфрон. Т. XXIII. – СПб., 1898б.

Кауфман А.А. Переселение и колонизация. – СПб., 1905.

Кауфман А.А. Переселение и его возможная роль в земельной реформе / Оттиск из журнала «Сельское хозяйство и лесоводство». – Пг., 1918. Т. 256.

Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). – М., 1902.

Кочуровский К.Р. Крестьянское хозяйство и переселение. (Итоги размеров и результатов переселенческого движения за истекший тридцатилетний период) // Русская мысль. 1894. Кн. III.

Мануилов А.А. Поземельный вопрос в России. Малоземелье, дополнительный надел и аренда. – М., 1905.

Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Т. III. Обновление земледельческой России и аграрная политика. В. I. Население. Переселенческий вопрос. – Саратов, 1914.

Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений: сост. В.П. Вощинин / под ред. Г.Ф. Чиркина. – Пг., 1915.

Переселение крестьян Харьковской губернии. Вып. I–IV. – Харьков, 1908–1910.

Пешехонов А. Земельные нужды деревни// Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Сб. статей. Т. II. – СПб., 1904.

Тернер Ф.Г. Переселенческое дело // Вестник Европы. 1897. № 3.

Чаславский В.И. Земледельческие отхожие промыслы в связи с переселением крестьян // Сборник государственных знаний / под ред. В.П. Безобразова. Т. II. – СПб., 1875.

Чудновский С.Л. Переселенческое дело на Алтае. (Статистико-экономический очерк) // Записки Восточно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества. Т. 1. Вып. 1 / под ред. Г.Н. Потанина. – Иркутск, 1889.

Ядринцев Н.М. Наши выселения и колонизация // Вестник Европы. 1880. Т. III.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб., 1892.

Ямзин И.Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. – Киев, 1912.

Янсон Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. Изд. 2-е. – СПб., 1881.

V. M. Moiseenko

THE EXPERIENCE OF STUDYING THE RESETTLEMENT OF PEASANTS TO FREE STATE LANDS EASTWARD OF THE URAL MOUNTAINS IN THE SECOND HALF OF THE 19 – THE BEGINNING OF THE 20 CENTURIES

Transformations in Russia after the 1861 reform have increased the territorial mobility of the population. Resettlement of peasants to free state lands eastward of the Ural Mountains is among the main examples. Spontaneous character, growing scope of the migration under the deterioration of economic and social state of peasants, severe conditions of moving for great distances drew much attention of leading scientists and the public of Russia in 1880-1910. As a result an experience of studying of functions and stages of this movement, structure of migrants, state policy concerning the resettlement, various stages of resettlement process, influence of resettlement on the economic state of the migrants and on areas of their outflow and inflow is acquired.

И.А. Алешковский, В.А. Ионцев, Н.А. Слука

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

Во второй половине XX в. человечество стало свидетелем непреодолимой и необратимой силы процессов глобализации, так или иначе охвативших все сферы общественной жизни и создающих глобальную по своему масштабу систему взаимозависимости стран и народов мира. Глобализационные процессы в сочетании со стремительными переменами в глобальных политических и экономических системах способствовали резкой интенсификации миграционных потоков, привели к формированию принципиально новых особенностей международной миграции. Выявленные еще в конце 1990-х гг. (см.: Василенко, Слука, 1999; Ионцев, 1999; Слука, Слука, 2000; Мир в зеркале..., 2002; Алешковский, Ионцев, 2010) тенденции развития международной миграции приняли к настоящему времени закономерный характер и в той или иной степени проявляются в большинстве стран современного мира. На глобальном уровне они были проанализированы нами ранее (см.: Алешковский, Ионцев, 2006). Рассмотрим некоторые из них на примере Российской Федерации, учитывая исторические данные и новые особенности их проявления в XXI в.

Масштабы вовлеченности России в глобальные миграции

С древнейших времен на территорию России переселялись подданные различных государств[1]. При этом уже в эпоху Московского государства предпринимались меры по привлечению квалифицированных мигрантов, в том числе военных специалистов, представителей технических профессий, врачей, а со второй половины XVIII в. осуществлялась целенаправленная государственная политика по привлечению иностранцев в Россию (см. подробнее: Оболенский, 1928). Вместе с тем на протяжении большей части истории нашей страны масштабы международной миграции являлись незначительными,

[1] Даже само начало российской государственности, 1150-летие которой отмечалось в 2012 г., напрямую связано с международной миграцией – с приглашением в 862 г. славянскими племенами варяжского князя Рюрика.

а международная миграция, в свою очередь, до конца 1990-х гг. не являлась значимым фактором демографического развития России.

По вкладу международной миграции в общий прирост населения России во второй половине XVIII – начале XXI в. условно можно выделить три периода (рис. 1):

1) вторая половина XVIII в. – 90-е годы XIX в.: сальдо международной миграции являлось положительным, приток мигрантов способствовал незначительному увеличению общей численности населения России;

2) 90-е годы XIX в. – середина 70-х годов XX в. (за исключением 1927–1940 гг.[2]): сальдо международной миграции стало отрицательным, общая миграционная убыль за 1890–1975 гг. превысила 10 млн чел.;

3) с середины 70-х годов XX в. по настоящее время: сальдо международной миграции вновь становится положительным, общий миграционный прирост за 1975–2010 гг. превысил 9,5 млн чел.

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. трансформация социально-экономических и политических условий жизни способство-

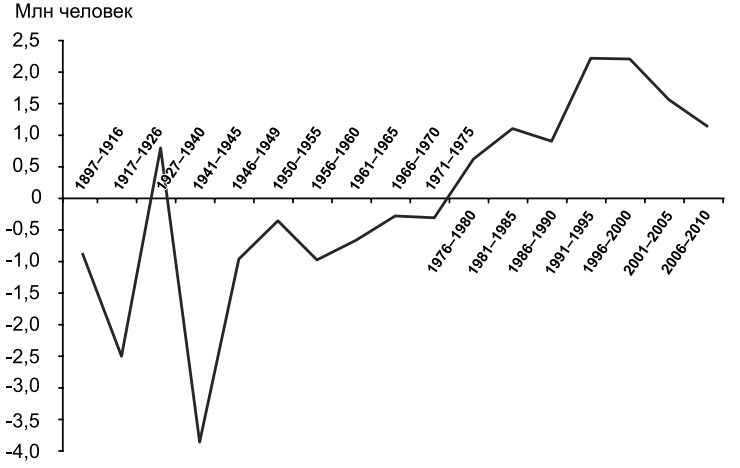


Рис. 1. Динамика миграционного прироста в России, 1897–2010 гг.
Составлено по: Андреев и др., 1998; Ионцев, 1999; Численность и миграция..., 2010, 2011.

[2] Положительная чистая миграция в России на протяжении периода 1927–1940 гг., по мнению экспертов, объяснялась двумя факторами: во-первых, притоком рабочей силы из других республик в России в связи с индустриализацией; во-вторых, сосредоточением на территории России высланных и репрессированных из других республик (см. подробнее: Андреев и др., 1998, с. 78–95).

вала резкой интенсификации межгосударственных миграций населения в России. В 1990-е годы были провозглашены новые права и свободы, включая свободу выбора места жительства и перемещений граждан по территории страны, возможность выезда за границу и беспрепятственного возвращения. Одновременно с этим в связи с распадом СССР в большинстве постсоветских республик стала проводиться политика (в явной или скрытой форме) по выталкиванию населения некоренной национальности. В силу сложившейся ситуации Россия, сохранившая относительно прозрачные границы с постсоветскими республиками, превратилась в мощный миграционный центр, куда устремились миллионы бывших советских граждан.

На середину 2010 г. Россия по численности иностранного населения переместилась на второе место в мире (после США) (рис. 2), а по величине суммарного притока мигрантов за 1992–2010 гг. оказалась на третьем месте после США и Германии (табл. 1).

По сравнению с 1990 г. число только «классических» международных мигрантов в России, включая беженцев, увеличилось почти на 750 тыс. чел. Заметим, что в эту величину не включены нелегальные мигранты, численность которых, по разным оценкам, в насто-

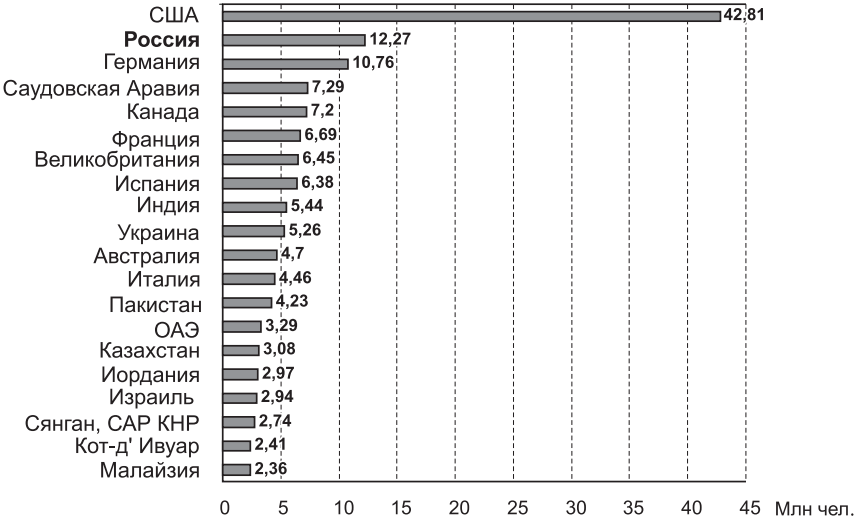


Рис. 2. Страны с наиболее значительным числом мигрантов, на середину 2010 г., млн чел.
Источник: International Migration..., 2009.

ящее время составляет от 3,5 млн до 10 млн чел., международные туристы, численность которых, по данным Всемирной туристской организации, в 2008 г. превысила 23,7 млн чел. (www.world-tourism.org), а также долгосрочные, сезонные, маятниковые и эпизодические мигранты (включая экономических туристов).

Важными показателями растущего динамизма вовлеченности России в мировые миграционные потоки являются темпы роста численности международных мигрантов, а также увеличение доли международных мигрантов в численности населения страны. Как видно из табл. 1, темпы прироста численности международных мигрантов в России постоянно увеличивались на протяжении 1975–2000 гг., достигнув 2,99% в год в последнее десятилетие XX в., что было связано, в частности, с распадом социалистической системы и вовлечением в мировые миграционные потоки народов бывшего Советского Союза. В свою очередь, доля классических международных мигрантов в общей численности населения России увеличилась с 7,8% в 1990 г. до 8,7% в 2010 г., тогда как в мировом разрезе изменения были не столь существенными (3,1% в 2010 г. по сравнению с 2,9% в 1990 г.).

Таким образом, показатели вовлеченности России в мировые миграционные процессы позволяют говорить о формировании и раз-

Таблица 1. Динамика международной миграции в Российской Федерации, 1950–2010 гг.

Период	Чистый приток международных мигрантов, млн чел.	Среднегодовой рост численности международных мигрантов, %
1950–1954	–355	–0,66
1955–1959	–974	–1,68
1960–1964	–661	–1,07
1965–1969	–277	–0,43
1970–1974	–307	–0,46
1975–1979	623	0,91
1980–1984	1107	1,57
1985–1989	907	1,24
1990–1994	2220	2,99
1995–1999	2208	2,99
2000–2004	1564	2,15
2005–2010	1136	1,58

Источник: World Population..., 2010.

витии *Евразийской миграционной системы* на постсоветском пространстве, центром которой выступает Российская Федерация. В настоящее время Россия одновременно является страной *назначения*, страной *происхождения* и страной *транзита* для миллионов международных мигрантов.

Рост вовлеченности регионов России в международную миграцию

Эпоха стремительного роста мобильности населения и развития транспорта, особенно авиационного, не оставила незатронутой практически ни одну территорию мира, международные мигранты появились повсюду. В настоящее время во внешние миграционные потоки вовлечены все федеральные округа и все регионы России. В действительности даже наименее экономически развитые, самые северные и дальневосточные регионы России в XXI в. являются одновременно регионами приема и регионами выхода международных мигрантов (табл. 2). Так, если в 1993 г. регионами приема международных мигрантов являлись 79 из 89 субъектов РФ, в 1994 г. – 87 из 89 (кроме Чеченской Республики и Ингушетии), в 1997 г. – 88 из 89 (кро-

Таблица 2. Вовлеченность регионов России в мировые миграционные потоки, 1993–2010 гг.

Год, период	Количество регионов, принимающих международных мигрантов	Количество регионов, отправляющих международных мигрантов
1993	79 (из 89)	79 (из 89)
1994–1996	87 (из 89)	87 (из 89)
1997–1998	88 (из 89)	88 (из 89)
1999–2001	88 (из 89)*	88 (из 89)*
2002	88 (из 89)	88 (из 89)
2003	88 (из 89)	87 (из 89)
2004–2005	89 (из 89)	88 (из 89)
2006	88 (из 88)	87 (из 88)
2007	86 (из 86)	85 (из 86)
2008	84 (из 84)	83 (из 84)
2009	83 (из 83)	81 (из 83)
2010	83 (из 83)	82 (из 83)

** Данные по Чеченской Республике отсутствуют.*

Рассчитано по данным Росстата (www.gks.ru).

ме Чеченской Республики), то с 2004 г. – уже все субъекты России. Регионами выхода международных мигрантов в 1993 г. являлись 79 из 89 субъектов России, в 2004 г. – 88 из 89 (кроме Агинского Бурятского автономного округа), а в 2010 г. – 82 из 83 (кроме Ненецкого автономного округа).

В России самой привлекательной территорией назначения для иммигрантов является Центральный федеральный округ, на втором месте – Приволжский федеральный округ, на третьем – Сибирский (табл. 3). При этом для иммигрантов из дальнего зарубежья наиболее привлекательными являлись Центральный, Приволжский и Южный федеральные округа. По данным на 2010 г., основными регионами-реципиентами международных мигрантов, принявшими свыше 5 тыс. мигрантов, являются Московская обл. (15,8 тыс. чел.) и Москва (15,1 тыс.), а также Тюменская область (11,6 тыс.), Краснодарский край (6,4 тыс.), Самарская область (6,2 тыс.) и Красноярский край (почти 6 тыс. чел.).

Основными «поставщиками» эмигрантов в России, по данным на 2010 г. (табл. 4), выступают Центральный (24%) и Сибирский федеральные округа (20%), на третьем месте находится Приволжский федеральный округ (13,5%). Основными регионами исхода международных мигрантов из России являются Москва (3,3 тыс. чел.), Омская область (1,9 тыс.), Тюменская область (1,7 тыс.), Московская область (1,2 тыс.), Алтайский край (1,1 тыс.), Челябинская область (1,1 тыс.), Хабаровский край (1,1 тыс.) и Кемеровская область (1,1 тыс. чел.).

Таблица 3. Распределение прибывших в Россию по федеральным округам, 2010 г., чел.

Федеральный округ	Число прибывших		
	Всего	в том числе из стран:	
		СНГ и Балтии	вне СНГ и Балтии
Центральный	65 658	61 926	3732
Северо-Западный	17 682	16 659	1023
Южный	13 663	12 105	1558
Северо-Кавказский	6177	5594	583
Приволжский	34 015	31 805	2210
Уральский	20 902	19 987	915
Сибирский	27 744	26 250	1494
Дальневосточный	5815	4740	1075

Составлено по: Численность и миграция..., 2011.

Таблица 4. Распределение выбывших из России по федеральным округам, 2010 г., чел.

Федеральный округ	Число выбывших		
	Всего	в том числе в страны:	
		СНГ, Балтии и Грузию	другие
Центральный	8153	5219	2934
Северо-Западный	3717	2041	1676
Южный	2648	1721	927
Северо-Кавказский	1107	722	385
Приволжский	4549	3150	1399
Уральский	3923	2959	964
Сибирский	6661	4499	2162
Дальневосточный	2820	1852	968

Составлено по: Численность и миграция..., 2011.

Таким образом, ядром внешней миграционной мобильности населения традиционно остается Центральный федеральный округ; за 1993–2010 гг. изменения географии международных миграционных потоков в России заключались во включении все большего числа регионов в процессы международной миграции.

Качественные изменения структуры международных миграционных потоков в России

Глубокие сдвиги, произошедшие в мировой экономике во второй половине XX в., связанные с развитием постиндустриального сектора и соответствующей трансформацией потребностей мирового рынка труда, а также осуществление политических и социально-экономических преобразований – все это обусловило качественные изменения структуры миграционных потоков в России. Ключевыми из наблюдаемых изменений являются следующие.

Изменения временной продолжительности международных миграций. Имеющиеся статистические данные не позволяют в полной мере анализировать временные миграционные потоки (прежде всего из-за того, что отдельным категориям временных мигрантов не требуется разрешение на въезд в Российскую Федерацию, либо потому, что эти перемещения являются «нелегальными»), а значительная часть касающейся их информации носит нерегулярный характер. В результате многие временные перемещения остаются неучтенными.

Косвенным источником информации о временной продолжительности миграции являются сведения о распределении иностранных мигрантов по целям поездок, представляемые пограничной службой ФСБ России (табл. 5).

Таблица 5. Распределение прибывших в Россию иностранных граждан по целям поездок в 2009–2010 гг. , тыс. чел.

Годы	Количество иммигрантов по целям поездок						
	Служебная	Туризм	Частная	ПМЖ	Транзит	Обслуживающий персонал	Всего
2009	3880,4	2100,6	13432,3	6,8	282,4	1636,1	21338,7
2010	4432,1	2133,9	13695,9	9,0	271,0	1739,3	22281,2

Источник: Численность и миграция..., 2011, с. 83.

Большая часть межгосударственных перемещений приходится на различные виды временных миграций: сезонные, маятниковые, и в особенности эпизодические, в том числе поездки по туристской визе, около $^{2}/_{3}$ которых приходится на экономическую миграцию.

При этом из всех видов и форм международной миграции в течение последних двух десятилетий наиболее динамично развивалась в России трудовая миграция. Это связано, с одной стороны, с повсеместным распространением и все большей доступностью средств транспорта, упрощающих передвижение людей и сокращающих расстояния между странами и континентами. В этих условиях временная работа за рубежом является для индивидов более предпочтительной, чем эмиграция, поскольку связана с меньшими материальными и нематериальными издержками (см. подробнее: ООН, 2006, с. 42–45; ООН, 2007). С другой стороны, глобализация мирового рынка труда требует большей гибкости миграционного поведения, которое как раз и может гарантировать трудовая миграция.

Изменения квалификационной структуры международных миграционных потоков. На российском рынке труда сформировался устойчивый спрос на труд иностранных работников двух квалификационных полюсов: работников низкой квалификации и высококвалифицированных работников современных профессий. При этом меры миграционной политики, предпринимаемые государством, предполагают поощрение иммиграции более квалифицированной рабочей силы, особенно в те отрасли и сектора национальной экономики, которые испытывают дефицит местных работников. В свою очередь,

низко- и неквалифицированные мигранты обнаруживают на своем пути все новые преграды, закрывающие им доступ в страны «конечного назначения».

Вместе с тем, поскольку продолжают существовать как факторы, выталкивающие неквалифицированных работников из их родных стран, так и стимулы, поощряющие работодателей в принимающих странах использовать труд иностранных работников (даже на нелегальных условиях), эта группа продолжает оставаться вовлеченной в мировые миграционные процессы, а правительства принимающих стран, учитывая, в частности, нежелание граждан этих стран заниматься грязным, черным трудом, вынуждены разрабатывать программы по временному привлечению неквалифицированных мигрантов (MOT, 2004, с. 127–151; ILO, 2006).

Тем самым изменения квалификационной структуры легальных миграционных потоков заключаются прежде всего в постепенном увеличении среди мигрирующих доли лиц с высоким уровнем образования и профессиональной квалификации. За 2005–2010 гг. (табл. 6) среди мигрантов, прибывающих в Россию, возросла доля лиц со средним полным и высшим образованием.

Изменения возрастно-половой структуры международных миграционных потоков. На протяжении большей части истории большинство международных мигрантов составляли мужчины. Женщины если и участвовали в международных миграциях, то преимущественно как члены семей мигрантов-мужчин. Однако уже в начале 1990-х гг. исследователями было отмечено, что в мире все большее число женщин мигрируют не вместе с супругом, а самостоя-

Таблица 6. Распределение прибывших в Россию мигрантов в возрасте 14 лет и старше по уровню образования в 2005 и 2010 гг., %

Уровень образования	2005 г.	2010 г.
Начальное общее (начальное) и не имеющие образования	3,42	2,69
Основное общее (среднее общее неполное)	12,05	10,03
Среднее общее (полное)	31,32	38,49
Среднее профессиональное (среднее специальное)	31,07	26,80
Неполное высшее профессиональное (незаконченное высшее)	3,21	2,84
Высшее профессиональное (высшее),	18,93	19,12
в т.ч. с ученой степенью кандидата или доктора наук	0,08	0,16

Источник: Численность и миграция..., 2006, 2011.

тельно, в поисках работы в тех местах, где их труд может быть оплачен лучше, чем в стране их проживания.

В иммиграционных потоках в России значительную часть составляют женщины (от 45% до 55% прибывших в 2000–2010 гг.). В возрастной группе старше трудоспособного возраста доля женщин среди иммигрантов превышает 70%, а в детских и трудоспособных возрастах большая часть мигрантов является лицами мужского пола (рис. 3).

Во многом тенденция феминизации миграционных потоков связана со структурными изменениями в мировой экономике, сопровождающими глобализационные процессы. Развитие экономики услуг привело к росту третичной сферы в структуре занятости развитых стран и сформировало устойчивые ниши рынка труда принимающих стран (текстильная промышленность, индустрия досуга и развлечений, сфера общественных услуг, домашнее обслуживание и др.) и постоянно растущую потребность в женщинах-мигрантах, в том числе занятых неквалифицированным трудом. При этом большинство из существующих ниш можно отнести к «сферам риска», связанным с секс-занятостью или так называемой околосексуальной занятостью (занятостью, которая часто оказывается сопряжена с секс-услугами). Эти сферы маргинальной, по сути, занятости и представляют основные миграционные возможности для женщин-мигрантов в настоящее время (Ивахнюк, 2005, с. 138; МОМ, 2006).

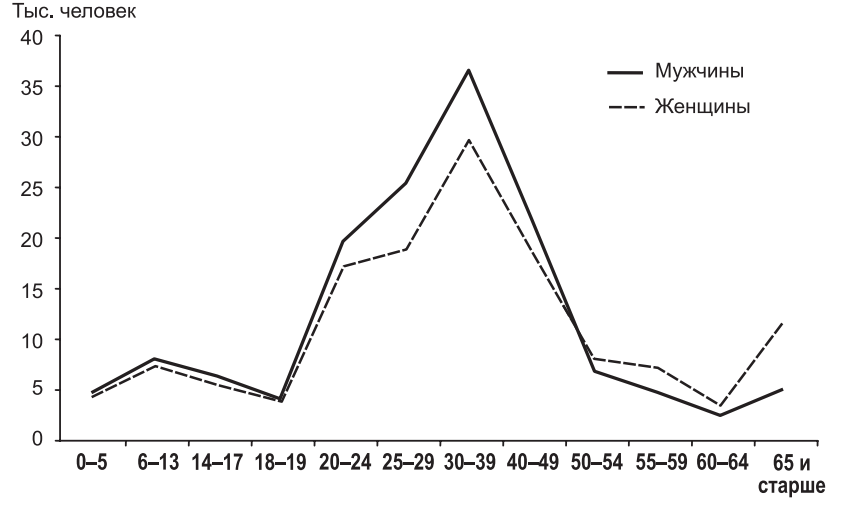


Рис. 3. Возрастно-половая структура иммигрантов в России, 2008 г.
Источник: Численность и миграция..., 2009.

Еще одной тенденцией, отчетливо прослеживаемой на протяжении последних 15 лет в России, является тенденция увеличения доли мигрантов трудоспособного возраста. Так, если в 1997 г. в структуре потоков лиц, совершающих трансграничные перемещения, они составляли 63,5%, то в 2010 г. – уже 79,6%. Это, на наш взгляд, отражает тот факт, что экономические причины являются преобладающими среди причин смены места жительства.

Таким образом, важной тенденцией современного этапа развития международной миграции в России является качественная трансформация структуры миграционных потоков, которая проявляется в развитии преимущественно временных форм миграции, все большем вовлечении в международную миграцию квалифицированных работников, постепенной феминизации миграционных потоков и увеличении доли трудоспособного населения в общей структуре мигрантов.

Определяющее значение экономической миграции

Еще в работах Е. Равенштейна (Ravenstein, 1885, 1889) было показано, что международные миграционные потоки складываются под влиянием разнообразных причин, среди которых преобладающими являются экономические. В свою очередь развитие экономической (и прежде всего трудовой) миграции имеет характер наиболее длительной и устойчивой тенденции развития международной миграции, которая получила значительный стимул со становлением глобального рынка труда. Этот рынок находит выражение в экспорте и импорте иностранной рабочей силы, достигших в настоящее время небывалых масштабов.

Несмотря на то что общие объемы международных трудовых миграционных потоков трудно установить, так как не все страны осуществляют необходимый для этого контроль, а значительная часть трудовой миграции является нелегальной, международная трудовая миграция, несомненно, характеризуется весьма существенной и перманентно растущей величиной. По оценкам Международной организации труда (МОТ), на начало XXI в. во всем мире насчитывалось более 86 млн легальных трудящихся-мигрантов против 3,2 млн чел. в 1960 г. (МОТ, 2006, с. 128).

Согласно данным Федеральной миграционной службы МВД России, приток трудовых мигрантов, привлеченных в Россию на легальных основаниях, постоянно возрастал: в 2000 г. он составлял 213,3 тыс. чел., в 2001 г. – 283,7 тыс., в 2003 г. – 377,9 тыс., в 2005 г. – 702,5 тыс., в 2007 г. – 1717,1 тыс., в 2008 г. – 2425,9 тыс. чел. (табл. 7).

Несмотря на то что трудящиеся-мигранты составляют не более 3,5% от общей численности занятых в России, значение трудовой миграции для ряда регионов и отдельных отраслей экономики страны намного выше. Так, по данным Росстата, в 2008 г. трудящиеся-мигранты составляли почти 19% от численности занятых в строительном секторе, а также свыше 5% от численности занятых в 12 субъектах Российской Федерации (табл. 8 и 9).

Необходимо отметить, что Россия в глобальных потоках трудовой миграции также выступает не только как принимающая страна,

Таблица 7. Численность иностранных работников, осуществлявших трудовую деятельность в России в 2000-2008 гг., тыс. чел.

2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
213,3	283,7	359,5	377,9	460,4	702,5	1014,0	1717,1	2425,9

Составлено по: Труд и занятость..., 2010, с. 302.

Таблица 8. Распределение иностранных работников, осуществлявших трудовую деятельность в России, по видам экономической деятельности, 2008 г.

Вид экономической деятельности	Тыс. чел.	% от общего числа занятых в данном виде деятельности
Всего	2425,9	3,44
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	159,8	2,93
Рыболовство, рыбоводство	2,6	2,74
Добыча полезных ископаемых	54,3	4,15
Обрабатывающие производства	240,3	2,03
Строительство	1018,7	19,63
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	411,8	3,83
Транспорт и связь	93,8	1,42
Финансовая деятельность	8,3	0,64
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	94,2	2,12
Образование	4	0,06
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	5,1	0,08
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	103,6	1,92

Рассчитано по: Труд и занятость..., 2010, с. 304,

Таблица 9. Субъекты РФ с наибольшей долей иностранных работников в общей численности занятых в 2008 г.

Субъект РФ	Численность трудящихся-мигрантов	
	чел.	% от общего числа занятых в данном субъекте РФ
Чукотский автономный округ	5093	16,98
Сахалинская область	36 941	13,34
Ямало-Ненецкий авт. округ *	42 497	13,28
Ненецкий автономный округ	7927	13,10
г. Москва	623 160	10,28
Еврейская автономная область	7404	9,03
Ханты-Мансийский авт. округ *	69 591	8,31
Амурская область	31 319	7,49
Забайкальский край	33 681	7,18
Московская область	230 183	6,29
Иркутская область	72 267	5,93
Калининградская область	24 510	5,00

** Автономные округа включены в состав Тюменской области.*
Рассчитано по: Труд и занятость..., 2010, с. 305–307.

но и как страна-донор. Так, по данным Росстата, за 1994–2008 гг. в Россию было привлечено более 8 млн легальных трудовых мигрантов, и одновременно свыше 1,3 млн россиян выехали на работу в другие страны (табл. 10). Кроме того, в 1990-х гг. Россия была источником миллионов «челночных» мигрантов, которые по своей сути являются международными экономическими мигрантами.

Миграция рабочей силы оказывает влияние на государственные финансы стран-участниц глобального рынка труда. И если для стран-импортеров рабочей силы это влияние заключается в основном в получении налоговых платежей и в расходовании средств, связанных с социальной защитой трудящихся-мигрантов, то для стран-экспортеров оно многообразнее (см.: Stalker, 2000). Денежные переводы представляют собой самую непосредственную и наиболее ощутимую выго-

Таблица 10. Численность российских граждан, выехавших на работу за границу, 1995–2008 гг., чел.

1995 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
11 176	45 760	45 759	49 265	47 637	56 290	60 926	65 747	69 866	73 130

Источник: Труд и занятость..., 2002, 2004, 2010.

ду от международной миграции для отправляющих стран. По оценкам экспертов Всемирного банка, в 2007 г. объем денежных переводов трудящихся-мигрантов в Россию – 4,7 млрд долл., что составляет 0,4% от величины ВВП страны. Тем самым по величине денежных переводов в середине 2000-х гг. Россия находится на 21-м месте в мире (International Migration..., 2009).

Таким образом, в современной России трудовая миграция, как и глобальное перемещение человеческого капитала, которым она сопровождается, превратилась в значимый фактор экономического развития.

Структурная непреодолимость нелегальной иммиграции

С легальной трудовой миграцией неразрывно связана такая характерная тенденция развития международной миграции, как структурная непреодолимость нелегальной иммиграции. Согласно российской правоприменительной практике к нелегальным мигрантам относятся лица, нарушившие правила въезда на территорию России либо правила пребывания на ее территории. К этой категории причисляют и тех, кто занимается в России незаконной (нелегальной) трудовой деятельностью. Необходимо также отметить, что развитие нелегальной миграции сопровождается появлением новых категорий и групп мигрантов, нарушающих российское законодательство (миграционное, трудовое и др.), причем не только страны въезда, но и (правда, реже) страны выезда или стран транзита[3].

Эксперты отмечают, что достоверные данные о численности нелегальных мигрантов в России отсутствуют, поскольку точно оценить масштабы незаконной миграции невозможно по многим причинам. Существующие экспертные расчеты и приблизительные оценки масштабов нелегальной миграции настолько различаются, что выглядят несопоставимыми. По разным оценкам, в настоящее время на территории России с нарушением закона находятся от 3,5 до 10 млн чел. По данным ФМС МВД России, в октябре 2011 г. в стране насчитывалось около 150 тыс. нелегальных трудовых мигрантов[4].

Как видно, численность нелегальных трудовых мигрантов в России составляет значительную часть от численности легальных. Сле-

[3] Подробно различные формы нелегальной иммиграции и ее структура рассмотрены в статье: Алешковский, Ионцев, 2006.

[4] Стенограмма пресс-конференции «Нужны ли России мигранты?», состоявшейся 04.10.2011 http://strategy2020.rian.ru/stenograms/20111007/366171816.html.

дует отметить, что в связи с ужесточением иммиграционного законодательства и принятием специальных законов, направленных на борьбу с нелегальной трудовой миграцией[5], за последние годы их численность значительно сократилась.

В то же время, по нашему мнению, проблема нелегальной иммиграции не может быть и не будет полностью решена в нынешних экономических условиях, пока на российском рынке труда продолжают существовать значительные ниши для незаконного трудоустройства мигрантов. Нелегальные иммигранты представляют собой, по образному выражению американского экономиста П. Линдерта (Линдерт, 1992), «чистых налогоплательщиков», и использование их труда является чрезвычайно выгодным как для работодателей, представляющих в первую очередь малый и средний бизнес, так и для принимающего государства в целом.

Это обстоятельство (вместе с демографическим давлением и неблагоприятной экономической ситуацией в странах исхода нелегальных мигрантов) и обусловливает структурную непреодолимость нелегальной иммиграции в рамках современной системы мирохозяйственных связей.

Последнее, однако, не означает, что масштабы этой формы трудовой миграции в России не могут быть сокращены. Это возможно путем взаимодействия государства, общества, этнических образований, правозащитных организаций, а также за счет более эффективного управления легальными трудовыми миграционными потоками.

Увеличение значимости международной миграции населения в демографическом развитии России

На протяжении большей части истории человечества изменение численности населения отдельных регионов мира определялось преимущественно естественным приростом населения. Особенности эволюции смертности и рождаемости, растущий разрыв в демографическом потенциале развитых и развивающихся стран, а также процесс глобализации мировой экономики привели к тому, что роль международной миграции населения в демографическом развитии мира значительно увеличилась (см. подробнее: Bouvier et al., 1997).

[5] Так, в июле 2011 г. Федеральным законом Российской Федерации было ратифицировано Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств между Белоруссией, Казахстаном и Россией.

В современной России, переживающей серьезный демографический кризис, международная миграция приобрела особое значение, став значимым фактором демографического развития.

Демографические преимущества иммиграции в Россию связаны с тем, что в условиях демографического кризиса международная миграция стала единственным источником восполнения численности населения России. Миграционный прирост за 1992–2010 гг. превысил 4,4 млн чел. и позволил «сгладить» почти на 30% естественную убыль населения России, которая за эти годы составила свыше 12,5 млн чел. (табл. 11). В то же время на протяжении этого периода только в «пиковый» 1994 г. масштабы миграционного прироста

Таблица 11. Изменение численности постоянного населения Российской Федерации по компонентам в 1992–2010 гг., тыс. чел.

Год	Численность населения на начало года	Общий прирост	Естественная убыль	Миграционный прирост
1992	148514,7	47,0	-219,2	266,2
1993	148561,7	-205,8	-732,1	526,3
1994	148355,9	104,0	-874,0	978,0
1995	148459,9	-168,3	-822,0	653,7
1996	148291,6	-263,0	-776,5	513,5
1997	148028,6	-226,5	-740,6	514,1
1998	147802,1	-262,7	-691,5	428,8
1999	147539,4	-649,3	-918,8	269,5
2000	146890,1	-586,5	-949,1	362,6
2001	146303,6	-654,3	-932,8	278,5
2002	145649,3	-685,7	-916,5	230,8
2003	144963,6	-795,4	-888,5	93,1
2004	144168,2	-694,0	-792,9	98,9
2005	143474,2	-720,7	-846,6	125,9
2006	142753,5	-532,5	-687,0	154,5
2007	142221,0	-212,2	-470,4	258,2
2008	142008,8	-104,8	-362,0	257,2
2009	141904,0	10,5	-248,9	259,4
2010*	142962,4	…	…	…

** С учетом итогов Всероссийской переписи населения 2010 г.*

Источники: Демографический ежегодник..., 2009, с. 25; Численность и миграция..., 2010; www.gks.ru.

Рис. 4. Замещение естественной убыли населения России миграционным приростом, %
Источник: данные Росстата.

были достаточны не только для компенсации естественной убыли, но и для обеспечения прироста численности россиян.

Вклад миграционного компонента в изменение численности населения России неуклонно уменьшался до 2003 г. (55% в 1992–1997 гг., 16% в 1998–2004 гг. и 35% за 1992–2004 гг.). Увеличение миграционного прироста в 2004–2008 гг. при сокращении естественной убыли привели к замедлению темпов сокращения численности населения Российской Федерации (рис. 4). Так, в 2008 г. естественная убыль была на 71% замещена миграционным приростом (в 2007 г. – на 54,9%, в 2006 г. – на 22,5%).

Благодаря наблюдавшемуся увеличению рождаемости и снижению смертности в августе 2009 г. в Российской Федерации впервые с 1992 г. был зафиксирован естественный прирост населения (в размере 1050 чел.). В целом же по итогам года миграционный прирост впервые с 1994 г. полностью смог компенсировать естественную убыль населения страны.

Проведенная в октябре 2010 г. Всероссийская перепись населения показала, что население России по сравнению с 2002 г. сократилось на 2,26 млн чел., или на 1,6% (табл. 12). При этом среднегодовые темпы снижения численности населения по сравнению с предыдущим межпереписным периодом (1989–2002 гг.) выросли вдвое и составили 0,2% против 0,1%. Последнее отражает уменьшение компенсации международной миграцией естественной убыли населения страны. Новейшие данные Росстата подтверждают эту

закономерность: миграционный прирост населения России за первое полугодие 2011 г. снизился на 38,2 тыс. чел., или на 42,7%[6].

Таблица 12. Изменение численности постоянного населения Российской Федерации по компонентам в 2002–2010 гг., тыс. чел.

Общее снижение численности населения за 2002–2010 гг.	Естественная убыль, всего	в том числе		Миграционный прирост, всего	в том числе	
		родилось	умерло		прибыло из-за пределов России	выбыло за пределы России
2261,5	4734,3	12706,3	17440,6	2472,8	2939,2	466,4

Источник: Итоги Всероссийской переписи населения... 2010.

Эти данные наглядно показывают, что Россия становится все более зависимой от притока международных мигрантов. Последние нужны для восполнения естественной убыли населения, а также для заполнения имеющейся ниши на национальном рынке труда и соответствующего снижения коэффициента демографической нагрузки, который неизбежно растет вследствие старения коренного населения.

При этом важно, что международная миграция в России обеспечивает не просто компенсацию естественной убыли населения, но и способствует изменению его структуры, если учитывать более молодую возрастную структуру мигрантов, а часто и демографические установки на многодетность, присущие многим мигрантам. Как видно из рис. 5, среди иммигрантов выше доля молодых возрастов, чем среди населения России в целом. Так, в 2009 г. почти 78% иммигрантов приходилось на лиц трудоспособного возраста, тогда как среди населения России в целом – около 63%. Значительное снижение доли мигрантов моложе трудоспособного возраста в 2000-е гг. отражает резко сузившиеся возможности для получения образования молодежью из стран СНГ. Так, в 2009 г. только 3999 человек прибыли в Российскую Федерацию с целью получения образования, в том числе 3860 мигрантов из стран СНГ и 139 мигрантов из стран дальнего зарубежья.

[6] http://www.gks.ru/bgd/free/b11_00/IssWWW.exe/Stg/dk07/8-0.htm.

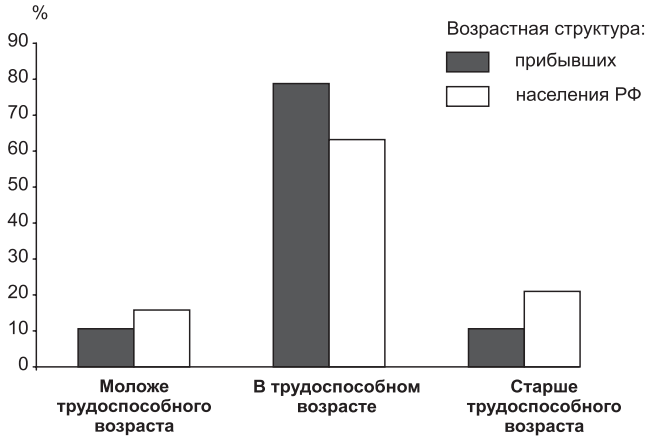


Рис. 5. Возрастная структура иммигрантов и населения России, 2009 г.
Составлено по данным Росстата.

Может ли приток иммигрантов решить проблемы демографического развития России в XXI в.?

Как предсказывают практически все прогнозы (и отечественные, и зарубежные), в России в XXI в. (по крайней мере до 2040 г.) будет наблюдаться естественная убыль населения. Так, по прогнозам экспертов ООН (рис. 6), в 2010–2050 гг. ежегодная естественная убыль населения в стране составит в среднем около 510 тыс. чел. (World Population Prospects, 2010), а по прогнозам Росстата, она будет составлять в 2010–2030 гг. в среднем около 485 тыс. чел. В то же время Россия, как и страны Западной Европы, столкнется с нарастающим старением населения. В результате расходы на социальное обеспечение могут оказаться слишком тяжелой ношей для экономики страны, а некоторые территории могут почти полностью обезлюдеть.

По мере выхода из трудоспособного возраста многочисленных послевоенных поколений в России начала нарастать убыль трудоспособного населения: в 2011 г. численность населения трудоспособного возраста уменьшилась примерно на 875 тыс. чел., в 2012 г. – уже более чем на 1000 тыс. чел., в 2013–2019 гг., согласно прогнозу, – еще на 6616 тыс. чел. (табл. 13). Максимальное сокращение будет наблюдаться в 2011–2019 гг., когда среднегодовая убыль населения этой возрастной группы будет достигать 850 тыс. чел., а всего до 2030 г. она сократится на 10–11 млн чел.

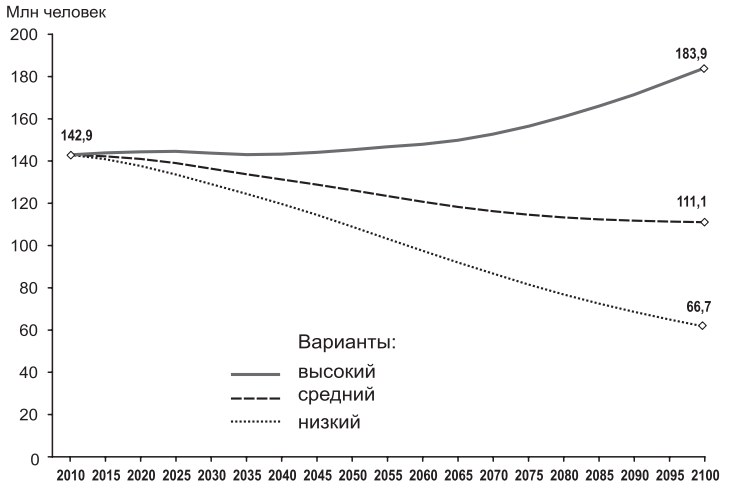


Рис. 6. Изменение численности населения России
(варианты прогноза ООН; на середину года)
Источник: World Population..., 2010.

Таблица 13. Прогноз динамики численности населения по возрастным группам в России в 2012–2030 гг., средний вариант прогноза

Год	Моложе трудоспособного возраста		Трудоспособного возраста		Старше трудоспособного возраста	
	тыс. чел.	% к общей численности населения	тыс. чел.	% к общей численности населения	тыс. чел.	% к общей численности населения
2012	23542,7	16,6	86649,8	61,0	31870,5	22,4
2013	23924,5	16,8	85649,1	60,3	32530,6	22,9
2014	24338,3	17,1	84651,0	59,6	33150,0	23,3
2015	24699,7	17,4	83612,2	58,8	33849,0	23,8
2020	25935,1	18,3	79033,2	55,7	36939,7	26,0
2025	25148,2	17,8	77148,0	54,8	38619,9	27,4
2030	22845,4	16,4	76770,5	55,1	39755,9	28,5

Источник: данные Росстата (Демографический прогноз населения России до 2030 года).

В результате произойдет существенное ухудшение возрастной структуры населения России (рис. 7). По оценкам экспертов, доля населения в трудоспособном возрасте сократится с 61,7% в 2011 г. до 54–55% в 2020–2030 гг. Одновременно с 22% до 26–28% увеличится доля населения в пенсионном возрасте. Согласно прогнозам, макроэкономические факторы будут способствовать дальнейшему уве-

личению объемов производства и, следовательно, увеличению потребности в рабочей силе. В этих условиях сокращение численности населения в трудоспособном возрасте, являясь причиной возникновения дефицита трудовых ресурсов, может стать существенным ограничением развития экономики, особенно остро проявляясь в отдельных отраслях и регионах. В ближайшей перспективе труд станет одним из самых дефицитных экономических ресурсов в России. Так, по оценкам сотрудников ИНП РАН, дефицит рабочей силы наступает даже в условиях низких темпов роста спроса на рабочую силу и составит, по различным сценариям, от 1 до 22,6% (Коровкин и др., 2006).

Учитывая трудозатратный тип российской экономики и ограниченные возможности повышения производительности труда, одним из основных путей преодоления дефицита рабочей силы является привлечение иностранной рабочей силы и повышение внутренней территориальной мобильности населения в России. В этих условиях приток мигрантов может показаться панацеей от всех демографических бед. Но возможно ли разрешить демографическое проблемы России XXI в., такие как улучшение демографической ситуации и обеспечение роста населения, только с помощью международной миграции?

Как показывают исследования экспертов ООН и отечественных ученых, для того чтобы поддерживать численность трудоспособного населения на постоянном уровне, России уже сейчас нужно принимать ежегодно (по медианному прогнозу) в среднем около 700–800 тыс. мигрантов (нетто-миграция) и постепенно наращивать этот объем до 0,9–1,1 млн мигрантов (табл. 14).

Таблица 14. Чистая миграция, необходимая для поддержания неизменной численности населения России в 2011–2050 гг.

Период	Медианное значение	С 60% доверительным интервалом	С 95% доверительным интервалом
2011–2015	874	547–1222	187–1668
2016–2020	998	626–1393	205–1888
2021–2025	1164	801–1542	406–2045
2026–2030	1256	918–1636	572–2218
2031–2035	1267	874–1695	482–2329
2036–2040	1256	794–1743	272–2458
2041–2045	1253	745–1772	130–2566
2046–2050	1252	752–1796	71–2678

Источник: Вишневский и др., 2003, с. 22.

Учитывая, что население в трудоспособном возрасте составляет около $^3/_4$ миграционного притока, для полного возмещения потерь трудоспособного населения России в предстоящие два десятилетия потребуется привлечь свыше 20 млн иммигрантов. Ясно, что такая перспектива нереальна. Согласно оценкам ООН, чистая иммиграция в 2010–2050 гг. будет составлять, по медианному прогнозу, около 97 тыс. чел. ежегодно (рис. 8).

Таким образом, роль международной миграции в демографическом развитии современной России не должна преувеличиваться. Утверждение, что с помощью только международной миграции можно вывести Россию из демографического кризиса, крайне ошибочно. Это очередной миф, дезориентирующий руководство страны и ее отдельных регионов. Иммиграция может лишь частично сгладить негативные последствия демографического кризиса (что само по себе, конечно, важно), в определенной мере решить отдельные региональные демографические проблемы (например, в Сибири и на Дальнем Востоке), но не более того. Пример развитых стран показывает, что иммиграция может быть относительно эффективным средством преодоления демографических проблем страны лишь в условиях депопуляции.

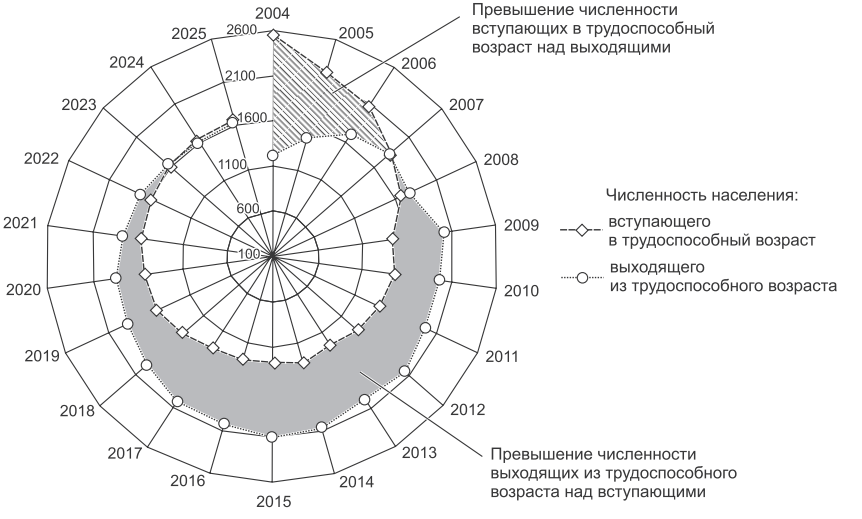


Рис. 7. Соотношение численности поколений, вступающих в трудоспособный возраст, и численности поколений, выходящих из него
Построено: по данным Росстата.

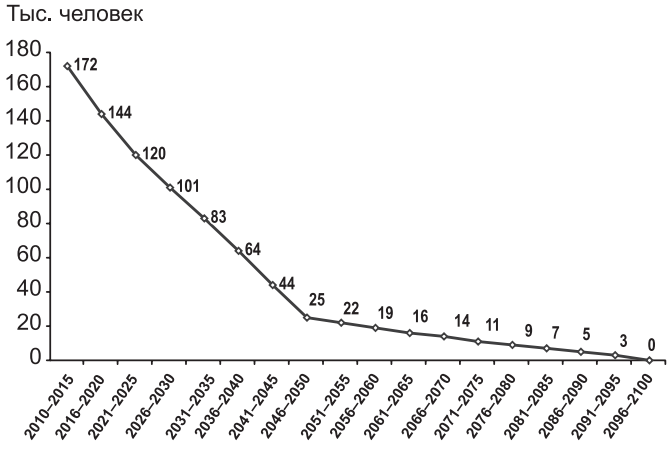


Рис. 8. Динамика чистой миграции в Россию, 2010–2100 гг.
Источник: World Population..., 2010.

Выход из демографического кризиса (включающего крайнюю форму депопуляции) в России и ее дальнейшее поступательное развитие возможны только при комплексном государственном подходе к управлению демографическими процессами, такими как *повышение уровня рождаемости* или хотя бы его стабилизация (на уровне 1,7–1,9 ребенка на женщину), *уменьшение смертности* (имеется огромный резерв для сокращения экзогенной смертности), *повышение внутренней миграционной подвижности населения* и *привлечение иммигрантов*, и, главное, **формирование отношения к человеческой жизни как самой главной ценности нашего государства**.

Двойственный характер миграционной политики

Двойственность миграционной политики – это характерная тенденция современного развития международной миграции населения, которая является во многом результатом всех вышеперечисленных закономерностей. При этом подчеркнем, что в отношении международных мигрантов вообще проводится более жесткая и строго регламентированная миграционная политика, которая представляет собой систему специальных мер, законодательных актов и международных соглашений (двусторонних и многосторонних) по регулированию миграционных процессов, преследующую экономические, демографические, геополитические и другие цели.

На современном этапе развития можно выделить три уровня миграционной политики: глобальный, региональный и национальный (на уровне отдельных государств). При этом двойственный характер миграционной политики отчетливо проявляется на всех трех уровнях: и на *глобальном (мировом) уровне* (как результат противоречий между интересами международных организаций и национальными интересами отдельных государств), и на *региональном и межгосударственном уровне* (как существование противодействующих тенденций либерализации миграционных режимов внутри интеграционных региональных союзов и ужесточения их миграционной политики по отношению к гражданам третьих, не входящих в данное объединение стран), и на *национальном уровне* (как противоречие между демографическими и экономическими интересами, с одной стороны, и соображениями политической и социальной безопасности – с другой).

Что касается миграционной политики России, то, с одной стороны, за 1991–2010 гг. была создана определенная законодательная база в области регулирования международной миграции, с другой стороны, в России до сих пор нет стратегического видения миграции как положительного явления. Двойственность миграционной политики России проявляется в том, что на высшем государственном уровне (в частности, в посланиях Президента РФ Федеральному собранию РФ) провозглашается тезис о необходимости проведения осмысленной иммиграционной политики, привлечения из-за рубежа наших соотечественников и квалифицированных легальных трудовых ресурсов, тогда как на «исполнительном» уровне отношение государства к управлению миграционными процессами остается во многом полицейским, а сама миграция (как легальная, так и нелегальная) рассматривается прежде всего как угроза национальной безопасности России. И эта двойственность отношения к миграции (особенно к миграции русскоязычного населения из стран СНГ и Балтии), как и непонимание основных закономерностей международной миграции, привели к тому, что за эти годы так и не была принята федеральная концепция миграционной политики. К сожалению, нет и стратегического мышления в этой области.

Сохранение такой ситуации идет вразрез с интересами экономического и демографического развития России. Более того, Россия все более упускает возможность объединяющего экономического сотрудничества на постсоветском пространстве, в том числе и в области эффективного использования имеющегося трудового потенциала, обусловленного, в частности, различиями в демографическом

развитии, устоявшимися экономическими связями, общностью языка и др. Таким образом, потребность в миграционной политике, соответствующей реально складывающейся миграционной ситуации в России, ощущается все более отчетливо.

На наш взгляд, в современной России особое внимание должно быть уделено разработке адекватной современным демографическим реалиям России государственной миграционной политики, в основу которой должно быть заложено понимание того, что миграция – это не зло, против которого надо бороться, используя весь мощный репрессивный аппарат, а благо для России. Настоятельно необходима разработка и проведение грамотной государственной миграционной политики на федеральном и региональном уровнях, учитывающей интересы экономико-демографического развития страны и отдельных территорий. Для разработки эффективных мер миграционной политики лицам, принимающим решения, необходимо осознать, что обеспечение легитимного поля международной миграции и рациональное использование имеющейся у мигрантов квалификации может быть достигнуто только с помощью разумной, стратегически выверенной миграционной политики, не допускающей «триумфа националистического атавизма над логикой экономического развития» (Demeny, 2002, p. 73).

Литература

Алешковский И.А., Ионцев В.А. Нелегальная иммиграция в общественно-политическом дискурсе // Миграция населения: экономика и политика. Вып. 18. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». – М.: ТЕИС, 2006. С. 28–50.

Алешковский И.А., Ионцев В.А. Тенденции международной миграции населения в современной России в условиях глобализации // Demography. 2010. Vol. VII.

Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1957. – М.: Информатика, 1998.

Василенко И.О., Слука Н.А. Географические особенности международной миграции населения // Пространственные структуры мирового хозяйства. – М.: Пресс-Соло, 1999. С. 315–336.

Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Трейвиш А.И. Перспективы развития России: роль демографического фактора / Научные труды Института экономики переходного периода. № 53Р. – М., 2003.

Демографический ежегодник Российской Федерации. 1998–2010. – М.: Росстат, 1998–2011.

Ивахнюк И.В. Международная трудовая миграция. – М.: ТЕИС, 2005.

Ионцев В.А. Международная миграция: теория и история изучения / Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Вып. 3. – М.: Диалог-МГУ, 1999.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. http://www.perepis-2010.ru

Коровкин А.Г., Долгова И.Н., Королев И.Б. Дефицит рабочей силы в экономике России: макроэкономическая оценка // Проблемы прогнозирования. 2006. № 4. С. 34–52.

Линдерт П. Х. Экономика мирохозяйственных связей. – М.: Прогресс, 1992.

Мир в зеркале международной миграции / Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир / гл. ред. В.А. Ионцев. Вып. 10. – М.: МАКС-Пресс, 2002.

МОМ. Руководство по разработке эффективной политики в области трудовой миграции в странах происхождения и назначения. – М.: МОМ, 2006.

МОТ. За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике. Доклад VI. Международная конференция труда, 92-я сессия. 2004 г. – Женева: МОТ, 2004.

«Нужны ли России мигранты?». Пресс-конференция, состоявшаяся 04.10.2011 http://strategy2020.rian.ru/stenograms/20111007/366171816.html

Оболенский В.В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. – М.: Издание ЦСУ СССР, 1928.

ООН. Миграция и развитие. Доклад Генерального секретаря на 60-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. A/60871. – Нью-Йорк, 2006.

ООН. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей [по докладу Второго компонента A/61/424/Add.2]. Международная миграция и развитие. 6 марта 2007 г. A/Res/61/208.

Слука А.Е., Слука Н.А. География населения с основами демографии. Учебно-методическое пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.

Труд и занятость в России. 2001 г. – М.: Росстат, 2002.

Труд и занятость в России. 2003 г. – М.: Росстат, 2004.

Труд и занятость в России. 2009 г. – М.: Росстат, 2010.

Численность и миграция населения Российской Федерации. 2005. – М.: Росстат, 2006.

Численность и миграция населения Российской Федерации. 2010. – М.: Росстат, 2011.

Bouvier L.F., Poston Jr., Zhai N.B. Population Growth Impacts of Zero Net International Migration // International Migration Review. 1997. 31 (2). P. 294–311.

Demeny P. Prospects for International Migration: Globalization and its Discontents // Journal of Population Research. 2002. Vol. 19. № 1.

ILO. Facts on Migrant Labour. – Geneve: International Labour Organization, 2006.

International Migration Report 2009. – New York: United Nations, 2009.

International Migrant Stock: Migrants by Age and Sex (United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2011).

IOM. World Migration Report 2005. – Geneve, 2005.

Ravenstein E.G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885. № 48(2). P. 167–235.

Ravenstein E.G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. 1889. Vol. 52. № 2 (Jun.). P. 241–305.

Stalker P. Workers without Frontiers: the Impact of Globalization on International Migration. – Colorado: Lynne Rienner Publishers, Inc., 2000.

Trends in International Migrant Stock: The 2008 Revision. – New York: United Nations, 2008.

World Migrant Stock (2006): The 2005 Revision Population Database http://esa.un.org/migration/index.asp?panel=1.

World Population Prospects. Revision 2010. – New York: United Nations, 2010. www.un.org/popin/data.html

www.gks.ru – официальный сайт Росстата.

www.world-tourism.org – официальный сайт Всемирной туристской организации.

I.A. Aleshkovsky, V.A. Iontsev, N.A. Sluka

INFLUENCE OF THE INTERNATIONAL MIGRATION ON THE PRESENT-DAY DEMOGRAPHIC SITUATION OF RUSSIA

Integration into the world community has caused the intensification of the international migration of the population in Russia. The scope and growing involvement of the country and its separate regions in global migrations are discussed in the article. Qualitative shifts in the structure of international migration flows in Russia are analyzed in the terms of duration, professional and age-and-sex structure of migrants. The principal role of economic migration is argued. The importance of international migration for the demographic development of the country is estimated, both at present and for the future. The necessity of working out the state migratory policy adequate to modern demographic realities of Russia is emphasized.

Т.М. Регент

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Социальные перемены, потрясшие нашу страну к началу 1990-х гг., коренным образом изменили течение миграционных процессов и их общие характеристики. Миграция все в большей степени стала носить вынужденный характер – в структуре мигрантов появилась новая составляющая, которая стремительно возрастала, – беженцы и вынужденные переселенцы. С распадом Советского Союза русскоязычное население бывших союзных республик в силу ряда экономических и политических причин, в частности усиления в новых суверенных государствах националистических настроений, стало покидать насиженные места и устремилось на свою историческую родину.

Таким образом, приток в Россию представлял собой уже не внутреннюю, а внешнюю миграцию, которая ввиду «прозрачности» границ существенно дополнялась как легальной, так и нелегальной миграцией из третьих стран.

Изменилось направление миграционных потоков: с окраин – в центральные районы страны, которые отнюдь не испытывали недостатка в населении; из северных районов нового освоения – в обжитые районы юга.

Наконец, миграция практически почти полностью утратила трудовой, а следовательно и организованный характер, приобретя черты стихийности.

Первоначально органы исполнительной власти СССР полагали, что массовые потоки вынужденных мигрантов в 1989–1990 гг. носят разовый характер и не будут повторяться, а следовательно, нет и необходимости в организации работы с этой категорией мигрантов на уровне государства. Не были разработаны ни законы, ни меры оказания помощи беженцам. Принимались лишь разовые решения. И только в декабре 1991 г. в целях обеспечения работы с вынужденными мигрантами из государств СНГ и Балтии был создан Комитет по делам миграции населения при Министерстве труда и занятости Российской Федерации.

Российская Федерация в этот период находилась в стадии становления правовой базы, формирования новых подходов к управлению на федеральном и региональном уровнях. Среди других остро встал вопрос о государственной миграционной политике, в том числе о раз-

работке адекватных структур управления и механизмов взаимодействия различных ведомств.

Сложилась ситуация, когда и законодательство, и механизмы по реализации задач приема и обустройства беженцев и вынужденных переселенцев создавались одновременно с проведением практической работы с мигрантами.

Комитет по делам миграции населения при Министерстве труда и занятости разработал республиканскую долговременную программу «Миграция», в которой впервые были сформулированы основные направления миграционной политики России. Программа была утверждена Правительством Российской Федерации 18 мая 1992 г. Она представляла собой компактный документ, притом скорее тактического, чем стратегического характера, и была ориентирована на выполнение неотложных задач – что необходимо делать и какими методами, сколько надо выделить бюджетных средств на первоочередные мероприятия.

Достоинство программы «Миграция» состояло в том, что в ней были сформулированы приоритетные направления миграционной политики России и предусмотрен комплекс мер, направленных на ее реализацию, прежде всего на решение проблем беженцев и вынужденных переселенцев.

Продолжавший нарастать поток мигрантов и стремительно расширявшийся круг проблем потребовали создания специальной государственной структуры – Федеральной миграционной службы России (ФМС). Она была создана Указом Президента Российской Федерации в июне 1992 г. на базе Комитета по делам миграции населения.

В целях регулирования миграционных процессов на государственном уровне в том же году Федеральной миграционной службой на основе программы «Миграция» были разработаны Основные направления миграционной политики России и пути ее реализации, одобренные Правительством РФ и утвержденные в июле 1992 г.

Приоритетными направлениями миграционной политики, сформулированными в этом документе, стали:

- защита прав и интересов граждан Российской Федерации, проживающих как на ее территории, так и за ее пределами, в соответствии с принятой Верховным Советом Российской Федерации Декларацией прав и свобод человека и гражданина и Законом России «О гражданстве РСФСР»;
- управление миграционными процессами в Российской Федерации, регулирование выезда и въезда мигрантов в Россию,

миграционный контроль, минимизация неконтролируемых миграционных потоков;

- содействие социально-экономической адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации путем создания законных и гуманных условий их приема и размещения; оказание помощи беженцам и вынужденным переселенцам;
- сотрудничество с международными организациями в области миграции.

Безусловно, при формировании основных направлений миграционной политики учитывались конкретные политические и социально-экономические условия в России в 1992 г., требования норм международного права, практика их реализации в различных странах.

Следует подчеркнуть, что в 1992 г. в России полностью отсутствовало национальное миграционное законодательство. Попытки адаптировать миграционное законодательство крупных иммиграционных стран, таких, например, как США, Канада, Германия, не могли иметь большого успеха, так как в то время Россия осталась практически с открытыми границами, безвизовым въездом граждан из ближнего зарубежья, не были созданы территориальные органы исполнительной власти, которые могли бы контролировать миграционные потоки, вести достоверный учет мигрантов, принимать меры в отношении нелегальных мигрантов.

Несмотря на трудности 1990-х гг., Правительство Российской Федерации сочло необходимым одобрить основополагающие принципы миграционной политики новой России:

- свобода выбора мигрантами места жительства и видов занятости;
- запрещение высылки или принудительного возвращения мигрантов в страны, из которых они прибыли, кроме случаев, предусмотренных законодательством;
- недопустимость дискриминации мигрантов по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений;
- гарантия предоставления государством мигрантам вытекающих из их статуса основных прав и свобод, которыми пользуются в соответствии с действующим законодательством собственные граждане, и возможность их судебной защиты;
- безусловное соблюдение мигрантами обязанностей, вытекающих из требований законодательства Российской Федерации;

- недопустимость создания для мигрантов в рамках правительственной помощи каких-либо льгот или преимуществ, которые ставили бы их в привилегированное положение по сравнению с местным населением (за исключением чрезвычайных ситуаций, связанных с массовым притоком граждан на территорию Российской Федерации);
- непосредственное личное участие мигрантов в обустройстве на новом месте жительства, разумеется, при государственной поддержке их инициативы и самодеятельности;
- координация действий на международном, межгосударственном и национальном уровнях правительственных, неправительственных организаций и самих мигрантов в разрешении проблем их жизнедеятельности.

В качестве цели государственной миграционной политики было определено регулирование миграционных потоков, преодоление негативных последствий стихийно развивающихся процессов миграции, создание условий для беспрепятственной реализации прав мигрантов, а также обеспечение гуманного отношения к лицам, ищущим убежище на территории Российской Федерации.

Стратегической задачей миграционной политики России стали прием и размещение на территории государства прибывающих из нового зарубежья на постоянное место жительства трудоспособных, квалифицированных мигрантов, являющихся ценным демографическим потенциалом; регулирование потоков внутренних мигрантов, рациональное их расселение. Были определены также основные тактические задачи:

- создание принципиально нового миграционного законодательства, охватывающего все стороны регулирования миграционных потоков и все категории мигрантов;
- разработка механизма действия системы превентивных государственных экономических рычагов России, направленных на минимизацию потоков мигрантов и защиту прав и свобод этнических россиян за рубежом в случае их нарушения;
- продолжение межгосударственного договорного процесса по заключению соглашений в области миграции, предусматривающих порядок и условия переезда в Россию, компенсацию за оставленное жилье и имущество, сохранение пенсионных прав и пр.;
- разработка и реализация миграционных программ, распределение государственных средств, выделяемых на решение проблем миграции, и контроль за их использованием;

- организация системы адаптации мигрантов в России путем создания этнических, религиозных, культурных центров и общин;
- разработка комплекса мероприятий по примирению сторон с привлечением международных организаций в случаях межнациональных конфликтов;
- обеспечение возможности защиты и оперативной эвакуации людей в условиях чрезвычайных ситуаций;
- определение территорий наиболее целесообразного расселения тех или иных категорий мигрантов.

Работа ФМС России начиналась с решения проблем приема и обустройства вынужденных мигрантов из государств СНГ и Балтии. Была создана система учреждений и организаций во всех регионах страны, разработаны нормативная база в области миграции и механизмы регулирования миграционных потоков. Естественно, каждый год приносил как успехи, так и неудачи, усложняющаяся миграционная ситуация прибавляла проблем.

В самом общем виде проблемы, связанные с миграционной ситуацией в Российской Федерации в 1990-е гг., можно объединить в два крупных блока:

- обеспечение рационального распределения миграционных потоков по территории страны;
- социально-экономическая поддержка всех категорий вынужденных мигрантов.

Однако основное внимание как власти, так и общественности привлекал лишь второй блок проблем – организация социально-экономической поддержки тех или иных категорий вынужденных мигрантов. Это неизбежно породило представление о миграции как об отдельно взятой социальной проблеме, даже социальном бедствии, с которым можно и нужно бороться в основном путем увеличения безвозвратных бюджетных и внебюджетных затрат на обустройство вынужденных мигрантов. Такой взгляд на проблему был недопустимо узок, он не позволял ни осознать ее, ни решить.

Первый блок проблем, связанных с созданием условий для рационального распределения миграционных потоков по территории России в общенациональных интересах, выпал из поля зрения органов исполнительной власти в основном по следующим причинам:

- на начальном этапе экономических реформ, характеризуемом в основном изменениями форм собственности, проблема привлечения населения в стратегически важные для России регио-

ны и закрепления его там при отсутствии крупных инвестиций казалась неактуальной;

- принимая те или иные политические и экономические решения, органы исполнительной власти недостаточно просчитывали их последствия, в том числе миграционные. Кроме того, негативное влияние оказывали взгляды рыночного «романтизма», когда многим казалось, что государство должно максимально освободиться от управленческо-распределительных функций.

Смена генерального направления миграционных потоков внутренней миграции, сложившийся дисбаланс в размещении населения – закономерная и естественная реакция на глобальные изменения экономической ситуации в стране, реакция, которая подтверждает, что в совокупности факторов, воздействующих на миграционное поведение населения в Российской Федерации в эти годы, преобладали выталкивающие социально-экономические факторы. Таким образом, в рыночных условиях основным экономическим регулятором внутренних миграционных процессов могла стать инвестиционная политика, поддержка работодателей, оживление производства в регионах севера и востока страны – главных ресурсосодержащих регионах, а также социальная политика, компенсирующая неблагоприятные природно-климатические условия проживания в них. Другими словами, в существующих условиях крупные социально-экономические проекты и решения должны были оцениваться и с точки зрения миграционных последствий.

В ходе реализации программы «Миграция», к которой ФМС России приступила сразу после своего создания, стало очевидно, что динамично меняющаяся политическая и социально-экономическая обстановка оказывает неотвратимое воздействие на ход выполнения программы, настоятельно требует корректировки включенных в нее мероприятий, исполнителей и сроков.

Расширение сферы деятельности в области регулирования миграции, возникновение новых проблем, в том числе связанных с беженцами из дальнего зарубежья и нелегальной миграцией, вызвали необходимость разработки новой, более обстоятельной миграционной программы. В соответствии с поручением Правительства Российской Федерации была разработана Федеральная миграционная программа.

Учитывая, что работа над Федеральной миграционной программой началась в 1993 г., когда еще не были приняты нормативные документы, определяющие порядок разработки и утверждения целевых программ, ее создатели руководствовались общими теоретическими подходами и

конкретными условиями, сложившимися в стране. Специально сформированная рабочая группа привлекала экспертов из научных и других учреждений, учитывала предложения заинтересованных федеральных министерств, ведомств субъектов Российской Федерации.

Концепция программы и сфера ее действия были определены в соответствии с новыми функциями, возложенными на Федеральную миграционную службу постановлением Правительства Российской Федерации от 1 марта 1993 г. «Об утверждении Положения о Федеральной миграционной службе России». В ноябре 1997 г. правительство вновь вернулось к Федеральной миграционной программе, уточнив задачи миграционной политики на 1998–2000 гг. и пути ее реализации.

Основные цели и задачи миграционной политики формулировались исходя из сложившихся условий развития государства и общества, а значит – и из миграционной ситуации в стране. Наиболее сложная задача заключалась в том, чтобы отказаться, несмотря на трудные экономические и финансовые условия, от административных методов регулирования миграционных потоков.

В то же время, учитывая многофакторность условий, в которых развивалась миграция, сильное влияние на нее социально-политической ситуации в обществе, нельзя было допустить стихийного развития процесса. Постоянно приходилось согласовывать возникающие противоречия между интересами государства и соблюдением прав человека, сочетать прямо противоположные интересы, разрешать социальные конфликты в самых разных слоях и группах общества.

Федеральная миграционная программа разрабатывалась с учетом основных документов ООН по правам человека, положений и стандартов международного права, регулирующих проблемы миграции; договоров и соглашений, заключенных Российской Федерацией с государствами-участниками СНГ и другими зарубежными странами; требований Конституции Российской Федерации, федеральных законов, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации.

Наличие территориальных органов ФМС в каждом субъекте Российской Федерации дало возможность использовать региональные программы как механизм реализации Федеральной миграционной программы, с одной стороны, и учитывать региональный фактор при целевом решении миграционных проблем – с другой.

Именно в рамках региональных миграционных программ возможно реализовать основные приоритеты государственной миграци-

онной политики. Эти программы можно разделить на две группы: самостоятельные территориальные миграционные программы – и разделы региональных программ социально-экономического развития субъекта Российской Федерации. И сегодня это представляется наиболее перспективным вариантом целевого управления миграционными процессами. С целью повышения эффективности региональных миграционных программ были составлены Методические рекомендации по разработке миграционных программ.

Деятельность по реализации Федеральной миграционной программы была направлена на регулирование и координацию следующих основных миграционных потоков:

- вынужденная миграция;
- внешняя миграция;
- незаконная миграция;
- внешняя трудовая миграция;
- внутренняя социально-экономическая миграция.

Следует отметить, что Программа осуществлялась в крайне сложных условиях:

- возрастали потоки переселенцев с постсоветского пространства. Основной причиной их миграционной активности стало принятие законов, ущемляющих права русскоязычного населения в новых независимых государствах, а также возникновение военных и межнациональных конфликтов. Только в 1997 г. наметилась тенденция к небольшому снижению притока вынужденных мигрантов;
- во многих странах мира (Афганистан, Ирак, Иран, Сомали, Судан, Шри-Ланка и др.) сложились неблагоприятные условия, выталкивающие местное население. В связи с этим было ужесточено миграционное законодательство государств старого зарубежья. Это привело к увеличению потока мигрантов в Россию из стран Африки и Азии, значительную часть которых составляли нелегалы;
- изменилась структура миграционных потоков в результате вооруженного конфликта в Чеченской Республике, появилась необходимость приема массовых потоков вынужденных мигрантов из Чечни;
- средств на реализацию государственной миграционной политики выделялось из федерального бюджета значительно меньше, чем было предусмотрено в федеральном законе.

Отдельно следует остановиться на таком важном направлении работы ФМС России, как формирование нормативно-правовой базы в области миграции. Правовая база как механизм развивалась и самостоятельно, и в рамках другого механизма – механизма целевых программ. Остановимся на самых значительных нормативных разработках.

Федеральной миграционной службой России с участием других заинтересованных органов исполнительной власти были разработаны и в установленном порядке внесены на утверждение законодательные и подзаконные акты, которые заложили правовые основы реализации миграционной политики. В 1993 г. были приняты законы Российской Федерации «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах». С учетом изменения ситуации и появления новых подходов к пониманию регулирования миграционных процессов в дальнейшем в эти законы были внесены серьезные изменения, а также разработаны проекты других законодательных актов по проблемам миграции.

С учетом величины миграционного потока из государств нового зарубежья пристального внимания заслуживала в первую очередь новая редакция Закона Российской Федерации «О вынужденных переселенцах», которая принципиально отличалась от предыдущей. Положения Закона теперь распространялись лишь на тех лиц из числа ходатайствующих о признании их вынужденными переселенцами, которые прибыли на территорию Российской Федерации вследствие совершенного в отношении них насилия или преследования по признаку расовой, национальной или социальной принадлежности, вероисповедания, языка, политических убеждений и по другим обстоятельствам, существенно ущемляющим права человека. По новому закону вынужденными переселенцами признавались граждане бывшего СССР, имеющие статус беженца в Российской Федерации и утратившие этот статус в связи с приобретением гражданства Российской Федерации; определялся круг лиц, которые не могут быть признаны вынужденными переселенцами.

Таким образом, упорядочивались процедура подачи ходатайства и права на присвоение статуса вынужденного переселенца, срок действия статуса определялся в пять лет. За это время с помощью государственной поддержки переселенец должен был быть обустроен на новом месте жительства. При наличии обстоятельств, препятствующих переселенцу в обустройстве на новом месте жительства, срок действия статуса может продлеваться.

В новой редакции Закона определены минимальные уровни единовременного денежного пособия в зависимости от минимального

размера оплаты труда, расширена категория лиц, отнесенных к малообеспеченным гражданам, защищено право семьи вынужденного переселенца на получение долговременной беспроцентной возвратной ссуды на строительство или приобретение жилья, право на занятость и на регистрацию в качестве безработного в случае невозможности трудоустройства, закреплено право на получение компенсации за утраченное жилье и имущество как в период действия статуса, так и после окончания срока его действия.

Следующим важным этапом стало подписание Президентом Российской Федерации в июне 1997 г. нового Закона Российской Федерации «О беженцах». Этому предшествовало двухлетнее обсуждение новой редакции Закона в Государственной Думе и в Совете Федерации. Такое длительное обсуждение обусловливалось как объективными, так и субъективными факторами. На момент принятия первого закона не было понимания существа проблемы внешней миграции, последствий присоединения к Конвенции ООН о статусе беженца (в 1993 г.), не было даже попыток прогнозных оценок роста потока лиц, ищущих в России убежища.

Действовавший Закон Российской Федерации «О беженцах», принятый в 1993 г., не в полной мере отвечал существующим в России социально-политическим реалиям. Кроме того, данный Закон имел еще более общий, чем Конвенция ООН, декларативный характер, позволяющий иностранцу получить статус беженца без какой-либо процедуры. К тому же отдельные его положения предоставляли беженцам некоторые преимущества перед российскими гражданами, что вызывало у последних негативные настроения.

В редакции Закона 1993 г. реализация прав и обязанностей беженцев была слабо увязана с необходимостью защиты национальных интересов нашего государства. Не были определены, как это сделано в аналогичных документах других государств, такие аспекты, как право принимающего государства накладывать определенные ограничения на прием беженцев исходя из соображений обеспечения собственной безопасности или в случаях возникновения чрезвычайных ситуаций.

Изменения и дополнения в Закон «О беженцах» были продиктованы необходимостью приведения законодательной базы, регулирующей миграцию иностранных граждан в Российскую Федерацию, в соответствие с Конституцией Российской Федерации, нормами международного права, с учетом четырехлетней практики применения действующего законодательства. Новая редакция Закона регулировала

правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства, которые в силу объективных причин покинули свои страны и ходатайствуют о признании их беженцами в России. Данный Закон не затрагивает правового положения граждан Российской Федерации, вынужденно переселяющихся в Россию из республик бывшего СССР. Их правовой статус, меры государственной поддержки и социальной защиты определены, как упоминалось выше, Законом Российской Федерации «О вынужденных переселенцах».

Названные выше законы и нормативные акты по их реализации регламентируют основные направления государственной политики по отношению к двум категориям мигрантов – беженцам и вынужденным переселенцам. Однако наряду с проблемой вынужденной миграции достаточно остро стоял вопрос и о регулировании привлечения иностранной рабочей силы в Российскую Федерацию.

Проект федерального закона «О привлечении и использовании в Российской Федерации иностранной рабочей силы» был разработан в соответствии с планом мероприятий Правительства Российской Федерации по реализации Генерального соглашения между общероссийскими объединениями профсоюзов, работодателей и Правительством Российской Федерации на 1996–1997 гг. и согласно Федеральной миграционной программе. Практически одновременно МВД России разработало проект федерального закона «О правовом положении иностранных граждан».

В 1990-е гг. приток иностранных граждан и лиц без гражданства, не имеющих определенного правового статуса, достигает высокого уровня, многие категории иммигрантов оказались вне сферы государственного регулирования, существенно увеличив масштабы незаконной миграции. Поэтому была начата разработка проекта федерального закона «Об иммиграции в Российскую Федерацию», который мог бы обеспечить государственный контроль за всеми категориями иностранных граждан и лиц без гражданства, въезжающих на территорию России, установить единую систему регулирования и ее основные функции, определить перечень органов исполнительной власти, участвующих в регулировании иммиграционных процессов, и их компетенцию. Этот законопроект был внесен на рассмотрение в Правительство Российской Федерации.

Анализ деятельности государственных органов власти по регулированию миграционных процессов как на федеральном, так и на региональном уровне показал, что использование двух главных меха-

низмов реализации государственной миграционной политики – целевых программ и нормативно-правовой базы – обеспечило комплексный подход к решению проблем миграции. Однако в перспективе необходимо найти и апробировать новые механизмы, которые позволят более активно и эффективно включить в этот процесс неправительственные организации, привлечь дополнительные средства, оптимизировать использование потенциала мигрантов в государственных интересах.

Для управления миграционными процессами необходимо решение следующих задач:

- разработка научно обоснованной и экономически просчитанной концепции миграционной политики;
- создание механизмов регулирования миграционных потоков (законов, нормативных, экономических и административных рычагов);
- определение финансово-экономической базы регулирования;
- осуществление организационных мер.

Обоснованность концепции миграционной политики зависит от достоверности и достаточности информационной, в том числе статистической, базы прогнозирования демографических процессов.

Очевидно, что эффективное регулирование миграционных потоков – составная часть стратегии экономического и социального развития, и именно в таком контексте оно может осуществляться. В реализации государственных концепций социально-экономического развития, государственной безопасности, национальной политики миграция может и должна играть важную роль и быть одним из основных государственных приоритетов в достижении позитивных целей общественного развития.

Следует отметить, что государство обладает весьма небольшим набором рычагов, позволяющих регулировать стихийно развивающиеся миграционные процессы. И хотя существуют «естественные» ограничения возможностей государственного регулирования миграции, тем не менее практически полное его отсутствие наносит колоссальный ущерб геополитическим и социально-экономическим интересам государства и общества.

В той или иной степени государственное регулирование миграции практикуется во многих странах. Однако зарубежный опыт касается в основном проблем, связанных с приемом и расселением беженцев, с контролем за незаконной миграцией и т.п. Государственное регулиро-

вание внутренних миграционных потоков применяется лишь в некоторых странах, в основном с целью заселения районов нового освоения.

Государственное регулирование миграционных процессов в России – проблема достаточно уникальная, связанная с целым комплексом факторов, включая масштабы территории, схему расселения, протяженность границ, особенности развития отдельных регионов, состояние рынка труда и рынка жилья и многие другие.

Регулируя миграционные потоки, можно решать такие задачи, как рационализация территориального распределения населения, более эффективное использование трудовых ресурсов, формирование баланса рынков труда и жилья, потребительского рынка, рост образовательного и профессионально-квалификационного уровня населения отдельных регионов.

Миграции принадлежит значительная роль в практической реализации крупных инвестиционных программ. Сейчас эта ее функция не востребована.

В настоящее время налицо и объективные потребности, и возможности комплексного регулирования миграционных потоков. Пока нет ответов на многие вопросы: какова оптимальная численность населения в тех или иных регионах, каким должен быть его возрастно-половой состав, какое население можно рассматривать как избыточное и как организовать его переселение, где необходимо использовать преимущественно экономические рычаги, а где – административные и какие именно, каковы должны быть инвестиционная и социальная составляющие в проблемных с демографической точки зрения регионах и т.д.

Возьмем в качестве примера районы Сибири и Дальнего Востока. Привлечение мигрантов из государств нового зарубежья, стимулирование миграционных связей в направлении север–юг – из районов Крайнего Севера в южные районы Дальнего Востока – позволит решить проблему оттока населения из региона и сохранить уникальный трудовой потенциал. С другой стороны, миграционная политика в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока должна предусматривать систему мер административного регулирования миграционного притока из приграничных государств, а также создание условий проживания и хозяйственной деятельности иностранных граждан в этих регионах.

Сокращение миграционного оттока из регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, а тем более создание демографического барьера на южных границах, на наш взгляд, невозможно без выработки четкой

стратегии экономического развития региона, инвестиционной политики и системы мер экономического стимулирования переселения в регион.

Вопрос в том, какими должны быть эти меры, каково их оптимальное сочетание, позволяющее сохранять геополитические интересы в данных регионах. Кроме того, меры реализации миграционной политики государства должны быть законодательно закреплены.

Вне рамок комплексного государственного регулирования остается большая часть внутренних вынужденных мигрантов (северные и экологические мигранты, военнослужащие, уволенные в запас в результате сокращения Вооруженных Сил, репрессированные народы), а также отдельные категории мигрантов, прибывающих из-за пределов России: репатрианты, добровольные переселенцы. Важно подчеркнуть, что по масштабу эти потоки мигрантов в последние годы намного превосходят потоки вынужденных переселенцев и беженцев.

Именно поэтому требуется расширить и законодательно дополнить перечень категорий мигрантов, которым гарантируются те или иные виды государственной поддержки. По отношению к каждой отдельной категории необходимо предусматривать региональную дифференциацию объема такой поддержки.

T.M. Regent

FORMATION OF THE RUSSIAN MIGRATORY POLICY

Article deals with the formation of a new migratory policy of the Russian Federation since 1991. In the late 80-ies and, particularly, after disintegration of the Soviet Union, the directions of migration flows and their general characteristics have changed. The migration increasingly turned to become a forced one – a new rapidly increasing component has appeared in the structure of migrants, i.e. refugees and displaced persons. Under such conditions both legislation and mechanisms of admission and living arrangements of refugees and displaced persons were created simultaneously with carrying out practical work with migrants.

Л.П. Богданова, А.С. Щукина

ИЗ ОПЫТА КРУПНОМАСШТАБНЫХ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ТВЕРСКОГО РЕГИОНА

Тверской регион, находящийся между двумя столицами, уже в течение двух столетий испытывает как позитивное, так и негативное влияние межстоличного положения. Демографические потери Тверской области связаны прежде всего с длительным оттоком населения в Москву и Санкт-Петербург, что с течением времени привело к значительным изменениям в системе сельского расселения и в итоге – к реальному сжатию экономического пространства региона. Наиболее характерной чертой как сельского, так и городского расселения стала мелкоселенность. При самом большом среди субъектов РФ количестве официально существующих сельских населенных пунктов 1,7 тыс. из 9,5 тыс. не имеют постоянного населения и еще 3,8 тыс. имеют не более 10 жителей, что составляет 48,2% от всего числа сельских населенных пунктов (СНП) с постоянным населением. Особенно актуально изучение процессов, происходящих в сельской местности Тверского региона, в связи с обсуждением новой идеологии пространственного развития России, ориентированной на формирование 20 агломераций, которые должны составить опорный каркас расселения страны. При реализации этой концепции значительную часть староосвоенной территории России ожидает ускоренное превращение в периферийные пространства, мало привлекательные не только для инвесторов, но и для самих жителей[1].

Близость двух столичных центров, создающих зоны мощного социально-экономического тяготения, в значительной степени определяет внутрирегиональные различия экономических и социально-демографических процессов на обширной территории Тверского региона. Поскольку влияние пристоличного положения распространяется по основным магистралям, зона наибольшей устойчивости включает юго-восточную примосковскую часть региона и вытянута вдоль трех основных транспортных лучей. Анализ статистических данных по динамике численности городского и сельского населения в зонах влияния трех основных магистралей позволяет оценить значимость примагистрального положения, а также выделить особый ареал совокупного влияния

[1] В очередной раз эта концепция была озвучена на Московском международном урбанистическом форуме «Глобальные решения для российских городов» 7–9 декабря 2011 г.

примагистрального и пристоличного положения. Сравнение качественных параметров населения примагистральных зон с другими территориями Тверской области показало, что преимущества такого положения сказываются прежде всего на параметрах сельского населения.

Положительная динамика численности населения целого ряда СНП в пределах примагистральной зоны «Москва – Санкт-Петербург» на фоне сокращения городского и сельского населения Тверской области привлекла внимание к факторам, определяющим прирост населения. Анализ данных похозяйственных книг сельских администраций и полевые исследования позволили определить типичные примеры «ложной» миграции и соответственно недостоверность статистического учета численности населения. Например, в Спировском районе при значительном сокращении численности сельского населения было выявлено 26 СНП с положительной динамикой, из них 4 – с очень высокими показателями прироста. В деревне Новое Лукино, не имевшей в 2002 г. постоянного населения, в 2010 г. значилось 17 жителей. Полевое исследование выявило, что в четырех домах, пригодных для проживания, никто не живет, тогда как в похозяйственных книгах значатся 9 мигрантов, прибывших из Армении, 5 человек – из Чеченской Республики и 3 – из Дагестана. В других подобных случаях не обнаружено даже домов, пригодных для проживания.

Наличие «ложной» миграции и соответственно «ложной» численности населения СНП выявлено также при изучении населения Городенского сельского поселения, расположенного в примосковской части области. Анализ возрастной структуры населения по данным похозяйственных книг показал сверхвысокую долю лиц трудоспособного возраста в ряде СНП, не располагающих рабочими местами ни для своих жителей, ни для привлечения мигрантов. Только в отличие от СНП Спировского района наиболее привлекательными для регистрации мигрантов стали крупные СНП, располагающие сравнительно дешевым жильем (табл. 1).

Подобные искажения численности и структуры населения обусловлены миграционными потоками двух направлений: с одной стороны, регистрацией мигрантов, большинство которых реально живут и работают либо в областном центре, либо в Московском регионе. С другой – «виртуальными» жителями своих населенных пунктов становятся люди, вытесненные из родных мест в поисках работы. Проблема трудовых миграций в Тверской области характерна и для городских, и для сельских поселений, но в сельской местно-

Таблица 1. Возрастная структура населения крупных СНП Городенского сельского поселения Конаковского района

Сельский населенный пункт	Численность населения, чел.	Доля возрастных групп населения, %					
		моложе трудоспособного возраста	трудоспособного возраста				старше трудоспособного возраста
			всего	в том числе			
				16–29 лет	30–49 лет	50–54/59 лет	
Городня	1526	10,7	64,4	25,0	28,6	10,8	24,9
Кошелево	381	15,1	72,3	34,0	35,6	2,7	12,6
Заполок	288	13,6	61,1	27,2	26,8	7,2	25,3

сти отток трудоспособного населения происходит в условиях крайней ограниченности трудовых ресурсов.

На примере ряда СНП в течение 1990-х и 2000-х гг. исследовалась адаптация сельских жителей к новым социально-экономическим условиям. В связи с происходящими изменениями в агропроизводственном секторе рассматривались прежде всего проблемы занятости населения. Обвальное сокращение рабочих мест и низкие заработки в сельском хозяйстве привели к новой структуре занятости и значительному увеличению трудовых миграций (Алексеев и др., 2007, с. 11).

Значимые результаты при изучении конкретных форм жизнедеятельности сельского населения обеспечивает сочетание полевых наблюдений с социологическими методами исследований. Сбор первичной информации позволяет проанализировать занятость населения на уровне каждого рабочего места и выявить ту часть населения, которая не имеет возможности получить работу в месте проживания. Для изучения масштабов, направлений и факторов трудовой миграции проведены социологические опросы населения многих сельских поселений, что позволило оценить количественные и качественные потери сельской местности Тверской области от недоиспользования трудового потенциала в своем регионе. Можно привести пример Рясненского сельского поселения Старицкого района, где около 30% населения наиболее активных возрастных групп, преимущественно мужчины, работают либо постоянно, либо вахтовым способом в Московском регионе.

Для анализа изменений в занятости сельского населения необходимы данные обо всех рабочих местах, имеющихся в изучаемом сельском поселении. Например, обследование Высоковского сельского поселения Торжокского района, где прекратили деятельность колхоз и льнозавод, позволило выявить 36,5% трудоспособного населения, которое не имеет

Таблица 2. Возрастные и образовательные характеристики жителей Рясненского СП, работающих постоянно или временно в Московском регионе

Возрастные группы, лет	Уровень образования			Всего	
	среднее специальное	общее среднее	основное общее	чел.	%
20–29	5	5	2	12	52,2
30–39	3	2	–	5	21,7
40–49	–	5	–	5	21,7
Более 50	–	1	–	1	4,4
Всего чел.	8	13	2	23	–
%	34,8	56,5	8,7	–	100,0

рабочих мест в своем СП. Большую часть из них (59%) составляют мужчины, которые в основном стали трудовыми мигрантами. Как и в большинстве сельских поселений, увеличилась доля временно занятых и занятых в личном подсобном хозяйстве (табл. 3). Развитие малого бизнеса лишь частично решает проблему занятости, обеспечивая в Высоковском СП меньше десятой части необходимых рабочих мест.

Таблица 3. Баланс занятости трудоспособного населения Высоковского сельского поселения

Показатель	Трудоспособное население	Имеют место работы в своем СП		Заняты в личном подсобном хозяйстве	Студенты и учащиеся	Не имеют работы в своем СП
		постоянное	временное			
Кол-во чел.	913	440	28	57	54	334
Доля, %	100	48	3,5	6,1	5,9	36,5

Опрос жителей Высоковского СП, не имеющих рабочих мест, позволил определить основные направления трудовых миграций, среди которых наибольшее значение имеют Торжок и Торжокский район (29,8% случаев постоянной или временной работы), Тверь и другие районы Тверской области (38,8%), а также Москва и Московская область (25%).

Низкая оплата труда, отсутствие рабочих мест, вынужденная трудовая миграция оказывают разрушающее воздействие на все стороны жизни сельского населения, в том числе и на семейные отношения. Однако изучению этой стороны жизни сельского жителя в географиче-

ских исследованиях внимания практически не уделяется. Представляется, что в этом направлении объединение усилий географов и социологов может оказаться весьма результативным (Рощин, Рощина, 2006).

Создание семьи для сельских жителей в условиях мелкоселенности и значительной удаленности СНП друг от друга – более сложная проблема, чем для горожан. Если для городской молодежи место встречи будущего партнера обеспечивают совместная учеба, работа, разнообразные формы досуга, то сельские жители этого, как правило, лишены. Крайняя узость круга общения в значительной степени определяет поведение сельской молодежи: не давая ей возможности создать семью, увеличивает долю детей, рожденных вне зарегистрированного брака, либо выталкивает молодежь из родных мест.

На примере ряда муниципальных районов Тверской области, различающихся по географическому положению, конфигурации, особенностям расселения, были проведены исследования брачного выбора, под которым понимается выбор партнера из совокупности возможных для данного человека. Один из важных факторов брачного выбора наряду с возрастом, социальным статусом, образованием и другими личностными характеристиками – территориальная близость (соседство), которая обеспечивает саму вероятность встречи с партнером. Кроме того, анализ брачного выбора позволяет оценить миграционную подвижность населения не только молодых, но и средних возрастов, поскольку в обследование включены вступающие как в первый, так и в повторные браки. Так, средний возраст невест, вступающих в первый брак, в Андреапольском районе Тверской области составил 23,0 года, женихов – 25,6 года, тогда как в повторных браках – 39,5 и 42,5 года.

Распределение вступивших в брак по месту жительства выявило широкую географию брачного выбора. Доля браков, заключенных между жителями Андреапольского района, составила 73,7%, в том числе между жителями Андреаполя – 39,5%, между сельскими жителями – 13,5, сельско-городские браки составили 20,7%. В каждом четвертом браке место жительства одного из партнеров находится за пределами Андреапольского района, при этом браки с жителями других районов Тверской области составили 8,4%, с жителями других регионов России – 11,4, с жителями стран СНГ – 6,6% (табл. 4).

Более сложную пространственную структуру имеет распределение вступивших в брак в Андреапольском районе по месту рождения жениха и невесты. Доля браков, заключенных между уроженцами данного района, составила лишь 30,8%; доля браков, в которых один из

Таблица 4. Распределение вступивших в брак в Андреапольском районе по месту жительства в 2006–2008 гг.

Место жительства вступивших в брак		Число браков	Доля от общего числа браков, %
жениха	невесты		
Андреапольский район (гор.)	Андреапольский район (гор.)	132	39,5
Андреапольский район (село)	Андреапольский район (село)	45	13,5
Андреапольский район (гор.)	Андреапольский район (село)	41	12,3
Андреапольский район (село)	Андреапольский район (гор.)	28	8,4
Всего браков внутри Андреапольского района		246	73,7
Андреапольский район	Тверская область	14	4,2
Тверская область	Андреапольский район	14	4,2
Андреапольский район	РФ	17	5,1
РФ	Андреапольский район	21	6,3
Андреапольский район	СНГ и другие страны	7	2,1
СНГ и другие страны	Андреапольский район	15	4,5
Всего		334	100,0

партнеров является уроженцем других районов Тверской области, составила всего 10,8%. Следует отметить высокую долю браков с уроженцами отдаленных мест: с партнерами – уроженцами других регионов России заключено 18,3% браков, с уроженцами стран СНГ – 20,7% браков. Почти каждый пятый брачный союз заключен между людьми, родившимися за пределами Андреапольского района (табл. 5).

Сопоставление места рождения и места жительства вступивших в брак показывает их значительное несовпадение, что отражает высокую миграционную подвижность и специфику формирования населения данного района.

С географических позиций большой интерес представляет изучение брачного поведения в условиях территориальной рассредоточенности сельского населения. Как и следовало ожидать, наиболее вероятным является заключение брака между жителями одного или соседних населенных пунктов. Результаты исследования внутрирайонной географии брачного поведения населения Лихославльского района показали высокую долю браков между жителями одного населенного пункта, которая в 1988–1989 гг. составила 74,8%, в том числе между жителями Лихославля – 36,9 %, между жителями пгт Калашниково – 16,6, между сельскими жителями – 21,4%. В 2008–2009 гг.

Таблица 5. Распределение вступивших в брак в Андреапольском районе по месту рождения в 2006–2008 гг.

Место рождения жениха	Место рождения невесты					
	Андреапольский район (город)	Андреапольский район (село)	Тверская область	РФ	СНГ	Всего
Андреапольский район (город)	45	29	12	19	21	126
Андреапольский район (село)	15	14	6	11	12	58
Тверская область	12	6	16	6	5	45
РФ	20	11	8	6	8	53
СНГ	23	13	7	4	5	51
Всего	115	73	49	46	51	334

при общем сокращении числа браков доля подобных союзов сократилась, в первую очередь за счет браков сельских жителей (табл. 6).

Возможности выбора брачного партнера в месте проживания зависят прежде всего от количества лиц брачных возрастов и соотношения полов. В условиях мелкоселенности и крайне деформированной возрастной структуры сельского населения основное число браков приходится на крупные СНП. Так, за десятилетний период доля браков, заключенных между жителями СНП людностью более 250 чел., увеличилась с 70,9 до 78,8% (рис. 1).

Среди браков, заключенных между жителями разных населенных пунктов, значительна доля браков жителей районного центра с лицами, проживающими в близлежащих СНП, таких как Крючково, Волосово, Дели, Чашково, Кава. Поскольку Лихославль предоставляет жителям близлежащих СНП рабочие и учебные места, то и вероятность брачного выбора для их жителей закономерно возрастает. Доля браков, заключенных жителями небольших, удаленных от районного центра СНП, постепенно сокращается, как и население периферийных территорий в целом (рис. 2).

Многолетний опыт крупномасштабных социально-демографических исследований показывает, что они радикально отличаются от

Таблица 6. Внутрирайонная география брачного выбора населения Лихославльского района

География брачного выбора		1988–1989 гг.		2008–2009 гг.		Динамика показателей с 1988–1989 гг. по 2008–2009 гг.	
		Число браков	Доля от всего числа браков, %	Число браков	Доля от всего числа браков, %	Число браков	Доля от всего числа браков, %
Проживают в одном населенном пункте	Лихославль	160	36,9	99	36,0	–61	–0,9
	Калашниково	72	16,6	51	18,5	–21	+1,9
	СНП	93	21,4	38	13,8	–55	–10,2
	Всего	325	74,8	188	68,4	– 136	– 6,4
Проживают в разных населенных пунктах на расстоянии	близком (до 10 км)	78	17,9	60	21,8	–18	+3,9
	среднем (10–35 км)	24	5,5	17	6,2	–7	+0,7
	дальнем (более 35 км)	7	1,6	10	3,6	+3	+2,0
	Всего	109	25,2	87	31,6	–22	+6,4
Всего		434	100,0	275	100,0	–159	–

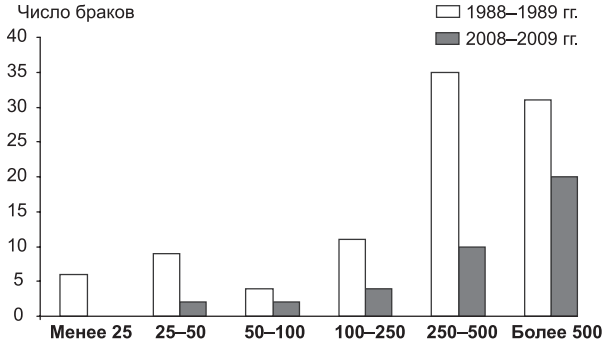


Рис. 1. Распределение заключенных браков в Лихославльском районе по СНП разной людности

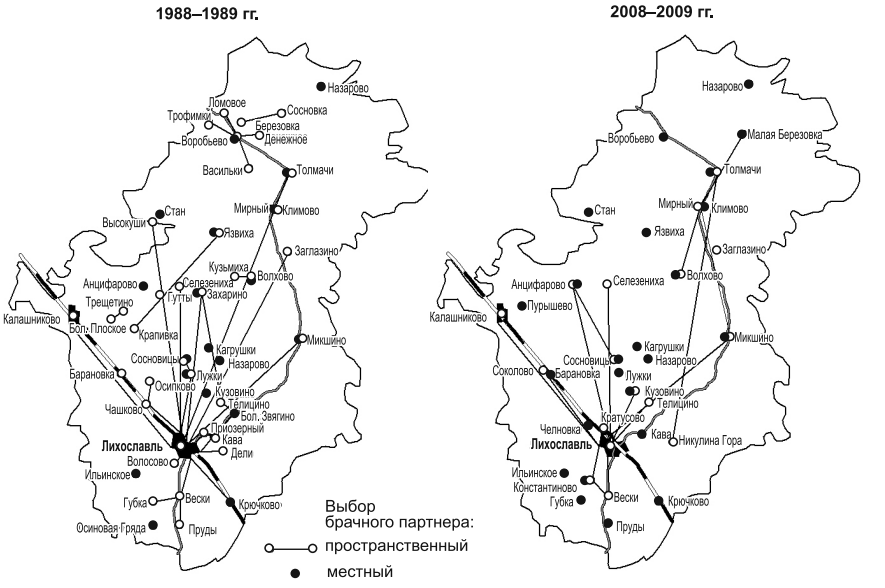


Рис. 2. География брачного выбора в Лихославльском районе

исследований регионального уровня (Богданова, Щукина, 2010; Богданова, Щукина, 2011). Эти отличия обусловлены суженностью статистической базы и более широким применением социологических методов, которые позволяют дойти до анализа форм жизнедеятельности отдельного человека, их содержания, изменений, трансформации. Сочетание традиционных географических методов полевых наблюде-

ний с социологическими приемами позволяет получить представление о жизнеспособности сельских локальных общностей. Результаты подобных исследований могут быть использованы для обоснования мер внутрирегиональной экономической и социальной политики и территориального планирования.

Литература

Алексеев А.И., Краснослободцев В.П., Гладкова О.Н. Территориальная подвижность населения и системы расселения в сельской местности России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2007. № 4. С. 10–14.

Богданова Л.П., Щукина А.С. Информационная база и методы социально-демографических исследований на уровне муниципальных образований // Муниципальные образования центральных регионов России: проблемы исследования, развития и управления. Мат-лы Всеросс. научно-практ. конф. – Воронеж, 2011. С. 33–36.

Богданова Л.П., Щукина А.С. Научное обоснование стратегии демографического развития Тверского региона // Демографические перспективы России и задачи демографической политики. Мат-лы Всеросс. научно-практ. конф. – М., 2010. С. 7–9.

Рощин С.Ю., Рощина Я.Н. Брачный рынок в России: выбор партнера и факторы успеха / Препринт VVP4 2006/04 Серия WP4 Социология рынков. – М.: ГУ-ВШЭ, 2006.

L.P. Bogdanova, A.S. Schukina

LARGE-SCALE SOCIAL AND DEMOGRAPHIC RESEARCHES OF RURAL AREAS OF TVER OBLAST

Tver oblast, among other regions of Central Russia is large and sparse territory with a network of small rural settlements. The paper presents the experience of large-scale studies in rural areas. Examples of false migration are identified. The main features of labor migration are marked. Virtually unexplored questions of marriage choice geography of the rural population are represented.

Н.А. Щитова, А.Н. Панин, В.В. Чихичин

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РИСКИ ЮЖНОРОССИЙСКОГО СЕЛА (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ)

О современном тяжелом состоянии российского села сказано немало. Особенно оживленно обсуждается кризис русской деревни, усиление различий между сельскохозяйственным Севером и Югом, сдвиг сельского хозяйства (а следовательно, и более высоких показателей качества жизни селян) в районы с благоприятными агроклиматическими условиями. Регионы Юга страны являются в настоящее время основными ареалами роста агропроизводства и крупнотоварными поставщиками продукции. Здесь лучше сохранен человеческий потенциал, крупнее и лучше обустроены поселения, они привлекательны для мигрантов[1].

Действительно, «южное село» на карте России выглядит куда более выгодно, чем аналогичное в центральных, северных или восточных регионах страны. Причины заключаются в комфортных природно-климатических условиях, относительной развитости инфраструктуры, вековых традициях ведения сельского хозяйства, крупноселенности и высокой доле сельских жителей. Немаловажное значение имеет и полиэтничный состав населения территории.

Вместе с тем не вызывает сомнений, что в ближайшей перспективе проблема устойчивого развития всех без исключения сельских территорий превратится в скором будущем в одну из самых острых в нашей стране. Такой неутешительный вывод возникает после анализа демографической и социально-экономической ситуации в сельской местности Юга России, которая далека от оптимальной. В настоящее время численность населения здесь также заметно сокращается, инфраструктура ветшает и деградирует, уменьшается число школ, укрупняется сеть лечебных учреждений и т.д. Исчезают целые населенные пункты, а серьезных и внятных альтернатив, позволяющих помешать этому процессу, пока не видно.

Поставить правильный диагноз, подготовить рецепт, произвести соответствующие процедуры и профилактику, направленную на социально-экономическое оздоровление села, – *совместная задача власти, науки и бизнеса.* Поскольку на региональном уровне эта связка практически не работает, мы предлагаем аналитический взгляд на

[1] *Нефедова Т.Г.* Перспективы регионального развития сельского хозяйства и сельской местности // Социально-экономическая география: традиции и современность. – М.–Смоленск: Ойкумена, 2009. С. 180–198.

решение первой части этой проблемы («диагноз» и «рецепт»), основываясь на официальной статистике, социологических опросах, материалах министерств и ведомств.

Негативные *демографические процессы*, характерные для сельской местности Центральной России, начали проявляться в ставропольской деревне с некоторым запозданием. Если некоторые регионы ЦФО (Тверская, Ивановская, Калужская, Костромская, Смоленская, Рязанская области) за последние 20 лет потеряли 16–28% сельских жителей, то в Ставропольском крае этот процесс начался лишь в 1999 г., и потери составили «всего» 6% (рис. 1)[2]. Все демографические показатели в Ставропольском крае заметно лучше, чем в Центральной России. Так, например, в 2009 г. рождаемость была выше на 2,2‰, смертность – ниже на 6,5‰, естественный прирост – выше на 9,3‰.

Все 1990-е гг. рост численности населения в сельской местности края на 8% обеспечивался за счет миграций. Максимальные показатели миграционного прироста достигали в середине десятилетия 25–28,5‰. В новом тысячелетии миграционный баланс становится отрицательным и депопуляция приобретает явные черты – началось повсеместное сокращение населения.

Таким образом, в первой половине 1990-х гг. депопуляция оказалась замаскирована положительной миграцией, сопровождавшейся слабо положительным естественным приростом, который уже с 1995 г. сменился естественной убылью населения (рис. 2). При этом естественный прирост сельского населения Ставрополья был

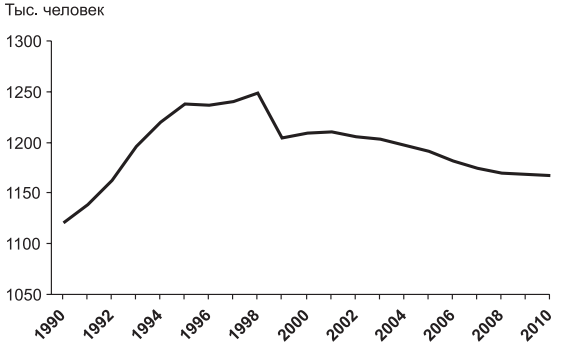


Рис. 1. Динамика численности сельского населения Ставропольского края. *Составлено* по данным переписей населения и текущей статистики.

[2] Все демографические показатели, используемые в тексте, взяты с официального сайта Федеральной службы государственной статистики.

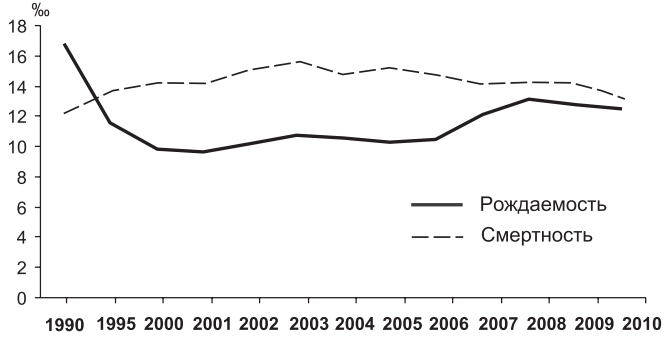


Рис. 2. Рождаемость и смертность сельского населения Ставропольского края, на 1000 жителей.
Составлено по данным переписей населения и текущей статистики.

все 1990-е гг. выше общего естественного прироста населения края, а в 2000-е гг. – почти всегда ниже. В 2010 г. естественная убыль сельского населения края составила -0,7‰, а всего населения – -0,5‰.

Сокращение рождаемости в конце XX и начале XXI в. затормозилось благодаря вступлению в фертильный возраст многочисленного поколения, рожденного в 1980-е гг., и реализацией национального проекта в области демографии. Однако в настоящее время кратковременный слабый подъем приостановился, поскольку в детородный возраст вступает малочисленное поколение 1990-х гг. и нарастает угроза оттока молодых людей из села в город.

Если в процессах рождаемости еще отмечались светлые моменты, то существенного сокращения смертности не наблюдается. Старение населения на фоне ухудшающегося состояния здоровья основной массы сельских жителей не оставляет надежд, о чем свидетельствуют данные социологических опросов. Более четверти респондентов оценили свое здоровье как скорее плохое, нежели хорошее, и почти 80% указали на общее ухудшение здоровья. Наблюдается рост смертей, связанных с распространением онкологических заболеваний и туберкулеза. Особую остроту приобретает в последнее время распространение алкоголизма и сравнительно нового для Юга России явления – наркомании.

Негативные демографические процессы протекают в разрезе муниципальных районов и отдельных населенных пунктов с неодинаковой скоростью.

Большое влияние на демографическую ситуацию оказывает сложившаяся на Юге России и в Ставропольском крае *система расселе-*

ния. В более выгодном положении оказались крупные села, а также села, обладающие благоприятным экономико-географическим положением – расположенные в транспортных коридорах или являющиеся административными центрами. Именно они привлекали внешних, а затем и внутренних мигрантов и быстрее развивались. Одновременно многие другие поселения, находящиеся в стороне от дорог, активно теряли свое население не только вследствие растущей убыли, но и за счет миграций в города и крупные сельские поселения. В наиболее неблагоприятной ситуации находятся средние и малые сельские населенные пункты. Поселения с численностью населения 500 и менее чел. могут в ближайшие годы просто исчезнуть. Главным сдерживающим фактором исчезновения сельских поселений следует считать крупноселенность: именно большие поселения имеют шанс сохраниться, однако это будет возможно только при условии роста эффективности сельского хозяйства и улучшения качества жизни населения.

Еще одна важная причина демографических пространственных диспропорций кроется в *этнической структуре населения* и тесно связана с уровнем социально-экономического развития поселений. Депопуляционные процессы более выражены в моноэтничных территориях с преобладанием славянского населения, здесь естественная убыль достигает 5–6‰. Одновременно для русских поселений отмечаются сверхвысокие показатели смертности. Самые высокие показатели воспроизводства характерны для полиэтничных муниципальных районов и населенных пунктов. Реализация программы демографического развития повлекла за собой дополнительный рост рождаемости в поселениях с преобладанием северокавказских и тюркских народов, сохраняющих традиции многодетности.

Интенсивность процессов воспроизводства во многом зависит от *возрастно-половой структуры населения*, которая у разных этносов имеет свои особенности. Все этносы по типу возрастно-половой структуры можно разделить на три основных типа.

Зрелый. К этому типу относятся: украинцы, белорусы и русские. Максимум населения приходится на старшие возрастные группы. В средних и старших возрастных группах преобладают женщины. Наиболее сбалансированное соотношение численности мужчин и женщин наблюдается в возрастных группах до 29 лет (рис. 3).

Молодой. Наиболее выражен этот тип у даргинцев, цыган и чеченцев. Самую многочисленную группу составляют люди в возрас-

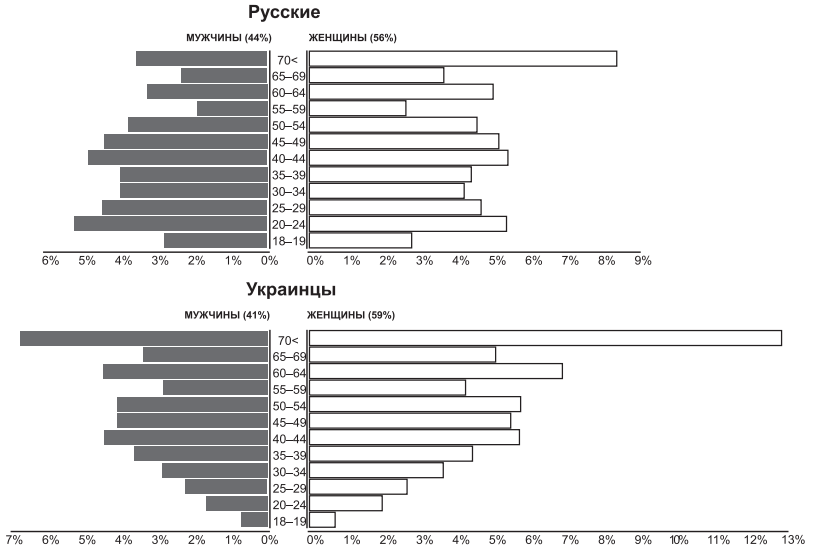


Рис. 3. Зрелый тип возрастно-половой структуры населения

те от 20 до 24 лет. По мере увеличения возраста численность населения снижается. В половой структуре даргинцев и чеченцев преобладают мужчины, а у цыган – женщины. Половая структура несколько выравнивается у чеченцев в группе старше 70 лет, у цыган – в возрасте 30–34 года, у даргинцев – до 18 и старше 70 лет (рис. 4).

Сбалансированный. К этому типу можно отнести армян, ногайцев, греков, карачаевцев, туркмен, азербайджанцев (рис. 5). У этих народов преобладает население в наиболее активных возрастных группах – от 20 до 44 лет. Мужчины, как правило, доминируют. Число женщин увеличивается в возрастной группе старше 60 лет, а также в возрасте 18–24 года (кроме азербайджанцев, среди них в любом возрасте преобладают мужчины). У ногайцев женщины численно преобладают над мужчинами почти во всех возрастных группах, что может положительно сказаться на процессах воспроизводства.

Данные, характеризующие медианный возраст, свидетельствуют о том, что и старение разных этносов идет неодинаково. Самые высокие показатели, а следовательно, и самое старое население – у украинцев и белорусов (51–52 года). У греков, армян и азербайджанцев медианный возраст несколько ниже – 33–34 года. У туркмен, ногайцев и карачаевцев население еще моложе: 27–28 лет. Самыми «молодыми» этносами являются чеченцы и даргинцы (23 года) и особенно цыгане (18,4 года).

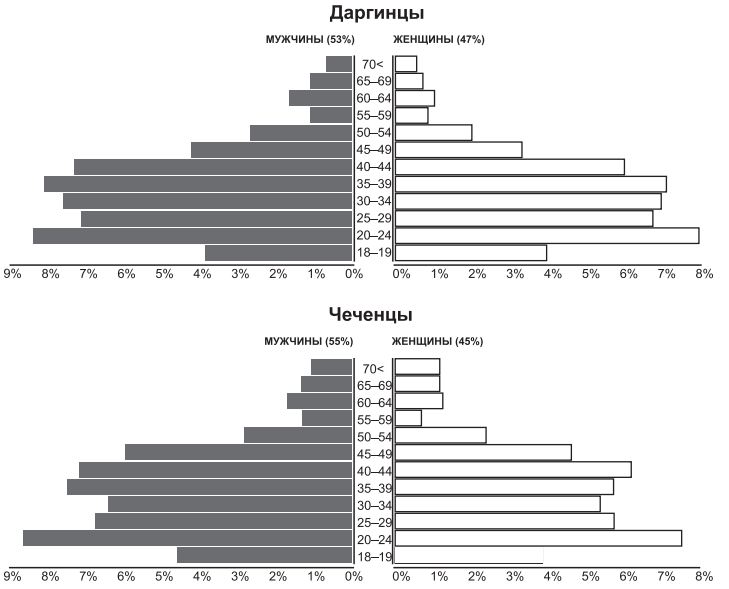


Рис. 4. Молодой тип возрастно-половой структуры населения

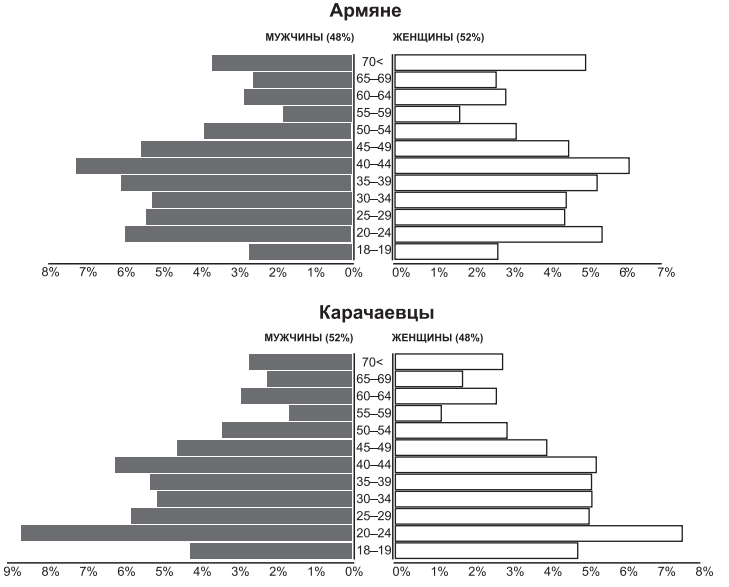


Рис. 5. Сбалансированный тип возрастно-половой структуры населения

Современные демографические процессы усиливают деформацию возрастно-половой структуры населения, способствуют старению «старых» сообществ и увеличению темпов их сокращения. За последние 15 лет доля детей сократилась в сельской местности края на 29%, а удельный вес пожилых вырос на 3%, что отражает в первую очередь ситуацию в доминирующей русской этнической группе. В некоторых моноэтничных поселениях доля людей пенсионного возраста превышает 35%. В связи с постарением естественная убыль может вырасти в ближайшие годы до 20–25%.

Миграционные процессы усугубляют негативный демографический фон и способствуют старению населения. Среди выбывающих преобладает молодежь и трудоспособное население, а среди прибывающих высока доля пожилых лиц. Интенсивный отток населения в города во второй половине XX в. перекрывал положительный естественный прирост, и в результате численность сельских жителей края в период с 1959 по 1989 г. уменьшалась. В начале 1990-х гг. ситуация ненадолго изменилась. Население сел стало расти за счет положительного миграционного прироста, который в последние годы снижался и в настоящее время является отрицательным: уезжающих становится больше, чем прибывающих. Эта тенденция в ближайшем будущем скорее всего сохранится, величина миграционного оттока может возрасти, что приведет к значительному сокращению численности населения.

Специфической особенностью современной миграции является ее ярко выраженный этнический характер. Среди выезжающих наибольшую долю составляют русские (65%). Одновременно почти треть прибывших являются представителями нерусских этнических групп (дагестанских народов, курдов, азербайджанцев, чеченцев, корейцев, карачаевцев и др.). Вместе с тем следует констатировать, что адаптация мигрантов последней волны не была успешной и многие из них покидают сельские поселения. Это связано с несколькими причинами. Во-первых, среди мигрантов было много горожан, которым не подошел сельский образ жизни, во-вторых, не все смогли найти здесь подходящую работу. Кроме того, время от времени возникают проблемы социально-психологического порядка, связанные с взаимоотношениями между коренным и «пришлым» населением.

В настоящее время, по данным социологических опросов, почти 22% сельских жителей намерены покинуть свое место жительства. Правда, пока только 4% собираются это сделать в ближайшее время. В целом доля потенциальных мигрантов невелика, однако если

учесть, что это в основном молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет, то последствия такой миграции могут быть ощутимы. В качестве основных мотивов указываются личные, семейные и экономические причины. На самом деле миграционные настроения имеют гораздо более серьезные масштабы. Почти половина из тех, кто не планирует переезд, хотели бы уехать, но у них нет на это средств.

В качестве мест притяжения выступают города. Наибольшей миграционной привлекательностью обладают краевой центр Ставрополь (более половины респондентов хотели бы переехать именно сюда), Москва (11%) и Сочи (8%). Более половины опрошенных жителей района хотят, чтобы их дети жили в городе. Таким образом, свое будущее сельское население не связывает с сельской местностью. Селяне не видят перспектив в плане самореализации, роста благосостояния, улучшения качества жизни и считают, что добиться успеха можно только в иной среде. Симптоматично, что существенно повышены миграционные настроения в населенных пунктах, образующих местную «глубинку» с невыгодным микроположением и явно выраженной депрессивностью.

В настоящее время положительный миграционный потенциал практически исчерпан, а естественная убыль нарастает. Ясно, что без значительного притока мигрантов и сокращения объемов миграционной убыли сделать вряд ли что-то удастся. Экспертный опрос выявил различные позиции представителей властных структур и бизнеса по отношению к сложившейся ситуации. Представители власти считают, что миграция только усиливает конкуренцию на рынке труда и увеличивает нагрузку на социальную сферу. Они не считают нужным использовать в качестве управления рычаги миграционной политики. По их мнению, демографическая ситуация стабильна и край не нуждается ни в привлечении мигрантов, ни в удержании сельского населения. Судя по всему, они разделяют распространенную среди обывателей иллюзию насчет того, что численность населения в крае продолжает расти, а мигранты только усиливают социальную напряженность. По данным опросов, почти четверть респондентов отрицательно относится к мигрантам, а часть опрошенных считает, что миграция представляет одну из наиболее серьезных проблем, обостряющую рост безработицы и приводящую к этническим диспропорциям в занятости населения.

Более реалистичны представители бизнес-элит, которые признают необходимость притока мигрантов: *«Нам не хватает рабочих и специалистов среднего звена, но для привлечения новых людей нужно создать условия для работы и достойной жизни. Безусловно, миграци-*

онные потоки должны быть легальными и находиться под контролем местных властей». Одновременно они указывают на невысокую креативность местного населения. Недостаток инициативных, образованных специалистов особенно ощущается, по их мнению, в сферах культуры, образования и, главное, управления; слабый менеджмент – основная причина провальной ситуации в экономике села.

Вслед за демографической ситуацией серьезно трансформируется количественный и качественный состав *трудовых ресурсов*. Уже сейчас доля населения в трудоспособном возрасте составляет в крае в целом 62%, на селе – 61%. Одновременно уменьшается количество квалифицированных специалистов. «Старые кадры» уходят, а замены им нет. Молодые люди, уезжая на учебу в города и получив специальность, редко возвращаются в родной сельский район. Отсутствует система целевой подготовки и поддержки молодых специалистов. Тенденция безвозвратного выезда молодого населения для получения высшего образования не только усиливает дефицит квалифицированных кадров, но и снижает качество населения, что наглядно подтверждает статистика. Высшее образование в селе имеют не более 14%, среднее специальное – не более 25% селян.

В отраслевой структуре занятости населения отмечается резкое снижение общей численности работников сельского хозяйства, по причине банкротства ряда крупных сельскохозяйственных предприятий. Неблагополучна ситуация с обеспеченностью кадрами в образовании, здравоохранении, культуре. Укомплектованность врачами составляет менее 60%, средним медицинским персоналом – не более 75%. Острую нехватку специалистов высшего звена фиксируют не только органы статистики; все без исключения эксперты считают это одной из самых насущных проблем сельской местности края. Судя по выявленным тенденциям, если не принимать корректирующих мер, кадровый голод будет нарастать.

Реальная оценка происходящих в ставропольском селе демографических процессов приводит к довольно печальным выводам. Во втором десятилетии нового века, когда Ставрополье все-таки догнал демографический кризис, стало понятно, что вместе с социально-экономическим и политическим хаосом «лихих девяностых» прошло и во многом случайное демографическое благополучие, обусловленное в первую очередь высоким миграционным приростом и высокой рождаемостью отдельных этносов, численность которых увеличивалась также механически.

Негативные последствия сокращения населения вполне предсказуемы. Оно неизбежно приведет к резкому спаду социально-экономической активности и дезадаптации оставшегося населения, значительному сокращению объема социальных услуг и прогрессирующей деградации всей сельской местности.

Справедливости ради следует отметить, что в настоящее время в крае предпринимаются некоторые меры по развитию сельской местности. Разработан пакет документов территориального планирования (от Стратегии развития края до правил землепользования и застройки отдельных сельских поселений), обязательным для всех муниципальных районов является наличие перечня инвестиционных площадок и разработка инвестиционного паспорта. Наметились положительные тенденции в оживлении агропромышленного комплекса – увеличивается производство продукции растениеводства, возрождается животноводство, строятся предприятия пищевой промышленности, нащупываются новые точки роста (например, развитие туризма). Есть подвижки в социальной сфере, например, в крае не осталось «медвежьих углов»: Интернет и сотовая связь доступны на всей территории.

Одним словом, южнороссийское село пока не вымирает, как русская деревня, но этот общий вывод не должен успокаивать тех, кто принимает решения. Депопуляция, поразившая Центральную Россию уже без малого 30 лет назад, не поглотила всю страну во многом потому, что аграрный Юг крепко стоял на ногах. Но ноги могут оказаться глиняными – а это серьезный повод для размышлений касательно выработки более эффективной демографической политики.

N.A. Shchitova, A.N. Panin, V.V. Chichikhin

DEMOGRAPHIC RISKS OF A SOUTH RUSSIAN VILLAGE (CASE STUDY OF STAVROPOL KRAI)

The countryside in Southern Russia is characterized by more prosperous socio-economic situation than in the central, northern and east regions of the country. The reasons are as favorable climatic conditions, relatively well-developed infrastructure, ancient traditions of agriculture and a high proportion of rural residents. But, despite this relative prosperity to the southern Russian village in the near future will treat the problem of sustainable development in rural areas. This conclusion arises after the analysis of the demographic situation in rural areas of Southern Russia, which is far from optimal.

ЭТНИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

М.С. Савоскул

СУДЬБА РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В XX ВЕКЕ: СВЯЗЬ ИСТОРИИ И ГЕОГРАФИИ (ЭТАПЫ МИГРАЦИИ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ)

Российские немцы – социально-этническая общность, формирование которой началось около 250 лет назад, после того как Екатерина II пригласила на заселение и освоение окраинных земель России иностранцев. С тех пор вся история развития российских немцев так или иначе связана с политической волей различных государственных деятелей и политическими событиями, происходящими в Российской империи, а затем в СССР, СНГ и Германии. Миграционный фактор на протяжении всей истории формирования и развития российских немцев играл одну из ведущих ролей в этнических, социальных и расселенческих процессах, происходящих в их среде. Историческая память народа также формировалась под действием значимых для всех принадлежащих к этой группе людей политических событий, которые, к сожалению, часто были связаны с притеснением прав и свобод российских немцев.

В данной статье выделены основные этапы географии расселения российских немцев на территории бывшего СССР, а также прослежена связь между принятием основных политических решений в отношении российских немцев в течение XX в. и трансформацией их расселения в СССР, СНГ и Европе. В территориальном охвате мы не стали ограничиваться Россией, так как считаем, что общая историческая судьба, несмотря на множество различий, сформировала и общие социальные и миграционные установки. И на современном этапе развития российские немцы тесно связаны как с бывшими республиками СССР, так и с Германией. Дать объяснение итогам миграционных процессов у российских немцев РФ возможно только при рассмотрении как внутренней, так и внешней миграционной ситуации.

Основными статистическими данными о расселении российских немцев стали данные переписей населения в Российской империи (1897 г.), СССР (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.), РФ (2002 г.), а также данные переписей населения стран СНГ и данные управлений статистики стран СНГ и ФРГ. Большая часть проанализированных статистических данных взята на сайте электронной версии бюллетеня «Насе-

ление и общество»[1]. Данные об исторических событиях взяты из учебного пособия «История немцев России» (Герман и др., 2005), а также из работ таких исследователей данной тематики, как А.А. Герман (2004), Т.Б. Смирнова (2003), Е.Ф. Тюлюлюкин (2006) и др.

Нами были выделены основные этапы миграции и расселения российских немцев, которые совпадают во многом с историческими этапами, определяемыми авторами учебного пособия по истории немцев России. Но в данной работе акцент сделан на изменении основных регионов расселения российских немцев и изменении количественных соотношений их расселения по макрорегионам СССР.

Анализ данных переписей населения позволяет на уровне макрорегионов увидеть основные временные и пространственные закономерности расселения немцев в России в XX в. В этом веке можно выделить пять основных этапов изменения географии российских немцев, во многом вызванных массовой сменой мест проживания данной этнической группой. Шестой этап начинается уже в XXI в.

Во второй половине XX в. теме истории расселения российских немцев и этнических процессов, происходящих в среде российских немцев, было посвящено относительно немного работ. Изменения произошли в начале 1990-х гг., когда немцы России и других бывших республик СССР стали активно выезжать в Германию на постоянное место жительство. С начала 1990-х гг. в России сформировалось несколько крупных региональных исследовательских центров изучения истории и этнографии российских немцев – в Саратове, в Омске, в Новосибирске, в Барнауле. В это же время вышло значительное количество монографий, посвященных истории российских немцев в различных регионах России[2].

Наиболее полно история расселения российских немцев по территории всей Российской империи до начала XX в. отражена в работе С.О Терехина «Поселения немцев в России. Архитектурный феномен» (1999). Автор рассматривает историю кампаний поселения иностранцев в России в XVIII–XIX вв., выявляет объективные и субъективные мотивы иммиграционной политики России в этот период. По его мнению, к объективным политическим причинам можно отнести следующие: заселение и возможная охрана окраинных территорий; внедрение в отдаленные неоднородные по соци-

[1] Электронная версия бюллетеня «Население и общество». – http://demoscope.ru

[2] Более детально обзор исследований и исследовательских центров немцев России дан в докторской диссертации Т.Б. Смирновой (2009).

альному составу регионы относительно стабильной в социальном плане группы населения; возможность миссионерской деятельности. К практическим мотивам С.О. Терехин относит: земледельческий подъем целинных территорий, создание хозяйственной инфраструктуры, относительную территориальную мобильность переселенцев. Немецкие исследователи среди важных причин эмиграции называют также: политическое давление на население со стороны властей, принудительную военную службу, налоги, малоземелье, голодные годы (в этот период в Европе только закончилась Семилетняя война), реформирование в религиозно-образовательной сфере (Терехин, с. 18).

В итоге заселение Российской империи немецкими переселенцами произошло в два основных этапа. Первый этап – 1764–1773 гг., когда, по данным, приводимым С.О. Терехиным, в Россию перебралось около 30,6 тыс. переселенцев; преимущественными регионами размещения стали Поволжье, Петербургская и Черниговская губернии. Второй этап был более продолжительным – 1789–1824 гг.; в Новороссию вместе с Бессарабией в этот период переселилось около 41,6 тыс. чел. Основными территориями размещения переселенцев стали Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии. Оба этапа характеризовались достаточно компактным расположением поселений (Терехин, с. 25).

В итоге переселения немецких колонистов из Германии, а также в результате их переселений внутри Российской империи к концу XIX в. в стране (без Привислинских и трех Прибалтийских губерний) сложилось несколько крупных ареалов немецких поселений: Поволжье (Саратовская и Самарская губернии), Причерноморье и Приазовье (Екатеринославская, Херсонская, Таврическая губернии), Санкт-Петербургская губерния. В этих регионах проживали более 700 тыс. немцев, что составляло более 55% всех немцев европейской части империи.

По данным, которые приводит С.О. Терехин, и по данным переписи населения 1897 г., которая учитывала жителей по родному языку, в Саратовской и Самарской губерниях численность немцев в период с 1858 по 1897 г. выросла с 210,9 тыс. до 390,8 тыс. чел. В Екатеринославской губернии в 1897 году насчитывалось 80,9 тыс. немцев, в Херсонской, Таврической губерниях проживало 201,7 тыс. немцев.

В Санкт-Петербургской губернии проживало 63,5 тыс. немцев, из них 50,8 тыс. – в Санкт-Петербурге. В то время как в Поволжье,

в Причерноморских и Приазовских губерниях большинство немцев составляли крестьяне – до 84%.

Еще двумя значимыми ареалами расселения немцев к концу XIX в. стали Волынская губерния, в границах которой проживало 171,3 тыс. немцев, и Прибалтика, где насчитывалось 92,7 тыс. немцев. Но большая часть из них не относилась к переселенцам.

Всего в Европейской части Российской империи, включая территории, относящиеся к современной Украине, Белоруссии, Молдавии и Прибалтике, без Привислинских губерний, по данным переписи 1897 г., проживало 1352,5 тыс. немцев, т.е. почти 95% всех немцев Российской империи было в тот момент сосредоточено в ее европейской части (рис. 1).

Численность немцев в колониях увеличивалась быстрыми темпами, вызывая аграрное перенаселение и малоземелье, что и стало одной из основных причин первой волны миграции немецкого населения в начале XX в. Миграции конца XIX – начала XX в. стали началом восточного вектора миграции немцев, который был основным для расселения немцев в СССР.

1-й этап (с 1890-х гг. до 1918 г.)

Этот этап охватывает период с конца XIX в. до 1918 г. Всего, по данным переписи населения 1897 г., в Российской империи, без учета Привислинских губерний, проживало 1383,3 тыс. чел., считавших своим родным языком немецкий (иного способа определить этническую принадлежность не было: перепись не содержала вопроса о национальности). В Привислинских губерниях проживало еще 407,3 тыс. немцев. Распределение немцев по территории России в 1897 г. представлено на рис. 1.

Соотношение численности немцев по макрорегионам России показано в табл. 1.

Этот этап характеризуется тремя основными миграционными волнами, сопоставимыми по масштабу, каждая из них охватывала более 100 тыс. чел. Две миграционные волны были добровольными и характеризовались преимущественно экономическими мотивами, они были направлены в Азиатскую часть России и в страны Северной и Латинской Америки. Третья волна представляла собой насильственную миграцию – депортацию немецкого населения в 1914–1915 гг. во время Первой мировой войны из западных прифронтовых терри-

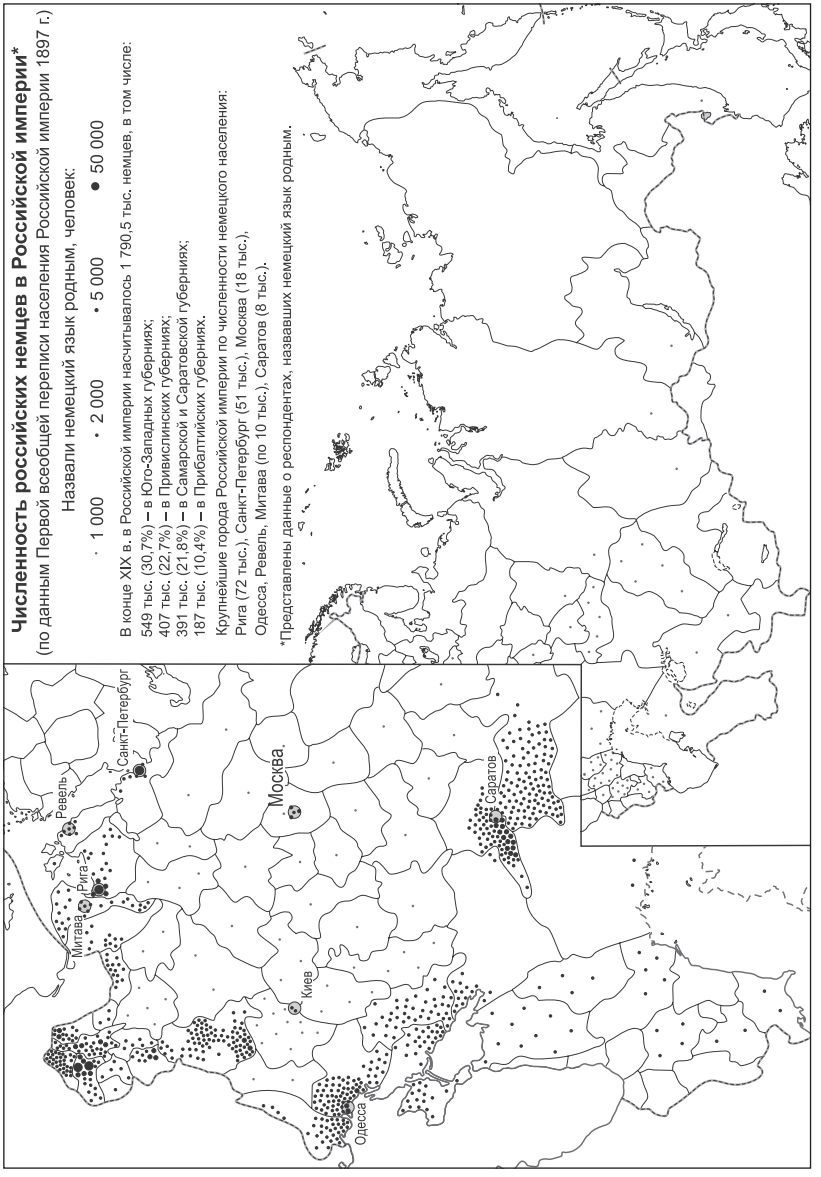


Рис. 1. Российские немцы в Российской империи в 1897 г.

Таблица 1. Численность немцев в макрорегионах и отдельных губерниях России (по данным переписи населения 1897 г.)

Регионы	Тыс. чел.	%
Европейская Россия	1312,2	94,9
в том числе:		
Волынская губерния	171,3	12,4
Екатеринославская	81,0	5,9
Лифляндская	98,6	7,1
Самарская	224,3	16,2
Санкт-Петербургская	63,4	4,6
в т.ч. Санкт-Петербург	50,8	3,7
Саратовская	166,5	12,0
Таврическая	78,3	5,7
Херсонская	123,4	8,9
Кавказ	56,8	4,1
Сибирь	5,4	0,4
Средняя Азия	8,9	0,6
Российская империя	1383,3	100,0
Привислинские губернии	407,3	–

Составлено по данным переписей населения, представленных на сайте www.demoscope.ru

торий в Поволжье и Центральную Россию. Миграции немцев начала XX в. существенным образом поменяли географию их расселения, сложившуюся к концу XIX в.

Внутрироссийские миграции немцев получили начало еще в 1860-х гг., но наиболее масштабный поток российских немцев на Урал и в Сибирь приходится на самый конец XIX и начало XX в. Это миграционное движение имело преимущественно экономический характер и было вызвано рядом объективных причин. Во-первых, были исчерпаны возможности освоения старых ареалов расселения немцев в Европейской части России. В конце XIX в. произошло удорожание удобных земель, были введены административные ограничения на переселение, а в 1871–1874 гг. отменили самоуправление и другие преимущества колонистского статуса поселений немцев (Терехин, 1999, с. 58).

Многие исследователи среди факторов, влиявших в этот период на принятие немцами решения о переезде, называют и антинемецкие настроения. По мнению Е.Ф. Тюлюлюкина, антинемецкие настроения в российском обществе появились задолго до Первой мировой войны.

И их основная причина заключалась в росте немецкого землевладения, что происходило за счет скупки земель разорившихся русских помещиков и крестьян. Антинемецкие настроения транслировались СМИ и усилились после начала Первой мировой войны (Тюлюлюкин, 2006, с. 51). Естественно, что эти настроения наиболее активно проявлялись в местах концентрации немецкого населения, и часто выражались в организационных препятствиях со стороны банков и местных чиновников приобретению земельных участков.

В итоге антинемецкие настроения в российском обществе вылились в «отчуждение» земель у немцев-колонистов и привели к первой депортации немецкого населения из западных прифронтовых территорий. По оценкам специалистов, масштабы депортации оцениваются в сотни тысяч человек, что сопоставимо с масштабами аграрной миграции в Азиатскую часть России и масштабами переселения в страны Северной и Латинской Америки. В 1914 г. были выселены немцы из Лифляндии, Курляндии, Риги, Сувалкской губернии. Также во время депортации 1914 г. из Привислинских губерний было выселено свыше 200 тыс. немцев. В 1915 г. были выселены немцы с территории современной Украины и Белоруссии, расположенной западнее линии Ковель–Ровно–Шепетовка–Староконстантинов–Жмеринка–Могилев-на-Днестре, а потом и западнее территорий по линии Мозырь–Овруч–Житомир–Казатин–Умань. Из Волыни немцев депортировали в Нижегородскую, Ярославскую, Тульскую, Орловскую и Курскую губернии; из Подолии – в Орловскую губернию, из Приднепровья – в Курскую губернию (Герман и др., 2005, с. 229–230).

Миграции немцев на восток империи стали частью мощного крестьянского переселенческого движения по освоению Сибири и Дальнего Востока, которое проводилось в рамках колонизации Азиатской части России и было призвано перераспределить внутри страны людские ресурсы из трудоизбыточных перенаселенных европейских губерний. В это же время, в 1891 г., началось строительство Транссибирской железной дороги, которая также сыграла важную роль в экономическом освоении востока, не говоря уже о ее стратегическом значении.

Активная политика государства в вопросе переселения из европейской части России в восточные земли привела к небывалым масштабам аграрных миграций внутри России в начале XX в. Если в течение 1896–1905 гг. правительственная статистика зафиксировала около 1 млн переселенцев, то в следующее десятилетие, в 1906–1914 гг., было зарегистрировано уже 3 млн крестьян-переселенцев (Терехин, 1999, с. 61).

Таким образом, к началу XX в. к уже упоминавшимся ареалам «материнских» колоний немцев России добавились новые ареалы, освоенные российскими немцами. К этим ареалам относятся: Южный Урал (Оренбургская и Уфимская губернии, район Челябинска); Западная Сибирь и Северный Казахстан (районы Омска, Акмолинска, Караганды, Семипалатинска, Кустаная, Кулундинская степь (на Алтае), а также Средняя Азия.

В «материнских» колониях, как в Поволжье, так и в Причерноморье и Приазовье, в большинстве случаев сохранялся принцип разделения поселений по религиозному принципу, т.е. отдельно существовали поселения меннонитов, отдельно поселения католиков и лютеран. Первый этап переселения на восток стал и началом смешения различных религиозных групп и возникновения сложных по конфессиональному составу и географии выхода ареалов расселения.

Основными регионами выхода немецких мигрантов в Сибири и на Южном Урале были Поволжье и Причерноморские и Приазовские губернии. Значительная часть переселенцев, особенно в Западную Сибирь, прибывала и из Волынской губернии. Т.Б. Смирнова, детально описывающая в своей работе заселение немцами Западной Сибири, указывает, что для этого региона значительную долю немецких переселенцев составили немцы Волыни и южно-российских губерний (Смирнова, 2009, с. 74–75).

Хотя основной этап переселений немцев России в ее Азиатскую часть закончился к 1914 г., т.е. еще в дореволюционный период, итог этих перемещений и изменение соотношения численности немцев России зафиксировала перепись 1926 г. Сравнение данных переписи 1897 и 1926 гг. наглядно показывает изменение ареалов расселения немцев в России.

На Южном Урале (Оренбургская и Уфимская губернии) в 1897 г. проживало не более 2 тыс. немцев, а в 1926 г. в Оренбургской губернии проживает уже 10,6 тыс. немцев, в Башкирии – 6,4 тыс.

В Сибири в 1897 г. проживало 5,4 тыс. немцев, причем 37,5% их сосредоточивалось в городах Сибири, а в 1926 г. немцев в Сибирском крае насчитывается уже 78,8 тыс. человек, подавляющая часть которых (91,3%) проживала в сельской местности. Основными ареалами расселения немцев в Сибири в этот период стали Славгородский округ, расположенный на Алтае, где проживало 31,7 тыс. немцев (40% всех немцев Сибири), а также Омский округ, где насчитывалось 34,6 тыс. немцев (44% всех немцев Сибири).

На территории Средней Азии и Казахстана в 1897 г. проживало 8,9 тыс. немцев, больше половины которых приходилось на Акмолинскую область (4,8 тыс. чел.). Перепись 1926 г. показывает, что в этом макрорегионе проживало в то время уже 55,4 тыс. немецких переселенцев, главным образом в Акмолинской губернии (21,1 тыс. чел.), в Семипалатинской губернии (11,9 тыс.) и Кустанайском округе (10,8 тыс. чел.).

В Европейской части основным ареалом расселения немцев осталось Поволжье, численность населения этого макрорегиона увеличилась в 1926 г. по сравнению с 1897 г. на 42,4 тыс. человек и составила 433,2 тыс. чел. Численность немцев в Причерноморье и Приазовье за счет активной миграции существенным образом сократилась и составила около 40 тыс. чел., тогда как в 1897 г. в этом регионе проживало около 300 тыс. немцев.

К 1926 г. перестала быть крупным ареалом немецкого расселения и Санкт-Петербургская губерния вместе с Петербургом (Ленинградом) – там осталось всего 25,2 тыс. немцев, что более чем в 2 раза меньше, чем в 1897 г.

Таким образом, основными ареалами проживания российских немцев, где их численность превышала 50 тыс. чел., в Европейской части России остались Поволжье, Волынь и Причерноморье, зато в Азиатской части появились новые ареалы – Западно-Сибирский и Северо-Казахстанский. На этом этапе немцы России в подавляющем большинстве проживали в сельской местности, и основным их занятием, как в Европейской части России, так и в Азиатской, было земледелие (с различными промыслами).

Помимо восточного вектора миграции немцев России начало XX в. характеризуется и первым массовым эмиграционным движением немцев Российской империи в страны Северной и Латинской Америки, которое по объемам превосходило объемы внутрироссийских перемещений немцев. С.О. Терехин в этом движении выделяет два миграционных потока; первый был направлен из «материнских» колоний Европейской части России и формировался уже с середины 1870-х гг.; второй, сформировавшийся в 1910-е гг., состоял из мигрантов «дочерних» колоний Азиатской части России.

По мнению ряда исследователей, в Америку российских немцев привлекали те же мотивы, которые в свое время влекли их предков из Германии. После окончания Гражданской войны 1861–1865 гг. в Соединенных Штатах началось экономическое освоение новых территорий. Были приняты законодательные документы, дававшие воз-

можность принявшим гражданство иммигрантам приобретать государственные земли в ряде новых штатов. Кроме того, часть миграций в Канаду и США меннонитов, проживавших в России, была вызвана введением всеобщей воинской повинности, противоречившей их религиозным убеждениям.

Регионами выхода новых мигрантов в США были страны Европы, в том числе – с 1870-х гг. – и Россия. Часть немцев, переселившихся из России, продолжала и на новом месте заниматься земледелием, часть оседала в городах. Пик переселений российских немцев в США пришелся на 1906–1907 гг.; к 1916 г. эта миграция практически прекратилась. В итоге к 1920 г. в США насчитывалось 116,5 тыс. переселенцев, родившихся в России, а вместе со вторым поколением число немецких переселенцев превышало 303 тыс. (Терехин, 1999, с. 67–69).

Другим местом переселения российских немцев в 1890-е и 1900-е гг. стала Канада, куда непосредственно из России переехало 57,3 тыс. немцев, а 23,4 тыс. – «транзитом» из США.

Третьим направлением эмиграции немцев из России в конце XIX и в начале XX в. стали страны Латинской Америки – Бразилия и Аргентина. Туда переселилось несколько десятков тысяч немцев из «материнских» колоний России.

2-й этап (1918–1941 гг.)

Второй этап переселений российских немцев приходится на время существования автономии немцев СССР и достаточно активного проявления автономистского движения немцев в других регионах СССР. В этот период имело место временное «закрепление» ареалов немецкого расселения, сложившихся к 1918 г. и более рельефно проявляющихся при анализе переписей населений 1926 г. и переписи населения 1939 г. Были созданы сначала область, а затем республика немцев Поволжья, а также значительное количество немецких районов и немецких сельсоветов. Массовых добровольных миграций на этом этапе не происходило. Практически все миграции носили вынужденный либо принудительный характер.

Автономия немцев Поволжья была образована 19 октября 1918 г. в результате подписания Председателем Совнаркома РСФСР В. Лениным Декрета о создании Области Немцев Поволжья. Изначально область включала в себя только немецкие села и поэтому ее террито-

рия имела очень сложную конфигурацию, затруднявшую связь между разными частями области. 22 июня 1922 г. был издан декрет ВЦИК РСФСР об изменении границ области за счет присоединения части уездов Саратовской губернии, что позволило «округлить» территорию области. В результате площадь области увеличилась на 39% и составила 25,7 тыс. км^2, а население выросло на 64% и составило 527,8 тыс. чел. (Герман и др., 2005, с. 282).

В конце 1923 г. область немцев Поволжья была преобразована в АССР Немцев Поволжья. 13 декабря 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) постановило «реорганизовать» автономную область немцев Поволжья в Автономную Советскую Социалистическую Республику Немцев Поволжья (Герман и др., 2005, с. 289).

Необходимо отметить, что только в период существования автономной области и автономной республики в СССР существовала административно-территориальная единица первого порядка, где преобладало немецкое население, хотя за этот период доля немцев в населении республики снизилась. Среди других регионов доля немцев не превышала нескольких процентов.

На момент создания АССР Немцев Поволжья в этнической структуре населения республики немцы составляли 67,5%, русские – 21,1, украинцы – 9,7%; по данным переписи населения 1939 г. доля немцев в населении республики сократилась, они составляли 60,5%, русские – 25,7, украинцы – 9,6%. За этот период численность русского населения выросла от 111,4 тыс. до 156 тыс. чел. (на 40%), тогда как численность немцев республики увеличилась от 356,3 тыс. до 366,7 тыс. чел. (на 2,9%), что практически в 5 раз ниже общесоюзных темпов прироста немецкого населения.

Сокращение доли немецкого населения может быть вызвано несколькими причинами: более быстрым естественным приростом русского населения по сравнению с немцами; миграционным оттоком немцев из республики или миграционным притоком русского населения; сменой немцами этнической идентичности.

Помимо АССР Немцев Поволжья практически во всех ареалах компактного проживания немцев в СССР были образованы немецкие национальные районы или немецкие национальные сельсоветы. (табл. 2). В конце 1930-х гг. по всему СССР немецкие национальные районы были ликвидированы (Герман, 2004, с. 391).

Хотя современные исследователи отмечают определенные недостатки релевантности данных переписи населения 1939 г., все же ее

Таблица 2. Создание в 1924–1935 гг. автономий немцев в СССР

Годы создания	Регионы возникновения	Название и статус автономий
1920-е гг.	Ленинградская область	2 немецких сельских совета
1924–1925 гг.	Северный Кавказ: Терский округ, Армавирский округ, Ставропольский округ, Таганрогский округ, Донской округ, Сальский округ, Кабардино-Балкария, Донецкий округ, Черноморский округ	25 немецких сельских советов
1928 г.	Северный Кавказ: Армавирский округ	Ванновский немецкий национальный район (18,5 тыс. чел., немцев – 47,2%)
1924–1925 гг.	Западная Сибирь: Славгородский округ, Омский округ	Немецкие сельские советы, немецко-русские сельские советы (96% – немцы)
1927 г.	Западная Сибирь: Славгородский округ	Немецкий национальный район
1927 г.	Украина	Семь немецких национальных районов и немецкие сельсоветы
1930 г.	Крым	Биюк-Онларский немецкий национальный район (36,7 тыс. чел., немцев – 42%)
1935 г.	Крым, разделение Биюк-Онларского немецкого национального района	Тельмановский немецкий район (28 тыс. чел., немцев – 50%)
1930 г., 1934 г.	Оренбуржье	Кичкасский район (1930–1934 гг.), существовал как подрайон Покровского района, в 1934 г. выделен в отдельный район (5,8 тыс. немцев)
н/д	Киргизия	Немецкие сельские советы. Недолго существовала Ленинская немецкая волость
1927 г.	Казахстан	42 немецких сельских совета
н/д	Грузия	Люксембургский немецкий район
н/д	Азербайджан	Немецкие сельские советы

Составлено по: Герман и др., 2005, с. 293–295.

данные позволяют судить о расселении и основных регионах проживания немцев в СССР накануне Великой Отечественной войны.

Как уже упоминалось выше, в течение этого этапа развития немцев России наиболее значимыми массовыми миграциями этого народа стали принудительные миграции раскулаченных и бегство от голода и коллективизации. Таким образом, немцы России в очередной раз разделили судьбы других народов и социальных групп нашей страны. По приблизительным подсчетам исследователей, в 1920–1922 гг. в области немцев Поволжья от голода погибло более 100 тыс. чел. (Герман и др., 2005, с. 275). К сожалению, пока нет возможности точно оценить количество высланных и раскулаченных немцев по регионам СССР.

По мнению А.А. Германа, коллективизация и процессы раскулачивания в республике немцев Поволжья, где проживали не только немцы, привели к массовому бегству населения в города и на стройки. В массовом количестве это происходило в 1930–1933 гг., что подтверждается данными о миграции, приводимыми исследователем. В 1933 г. из АССР Немцев Поволжья выехало 110,4 тыс. чел., среди которых были не только немцы, но и проживавшие там русские и украинцы. Количество раскулаченных также нельзя точно установить (Герман, 2004, с. 231–232).

Данные переписей населения, представленные в табл. 3, позволяют судить о не очень высоком темпе естественного воспроизводства немецкого населения СССР, что говорит о сложностях пережитых народом в 1920-е и 1930-е гг. Это и военный коммунизм, и голод, и коллективизация, сопровождавшаяся различными репрессиями.

В итоге за этот период (1926–1939 гг.) количество немцев в СССР выросло на 188,5 тыс. чел., или на 15,2% (1,17% ежегодно). К 1939 г. регионами максимальной концентрации немецкого населения в СССР были Поволжье, Приазовье и Причерноморье, Западная Сибирь и Северный Казахстан, а также Урал[3].

В Поволжье, прежде всего в АССР Немцев Поволжья, проживали 366,7 тыс. немцев, в Саратовской области насчитывалось 42,3 тыс. немцев, в Сталинградской и Куйбышевской областях – 23,6 и 11,1 тыс. немцев соответственно, т.е. всего более 400 тыс. чел.

Приазовье и Причерноморье, разделенное на РСФСР и Украинскую ССР, также еще оставалось крупнейшим ареалом расселения немцев. В России это прежде всего Ставропольский край (45,7 тыс. нем-

[3] Наиболее полную информацию о расселении немцев накануне Великой Отечественной войны дает справочник «Немецкие населенные пункты в СССР до 1941 г.: География и население» (2002).

Таблица 3. Динамика численности немцев СССР (по данным переписей населения 1926 г. и 1939 г.)

Макрорегионы	1926		1939	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Европейская Россия	626	50,5	694,2	48,6
Сибирь	81,3	6,6	117	8,2
Украина, Белоруссия, Молдавия, Крым	444,6	35,9	452,2	31,7
Закавказье	25,3	2,0	44,1	3,1
Средняя Азия	10,2	0,8	27,2	1,9
Казахстан	51,1	4,1	92,6	6,5
СССР в границах 1926 г./1939 г.	1238,5	100	1427	100

Составлено по данным переписей населения, представленных на сайте www.demoscope.ru.

цев), Краснодарский край (34,3 тыс.), Ростовская область (33 тыс.), Крым (51,3 тыс. немцев).

На территории Украины этот ареал продолжали Запорожская область (89,4 тыс. немцев), Сталинская (ныне Донецкая) область (47,2 тыс.), Николаевская область (41,7 тыс.), Одесская область (91,5 тыс. немцев). Кроме того, немцы проживали в Ворошиловградской (ныне Луганская), Днепропетровской и Житомирской областях.

В Западной Сибири большая часть немецкого населения в предвоенный период проживала в Омской области (59,8 тыс. немцев), Алтайском крае (33,2 тыс.) и Новосибирской области (8,4 тыс. немцев). В Казахстане основными территориями проживания российских немцев были Северо-Казахстанская область (23 тыс. немцев), Карагандинская область (14,8 тыс.) и Акмолинская область (10,1 тыс. немцев).

На южном Урале сложившийся ареал расселения немцев приходился на Чкаловскую (Оренбургскую) область, где проживало 18,6 тыс. российских немцев, и Челябинскую область, там насчитывалось 6 тыс. российских немцев.

3-й этап (1941–1964 гг.)

Предыдущий этап заканчивается в 1941 г. с началом Великой Отечественной войны. Промежуток с 1941 по 1964 г. охватывает период, во время которого произошли резкие и необратимые сдвиги в географии немцев СССР. Начало Великой Отечественной войны, депортация немцев, ликвидация АССР Немцев Поволжья, а также последовавшие после ВОВ меры государственной политики в отношении немцев кар-

динальным образом изменили географию расселения немцев на территории бывшего СССР.

Российские немцы не единственный народ, который в СССР подвергался депортациям, но немцы СССР оказались одним из немногих народов, которые до депортации имели собственную автономию, но не восстановили ее на прежней территории и в прежнем статусе.

Первым «звонком» стала эвакуация немцев из Крыма в Орджоникидзевский край, куда переселили 50 тыс. немцев. Массовая же депортация немцев началась после принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. Это был первый в СССР Указ о переселении целого народа. После этого в сентябре–октябре 1941 г. были приняты постановления о депортации немцев из остальных регионов Европейской части России. 7 сентября 1941 г. вышел новый Указ, по которому территория республики немцев Поволжья была разделена между Саратовской и Сталинградской (ныне Волгоградской) областями. Таким образом была ликвидирована просуществовавшая 23 года автономия немцев Поволжья[4]. Затем последовали указы о депортации и других народов (Материалы к серии..., 1992, с. 11).

По данным источников о депортации народов СССР, обнародованных в начале 1990-х гг., в 1941–1945 гг. всего было насильственно переселено 949 829 немцев, т.е. практически все немецкое население, проживавшее в Европейской части СССР и оказавшееся в августе 1941 г. не на оккупированных территориях (Материалы к серии..., 1992, с. 109). По другим данным, переселению подлежали 904 255 немцев, учтенных местными органами осенью 1941 г. Фактически к январю 1942 г. были депортированы 856 168 чел. (Герман и др., 2005, с. 437).

Из Поволжья всего было выселено 438,6 тыс. немцев, из АССР Немцев Поволжья – 365,7 тыс., из Саратовской области – 46,7 тыс., из Сталинградской области – 26,2 тыс. немцев (Герман и др., 2005, с. 433). Основными регионами переселения немцев стали Сибирь (Красноярский и Алтайский края, Новосибирская и Омская области), Казахстан и Средняя Азия.

После депортации немцев Поволжья были проведены операции по выселению немцев и из других регионов РФ. Среди этих депортаций первой стала депортация немцев (89 тыс.) и финнов (96 тыс.) из Ленинградской области. Регионы вселения были те же. Затем вышли постановления о переселении немцев из Москвы и Московской области,

[4] В своей монографии П.М. Полян (2001, с. 108) отмечает, что официально АССР Немцев Поволжья упразднена не была.

из Ростовской области, немцев Северного Кавказа и Тульской области, далее были постановления по Запорожской, Сталинской, Ворошиловградской областям. Из этих регионов немцы выселялись в Казахстан.

По следующему постановлению были высланы немцы из Воронежской области и Закавказья в Новосибирскую и Омскую области. Немцы из Дагестана, Чечено-Ингушетии, Калмыкии и Куйбышевской области переселялись в Казахстан.

Помимо выселения немцев из Европейской части СССР, в августе 1941 г. началось создание трудармейских формирований российских немцев, которое впоследствии распространилось и на депортированных немцев. В это время прошел призыв немцев-мужчин в рабочие отряды, которые направлялись на строительство, на лесозаготовки, на шахты и т.д. По данным, которые приводит П.М. Полян (2001, с. 115), к началу 1944 г. в рабочих колоннах НКВД насчитывалось 222 тыс. немцев-трудармейцев. А к моменту ликвидации рабочих колонн в январе 1946 г. в них побывало около 316,6 тыс. российских немцев.

В период ВОВ для переселенных народов, в том числе немцев, постепенно формировался режим спецпоселений, юридически закрепленный в начале 1945 г., когда Советом Народных Комиссаров СССР были приняты два закрытых постановления «Об утверждении положения о спецкомендатурах НКВД» и «О правовом положении спецпоселенцев». Среди прочего, эти постановления «закрепляли» депортированные народы на местах выселения. Запрещалось без разрешения отлучаться за пределы территории, обслуживаемой комендатурой. Режим спецпоселений был отменен только в 1955 г. (Полян, 2001, с. 480, 484–490). По сути, он стал механизмом ограничения территориальной и социальной мобильности российских немцев и повлиял на закрепление ареалов расселения немцев по итогам их насильственного переселения в военные годы.

Иллюстрацией к трансформации довоенной географии расселения немцев служат данные 1949 г. о наличии выселенцев-спецпоселенцев, состоящих на учете спецпоселений. Всего на этот период был учтен 1 035 701 немец-спецпоселенец. Из них 393,5 тыс. приходилось на Казахстан, помимо этого крупные группы немцев-спецпоселенцев находились в Сибири и на Урале: в Алтайском и Красноярском краях (36,7 тыс. и 56,1 тыс. чел.), в Кемеровской (49,4 тыс.), Молотовской (39,9 тыс.), Новосибирской (70,7 тыс.), Омской (38,1 тыс.), Свердловской (45,5 тыс.) и Челябинской (38,4 тыс. чел.) областях. На севере Европейской части Рос-

сии в качестве новых ареалов расселения выделялись Архангельская область (11,3 тыс. немцев-спецпоселенцев) и Вологодская область (9,5 тыс.) (Материалы к серии..., 1992, с. 136–138).

В противоположный по направлению миграционный поток оказались вовлечены немцы, оказавшиеся на территориях, занятых германскими войсками, которых не успели депортировать до осени 1941 г. По подсчетам экспертов, к моменту окончания войны за границами СССР оказались от 300 до 350 тыс. немцев – граждан СССР. После капитуляции фашистской Германии было принято решение о репатриации немцев – граждан СССР. В СССР было возвращено около 200 тыс. немцев-репатриантов, которые расселялись по всей территории Советского Союза, как в РСФСР (70% репатриантов), так и в Казахстане (20% репатриантов).

Таким образом, практически исчез один из основных ареалов проживания российских немцев на Украине и появилось немецкое население в тех регионах СССР, где оно ранее не проживало. По разным оценкам, 100–150 тыс. немцев из СССР остались в Западной Европе (Герман и др., 2005, с. 475–476).

Режим спецпоселений был ликвидирован Указом Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом отношении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». Указ предписывал снятие с учета спецпоселения и освобождение из-под административного надзора органов МВД депортированных и репатриированных. В Указе отдельным пунктом было прописано, что немцы и члены их семей не имеют права возвращаться на места, откуда они были выселены (Материалы к серии..., 1992, с. 14, 85).

Многие связывают ликвидацию спецпоселений с началом установления дипломатических отношений между СССР и Германий. В сентябре 1955 г. в Москве проходили переговоры канцлера Германии К. Аденауэра и Н. Булганина. Во время этих переговоров возникал вопрос и о желании вернуться в Германию тех российских немцев, которые в годы ВОВ получили немецкое гражданство. Канцлером Германии была озвучена цифра в 130 тыс. немцев (Герман и др., 2005, с. 491–492).

Перепись населения 1959 г. зафиксировала новую картину расселения российских немцев, практически противоположную предвоенной. В местах ранее массового расселения немцев на Украине осталось менее 2% всех немцев СССР, в Европейской части РФ проживало 18%, а основной новой территорией проживания немцев России оказались Казахстан (40,7% всех немцев СССР) и Сибирь (32,6%) (табл. 4).

В Европейской России основным ареалом расселения немцев стал Урал, где в 1959 г. проживало 71,9% (210 тыс.) немцев Европейской части РФ, а в традиционном для немцев регионе, в Поволжье, всего 5,8% (17 тыс.). В Сибири 90% немцев оказались в шести регионах: 27% (143 тыс.) – в Алтайском крае, 20% (105,7 тыс.) – в Омской области, 14,9% (78,8 тыс.) – в Новосибирской области, 12,6% (66,7 тыс.) – в Красноярском крае, 12,3% (65 тыс.) – в Кемеровской области и 4,6% (24,2 тыс.) – в Тюменской области.

Завершением данного этапа в истории и расселении немцев СССР можно считать 29 августа 1964 г. В этот день вышел Указ «О внесе-

Таблица 4. Распределение немцев по макрорегионам СССР, (по данным переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг.)

Регионы	1959		1970		1979		1989	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Европейская Россия	292,1	18,0	290,1	15,7	315,2	16,3	340	16,7
Сибирь и Дальний Восток	527,9	32,6	471,8	25,6	475,6	24,5	502,3	24,6
Украина, Белоруссия, Молдавия	28,3	1,8	41,2	2,2	48,0	2,5	48,7	2,4
Закавказье	4,1	0,3	4,1	0,2	3,4	0,2	2,6	0,1
Средняя Азия	94,1	5,8	184,3	10,0	184,0	9,5	178,2	8,7
Казахстан	659,8	40,7	839,6	45,5	900,2	46,5	957,5	47,0
Прибалтика	13,4	0,8	15,2	0,8	9,8	0,5	9,3	0,5
СССР	1619,7	100	1846,3	100	1936,2	100	2038,6	100

Составлено по данным переписей населения, представленных на сайте www.demoscope.ru.

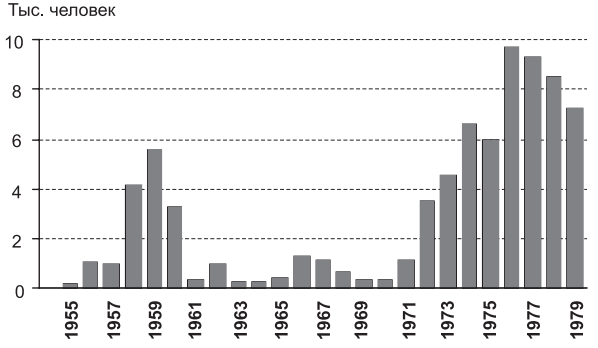


Рис. 2. Выезд российских немцев в ФРГ из СССР в 1954–1979 гг.
Составлено по: Dietz, Hilkes, 1992, s. 112; Heimat und Diaspora, 2000. s. 14.

нии изменений в Указ Президиума Верховного Совета от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Этим указом отменялся Указ 1941 г. Но при этом в новом Указе говорилось о «нецелесообразности» возвращения немцев в регионы прежнего проживания и ничего не говорилось о восстановлении автономии немцев Поволжья (Герман и др., 2005, с. 101). Таким образом, произошло закрепление немцев СССР на новых территориях их расселения и начался новый этап в истории и географии немцев СССР.

4-й этап (1964–1989 гг.)

Этот период, наверное, – самый спокойный для российских немцев за весь XX в. В это время не происходило насильственных миграций немецкого населения СССР. До начала массового выезда немцев из СССР, а затем из стран СНГ в географии расселения немцев продолжались тенденции, заложенные в итоге драматических событий 1940-х гг.

В период с 1959 по 1979 г. и далее до 1989 г. в целом продолжала расти доля Казахстана, Средней Азии и восточных регионов России в расселении немцев СССР. Перепись населения 1970 г. показывает снижение численности немцев в РСФСР по сравнению с 1959 г. В этот период численность немцев России снизилась на 58,1 тыс. человек, или на 7,1%. Вероятнее всего, это связано с миграцией немецкого населения на Украину, а также в республики Средней Азии и Казахстан, где численность немцев за этот же период увеличилась. Возможно, новым мотивом для массового переселения немцев внутри СССР стало бы создание планировавшейся автономии немцев в Казахстане, которая так и не была реализована (табл. 4).

Внутри России в период с 1959 по 1979 г. ареалы массового проживания немцев также существенным образом не изменились. По-прежнему таковыми оставались районы Западной Сибири и Урала.

Несколько увеличилась численность немцев, проживавших в Поволжье. Если в 1959 г. в Куйбышевской, Саратовской и Сталинградской областях проживало около 17 тыс. немцев и их доля среди немцев России не превышала 5,8%, то в 1979 г. на этих территориях проживало 33 тыс. немцев. Но массового возвращения немцев в места выселения не произошло.

Не стало существенным и увеличение численности немцев в областях и краях Северного Кавказа. Так, если в 1959 г. в Краснодарском и Ставропольском краях, а также в Ростовской области прожи-

вало 8,8 тыс. немцев, то в 1979 г. в этих регионах их численность достигла 28,3 тыс.

Уже с середины 1950-х гг., после визита в Москву канцлера ФРГ Аденауэра, среди немецкого населения Советского Союза все сильнее и сильнее стали проявляться эмиграционные настроения.

Из рисунка 2 видно, что в 1950-е гг. наблюдалась волна активного выезда немцев в ФРГ. Эмиграция немцев возобновилась после 1972 г., когда окончательно были сняты ограничения, наложенные на немецкое население в СССР. В 1972 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан» (Герман и др., 2005, с. 508). За 1955–1979 гг. из СССР в ФРГ выехало 77 тыс. немцев.

Именно с эмиграционными настроениями историки связывают идею создания немецкой автономной области в Казахстане. Область предполагали создать в 1979 г. на базе пяти районов Карагандинской, Кокчетавской, Павлодарской и Целиноградской областей с центром в г. Ерментау. Но эта идея была встречена митингами протеста жителей этих областей из других этнических групп, и новой автономии не суждено было появиться. После этого до конца 1980-х гг. эмиграция немцев из СССР снизилась до минимального уровня. В период 1980–1986 гг. только 16,4 тыс. немцев выехало из СССР в Германию (Dietz, Hilkes, 1992, s. 112).

В 1989 г. в Казахстане проживало 957,5 тыс. немцев, в России – 842,3 тыс., в Киргизии – 101,3 тыс. немцев. Всего же на территории СССР насчитывалось 2038,6 тыс. немцев, это был пик численности немцев СССР (рис. 3).

В Казахстане основными регионами расселения немцев оставались северные и восточные области республики.

В России в 1989 г. также сохранились те же, что и раньше, ареалы расселения немцев: Поволжье (55 тыс. немцев в трех областях – Волгоградской, Саратовской и Куйбышевской), Урал (136,1 тыс. немцев в пяти областях – Курганской, Оренбургской, Пермской, Свердловской и Челябинской) и Сибирь – Алтайский край (127,7 тыс.), Омская область (134,2 тыс.), Новосибирская область (61,5 тыс.), Кемеровская область (48 тыс.) и Красноярский край (54,3 тыс.).

В 1989 г. почти половина немцев России (47%) являлись жителями сельской местности, тогда как средний по РФ показатель составлял (27% селян). В Казахстане 51% немцев проживал в сельской

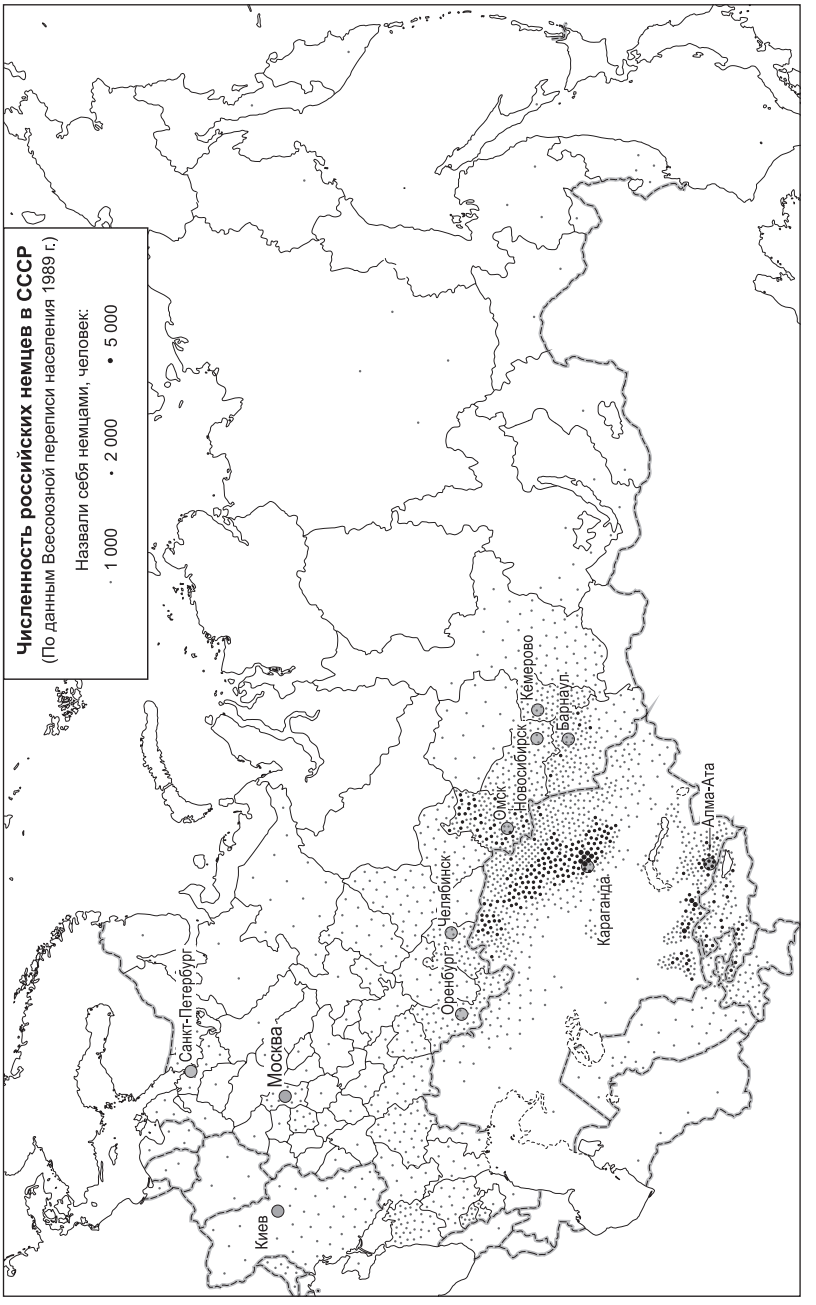


Рис. 3. Российские немцы в СССР в 1989 г.

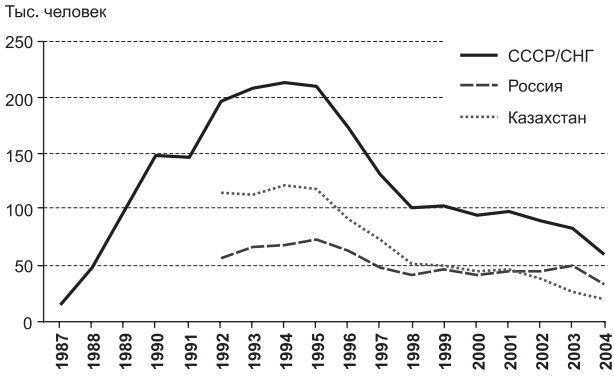


Рис. 4. Выезд немцев из СССР/СНГ в 1989–2004 гг.
Составлено по данным сайта www.bmi.bund.de.

местности, в Киргизии – 58%. Преимущественно горожанами были только немцы Таджикистана – 93% из них в 1989 г. проживало в городах (Некоторые социально-демографические..., 1992, с. 17–24).

5-й этап (1989–2004 гг.)

Этот этап характеризуется небывалой по масштабам добровольной эмиграцией российских немцев в Германию, которая в начале 1990-х гг. заявила о готовности принимать новых граждан. Эмиграция началась еще до распада СССР в 1991 г. и затем усиливалась параллельно с осложнением политической и экономической ситуации в странах СНГ, достигнув пика в 1994 г., когда из бывших республик СССР выехало в Германию 213,2 тыс. этнических немцев и членов их семей. Всего за 15 лет – с 1989 по 2004 г. – в Германию из бывшего СССР выехало 2152 тыс. этнических немцев и членов их семей.

Из рисунка 4 видно, что максимальное количество выехавших пришлось на Казахстан, причем миграционные потоки немцев из Казахстана были направлены помимо Германии в Россию. Всего за этот период из Казахстана в Германию выехало более 900 тыс. немцев и членов их семей, из России – более 700 тыс. немцев и членов их семей.

Данные социологических исследований, проведенных автором, как в Германии, так и в России, говорят, что для большинства немецких мигрантов этого этапа основной мотивацией для переезда в Германию были экономические причины и желание стабильной жизни. Кроме того, особенностью немецкого населения СССР были тесные

родственные и дружеские связи внутри их этнической группы, которые также оказывали существенное влияние на принятие решения об эмиграции в Германию.

В 2005 г. завершился период массового выезда немцев в Германию, это связано как с исчерпанием миграционного потенциала самих немцев, так и с ужесточением миграционной политики Германии в отношении российских немцев. По данным немецкой статистики, в 2005 г. из России в Германию выехало 20,6 тыс. немцев и членов из семей, в 2006 г. – 6,8 тыс., в 2007 г. – 5,5 тыс. Из Казахстана в 2005 г. выехало 10,5 тыс. немцев и членов их семей, в 2006 г. – 2,1 тыс., в 2007 г. – 1,9 тыс.

Выезд из России немцев не смогло остановить восстановление в начале 1990-х гг. двух немецких национальных районов – в Алтайском крае и в Омской области. Хотя в эти районы переселилось некоторое число немцев из Казахстана.

Эмиграция немцев из СССР/СНГ очередной раз за последние 100 лет кардинальным образом изменила географию расселения российских немцев на постсоветском пространстве. Резко сократились доля и абсолютные показатели численности немецкого населения в Средней Азии и Казахстане.

О численности немцев на постсоветском пространстве можно судить по данным переписей населения в странах СНГ. Сложность, возникающая при страновом сопоставлении данных, связана с тем, что после распада СССР переписи населения в странах СНГ и Прибалтики проводятся в разные годы. Но общее представление о соотношении ареалов расселения немцев на новом этапе их истории на постсоветском пространстве из этого анализа мы можем получить. По нашим подсчетам, общая численность немцев на постсоветском пространстве может составлять от 750 до 800 тыс. чел.

Так, по данным переписи населения, проведенной в России в 2002 г., проживало 597,2 тыс. немцев, РФ стала страной преимущественного проживания немцев на постсоветском пространстве. Внутрироссийская география расселения немцев сохранила свои основные ареалы, но абсолютная численность немцев снизилась. В Омской области их численность в 2002 г. составила 76,3 тыс. чел., в Новосибирской – 47,3 тыс., в Алтайском крае – 79,5 тыс. чел. Уменьшилось число немцев и на Урале: в Оренбургской области – до 18 тыс., в Пермской – до 10 тыс., в Свердловской – до 22,5 тыс. чел. В Саратовской области проживает 12 тыс. немцев, в Самарской – 9,6 тыс.

Перепись населения России 2010 г. зафиксировала продолжение предыдущих тенденций – существенное сокращение численности российских немцев в регионах их массового проживания, происходит «размывание» основной территории проживания российских немцев в России. За восемь лет, по данным переписей населения, численность немцев в России сократилась на 203,1 тыс. и составила в 2010 г. 394,1 тыс. чел.

Резкое снижение численности немцев в РФ, при несущественном миграционном оттоке, может быть связано с изменением этнической идентичности немцев в смешанных семьях, в том числе в семьях мигрантов из Казахстана.

Немецкое население Казахстана за счет миграции в Германию и Россию сократилось практически в 5 раз, и доля Казахстана в общей численности немцев на постсоветском пространстве снизилась примерно до $^1/_5$. На 1 января 2009 г., по данным статистики Казахстана, в этой стране проживало 221 тыс. немцев, из них основными регионами расселения стали Акмолинская область (30,2 тыс. чел.), Карагандинская (39,5 тыс.), Кустанайская (33,4 тыс.), Павлодарская (24 тыс.), Северо-Казахстанская (24 тыс.) и Восточно-Казахстанская (20 тыс. чел.) (Регионы Казахстана..., 2009, с. 81). Массовый выезд немцев из Средней Азии снизил численность немцев в этом макрорегионе до 19 тыс.

В заключение хотелось бы подвести некоторые итоги нашего обзора. Почти за 100 лет, с 1897 по 1989 г., численность немецкого населения, проживавшего в Российской империи и СССР, увеличилась практически на 700 тыс. чел. Но география расселения немцев резко поменялась – сначала вследствие экономических причин, затем по политическим мотивам. В начале XX в. значительная часть немцев проживала на территории современной Украины, в Поволжье, в Приазовье и Причерноморье. К 1989 г. эти ареалы потеряли свое значение, а появились новые, прежде всего это юг Сибири, северные и восточные регионы Казахстана и Урал.

Немцы России за 100 лет из-за государственной политики СССР не прошли полностью путь урбанизации и остались на 50% сельскими жителями, проживающими достаточно компактно. Этот факт сыграл решающую роль в сохранении их языка, культуры и этнической идентичности.

Последним этапом расселения немцев в XX в. стала массовая эмиграция в Германию, в результате чего их численность на постсоветском пространстве сократилась более чем в 2 раза. Помимо гер-

манского вектора для немцев из Казахстана и Средней Азии после распада СССР привлекательной страной стала Россия, которая на настоящий момент является на постсоветском пространстве страной преимущественного проживания потомков российских немцев.

Сейчас в Германии проживает более 2 млн выехавших из СССР и СНГ этнических немцев и членов их семей. По-видимому, на данный момент миграционный потенциал немцев из бывшего СССР в Германию исчерпан.

Литература

Герман А.А. Большевистская власть и немецкая автономия на Волге (1918–1941). – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004.

Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р. История немцев России: учебное пособие. – М.: МСНК-пресс, 2005.

Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XII. Депортации Народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Ч. 1 / Ин-т этнологии и антропологии РАН. – М., 1992.

Некоторые социально-демографические характеристики национальностей Российской Федерации (информационно-демографические обзоры). – М.: Гос. комитет РФ по статистике, 1992.

Немецкие населенные пункты в СССР до 1941 г.: География и население. Справочник / сост. В.Ф. Дизендорф. – М.: Обществ. Акад. наук росс. немцев, 2002.

Полян П.М. Не по своей воле… История и география принудительных миграций в СССР. – М.: ОГИ–Мемориал, 2001.

Регионы Казахстана в 2008 г. Статистический сборник / под ред. А.А. Смаилова. – Астана, 2009.

Смирнова Т.Б. Немецкое население Западной Сибири в конце XIX – начале XXI века: формирование и развитие диаспоральной группы: дис. … докт. ист. наук. – Омск, 2009.

Смирнова Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы и этнокультурное взаимодействие. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003.

Терехин С.О. Поселения немцев в России. Архитектурный феномен. – Саратов: Кадр, 1999.

Тюлюлюкин Е.Ф. Российские немцы в истории Оренбуржья (конец XIX – XX вв.). – Оренбург, 2006.

Dietz B., Hilkes P. Russlanddeutsche: Unbekannte im Osten. – München, 1992.

Heimat und Diaspora. Russladdeutsche in der Bundesrepublik Deutschland 1950–2000. Chronik 50 jahre Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. 2000.

demoscope.ru – электронная версия бюллетеня «Население и общество».

www.bmi.bund.de – официальный сайт Министерства внутренних дел Германии (Bundesministerium des Innern).

www.gks.ru – официальный сайт Федеральной службы государственной статистики.

M.S. Savoskul

RUSSIAN GERMANS IN THE 20 CENTURY: LINKS BETWEEN HISTORY AND GEOGRAPHY (STAGES OF MIGRATION ACCORDING TO POPULATION CENSUSES)

The article describes the geography of the Russian Germans within the former Russian Empire and the USSR, and also the CIS countries since 1897 till 2010. The role of migration and political factors in the transformation of geography of the Russian Germans at different historical stages is shown. A number of legislative acts dealing with the history of deportation of Germans in the USSR are discussed, as well as those related to their rehabilitation and the first stages of departure of the Russian Germans to their historical homeland. Particular attention is given to departure of the Russian Germans from the CIS countries to Germany after 1991, and to their migratory potential. The present-day distribution of the Russian Germans according to the last-decade population censuses of the CIS countries is described.

Ю.Ф. Флоринская

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ – ВЫХОДЦЫ С ПАМИРА: РАБОТА И ЖИЗНЬ В РОССИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ В МОСКОВСКОМ РЕГИОНЕ)[1]

Трудовая миграция из Таджикистана в Россию

Миграционные потоки из Таджикистана в Россию за последние годы, особенно после введения нового миграционного законодательства в 2007 г., значительно выросли. Если в середине 2000-х гг. совокупная доля трех государств Центральной Азии (Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана) составляла 16,8% общего официально учитываемого потока трудовой миграции в Россию (или более 34,3% потока из стран СНГ), то к 2010 г. она уже превысила его половину (или около 72% потока из стран СНГ). На долю Таджикистана в 2010 г. приходилось более 16% всего учитываемого легального трудового потока[2]. Таким образом, по доле легальных работников в России Таджикистан вышел на второе место после Узбекистана.

В абсолютном выражении численность легальных работников из Таджикистана с 2005 по 2008 г. выросла в 7,4 раза (с 52,6 тыс. чел. до 391,4 тыс.), а к 2010 г. снизилась до 268,6 тыс.

Естественно, численность трудовых мигрантов из Таджикистана в России не исчерпывается данными о числе легальных работников (официально получивших разрешение на работу). Так, согласно обследованию домохозяйств, проведенному Азиатским банком развития (АБР) в 2007 г.[3], объем трудовой эмиграции из Таджикистана составлял 700 тыс. чел. По сообщению директора ФМС России Константина Ромодановского, в 2008 г. в России находился 1 млн граждан Таджикистана[4]. Сотрудник Государственного комитета статистики Таджики-

[1] Исследования проводились по заказу Фонда Ага-Хана в России в 2009 и 2011 гг. Включали в себя проведение двух фокус-групп с памирскими трудовыми мигрантами в Московском регионе и двух социологических опросов – 500 респондентов (2009 г.) и 300 респондентов (2011 г.); респонденты выбирались методом «снежного кома».

[2] Анализ тенденций привлечения и использования иностранной рабочей силы в России за 2005–2010 гг. Аналитический материал на базе официальной статистической отчетности ФМС России и Росстата / Фонд «Миграция XXI век». – М., 2011.

[3] *Олимова С.* Таджикистан: от вынужденной к трудовой миграции // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской / ЦМИ, ИНП РАН. – М.: ИТ «АдамантЪ», 2009. С. 374.

[4] «УРА-Информ», 8 апреля 2009 г.

стана Хайридин Сафаров оценил трудовую миграцию из Таджикистана в 2010 г. в пределах «от пятисот тысяч до миллиона человек»[5]. По совокупной оценке российских экспертов в области миграции, в 2008 г. в России работали около 740 тыс. мигрантов из Таджикистана[6].

Доступная статистика трудовой миграции по Москве (региону, в котором проводились исследования) еще более приблизительна. Так, по данным УФМС России по г. Москве, в 2010 г. было выдано 258 453 разрешения на работу и 19 185 патентов[7]. С учетом ранее выданных разрешений в Москве в 2010 г. официально работали примерно 400 тыс. иностранцев (по статистике ФМС за прошлые годы, доля официально работающих в Москве – около четверти от всех легально работающих в России[8]). В то же время на миграционный учет за год были поставлены 1 840 446 иностранных граждан (естественно, эта цифра включает и всех туристов, и приехавших в гости, в командировку, на лечение и т.д.). Таким образом, общее число иностранных граждан, легально и нелегально работавших в Москве в 2010 г., находилось в пределах от 400 до 1800 тыс., составляя, по оценкам экспертов, около 800–1000 тыс. чел. При этом квота на привлечение иностранных работников никак не коррелирует с этой цифрой и продолжает ежегодно снижаться: так, в 2008 г. она в Москве равнялась 535,8 тыс. чел., в 2009 г. – 392,2 тыс., а в 2011 г. – всего 200 тыс. чел.[9].

Еще труднее определить реальное число работающих в Москве мигрантов из Таджикистана. В 2008 г. официально их было 81,5 тыс. чел., в 2010 г. – около 65–70 тыс. С учетом же нелегально работающих этот показатель по Москве колеблется в пределах 120–160 тыс. (оценка экспертов).

Тяжелая экономическая ситуация на родине из года в год заставляет граждан Таджикистана оставлять свои дома и семьи и выезжать на заработки в Россию. По оценкам, доля мигрантских домохозяйств в Таджикистане составляет 36,8%. При этом сельские домохозяйства

[5] http://tajmigrant.com/dlya-pravitelstva-tadzhikistana-demograficheskie-voprosy-stanovyatsya-ne-reshaemoj-problemoj.html, 22.04.2010.

[6] Итоги экспертного совещания: «Консенсус-оценка численности трудовых мигрантов в России», 9 апреля 2010 г. http://www.baromig.ru/arrangements/proshedshie/itogi-ekspertnogo-soveshchaniya-9-aprelya-2010-g.php

[7] http://www.fmsmoscow.ru/stat.php

[8] В 2010 г. в России официально работали 1640,8 тыс. иностранных граждан (по данным ФМС России).

[9] http://www.vacansia.ru/info/andrej_kubyshkin_granicy_rossii_dlja_trudovyh_migrantov_otkryty_i_ih_chislennost_v_moskve_stabilno_vysokaja.html, 14.04.2011.

более активно участвуют в трудовой миграции (42,3%), чем городские (17%, Душанбе). В сельских районах значительно выше демографическое давление на рынки труда, чем в городах, и заработная плата в сельском хозяйстве очень низка[10].

В Таджикистане сохраняется самая низкая средняя зарплата по сравнению с другими странами СНГ – около 107 долл. в месяц против 920 долл. в РФ (данные за декабрь 2010 г.)[11]. ВВП республики почти наполовину формируется за счет вклада трудовых мигрантов, работающих за ее пределами: по оценкам Всемирного банка, доля денежных переводов мигрантов в ВВП Таджикистана составляет около 45%.

Особенно трудно живется жителям изолированных высокогорных зон, каковой является территория Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО)[12].

В 1999 г. 54% детей в ГБАО хронически недоедали; в 2005 г. число таких детей снизилось до 32%[13]. Такое улучшение связано не только с огромной помощью, оказанной этому региону Фондом Ага-Хана, но и с активным развитием трудовой миграции жителей ГБАО. Почти каждое домохозяйство в этом регионе имеет на заработках одного или несколько своих членов.

---

[10] *Олимова С.* Таджикистан: от вынужденной к трудовой миграции // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской / ЦМИ, ИНП РАН. – М.: ИТ «АдамантЪ», 2009. С. 374.

[11] Рассчитано по данным Статкомитета СНГ: http://www.cisstat.com/

[12] ГБАО образована 2 января 1925 г. в составе Таджикской ССР. Расположена на территории Памира, самого высокогорного района Таджикистана и СНГ. Население ГБАО, по данным на 1 января 2006 г., – 218 тыс. чел. (Таджикистан: 15 лет государственной независимости, статистический сборник / Государственный комитет статистики Республики Таджикистан. – Душанбе, 2006). Это около 3% численности населения всего Таджикистана, при этом площадь занимаемой территории – 63,7 тыс. км^2 – около 45% территории Таджикистана, но только 3% из них (в основном долины рек) пригодны для проживания людей. В ГБАО проживают бадахшанцы (ягнобцы, язгулемцы, дарвазцы, ваханцы, шугнанцы, рушанцы и др.), киргизы и русские. Область включает 6 районов: Ванчский, Дарвазский, Ишкашимский, Мургабский, Рушанский и Рошткалинский. Имеет 1 город и 6 районных центров. Административный центр области – город Хорог (ок. 28 тыс. жит.).

Население говорит на памирских языках. Языками общения между представителями разных припамирских народностей служат таджикский и самый распространенный из памирских языков – шугнанский язык. По вероисповеданию памирцы – мусульмане-исмаилиты.

[13] David Nygaard, Davlatyor Jumakhonov, Kris Hendrickx. Trends Food Security and Livelihoods // Strategies for Development and Food Security in Mountainous Areas of Central Asia, 2005.

По данным областного управления Агентства соцзащиты, занятости населения и миграции, почти 24 тыс. жителей ГБАО, или около 12% населения области, работают за пределами Таджикистана, из них 23 тыс. находятся на заработках в России. Это данные местных властей, которые были получены путем подворного опроса домохозяйств[14]. В 2008 г. мигранты отправили в Горный Бадахшан свыше 36 млн долл.[15]

Экономический кризис не мог не затронуть миграционные потоки из ГБАО и объем денежных переводов мигрантов на родину. По данным руководства ГБАО, за первый квартал 2009 г. в область вернулись более 1530 трудовых мигрантов, а выехали в Россию – свыше 1000. За это же время объем денежных переводов физических лиц из-за рубежа в ГБАО, осуществленных через банки, уменьшился почти на 1,7 млн долл. За три месяца 2009 г. в ГБАО поступило более 4,8 млн долл., в то время как за аналогичный период прошлого года – 6,5 млн долл.[16]

Портрет трудового мигранта из ГБАО

Средний возраст мигрантов, опрошенных как в 2009, так и в 2011 г. – 30 лет, при этом больше половины приходится на самую младшую возрастную группу – до 30 лет[17].

Только пятая часть опрошенных имела до приезда в Россию опыт городской жизни, а 80% были в прошлом жителями кишлаков.

Несмотря на преобладание молодежи среди респондентов, больше половины опрошенных уже имеют свою семью – 53–57%[18] (в том числе образованную в гражданском браке); у 40–50% есть несовершеннолетние дети. Естественно, далеко не все семейные находятся в России с семьей – примерно четверть всех мигрантов живет в России с женой/мужем (т.е. почти половина из всех, состоящих в браке; доля женщин, приезжающих вслед за мужем, заметно выше – до 70% от всех замуж-

[14] Азия-Плюс, 4 апреля 2009 г.

[15] В целом в Таджикистане отмечается самая высокая в мире доля денежных переводов мигрантов в ВВП, оцениваемая в настоящее время примерно в 46%. Об этом говорится в новом докладе Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO) «Положение дел в связи с отсутствием продовольственной безопасности в мире, 2009 год». (Азия-Плюс, 19 октября 2009).

[16] Азия-Плюс, 4 апреля 2009 г.

[17] По официальной статистике ФМС, доля этой возрастной группы в среднем среди всех иностранных работников составила в 2008 г. 37%.

[18] Здесь и далее двойные цифры демонстрируют результаты двух опросов – 2009 и 2011 гг. соответственно.

них) и 15% – с детьми. Кроме супругов и детей, довольно часто с мигрантом в России находятся его братья, сестры, родители. Только один из десяти не имеет близких родственников в России.

Трудовые мигранты из ГБАО – в большинстве своем далеко не богатые люди, хотя и не находящиеся в состоянии крайней степени бедности (табл. 1).

Таблица 1. Каково материальное положение Вашей семьи в настоящее время? (%)*

Можем покупать все необходимое и делать сбережения	16
Можем покупать все необходимое, но делать сбережения не удается	34
Денег хватает только на самое необходимое (еду, одежду и т.п.)	40
Денег не хватает даже на самое необходимое (еду, одежду и т.п.)	9
Нет ответа	1

** Опрос 2011 г.; N=300.*

Каждый десятый респондент заявил о том, что зарабатываемых денег его семье не хватает даже на то, чтобы покупать самое необходимое. Еще 40% зарабатывают достаточно, чтобы одеть, обуть и накормить свои семьи, но не более того. Около половины мигрантов могут позволить своей семье удовлетворить все необходимые материальные потребности, но сбережения при этом могут делать только 16%.

Памирцы, работающие в России, как правило, содержат не только себя и свою семью здесь, но и родственников на родине. Доля тех, кто тратит свой заработок исключительно на себя, крайне невелика – 8%. В целом опросы еще раз подтвердили уже известный факт: именно благодаря переводам мигрантов удается поддерживать хоть сколько-нибудь приемлемый уровень жизни оставшихся на родине членов их семей. 94% мигрантов из ГБАО регулярно (59%) или иногда (35%) пересылают деньги на содержание родственников на родину (данные 2009 г.). Причем среди мигрантов из ГБАО эта поддержка оказалась распространена даже больше, чем в среднем среди мигрантов из Таджикистана: по данным опроса ЦМИ (2008–2009 гг.), 77% мигрантов из Таджикистана регулярно или иногда посылают деньги на родину.

Мигранты – выходцы с Памира – контингент довольно образованный: среди них имеют высшее и незаконченное высшее образование от трети (опрос 2009 г.) до 40% в 2011 г. (при том, что в российском населении трудоспособного возраста только 21% имеет аналогичный уровень образования[19]). Если же сравнивать с мигрантами из Таджикиста-

[19] Данные переписи населения России 2002 г.

на в целом, то, по данным опроса Центра миграционных исследований (ЦМИ), проведенного в 2008–2009 гг., уровень образования у них значительно ниже – только 15% имеют высшее и незаконченное высшее образование. Средним специальным образованием обладают около четверти опрошенных (в среднем по двум опросам). Лишь чуть более трети имеют за плечами только среднюю школу.

Высокий уровень образования мигрантов из ГБАО влияет, вероятно, и на степень владения ими русским языком: пятая часть знает его свободно и еще 62% – хорошо; только 14% честно ответили, что знаний русского языка у них недостаточно (данные 2011 г.).

Если сравнить с данными опроса ЦМИ, то видно, насколько меньше потенциальных проблем у мигрантов из ГБАО, связанных со знанием языка, чем в целом у мигрантов из Таджикистана (табл. 2).

Таблица 2. Хватает ли Вам знания русского языка? (%)

Мигранты по месту выбытия	Вполне хватает	Не очень хватает	Совсем не хватает
Для общения на работе			
Мигранты из Таджикистана*	66	23	11
Мигранты из ГБАО**	88	12	-
Для заполнения документов			
Мигранты из Таджикистана*	27	42	30
Мигранты из ГБАО **	62	33	5
Для общения в магазине, аптеке, на почте			
Мигранты из Таджикистана*	48	36	15
Мигранты из ГБАО **	87	12	1

** По данным опроса ЦМИ 2008–2009 гг.; N=338.*
*** Опрос 2009 г.; N=500.*

И все же, как видно из табл. 2, даже тот относительно высокий уровень владения русским языком, который демонстрируют жители ГБАО, не избавляет их полностью от проблем в этой сфере. Главное, в чем испытывают трудности почти 40% из них – это **использование русского языка при заполнении документов**. А следствием этих трудностей могут быть неправильно заполненные миграционные документы, не до конца понятые тексты договоров с работодателем и т.д.

Из высказываний на фокус-группе:

– Да, есть (проблемы с русским языком. *– Ю.Ф.*). *И у мужчин, и у женщин. Поехали сюда более молодые, менее образованные. Они*

многие боятся обратиться, боятся услышать грубость в ответ. Никто не ходит учиться русскому, они не потянут, потому что и так переутомление на работе. И потом, иногда на стройках этого уровня достаточно.

Женщины – мигранты из ГБАО – более образованны и лучше знают русский язык, чем мужчины (хотя разница в показателях и не очень большая), а также лучше, чем женщины – трудовые мигранты в целом из Таджикистана. Среди опрошенных в 2011 г. женщин из ГБАО только 12% заявили о недостаточном знании русского языка, тогда как в опросе Центра миграционных исследований (ЦМИ), проведенном среди женщин-мигрантов из Таджикистана в 2010 г., более 30% мигранток говорили о недостаточном владении русским.

Миграционный опыт и продолжительность работы в России

Большинство мигрантов из ГБАО уже имеют опыт жизни и работы в России, а такой опыт – это, как правило, наличие связей с работодателем, лучшее знание миграционного законодательства и правил пребывания в России, меньшие трудности при поиске принимающей стороны для постановки на миграционный учет и жилья для проживания.

Ответы на вопрос о сроках пребывания в России, не считая коротких выездов домой, полностью опровергли часто звучащие тезисы о миграции как временном краткосрочном проекте для большинства мигрантов, все совершенно наоборот: только 2% респондентов на момент опроса (в 2011 г.) находились в России менее полугода; еще 10% – от полугода до года; 27% – от года до трех; все остальные – больше трех лет.

Преобладание долгосрочных миграционных стратегий подтверждается и ответами на вопрос о типе поездок на заработки: большинство (57%) подтвердили, что практически постоянно находятся в России, а еще почти треть – что возвращаются домой только в отпуск на 1–3 месяца (табл. 3).

Средний срок пребывания памирских мигрантов в России (практически совпадающий с медианным) – 5 лет. По сравнению с прошлым опросом 2009 г. он вырос в 2 раза, т.е. все больше мигрантов на протяжении нескольких лет де-факто являются постоянными российскими жителями, но при этом де-юре имеют лишь статус временно пребывающих на территории России (к сожалению, даже этот статус у них не всегда оформлен должным образом).

Таблица 3. К какому типу Вы отнесли бы свои поездки на заработки? (%)*

Выезжаю на короткий срок, зарабатываю и возвращаюсь домой	8,4
Почти весь год провожу на выезде, домой приезжаю на 1–3 месяца	29,1
Практически постоянно живу здесь	57,4
Другое	2,7
Нет ответа	2,4

** Опрос 2011 г.; N=300.*

Постановка на миграционный учет

Чтобы встать на миграционный учет в России, каждый мигрант должен иметь при себе действующую миграционную карту. В первом опросе такой миграционной картой обладали 86% респондентов, но при этом у трети из них миграционные карты были фальшивыми (т.е. купленными без выезда), у остальных она была либо просрочена, либо вовсе отсутствовала (табл. 4). Во втором опросе 2011 г. доля обладающих действующей миграционной картой снизилась до 75% (в эту категорию также вошли и те, кто купил карту без выезда за границу России, хотя отдельно вопрос о фальшивых картах в этот раз не ставился).

Таблица 4. Есть ли у Вас миграционная карта? (%)*

Да есть, действующая	54,3
Да есть, но просроченная	10,2
Есть, но фальшивая	31,7
Была, но потерял, испортил	1,6
Нет и не было	2,0

**Опрос 2009 г.; N=500.*

По закону каждый мигрант обязан встать на миграционный учет в течение трех (а сейчас уже пяти) дней со дня прибытия в Россию. Подтверждением постановки на миграционный учет любого иностранного гражданина служит отрывная часть уведомления об учете с проставленной в нем отметкой. Находиться это отрывная часть должна на руках у мигранта. В наших опросах таким документом обладали лишь 76–71% респондентов; при этом в опросе 2009 г. каждый десятый признался, что имеющееся у него подтверждение о постановке на учет – фальшивое. При серьезной проверке эта группа под-

вергается большому риску – подделка документов является преступлением и может повлечь за собой не только депортацию мигранта (с 5-летним запретом дальнейшего въезда в Россию и уплатой штрафа от 2 тыс. до 5 тыс. руб.), но и уголовное преследование. Равным образом депортация и дальнейший запрет въезда могут грозить тем, кто вообще не встал на миграционный учет в России, а их доля в 2011 г. приблизилась к трети.

Интересная деталь: вопросы о постановке на миграционный учет показали довольно высокий уровень взаимовыручки мигрантов из ГБАО: 40% заявили, что их поставили на учет родственники или друзья, у которых они живут (по опросу ЦМИ, такой вариант ответа мигранты в целом выбирали в 2 раза реже).

При отсутствии постановки на миграционный учет или фальшивом миграционном учете далеко не всегда виноваты сами мигранты – только 16% ответили, что не знали, что это вообще нужно и как это делается (табл. 5).

Таблица 5. Если Вы не встали на миграционный учет, то почему? (%)*

Вариант ответа	Доля среди не вставших на учет (мигранты из ГБАО)	Доля среди не вставших на учет (опрос ЦМИ)**
Не знал, что нужно вставать на учет	3,4	11,6
Не знал, как это делается	12,8	22,0
Работодатель отказался поставить меня на учет	3,4	8,8
Хозяин жилья, которое я снимаю, отказался поставить меня на учет	8,5	6,6
Миграционная карта отсутствует или недействительна	48,7	14,8
Не смог найти, где зарегистрироваться	30,8	39,0

** Можно было выбирать все варианты ответов, поэтому сумма превышает 100%; опрос 2009 г.; N=117.*

*** Опрос ЦМИ проведен в 2008–2009 гг.; N=318.*

Как видим, мигранты из ГБАО значительно лучше подготовлены к процессу постановки на учет в России, чем в среднем мигранты из стран СНГ (среди них не знавших порядка и необходимости постановки на учет почти треть от числа не имеющих учета). В то же время и у тех, и у других велика доля объективных причин, не позволяющих встать на учет: прежде всего отсутствие адреса для регистрации.

Исходно миграционный учет вводился в России как механизм, позволяющий отследить местонахождение мигранта и возлагающий ответственность за это местонахождение на принимающую сторону – российского гражданина или юридическое лицо. Но фактически доля мигрантов, реально живущих по адресу постановки на учет, невелика, что в очередной раз подтвердил и опрос 2009 г.: только 17% из числа поставленных на учет живут по адресу, указанному в уведомлении.

Разрешение на работу

Каждый мигрант, прибывший в Россию, имеет право осуществлять трудовую деятельность, только получив разрешение на работу (с июля 2010 г. мигранты также могут покупать патент, если они намерены трудиться у частных лиц).

По закону для этого мигранту необходимо обратиться с заявлением в территориальный орган ФМС России по месту постановки на миграционный учет. Перечень документов, который должен представить мигрант, достаточно краток и не должен представлять трудностей (миграционная карта, заявление, квитанция об уплате госпошлины, паспорт, фотографии). Однако фактически ситуация оказывается далеко не столь проста и однозначна: в дело вступают квоты, различные внутриведомственные акты и приказы (иногда противоречащие самому закону), а подчас и самоуправство (или корыстный интерес) самих работников миграционной службы.

По опросу 2009 г., меньше половины мигрантов из ГБАО имели разрешение на работу (47%), и еще 14% заявили о том, что оно у них есть, но фальшивое (рис. 1). Очень близкие к этим цифрам были получены и в ходе опроса ЦМИ 2008–2009 гг.

Опрос 2011 г. дал аналогичный результат: 47% имеющих разрешение на работу (еще 2% купили патент), но этот показатель уже включил в себя также и тех, у кого разрешение на работу было фальшивым, т.е. в действительности доля имеющих разрешение на работу сократилась.

Среди причин отсутствия разрешения на работу, названных в ходе опросов, превалировали именно объективные: «слишком дорого» и «закончились квоты».

Учитывая, что госпошлина должна составлять 2000 руб., ответ «слишком дорого», на первый взгляд, кажется странным. Но, зная нынешнюю миграционную реальность, удивляться не приходится: ми-

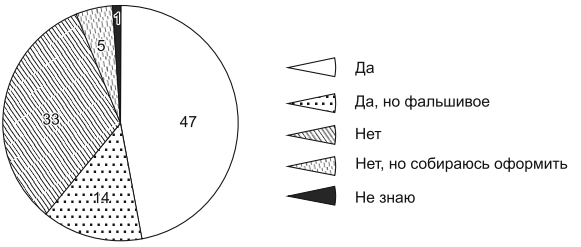


Рис. 1. Есть ли у Вас разрешение на работу в России?

грант практически лишен возможности получить разрешение на работу самостоятельно, заплатив лишь госпошлину. Чаще всего ему приходится платить посредникам, коммерческим фирмам, а иногда эти средства с него берет работодатель, который, в свою очередь, тоже почти всегда обращается к посредникам. В последнее время в Московском регионе цена за получение разрешения на работу доходила до 15–20 тыс. руб.!

Из высказываний на фокус-группе:

– В этом году я заплатила 12 тыс. за разрешение на работу, 1700 руб. за новую миграционную карту, чтобы не пересекать границу, потому что ни для кого не секрет, что никто не пересекает каждые три месяца какую-то границу, потому что тогда вообще не надо нам здесь работать. Я не пересекала границу, я заплатила 1700 руб., и мне сделали новую регистрацию и миграционную карту.

После получения мигрантом разрешения на работу он обязан в течение 30 дней представить в орган ФМС медицинскую справку об отсутствии опасных заболеваний. Для получения такой справки мигранту нужно пройти медицинское освидетельствование. Доля мигрантов из ГБАО, официально прошедших медосмотр и получивших справки, и в 2009 г. была невелика – только 54%, а в 2011 г. и вовсе упала до 23%. Это лишний раз свидетельствует, что наличие разрешений на работу, о которых заявляли мигранты, в большинстве своем является фикцией, так как при непредставлении медицинской справки в срок настоящее разрешение, выданное в органах ФМС, было бы аннулировано.

В то же время отсутствие разрешения на работу или патента, как и наличие фальшивого разрешения, практически никак не влияет на уровень занятости мигрантов: оба опроса показали очень высокий уровень занятости – работают от 76% опрошенных (2009 г. – год кризиса) до 85% (2011 г.). Только каждый десятый из не имеющих работы заявил, что не работает, так как у него нет разрешения на работу.

Поиск работы и условия труда мигрантов из ГБАО в Московском регионе

Большинство респондентов работают по найму на предприятиях, в организациях, фирмах (71%) и лишь пятая часть (21%) трудится у частных лиц. Соотношение труда у юридических и частных лиц резко различна для мужчин и женщин: доля женщин, работающих у частников, – 42%, тогда как среди мужчин таких всего 19% (опрос 2009 г.).

Распределение мигрантов из ГБАО по сферам занятости примерно соответствует среднему распределению мигрантов по сферам занятости в Центральном федеральном округе, хотя доля работавших в строительстве среди мигрантов из ГБАО в 2009 г. была несколько выше средних показателей (табл. 6).

Таблица 6. Распределение мигрантов из ГБАО по основным сферам занятости, %*

Сфера занятости	Всего	Мужчины	Женщины
Строительство и ремонт жилья	50,6	55,4	2,2
Торговля	20,0	19,4	26,7
Промышленность	3,4	3,6	2,2
ЖКХ	4,0	3,8	6,7
Сфера услуг	11,1	9,4	28,9
Услуги по дому (частным лицам)	4,8	2,2	31,1
Транспорт	3,8	4,2	0,0

**Опрос 2009 г.; N=500.*

По опросу 2011 г., доля занятых в строительстве уменьшилась, а в торговле – увеличилась, но при этом эти две отрасли остались ведущими отраслями занятости мужчин из ГБАО (33% и 34% занятых соответственно). У женщин-мигрантов – четыре ведущие отрасли занятости: ЖКХ, сфера услуг, торговля, услуги частным лицам (22%, 18, 15 и 11% соответственно).

Использование современных практик трудоустройства (агентств занятости, Интернета) крайне мало распространено среди мигрантов, и мигранты из ГБАО в этом вопросе не исключение. Только 3% среди них пользовались такими каналами. При этом подавляющее большинство, как и в вопросе постановки на миграционный учет, при поиске места работы используют родственные или дружеские связи – 70%.

Больше половины опрошенных и в 2009, и в 2011 г. работали без письменного трудового договора, хотя в 2011 г. ситуация только обострилась (рис. 2).

Из высказываний на фокус-группе:

– Я работала в детской поликлинике уборщицей. Меня оформляли через фирму, т.е. я числилась как бы в этой фирме, а не в поликлинике. Платили, как обещали, но я нигде не расписывалась при получении, т.е. черным налом давали деньги. Больничный, отпуска не оплачивали, питания не было.

– Я работаю у маминой подруги в фирме, там никакого оформления, но я спокойна, что меня не обманут.

– Я в магазине работала продавцом-консультантом. Неофициально – не было ни трудовой книжки, ни договора. Меня не обманывали. Питание все за свой счет.

– За зарплату мы расписывались. И половину отпуска оплачивали. Но официальный договор свой я не видела.

Если сравнить полученные результаты с данными опроса 2009 г., то тогда доля мигрантов, работающих в теневом секторе, была все-таки ниже: 59% работали по устной договоренности и 39% имели письменный договор. Сравнение по способу получения зарплаты также не в пользу ситуации 2011 г.: два года назад 35% мигрантов получали зарплату полностью официально, а сейчас – 30% (рис. 3).

В действительности если сделать перекрестный анализ имеющих разрешение на работу, имеющих письменный договор и «белую» зарплату (или даже частично «белую»), то легально работающих, по опросу 2011 г., окажется всего 13% (!) За два года налицо явное ухудшение ситуации в сфере занятости, влекущее за собой выход большинства мигрантов-памирцев из правового поля (в этом процессе судьба памирцев в России не исключение; аналогичную картину демонстрируют опросы мигрантов из других регионов Центральной Азии).

Женщины чаще, чем мужчины, работают без официального оформления и получают зарплату неофициально (хотя у мигрантов из ГБАО разница между мужчинами и женщинами меньше, чем среди мигрантов из стран СНГ в целом). Кроме того, чем выше уровень образования мигрантов, тем чаще они стараются обезопасить себя, заключив письменный договор с работодателем: такой договор имеют 44% мигрантов с высшим образованием и только 32% – со средним общим (данные 2009 г.).

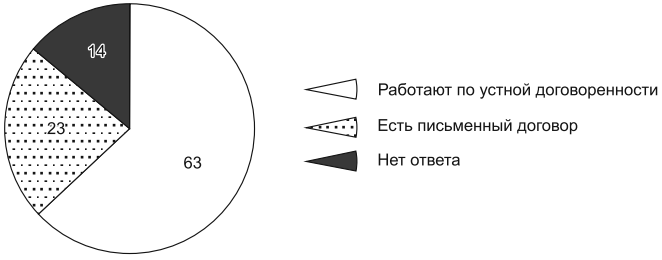


Рис. 2. Оформление на работе, %*
**Опрос 2011 г.; N=300.*

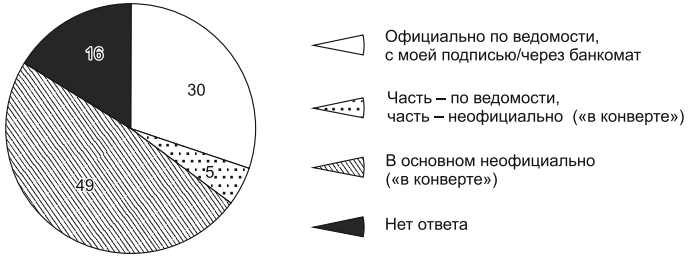


Рис. 3. Получение зарплаты мигрантами, %*
**Опрос 2011 г.; N=300.*

Среднемесячная заработная плата опрошенных в 2011 г. мигрантов – 21 174[20], т.е. за два года с предыдущего опроса рост зарплаты был незначительным (по данным опроса 2009 г., среднемесячная зарплата у мигрантов из ГБАО составляла около 20 тыс. руб.). Сумма эта не так уж и мала, но следует учесть, что мигрантам в отличие от москвичей нужно из этой зарплаты еще оплачивать аренду жилья. Кроме того, за эту зарплату мигранты работают в среднем по 10 часов в день (а треть – по 12 часов и больше) и шесть дней в неделю (а четверть – все семь дней в неделю).

Говорить о каком-либо доступе мигрантов-памирцев к социальному обеспечению не приходится, и ситуация за два года в этой сфере резко обострилась: с 2010 г. мигранты, даже законно работающие в России, оказались лишены возможности получать полисы

[20] По данным Росстата, среднемесячная начисленная заработная плата по России в феврале 2011 г. составила 21 тыс. руб. В Москве этот показатель составлял 39 тыс. руб. (http://www.newsru.com/finance/21apr2011/maskva.html).

бесплатного медицинского страхования[21] (если только они не имеют вида на жительство или разрешения на временное проживание, а таких среди мигрантов ничтожно мало). Менее четверти из них могут взять на работе оплачиваемый отпуск; только 12% в случае болезни, могут рассчитывать на полную или частичную оплату больничного листа. Большинство же (55%), заболев, могут пропустить работу, но за эти дни не получат никакой оплаты. Ясно, что в таких условиях мигранты до последнего будут терпеть любую боль и выходить на работу, даже будучи больными. Впрочем, каждый двенадцатый мигрант вообще «не может себе позволить» заболеть и остаться дома – ему необходимо выйти на работу в любом состоянии («нельзя пропускать работу, даже если болеешь»).

Рабочие места мигрантов в большинстве своем не совпадают с местами работы москвичей: только 13% мигрантов из ГБАО сказали, что рядом с ними работают в основном местные жители, и еще 17% сообщили, что на их рабочем месте поровну местных жителей и мигрантов (данные 2009 г.). Большинство памирских мигрантов работают вместе с мигрантами из СНГ, в частности с выходцами из ГБАО или с российскими мигрантами из других регионов.

Безопасность памирских мигрантов в Московском регионе[22]

Судя по результатам опроса, только треть памирских мигрантов чувствует себя в полной безопасности в Московском регионе (табл. 7). Более того, мигранты из ГБАО чувствуют себя в безопасности еще в меньшей степени, чем мигранты из других регионов, работающие в Москве. Вероятно, они чаще испытывают на себе неприязнь местного населения к мигрантам, так как обладают ярко выраженными этническими чертами (в отличие, например, от мигрантов из Украины). Видимо, начинает играть свою роль и языковой барьер.

[21] Застрахованными лицами являются граждане Российской Федерации, постоянно или временно проживающие в Российской Федерации иностранные граждане, лица без гражданства (за исключением высококвалифицированных специалистов и членов их семей в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»), а также лица, имеющие право на медицинскую помощь в соответствии с Федеральным законом «О беженцах» (http://www.rg.ru/2010/12/03/oms-dok.html).

[22] Раздел написан целиком по материалам опроса 2009 г., так как в анкете 2011 г. данный блок вопросов отсутствовал.

Таблица 7. Как Вы оцениваете степень Вашей безопасности в России? (%)

Вариант ответа	Мигранты из ГБАО, работающие в Москве	Все мигранты из СНГ, работающие в Москве*
Нет ответа	0,2	1,7
Я постоянно чувствую опасность и страх, когда я в России	11,2	7,0
Бывают опасные ситуации, но не так много	56,5	41,7
Думаю, что мне ничего здесь не угрожает	30,9	48,7
Другое	1,2	1,0

**По данным опроса ЦМИ в Москве 2009 г.*

Женщины из ГБАО чувствуют себя в большей безопасности, чем мужчины (47% считают, что им ничего не угрожает, против 29% у мужчин). Еще один фактор, влияющий на ощущение внутренней безопасности, – интеграционный потенциал мигранта, в первую очередь степень его владения русским языком. Среди тех, кто заявил, что им вполне хватает знания русского языка для общения в городе (магазине, аптеке, почте и т.д.), 32% считают, что им ничего не угрожает, а среди тех, кому знаний русского не вполне хватает, – только 20% уверены в своей безопасности. Так что фактор знания языка важен не только с точки зрения трудоустройства и легализации статуса, но и с точки зрения ощущения безопасности мигранта.

Основные проблемы, сопровождающие в России труд и жизнь мигрантов

Среди отвечавших на вопросы анкеты в 2009 г. не было ни одного мигранта, который бы не столкнулся при приезде в Россию хотя бы с одной из перечисленных ниже проблем. Наоборот, большинство отмечали даже не одну проблему, а две или три (табл. 8).

Как видно из таблицы, на первое место вышли три проблемы: две из них связаны с легализацией мигрантов (получение разрешения на работу и поиск адреса (принимающей стороны) для постановки на учет), а третья – самая основная – это поиск работы: 59% ответивших назвали это главной трудностью (что неудивительно, учитывая, что 90% мигрантов из ГБАО приехали в Москву без предварительной договоренности о работе). Близки по частоте упоминания к этим причинам и проблемы с поиском жилья и с получением медицинской по-

Таблица 8. Проблемы, с которыми мигрантам труднее всего было справиться в России, %

Поиск адреса для постановки на учет	35
Поиск жилья	32
Получение разрешения на работу	50
Поиск работы	59
Получение медицинских справок	7
Получение всех заработанных денег у работодателя	40
Получение медицинской помощи в случае болезни	29
Необходимость много говорить по-русски	5
Неприязнь местного населения	16
Нападение скинхедов	13

мощи в случае болезни. Аналогичный список проблем проявился и в 2011 г., только проблемы получения разрешений на работу и доступа к медицинской помощи еще сильнее обострились по причине повсеместного снижения квот на труд иностранцев и лишения мигрантов бесплатных полисов обязательного медицинского страхования в последние два года.

К сожалению, решение всех этих проблем практически полностью ложится на плечи самого мигранта или его родственников и друзей (доля ответивших «я сам решаю возникающие проблемы» – 21%; «помогают родственники, знакомые» – 70%).

Планы памирцев на будущее

Как показывает сравнение результатов двух опросов, растущие трудности пребывания в России, связанные и с проблемой легализации, и с проблемой доступа к социальным услугам, постепенно приводят к изменениям в настроении и планах мигрантов на будущее (табл. 9, рис. 4).

Как видим, почти вдвое за два года уменьшилась доля желающих остаться в России навсегда, при этом выросла доля планирующих вообще прекратить поездки на заработки или осуществлять только краткосрочную циркулярную миграцию. Появилась группа мигрантов, особенно среди женщин (11%), которые в силу неопределенности ситуации в России не могут решиться на какую-то определенную стратегию – «не знаю», «не решила» (в табл. 8 в графе «Другое»; в опросе 2009 г. – менее 1%).

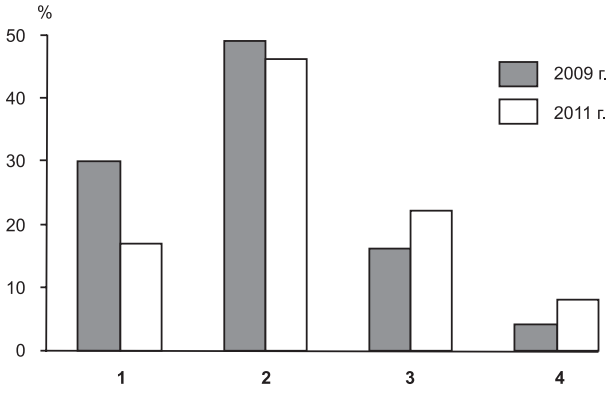


Рис. 4. Планы трудовых мигрантов на будущее, %
(по результатам двух опросов – 2009 и 2011 гг.)
1 – планирую остаться здесь навсегда; 2 – планирую жить здесь несколько лет, а затем вернуться на родину; 3 – буду приезжать на какое-то время, зарабатывать деньги и возвращаться на родину; 4 – вообще больше не буду приезжать в Россию

Таблица 9. Планы на будущее, %*

Вариант ответа	Всего	Мужчины	Женщины
Остаться здесь навсегда, на постоянное местожительство	17	20	14
Жить здесь некоторое время (несколько лет), а затем вернуться домой	46	43	52
Приезжать на какое-то время, зарабатывать деньги и уезжать домой	22	25	17
Больше не приезжать сюда, закончить поездки на заработки	8	10	4
Переехать в другую страну	2	1	2
Другое	5	1	11

**Опрос 2011 г.; N=300.*

Социально-демографический профиль желающих остаться навсегда в 2011 г. почти не изменился – это более образованные (остаться навсегда планируют 23% имеющих высшее и среднее специальное образование и только 10% обладателей среднего и неполного среднего образования); не испытывающие проблем с русским языком (35% со свободным знанием русского языка выбрали себе такое будущее, и только 7% тех, у кого знания русского языка недостаточные); лучше материально обеспеченные (23% среди тех, кто отнес

себя к двум первым, наиболее обеспеченным группам (см. табл. 1) и 11% – среди наиболее бедных). Чаще остаться в России планируют те, кто привез сюда с собой детей (25% среди тех, кто находится здесь с детьми, и только 10% – среди тех, у кого дети есть, но они остались на родине).

Намерения получить российское гражданство (табл. 10) все чаще перестают свидетельствовать о безоговорочном желании памирцев остаться в России навсегда. Так, среди тех, кто подал документы на гражданство или собирается подать, – треть тех, кто вовсе не собирается оставаться в России навсегда, а планирует работать здесь длительное время, а затем вернуться домой. Таким образом, получение гражданства часто перестает быть конечной целью миграции и интеграции в России, превращаясь в средство легализации пребывания здесь в течение какого-то времени.

Таблица 10. Хотите ли Вы получить российское гражданство или вид на жительство? (%)*

Да, подал документы	13
Да, собираюсь подать документы	7
Да, но пока ничего для этого не предпринимал	31
Нет	49

**Опрос 2011 г.; N=300.*

Из высказываний на фокус-группе:

– Муж получает здесь гражданство; если он найдет хорошую работу тут, то мы останемся, а если нет – вернемся.

– Из-за документов, из-за работы, из-за ущемления всяких прав, но не с прицелом остаться (получают гражданство. – *Ю.Ф.*).

– Я думаю, что они теоретически получали для облегчения пребывания здесь, для своих прав, а в итоге продолжают жить здесь, так и не уезжают.

– Есть те, кто живут в Таджикистане, имея на руках российское гражданство, чтобы иметь возможность в любой момент вернуться, если нужна работа. Таких много.

Памирцы, причем даже те, кто всерьез и надолго планирует свое будущее в России, поддерживают очень тесные связи со своей родиной, и не только самим фактом перевода денег своим родственникам. Три четверти из них (78%) с уверенностью сказали, что полученные в России знания и профессиональные навыки смогут использовать на

родине. Только пятая часть в опросе 2009 г. заявила, что их возвращение в ГБАО невозможно ни при каких обстоятельствах, а все остальные готовы были бы рассмотреть возможность возвращения при наличии на родине работы со средним заработком около 400 долл. 40% хотели бы построить или купить жилье на родине и открыть там свое дело (среди тех, кто планирует остаться в России, таких меньше, но их доля все же заметна – 14%) (рис. 5). Еще 14% готовы тратить заработанное на образование себе и детям, что тоже является своеобразным вложением в будущее своей родины (причем доля назвавших такую статью предполагаемого расхода почти равна как среди тех, кто планирует остаться в России, так и среди тех, кто собирается в конечном итоге вернуться на родину). Около трети опрошенных памирцев не в состоянии делать какие-либо накопления и тратят все заработанное лишь на текущие расходы своих семей.

Кто же они, памирцы в России – типичные трудовые мигранты из стран СНГ, с общими для всех проблемами, или же это отличная от других группа, сохраняющая свои четко выраженные особенности? Ответ: и то и другое.

С одной стороны, все основные проблемы, выявленные в ходе опросов мигрантов из ГБАО, вполне типичны для всех категорий трудовых мигрантов из СНГ, работающих в России: огромные, подчас непреодолимые трудности легализации, особенно в части получения разрешений на работу; преобладание неформальных отношений с российскими работодателями; отсутствие допуска к социальной сфере в России; падение уровня владения русским языком, влекущее за собой невозможность правильного понимания и заполнения документов, и т.д.

С другой стороны, памирцы заметно отличаются от всех других трудовых мигрантов в России (и в частности, от мигрантов из Цен-

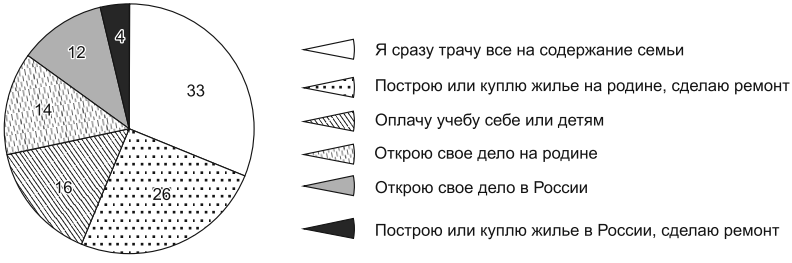


Рис. 5. На что мигранты намерены потратить свой заработок, %*
** Опрос 2009 г.; N=500.*

тральной Азии): они моложе, более образованны, лучше владеют русским языком, среди них очень хорошо развита взаимовыручка – на помощь земляков опираются при поиске работы и жилья, при решении проблем со здоровьем. Они активно объединяются в группы по территориальному признаку, т.е. в зависимости от района проживания на родине (по опросу 2009 г., $^{2}/_{3}$ мигрантов из ГБАО состояли в таких объединениях), причем эти группы не только помогают мигрантам сохранять связь с родиной, поддерживать родной язык, но и облегчают адаптацию в России (помогают вновь прибывшим).

В целом опросы свидетельствуют, что памирские трудовые мигранты обладают довольно высоким интеграционным потенциалом, который можно было бы использовать на благо нынешней России, с ее сложной демографической ситуацией – стареющим населением и убывающими трудовыми ресурсами.

Yu.F. Florinskaya

LABOR MIGRANTS – NATIVES FROM PAMIR: THEIR WORK AND LIFE IN RUSSIA (THE RESULTS OF STUDIES IN THE MOSCOW REGION)

The article deals with the results of studies carried out by the author in Russia in 2009 and 2011 through the request of the Aga Khan Foundation. The scope and history of labor migration flows from the Gorno-Badakhshanskaya autonomous oblast to Moscow region are analyzed. Aggregated sociological portrait of a labor migrant from Pamir is described in detail. The article reveals principal difficulties of Pamir-natives legalization in Moscow region, ways of finding jobs and places of the basic employment, problems of safety of migrants and their plans for the future (in Russia or in the homeland?).

В.С. Белозеров, Л.П. Белозерова

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УРБАНИЗАЦИИ НА СТАВРОПОЛЬЕ

Одной из важных особенностей и характерной чертой современного этапа урбанизации на Ставрополье является формирование полиэтничной структуры населения городов. Рост полиэтничности городского населения обеспечивается преимущественно за счет расселения титульных народов северокавказских республик и закавказских государств, а также других соседних стран ближнего зарубежья. На современном этапе урбанизации активное включение в урбанизационные процессы северокавказских народов обусловлено ростом масштабов учебных миграций молодежи в образовательные центры Ставрополья. Как показывает практика, основная часть выпускников этой категории по завершении учебы трудоустраивается в крае.

Основные черты урбанизации и этнических процессов на Ставрополье

Располагаясь в центральной части Северного Кавказа на стыке горной и равнинной частей Юга России, Ставрополье в расселении и этнической структуре населения характеризуется набором черт, свойственных этим частям региона:

– **невысоким уровнем урбанизированности** (56% населения края проживает в городской местности, при 73% в целом по России);

– **низкими темпами прироста численности городского населения**. Эта черта урбанизации всегда была характерна для Ставрополья. Некоторым исключением могут быть признаны 1960-е гг., когда за десятилетие численность городского населения почти удвоилась благодаря административным преобразованиям ряда крупных сельских поселений в города. За последний межпереписной период (2002–2010 гг.) численность городского населения края выросла, вместе с тем впервые появились города, теряющие население (Невинномысск, Кисловодск и др.);

– **доминированием в сети городских поселений малых и средних городов** (они составляют 80% городов края). Такая структура городской сети определяет особенности распределения городского населения. На долю краевого центра приходится 25,1% городского населения Ставрополья, в малых городах проживают 21,7% городских жителей, в больших и средних городах соответственно – 28,4 и 24,8%. 7,3%

городского населения проживает в поселках городского типа. Ставрополье характеризуется устойчивой тенденцией нарастания полиэтничности населения, обусловленной разным характером воспроизводства у народов, населяющих край, а также миграционными процессами, в которых снижается доля русских и возрастает доля кавказских этносов.

Формирование этнической структуры городского населения

К концу XIX в. сеть городских поселений Ставрополья имела непродолжительную историю формирования. По данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., статус городов в современных границах края имели Ставрополь с населением 42 тыс. чел., Пятигорск (18,4 тыс.), Георгиевск (12 тыс.) и Святой Крест[1] (7,5 тыс. чел.). В Ставрополе, самом крупном городе того времени, основную часть населения составляли русские (87,2%). В Пятигорске русские также преобладали (69,3%), более 14% составляли украинцы, на долю армян приходилось 3,2%. В городе Святой Крест более половины населения составляли армяне (54,8%), на втором месте были украинцы (23,3), на третьем – русские (21,4%). В начале XX в. в число городов вошли Кисловодск (статус города получил в 1903 г.), Железноводск (1917 г.), Ессентуки (1920 г.) и Минеральные Воды (1920 г.).

В 1939 г., по данным предвоенной переписи населения, население Орджоникидзевского края (название Ставропольского края в тот период), без учета населения КАО и ЧАО, в целом насчитывало 1862,5 тыс. чел., при этом в восьми городах и одном рабочем поселке проживало 20,1% населения (Материалы Всесоюзной..., 1939). Основную часть населения городских поселений составляли русские (см. таблицу)

В первые послевоенные десятилетия отмечалось изменение этнической структуры населения и характера расселения этносов, поразному участвовавших в процессах урбанизации. В послевоенный период этнический состав населения края характеризуется моноэтничностью, что было обусловлено масштабными принудительными миграциями в период раскулачивания, депортацией ряда народов (немцев, армян, греков, карачаевцев и др.). По данным первой послевоенной переписи населения в 1959 г. в крае проживало 1605 тыс. чел., при этом в городах – 32,5% (в России – 52%). Русские составляли 91,3% населения, на втором месте были украинцы (2,4), далее шли армяне (1,5), греки (0,7), ногайцы и белорусы (по 0,5%). Однако в городах список этно-

[1] Ныне – Буденновск.

Таблица. Этнический состав населения городов Орджоникидзевского края (в современных границах Ставропольского края) в 1939 г., %

Город	Всего	Русские	Украинцы	Армяне	Немцы	Карачаевцы	Ногайцы	Прочие
Ворошиловск*	100,0	90,4	2,9	1,8	0,9	0,1	–	3,9
Ессентуки	100,0	80,4	7,4	2,8	0,7	–	–	8,2
Железноводск	100,0	87,9	6,0	0,7	1,2	–	0,2	4,0
Кисловодск	100,0	72,7	5,8	8,0	0,7	3,2	–	9,6
Пятигорск	100,0	79,6	5,1	7,3	1,2	0,1	–	6,7
Буденновск	100,0	82,9	2,2	13,0	0,5	–	–	1,4
Георгиевск	100,0	89,1	3,8	3,4	1,1	–	–	2,6
Минводы	100,0	90,2	4,5	0,8	1,6	–	0,1	2,8

** В 1935–1943 гг., ныне Ставрополь.*

Источник: Материалы Всесоюзной..., 1939.

сов с учетом убывающей численности населения был несколько иным, как и доля среди них городского населения. В общем числе городских жителей русские составляли 90,0%, на втором месте были украинцы (3,9%), на третьем – армяне (3,8), на четвертом – евреи (1,1), на пятом – белорусы (0,8%).

Список первых пяти самых урбанизированных этносов на Ставрополье составляли евреи (90,0%), карачаевцы (84,0), литовцы (79,2), армяне (70,8) и лакцы (66,5%). Более половины городского населения было у украинцев, грузин, черкесов, абазин. Только треть русских, проживавших на Ставрополье, была городскими жителями – 31,4% (в России в целом – 54,9%). Среди греков городские жители составляли более четверти их общей численности в крае (27,7%). Доля городского населения среди титульных этносов Дагестана, которые на тот момент были немногочисленны, составляла от 11,8% у даргинцев и 13,3% у кумыков до 22,3% у аварцев. В группу этносов с низким удельным весом городского населения входили ногайцы (4,6%), цыгане (2,4), туркмены (1,4%).

1959–1970 гг. – период активного развития урбанизационных процессов на Ставрополье, который характеризовался ростом сети городов и численности городского населения. С 1959 по 1970 г. численность населения в крае выросла на 22,2%, тогда как численность городского на-

селения увеличилась на 67,2%. Это обеспечивалось частично за счет роста населения существующих городских поселений, а также в связи с активным формированием новых в результате преобразования сельских поселений – Светлоград (1965 г.), Изобильный (1965 г.), Зеленокумск (1965 г.). Длительный процесс «вызревания» их в города на старой генетической основе ускорился в результате активизации их индустриального развития, выразившегося в создании предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, а также некоторых трудоемких отраслей промышленности, ориентированных на использование имевшихся здесь резервов трудовых ресурсов (Белозерова, 1987, с. 12). Возникли горнодобывающий (Лермонтов, 1956 г.) и нефтедобывающий (Нефтекумск, 1968 г.) центры. На иной генетической основе формировались многочисленные поселки городского типа, в частности курортный поселок Иноземцево (1959 г.); развивались как поселки-спальни курортных городов Свобода (1960 г.) и Горячеводск (1966 г.). Статус городских поселений получили Затеречный (1956 г.) и Рыздвяный (1960 г.).

1960-е гг. – это период начала активных изменений этнической структуры населения на Ставрополье. Этому способствовали демографические и миграционные процессы в регионе. При этом важным фактором изменения этнической структуры населения являлась территориальная экспансия титульных народов республик Северного Кавказа, переживавших демографический взрыв. Сначала это были даргинцы, а позднее чеченцы, карачаевцы и другие титульные народы республик региона. По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., общий прирост численности населения в крае составил 18,2%, в т.ч. русских – 20,7, украинцев – 23,0, армян – 20,2%; численность немцев выросла в 3,4 раза, даргинцев – почти в 9 раз. За 1960-е гг. в крае поселилось 4,3 тыс. чеченцев, преимущественно в сельских районах с развитым овцеводством, и только 7,8% – в городах. Высокие показатели прироста численности отмечались у азербайджанцев, грузин, у ряда титульных народов республик Северного Кавказа. У отдельных народов, в частности евреев, в 1960-е гг. начался процесс сокращения численности – с 5,8 тыс. чел. в 1959 г. до 5,7 тыс. чел. в 1970-м. Эти тенденции привели к изменению относительных показателей этнического состава населения в крае.

В этническом составе городского населения проявлялись общекраевые тенденции динамики этнической структуры. Как и в общей численности края, доминировали русские, но их доля снизилась на 0,2% и составила 88,8%. На втором месте были украинцы (3,8%),

на третьем – армяне (2,5), далее – белорусы (0,7) и евреи (0,6%), последние в общей численности населения края были девятыми.

По характеру расселения на территории края этносы заметно различались. Компактностью расселения отличались армяне, греки, ногайцы, туркмены. Армяне, один из наиболее многочисленных этносов края, традиционно селились в городах Кавказских Минеральных Вод (в Кисловодске, Пятигорске), а также в Буденновске (58,1%). По численности армянского населения на первом месте был Кисловодск (6,3 тыс. чел.), далее – Пятигорск (6,2 тыс.), Буденновск (2,6 тыс.), Ставрополь (2,2 тыс.), Ессентуки (1,2 тыс. чел.).

В Кавминводской агломерации проживало 57,6% городского населения Ставрополья. В этническом отношении эту агломерацию характеризовали повышенный удельный вес армянского населения в городской местности и греков – в сельской. Район Кавминвод является ареалом традиционного расселения армян, в его пределах проживало в разные периоды XX в. от 35 до 54% их общей численности в крае. В 1970 г. на этот район приходилось 49,6% всех армян Ставрополья (Белозеров, Турун, 1998, с. 20–28). При этом в Пятигорске и Кисловодске русские составляли 82,3 и 78,7% соответственно, а армяне – 6,7% и 7,0%. В Ессентуках доля русских была еще выше – 85,6%. Этнический портрет сельской местности Кавминвод был иным, чем в городах. В частности, в Предгорном районе вторыми по численности были греки (8,3%), третьими – карачаевцы (2,7%). Украинцы, будучи в крае вторым по численности этносом, наиболее многочисленными были в Ставрополе, Кисловодске, Пятигорске и Невинномысске.

В 1960-е гг. основные изменения наблюдались, пожалуй, в расселении самих русских, активно переселявшихся в города и пригороды и, таким образом, «оголявших» село, особенно в восточных районах. Это и стало началом перемен в этнической структуре населения и в расселении народов Северного Кавказа на Ставрополье, сначала в сельской местности, а позже и в городах (Белозеров, 2000, с. 15).

В 1970-е гг. развитие системы расселения происходило в условиях продолжающегося снижения естественного прироста и меняющегося характера миграционных процессов. На Северном Кавказе векторы миграционных процессов у русских и северокавказских народов меняли свое направление: у русских – на центростремительное, у народов Кавказа, переживавших демографический взрыв, – на центробежное. Миграционный приток в города рос до середины 1970-х гг. Сальдо миграции в городах к концу десятилетия по сравнению с первой половиной

1970-х гг. уменьшилось почти на 15%. Тем не менее в условиях низкого уровня естественного прироста миграция оказывала все большее влияние на формирование населения городов. В 1970-е гг. она являлась основным источником роста населения, обеспечивая до $^{3}/_{4}$ прироста. Разные народы имели разные темпы прироста численности населения в городах края, как за счет миграции, так и благодаря естественному движению. В то время как среднекраевой прирост по городам края за межпереписной период составлял 21,8%, у армян он достигал 27,3%, у греков – 33,3%. Высокие показатели прироста численности отмечались у азербайджанцев (80,2%), а также у лезгин, кабардинцев и других народов Кавказа. У русских этот показатель был ниже среднекраевого – 20,7%, хотя в этот период характер динамики численности русских определял еще в целом картину изменения численности населения в городах края. Однако роль их в формировании населения в ходе естественного движения снижалась. В 1969 г. на долю русских приходилось 77,3% естественного прироста края, в то время как в составе постоянного населения русские составляли 89,7%. В последующие годы естественный прирост у русских сокращался, снижалась их доля в естественном приросте края – с 7,9% в 1978 г. до 66,3% в 1980 г. (Белозеров и др., 2008, с. 38). В 1979 г. русские составляли 88,7% населения городов края. При этом в городах проживало 50,2% русского населения края (в России в целом русские в городах составляли 53,1%, и основная часть русских проживала в городах). Вторыми в городах после русских по численности были украинцы (3,1%), 63,5% которых проживало в городах; у армян этот показатель составлял 71,3%, у греков – 35%. Активные эмиграционные процессы привели к сокращению численности евреев в крае в целом и в городах, где по численности они стали седьмыми, а не пятыми, как в 1970 г.

В 1980-е гг. трансформация системы расселения в крае выражается в дальнейшем сокращении сельской поселенческой сети и наращивании системы городских поселений за счет формирования аграрно-индустриальных центров – Ипатово, Новопавловск. Города в большей степени стали дифференцироваться по численности населения, однако $^{2}/_{3}$ городов края оставались малыми.

В 1980-е и 1990-е гг. в изменении в этнической структуре населения городов возрастала роль миграции. В 1985 г. прирост численности населения края на 56,4% обеспечивался естественным приростом, в 1991 г. его доля снизилась до 12,3%, а в городах до 9,3%. Но в последующие годы естественный прирост сначала в горо-

дах, а потом и в сельской местности стал отрицательным. С 1979 по 1989 г. численность населения в городах выросла на 23%, т.е. росла на 2,3% в год. Во всех городских поселениях Ставрополья к 1991 г. отмечалось падение рождаемости (до 0,9‰). Отрицательный естественный прирост отмечался в городах разных категорий людности – в больших (Кисловодск), средних (Ессентуки, Минеральные Воды) и малых (Лермонтов, Изобильный), а также в поселках городского типа (Иноземцево, Свобода).

1980-е гг. – период активных изменений в этнической структуре населения края. Этнические особенности воспроизводства у народов, проживающих в крае, а также активная территориальная экспансия ряда народов Кавказа определили характер динамики этнической структуры края в целом и городов в частности. К 1989 г. русские составляли 84,2% населения края против 87,7% в 1979 г. В 1980-е гг. численность русских выросла на 8,4%, тогда как в целом население края увеличилась на 13,2%. В абсолютных показателях численность населения края увеличилась с 1979 по 1989 г. на 281 тыс. чел., тогда как русских, самого многочисленного этноса в крае, – на 157 тыс. чел. Это означает, что только 55,9% прироста численности населения края приходилось на русских (в 1970-е гг. – 63,9%, в 1960-е – 82,3%). Сказывались негативные тенденции в естественном движении населения края, в т.ч у русских. С 1978 по 1989 г. доля русских в естественном приросте населения края сократилась с 70,9 до 43,8% (Белозеров и др., 2008, с. 38). При этом численность даргинцев выросла в 2,2 раза, более чем в 2 раза выросла численность аварцев, кумыков, лакцев, а табасаранцев и лезгин – от 12 до 18 раз соответственно. В целом численность народов Дагестана выросла с 21,9 тыс. чел. до 54,7 тыс., а их доля в общей численности населения края возросла с 1,0% до 2,3%. В этот период естественный прирост у даргинцев составлял до 41,8 чел. на 1000 населения (1987 г.). Но у большинства народов Дагестана, кроме даргинцев, на этом этапе основную роль играла миграция (Белозеров, 1999, с. 39–45).

В этот период темпы роста численности украинцев, белорусов оставались низкими. Одним из самых высоких этот показатель был у армян – в 1,8 раза. Этому способствовал как естественный прирост, так и массовые миграционные потоки из зон конфликта (из Карабаха и др.). К 1989 г. вторыми в крае по численности стали армяне, третьими – украинцы, на четвертое место с пятого, потеснив греков, переместились даргинцы.

В городах проживало 53,9% населения края. Русские составляли 87% городского населения. В городах последовательность расположения этносов была несколько иной, чем в целом в населении края: армяне (3,6%), украинцы (3,2), греки и ногайцы (по 1%). Северокавказские народы, в частности народы Дагестана, активно расселявшиеся в крае, проживали преимущественно в сельской местности.

В городских поселениях Кавминвод удельный вес русских снизился до 82,5% (по краю – до 87%); выше среднекраевого показателя удельный вес в составе городского населения Кавминвод был у армян (5,6%; по краю – 3,6%), у украинцев (3,9; по краю – 3,2), у греков (1,3; по краю – 1), у евреев (0,5%; по краю – 0,3%). Удельный вес некоторых этносов в составе городского населения Кавминвод был ниже, чем в целом по краю: у немцев (0,3%; по краю – 0,4%), у ногайцев (0,2%; по краю – 1%).

В этническом отношении среди населения Кавминвод усиливались отличия. В частности, основная часть городского армянского населения края по-прежнему проживала в этой агломерации (66%), высок этот показатель был у греков (60), у белорусов (79), у евреев (72,5), у грузин (84,8%). Численность чеченцев в городах края к этому времени составила 892 чел., при этом 50,2% их проживало в городах курортного района, среди даргинцев этот показатель составлял 30,1%, среди ногайцев – 45,0%.

Этническая структура населения в городах в постсоветский период

За межпереписной период с 1989 по 2002 г. численность населения края выросла на 13,5%, т.е. ежегодно прирастала в среднем на 1,0%. При этом сеть городских поселений дополнилась одним средним городов – Михайловском. По характеру динамики численности различных этносов в крае выделяются этносы с высокими темпами прироста – армяне (8,6% в год), азербайджанцы (5,8), грузины (4,5), цыгане (4,2), ногайцы (2,5), осетины (2,5), греки (2,0), даргинцы (1,9%). Ниже среднекраевого был ежегодный прирост у русских (0,8%). Ежегодное сокращение численности отмечалось у немцев (на 2,7%), евреев (на 2,3) и украинцев (на 2,0%).

За межпереписной период с 1989 по 2002 г. городское население в крае выросло на 18%. В целом численность русских увеличилась на 10,3%, тогда как в городах – на 14,5%. В условиях от-

рицательного естественного прироста весь прирост численности русских обеспечивался за счет миграции. Наиболее высокие темпы прироста численности в городах отмечались у чеченцев (в 3,3 раза), у даргинцев (в 2,2 раза), у армян (в 2 раза), у осетин (в 1,9 раза), у цыган (в 1,7 раза). При этом в целом численность чеченцев сократилась на 9,1%. Сокращение наблюдается у украинцев (в 1,4 раза), у евреев (на 32%), у немцев (на 26%), у белорусов (на 25,6%).

В городских поселениях Кавминвод в изменении численности этносов отмечались те же тенденции, что и в городах края в целом. Однако проявлялись и региональные особенности, в частности, по-прежнему прирост численности русских был ниже, чем в городах края, и составлял 8,6% за межпереписной период (1989–2002 гг.). Выше, чем в городах края, в этом курортном районе был прирост у греков (36%; в городах края – 3,1%), у карачаевцев (83,3%; в городах края – 16,2%). Армянское население почти удвоилось за этот период и составило 61,2 тыс. чел., численность чеченцев выросла в 2,8 раза, даргинцев – в 2,5 раза. Сокращение численности отмечается у украинцев (в 1,5 раза), у белорусов (в 2,2 раза), у немцев (на 4,2%), у евреев (на 7,2%). В 2002 г. численность городского населения Кавминвод составляла более 640 тыс. чел., или 41,8% городского населения края, в 1989 г. соответственно – 563 тыс. чел. (43,3%). Общий прирост численности населения в городских поселениях Кавминвод составил 13,7% против 18% в городских поселениях края в целом.

Отмеченные тенденции способствовали изменению этнической структуры городского населения края. Удельный вес одних этносов снижается (русских – с 87% в 1989 г. до 84,6% в 2002 г.; украинцев – с 3,2 до 1,9% соответственно; белорусов – с 0,7 до 0,4%; евреев – с 0,3 до 0,2%.; немцев – с 0,4 до 0,2%). В то же время почти удвоился удельный вес армян (с 3,6 до 6,2%), растет удельный вес грузин (с 0,25 до 0,4%), даргинцев (с 0,1 до 0,3%), осетин (с 0,2 до 0,3%), цыган (с 0,2 до 0,5%), чеченцев (с 0,1 до 0,2%).

Степень вовлеченности этносов в урбанизационные процессы различна. При общем удельном весе городского населения в крае 56%, наиболее высок этот показатель у евреев (93,1%), украинцев (65,2), армян (63,8), азербайджанцев (61,6%). Доля горожан среди русских Ставрополья – 58%, что значительно меньше, чем в целом по России (76,7%). Растет удельный вес северокавказских народов, проживающих в городах края: у чеченцев этот показатель составил 23,1%, у даргинцев – 10,5, у ногайцев – 11,1%.

Литература

Белозеров В.С. Демографические процессы в диаспорах на Северном Кавказе // Этнические проблемы современности. Вып. 4. – Ставрополь, 1999. С. 39–45.

Белозеров В.С. География и динамика этнической структуры населения Северного Кавказа / автореф. дис. … докт. геогр. наук. – М., 2000.

Белозеров В.С. Панин А.Н., Чихичин В.В. Этнический атлас Ставропольского края. – Ставрополь, 2008.

Белозеров В.С., Турун П.П. Армяне на Ставрополье // Вопросы географии и геоэкологии: Мат-лы науч. конф. «Университетская наука – региону». – Ставрополь, 1998. С. 20–28.

Белозерова Л.П. Малые города – опорные центры сельского расселения Ставрополья / автореф. дис…. канд. геогр. наук. – Тбилиси, 1987.

Материалы Всесоюзной переписи населения 1939 года по Орджоникидзевскому краю (*рукопись*).

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. LXVII. Ставропольская губерния. – СПб., 1905.

Семенов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. – СПб., 1910.

V.S. Belozerov, L.P. Belozerova

ETHNIC ASPECTS OF URBANIZATION IN STAVROPOL KRAI

Stavropol krai is one of the poorly urbanized regions in Russia. The share of middle and small towns is high. Because of the peculiarities of ethno and demographical position of the region firstly in villages, then later in cities, ethnic structure of the population has been changing. At first the Armenians lived in the cities plus to Russians. In the 1980–1990s and in the 21st century other nations actively settled. The modern urban peculiarity of the region is the active absorption of Northern Caucasus nations into the urbanization process. The towns of Stavropol krai become multiethnic.

ГЕОГРАФИЯ УСЛУГ И ПОТРЕБЛЕНИЯ

С.А. Ковалев, А.И. Алексеев, В.И. Копаев

РАЙОНИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РСФСР ПО КОМПЛЕКСУ УСЛОВИЙ ДЛЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СФЕРЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

В 1979–1981 гг. кафедра экономической географии СССР имела договор с НИЦ Минкультуры СССР по теме «Районирование территории СССР для целей совершенствования планирования в подсистеме «Культура» АСПР Госплана СССР» (научный руководитель – С.А. Ковалев). Это позволило сотрудникам кафедры обследовать различные районы страны (Камчатка, Сахалин, ряд регионов Нечерноземья, Южный Казахстан и др.), а также собрать многочисленные статистические материалы. Кроме того, по инициативе и под руководством С.А. Ковалева в середине 1980-х гг. выполнялась госбюджетная научная работа, целью которой было районирование сельской местности по условиям для территориальной организации обслуживания сельского населения (не только для сферы культуры, но и для всех отраслей обслуживания), для территории РСФСР (исполнители – А.И. Алексеев и В.И. Копаев), в т.ч. по экспертным оценкам, с широким использованием карты населения СССР масштаба 1:2 500 000 (изданной в 1977 г.). Несколько дней мне тогда довелось провести с С.А. Ковалевым над листами этой карты. Сергей Александрович говорил, что наличие такой карты заставляет его в ряде случаев изменить свое районирование сельского расселения (напомню, что это была первая – и, увы, пока последняя в истории России карта, на которой были нанесены ВСЕ населенные пункты – кроме некоторых мелкоселенных районов). В частности, в отличие от предыдущего районирования (Ковалев, 1974) было выделено два типа расселения в степной зоне, и граница между ними была проведена не по Уралу (как обычно), а по Волге – эта граница оказалась гораздо более контрастной.

В 1986 г. была защищена диссертация В.И. Копаева «Опыт дробного районирования сельской местности РСФСР по условиям для территориальной организации обслуживания сельского населения» (научный руководитель – С.А. Ковалев).

По этой теме была опубликована только статья о методике районирования (Алексеев, 1983), но сами результаты еще нигде не публиковались. Поэтому мы публикуем текст 1980-х гг, по возможности, без изменений.

А. Алексеев

Практически все исследователи отмечают неприменимость для нашей страны единых нормативов обслуживания (СНиП-II-60-75)[1], однако до сих пор не существует общепринятого районирования СССР для целей создания региональных нормативов. Попытки районирования сельской местности по условиям организации отдельных видов обслуживания были сделаны Н.К. Соколовским (1972) для школьной сети, Л.З. Владимировой (1973) для торговли в Сибири, О.В. Леонтьевым (1967) для передвижных средств обслуживания.

Особо следует отметить районирование, проведенное группой сотрудников Института организации здравоохранения им. Семашко и ЦЭНИИ Госплана РФСФР для организации медицинского обслуживания сельского населения СССР (Журавлев, 1968, Агаев и др., 1970, Сачков и др., 1973)[2]. Основой для районирования послужили материалы переписи 1959 г. по сельским административным районам: распределение поселений по людности, среднее расстояние между поселениями, плотность населения и др. В итоге было выделено 14 типов районов (зон), от 60 до 600 сельских административных районов в зоне. Следующим этапом было обследование 48 ключевых районов и выработка дифференцированных зональных нормативов. Например, рекомендуемое число врачебных должностей на 1000 сельских жителей изменялось от 8 в Средней Азии до 29 на Крайнем Севере.

Единственный опыт районирования для территориальной организации всего комплекса услуг проделан сотрудниками ЦНИИЭПграждансельстроя, выделившими районы сельского расселения (Районная планировка, 1986). Правда, оно, на наш взгляд, чрезмерно упрощено, и в нем объединены в одну зону очень разные территории: например, в зону «очагово-ленточного» расселения попали, с одной стороны,

[1] СНиП («Строительные нормы и правила») – нормативы для проектировщиков, в данном случае – по планировке и застройке населенных пунктов. Например, в сельской местности полагалось на 1000 жителей 70 м^2 торговой площади магазинов продовольственных товаров, 80 м^2 – непродовольственных товаров, 25 мест в учреждениях общественного питания; фельдшерско-акушерских пунктов должно было быть не менее одного на колхоз или совхоз, и т.д. (СНиП-II-60-75, 1981, с. 27, 31).

[2] С.А. Ковалев был консультантом этой работы.

тундра и тайга, а с другой – полупустыни и пустыни. Кроме того, хотя расселение и является основным фактором, определяющим условия для ТОСОН, необходимо учитывать по крайней мере и транспортную освоенность территории – иначе получится, что Прибалтика, Вологодская, Костромская и Кировская области входят в один район «мозаичного» расселения, условия обслуживания в котором якобы более или менее однородны (Районная планировка, 1986, с. 151)[3].

Проведенное нами районирование сельской местности РСФСР по комплексу условий для территориальной организации сферы обслуживания населения (ТОСОН) начиналось с составления карт России в разрезе сельских административных районов по плотности населения, густоте поселений и доступности райцентров – грубо, по экспертной оценке, с подразделением на районы, где более $^2/_3$ населения проживает в 30-минутной доступности, от $^2/_3$ до $^1/_3$, менее $^1/_3$. Далее пробовались различные варианты: эти карты сравнивались, накладывались одна на другую, но в итоге было решено за основу взять карту типов расселения и скорректировать ее по другим показателям – плотности и доступности.

Всего было выделено **11 типов сельской местности по условиям для ТОСОН** (см. рис. 1).

I тип. К нему относится подавляющая часть зоны тундры в Европейской России. Расселение очаговое, связанное с рыболовством, оленеводством, промысловой охотой и обслуживанием транспортных путей. Б*о*льшая часть сельского населения сосредоточена в сравнительно крупных поселениях вдоль рек и морского побережья, но есть и много мелких[4] поселений. Сеть постоянных населенных пунктов дополняется сезонно-обитаемыми поселениями оленеводов, промысловиков и рыбаков. Часть оленеводов пользуется передвижными жилищами в период перегона стада.

---

[3] Как ни странно, сейчас приходится сталкиваться с игнорированием не только расселения, но и транспортной обеспеченности – например, в рассуждениях Е.Г. Ясина о реформировании здравоохранения говорится о сокращении сельских участковых больниц, а в качестве компенсации этого – «центральные районные больницы укреплять санитарным транспортом, чтобы в любое время они могли привезти больного из села в центральную районную или областную больницу». Главным препятствием для этого автор видит «проблему трудоустройства освобождаемых медицинских работников» (Ясин, 2004, с. 203, 204). Отсутствие нормальных дорог в большинстве сельских районов, видимо, препятствием не считается…

[4] В данной работе мелкими поселениями считались имеющие людность менее 200 жителей, средними – от 200 до 1000 и крупными – свыше 1000 жителей.

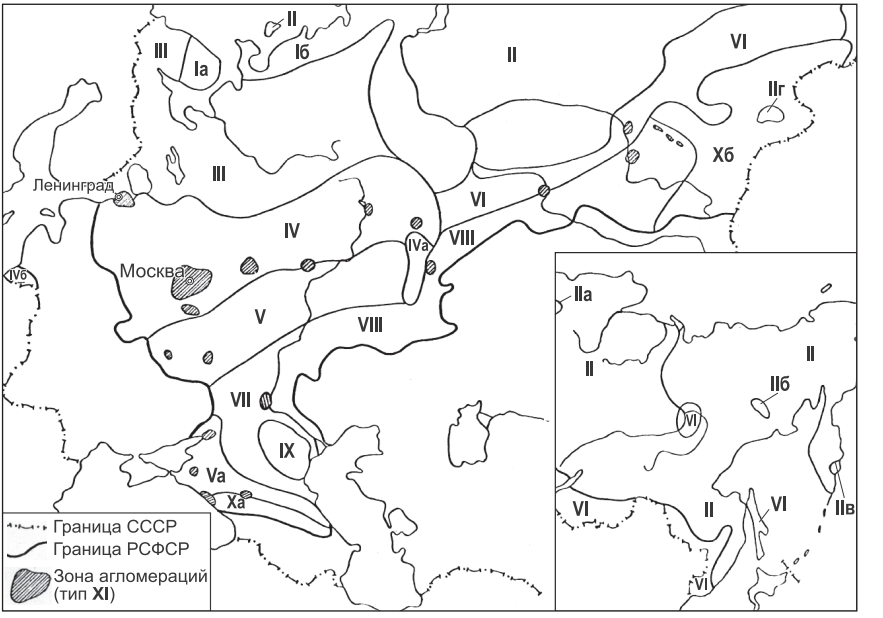


Рис. 1. Районирование РСФСР по условиям для ТОСОН в сельской местности:

I – районы с весьма сложными, неблагоприятными условиями для ТОСОН, с редкоочаговым расселением; II – районы с особо сложными и неблагоприятными условиями для ТОСОН, с редкоочаговым расселением; III – районы с неблагоприятными условиями для ТОСОН, с очаговым расселением; IV – районы с малоблагоприятными условиями для ТОСОН, с густым, но мелкоселенным расселением; V – районы с весьма благоприятными условиями для ТОСОН, с густой сетью крупных и средних поселений; VI – районы с относительно неблагоприятными условиями для ТОСОН, со сравнительно равномерной, разреженной сетью поселений преимущественно средней людности; VII – районы с благоприятными условиями для ТОСОН, с преобладанием равномерной, сравнительно густой сети преимущественно крупных поселений; VIII – районы с относительно благоприятными условиями для ТОСОН, с равномерной, относительно разреженной сетью преимущественно средних и крупных поселений; IX – районы с неблагоприятными условиями для ТОСОН, с редкой разреженной сетью постоянных поселений; X – горные районы с преобладанием неблагоприятных условий для ТОСОН и очаговым расселением; XI – сельские территории в составе крупных городских агломераций, с наиболее благоприятными условиями для ТОСОН, с густой сетью поселений, преимущественно средних и крупных и наиболее развитой транспортной сетью.

Условия для ТОСОН весьма сложны и неблагоприятны. Сфера услуг каждого поселения должна быть в большой степени автономна, т.к. связи с другими поселениями весьма затруднены и часто некруглогодичны. Одновременно существует потребность в разнообразных передвижных средствах обслуживания (с помощью водного и воздушного транспорта, вездеходов), которые часто базируются не на ближайшие малые горпоселения Севера, а на крупные города. По раз-

личным уровням транспортной освоенности выделяются подрайоны: («а» – Ловозерский и Терский административные районы Мурманской области, «б» – Ненецкий АО).

II тип. К нему относится обширная территория севера Сибири и Дальнего Востока в зоне тундры и тайги, с незначительным сельским населением. Он характеризуется теми же чертами расселения, хозяйства и транспорта, что и тип I, но в значительно более резкой степени. Условия для ТОСОН – особо сложны и неблагоприятны; это наиболее редкозаселенная территория СССР (плотность населения – менее 0,1 чел/км^2), отдельные очаги немноголюдны и удалены друг от друга. В этом районе – самая высокая потребность в автономности обслуживания каждого очага расселения и в передвижных средствах обслуживания.

Выделяются подрайоны: «а» – Дудинско-Норильский, «б» – Магаданско-Сусуманский, «в» – Камчатский, «г» – Тувинский, в которых имеются автодороги с пассажирским сообщением.

III тип. К нему относится северная часть российского Нечерноземья (кроме Крайнего Севера – см. тип I) в зоне тайги. Расселение очаговое, преимущественно по берегам рек и озер, связанное с очаговым сельским хозяйством, лесными промыслами и лесозаготовками. Многие очаги расселения состоят из групп территориально сближенных поселений («гнездовое» расселение) или образуют цепочки поселений в речных долинах. Транспортная сеть редкая, состоящая из водных путей и немногочисленных автодорог, дополняемых в ряде мест зимниками. Для большей части районов характерна мелкоселенность, для некоторых же при среднеселенности весьма разрежена транспортная сеть. В качестве таких подрайонов выделяются части Мурманской области и Коми АССР.

Условия для ТОСОН неблагоприятны. Каждый очаг расселения требует большой автономности в оказании услуг, с организацией межселенного обслуживания в таких очагах и формированием в них местных центров обслуживания.

IV тип. Включает основную, наиболее населенную часть Нечерноземной зоны РСФСР (за исключением Мордовской АССР и южных частей Горьковской, Тульской и Брянской области). Сельское расселение густое, но мелкоселенное, связанное с выборочным земледельческим освоением южных частей лесной зоны. Характерна неравномерность в заселении территории, наличие «пятен», ареалов с различной плотностью населения и густотой поселений; плотно заселенные участки перемежаются с лесными и болотными массивами. Также не-

равномерна и транспортная сеть, представленная в основном автодорогами низких категорий; она более густа в крупных «пятнах» заселения и особенно – в пригородных зонах.

Условия для ТОСОН малоблагоприятны; наибольшие трудности представляет мелкоселенность в сочетании со слабым развитием дорожной сети. Остро стоит проблема доступности учреждений обслуживания для жителей мелких и удаленных поселений. Малое число крупных населенных пунктов затрудняет формирование сети низовых межселенных центров обслуживания. В этих условиях особенно велико значение городских поселений (сеть которых в этом районе довольно густая) как центров обслуживания сельского населения.

В отдельный подтип (IVа) следует выделить Южный Урал с расчлененным горным рельефом, с наиболее неравномерной сетью поселений и невысокой плотностью населения, т.е. с худшими, чем в среднем по типу, условиями для ТОСОН.

В подтип IVб выделяется Калининградская область с меньшей мелкоселенностью и высокой транспортной обслуженностью территории[5] – т.е. с лучшими, чем в среднем по типу, условиями для ТОСОН.

V тип. К нему относится полоса с наибольшей плотностью сельского населения в лесостепной зоне Европейской России, включающая ЦЧР, часть Поволжья и южные части Нечерноземья, не относящиеся к IV типу; а также приморские и предгорные районы Северного Кавказа, образующие подтип Va.

Расселение представлено густой равномерной сетью преимущественно крупных поселений, большинство из которых может иметь относительно полный набор учреждений обслуживания. Транспортная сеть сравнительно густая, с большой долей дорог с твердым покрытием. Условия для ТОСОН весьма благоприятны.

Подтип Va (предгорные территории автономных республик Северного Кавказа, Краснодарский край, Ростовская область и юг Ставропольского края) характеризуется наиболее густой сетью крупных и очень крупных поселений (2–5 тыс. жителей и более), что создает особо благоприятные условия для ТОСОН.

VI тип. Распространен в сравнительно узкой полосе, приуроченной к южным участкам зоны тайги, а также к лесостепным и степным участкам Сибири и Дальнего Востока. Сельское расселения связано с выборочным сельскохозяйственным использованием террито-

[5] В то время Калинградская область была единственной, где к каждому сельскому населенному пункту была проведена асфальтированная дорога.

рии (а на Зейско-Буреинской равнине и в Приханкайской низменности – почти сплошным), а также с лесным хозяйством и лесозаготовками в южной части тайги. Сеть автодорог разреженная, относительно велико значение речного транспорта. Расселение представлено относительно равномерной, но разреженной сетью поселений. Среди них преобладают средние по величине, но имеются и крупные, на основе которых могут формироваться центры межселенного обслуживания. В связи с разреженностью сети поселений имеется большая потребность в передвижных средствах обслуживания.

В этом типе выделяются подрайоны с повышенной густотой поселений и транспортной сети: юг Красноярского края, Усть-Ордынский АО, Агинский АО, Зейско-Бурейская равнина и Приханкайская низменность.

VII тип. Включает степные районы правобережья Волги, Придонья и небольшой части Северного Кавказа. Расселение связано со сплошным земледельческим освоением территории. Преобладает сравнительно равномерная сеть крупных и средних поселений. По сравнению с V типом здесь снижаются их густота, плотность населения и доля крупных поселений. Густота транспортной сети также меньшая. Но условия для ТОСОН в целом достаточно благоприятны, близки к типу V.

VIII тип. Включает степные районы Заволжья, Приуралья и Западной Сибири. Расселения связано со сплошным земледельческим освоением территории, но при плотности населения гораздо меньшей, чем в типе VII, более разреженной, хотя и сравнительно равномерной, сети поселений и меньшей долей среди них крупных. Транспортная сеть сравнительно разреженная. Условия для ТОСОН сравнительно благоприятны, но проблемы организации межселенного обслуживания здесь гораздо более остры и сложны, чем в типах V и VII вследствие большей разреженности сети поселений.

IX тип. Включает сухостепные и полупустынные районы Прикаспия (Калмыцкая АССР и части Астраханской и Ростовской областей, Ставропольского края). Сельское расселения связано в основном с отгонно-пастбищным животноводством и редкими очагами земледелия. Характерна редкая и очень разреженная сеть постоянных поселений, дополняемая густой сетью сезонно-обитаемых пунктов («зимники» и «летники» животноводов), где постоянно живет и работает часть населения постоянных поселков. Это создает неблагоприятные условия для ТОСОН и требует наибольшего развития передвижных средств обслуживания. Эти особенности расселения, в сочетании с редкой

транспортной сетью, создают также повышенную потребность в наборе услуг в базовых, более крупных поселках в каждом хозяйстве.

X тип. К нему относятся горные районы Кавказа (Ха) и Сибири (Хб). Общим для них является локализация населения в небольшом числе очагов в горных долинах и котловинах (в некоторых случаях – в высокогорье на склонах гор в Дагестане, Чечено-Ингушетии и др.). Характерны сложные транспортные условия: очень разреженная сеть дорог, не всегда круглогодичной проходимости. Поэтому набор учреждений сферы обслуживания для каждого очага расселения должен быть в значительной мере автономен. Сеть постоянных поселений дополняется в этом типе сезонно-обитаемыми на пастбищах; обслуживание находящегося там населения требует применения передвижных средств. В целом преобладают сложные и неблагоприятные условия для ТОСОН.

Для районов Кавказа характерно сравнительно густое очаговое расселение и преобладание крупных поселений; для Сибири – редкоочаговое, мелко- и среднеселенное.

XI тип. Сельское расселение в составе крупных городских агломераций, для которых характерна густая сеть поселений, преимущественно средних и крупных. Здесь расселение связано как с интенсивным сельским хозяйством, так и с работой части сельских жителей в городах, и с рекреационным обслуживанием городов. Для этого типа характерна наибольшая плотность транспортной сети и развитие пассажирского транспорта; автомобильный транспорт сочетается, как правило, с пригородным железнодорожным.

Условия для ТОСОН наиболее благоприятны, при том часть услуг сельским жителям может быть оказана непосредственно в городах. Такие ареалы сложились в первую очередь в следующих городских агломерациях: Московская, Ленинградская, Горьковская, Тульско-Новомосковская, Курская, Воронежская, Казанская, Волгоградская, Ростовская, Краснодарская, Сочинская, Минводы-Кисловодская, Пермская, Свердловская, Челябинская, Омская, Новосибирская, Томская, Кемеровская, Новокузнецко-Прокопьевская, Ленинск-Кузнецкая.

Литература

Агаев Э.Р., Сачков А.М., Журавлев С.М., Антипина Л.В. Учет географического фактора про районировании территории СССР для целей организации сельского здравоохранения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 1970. № 2.

Алексеев А.И. Районирование сельской местности по условиям для территориальной организации сферы обслуживания населения // Сельская

местность: территориальные аспекты социально-экономического развития. Межвуз. сб. – Уфа: Башкирский ун-т, 1983.

Владимирова Л.З. Географические закономерности и проблемы организации торгового обслуживания населения в сельских местностях Сибири / автореф. дис. … канд. геогр. наук. – М., 1973.

Журавлев С.М. Размещение сети стационаров больниц в сельских районах на основе экономико-географического районирования страны / автореф. дис. … канд. геогр. наук. – М., 1968.

Ковалев С.А. Региональные различия в перспективном развитии сельского расселения СССР. – М., 1974

Леонтьев О.В. Методика расчета потребности в передвижных средствах обслуживания населения с учетом географических условий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 1967. № 3.

Районная планировка. Справочник проектировщика. – М.: Стройиздат, 1986.

Сачков А.М., Мильнер Г.В., Антипина Л.П. Экономико-географические условия организации медицинского обслуживания сельского населения СССР // Проблемы расселения, географии обслуживания и географии промышленности. – М.: МФГО СССР, 1973.

СНиП-II-60-75. Строительные нормы и правила. Ч. II. Нормы проектирования. Глава 60. Планировка и застройка городов, поселков и сельских населенных мест. – М.: Стройиздат, 1981.

Соколовский Н.К. Географические проблемы организации и размещения школьной сети в сельских местностях / автореф. дис. … канд. геогр. наук. – М., 1972.

Ясин Е.Г. Новая эпоха – старые тревоги: экономическая политика. – М.: Новое издательство, 2004.

S.A. Kovalev, A.I. Alekseev, V.I. Kopaev

REGIONALIZATION OF THE COUNTRYSIDE OF THE RSFSR ON A SET OF CONDITIONS FOR THE TERRITORIAL ORGANIZATION OF SERVICE SECTOR

The results of the mid-1980s rural zoning of RFSFR under the terms of the territorial organization of the service sector are presented. The basis for zoning was the selection of types of rural settlement pattern, amendments to the population density and the availability of regional centers were introduced. Ten zonal types of rural areas and one suburban type are allocated.

Н.В. Зубаревич

ГЕОГРАФИЯ СЕКТОРА УСЛУГ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

С.А. Ковалев был создателем нового учебного курса «География сферы обслуживания», позднее расширенного совместно с его учениками А.И. Алексеевым и А.А. Ткаченко. Курс для своего времени уникальный: с минимальными реверансами в сторону жестких идейных норм, впервые рассматривающий такие темы, как место сферы услуг в жизни людей, потребности населения, доступность услуг, пространственная иерархия центров обслуживания и т.д. Этот курс оказался вне системы координат пресловутого размещения производительных сил, где люди прилагались к заводам и рудникам как бездушные винтики, и был ориентирован на изучение реальной жизни людей. Сейчас это звучит даже несколько странно: а как может быть иначе? Но тогда это был прорыв к нормальной науке. И хотя его ограничивали идеологические рамки и отсутствие рыночной экономики, но для тех условий прорыв был очень важный. Впервые системно рассматривались базовые основы сферы услуг (методология), разные аспекты потребностей и потребления услуг (социология), особенности пространственной организации (география), источники информации, методы анализа и т.д.

Вслед за С.А. Ковалевым этот курс читался А.И. Алексеевым и уже почти 20 лет – автором данной статьи. У курса и учебного пособия, созданного на его основе (Алексеев и др., 1991), оказалась сильная научно-методическая база, большинство рассматриваемых тематических разделов вполне актуальны, хотя и требуют обновления. Но стоит начать с концептуальных изменений в исследовательских подходах и преподавании, необходимых и неизбежных при кардинальной трансформации российского общества.

Новые ракурсы географии сектора услуг

Первое – *расширение самого объекта изучения*: вместо «сферы обслуживания», в которой рассматривались только потребительские услуги, курс стал называться «география сектора услуг», включая в большей или меньшей степени бизнес-услуги (так называемые B2B услуги) и услуги государства. Естественно, потребовалось обновление дефиниций и новый структурный анализ – из каких видов состоит сектор услуг, как соотносятся потребительские и бизнес-услуги,

какова их роль в экономике и занятости населения, какова роль государства в этом секторе и как государство влияет на совокупное конечное потребление домашних хозяйств в России и ее регионах. Устаревшие понятия марксистской экономической теории, такие как разделение экономики на материальный и нематериальный сектора, потеряли свою актуальность.

Второе – изменение курса под влиянием перехода к *рыночной экономике*. Это означает включение, хотя и в упрощенном виде, темы «экономика услуг», в том числе понятий «рыночные» и «нерыночные» услуги, «эластичность спроса» по доходам и цене, изучения факторов спроса на услуги, закона Энгеля, отражающего структурные сдвиги потребления по мере роста доходов населения и др. Помимо вышеперечисленных тем, переход к рыночной экономике концептуально изменил весь курс, поскольку изменилась структура сектора услуг, появился рынок услуг, на котором государство перестало быть доминирующим игроком во многих сферах и отраслях, резко уменьшилась роль плановых нормативов, с помощью которых измерялись потребности населения и т.д. Изменилась не только «оптика» анализа, но и «действующие лица» – бизнес и его решения все больше влияют на развитие сектора услуг.

Третье – расширение курса под влиянием *глобализации*, включение анализа мировых тенденций развития сектора услуг в развитых и развивающихся странах, его роли в мировой экономике и занятости, выделение разных типов стран по роли сектора услуг в их экономике. К сожалению, географических работ зарубежных и российских авторов по теме развития и структурных изменений сектора услуг мало, для экономистов эта тема также периферийная. Хотелось бы включить в лекции анализ богатейшей статистики Евростата и Мирового банка по развитию сектора услуг в разных странах, по трансформациям занятости в нем, по региональным различиям и их причинам. Но не пишут об этом коллеги-географы, а в одиночку все объять невозможно.

Четвертый – анализ *услуг государства* в социальной сфере и управлении, сравнение мировых тенденций с политикой российского государства, в том числе на региональном уровне. Советский постулат о непогрешимости государства в выборе путей развития, в том числе сектора бюджетных услуг, наконец отправлен на свалку истории. Студенты должны понимать, насколько велика цена управленческих заблуждений, ошибок и политической корысти.

Примеров немало. Это и монетизация льгот с явными фискальными приоритетами, перебросившая значительную часть раздутых и невыполнимых социальных обязательств на регионы. Им пришлось резать социальные обязательства, поскольку бюджетных средств на их исполнение не хватало, а федеральная власть осталась «белой и пушистой». Еще один пример – национальный проект «Здоровье», четверть расходов которого была потрачена на новые высокотехнологичные центры. Часть из них так и не достроена, а в действующих остро не хватает средств на финансирование операций, лекарств и текущих расходов. Затем приоритеты властей изменились, и в период кризиса и после него суммарные расходы на здравоохранение бюджетов регионов и территориальных фондов обязательного медицинского страхования сократились на 6%. При этом расходы бюджетов на социальную политику за те же 2008–2010-е гг. выросли на 53%, а на социальные выплаты населению – на $^{2}/_{3}$. Вот такой пример явного приоритета политической стабильности в ущерб росту человеческого капитала.

Пятый – влияние *инноваций*, которых в секторе услуг появилось за 20 лет намного больше, чем в прочих сферах экономики: Интернет, сотовая связь, новые форматы торговли, развлекательных услуг и других сервисов. Выделим географические исследования Интернета как инновационной услуги (Перфильев, 2003) и ее роли в развитии крупных городов (Сидоренко, 2010). В этих работах исследуется пространственная диффузия инноваций по системе городов, рождение и развитие новых форм виртуальных коммуникаций, которые, как оказалось, отражают совсем не виртуальные особенности того или иного городского социума.

Очень географичными оказались исследования пространственной диффузии новых форм сетевой торговли (Козырев, 2006), в том числе гипермаркетов (Иванов, 2008). Прежде всего они выявили географические барьеры, обусловленные резким снижением плотности населения. Границы широкого распространения сетей почти совпадали с основной полосой расселения, а на востоке проходили по Байкалу. Проявились и барьеры платежеспособного спроса, которые ограничивают распространение люксовых форматов сетевой торговли крупнейшими городами и богатыми сырьевыми регионами. Не менее жесткий барьер – институциональный, препятствующий развитию неместных торговых сетей в республиках Северного Кавказа. Эти исследования также показали, что, если процессу диффузии потребительских инно-

ваций не мешать, они довольно быстро распространяются на все крупные города с населением свыше 200–250 тыс. чел. Далее процесс замедляется, и географам понятно, почему это происходит: в менее крупных городах, как правило, слабее проявляются преимущества агломерационного эффекта и ниже человеческий капитал.

Однако приходится признать, что число научных исследований по географии новых услуг и пространственной диффузии инновационных сервисов невелико. Их использование в учебном курсе выглядит как «украшение на торте», а не как системное дополнение курса новыми и хорошо проработанными направлениями.

Шестой – анализ *процесса трансформации отраслей услуг России и ее регионов* в постсоветский период. Прежде всего это сдвиги в пропорциях рыночных и нерыночных секторов, занятости в них. Первое исследование структурных трансформаций сектора услуг в регионах России, а также влияния этого сектора на межрегиональное неравенство в уровне занятости и заработной платы проведено Д. Ивановым с использованием эконометрических методов (Иванов, 2011). В отличие от России в мировой науке это поле активных исследований (см., например: Illeris, 2005). Выводы Д. Иванова получились нетривиальными: вклад нерыночных (бюджетных) услуг в неравенство регионов по уровню заработной платы и занятости оказался наиболее высоким. Это означает, что в рыночных услугах и промышленности региональные различия в заработной плате более сглажены, поскольку бизнес считает свои издержки. Государство же в лице региональных властей ведет себя более вольно: где хочет или может – быстрее повышает зарплату бюджетникам (например, в Москве и нефтегазодобывающих регионах), а где не хочет или не может – делает это медленнее. При высоких доходах бюджета контроль издержек у региональных властей практически отсутствует, ведь издержки покрывают крупные компании-налогоплательщики.

Не менее важное направление, но традиционно слаборазвитое в российской географической науке – *анализ изменений системы управления*, многочисленных реформ в базовых бюджетных услугах и их последствий для развития отраслей и доступности для населения. В основном это решения федерального уровня, но они по-разному влияют на развитие регионов. Здесь приходится опираться на работы экономистов, исследовавших трансформацию сферы здравоохранения (Здравоохранение в регионах..., 2006) и образования (Российское образование..., 2009). Вакуум в географии отчасти заполняют

студенческие исследования, можно сослаться на дипломную работу П. Деркачева по реформе образования в регионах России (2003), которая стала основой для диссертации, защищенной в ГУ-ВШЭ в 2009 г. Автор сделал анализ экономики образования и реформ в этой сфере в региональной проекции, с учетом множества географических факторов, в том числе расселения. Работы П. Деркачева и Д. Иванова объединяет то, что в них интегрируются подходы географии и экономики, преодолевается давний барьер между ними.

Седьмой – *финансирование* социальных услуг и услуг ЖКХ из бюджетов разного уровня (федерального, региональных, муниципальных). Бюджетные механизмы – важнейшие в региональной политике, тем более в сфере нерыночных услуг. Географы традиционно слабо знакомы с бюджетной проблематикой, это явный пробел в профессиональном инструментарии исследований. В период становления курса данное направление полностью отсутствовало, поскольку не было информации, но теперь она есть в немалом количестве, например, на сайте Независимого института социальной политики. Однако тема финансирования социальных услуг только кратко затрагивается в лекциях, так как студенты 3-го курса еще не прослушали необходимый для понимания базовый курс «География общественных финансов». Ее необходимо изучать более глубоко, поскольку финансовые факторы сильнейшим образом влияют и на размещение учреждений бюджетных услуг, и на их качество, и на доступность для населения. Отчасти это сделано в работах с участием автора (Обзор социальной..., 2007; Зубаревич, 2010), но в преподавании курса они используются в самом общем виде.

Восьмой – более широкий анализ *эволюции методов количественного анализа* в географии услуг: от детерминистских моделей гравитационного типа к вероятностным и далее к поведенческим, учитывающим субъективные предпочтения населения, в том числе ментальные карты и др. В этом направлении развивались зарубежные географические исследования, их стимулировал рыночный спрос бизнеса, стремившегося к оптимальному размещению торговых центров. Отечественные исследования использовать сложно, в географии их почти нет. Возможно, следует подумать о более широком использовании маркетинговой аналитики, которая намного быстрее, чем география, смогла перенять современные методы изучения рыночного спроса. Проблема только в том, что маркетинговые исследования, как правило, недоступны для широкого пользования.

Трансформация курса значительна, но при этом базовая его структура, заложенная тремя авторами учебного пособия в конце 1980-х гг., изменилась непринципиально, она дополнилась и расширилась под влиянием новых вызовов. И это лучшая память о нашем учителе – С.А. Ковалеве.

Чему должна учить география сектора услуг?

Все вышеперечисленные новые направления не решают самую главную методологическую проблему – некоторую эклектичность самого предмета и, как следствие, читаемого курса. Если исходить из миссии университета, то широкий подход, даже страдающий некоторой эклектичностью, все же более уместен, он дает целостное, системное понимание изучаемого предмета. Но университетская широта без концентрации внимания студентов на наиболее важных практических аспектах снижает их конкурентоспособность на рынке труда. Подтверждение этому – низкий спрос российского рынка на консалтинг, проводимый географами. Именно по причине недостаточных знаний экономики отраслей услуг, социологии потребностей и потребления географы не смогли конкурировать с маркетинговыми структурами, которые возникли в 1990-е гг. вслед за спросом на решение задач развития и оптимизации сети платных услуг, прежде всего торговых, в рыночных условиях. Преимуществом маркетинговых структур было лучшее понимание специфики отрасли, логистики и требований бизнеса как заказчика, а географии они обучались «на ходу». Это урок для академической науки и преподавания: имея лучшие стартовые условия, географы не смогли быстро перестроиться и освоить новые подходы.

Даже с академических позиций сложносоставная структура курса географии сектора услуг порождает вечный вопрос: каким должен быть баланс собственно географического и социально-экономического, управленческого знания? Основной исследовательский и преподавательский ракурс вполне понятен – это размещение сети и территориальная доступность услуг, а также пространственная диффузия новых их видов и форматов, как и пространственное сжатие устаревающих или трансформирующихся услуг. Но у такого узкого подхода нет фундаментальной опоры, необходимы знания базовых экономических и социальных трендов, экономики конкретных отраслей, социологии потребления и т.д. В то же время нельзя «объять не-

объятное»: если преподавать эти темы более основательно, то в море «сопредельного» знания растворяется собственно география, ведь размещение во многом вторично по отношению к базовым особенностям отраслей услуг и социально-экономическим факторам. Если же идти собственно от географии (расселения, природно-климатических условий, инфраструктурного каркаса территории), то крайне важные социальные, экономические и управленческие факторы уходят на второй план.

Идеальный географический синтез на основе глубокого знания всех аспектов труднодостижим. В советских исследованиях по географии сферы обслуживания отмечался заметный крен в сторону географии, а в немногочисленных современных, по принципу маятника, – в сторону экономики и управления, хотя здесь географы проигрывают экономистам и маркетологам. Оптимального баланса как не было, так и нет.

Найти золотую середину в преподавании пока не удалось по целому ряду причин. Во-первых, преподавание всегда опирается на достижения науки. К сожалению, современных научных исследований по географии сектора услуг в России – считаные единицы, на таком слабом фундаменте невозможна систематизация и обобщение, необходимые для преподавания.

Во-вторых, мы по-прежнему мало знакомы с зарубежными исследованиями сектора услуг. Но и там не все благополучно, опыт посещения ряда британских университетов группой преподавателей МГУ и беседы на географических кафедрах показали, что западная наука также уходит с этой «делянки». Она все более сдвигается в гуманитарную географию и фокусируется на локальных исследовательских темах и качественных методах, привнесенных из социологии.

В-третьих, по сравнению с 1980-ми гг. ослабли контакты с сопредельными науками – социологией и экономикой, которые могут дать много полезного; кроме того, не сложилось взаимодействие с маркетингом, который плотно встроен в рыночный спрос. И это в первую очередь проблема самих географов: если хочешь быть «на коне» – учись у других, более продвинутых.

В-четвертых, в переходный период не удалось сохранить созданную С.А. Ковалевым школу географических исследований сектора услуг с привлечением многочисленных аспирантов, каждый из которых пытался внести свой вклад в науку под руководством профессора. В этой школе были представлены и проторенные пути, на-

пример, традиционные исследования «комплексной оценки сферы обслуживания региона N» или «региональных различий развития отрасли X». Но были и новаторские работы, в которых изучалась иерархия центров обслуживания (А. Ткаченко), измерялась разными способами территориальная доступность услуг (например, гравитационный метод А. Ткаченко (Алексеев и др., 1991), метод оценки территориального дискомфорта с использованием социологического опроса, разработанный Кулаковым). Школа С.А. Ковалева создавалась на крепком фундаменте большого числа исследований, построенных на корректной методике сбора и анализа информации, изучении влияния разнородных факторов – от расселения до управления, умении выявлять региональное разнообразие сети услуг и потребителей.

К сожалению, этой школы больше нет, но главное все же сохранилось – исследовательское направление и учебный курс. И мы продолжаем учиться сами, чтобы лучше учить студентов.

Литература

Алексеев А.И., Ковалев С.А., Ткаченко А.А. География сферы обслуживания: учебное пособие. – Тверь, 1991.

Здравоохранение в регионах Российской Федерации: механизмы финансирования и управления / отв.ред. С.В. Шишкин. – М.: Поматур, 2006.

Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис. модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010.

Иванов Д.С. Роль сектора услуг в межрегиональных неравенствах занятости и заработной платы в 2000-е годы // Региональные исследования. 2011. № 1. С. 91–98.

Иванов Д.С. Территориальные стратегии сетей гипермаркетов и развитие розничной торговли в крупнейших городах России в 2000-е гг. Курсовая работа (*на правах рукописи*). – М.: МГУ, 2008.

Козырев С.А. Территориальное распространение торговых сетей в системе городов России как процесс диффузии инноваций. Курсовая работа (*на правах рукописи*). – М.: МГУ, 2006.

Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х / под ред. Т.М. Малевой / Н.В. Зубаревич, Д.Х. Ибрагимова и др. / Независимый институт социальной политики. – М.: НИСП, 2007.

Перфильев Ю.Ю. Российское интернет-пространство: развитие и структура. – М.: Гардарики, 2003.

Российское образование: тенденции и вызовы: сборник статей и аналитических докладов. – М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2009.

Сидоренко А.А. Информационные и политические аспекты развития крупных городов России в 2000-е годы: дис. … канд. геогр. наук. – М., 2010.

Illeris S. The Role of Services in Regional and Urban Development: A Re-appraisal of our Understanding // The Service Industries Journal. 2005. Т. 25. № 4. P. 447–460.

N.V. Zubarevich

GEOGRAPHY OF SERVICE SECTOR: NEW CHALLENGES

The article deals with the current state of the geography of service sector and the changes in teaching of this subject. New directions of research are identified: development of market services in the regions, influence of globalization and spatial diffusion of innovative services, geographical distinctions in development and financing of social services rendered by the state, regional aspects of reforming of the social sphere branches, structural transformations of service sector in the regions, improvement of methods aimed at the quantitative evaluation of these processes. Problems of teaching the "Geography of Service Sector" course are considered, as well as of the most efficient combination of wide academic and practical training of students.

С.Ю. Корнекова, Э.Л. Файбусович

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Потребление является необходимым компонентом процесса общественного воспроизводства. Экономическая география в течение длительного времени уделяла внимание вопросам материального производства и почти не затрагивала, за исключением этногеографических работ, проблем потребления. Вовлечение процесса потребления в сферу исследований социально-экономической географии в нашей стране связано с идеями Н.Н. Баранского, В.В. Покшишевского, Ю.Г. Саушкина. Последний считал необходимым «изучение потребления населения и уровня жизни его в разных районах страны» (Саушкин, 1961). С.А. Ковалев посвятил проблемам географического изучения потребления часть статьи «География потребления и география обслуживания населения» (Ковалев, 1966). В этой статье географическое изучение потребления связывается с «географией уровня жизни». Автор пишет, что предлагаемое им содержание исследований требует использования различных источников информации и что это связано с большими трудностями в ее получении. Десять лет спустя С.А. Ковалев посвятил названной проблеме еще одну статью, в которой отмечалось: «… говоря о географии потребления, следует иметь в виду прежде всего изучение региональных различий в объеме и структуре использования населением материальных благ – продукции материального производства, и это еще один «мостик» – связь между географией хозяйства и географией населения» (Ковалев, 1976, с. 156). Говоря о географии потребления автор выражает надежду, что, наряду с другими географическими направлениями и «несмотря на определенные трудности ее развития, в недалеком будущем и эта область социальной географии займет свое место» (Ковалев, 1976, с. 165–166).

В дальнейшем специальные исследования процессов географии потребления были проведены Э.И. Калмуцкой для условий плановой экономики. Ее разработки были использованы нами ранее (Корнекова, Файбусович, 2007). Радикальные изменения экономики России за последние 20 лет обесценили в значительной степени содержательную часть этих исследований, хотя сохраняется возможность использования некоторых примененных при этом методов.

География потребления, с нашей точки зрения, не должна включать в себя проблемы производственного потребления и общественного потреб-

ления, ее предметом должно быть личное (семейное) потребление. Разумеется, грань здесь не очень четкая. Скажем, потребление в армии, в пенитенциарных (исправительных) заведениях в принципе не отличается по самой номенклатуре потребляемых ценностей от потребления в домашнем хозяйстве, хотя внешне представляется формой общественного потребления. Попытка рассмотрения данной темы для современных условий была сделана нами в 2007 г. (Корнекова, Файбусович, 2007).

С учетом этого обстоятельства и ряда других, о которых пойдет речь ниже, очень сложно подсчитать душевые объемы потребляемых продуктов в денежном и натуральном выражении даже в рамках одной страны и тем более ее регионов. Простейшим способом можно было бы считать составление баланса, т.е. выяснить соотношение объемов производства данного вида продукции в стране или регионе, вывоза какой-то части за пределы и соответственно объемов ввоза данного вида продукции. Однако в этом случае возникают сложности – какая-то часть продукта, будучи произведенной и оставаясь на месте производства, образует резервы, которые в данном году реально не потребляются. Следовательно, приходится учитывать и объем продукции, закладываемой в резерв и направляемой обратно из резервов на текущее потребление. А такие данные найти очень трудно. Есть еще одна трудность. Допустим, известно, что регион N производит какое-то количество молока, которое из региона не вывозится, но может быть вывезено производимое из этого молока определенное количество сливочного масла. Если же исходить из принятого в статистике анализа бюджетов хозяйств, то остается огромная масса предметов потребления, которое этими хозяйствами не используется. Если речь идет о продовольствии, то значительная часть его потребляется вовсе не в домашнем хозяйстве, а, в частности, в общественном питании, учреждениях образования и здравоохранения. В текущей статистике такие данные обычно не встречаются. Все это создает большие трудности при анализе структуры потребления для страны в целом и особенно отдельных регионов.

Нами взято как предмет исследования производство и потребление продовольствия в России позднесоветского периода и первого десятилетия XXI в. При всех обозначенных выше трудностях все же рынок продовольствия в силу относительно ограниченной номенклатуры продукции исследовать легче по сравнению с промышленными товарами. Кроме того, максимально возможное потребление продовольствия индивидом имеет биологические ограничения, по крайней мере в натуральном выражении (а не в ценовом), и поэтому может быть норми-

ровано, тогда как потребление промышленных товаров «обществом потребления» не имеет разумных границ. Потребление продовольствия носит более стабильный характер в отличие от потребления «ширпотреба» и бытовой техники. Тем более что НТП и веяния моды ускоряет темпы старения этих видов потребляемых изделий. Особое внимание к потреблению продовольственных товаров связано с тем, что потребление пищи удовлетворяет первичные потребности человека. Тема недостаточного удовлетворения потребностей в продовольствии длительное время была единственной стороной исследований в области географии потребления – укажем на известную в свое время работу Жозуэ де Кастро «География голода». В наше время обозначился интерес к проблеме продовольственной безопасности страны в целом и отдельных ее регионов (например, Санкт-Петербург, Ленинградская область). Как известно, история России знает многие страшные голодные годы: в начале XVII в., при Борисе Годунове, голод 1892 г. в «процветавшей», по мнению многих историков, России при Александре III, голодные годы советского периода (1921, 1933, 1946), которые заложены в генетическую память народов России. Но, как известно, дефицит особенно ценных видов продовольствия (например, животноводческой продукции) наблюдался и в другие периоды. Продовольственная безопасность расценивается как способность страны или региона обеспечить собственной продукцией население. Считается, что если для страны в целом, доля импорта в потребляемом продовольствии превышает 40%, то эта страна не в состоянии обеспечить свою продовольственную безопасность. Термин «продовольственная безопасность» получает в последнее время и несколько иное значение. Продовольствия может быть в стране и достаточно, но очень низкого качества. Допустим, экологически загрязненное (например, с нитратами), с наличием вредных примесей, фальсифицированное и т.п. Употребление подобной продукции угрожает здоровью людей и, следовательно, небезопасно для потребителя. Отсюда тяга состоятельных потребителей в высокоразвитых странах к экологически чистым продуктам, даже невзирая на более высокую цену. Но эта проблема скорее не географическая, а санитарно-гигиеническая.

Разумеется, представляет интерес исследование географии питания и в так называемые нормальные периоды. Территориальные различия между странами и регионами в значительной степени определяются природными условиями, прежде всего агроклиматическими и почвенными, с чем связаны возможности производства тех или иных продовольственных культур, а также фаунистическими особенностями,

например, наличие рыбы, диких животных, употребляемых в пищу. Соответственно очень интересным является исследование меню разных народов. Исторический обзор для Европы дан в книге Массимо Монтанари (2009). Но эта интересная работа все-таки историческая по своему характеру, а подобного рода географических работ мы не встречали. Между тем такая информация в географическом разрезе представляет не только сугубо познавательный, но и практический интерес, поскольку позволяет совершенствовать территориальную организацию производства и потребления продовольственных товаров, определять возможности производства и потребления, ввоза продовольствия в случае недостатка местного производства для каждого региона. Ключевым для такого рода задач мы считаем изучение *региональных территориально-потребительских продовольственных комплексов*. При этом необходимо учитывать, что не все производимое в регионе продовольствие приобретает товарную форму. Значительная часть потребления продовольствия осуществляется за счет собственного производства в рамках личных хозяйств населения. Установить, какая это именно часть, сложно в натуральном выражении и еще труднее – в ценовом. Для этого нужна как минимум специальная методика исследования.

Региональный территориальный комплекс производства и потребления продовольствия (РТК ППП) по объему во многом совпадает с территориальным АПК, однако некоторые виды продовольствия производятся вне АПК, в то же время в АПК производится не только продовольствие. В состав РТК ППП следует включать производство всякого рода сельскохозяйственной продукции (а также рыболовства и лесных промыслов), которая может быть использована для питания человека непосредственно или в переработанном на промышленных предприятиях виде. Таким образом, в комплекс включаются предприятия пищевой промышленности, а также предприятия, связанные с хранением продукции. Далее, сюда входит сеть оптовой и розничной торговли продовольственными товарами. Наконец, важнейший компонент комплекса – потребители, представленные в основном домашними хозяйствами, а также различного рода учреждениями, в которых обеспечивается питание за общественный счет. Основная, по крайней мере в городах, часть потребления продовольствия осуществляется за счет приобретения продуктов на предприятиях торговли. В географическом разрезе нас больше всего интересуют проблемы обеспеченности продовольствием и отдельными его видами населения регионов. Уровень обеспеченности может определяться соотношением производства продоволь-

ствия на душу населения (с учетом возможностей потребления привозной продукции) с оптимальными медицинскими нормами потребления основных продовольственных продуктов. Но в реальности важнее сопоставление не с нормами потребления, а с покупательной способностью населения, что особенно ярко проявляется в условиях рыночной экономики. Кроме того, географов интересует натуральный состав потребляемых продуктов и соотношение в потреблении продуктов местного производства, завозных и импортных. Нам уже приходилось писать, что различается потребление, обеспечиваемое продуктами местного производства – автохтонное и привозными продуктами – аллохтонное (Корнекова, Файбусович, 2007). В книге Ю.Н. Гладкого приводится интересный пример аллохтонности питания современного европейца: «Он пьет цейлонский, индийский или китайский чай или, быть может, кофе мокко из Эфиопии или арабику из Латинской Америки… В разгар зимы на его столе можно увидеть клубнику и вишни из Аргентины или Чили, свежую зеленую фасоль из Сенегала, плоды авокадо или ананасы из Африки. В его баре есть бутылки рома из Мартиники, русская водка, мексиканская текила, американский бурбон…» (Гладкий, 2010, с. 583). Заметим, правда, при этом, что ни один из названных видов продуктов не является жизненно необходимым.

К сожалению, очень мало материала для изучения проблем географии питания приводилось в советской статистике, даже по стране в целом, тем более в региональном разрезе. Так, нам удалось обнаружить данные о потреблении основных продуктов питания в СССР (табл. 1).

Из таблицы хорошо видно, что уровень потребления продуктов животноводства и особенно овощей и фруктов был значительно ниже медицинских норм. При очень низких государственных ценах на эти

Таблица 1. Потребление основных продуктов питания в СССР (на душу населения в год, кг)

Продукты питания	Рекомендуемая норма	1990 г.	1990 г., % к норме
Мясо и мясопродукты	78	70	90
Молоко и молокопродукты	405	330–340	81,5–84
Яйца, шт.	292	260–266	89–91
Сахар	40	45,5	114
Растительное масло	9,1	13,2	145
Овощи и бахчевые	130	126–135	97–104
Фрукты и ягоды	91	66–70	72–73

Источник: Актуальные народохозяйственные..., 1982, с.156.

Таблица 2. Товарная структура розничного товарооборота СССР в 1960–1970 гг., %

Товарная группа	1960	1978
Все товары	100	100
Продовольственные товары, в т. ч.:	54,43	52,16
белковые продукты	15,71	17,02
сахар и кондитерские изделия	8,47	5,89
хлебопродукты и картофель	9,97	5,79
овощи и фрукты	2,81	3,73
другие продовольственные товары	17,47	19,73
Непродовольственные товары	45,57	47,84

Составлено по: Беляевский, 1980, с. 8.

продукты существовал огромный дефицит в товарной сети, который определялся недостатком производства этих видов продукции. Именно в связи с этим возникла Продовольственная программа, которая призвана была привести к увеличению объемов производства и сокращению дефицита. Большое значение придавалось производству сельскохозяйственных продуктов в личных подсобных хозяйствах, которые в 1980 г. производили (к общему их производству в стране): картофеля – 64%, овощей – 33, мяса – 31, молока – 30, яиц – 32%. (Актуальные народохозяйственные..., 1982, с. 157). Интересные данные о структуре товарооборота и роли в нем продовольственных товаров содержатся в книге И.К. Беляевского (1980).

Из табл. 2 хорошо видно, что доля продовольственных товаров устойчиво превышала половину товарооборота и снижалась очень медленно. Заметное снижение произошло только за счет наименее ценных продуктов – хлебопродуктов и картофеля. Единственная информация, которая содержится в этой книге в территориальном разрезе, приводится только по союзным республикам и в отношении товарооборота в целом (Беляевский, 1980, с. 86). При этом выясняется, что доля в товарообороте была выше доли по населению в РСФСР и республиках Прибалтики, тогда как во всех остальных республиках была значительно ниже (в Белорусской ССР доля в товарообороте соответствовала доле по населению). Можно предположить, что в значительной мере это соотношение сохранялось и для потребления продовольственных товаров. Однако хорошо известно, что значительная масса товаров, покупаемых в хорошо снабжаемых городах, республиках, осуществлялась приезжими из плохо снабжаемых республик и регионов. Соответственно потреблялось это не в месте приобретения товаров (что было отмечено С.А. Ковале-

вым). Имела место массовая миграция с целью закупки в немногих центрах предметов потребления, в том числе и продовольственных товаров (так называемые колбасные поезда). Кроме того, в указанной книге (Беляевский, 1980, с. 157) приводятся данные о продаже продуктов питания на душу населения по союзным республикам по отношению к средней по СССР в 1970 г. Наиболее высокими эти показатели были в Эстонии – 141,4%, в Латвии – 138,7, и в РСФСР – 111,7%. Во всех остальных республиках эти показатели были значительно ниже, особенно в Киргизской ССР – 55%, Таджикской ССР – 62,1 и Узбекской ССР – 63,1%. Учитывая относительно небольшой разрыв в ценах на продовольственные товары в государственной торговле, можно считать, что имело место значительное недопотребление продовольствия, особенно наиболее ценных его видов в указанных республиках.

Очень сильно ощущались различия и в объемах потребления различных видов продуктов, и в объемах потребления и в номенклатуре продовольственных товаров, доступных для приобретения в Российской Федерации. Однако найти данные нам пока не удалось.

Широкую комплексность исследования в области географии продовольственного потребления приобретает при использовании показателя продовольственно-ресурсного потенциала и емкости ландшафта. В этом случае оказывается возможным избежать конъюнктурных оценок уровня продовольственной безопасности, связанных с гримасами рыночной экономики. Важной работой в этом отношении является глава V книги А.Г. Исаченко (2008). Проблема оценки потенциала решается автором на двух уровнях – глобальном и для территории России. Автор опирается на специальное исследование глобальной проблемы для рубежа XX–XXI вв. (Пуляркин, 2000). В его статье различается восемь типов стран по обеспеченности продовольствием. Все расчеты продовольственной обеспеченности сделаны на основе пересчета всех видов потребляемых продуктов питания в суммарную калорийность. При такой системе подсчетов обеспеченность определяется производством продовольственных культур в ккал на человека в сутки. В начале 1960-х гг. диапазон этого показателя – от 10 900 ккал в Дании, до 2200 ккал в Буркина-Фасо (Исаченко, 2008, с. 212). В 1989 г. тот же показатель во Франции составлял 11 416 ккал на душу населения – растительного происхождения и 1676 – животного происхождения. Соответственно в Японии – 1806 и 1353 ккал (только сельскохозяйственного происхождения, без морепродуктов). В 1985 г. даже по минимальному варианту (вегетарианскому) обеспеченность населения Бангладеш составляла 57% (Иса-

ченко, 2008, с. 214). Что касается России, «мерой ПРП служит выход валовой продукции сельского хозяйства, которая потенциально может быть использована в качестве источника жизни для населения, независимо от того, как эта продукция фактически расходуется (в какой-то части идет на экспорт или на технические нужды, теряется при перевозке и хранении, уничтожается вредителями и т.п.)» (Исаченко, 2008, с. 215). В особой таблице на основе исчисления регионального индекса продуктивности продовольственных культур (Исаченко, 2008, с. 218–219) определяется уровень продовольственной обеспеченности населения Российской Федерации в двух вариантах. Самым высоким этот показатель являлся в Курской (716%) и Орловской (690%) областях. В то же время из 77 представленных в таблице регионов 23 имели обеспеченность ниже 100%, при этом минимальные значения, если не считать северных регионов, оказались в Ленинградской области (12%, с учетом Ленинграда) и Московской области (23%, с учетом Москвы) и без учета добычи морепродуктов. Согласно подсчетам А.Г. Исаченко, население России может быть обеспечено собственными продовольственными продуктами растительного происхождения даже с избытком – 119%, а животной пищевой продукцией – на 87% (Исаченко, 2008, с. 225).

Данные об обеспеченности населения продовольствием на душу населения в ккал в сутки на 1978 г. по информации FAO приводятся в книге «Продовольственная программа: проблемы разработки и реализации»: мир в целом (ккал/сутки) – 2718, Африка – 2094, Северная Америка – 3443, в т.ч. США – 3864, Азия – 2389, Европа – 3773, в т.ч. СССР – 3930. Судя по этим данным (Продовольственный рынок..., 2003, с. 8), в период постановки вопроса о Продовольственной программе показатели СССР были выше, чем в странах «золотого миллиарда» – США и Европы. За 15-летие (1965–1980 гг.) заметно увеличилось душевое потребление мясных и молочных продуктов, овощей, фруктов, ягод, рыбы и почти вдвое – яиц. Что свидетельствовало о приближении рациона питания советских людей к структуре рациональных потребностей. Предполагалось, что за счет реализации Продовольственной программы удастся довести душевое потребление населением мяса до 70 кг, рыбопродуктов – 19 кг, молока и молочных продуктов – 33–34 кг, яиц – 260–266 шт., плодов и ягод – 66–70 кг, овощей и бахчевых культур – 126–135 кг.

Данные о современном потреблении продовольствия в региональном разрезе опубликованы в статистическом сборнике (Регионы России, 2010). Мы отобрали информацию по субъектам Российской Федерации из четырех округов (табл. 3).

Таблица 3. Потребление продуктов питания на душу населения в год, кг

Субъект РФ	Мясо	Молочные продукты	Картофель	Овощи и бахчевые	Хлебные продукты
Москва	78	223	69	85	107
Тверская область	58	250	101	100	138
Санкт-Петербург	70	318	72	77	88
Новгородская область	64	250	116	105	115
Калининградская область	81	241	131	116	106
Ростовская область	66	262	101	125	107
Респ. Карачаево-Черкесия	63	359	145	104	133

Составлено по: Регионы России, 2010.

Возможно, выборка оказалась не самой удачной. Она показывает отсутствие значительных различий в потреблении основных видов продовольственных товаров. Так, по большинству видов продовольствия разрыв в потреблении составляет 1,6 раза, исключение – картофель, по которому разрыв наблюдается в 2,1 раза. Без дополнительных исследований на месте трудно объяснить лидерство Карачаево-Черкесии в потреблении молочных продуктов и особенно картофеля и отставание по потреблению этих же продуктов Москвы. Вероятно, при изучении данных по всем регионам можно выявить более четкие закономерности территориальных различий в потреблении продовольствия. Далее мы сделали попытку выявить региональные различия в потреблении продуктов, не отраженных в материалах справочника, указанного выше.

Среди видов продовольственных продуктов, по данным 2001 г., выделяются те, которые производятся повсеместно или практически повсеместно, и те, которые производятся в небольшом числе узкоспециализированных регионов. К таким продуктам, в частности, относится сахар. В рассмотренных нами регионах трех федеральных округов – Центральном, Южном и Северо-Кавказском (Продовольственный рынок..., 2003) – сахар производится всего в 11, при этом, в восьми из них объем производства на душу населения многократно превышает среднюю норму потребления – 40 кг/год. Лишь соответствует этой норме производство в Ставропольском крае и явно недостаточно для удовлетворения даже собственных потребностей в Карачаево-Черкесии. Если рассмотреть производство хлеба и хлебобулочных изделий на душу населения, то даже в пределах относительно однородного по особенностям потребления ЦФО разрыв в потреблении оказывается весьма значительным – от 57,9 кг в Москве до 100,3 кг

на душу населения в год в Орловской области и 91,8 кг – в Тверской области. Найти объяснения такому разрыву довольно трудно. В «русских» регионах двух федеральных округов Юга душевые объемы производства хлеба в целом совпадают с ЦФО и оказываются очень низкими в республиках, за исключением Дагестана – 96,8. Даже если не брать во внимание Чеченскую Республику, показатель производства хлеба оказался очень низким в Карачаево-Черкесии – 10,1 кг, Ингушетии – 19,7, Калмыкии – 22,8 кг. В остальных республиках чуть выше. Возможно, это связано с национальными особенностями потребления. В какой-то мере удовлетворение потребности в хлебной продукции осуществляется за счет использования муки промышленного производства. Например, в Кабардино-Балкарии ее производится больше, чем хлеба, – 43,7 кг, в Адыгее – чуть меньше, чем хлеба, – 29,7 кг на душу в год. В то же время, ничтожное количество муки производится в Карачаево-Черкесии – 5,57 кг и Ингушетии – 3,17 кг на душу в год. Объяснить это можно двумя версиями: первая – домашнее хлебопечение обеспечивается за счет привозной муки промышленного производства из других соседних регионов, вторая – помол зерна в этих республиках осуществляется вне промышленного производства. В пользу первой версии говорят очень большие объемы производства в Краснодарском крае – 143,37 кг и Ставропольском крае – 126,97 кг на душу в год. Большие объемы производства муки в этих краях обеспечивают потребности в муке других федеральных округов. Характерно, что практически во всех регионах ЦФО промышленное производство муки на душу населения значительно превосходит кавказские республики, особенно это относится к регионам зерновой специализации (выше 100 кг на душу в год: Белгородская, Курская, Липецкая, Орловская области). На этом фоне впечатляют объемы производства муки в Ярославской области (171,97 кг на душу в год), что почти втрое больше, чем в соседней Тверской – 62,4 кг. Неожиданными, на наш взгляд, являются данные о душевом производстве крупы по стране в целом и отдельно по регионам. По данным справочника (Продовольственный рынок, 2003, с. 166), в 2001 г. производство крупы (трудно предположить, что ее производят в домашних хозяйствах в сколько-нибудь значительных объемах) обеспечивает крайне низкие объемы ее потребления. Так, в 2001 г. производство крупы в России составило 994 тыс. т, т.е. около 7 кг на душу населения в год. Легко сосчитать, что дневное потребление при таком объеме производства составляет 20 гр. При исследовании в нашей работе «ключевых» ре-

гионов мы обнаружили большие территориальные различия. Максимальное душевое производство крупы на душу населения – в Краснодарском крае (свыше 44 кг/год). Это в основном связано с производством риса. В Краснодарском крае производится 22,5% всей крупы России. Очевидно, потребление круп в крае значительно ниже, чем производство. Выделяются другие регионы, где показатели душевого производства выше среднероссийских. Среди них в Центральном федеральном округе – Белгородская, Брянская, Владимирская, Воронежская, Костромская, Курская, Липецкая, Орловская и Тульская области. Можно предположить, что эти регионы являются поставщиками крупы для своих соседей, и прежде всего Москвы, где на душу населения производится около 2 кг в год. Во всех остальных регионах округа оно значительно ниже средних значений. В некоторых регионах производство ничтожно. На юге России, помимо упомянутого Краснодарского края, наибольшие душевые объемы производства (превышающие среднероссийский уровень) наблюдались в Ростовской, Астраханской, Волгоградской областях и в Ставропольском крае. Минимальные абсолютные объемы производства крупы – в национальных республиках Юга. Означает ли это, что и потребляется столь же мало указанного продукта? Даже если предположить, что играют роль этнические особенности питания населения. Однако в ряде этих республик высок удельный вес русского населения.

На примере данных по Северо-Западному федеральному округу можно установить соотношение норм потребления по 10 видам продовольственных товаров. В табл. 4 знаком «+» обозначены те виды продукции, по которым объемы их потребления в 2004 г. превышают 100% от объема рекомендованного с учетом норм потребительской корзины.

Нетрудно видеть, что по мясу и сахару во всех регионах СЗФО (кроме Санкт-Петербурга) наблюдается превышение норм потребительской корзины, а по хлебу и растительному маслу, наоборот, наблюдается потребление ниже рекомендуемой нормы. Если верить данным официальной статистики, то самое благополучное положение с потреблением продовольствия (определяемое по числу позиций с превышением нормативов) в Псковской области – 8, Новгородской – 7 и Калининградской – 6. Во всех остальных регионах, включая Санкт-Петербург, отмечается неблагоприятная ситуация. Следует также отметить значительные различия по объемам потребления между регионами. Так, максимальное различие по потреблению мяса состав-

ляет 166,7 % (от нормы) – в Калининградской области и минимальное – 104,8 % – в Архангельской области.

Если сопоставить объемы производства и потребления, можно определить долю местного производства в удовлетворении потребительского спроса на отдельные виды продовольствия. Если сравнить северные регионы (Архангельская, Мурманская области, Республика Коми) и южные регионы (Вологодская и Псковская области) СЗФО (табл. 4), можно сделать следующие выводы. Северные регионы, особенно Мурманская область, не обеспечивают себя полностью ни одним видом продукции тогда как в южных субъектах объемы местного производства полностью обеспечивают покупательский спрос собственного населения и делают возможность поставки продукции в менее благополучные регионы и в Санкт-Петербург.

Даже самый точный учет составляющих баланса потребления не раскрывает всей картины уровня самообеспеченности территории. Если взять в качестве ключа объем продаж товаров в каком-то супермаркете и долю в нем импортных и ввозимых из других регионов страны (в натуральном и денежном выражении), то не все становится ясным. Собрать такую информацию трудно. Можно пересчитать число наименований товаров. Допустим, молочные продукты все

Таблица 4. Соотношение фактического потреблении и норм потребления основных видов продовольствия в регионах Северо-Западного федерального округа в 2004 г.

Субъекты СЗФО	Мясо	Молоко	Яйца	Рыба	Сахар	Картоф.	Овощи	Фрукты	Хлеб	Раст. масло
Республика Карелия	+	–	+	+	+	–	–	+	–	–
Республика Коми	+	–	+	+	+	–	–	+	–	–
Архангельская обл.	+	+	–	+	+	–	–	+	–	–
Вологодская обл.	+	–	+	–	+	+	+	+	–	–
Калининградская обл.	+	–	–	+	+	+	+	+	–	–
Ленинградская обл.	+	–	+	–	+	–	–	+	–	–
Мурманская обл.	–	–	+	+	+	–	–	+	–	–
Новгородская обл.	+	–	+	+	+	+	+	+	–	–
Псковская обл.	+	+	+	+	+	+	+	+	–	–
г. Санкт-Петербург	+	+	+	–	–	–	–	+	–	–

Составлено по данным Федеральной службы госстатистики.

местного производства, но они изготовлены с использованием сухого молока или даже суррогата (пальмового масла). Колбасные изделия местного производства могут быть изготовлены из привозного импортного мяса, включая экзотическую «австралятину» – мясо кенгуру, как сообщалось в прессе. Необходимо специальное исследование, хотя бы по некоторым видам пищевых продуктов, которые не проходят нескольких стадий переработки, например куриные яйца, овощи, картофель, фрукты, какова доля на прилавке продуктов внутрирегионального происхождения, из других регионов, импортных. Для всех остальных продуктов можно говорить только о тех, которые не проходили «передела» – зерно, мясо в убойном весе, натуральное молоко, поступающее непосредственно от хозяйств. Но даже местное производство того же мяса или молока может быть ориентировано на привозные корма, в том числе импортные, и определить их долю в массе произведенных, и тем более потребленных, продуктов, практически невозможно. Еще сложнее это осуществить для продуктов, потребляемых в общественном питании, той части, которая относится к личному потреблению, но установить, из продуктов какого происхождения предлагаемые посетителю блюда, – совершенно невозможно.

Во времена относительно низких цен на продовольствие, в условиях плановой экономики, основная часть продуктов, особенно в городах, поступала на стол потребителя из торговой сети (доля продукции личных хозяйств, кроме овощей и фруктов, была не очень значительной). Потребление части видов продуктов ограничивалось относительно высокими ценами. Но в большинстве случаев потенциальный покупательский спрос на товары государственной и кооперативной торговли превосходил предложение, порождая почти повсеместно дефицит, особенно животноводческой продукции (мясо, сливочное масло) и импортной продукции тропического земледелия (бананы, цитрусовые, кофе и др.). Тогда объем реализации продовольствия и потребления определялся преимущественно выделяемыми государством фондами, а не потребностями и денежными доходами покупателей.

В советский период дефицит ценных видов продовольствия в продаже, как отмечалось выше, в большинстве регионов ощущался очень сильно. В постсоветские годы с резким ростом цен на многие массовые виды продовольствия, особенно хлебобулочные изделия, объем потребления стал определяться не предложением, а покупательским спросом, лимитированным низкими доходами значительной части на-

селения. И определить потенциальные объемы спроса стало возможно по соотношению среднедушевых доходов населения и, например, величины прожиточного минимума (официально установленного), лучше с поправкой на удельный вес продуктов питания в прожиточном минимуме, то есть с учетом стоимости продовольственной корзины. Такие данные регулярно публикуются статистическими органами в региональном разрезе. При более детальных исследованиях необходимо делать поправку на различия стоимости продовольственной корзины для детей, граждан трудоспособного и пенсионного возрастов.

По данным на 2009 г., опубликованным в «Российской газете» в марте 2011 г., показатели денежных доходов на душу населения, например, в регионах СЗФО, различаются в 4,2 раза (Ненецкий АО и Псковская область). Даже с учетом различий этих регионов в величине прожиточного минимума (или стоимости потребительской корзины) диапазон очень велик. Можно утверждать, что платежеспособный спрос на продовольствие (в натуральном выражении) должен быть значительно выше (если предположить равную его долю в расходах), и это даже при различиях в ценах, естественно, более высоких в удаленных северных регионах.

При всех указанных (и возможно, других возникающих при изучении проблем потребления продовольственных товаров) сложностях, география потребления может играть важную роль при определении покупательной способности и объема спроса, возможной величины реализации местных и привозных продуктов питания для его удовлетворения. Кроме того, это позволит дать обоснованные рекомендации относительно «социальных» цен для малообеспеченных слоев населения и определить необходимые объемы производства продовольствия в регионе для обеспечения его продовольственной безопасности.

В идеале авторы намеревались дать типологию регионов России, с учетом структуры потребления продовольственных товаров и уровня обеспечения продовольственной безопасности. Однако отсутствие массива сопоставимых данных и в хронологическом, и в региональном аспекте не позволило пока осуществить этот замысел. Поэтому предлагаемая работа на данном этапе исследования содержит преимущественно подходы, которые следует применять к решению проблемы типологизации с использованием разнородных материалов по различным регионам и периодам. Есть необходимость довести работу по типологизации РТК ППП с использованием большего объема статистической информации и материалов полевых исследований.

Литература

Актуальные народохозяйственные проблемы 80-х годов в материалах XXVI съезда КПСС / сост. О.Н.Агапова. – Л.: Лениздат, 1982.

Беляевский И.К. Население и товарооборот: Тенденции и взаимосвязи. – М.: Статистика, 1980.

Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география: научная экспликация. – СПб.: Филологич. ф-т СПбГУ, 2010.

Исаченко А.Г. Ландшафтная структура Земли, расселение, природопользование. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008.

Ковалев С.А. География потребления и география обслуживания населения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 1966. № 2. С. 3–10.

Ковалев С.А. Географическое изучение населения, его потребления и общественного обслуживания // Перспективы географии / Вопросы географии. Сб. 100. – М.: Мысль, 1976. С. 156–166.

Корнекова С.Ю., Файбусович Э.Л. Проблемы развития географии потребления как научной дисциплины // Актуальные проблемы современной географии. Вып. V. – Смоленск: Универсум, 2007. С. 170–176.

Монтанари М. Голод и изобилие: история питания в Европе. – СПб.: Alexandria, 2009.

Продовольственная программа: проблемы разработки и реализации. – М.: Наука, 1983.

Продовольственный рынок России. Стат. сб. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2003.

Пуляркин В.А. Глобальная продовольственная проблема как географический феномен // Изв. АН. Сер. геогр. 2000. № 2. С. 20–27.

Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2010: Стат. сб. – М.: Росстат, 2010.

Саушкин Ю.Г. География населения и смежные науки // Мат-лы I Межведомственного совещания по географии населения. Вып.1. – М.–Л.: Изд-во Геогр. о-ва СССР, 1961 (ротопринт).

S.Yu. Kornekova, E.L. Fajbusovich

GEOGRAPHICAL APPROACH TO STUDYING OF THE CONSUMPTION OF FOODSTUFFS

Geography of consumption is considered to be one of the essential divisions of human geography. It studies personal consumption, household consumption. Its object of study is regional territorial complex. The article is concerned with a particular case – territorial consumer food complexes within Russia, and describes their research approaches.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

С.А. Ковалев

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОЧЕРКИ – ЭТЮДЫ О НЕБОЛЬШИХ ГОРОДАХ НАШЕЙ РОДИНЫ

16 сентября 1939 г.

Осень, тихая и спокойная, полновластно царит в смешанных лесах Среднего Урала, где рука человека не смогла или не захотела уничтожить лесной наряд земли. Это бесконечное чередование лесов, рощь, вырубок и гари и снова лесов, нескончаемая и неповторимая смесь всех оттенков золота, охры и красного света – складывается в целую симфонию беззвучной смены пейзажа, когда едешь лесной уральской веткой.

Лысьва

16 сентября 1939 г.

И вот Лысьва. Гигантский завод, протянувшийся рядами разнокалиберных корпусов далеко по низменной пойме реки Лысьвы и упершийся своей головой в плотину обычного для уральских заводов пруда, как бы рассекая город надвое своим компактным, плотным и темным телом.

Город и завод расположены к станции железной дороги «задом». К центру города идешь предместьем, вдоль всего завода, до центра не менее 2–2,5 километра. Это дает возможность видеть весь поселок, сделать «разрез» его по всем правилам анатомии.

Левобережная часть в основном застроена в 1928–1930 годах двухэтажными деревянными домами современного типа: большие окна, высокие этажи, вероятно, просторно и хорошо. Дружные ряды этих домов поднимаются и по склонам холма; завод, занимающий левый берег реки Лысьвы, оттуда кажется совсем внизу. Пониже есть поселочек «Карпаты» – отголосок и память империалистической войны: там жили пленные австрийцы, использовавшиеся на заводе. Есть и серенькая, хмурая, нескладная, необычная для нашего глаза деревянная австрийская церковь…

Основная часть города расположена на правой стороне, вдоль завода, а также несколько выше его на плавном, ровном склоне, кое-где пересеченном поперечными оврагами.

Пройдя пристанционный поселок «Сахалин», попадаешь в старую, «настоящую» Лысьву – насквозь прокопченные, желто-черные

от многолетнего дыхания завода, замкнутые по-уральски хозяйственные дома-усадьбы, с огородиками на задах и обязательным крылечком. Многие из них ушли в землю до окон, многие покосились до «ромбоэдрического», что ли, состояния, некоторые совсем на боку… Но много и крепких, «справных» домов, прочно стоящих на добротных фундаментах, готовых простоять и еще сотню лет.

Общее у всех – цвет и тот «деревянный дух», которым проникнуты все старые строения на Урале: дерево везде – и в крыльце, и в заборе, и в воротах усадьбы и в нужнике, стоящем на огороде; везде один стиль, один цвет – старого закопченного крепкого дерева.

А крылечки! Крыльцо – обязательно с навесом, с бортиками и лавочками у них, где так уютно посидеть, посплетничать, полущить семечки, поцеловаться попозже вечерком. (Кстати, эти крылечки как-то не у дел теперь – я не видел ни разу их «применения»; правда, осень, но все же были чудесные дни и вечера. Эта поэзия, похоже, уходит в прошлое: молодежь занята, ей не до того.)

Улицы не мощены (за исключением главных). Деревянные тротуары давно не чинены; доски стерлись под ногами до полного износа и продырявливаются местами. Сколько нужно лет, чтобы протереть тротуар при здешнем немноголюдстве на улицах?! Каждый квартал имеет свои – откровенные или хитро замаскированные – ловушки для ног прохожих. Опытные местные люди, даже хорошо изучившие все тонкости тротуаров в своем квартале, предпочитают все же вечерком путешествовать по мостовой…

Темный осенний вечер на окраине Лысьвы. Только что перестал идти дождь: тихо, тепло, сыро. На улицах темно и безлюдно. Редко-редко прошлепает по глинистой мокрой улице человеческая фигура: по деревянным тротуарам ходить ночью очень небезопасно, доски от времени превратились в ловушки для прохожего, прыгают и гнутся под ногами; приходится балансировать.

Прямо внизу в полукилометре простирается Лысьвенский завод – душа, праотец, кормилец, мучитель этого города. Там сейчас много огней – мягкий желтый свет в окнах цехов, яркие колючие точки наружных фонарей, красноватые дрожащие отблески в горячих цехах.

Налево на юг, над мартеновским цехом и прудом, небо беззвучно освещено дрожащими, замирающими и вновь возникающими вспышками красноватого света, словно зарницами отдаленной грозы. Это свет мартенов, отблеск огненных ослепительных жерл печей, откры-

ваемых на мгновение, отдаленные зарницы тяжелого, напряженного и опасного труда сталеваров.

Вправо, где свет заводских корпусов особенно тусклый, слышны ритмические тупые удары: это листопрокатка, и каждый удар означает начало рождения нового листа из раскаленной заготовки, первый проход ее через лениво вращающиеся мощные вальцы. Стуки слышны непрерывно, поочередно из всех углов обширного темного корпуса.

Я представляю себе бесшумный быстрый бег маховика листопрокатных станов, напряженные и сосредоточенные движения листопрокатчиков, по двое выхватывающих из вальцов вишнево-красный, быстро темнеющий лист, ложащийся на стопку своих, уже остывших братьев, и грузный черный корпус листового стана, вздрагивающий на мгновение при втягивании новой заготовки: в этот момент сотрясаются, сжимаясь, мощные пружины, прижимающие валки, и они-то стучат, пропустив заготовку первым проходом.

Прямо передо мной должны быть отделочные цеха – эмалировка, оцинковка, лужение. Днем здесь из многотонных труб поднимается цветной, тяжелый дым – розовый, желтый, зеленоватый. В цехах сейчас, вероятно, светло, просторно. Там работают преимущественно женщины, неутомимо и аккуратно окунающие, снимающие, поворачивающие бесконечные ряды чайников, чашек, кружек, тазов и кувшинов.

Как, наверное, неприятно и скучно идти ночью, со второй смены домой, по грязным, темным и безлюдным улицам… Прежде чем лечь спать, надо подоить корову и приготовить завтрак для мужа из первой смены.

Где-то шумит струя пара, слышен глухой ровный гул механических цехов, иногда резко и уверенно кричат заводские «кукушки». Завод живет в ночи так же неутомимо и напряженно, как и днем, а город спит.

Окраинные улицы тихи. Кое-где легкий ветер доносит мирный, хозяйственный запах сена, навоза, невычищенной конюшни: во многих из глухих, по-уральски закрытых дворов поселка есть лошади, коровы, козы.

Домики тихо светят окнами в ночь. Проходя мимо, слышишь заглушенные стенами звуки радио, видишь чистенький потолок, белые занавески: чувствуешь чужую, незатейливую, мирно текущую жизнь… И глушь и грязь заброшенных, туманных и мокрых улиц уже не кажется такой унылой и безнадежной.

Да, уральские поселки – это провинция, но это особая провинция, далекая от безысходности застоя и ненужности бывших «заштатных»

городков, сохранившихся кое-где и сейчас, медленно умирающих, лишенных промышленности, трудовой коллективной производственной жизни, мощного стержня, оправдывающего их существование.

Здесь завод – праотец поселка и его душа. На его мощном хребте покоится все – и экономика каждой семьи, и планы и надежды молодого поколения, и перспективы развития и благоустройства города, его будущий расцвет. Он кажется становым хребтом города, незыблемой и неустранимой основой его планировки.

И, конечно, должно наступить время, когда цветные, медленные дымы и свирепый отблеск расплавленной стали будут укрощены настолько, что труд здесь будет полностью безопасен и здоров, когда с завода будет полностью снят тягостный эпитет «мучителя»…

Снега и лабазы…

Январь 1942 г.

…Массивные кирпичные ворота с башенками, кованой решеткой сверху и глухими дубовыми полотнищами ворот преграждают вход и даже взгляд во двор. Направо от ворот, после маленькой незаметной калитки – дом с красным кирпичным цоколем и деревянным верхом; бревна верхнего, второго, этажа тесаные – бревно к бревну, выкрашенные желтой краской; карнизы – резные, в четыре ряда, крепкая железная крыша, головки водосточных труб – в прорезных железных футлярах, как в железных кружевах… Налево тянется мощная, глухая стена лабаза: выделанные на ней слепые, ложные окна из кирпичных фестонов не убавляют ее нелюдимости и какого-то жадно-собственнического духа, навсегда поселившегося здесь, как бы заложенного в эти стены при самой закладке…

Таков типичный «архитектурный ансамбль» дореволюционного Шадринска. Кирпичные амбары, сараи и лабазы – красные и побеленные, более однообразные и пышно украшенные фасонной кирпичной кладкой, совсем глухие и с малыми окнами, подобно бойницам выходят на улицу боком – торцом, реже спиной – задним фасадом; каждый квартал города, кроме разве беднейших серых деревянных окраин, утыкан ими. Прямоугольные, однообразные и глухие, они являются как бы костяком, обраставшим пестрыми лоскутами домов и усадеб, как основа и ствол той жизни стяжания и накопления, которая здесь некогда текла.

Лабаз – это основа и «орудие производства» для крепкого купца и кулака города, а ворота, очевидно, – традиционный способ подчеркнуть свое богатство, солидность и, так сказать, «отвести душу» неко-

торым бесполезным украшательством (помимо, конечно, их охранной роли). Кирпича на ворота не жалели; громадные массивные столбы и арки ворот, целиком кирпичные, на добротном цементе, дали бы материала на целый небольшой кирпичный домик. Есть ворота поменьше и побольше, погрузнее и полегче – по достатку и размаху, но все они, как и большинство кирпичных сплошных заборов, ограждающих усадьбы, увенчаны коваными железными решетками. Решетки незамысловаты и довольно однообразны: это стиль 1890-1900-х годов, распространенный по России в церквах, гостиных дворах и лабазах, из квадратных и круглых прутьев, с приваренными кругами и завитками, с коваными острыми наконечниками, крашенные в зеленую краску (именно в зеленую – так везде, по всей России выкрашены решетки, металлические двери и ставни церквей и лабазов). Кирпичные заборы вполне под стать ансамблю: массивные, полуметровой и более толщины, разделанные с неуклюжим однообразным щегольством, допускаемым кирпичной кладкой.

Дома значительно менее выразительны, и кирпичных целиком, «городского» типа зданий – почти нет: либо рубленые необычные крепкие домики с чисто остроганными и крашеными бревнами, либо полукаменные, с таким же бревенчатым жилым верхом. Очень крепко построенные, теплые и удобные дома, с хорошими, основательно покрашенными полами, массивными дверьми десятисантиметровой толщины, плотно входящими в проемы с глухим грохотом, напоминающим отдаленный пушечный выстрел. Все делалось без затей, но не спеша и предельно добротно, на всю жизнь, удобно и просто. Удобно, но не везде: провинциальные архитекторы с трудом обходились без темных проходных сеней, сараистых холодных пристроек, излишне высоких, непроветриваемых глухих чуланов и прочих подобных аксессуаров, неразлучных с русским дореволюционным провинциальным бытом.

Украшением домов служат только многоярусные карнизы с простой, но приятной резьбой, такие же или более замысловатые наличники, да железные кружева – оторочки водосточных труб (характерное для Урала очень изящное украшение). Внутри домов – пузатые балясины пышных балюстрад и лестничных перил.

Помолиться обитатели этих домов, конечно, любили; в городе было порядочно церквей, пара из них осталась до сего времени – грузных, некрасивых но таких же невероятно-добротных и крепких. Но все это церковно-монастырское царство совсем не характерно для Шадринска, и в противоположность городам верхнего Приволжья (Ры-

бинск – Углич – Ярославль), где церкви – на первом месте, драпируют, прикрывают собой кирпичное, торговое царство, здесь лабазный город отодвигал церкви в сторону, к берегу Исети, и заслонял собой.

Лабазы – ворота – заборы – навесы на кирпичных столбах; кованые ставни и решетки. Все здесь не старинное, с 1870-х до 1900-х годов, преимущественно в 1890–1900 годах строенное, и все – в одном, очень однородном стиле, как будто строен весь город был одной артелью, одним подрядчиком (да так оно, наверное, и было). По крайней мере преемственность строений – несомненна. И выстроено на редкость чисто и добротно, как будто не амбар купчине строили, а божий храм, на триста лет поставленный. Кирпич замечательный – не найдешь нигде треснутого, выкрошившегося, слишком пережженного или недожженного, нет кирпичей-уродов, камень добротный, вечный…

Но это – Шадринск прошлого, живущий теперь в своих долговечных материальных формах, наполненных новой сущностью или медленно умирающих – медленно, ибо город мало развивался в промышленном отношении, да и слишком уж крепка старая кладка заборов и лабазов! Сейчас сюда эвакуировались заводы, и каждый день, проходя по заснеженным улицам, замечаешь неожиданно «прозревшие» глухие фасады лабазов: пробиты проемы, вставлены рамы, это уже цех какого-нибудь производства.

По тихим улицам с грохотом едут на больших листах котельного железа (русская смекалка плюс условия военного времени!) тяжелые станки и прессы, влекомые трактором. Их сгорбленные темные корпуса еще покрыты мелом и бурой заводской пылью совсем других мест – Белоруссии, Подмосковья, Украины; они, как и люди, не скрывают своего вынужденного нерадостного странствования и, как люди, ждут момента, чтоб приняться за свое привычное и нужное дело. Целые вереницы заснеженных станков безмолвно ждут своей очереди близ железнодорожной ветки, оттеснив нехитрые поленницы дров соседних домишек – а в городе уже пыхтят и пускают кольца дыма многочисленные «движки» маленьких электростанций, вдохнув жизнь в корпуса новых цехов. Новые, непривычные звуки поднимаются над городом, и на рынках справные зауральские колхозные бабы в полушубках с любопытством рассматривают нервных быстрых людей в замасленных комбинезонах, покупающих молоко, гусей, картошку. Украинская, татарская, белорусская речь вмешивается в неторопливые деревенские разговоры. Город теперь живет и ночью: светятся окна заводов, полыхают огни в горячих цехах, ревут гвоздильные автоматы, вытесненные теперь с Урала

более важными производствами, грузятся сырье и продукция. А утром – снова видишь: появились свеженькие столбы электропередачи, уральцы мудрят над старым купеческим домом, пристраивая наверху баки для мазута. Так на глазах, военными темпами в тихом Шадринске вступает в строй промышленная армия СССР, и эти изменения неотвратимо и бесповоротно меняют облик города лабазов и широких снежных улиц.

Барнаул

Сентябрь 1943 г.

Барнаул – зеленый город. Он расположен в низине, начинаясь от места впадения речки Барнаулки в Обь, поднимаясь постепенно по обоим берегам Барнаулки, по пескам, среди тополей, которыми обильно обсажены улицы и многолетние сады и парки города. Песок с удивительной непосредственностью вылезает на поверхность улиц и домов, есть улицы, где в песке увязает по ступицу колесо и дома стоят одиноко и, кажется, неустойчиво среди песчаного моря. К тому же город взбирается одной частью на самый верх огромной, вытянутой песчаной дюны, господствующей над низиной.

По утрам в ясные рассветные часы над долиной Барнаулки, над старой частью города, с постройками елизаветинских времен и рыночной площадью, долго висит плотная пелена тумана – там сыро, холодно и темно. А поднимись на один из песчаных склонов – и, оказывается, воздух сух и тепел, и видишь ясное свежее солнце, вставшее из-за Оби.

Эта особенность позволяет Барнаулу быть довольно сухим в осеннюю и весеннюю серую пору и легко переносить дожди: чуть глянуло солнце – все высохло в несколько минут. Правда, в летнюю жару удушливо и знойно среди этих песков, особенно когда закручивает их резкий ветер с реки.

Не везде, однако, песок и сушь – в низине, где некогда был большой заводской пруд, остался глинистый пылеватый слой, легко разбухающий и образующий стойкие солидные лужи с черной грязью по краям. А рядом, всего одной улицей выше – песок и сухо…

За Барнаулкой, после крутого подъема по лестнице, попадаешь на высокое плато, откуда город виден весь – внизу, среди однообразной тополиной зелени. Вон там вдали, на берегу Оби – элеватор, его величественные серые башни господствуют над этой частью города; немного ближе деловито дымят трубы городской электростанции, фанерного завода, хорошо видны крупные низкие строения старого Барнаула – бывшие заводские «магазины», госпиталь, реальное училище; еще

ближе – какие-то бесформенные остатки бывшего медно- и серебро-плавильного завода Демидовых, первопричины и родоначальника города Барнаула. Глаз выделяет среди зелени городского сада нескладное, много раз перестроенное здание городского театра (его задний фасад безобразен своей грубой утилитарностью), претенциозные неуклюжие каменные здания торговой части города вокруг зеленых незаметных павильонов колхозного рынка. Вдали – свежее и элегантное своими формами новое здание крайисполкома, вместе изящное и величественное. И совсем вдали, на горизонте, на такой же возвышенности песчаного плато на другом конце города – силуэты высоких водонапорных башен железнодорожной станции, трубы многочисленных предприятий среди деревьев – все тех же светло-зеленых неровных тополей.

Здесь на высоком, овеваемом воздухом треугольном плато, обрывающемся на север к Барнаулке и городу, а на восток – к Оби, расположен парк культуры и отдыха. Сейчас, осенью, он пуст и заброшен; несколько пустых павильонов да пустые песчаные дорожки, обсаженные мелкими деревцами – это все, в чем выражается стиль этого парка, и не в этом его прелесть: сделав всего сотню шагов, выходишь на мощный обрыв берега и под собой, в 70–80 метрах внизу, видишь Обь, необъятно раскинувшуюся вправо и влево, а ее низкий противоположный берег так же безгранично уходит вдаль, покрытый ровной однообразной цепочкой леса, низкорослого, мелкого, как кажется отсюда.

Обь здесь течет медленно, среди песчаных отмелей холодного, серо-зеленоватого оттенка (невольно вспоминаешь веселые золотистые пески Оки и Волги!), которым даже яркое солнце не может сообщить теплых, радостных тонов, а в пасмурный осенний денек от них веет холодом и какой-то свинцовой каторжной тоской, подчеркиваемой их безлюдьем и пустынностью. На берегу Оби кое-где в протоках между отмелями приткнулись плоты, отдельные бревна, остовы полуразрушенных или недостроенных барж, изредка пропыхтит катерок или буксир, тянущий баржу с дровами. Грустно, что такая широкая и полноводная река используется мало, как-то с пренебрежением. Думается на этом обрыве хорошо. Неподалеку находится надгробный памятник уроженцу Барнаула писателю Ядринцеву, к сожалению, полуразрушенный и забытый, а расположен он в красивом и вольном месте! (Этот памятник барнаульские толстосумы и меценаты воздвигали с великими потугами и скандалами в начале XX века – сколько было пролито чернил в местной прессе!)

По ступенькам – опять вниз, в город. Только тому, кто вырос в русском деревянно-тесовом провинциальным городе, может быть так приятно, как мне сейчас, ступать ногами по упругим доскам тротуаров, обходя выпавшие доски, балансируя там, где от тротуара осталась лишь худенькая доска, и неустанно глядя себе под ноги. Хорошо! – но не в темную осеннюю ночь, когда пустяковая выбоина или обрыв высокого дощатого тротуара может стоить вам сломанной ноги или руки. Постепенно привыкаешь к географии тротуаров и в темную пору полагаешься на полуподсознательную память, подобно лоцману на капризной и опасной реке… Старый тротуар – из широченных полуметровых досок, прибитых навечно гвоздями ручной ковки; новый – из досок пожиже, скрепленных машинными гвоздями.

Чуть в сторону от Оби и центра, где много каменных домов торгового или чиновного стиля, начинается стихия деревянного города. Серия улиц Прудских, Алтайских, Тобольских и прочих – это симфония деревянных рубленых стен и тесовых, в два слоя, добротных кровель серого от времени цвета. Лес здесь – с алтайских гор, сплавом по быстрым Бие и Катуни, это розово-коричневая от времени сосна, без единого сучка или порока в чистом бревне, из которых строено большинство домов. Ставни, по-сибирски запирающиеся на ночь болтами, деревянные массивные заборы, засыпанные землей толстые завалинки у домов. Сейчас город готовится к зиме, почти у каждого дома – по нескольку бревен, исподволь в свободное время распиливаемых на дрова. Помню, так же бывало на реке Вятке, во времена моего детства в некогда бывшей слободе Кукарке (ныне город Советск). Но там это были бревна как бревна, доступные обыкновенным человеческим и лошадиным усилиям, а здесь – колоссальные, до метра в поперечнике, исполинские обрубки: на дрова идет лес, по своим размерам непригодный для распиловки и строительных нужд. Вот и возятся из вечера в вечер хозяева у этих гигантских комлей, откалывая от них полено за поленом, такая своеобразная сибирская картина…

Старинный комплекс зданий Барнаула четко локализован вокруг бывшего пруда; позднейший торговый город – тоже, поодаль, ближе к причалу, над Обью; да и самый современный, связанный с текстильным комбинатом и его поселками – тоже отдельно, как маленький кусочек какого-нибудь заводского рабочего московского района.

Но все эти различные по возрасту и облику ансамбли взаимно проникают друг в друга, переплетаются: здесь город напоминает сокращенное, провинциальное издание Свердловска или Новосибирска,

а на окраинах постепенно, но уже ощутимо окружая его подковой, прижимая его к Оби, растут новые заводы-гиганты, спеша дать свою продукцию фронту; На рыночной площади в бараках живут теперь харьковские тракторостроители и киевляне, создающие свои украинские заводы на сибирской земле.

Из путевых заметок

Каждый из провинциальных городов нашей необъятной Родины имеет свое особенное лицо, хотя и кажется, когда проезжаешь мимо них, особенно в серые, русские, осенние дни, что все они очень похожи. Порядочно довелось мне странствовать по городам и городишкам Руси – именно Руси, так как по роду моей работы ни на Украину, ни в Белоруссию я не попадал иначе как проездом, охватывая их часть из окна вагона.

Тихий безлюдный Углич, город бесчисленных пустынных церквей, заросших травой, и зеленых глухих улиц; красиво но как-то праздно возвышающийся над Волгой. Прозаические Кимры и Калязин, заполненные рядами однообразных мещанских деревянных домов, беспорядочно сбегающих к низким берегам Волги. Деловой, грязноватый Рыбинск, со множеством новых заводских районов, ломающих прежнее торговое лицо города. Красивый и все еще старинный Муром, на широкой и тихой Оке, со спокойными старыми монастырями и садами в овражках у реки. Текстильное будничное Орехово – торф, картофельные поля и грязные корпуса бывших морозовских мануфактур, досель главенствующих над городом.

Уральские города – особый мир. Огромный Свердловск, где могучие новые корпуса, детища первых пятилеток, грубо раздвигая собой деревянную и каменную кашу домов дореволюционного Екатеринбурга, придают городу двойственный, контрастный вид. Молотов, сохранивший в центральной части отпечаток старого чиновного и культурного центра, но уже обросший мощными заводскими поселками. Серая деревянная Лысьва над обширным прудом, вокруг нагроможденного в кучу, окутанного дымом и паром старого завода-гиганта. Старые уральские заводские поселки, в узких долинах над заводскими прудами, у старинных заросших плотин – Юрюзань, Катав-Ивановск, Новая Утка и другие. Наконец – Зауралье: среди черноземных равнин стоящие Ирбит, с жирной, черной как уголь, почвой, с полуразрушенным торговым центром – бывшей ярмаркой, и Шадринск – город каменных лабазов и глухих купеческих усадеб.

В коллекции сибирских городов есть у меня Иркутск – неуютный, нерадостный, с редкой хвойной зеленью над холодной свинцово-зеленой Ангарой, все еще хранящий отпечаток центра каторжного края; Усолье – с глухими тесовыми дворами, сонный и справный городок на высоком песчаном плато у Ангары; угольное, беспорядочное и бессонное Черемхово среди однообразных и скудных сибирских порослей.

И, наконец, осень 1942 года обогатила коллекцию еще двумя городами – сибирской столицей Новосибирском и Барнаулом. Новосибирск, как и Свердловск, имеет два лица, два профиля, плохо совмещающихся, хотя его гигантские постройки уже более удачно расположены и объединены в ансамбль, образуя красивые центры – оазисы современности, среди зеленых тополей бульваров и парков. А старый Новониколаевск противопоставляет им свои шеренги крепких еще двухэтажных деревянных домов.

* * *

Киров; Чебоксары; Сарапул; Уфа; Мичуринск; Горький; Канаш (город, безуспешно и беспомощно занимающий пространство между живущей напряженной жизнью железнодорожной станцией и крупным новым заводом с его поселком); Балашов, пыльный городок, отвернувшийся от зеленой долины Хопра и тянущийся к железнодорожной станции, в степь; Мичуринск – в садах и влажных зеленых лощинах; Владимир – классический образ старинного русского города, все еще стройно и четко просвечивающего сквозь позднейшую стройку; Бузулук…

О всех них – маленьких, больших – хочу написать когда-нибудь не спеша и ласково, как пишут иногда о своих героях романисты, на минуту забыв о цифрах и датах, отмечая внутренние контрасты и яркие черты, а прежде всего – общие впечатления, неповторимые и запоминающиеся даже при кажущемся внешнем сходстве.

S.A. Kovalev

ART SKETCHES – ETUDES ABOUT SMALL CITIES OF OUR MOTHERLAND

The sketches written in 1939–1943 are devoted to the cities where S.A. Kovalev designed the location of industrial enterprises (including those evacuated from the western regions of the country). They characterize architectural images and city life of Lysva, Shadrinsk, Barnaul, and some other cities.

К.А. Павлов

ХВАЛЫНСК: ОПЫТ КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ В РАМКАХ ПРОГРАММЫ «ГЕНИЙ И МЕСТО»

Великий мир российской провинции умирает в очередной раз. Умирает не окончательно, трансформируясь, но многое в подобной трансформации сродни смерти. Не только деревни и села, но и сами города с некогда звучными и звучащими именами продолжают неуклонно терять население, прежде всего молодежь, превращаясь большей частью в сезонные дачные поселения.

Вопреки рапортам о росте экономических показателей и благосостояния населения, в провинции неснижающимися темпами продолжаются процессы депопуляции территории, разрежения сети населенных пунктов. Попутно идет процесс гиперконцентрации населения в экономических центрах. Российская деревня не только в Нечерноземье, но и в более благодатных с позиций агроклиматических условий районах в своем привычном (условно традиционном) виде доживает последние десятилетия. Безвременность, неопределенность, вырванность из исторического, географического, экономического и социально-поведенческого контекста – вот основные признаки, характеризующие повседневную жизнь малых провинциальных городов России.

Современные трансформации имеют две выраженные ипостаси – экономическую и социально-ментальную, произрастающие из одного корня, безусловно, тесно связанные, но не детерминирующие друг друга.

Решение экономических проблем – задача первоочередная и более глобальная, которая не может ограничиваться рамками территориальной общности. В то время как для преобразований в ментальной сфере и адаптации к внешним социальным трансформациям любая территориальная общность имеет внутренние резервы и возможности.

Для многих провинциальных городов и территорий важным фактором, работающим на восстановление историко-географического контекста и преодоление синдрома безвременья, становятся ассоциативные ландшафты – символы и образы, указывающие на избранность, необычность данного места, на те из его особенностей, которые могут стать предметом гордости и смысловой (идейной) осью самоидентификации территориальной общности.

Моделирование и популяризация (но не профанация) ассоциативного ландшафта – один из доступных и малобюджетных способов идейно-ментальной и поведенческой организации территориальной общности, способ адаптации к новейшим социальным трансформациям, к выработке позитивного поведенческого императива, экологического мышления, повышения степени резистентности к деструктивным влияниям и т.п.

Работа по выявлению особенностей и моделированию ассоциативного ландшафта была проведена сотрудниками сектора гуманитарной географии РНИИ культурного и природного наследия в рамках проекта «Гений и место» на примере города Хвалынска Саратовской области. В качестве действующих лиц были избраны К.С. Петров-Водкин, его творческое наследие (литературное, графическое, живописное) и город Хвалынск в контексте окружающего его природного ландшафта.

Горы на равнине

Кто сказал, что Русская равнина – это плоскость? Абсолютные отметки, редко где превосходящие 300 м над уровнем моря, еще не отражают сути. Ведь сравнительно небольшие перепады высот явились главной причиной того, что житель Русской равнины очень хорошо рефлексирует рельеф, вертикальное измерение ландшафта. Относительные превышения, едва достигающие сотни метров, он уже именует горами, не отличая их лексически от грандиозных хребтов крупнейших горных систем мира.

Большая часть Приволжской возвышенности, особенно ее восточный склон, ниспадающий к Волге, издавна воспринималась как горы. И в том не было никакой метафоричности. Щучьи, Ундорские, Сенгилейские, Жигулевские, Чернозатонские, Хвалынские, Змеевы горы… Их плавно перетекающие друг в друга гряды сопровождают течение великой реки на всем ее субмеридиональном участке.

Горы для Хвалынска – важнейшая особенность пейзажа, ландшафта, его семантико-ассоциативного поля. Они заботливо окаймляют «свой» домашний мир, локализуя пространство малой Родины, отделяя его визуально и ментально от остальной страны. Именно Хвалынские горы стали местом рождения сферической перспективы, во многом определившей специфику творчества нашего героя.

К.А. Павлов

Город снаружи

К югу от города Сызрани, перекатываясь длинными пологими волнами, тянутся поля, большей частью возделанные, где золотисто-соломенный аспект пшеницы, перемежается с пестреющими желто-зеленым разливами подсолнечника. Местами бывшие сельхозугодья пустуют, и на поля постепенно возвращается растительность изначальной красочно-ковыльной степи.

Дорога сворачивает в лес, закладывает петли, огибая сопки меловых гор, после чего пологим косогором спускается к городу, прижатому к разливу «Волжского моря». Лес и горы – хорошо ощущаемый визуальный, природный и семантический буфер, обособляющий Хвалынск от Большого мира. Нетривиальное природное окружение замечательным образом локализует город: «за горами, за лесами, за широкими морями…» – это как раз про него, только горы невысоки, леса не слишком дремучи, а море рукотворно.

Зачастую хочется в повествовании почувствовать себя художником-экспрессионистом и, густо зачерпнув краски, крупными мазками запечатлеть то, что бросается в глаза, первые яркие образы, в которых тесно переплетено визуальное и ассоциативное. Даль, мел, солнце, море, провинция, безмерно далекий непривычный горизонт…

Город, возникший и развивавшийся между Горой и Водой и тяготевший в историческом прошлом к последней, стал сухопутным, несмотря на открывающиеся многокилометровые водные просторы.

Вода воспринимается именно как море – не река, не водохранилище, а море… Причем море декоративное, бутафорское, иллюзорное, будто явленное под действием древних тектонических сил плейстоценовых времен, то самое знаменитое Хвалынское море, редуцировавшее ныне до размеров современного Каспия, вернувшееся в древние берега.

Между городом и морем – унылого вида бетонная дамба, на которой оборудовано нечто вроде набережной, излюбленного места вечерних променадов. Собственно, именно дамба своим существованием и внешним видом всячески подчеркивает чуждость современного Хвалынска измененной Волге. Сегодняшний Хвалынск город не приволжский. Это город, оторванный и отгороженный от реки, отвернувшийся от нее. Дамба – как Великая Китайская стена[1] ограждающая «поднебесную» Хвалынска от окрестного хаоса. Волга – уже

[1] Показательное сравнение, приведенное в беседе местным художником Серовым.

даже не граница, она вне города, это чужое пространство, пространство осквернённое, за которое стыдно, которого страшно.

Когда идешь по набережной, очень сильны метафизические ощущения осиротевшей пустыни, пустынного фронтира, форпоста ойкумены. В сознании происходит парадоксальное смешение антонимических понятий «пустыни» и «моря»: визуально видимый водный разлив эйдетически воспринимается как окаймляющая город пустыня. Череда панельных домов, обращенных уродливыми фасадами на «море», закрывает город от потока горячего ветра, укрепляя в вышеизложенной мысли.

Закат хлебной торговли, затем постройка Саратовской ГЭС, еще позднее – отмена пассажирских рейсов речного транспорта и, наконец, практически полное прекращение судоходства в последние годы шаг за шагом отдаляли город от Волги, что привело к еще одному парадоксу: вопреки своему географическому положению, Хвалынск – город не волжский.

Показателен случайно услышанный разговор в автобусе, где одна пассажирка, глядя на широкий разлив и прибрежную тину, говорит: «Совсем заросла Волга, совсем в болото превращается, гниет вода». Усилившаяся после затопления абразия продолжает рушить берега, образуются мели, заносится фарватер, цветет вода. Местные жители купанию в водохранилище предпочитают пруды на оврагах, в урочище Черемшаны или на Первой плотине. Оно и неудивительно: в городе есть всего лишь один маленький пляж, да и тот по сути находится уже за городом, на территории, принадлежащей базе отдыха «Ривьера», а оживляющий ветер лишь изредка относит зеленоватую слизь водорослей, уступая место чистой воде.

Ощущение неживой реки-моря, видовой декорации (вроде холста в каморке папы Карло), на фоне которой происходит действие теперь уже исключительно сухопутной жизни Приволжья – одна из наиболее ярких черт культурного ландшафта современного Хвалынска.

По вечерам на дамбе можно встретить рыбаков; в ведре у одного – крохотный ершик, «кошкина радость», у другого – пять литров воды. Волга обезрыбела. Это поразительно, но поймать леща здесь считается удачей, сом уже редкость, а осетровых никто не видел много лет.

Визуально Хвалынск город сиротливый: из восьми храмов, некогда организовавших архитектурное пространство и формировавших индивидуальный силуэт города, остался только один, но и тот утратил колокольню и пятикупольное завершение. В результате – лишен-

ная вертикальных доминант застройка, и, как следствие, неорганизованное архитектурно-визуальное пространство не смотрится даже вопреки наличию немалого числа достойных построек. Минарет мечети, пожарная каланча, портовый кран на дебаркадере и труба котельной – вот и все господствующие вертикали в городе, причем каждая из них настолько незначительна, что играет лишь локальную роль.

Интересен практически полностью сохранившийся с начала XX в. ансамбль застройки центральной части Советской улицы, а также отдельные дома и особняки на улицах Красноармейской, Ленина, Революции в местах их пересечения перпендикулярными улицами, направленными от гор к Волге. Необычные типы построек, и прежде всего декоративных элементов, указывают на «южное» происхождение города. Среди характерных черт исторически ранней хвалынской архитектуры можно отметить следующие: многие дома-срубы выполнены в полбревна и поставлены на довольно высокие каменные подклети. «Полубревенчатая» технология строительства имела двойной смысл: с одной стороны, достигалась 50-процентная экономия древесины, с другой – внутри сруба получались ровные тесаные стены. Многие каменные особняки и общественные здания постройки начала XX в. являются замечательными образцами провинциального модерна и псевдорусского стиля. Особенно колоритны особняки Чертухина, Солдаткина, бывшая кондитерская Кекселя.

Обращает на себя внимание широкое распространение ставен, специфика каменного и деревянного декора. Так, например, многие усадебные дома Хвалынска имеют наличники, декорированные не резьбой, а токарными элементами, в частности очень характерен зародившийся в Хвалынске мотив «троесвечника» как символа Троицы.

Город изнутри

В центре открытой к Волге горной подковы, несколько в стороне от транзитных путей, расположился город Хвалынск – небольшой (около 14 тыс. жителей), тихий провинциальный городок, заключенный природным окружением и человеческой волей в свой локализованный микромир. Город со славным прошлым, которое некоторых представителей территориальной общности не оставляет равнодушными к настоящему и будущему. Город неяркий, но по-своему милый и, как и многие другие места России, не избежавшие преобразований советского времени, – город обезглавленный, обезличенный, обездушенный…

Как часто бывает в провинции, региональная идентичность и «идея избранности» территории в Хвалынске поддерживаются и питаются не массовым сознанием обывателей, а немногочисленной, но деятельной и пассионарной частью территориальной общности. Это околокультурная по роду занятий часть населения, сочетающая энергию, позитивный местечковый патриотизм, доходящий до искреннего умиления. Идея малой родины К.С. Петрова-Водкина – организующее знамя этой группы, музей – ее штаб.

Известно, что многие малые города России на исходе XX в.стали местами притока большого количества мигрантов из числа русскоязычного населения бывших союзных республик. Как правило, это был ценнейший человеческий ресурс, в котором так нуждалась и нуждается обезлюдевающая провинция. К сожалению, в большинстве случаев малые города становятся для мигрантов перевалочными пунктами, опорными базами для «штурма» экономических центров. Во многом такое положение обусловлено как недальновидной политикой местных властей (в том числе и бюрократией), так и отсутствием реальной адаптационной программы на региональном уровне. Отсутствие возможности приложения своих знаний и навыков, достижения бытового и экономического благополучия приводит к апатии. Вместо того чтобы стать новой малой родиной для мигрантов из республик бывшего СССР, провинциальный город рассматривается ими как вынужденное временное место проживания. С подобной ситуацией приходится сталкиваться во многих малых городах Центральной России и Поволжья, и Хвалынск в этом ряду не исключение.

До сих пор несколько обособленной частью территориальной общности являются татары, проживающие довольно компактно на месте бывшей татарской слободки, ныне улиц Верхняя Слободка, Горная и др.

Летний Хвалынск – место отдыха «у бабушек» для детей из Димитровграда, Саратова, Самары. Обилие детей и молодежи на городских улицах, на набережной Волги, на окрестных прудах создает видимость «пены жизни». Именно «пены», так как впечатление это довольно иллюзорное и, полагаю, сезонное, лишенное тренда развития, ибо немногие из вступающих во взрослую жизнь думают, а главное, хотят связать свою судьбу с родным городом. У более зрелого населения прослеживается ощущение ностальгии по прошлому и отсутствия конструктивного будущего: взгляд обращен назад, а мысли полны сожаления об утраченном. Ночной ветер приносит с гор запахи полыни и чабреца, легкий печальный всплеск волжской волны вторит безотрад-

ному естественному течению истории, нашептывающему об обреченности города, которому будущее готовит судьбу дачного поселения.

Есть одно место, посещение которого как точный индикатор отличает провинцию от «городов-космополитов», – это рынок. Его атмосфера, виды людей, ассортимент товаров могут многое поведать о месте. Красив рынок Хвалынска в базарные дни (по четвергам и воскресеньям). Длинным коридором стоят ведра с вишней, ягодами, жерделями; огурцы, помидоры, небольшие местные дыни, свежая волжская рыба, правда, неожиданно мелкая. Особенно колоритны мясной ряд, ряд с медом, молочный ряд с тазиками сметаны и творога, эмалированными кастрюльками сливок. Волнующая, знакомая по детским воспоминаниям атмосфера настоящего рынка, где складываются личностные отношения между производителем-продавцом и покупателем.

При знакомстве с любой территориальной общностью особое значение имеют случайные встречи (правильнее их назвать случайнознаковыми). Запрограммированную внезапность подобных встреч я бы охарактеризовал как необходимое условие методики культурно-географического исследования вообще. Как правило, субъектами таких случайностей становятся уникальные люди, очень точно передающие сущность места. Неспроста в Хвалынске этими людьми оказались художники. Будучи людьми искусства, мыслящими далеко не исключительно материальными категориями, они привносят и укрепляют в культурном ландшафте города *идею избранности и благодатности места*, его особой энергетики, привнесенной в ландшафт *гениями из места* – Елатонцевым, Петровым-Водкиным, отчасти Борисовым-Мусатовым. Genius loci современного Хвалынска, парящий над степными холмами, непременно должен иметь среди своих атрибутов мольберт, палитру и кисти.

Ежегодно в город съезжаются региональные художники на так называемые Хвалынские пленэры, многие становятся завсегдатаями данного мероприятия, некоторые перебираются в город если не насовсем, то хотя бы как дачники. Город окутывается тонкой прозрачной вуалью особой творческо-богемной атмосферы. «Я не могу прожить дня без новой картины», – говорит в беседе со мной местная художница, женщина средних лет, пышущая энергией. Не является ли подобная «графомания» наиболее ярким проявлением энергетики места, энергетики *гения места*, созданной (или многократно усиленной) энергетикой *гения из места.*

Декларативная ставка в современном развитии экономики города и района делается на туризм, что является стандартным положени-

ем в программах регионального развития многих малых городов России, обладающих живописным окружением и сравнительно близко расположенных к крупным городам и городам-миллионерам. В качестве основного довода, как обычно, приводится искренне-утопическое заявление: «Ах, у нас так красиво, вот сейчас к нам приедут богатые люди и оставят уйму денег».

Не умаляя значительности рекреационного потенциала Хвалынска, все же следует признать, что при настоящем уровне инфраструктуры, маркетинга и управления перепрофилирование градообразующей базы в сферу туризма видится малореальным. Хотя очень значимый шаг в этом направлении был сделан после модернизации, а фактически – нового строительства горнолыжного комплекса. Однако небольшой горнолыжный комплекс, имеющий в своем арсенале всего лишь две трассы и функционирующий даже при благоприятных погодных условиях не более четырех месяцев в году, вряд ли может рассматриваться в настоящее время в качестве «градообразующего предприятия».

Национальный парк «Хвалынский» развивается и функционирует лишь по ему понятным схемам и достаточно слабо интегрирован в общегородскую среду. Имеющиеся ресурсы культурно-познавательного туризма, базирующиеся прежде всего на идее малой родины К.С. Петрова-Водкина, кроме как в картинной галерее дополнительно никак не афишируются и рассматриваются особняком, т.е. вне контекста ландшафта (природного, городского, культурного, ассоциативного).

К сожалению, приходится констатировать, что в Хвалынске наблюдается несвязанность и разрозненность точек и идей роста. Администрация, музей, национальный парк, горнолыжный комплекс как субъекты туристической индустрии по сути должны выработать единую программу популяризации и развития рекреационной сферы города, но пока этого не происходит – между ними висит завеса непонимания и разобщенности. В качестве методологической платформы для сопряжения усилий вышеназванных субъектов может рассматриваться идея ассоциативного ландшафта, связующая историю и современность, пейзаж и культурное наследие.

Вернакулярность историческая и современная

В Хвалынске вплоть до настоящего времени неплохо сохранились представления о внутренней дифференциации пространства города и ближайших окрестностей; особенно удивительно, что назва-

ния многих вернакулярных районов сохранились исторически, в то время как в большинстве малых городов Центральной России вернакулярность, как правило, является функцией современной и редко живет на протяжении нескольких поколений. (табл. 1 и 2).

На горах

Считается, что Хвалынские горы амфитеатром объемлют город и его окрестности. Хотя при более пристальном наблюдении здесь легко различить два цирка, сходящихся к хребту горы Каланча. Южный, меньший по площади, простирающийся до урочища Черемшаны, наполнен старыми, местами уже ассимилированными лесом яблоневыми садами, полями кабачков, красочными остепненными луговинами, богато пахнущими полынью, донником, чабрецом, шалфеем. Кое-где проступают ослепительные на солнце крутые склоны меловых осыпей, не имеющие сплошного растительного покрова, за исключением поросли бедренеца камнеломки, куртин тимьяна (чабреца, богородской травы) и «шишек» синеголовника.

Северный цирк-подкова в диаметре превышает 5–6 км. Начинаясь от вдающегося в долину Волги голого хребта Каланчи и вздымаясь широкой каймой степных взлобий, опушенных сосновым и широколиственным лесом, он тянется через меловые обрывы карьеров горы Богданиха до горнолыжного комплекса и заканчивается урочищем Таши и Федоровским бугром, покато ниспадающим к Волге. В центре северной подковы, между «морем» и двумя горами – Поповой (127 м), приближенной к центру города, и Каланчой (223 м), находящейся на его юго-западной окраине, лежит город.

На горах, к югу от города, мел местами уступает место песчаникам и кварцитам. Желтые цветы цмина и ракитника оживляют ковыльную степь. Интересно, стоя на вершине, наблюдать перетекание аспектов – с выжженных соломенного цвета склонов на зеленоватые, в зависимости от экспозиции. Полынь, чабрец и шалфей, раскаленные полуденным солнцем, щедро отдают воздуху эфирные масла.

С высоты открывается необъятная ширь. Разогнавшийся над просторами «моря» ветер будто надувает крылья, и с господствующих высот (будь то Поповой горы, Каланчи или Трех Сестер) внутренний мирок Хвалынска представляется пространством для левитации. Позиция наблюдателя воспринимается как зависание в воздухе. Широкий окоем и непривычная циркорамность видов захваты-

вают дух, пьянят воображение. На этих особых позиционных точках ландшафта при желании действительно можно уловить и сферичность горизонта, и изогнутость Волги в вертикальной плоскости[2]. И сферичность совсем иного, не планетарного масштаба – так, сферически изгибаясь по изволокам, уходит вдаль колея дороги, периодически скрывающаяся от глаза. И от этого перенапряжения восприятия рождается экзистенциальное чувство собственного растворения в мире и актуализации мира внутри себя.

Взгляд проникает в глубь гор по долинам ручьев, которые здесь именуются ключами, видимо потому, что берут начало из ключей, бьющих у подножия залесенных склонов. Горы большей частью покрыты лесом, преимущественно замечательными чистыми липняками с кленом и вязом, реже встречаются раскидистые многоствольные березы или мощные меловые сосны, стволы которых среди дубравы смотрятся несколько инороднее, будто оставшиеся отдельные колонны разрушенного античного храма. Хвалынские леса достаточно обширны и дремучи. Но, к слову сказать, знаменитых коренных меловых боров на горах осталось немного, в основном они сохранились на крутых, более засушливых склонах южной экспозиции. На счастье, нам удалось набрести на подобное насаждение в глубине леса: мощные кряжистые стволы, сероватые книзу, медно-золотые вверху, с толстой подстилкой опавшей хвои, разреженным подлеском, выжатым послеполуденным солнцем хвойно-смолистым сосновым духом. Кроме того, отдельные участки суборей[3] и сосновые боры встречаются в окрестностях горы Богданихи и горнолыжного курорта, но они не менее чем на три четверти представлены позднейшими рукотворными посадками. В сосновые насаждения и коренные леса вдаются отвершия долин и балок, с разнотравными луговинами, которые используются под сенокосы, а местами и выносные огороды-заимки.

Практически из любой точки «северной подковы» видно бельмо изъязвленной карьером горы Богданиха, где вплоть до последнего

[2] «…Я увидел землю как планету… Очертя глазами весь горизонт, воспринимая его целиком, я оказался на отрезке шара, причем шара полого, с обратной вогнутостью, – я очутился как бы в чаше, накрытой трехчетвертьшарием небесного свода. Неожиданная совершенно новая сферичность обняла меня на этом затоновском холме. Самое головокружительное по захвату было то, что земля оказалась не горизонтальной и Волга держалась, *не разливаясь* на отвесных округлостях ее массива, и я сам не лежал, а как бы висел на земной стене» (*К.С. Петров-Водкин.* «Пространство Эвклида»).

[3] Преимущественно сосновый лес с подлеском (с примесью ели, дуба и других древесных пород) на супесях или легких суглинках.

Таблица 1. Вернакулярные районы Хвалынска

Название района	Этимология названия	Локализация	Исторически проживавшие сословия	Современное бытование, комментарии
1	2	3	4	5
Маяк	Сторожевая башня первопоселенцев береговой части Сосновки	Северная часть центра города Коммунистическая – юг; Северная, ул. Маяк – север	Рыбаки	Бытует по настоящее время. По вечерам на Маяке ловят рыбу
Горка (изначально Маркина горка)	Небольшая, но четко выраженная в рельефе горка в западной части Хвалынска. По фамилии офицера-первопоселенца Маркина	Левый берег Винного ключа. Ул. 1 Мая – восток; Виноградная – юг; Горная – север	Ремесленники	Бытует
Центр	Центральная часть исторического и современного Хвалынска	Коммунистическая – север; Республики – запад; Достоевского, Чернышевского – юг	Купцы, чиновники	Бытует
Репьевка	Пустыри, заросшие татарником (бодяком)	Республики – восток; Володарского – юг; Бол. Пролетарская, Стенина – север	Район более позднего заселения	Бытует
Бодровка	По прозвищу или фамилии первопоселенца	Ленина – восток; Крылова – север; Горького – юг	Кузнецы, мордва, занимавшиеся отхожим промыслом	Бытует
Малафеевка	По имени или фамилии первопоселенца	Ленина – запад; Крылова – север; Горького – юг	Земледельцы	Не бытует
Вольновка	От «вольницы», считалась поселением разбойников.	Ленина – запад; Урицкого – север; Крылова – юг.	Бурлаки, грузчики	Не бытует

Таблица 1 (продолжение).

1	2	3	4	5
Камышинка	От Камышинского ключа (ручья)	Республики – запад; Чернышевского – север; Урицкого – юг	Хлебопеки	Не бытует
Затон	Затон Волги	Затон Волги с побережьем, разделявший Вольновку и Малафеевку	–	Бытует. Ныне пристань парома, место стоянки лодок
Крестовоздвиженская площадь (ярмарочная)	По названию церкви	Ленина – восток; Володарского – север; Крылова – юг	–	Не бытует и не сохранилась. Проводились ярмарки
Попова гора	Название получила по имени Василия Попова, на средства которого была построена церковь на кладбищенской горе	Северо-западная часть города	–	Бытует. На горе находятся два кладбища: православное и мусульманское, мечеть, вышка ретранслятора
Слободки	От татарских слобод	Слободы примыкающие к Поповой горе с юга и запада	Татары, коновалы, тряпичники, земледельцы	Бытует, локализация несколько изменилась
Кучугуры (Кочегуры)	Так в Поволжье называют изрытое неровное место, оползневой склон	Южный склон Поповой горы, спускающийся к району «Маяк»	–	Бытует
Плотина	Местное искажение слова Плотина	Плотины на Винном ключе. Различают Первую, Вторую и Третью. Нумерация идет вверх по течению	–	Летняя городская рекреационная зона

Таблица 1 (окончание).

1	2	3	4	5
Ривьера	От названия базы отдыха	Северная часть города, приближенная к Волге между Маяком и Маслозаводом	–	Бытует. Современное название. Рекреационная зона с единственным в городе пляжем, используется преимущественно приезжими, местные предпочитают Черемшанский пруд и пруд на Первой плотине.
Маслозавод	Район расположения Маслозавода	Самый северный район города, за Ривьерой	–	Бытует. Современное название

Таблица 2. Вернакулярные районы в окрестностях Хвалынска

Название района (местности)	**Этимология названия**	**Локализация**	**Современное бытование, комментарии**
1	2	3	4
Каланча	Высокая гора с хорошим обзором	Находится на юго-западной оконечности города	Бытует. С южной стороны под горой старообрядческое кладбище
Громовая гора	Именно с юго-запада, т.е. из-за горы в Хвалынск приходят грозы.		Второе название Каланчи. Почти не бытует
Федоровский бугор	От названия села Федоровка	Высокий бугор, покатым склоном опускающийся в Волгу. Северная граница «хвалынской ойкумены»	Бытует
Таши	От татарского «таш» – «камень»	Горное урочище, локализуется между горнолыжным комплексом и Федоровским бугром; замыкает с севера панораму «хвалынского амфитеатра»	Бытует

Таблица 2 (окончание).

1	2	3	4
Три Сестры	Три меловых безлесных вершины, издали похожи друг на друга	Высочайшие вершины урочища Таши	Бытует
Цыганский дол	Предание о стоянке цыган, разбойников	Лог-долина за урочищем Таши и Федоровским бугром	?
Богданиха	По имени легендарного разбойника Богдана	Одна из доминирующих Хвалынских гор, на северо-запад от города. Гора с меловым карьером. Через Богданиху идет дорога на Сызранский тракт	Бытует
Гора Беленькая	По цвету меловых осыпей	?	Бытует
14 братцев гор	14 вершин по окоему	Горы «хвалынского амфитеатра» между Богданихой и Черемшанами	?
Святой источник		Километрах в 3-х к западу от города у подножия лесной гряды Хвалынских гор. Один из истоков Винного ключа	Бытует. Имеется церковь (часовня), купальня
Черемшаны	Этимология неоднозначна см. с. 533.	Урочище в Хвалынских горах около 6 -7 км к юго-западу от города	Бытует. Исторически – место расположения старообрядческих скитов, позднее монастырей. Ныне базы отдыха, рекреационная зона
Катина гора	По имени легендарной разбойницы Катерины	Лугово-степной холм неподалеку от урочища Черемшаны (перед санаторием «Родник»)	Бытует (узко)
Красулинка	От Красулинского ключа, Изначально от слова «красивый».	К югу от города, неподалеку от Катиной горы	Не бытует. Место загородного дома-мастерской К.С. Петрова-Водкина
Ровня	От прилагательного «ровный»	Ровное плато Приволжской возвышенности, находящееся за горами, к западу от гор	Не бытует

времени добывали чистейший писчий мел; отвалы карьера изобилуют окаменелостями белемнитов, морских губок. Со склона, превращенного карьером в безлесный отвесный уступ, открывается вид на окрестности города: видно, как лес, отделенный узой степной полосой, переходит в плодово-ягодные сады, объемлющие дискретным полукольцом город и выводящие непосредственно к его околице. Если добавить немного абстракции, то на примере Хвалынска можно рассмотреть явление модели «изолированного государства» И. Тюнена – столь хорошо здесь читается концентричность зон землепользования, обусловленная, правда, не столь экономическими причинами, сколь орографическим фактором.

Яблоневые сады Хвалынска, с их знаменитыми анисом, «черным деревом» и «скрутом», в свое время не меньше, чем зерно и Волга, помогли городу стяжать славу и известность. В августе город жил яблоками. «В это время все запахи стираются одним: идите в горы, поезжайте на остров – всюду не покидает вас аромат перевозимых, переносимых, укрывших обе наши базарные площади яблок». Многие тысячи пудов фрукта, заботливо уложенные в лубочные короба, отправлялись от хвалынской пристани вниз и вверх по Волге. Обширные сады сохранились и по сей день. Старые – с кряжистыми полусухими деревьями на дальних подступах к городу – частично ассимилированы лесом, но, судя по всему, сохранили легендарные хвалынские сорта. Во всяком случае только в них в конце июля можно было встретить яблоко, радующее если не внешним видом, то хотя бы вкусом. В новых же садах, возможно, из-за смены сортовой специализации, в ходе которой были интродуцированы более поздние крымские сорта, ничто не радовало ни глаз, ни зуб. Яблоневые сады мозаично перемежаются с полями кабачков, насаждениями сливовых и вишневых деревьев. И если август – время яблок, то июль – вишни, которая для современного Хвалынска является столь же ярким символом.

Черемшаны

Представление о культурном ландшафте Хвалынска будет не полным, если не упомянуть о некоторых знаковых местах, лежащих за пределами города, но постоянно упоминаемых. Одно из них – это урочище Черемшаны.

Черемшан[4] (со слов местных жителей) означает «черный, нестроевой лес», иначе говоря, черемшанами здесь (а вероятно, и вообще в Поволжье) называют нагорные урочища широколиственного леса, который резко отличается от меловых боров и по внешнему виду (в ландшафтном плане), и по хозяйственному использованию (в плане экономическом).

Урочище Черемшаны, расположенное на склонах Хвалынских гор в 7 км к юго-западу от города, было известно как местонахождение старообрядческих скитов, преобразованных в конце XIX в. в знаменитые Черемшанские старообрядческие монастыри. После упразднения в начале 1920-х гг. монастырей и разгона монашествующих в Черемшанах, которые с чьей-то легкой руки получили название первых и третьих, были учреждены дом отдыха и пионерский лагерь. И до сего дня специализация сего места остается неизменной – несколько баз отдыха и популярная рекреационная зона для хвалынцев и приезжих в окружении горных дубрав – широколиственных лесов из липы и клена остролистного с примесью вяза, дуба, осины, американского и татарского клена. Единственное, что поменялось, – урочище Черемшаны, вошедшее в состав национального парка «Хвалынский», стало одним из ключевых элементов исторически и сакрально ассоциативного ландшафта Хвалынска.

Архетипы и символы[5]. Метафизика города

Летописная история Хвалынска начинается с 1556 г., когда земли Соснового острова (находившегося напротив и чуть выше по течению современного города) и прилежащие к ним акватории были дарованы Иваном Грозным московскому Чудову монастырю для ведения рыбного промысла.

На Сосновом острове возникло рыбацкое поселение, но, учитывая, что большая часть острова затапливалась во время полово-

[4] Этимология слова «Черемшан», которое вследствие широкого употребления в Поволжье можно считать нарицательным, весьма спорна и затруднительна. Есть несколько основных версий, заслуживающих внимания. Принятая за основную изложена в тексте. Не менее убедительной видится и такая: «лес, где растет черемша», т.е., как правило, широколиственный лес. Возможные родственные слова: черемный, черемша, черемуха.

[5] В духе нового времени, с его любовью к появлению брендов, в Хвалынске рождаются новые бренды-символы, в которых заключена коллективно-бессознательная гордость местных жителей: горнолыжный курорт, хвалынские пельмени. Но поддерживаются и старые: кабачковая икра, черемшанские соки. Хотя и икра, и соки отменным качеством уже не радуют.

дья, спустя полвека в 1606 г. поселение перекочевало на правый берег Волги на место современного города, став именоваться Сосновкой. На протяжении последующих трех с половиной веков Город и Остров были неразрывно связаны хозяйственно и ментально, вплоть до 1967 года, когда в связи с постройкой Саратовского водохранилища Сосновый остров прекратил свое существование. Но его образ по сей день является значимой особенностью культурного ландшафта города, породив довольно богатый пласт внутренней мифологии.

В памяти многих поколений хвалынцев Остров всегда был тем изначальным местом, которое дало городу жизнь, своего рода благословляющим праотцем, одушевленным существом, отношение к которому зиждилось на любви и священном благоговении. «Вечный остров» – под таким именем он упоминается в автобиографических повестях К.С. Петрова-Водкина. В этом словосочетании – и человеческое отношение, и слышимая лишь теперь горькая ирония.

Для старожильческого населения современного Хвалынска остров Сосновый стал местным воплощением целого ряда архетипов. Прежде всего с островом связана идея «Земли обетованной». Для немолодого поколения хвалынцев – это душа и житница города, это символ старого Хвалынска, места богатого, щедрого доброго. Остров – это кормилица, известная своими огородами, где на иловатых почвах сажали огурцы и овощи, где копали картофель «размером с голову», где косили и ставили тучные стога сена, где по озерным протокам, когда спадала вода, на перекатах руками ловили крупную рыбу, а вдоль берегов на километры тянулись пляжи белого песка. Архетип светлого прошлого, золотого века, утраченного рая. Образ острова – как голос из прошлого, как аргумент тупикового пути развития города, как глубокая ностальгия, отчасти по причине которой город будто бы утратил историческую укорененность, завис в безвременье.

Пожилой мужчина, коренной хвалынец, рассказывает об острове, и я чувствую, как дрожит и ломается его голос, на глазах наворачиваются слезы. А ведь прошло более 40 лет, но яркий образ, образ-ассоциация, хранящий и унесший душу истинного Хвалынска, города на истинной Волге, которая вряд ли когда-то вернется, – продолжает жить в людской памяти. Из затопленного острова проистекает некая идея-аналогия Хвалынского Китежа, благословенного места, сокрытого водами, но продолжающего свою жизнь. Это не произносится вслух, но хорошо ощущается между слов – ожидание чудесного подъема-возвращения острова, а вместе с ним – возвращения изобильной и счастливой жизни.

Идея исчезнувшей и возвращающейся земли, цикличности исторического времени перекликается с идеей сферичности пространства – возможно, важнейшего смыслового образа Хвалынска.

Сферичность происходит из покатых гор, цирков-амфитеатров, объемлющих город, из выгибов проселка, идущего по взлобьям волжской дали, возможно лишь усилившейся и более акцентированной после постройки Саратовского водохранилища, из лежащего за ней бесконечно удаленного, едва, но заметно выгибающегося горизонта. Физиономические черты ландшафта окрестностей Хвалынска во многом обусловили появление сферической перспективы, привнесенной и разработанной К.С. Петровым-Водкиным.

В Хвалынске действительно несложно «увидеть землю планетой», ощутить себя оказавшимся внутри «полого с обратной вогнутостью шара», почувствовать разом всю планету, несущуюся в безграничье космоса.

…Восход луны. Приплюснутый, будто растянутый по горизонту, красно-розовый диск восстает из сизого марева, как зарево пожара в заволжских степях. И сизоватый недвижимый разлив Волги видится единственной преградой, за которой начинается космос…

Гений и место, вместо заключения

Интересно жить и приятно верить в изначально положенную различность мест, невещественную предрасположенность, эмоциональную индивидуальность, незапланированное и неосознанное направление бытия территории, рационально необъяснимую, но ощущаемую и находящую материальные и исторические подтверждения фабулу места. Высказанные положения совсем не новы и на протяжении тысячелетий присутствуют в универсуме человеческой культуры. Древние связывали это явление с присутствием Genius loci – духа места, понимая под этим особую сущность, связующую интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой.

Развивая эту тему и пытаясь увязать появление и судьбу творческой личности с особенностями территории (культурного ландшафта), его породившими, можно предположить, что время от времени происходит чудесное воплощение силы, сущности, эмоциональных обертонов «гения места» в «гении из места». Иными словами, творческая личность, выросшая в окружении «кормящего» ландшафта и впитавшая его, становится выразителем невещественного Genius loci.

В дальнейшем гений из места сам по себе становится активным (воздействующим) ассоциативным символом, способным идейно организовать территориальную общность, наделить место особой харизмой, чертами «избранности», «силы» как для разного рода профессиональных (творческих) групп, так и для местного населения.

Выбор Хвалынска как поля для изучения проблематики «Гения и места» оказался очень удачным. Благодаря богатому живописному и литературному наследию К.С. Петрова-Водкина элементы ассоциативного ландшафта приобретают здесь главенствующую роль в формировании образа города, его культурного ландшафта, жизненной среды.

В обыденной жизни мы склонны мыслить преимущественно материалистическими понятиями и недооценивать роль символов и ассоциаций. Меж тем в непростые переходные периоды роль воздействия «символической» составляющей, в том числе и на объективно-материальные стороны жизни, заметно возрастает. Особое значение данный подход приобретает в условиях ограниченного финансового и административного ресурса.

В случае с Хвалынском Гений из места, его наследие, образы ассоциативного ландшафта могут рассматриваться в качестве одного из факторов, формирующих чувство малой родины, генетической и исторической укорененности в ней. Это одно из условий создания той базовой платформы, которая порождает неравнодушие к собственному краю, к населяющим его людям, к его истории и его будущему и служит особой ментальной основой, оттолкнувшись от которой можно думать, планировать, строить позитивное будущее.

Июль – ноябрь 2008 г.

K.A. Pavlov

THE TOWN OF KHVALYNSK: AN EXPERIENCE OF CULTURAL-GEOGRAPHICAL STUDY UNDER THE «GENIUS LOCI» PROGRAM

The article deals with the experience of cultural-geographical study of a territory by the example of the town of Khvalynsk (Saratov oblast). Modern cultural landscape of the town and its vicinity are described; special attention is given to the role and interaction of visible (material) and invisible (semantic and associative) elements of cultural landscape. The problem of landscape-creative person interactions is mentioned. Various ways of territory representation are described, i.e. through perception of the author, through a creative person – Genius loci, through a prism of consciousness of local community representatives or by means of analyzing the topological constructs and sustainable cultural archetypes.

ХРОНИКА

А.А. Агирречу

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ КОВАЛЕВСКИХ ЧТЕНИЙ

Комиссия социальной географии, географии населения и поселений Московского отделения РГО – одно из основных подразделений столичного отделения Русского географического общества провела первое свое заседание в декабре 1945 г., практически одновременно с учреждением Московского филиала Географического общества СССР. В разные годы она носила названия – Комиссия географии населения и городов (1945–1963), Комиссия географии населения (1964–1982)[1], Комиссия географии населения и поселений (1983–1996). Современное название Комиссии появилось осенью 1996 г.[2]

На протяжении более чем 65-летней истории работы Комиссии ее возглавляли ведущие ученые в области социально-географических исследований – профессора Р.М. Кабо (1945–1952), В.В. Покшишевский (1952–1956), В.Г. Давидович (1956–1978), С.А. Ковалев (1978–1982), Б.С. Хорев (1983–2000). На протяжении последних 12 лет Комиссию возглавляет профессор А.И. Алексеев.

Комиссией был организован ряд всесоюзных и региональных конференций и совещаний по географии поселений и населения. С годами тематика интересов Комиссии расширилась и включила вопросы социальной географии, изучение сферы услуг и сферы потребления, демографические вопросы и т.д., что и отражалось на изменении ее названия. Традиция проведения ежегодных Ковалевских чтений в честь профессора географического факультета МГУ Сергея Александровича Ковалева (1912–1997) появилась спустя год после его кончины не случайно.

Деятельность С.А. Ковалева в рамках МФГО – Московского филиала Географического общества СССР (позднее – Московского центра РГО) была многогранна и плодотворна. Он был активным участником заседаний Комиссии (один из первых докладов на тему «Некоторые вопросы географического изучения сельского расселения» был им сде-

[1] В 1960–1970-е гг. в рамках МФГО СССР одновременно функционировал семинар по урбанизации, организованный И.М. Маергойзом.

[2] Здесь и далее исторические факты по деятельности комиссии приводятся по материалам архива Московского Центра РГО (календарные планы и др.), а также по статье: *Хорев Б.С.* Обзор работы Комиссии географии населения и городов МФГО СССР (1945–1957 гг.) // География городских и сельских поселений / Вопросы географии. Сб. 45. – М.: Географгиз, 1959. С. 227–245.

лан в 1948 г.), возглавлял Комиссию на рубеже 1970–1980-х гг., участвовал в работе других подразделений и Президиума МФГО СССР. На протяжении 18 лет Сергей Александрович был председателем редакционной коллегии научных сборников МФГО СССР «Вопросы географии» (1964–1982 гг.)[3], «приняв эстафету» от основателя серии Н.Н. Баранского (в связи с его кончиной) и передав ее профессору Г.М. Лаппо.

Спустя два месяца после кончины С.А. Ковалева (в январе 1997 г.) в Лекционном зале Московского центра РГО на ул. 25-го Октября состоялось мемориальное заседание памяти Сергея Александровича, на котором его ученики и коллеги выступали с воспоминаниями об учителе и коллеге. Ученик С.А. Ковалева, профессор Тверского госуниверситета А.А. Ткаченко сделал сообщение на тему «*Творческое наследие С.А. Ковалева: предварительные результаты изучения*». Участники мемориального заседания (А.И. Алексеев, Ж.А. Зайончковская, О.А. Евтеев, Г.М. Лаппо, Д.Н. Лухманов, С.Н. Раковский, А.Е. Слука, А.Л. Устаев, Б.С. Хорев и др.) выступили с воспоминаниями о Сергее Александровиче, отметили его выдающуюся роль в развитии отечественной науки и в формировании научной школы социальной географии. На этом заседании присутствовала вдова С.А. Ковалева – Лариса Александровна.

А спустя год, в марте 1998 г. состоялись 1-е Ковалевские чтения – научное мероприятие, проводимое с тех пор ежегодно в середине марта (день рождения С.А. – 7 марта) Комиссией социальной географии, географии населения и поселений Московского центра (с 2010 г. – МГО) РГО совместно с кафедрой экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Традиционно программа чтений включает три научных доклада (в 2001 и 2003 гг. – два, в 2002 и 2012 гг. – четыре, из них один, посвященный юбилею С.А. Ковалева), с которыми выступают коллеги, ученики Сергея Александровича, а также ученики его учеников. За 15 лет на Ковалевских чтениях было заслушано 45 докладов.

Двадцать докладов было сделано сотрудниками, аспирантами, старшекурсниками кафедры экономической и социальной географии России. Более половины докладов – представителями ряда научных и образовательных учреждений Москвы и других городов России, занимающихся проблемами, близкими к многогранной тематике исследований Сергея Александровича. Наибольшее число докладов было сделано сотрудниками академических институтов РАН – Института

[3] Под руководством С.А. Ковалева было подготовлено и выпущено 59 сборников (с 66-го по 124-й).

географии, Института народнохозяйственного прогнозирования и др.). На Ковалевских чтениях также выступали представители других высших учебных заведений, как столичных – Московского педагогического гос. университета, Института демографии Высшей школы экономики, Российского нового университета, так и ученые региональных университетов – Тверского и Чувашского.

Среди докладчиков – подавляющее большинство выпускники кафедры экономической и социальной географии России разных лет, многие из которых являются учениками Сергея Александровича.

Ежегодно в заседаниях Ковалевских чтений принимало участие от 25 до 45 человек (в юбилейных чтениях 2012 г. участвовало около 70 человек) – студенты, аспиранты, сотрудники географического факультета МГУ, представители географической общественности Москвы, коллеги из смежных направлений исследований, а также из региональных географических центров. Доклады всегда завершались обсуждением их тематики. Некоторые из выступавших в дискуссиях по тому или иному докладу в своих выступлениях (прежде всего Г.М. Лаппо) проводили глубокое обобщение услышанного.

После запланированных докладов и их обсуждения коллеги и ученики Сергея Александровича вспоминали о наиболее ярких моментах взаимодействия с ним, подчеркивали и раскрывали актуальные на сегодняшний день аспекты из научного наследия ученого.

В 2003 г. на 6-х Ковалевских чтениях состоялась презентация книги *С.А. Ковалева* «Избранные труды» (Смоленск: Ойкумена, 2003).

Тематика подавляющего большинства научных докладов на Ковалевских чтениях, носивших как теоретический, так и прикладной характер, охватывала современные актуальные проблемы отечественной географии населения и социальной географии.

Значительная их часть была посвящена проблемам миграции населения, взаимодействию городской и сельской местности, трансформации территориальной организации сельской местности в постсоветский период, российскому крестьянству. Серия докладов была связана с проблемами развития городов и урбанизации в нашей стране. Этнические и религиозные аспекты социального развития населения страны также не раз звучали в выступлениях участников чтений. Несколько докладов было посвящено историко-географическим исследованиям.

Географическое распределение тематики докладов охватывало как всю Россию, так и отдельные ее регионы и города (Москва и Мос-

ковский столичный регион в целом, Центральная Россия, Тверь и районы Тверской области, Оренбургская область). Кроме того, некоторые сообщения были посвящены проблемам и особенностям развития населения Украины, адаптации российских немцев в германское общество, проблемам французской миграции.

Пятнадцать лет – немалый срок для ежегодного научного мероприятия, которое уже имеет свои традиции, является своеобразным репером научной экономико-географической жизни в первый весенний месяц года. Будем надеяться, что добрая традиция Ковалевских чтений будет продолжена и в дальнейшем.

Хронология Ковалевских чтений: 1998–2012 гг.

1-е Ковалевские чтения (17 марта 1998 г.)

1. ***Зайончковская Ж.А.*** (*Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН*) «Миграционная ситуация в постсоветской России».

2. ***Зубаревич Н.В.*** (*Географический ф-т МГУ*) «Социальное развитие регионов России в 1990-е гг.».

3. ***Сусаров А.И.*** (*Географический ф-т МГУ*) «Этнодемографические процессы в регионах России с 1989 г.».

2-е Ковалевские чтения (18 марта 1999 г.)

1. ***Рыбаковский Л.Л.*** (*Ин-т социально-политических исследований РАН*) «Этническая гомогенность русских: общее и региональное».

2. ***Алексеев А.И., Зубаревич Н.В.*** (*Географический ф-т МГУ*) «Урбанизация и сельская местность в России в 1990-е гг.».

3. ***Сафронов С.Г.*** (*Географический ф-т МГУ*) «Структура современного конфессионального пространства России».

3-е Ковалевские чтения (14 марта 2000 г.)

1. ***Лухманов Д.Н.*** (*Ин-т географии РАН*) «С.А. Ковалев – Человек и Учитель».

2. ***Кашепов А.В.*** (*Ин-т макроэкономических исследований Минэкономразвития России*) «География рынка труда».

3. ***Павлов К.А.*** (*Географический ф-т МГУ*) «Бывшие столицы верховских княжеств – современный культурный ландшафт».

4-е Ковалевские чтения (20 марта 2001 г.)

1. ***Филатов А.Н.*** (*Географический ф-т МГУ*) «Трансформация территориальной организации населения в сельской местности Центральной России в 1990-е гг.».

2. ***Раковский С.Н.*** (*Московский пед. гос. ун-т*) «Положение населения в современном мире».

5-е Ковалевские чтения (19 марта 2002 г.)

1. ***Лаппо Г.М.*** (*Ин-т географии РАН*) «Слово о С.А. Ковалеве».

2. ***Лухманов Д.Н.*** (*Ин-т географии РАН*) «Сельское расселение Европейской России в XX в.».

3. ***Ткаченко А.А.*** (*Тверской гос. ун-т*) «О процессе социологизации и элементах общей теории социально-экономической географии».

4. ***Сафронов С.Г., Краснослободцев В.П.*** (*Географический ф-т МГУ*) «Территориальная организация социальной инфраструктуры в равнинных и предгорных районах Алтайского края».

6-е Ковалевские чтения (18 марта 2003 г.)

1. ***Гладкевич Г.И.*** (*Географический ф-т МГУ*) «Природные условия России и качество жизни населения».

2. ***Богданова Л.П.*** (*Тверской гос. ун-т*) «Социально-географическая оценка результатов этнических миграций (на примере г. Твери)».

7-е Ковалевские чтения (23 марта 2004 г.)

1. ***Гордон А.В.*** (*Ин-т научной информации по общественным наукам РАН*) «Судьбы крестьянства в XX в.».

2. ***Вендина О.И.*** (*Ин-т географии РАН*) «Москва: от социальной стратификации к геттоизации городской среды».

3. ***Силантьев Р.А.*** (*Межрелигиозный совет России*) «Эволюция политического ислама в России».

8-е Ковалевские чтения (15 марта 2005 г.)

1. ***Москальков С.П.*** (*Географический ф-т МГУ*) «География фронтовых безвозвратных потерь Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне».

2. ***Савоскул М.С.*** (*Географический ф-т МГУ*) «Российские немцы: образ Германии и интеграция в германское общество».

3. ***Митин И.И.*** (*Географический ф-т МГУ*) «Мифогеография: от комплексных географических характеристик к пространственным мифам».

9-е Ковалевские чтения (14 марта 2006 г.)

1. ***Гольц Г.А.*** (*Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН*) «Пути совершенствования моделирования социально-экономических процессов в регионах».

2. ***Махрова А.Г.*** (*Географический ф-т МГУ*) «Роль рынка жилья в трансформации расселения Москвы и Московской области».

3. ***Краснослободцев В.П.*** (*Географический ф-т МГУ*) «Территориальная подвижность сельского населения в постсоветской России».

10-е Ковалевские чтения (27 марта 2007 г.)

1. ***Зайончковская Ж.А***. (*Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН*) «Мобильность городского населения России».

2. ***Зубаревич Н.В.*** (*Географический ф-т МГУ*) «От географии сферы обслуживания – к географии сектора услуг: что может география?».

3. ***Сидоренко А.А.*** (*Географический ф-т МГУ*) «Информационное пространство регионов России».

11-е Ковалевские чтения (25 марта 2008 г.)

1. ***Любовный В.Я., Ускова Ю.А.*** (*Ин-т макроэкономических исследований*) «Интеллектуальный потенциал городов России как важнейший фактор перехода экономики на инновационный путь развития».

2. ***Трифонова З.А.*** (*Чувашский гос. ун-т*) «Типология центров национально-территориальных образований России по величине социально-культурного потенциала».

3. ***Титков А.С.*** (*Ин-т региональной политики*) «Аграрный вопрос и Государственная дума в начале XX века: проблемы географии выборов».

12-е Ковалевские чтения (10 марта 2009 г.)

1. ***Акимов А.В.*** (*Ин-т востоковедения РАН*) «Долгосрочный прогноз численности населения мира и обеспеченности населения природными ресурсами».

2. ***Махрова А.Г.*** (*Географический ф-т МГУ*) «Трансформация расселения в Московском регионе в постсоветский период».

3. ***Мкртчян Н.В.*** (*Ин-т демографии ГУ-ВШЭ*) «Миграционная подвижность населения молодых возрастов и сдвиги в возрастной структуре населения городов и районов России (1989–2002 гг.)».

13-е Ковалевские чтения (16 марта 2010 г.)

1. ***Радвани Ж.*** (*Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук в Москве*) «Проблемы адаптации мигрантов во французское общество: вчера и сегодня».

2. ***Флоринская Ю.Ф.*** (*Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН*) «Трудовые мигранты в Московском регионе (на примере памирской диаспоры)».

3. ***Аверкиева К.В.*** (*Географический ф-т МГУ*) «Адаптация этнических мигрантов в Оренбургской области».

14-е Ковалевские чтения (15 марта 2011 г.)

1. ***Регент Т.М.*** (*Российский новый ун-т*) «Становление миграционной политики в России».

2. ***Степанов В.В.*** (*Ин-т этнологии и антропологии РАН*) «Перепись населения 2010 г.: наука, бюрократия, политика».

3. ***Землянский Д.Ю.*** (*Географический ф-т МГУ*) «Моногорода России: современные проблемы и перспективы».

15-е Ковалевские чтения (27 марта 2012 г.)

1. ***Алексеев А.И.*** (*Географический ф-т МГУ*), ***Ткаченко А.А.*** (*Тверской гос. ун-т*) «О Сергее Александровиче Ковалеве».

2. ***Зайончковская Ж.А.*** (*Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН*) «Дискуссии вокруг миграционной политики России».

3. ***Зубаревич Н.В.*** (*Географический ф-т МГУ*) «Доходы, бедность и неравенство в регионах России: мифы и реалии».

4. ***Аверкиева К.В.*** (*Географический ф-т МГУ*) «Трансформация сельского расселения Нечерноземья (на примере Торжокского района Тверской области)».

A.A. Aguirrechu

FIFTEEN YEARS OF KOVALEVSKIE READINGS

Article is devoted to the scientific readings which are carried out by the Commission of social geography, geography of the population and settlements together with department of economic and social geography of Russia of geographical faculty of the Moscow State University annually on S.A.Kovalev's birthday. Kovalev played a significant role in development of the Moscow center of Geographical society. The full chronology of Kovalevskie readings is given.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАБОТЫ С.А. КОВАЛЕВА 1928–1929 гг.

Наши западные соседи и их вооруженные силы

С каждым годом увеличивается возможность войны против СССР, подготовляемой империалистами. Перед угрозой возможного нападения на Советский Союз каждый трудящийся его должен знать – кто же именно готовится к вооруженному нападению на нас, каковы силы и средства наших врагов.

Крупные империалистические державы – Англия и Франция хотя и стараются вызвать распад и гибель СССР, но сами не собираясь пока на нас нападать, всячески поддерживают и готовят к войне граничащие с нами на западе государства – Польшу, Румынию, Финляндию, Латвию и Эстонию.

Самым большим и самым враждебным СССР из этих государств является Польша.

Польша имеет 29 млн чел. населения, хорошо развитую промышленность и сельское хозяйство и могла бы стать богатой страной, если бы не ее непосильные вооружения.

Третья часть всех расходов Польши (33%) идет на военные нужды (СССР, например, тратит на оборону только 12% расходов), а на каждого человека приходится 8,5 руб. в год военных расходов (у нас только 4 руб. в год). В соответствии с большими военными расходами, численность польской армии достигает 292 тыс. чел. в мирное время, а в военное время Польша предполагает иметь армию в 1,5–2,0 млн солдат.

В будущей войне военная техника: пулеметы, артиллерия, ядовитые газы, самолеты – будет иметь очень большое значение, и, зная это, Польша стремится к наибольшему вооружению своей армии именно этими орудиями борьбы.

Уже во время империалистической войны для отравления противника применялись ядовитые газы, но эти газы выпускались по ветру, так что их можно было избежать и защититься от них было довольно легко.

В будущей же войне газы, в бомбах, будут сбрасываться с самолетов, причем современные самолеты «бомбовозы» могут везти груз в 8–10 тонн бомб, лететь со скоростью 100–150 км в час и в течение нескольких часов уничтожить все живое. Направляя такие эскадрильи самолетов на важнейшие промышленные и транспортно-узловые

центры, противник может нанести стране огромные поражения с одновременным уничтожением сотен тысяч человеческих жизней.

Артиллерийские орудия на тракторах подъезжают сейчас куда нужно с большой скоростью и открывают огонь на 120–150 км. В дополнение к этому изобретается «электрическая пушка», которая сможет стрелять на целых 600 км.

Теперь польская армия, при поддержке Франции, богато снабжена всем этим: пулеметами, орудиями; польский воздушный флот состоит из 350–400 самолетов.

Большое значение имеет проводимая в Польше «военизация» населения – там имеется около 560 тыс. членов разных «Стрелецких союзов», «Союзов обороны» и т.д., организованных по-военному и обучаемых офицерами.

После Польши вторым по величине враждебным СССР государством является Румыния, которая имеет в армии 220 тыс. чел., а в военное время 700–800 тыс., и расходы на нее составляют (в 1927 г.) 20% всех расходов Румынии.

После Румынии довольно серьезным противником является Финляндия, армия которой, несмотря на малочисленность (33 тыс. чел. в мирное время и 115–120 тыс. в военное) прекрасно обучена и организована по немецкому образцу, приспособлена для действия на севере (действия зимой на лыжах, в лесах и т. п.) и весьма сильна технически.

Финляндия, кроме армии, имеет еще добровольную военную организацию «Шюцкор», насчитывающую до 100 тыс. членов, вооруженных и обученных почти не хуже армии. «Шюцкор» является классовой организацией финской буржуазии и, кроме задачи – создания запаса армии, охраняет существующий порядок.

Остальные наши соседи па западе – Латвия и Эстония также враждебны нам. Обе вместе имеют армию в 35 тыс. чел.

Если подвести итоги, то оказывается, что перечисленные наши соседи имеют вместе армию в 580 тыс. чел. при общем населении в 52 млн чел., а Советский Союз, при населении в 150 млн чел., т.е. втрое большем, имеет армию лишь в 562 тыс. чел., т.е. меньшую, чем у них.

В Польше, например, на 10 тыс. населения приходится 104 солдата, а в СССР – лишь 38.

Франция является вдохновительницей вооруженного нападения на СССР и имеет сейчас самую большую армию в мире – 678 тыс. чел.

Армия ее в изобилии снабжена военной техникой, а воздушный флот насчитывающий в строю около 2000 самолетов, является наибольшим воздушным флотом в мире. Франция деятельно готовит-

ся к химической войне. Военная промышленность Франции широко развернута и в изобилии готовит средства истребления не только для французской армии, но и для армии Польши и Румынии.

Если Франция является сильнейшей на западе военно-сухопутной державой, то Англия – сильнейшей военно-морской, хотя ее с каждым годом догоняют Соединенные Штаты Северной Америки.

Военный флот Англии имеет около 1300 тыс. тонн и состоит более чем из 500 различных боевых судов. Вооружение, снабжение и подготовка английского флота до сих пор являются лучшими в мире.

В заключение небезынтересно отметить, что численность запаса военно-обученного населения составляет в нынешнем году во Франции, Англии, Италии, Японии и САСШ 20 млн чел., в то время, как в 1914 г. этот запас исчисления в 7–8 млн.

Эти цифры лучше всяких слов показывают, что Советский Союз не собирается ни на кого нападать, а готовится лишь к обороне.

С. К.

Иностранные концессии в СССР

На 1-е февраля 1929 г. в СССР насчитывается 68 действующих концессий, из которых половина – промышленных, в том числе 23 концессии обрабатывающей и 11 – добывающей промышленности, затем следуют концессии торговые в количестве 7 и промысловые (рыболовные и др.) – 6; остальными являются сельскохозяйственные, лесные, строительные и пр., концессии.

Удельный вес концессионных предприятий в СССР не представляет сколько-нибудь значительной величины. Так, если мы всю продукцию 1927/28 г. всех иностранных концессий сопоставим с продукцией этого же года цензовой промышленностью СССР, то на долю концессионных предприятий приходится лишь 0,83% всей нашей промышленной продукции. (Продукция концессионных предприятий составляла в 1927/28 г. 85,7 млн руб., а продукция нашей цензовой промышленности составляла 10 364 млн руб.).

Наибольшее количество концессий имеют у нас немцы – 12; на втором месте стоят японские концессии – 11, затем концессии САСШ – 8, английские – 7 и польские – 6. Остальные концессии принадлежат Австрии, Швеции, Чехословакии и т.д., причем каждая из этих стран имеет по 1–3 концессии.

Капитал, вложенный в концессии, на 1-е октября 1928 г. составил около 50 млн руб. В том числе в концессиях обрабатывающей про-

мышленности –18,9 млн руб., добывающей – 28,0 млн, в сельскохозяйственных концессиях – 2,0 млн, лесных – 1,0 млн руб.

Прибыль по крупнейшим концессионным предприятиям достигла в 1926/27 г. до 57% на вложенный капитал. Такая высокая прибыльность вполне понятна, потому что, во-первых, концессии сдаются лишь при условии оборудования их согласно новейшим достижениям техники, а во-вторых, концессионеры стремятся получить до окончания срока концессий наибольшую прибыль.

Так как эксплуатация рабочих у нас запрещена законом о труде, то это увеличение прибыли в наших условиях достигается также лишь путем дальнейших технических и организационных улучшений концессионных предприятий. Поэтому концессии имеют еще то достоинство, что на них мы можем (в большинстве случаев) учиться, как нужно организовывать производство.

Учитывая желательность дальнейшего увеличения числа иностранных концессий в СССР, правительство издало декрет об «активизации концессионной политики СССР» и разработало список различных отраслей нашего хозяйства, которые можно сдать на концессии.

Среди важнейших предприятий, предположенных к сдаче на концессии, нужно отметить различные отрасли городского хозяйства – трамвай, водопровод, электростанции, бойни и пр.

Этих предприятий предполагается сдать в течение 5 лет на 412 млн рублей.

Предполагаются большие концессии на разыскание и добычу цветных металлов: меди, свинца, алюминия и пр. Эти металлы мы ввозим из-за границы, и с каждым годом нужда в них увеличивается, а между тем у нас в Казахстане и Сибири имеются большие запасы их, которые необходимо точно разведать и начать их добычу.

Большое значение имеют также лесные концессии: при наших громадных лесных богатствах масса леса пропадает даром, попросту говоря, «гниет». Между тем площадь лесов в Европе и Америке с каждым годом уменьшается. Поэтому наши леса на Дальнем Востоке и в Архангельской губернии, расположенные близко к морю и удобные для вывоза за границу, являются очень выгодными для концессионеров.

Этот план рассчитан таким образом, что, если даже ни одной концессии мы не создадим – большой беды не будет, а если что удастся сдать, – мы сможем вложить лишние миллионы рублей в строительство нашей тяжелой промышленности (топливо, металл, хим. пром.) и, таким образом, ускорить ход индустриализации СССР.

С. К.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверкиева Ксения Васильевна – научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН

Агирречу Александр Антонович – к.г.н., старший научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Алексеев Александр Иванович – д.г.н., профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, председатель Комиссии социальной географии, географии населения и поселений Московского отделения Русского географического общества

Алешковский Иван Андреевич – к.э.н., старший преподаватель кафедры народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Белозеров Виталий Семенович – д.г.н., профессор, заведующий кафедрой экономической и социальной географии Северо-Кавказского федерального университета

Белозерова Любовь Павловна – к.г.н., доцент кафедры экономической и социальной географии Северо-Кавказского федерального университета

Богданова Лидия Петровна – д.г.н., профессор, зав. кафедрой туризма и природопользования Тверского государственного университета

Глезер Ольга Борисовна – к.г.н., ведущий научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН

Гужин Георгий Семенович – д.г.н., профессор кафедры экономической, социальной и политической географии Кубанского государственного университета

Дмитревский Юрий Дмитриевич (1920–2001) – д.г.н., профессор Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета, почетный член Русского географического общества

Зайончковская Жанна Антоновна – к.г.н., руководитель лаборатории анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

Зубаревич Наталья Васильевна – д.г.н., профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Ионцев Владимир Алексеевич – д.э.н., профессор, зав. кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Иоффе Григорий Викторович – к.г.н., профессор Рэдфордского университета (США)

Карачурина Лилия Борисовна – к.г.н., доцент кафедры демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Ковалев Сергей Александрович (1912–1997) – д.г.н., профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Копаев Владимир Иванович – к.г.н., работал доцентом Вологодского государственного педагогического института

Корецкая Анна Ильинична – после окончания МГУ работала в отделе районной планировки ЦНИИП градостроительства

Корнекова Светлана Юрьевна – к.г.н., доцент кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Кузнецова Светлана Николаевна – к.г.н., доцент кафедры социально-экономической географии и территориального планирования Тверского государственного университета

Лаппо Георгий Михайлович – д.г.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный член Русского географического общества

Левченков Андрей Викторович – к.г.н., доцент кафедры социально-экономической географии и геополитики Балтийского федерального университета им. И. Канта.

Лейзерович Евгений Ефимович – д.г.н.

Лухманов Дмитрий Николаевич – к.г.н., ведущий научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН

Махрова Алла Георгиевна – к.г.н., ведущий научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Мичурина Фрида Захаровна – д.г.н., профессор, зав. кафедрой отраслевой и территориальной экономики Пермской государственной сельскохозяйственной академии

Мкртчян Никита Владимирович – к.г.н., доцент кафедры демографии, ведущий научный сотрудник Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Моисеенко Валентина Михайловна – д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Павлов Кирилл Александрович – научный сотрудник Центра гуманитарных исследований пространства Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

Панин Александр Николаевич – к.г.н., доцент, зав. кафедрой картографии и геоинформатики Северо-Кавказского федерального университета

Регент Татьяна Михайловна – к.г.н., д.э.н., профессор, декан факультета экономики, управления и финансов Российского нового университета (РосНОУ), руководитель Федеральной миграционной службы России (1992–1999 гг.)

Савоскул Мария Сергеевна – к.г.н., ведущий научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Симонов Юрий Гаврилович – д.г.н., профессор кафедры геоморфологии и палеогеографии географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Слука Николай Александрович – д.г.н., ведущий научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Ткаченко Александр Андреевич – д.г.н., профессор, зав. кафедрой социально-экономической географии и территориального планирования Тверского государственного университета

Турун Павел Петрович – к.г.н., доцент, зав. кафедрой землеустройства и кадастра Северо-Кавказского федерального университета

Файбусович Эрнест Львович – д.г.н., профессор кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Флоринская Юлия Фридриховна – к.г.н., старший научный сотрудник лаборатории анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

Фомкина Александра Андреевна – студентка магистратуры факультета географии и геоэкологии Тверского государственного университета

Ханин Семен Ефимович – к.г.н. (Ганновер, Германия)

Чихичин Василий Васильевич – к.г.н., доцент кафедры экономической и социальной географии Северо-Кавказского федерального университета

Шаврин Вадим Николаевич – аспирант факультета географии и геоэкологии Тверского государственного университета

Шульгина Ольга Владимировна – к.г.н., д.и.н., заведующий кафедрой экономической географии и социальной экологии Института естественных наук Московского городского педагогического университета

Щитова Наталья Александровна – д.г.н., профессор кафедры экономической и социальной географии Северо-Кавказского федерального университета

Щукина Анна Сергеевна – к.г.н., доцент кафедры социально-экономической географии и территориального планирования Тверского государственного университета

Яковлева Светлана Ивановна – д.э.н., профессор кафедры социально-экономической географии и территориального планирования Тверского государственного университета

Научное издание

ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ
Сборник 135

География населения
и социальная география

Подписано к печати 09.04.13
Формат 60 x 90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная
Усл.печ.л 34.5
Тираж 500 экз. Заказ № 3493

Русское географическое общество
Штаб-квартира Русского географического общества в Москве
109012, Москва, Новая пл., 10, стр. 2
e-mail: rgo@rgo.ru
www.rgo.ru

ООО «Издательский дом «Кодекс»
г. Москва, Графский переулок, д. 9, стр. 2.

Отпечатано в ООО «ТИПОГРАФИЯ КЕМ»
г. Москва, Графский переулок, д. 9, стр. 2.
Тел.: (495) 933-59-00

9 785904 280307